ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

Географія, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

ТОМЪ ПЯТЫЙ

НОВАЯ ИСТОРІЯ

Революція — Контръ-революція — Борьба за національность — Освобожденіе негровъ и крестьянъ — Интернаціоналъ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ

Населеніе земли. — Распредѣленіе человѣчества — Латинскіе и германскіе народы — Русскіе и азіатскіе народы

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, приватъ-доцента Имп. СПБ. Университета

П. Ю. ШМИДТА

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

Оглавленіе.

Книга третья.—НОВАЯ ИСТОРІЯ.

(Окончаніе).

О г л а в л е н і е

Стр.

Списокъ чертежей и картъ.

Списокъ чертежей и картъ

Списокъ чертежей и картъ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ.

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

РЕВОЛЮЦІЯ.

◆◆◆

Хронологія.

Неккеръ былъ министромъ финансовъ съ 1777 по 1781 г., де Калоннъ—съ 1783 по 1787 г., Ломени де Бріеннъ съ мая 1787 по августъ 1788 г.; покинувши свой постъ, Неккеръ предсѣдательствовалъ затѣмъ при выборахъ.

1789 г. 5-го мая открытіе Генеральныхъ Штатовъ; 17-го іюня третье сословіе собирается въ Національное Собраніе; 20-го іюня принесеніе клятвы въ Жё-де-Помъ; 22-го іюня часть духовенства присоединяется къ третьему сословію; 23-го іюня король нарушаетъ требованія третьяго сословія; 27-го іюня собираются три сословія.

11-го іюля изгнаніе Неккера; 14-го іюля взятіе Бастиліи; 4-го августа уничтоженіе привилегій.

1-го и 3-го октября королева даетъ обѣдъ гвардіи; 5-го и 6-го октября выходъ изъ Парижа женщинъ, возвращающихъ королевскую семью въ Версаль.

22-го декабря раздѣленіе Франціи на департаменты; 29-го декабря первая продажа національныхъ имуществъ.

1790 г. 20-го іюня уничтоженіе титуловъ, гербовъ и мундировъ; 26-го декабря декретъ относительно гражданскаго устройства духовенства.

1791 г. 20-го іюня королевская семья арестована въ Вареннѣ; 17-го іюля республиканская манифестація разстрѣляна на Марсовомъ полѣ; 4-го сентября Законодательное Собраніе замѣняетъ Учредительное Собраніе.

Въ октябрѣ и ноябрѣ декреты противъ эмиграціи.

1792 г. 20-го апрѣля объявленіе войны Австріи; 8-го іюня образованіе лагеря революціонеровъ подъ Парижемъ; 20-го іюня народъ врывается въ собраніе и во дворецъ; 5-го іюля «отечество въ опасности»; 26-го іюля манифестъ герцога Брауншвейгскаго.

10-го августа Пале-Рояль взятъ приступомъ, король отправленъ въ Тампль, созванъ Конвентъ.

24-го августа взятіе Лонгви; 30-го августа взятіе Вердёна; отъ 2-го до 5-го сентября убійства въ Парижѣ; 20-го сентября побѣдоносная битва при Вальми.

21-го сентября провозглашеніе Республики Конвентомъ; 5-го ноября побѣда при Жемаппѣ.

6-го ноября донесеніе комитета о процессѣ Людовика XVI.

1793 г. 21-го января казнь Людовика XVI.

6-го апрѣля образованіе Комитета Общественнаго спасенія; 31-го мая парижскіе революціонеры требуютъ обвиненія жирондистовъ.

Въ сентябрѣ побѣда при Гоншоотѣ; 16-го октября побѣда при Ваттиньи; 5-го декабря (15-го фримера II-го года) Конвентъ освобождается отъ гебертистовъ и въ апрѣлѣ 1794 г. отъ дантонистовъ.

1794 г. 26-го іюля (9-го термидора II-го года) паденіе Робеспьера.

1795 г. 20-го марта пораженіе парижскихъ революціонеровъ; 20-го мая обезоруженіе предмѣстій.

5-го октября (13-го вандемьера III-го года) роялистское возстаніе въ Парижѣ подавлено войсками; 26-го октября Директорія замѣняетъ Конвентъ.

1796 г. съ февраля по августъ заговоръ и процессъ Бабёфа.

14-го апрѣля побѣда при Монтенотѣ, походъ въ Италію.

1797 г. 4-го сентября (18-го фруктидора V-го года) Директорія очищаетъ совѣты отъ роялистскихъ элементовъ.

1798 г. 18-го іюня (30-го плёріаля VI-го года) Директорія, въ свою очередь, лишается большинства своихъ членовъ.

1799 г. 9-го ноября (18-го брюмера VII-го года) государственный переворотъ Бонапарта.

Приводимъ списокъ лицъ, имѣвшихъ различное значеніе во время французской революціи:

Кондорсэ, род. близъ Сенъ-Кентена, энциклопедистъ . .	1743—1794
Лавуазье, род. въ Парижѣ, химикъ . . . . , .	1743—1794
Гойе Люсьянтъ, художн., род. въ Арагонѣ	1746—1828
Гёте, Вольфгангъ, род. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, поэтъ.	1749—1832
Годвинъ, Вилльямъ, литераторъ, род. близъ Кембриджа.	1756—1836
Бернсъ, Робертъ, шотландскій поэтъ, род. близъ Айра. .	1759—1796
Шиллеръ, Фридрихъ, поэтъ, род. въ Марбахѣ	1759—1805
Кювье, Георгій, натуралистъ, род. въ Монбельярѣ . . .	1768—1832
Шатобріанъ, литераторъ, род. въ Сенъ-Мало	1768—1848
Гумбольдтъ, Александръ, фонъ, путешествен., род. въ Берлинѣ	1769—1859
Бетховенъ, Людвигъ, род. въ Боннѣ	1770—1827
Гегель, философъ, род. въ Штуттгартѣ	1770—1831
Вортсвортъ, поэтъ, род. въ Кумберлендѣ	1770—1850
Скоттъ, Вальтеръ, романистъ, род. въ Эдинбургѣ . . .	1771—1832
Турнеръ, Джонъ, художникъ, род. въ Девонширѣ . . .	1775—1851

РЕВОЛЮЦІЯ

Идея священнаго девиза — «свобода, равенство, братство»—затерялась вскорѣ совершенно среди разоренной страны взятыхъ приступомъ городовъ.

Глава шестнадцатая.

ИДЕАЛЫ РЕВОЛЮЦІИ.—КОРОЛЕВА И КОРОЛЬ.—АРМІЯ, ДУХОВЕНСТВО И РАБСТВО. — ВОЗСТАНІЯ И БУНТЫ. — СОЗЫВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ ШТАТОВЪ.—ЖЕ-ДЕ-ПОМЪ.—БАСТИЛІЯ.—4-ОЕ АВГУСТА.—ГРАЖДАНСКІЯ ПРАВА.—ФРАНЦІЯ И ЕВРОПА.—ТЕРРОРЪ.—БАБЁФЪ.—ВОЗРОЖДЕНІЕ НАУКИ.—КАЛЕНДАРЬ.—КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ.—ГОЛЛАНДІЯ, ШВЕЙЦАРІЯ, ИТАЛІЯ.—ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЕГИПЕТЪ.—САНЪ-ДОМИНГО.

События, которыя произошли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка и получили наименованіе «французской революціи», не могли во всемъ своемъ цѣломъ осуществиться до того времени, пока не созрѣли совершенно самыя идеи революціи. Идеи вѣдь не превращаются въ дѣй-

ствія, пока не войдутъ въ сознаніе, пока не станутъ горячо желаемыми, подготовляемыми и пока не будутъ куплены цѣною огромнаго числа добровольныхъ жертвъ. Спрашивается, какая была въ этомъ мірѣ чувствъ, мыслей и представленій въ теченіе вѣка «Энциклопедіи» господствующая идея, выдѣлявшаяся и царившая надъ умами, не оставляя въ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія? Эта господствующая идея резюмирована въ знаменитой брошюрѣ Сійеса, это—«третье сословіе», т.-е. буржуазія,—она представляетъ собою все и, между тѣмъ, не считалась ни во что. По самому своему опредѣленію, третье сословіе должно было выдѣляться изъ аристократіи и духовенства и представлять собою всю націю какъ крестьянъ, такъ и рабочихъ и интеллигентныхъ людей, даже богатыхъ и не отличающихся отъ аристократіи ничѣмъ, кромѣ отсутствія генеалогическаго древа въ семейныхъ архивахъ. Однако, тѣми, кто требовалъ особенно настойчиво общечеловѣческихъ правъ, тѣми, кто съ особымъ упорствомъ называлъ себя равнымъ аристократіи и духовенству, были представители собственно буржуазіи, образовывавшіе классъ мелкихъ собственниковъ, дѣятелей промышленности и людей свободныхъ профессій.

Безъ сомнѣнія, жалкое населеніе бѣдняковъ—крестьяне, истощенные податями и барщиной, старики на костыляхъ, испитые люди, покрытые грязью и пбтомъ и питавшіеся въ годы неурожая хлѣбомъ изъ древесной коры,—всѣ эти несчастные, голодные люди имѣли также страстное желаніе улучшить свое положеніе, если бы только на это была малѣйшая надежда. Однако, для нихъ, какъ и для русскихъ крестьянъ, «до неба было слишкомъ высоко»! Идеалъ XVIII вѣка, осуществленный французской революціей, хорошо охарактеризованъ «Разбойниками» Шиллера, игранными въ первый разъ въ 1782 г. Всѣ эти «разбойники» представляютъ собою гражданъ, страстно жаждущихъ справедливости и возстающихъ противъ вельможъ, противъ суда, противъ собственности; однако, среди этихъ повстанцевъ, выдвинутыхъ неравенствомъ того вѣка, нѣтъ ни одного рабочаго, ни одного крестьянина: Шиллеръ прямо не замѣчалъ, что эти послѣдніе, подобно представителямъ буржуазіи, являются существами, до послѣдней крайности подвергавшимися эксплуатаціи [1]),—если они жаловались на свою судьбу, то никто не слушалъ ихъ жалобъ.

Такимъ образомъ, политическая эмансипація третьяго сословія, составлявшаго буржуазію,—эмансипація, которой уже желало, которую требовало огромное большинство заинтересованныхъ лицъ, сдѣлалась неизбѣжной: революція въ этомъ отношеніи должна была лишь подтвердить то, что эволюція умовъ и интересовъ уже окончательно завершила

1) Jean Jaurès, «Le Théâtre Social».

Однако, были ли на самомъ дѣлѣ требовавшіе признанія своихъ правъ представители буржуазіи республиканцами, и должна ли была ихъ побѣда повести къ побѣдѣ политической формы полнаго равенства? Ни въ какомъ случаѣ! Какъ американскія колоніи, отдѣляясь отъ Англіи, считали себя еще лойяльными, вѣрными королю, протестовали съ полной искренностью, если ихъ заподозрѣвали, и завѣряли, нисколько не кривя душою, въ своей преданности метрополіи, точно такъ же и Франція, пускаясь въ опасную авантюру возстанія, приведшую къ насильственной смерти повелителей и къ провозглашенію республики, была исполнена искренности и даже энтузіазма и совершенно роялистски настроена. Толпа даже не понимала вовсе возможности существованія общества, которое не управлялось бы повелителемъ «добрымъ» или «великимъ». За исключеніемъ очень небольшого числа людей, по преимуществу мыслителей, принадлежавшихъ къ знати и къ высшей буржуазіи, иначе говоря, къ классамъ, которые располагали настолько своимъ досугомъ, что могли составить себѣ лично представленіе о поведеніи двора,—народныя массы только и требовали, что рабскаго преклоненія предъ королемъ, и плакали отъ полноты чувствъ, когда онъ проходилъ мимо. Въ теченіе самыхъ неспокойныхъ годовъ, предшествовавшихъ 1789 г., люди, которые позднѣе отличались наибольшимъ жаромъ въ борьбѣ съ королевской властью,—люди, которые голосовали за присужденіе къ смерти «Людовика Капета», имѣли, безъ сомнѣнія, своимъ первоначальнымъ идеаломъ королевство съ его полной іерархіей, королевство, въ которомъ всякій законъ, всякая милость проистекали бы отъ трона, какъ естественнаго первоисточника. Должно, однако, было случиться такъ, что неумолимая логика событій захватила ихъ и заставила противъ ихъ собственной воли сдѣлаться республиканцами. Эшафотъ, который былъ воздвигнутъ для короля и королевы, явился въ силу случая, былъ результатомъ внезапнаго затменія и временныхъ несогласій между главнѣйшими режиссерами драмы, разыгрывавшейся на политической аренѣ, и, когда исторія пошла своимъ нормальнымъ порядкомъ, она естественнымъ образомъ привела къ возстановленію королевской власти.

Люди освобождаются отъ своихъ наслѣдственныхъ предразсудковъ лишь крайне медленно, и еще болѣе вѣка спустя послѣ революціи—названной такъ для краткости, какъ-будто она и на самомъ дѣлѣ все перевернула—можно все же констатировать во Франціи, что старинная монархическая основа и до сихъ поръ существуетъ; значительная часть такъ называемыхъ гражданъ не имѣетъ достаточно смѣлости, чтобы быть дѣйствительными гражданами. Они требуютъ себѣ повелителей, которые думали бы и дѣйствовали бы за нихъ! Если прежняя королевская власть не возстановилась, то это потому, что кандидатовъ на

власть, считая въ томъ числѣ и народныхъ трибуновъ, слишкомъ много, и они взаимно другъ друга исключаютъ. Вмѣстѣ съ отпечаткомъ королевской власти сохранилось и вліяніе церкви. Франція осталась католической, также какъ и монархической; конечно, она не признаетъ болѣе догматовъ, но она всегда преклоняется предъ авторитетомъ, вѣруетъ въ чудеса и принимаетъ готовые выводы, представляемые ей «пастырями народовъ». Въ этомъ отношеніи народъ нисколько не измѣнился или, вѣрнѣе, измѣняется лишь съ большою медленностью, путемъ перемѣщенія центра тяжести изъ высшихъ классовъ въ классы средніе, изъ аристократіи и духовенства въ буржуазію, которая становится все болѣе и болѣе многочисленной и сознающей свой умъ и свою силу.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своего существованія до революціи монархія обнаруживала полное отсутствіе мудрости, послѣдовательности и выдержки. Можно сказать, что, охваченная безуміемъ, она прямо съ охотою пускалась въ рискованныя приключенія и своею неосторожностью ускоряла день своего полнаго паденія. Марія-Антуанетта, сдѣлавшаяся французской королевой лишь для того, чтобы принимать участіе въ блестящихъ придворныхъ церемоніяхъ, въ веселыхъ празднествахъ и въ интересныхъ интригахъ, оставалась австрійской принцессой, которая заботилась объ интересахъ своего дома и совершенно открытымъ образомъ стала настоящимъ агентомъ своей матери Маріи-Терезіи и позднѣе своего брата Іосифа II; ея вмѣшательство въ политическія дѣла выставляло ее всегда на видъ; ея безумныя выходки, ея компрометирующія связи, наконецъ, этотъ позорный процессъ съ цѣннымъ колье, который показалъ, что она получаетъ драгоцѣнныя вещи изъ нечистыхъ рукъ,—все это выдвигало ее на первый планъ, обращало на нее вниманіе и такъ уже возстановленнаго противъ нее Парижа. Что касается короля, то этотъ въ основѣ своей добрый, но совершенно безвольный человѣкъ, съ большими предразсудками, допускалъ всѣ самыя непослѣдовательныя, противорѣчащія одна за другой политическія комбинаціи,—онѣ заставляли его выступать попеременно то въ качествѣ короля Франціи, то въ качествѣ супруга «австріячки», то дѣлали его филантропомъ съ самымъ чувствительнымъ сердцемъ, то чистокровнымъ аристократомъ, преданнымъ религіи и оберегающимъ всѣ древніе обычаи. Къ тому же основная сущность королевскаго достоинства отнюдь не власть, а произволъ и капризъ! Король долженъ чувствовать себя превыше всякаго права, всякаго закона, чтобы считать себя настоящимъ повелителемъ,— «самая сущность и жизнь правительства—говоритъ Мишле—заключается въ тайныхъ повелѣніяхъ объ арестѣ». Даже когда послѣ взятія Бастиліи въ февралѣ 1790 г. король былъ королемъ уже только по

имени, онъ сохранялъ все же еще свою привилегію заключать въ тюрьму каждаго, кого бы ему ни заблагоразсудилось [1]).

До 1788 г. пытки примѣнялись во Франціи по приказу короля со всею своею жестокостью. «Допросъ съ пристрастіемъ» примѣнялся гражданскими и военными судами и считался даже необходимымъ. Въ 1780 г. Людовикъ XVI принялъ посвященіе «Апологіи пытки», напи-

Малый Тріанонъ, гдѣ Марія-Антуанетта играла въ фермершу.

санной Мюйардъ де Вуглансомъ изъ Э и получившей спеціальное одобреніе папы Пія VI.

Король не только старался, насколько могъ, сохранить установленія стараго времени, но и усиливалъ ихъ еще болѣе при различныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, въ 1781 г. онъ лишилъ всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ благородному сословію, возможности получать повышенія въ военной карьерѣ. Онъ запретилъ давать даже самый низшій офицерскій чинъ кому-либо, кромѣ представителей аристократіи, которые имѣли бы, по крайней мѣрѣ, четыре степени благородной крови по отцовской линіи, титулъ же генерала предоставилъ

1) «Histoire de France», v. XVII, p. 337.

лишь тѣмъ, кто имѣлъ доступъ къ королевскимъ каретамъ [1]). Въ этомъ заключалась одна изъ причинъ, сдѣлавшихъ армію столь слабой при защитѣ королевской власти во время тяжкихъ дней испытанія. Всѣ завидовали другъ другу: обыкновенныя войска не любили привилегированныхъ полковъ; низшіе офицерскіе чины были естественными врагами своихъ непосредственныхъ высшихъ начальниковъ, и эти послѣдніе питали ненависть къ генераламъ, которые получали патентъ на генеральскій чинъ еще въ колыбели. Армія была дезорганизована съ того самаго момента, какъ только событія привели ее въ соприкосновеніе съ народомъ: она таяла передъ возставшими безо всякаго сопротивленія; войска, направленныя противъ толпы, братались съ нею.

Если высшіе пастыри церкви и занимались охотно разговорами о священныхъ предметахъ, то они, во всякомъ случаѣ, относились очень серьезно и къ вопросамъ о благахъ земныхъ, и можно даже сказать, что именно упорное сопротивленіе духовенства противъ всякихъ мѣръ къ сравненію налоговъ было одною изъ главныхъ причинъ того переворота, который разорилъ Францію и сдѣлалъ королевскую власть игрушкою въ рукахъ народа. Церковь охотно согласилась принимать нѣкоторое малое участіе въ общихъ расходахъ, но она выплачивала ежегодно эти суммы лишь въ качествѣ дара, пріятнаго для короля, кромѣ того, она позволяла устраивать кое-какіе займы подъ обезпеченіе своихъ земельныхъ имуществъ, что ей ничего не стоило. Еще въ серединѣ столѣтія проектъ оцѣнки всѣхъ земельныхъ имуществъ церкви, занимающихъ примѣрно четверть территоріи Франціи (А. Дебидуръ), былъ отвергнутъ, какъ оскорбленіе святыни, ибо такимъ образомъ обнаружилось бы богатство духовенства, и было бы оффиціально констатировано то, что было уже извѣстно въ общихъ чертахъ, именно существованіе земельныхъ имуществъ цѣнностью въ 4 милліарда, не обложенныхъ никакимъ налогомъ, въ странѣ, гдѣ земледѣлецъ изнывалъ подъ бременемъ десятиннаго сбора, налоговъ и барщины.

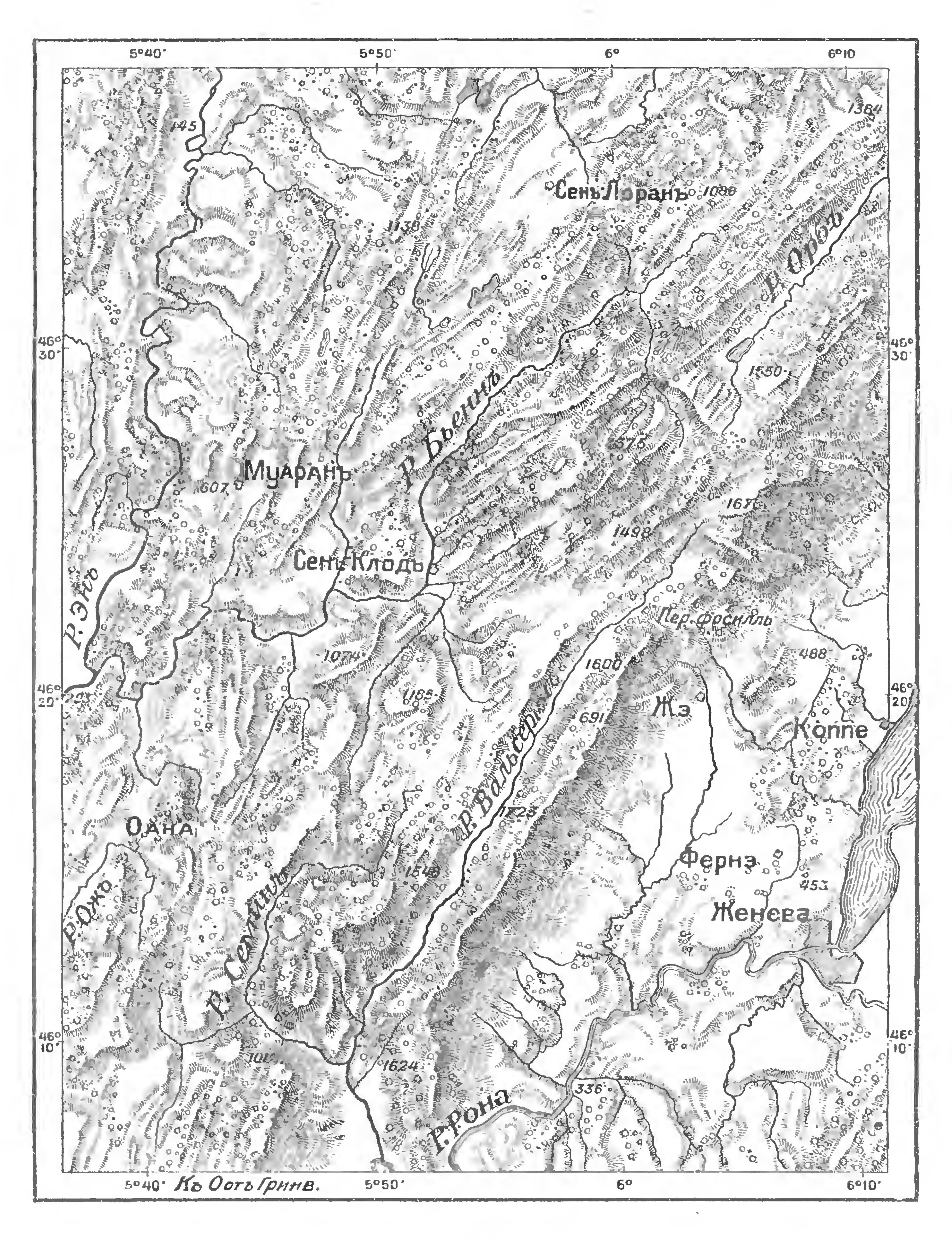
Однимъ изъ наиболѣе поучительныхъ фактовъ этого заключительнаго періода стараго режима было существованіе самаго жестокаго рабства во владѣніяхъ, принадлежащихъ аббатству Сенъ-Клодъ и заключающихъ, кромѣ города, 12 приходовъ, 15 деревень бароната Муаранъ и 5 деревень превоства Сенъ-Лоранъ-Гранво. Подобно тому какъ аристократія, считая въ томъ числѣ и получившихъ титулы богачей, сдѣлалась защитницей рабства черпокожихъ на Антильскихъ островахъ, точно также и духовенство считало одной изъ своихъ святѣйшихъ обязанностей сохранять рабство бѣлыхъ рабовъ, полученныхъ имъ въ предшествующіе вѣка путемъ наслѣдованія, конфискацій, интригъ и захватовъ.

---

1) Michelet, «Histoire de France», v. XVII, p. 358.

Монахи Сенъ-Клодъ, въ числѣ 24-хъ, назначались непосредственно

№ 427. Сенъ-Клодъ и Фернэ.



1 : 400 000

0 5 10 20 килом.

папою, носили титулъ каноциковъ и пользовались украшеніями, похо-

жими на епископскія. Являясь избранниками среди монашества, эти привилегированныя лица были въ то же время и избранными аристократами, такъ какъ могли вступать въ общину лишь при условіи аристократическаго происхожденія «въ четырехъ колѣнахъ», какъ со стороны отца, такъ и съ материнской: они представляли собою, слѣдовательно, цвѣтъ отъ цвѣта привилегированнаго сословія Франціи и въ качествѣ таковаго должны были бороться за интересы своей касты. Въ 1770 г., когда крѣпостные, «прочно прикрѣпленные» къ землямъ монастыря, обратились съ нижайшей просьбой къ королю, общественное мнѣніе стало всецѣло на сторону этихъ несчастныхъ: адвокатъ монаховъ Сенъ-Клода, Кристенъ, съ жаромъ выступилъ въ защиту монастыря. Затѣмъ Вольтеръ проявилъ все свое краснорѣчіе, которое нѣкогда служило Каласу, и взбудоражилъ опять всю Францію и весь міръ. Ничего, однако, все же не вышло: опираясь на безансонскій парламентъ, нѣкоторые изъ членовъ коего также имѣли рабовъ въ своихъ имѣніяхъ, монахи-аристократы Сенъ-Клода выдержали и неудовольствіе собственнаго епископа, и неудовольствіе короля и общественнаго мнѣнія. Вплоть до самаго разгара революціи, до взятія Бастиліи, сохранили они своихъ крѣпостныхъ рабовъ, среди которыхъ находились и чужеземные переселенцы, имѣвшіе несчастье поселиться на годъ или хотя бы даже на день въ странѣ.

И, несмотря на все это, та самая Франція, гдѣ пережитки средневѣковья были еще столь сильны и столь многочисленны, считала себя уже зрѣлой для образованія идеальнаго общества равныхъ и свободныхъ гражданъ! Чтобы достичь этой цѣли, она съ настойчивостью обращалась къ королю, который, со своей стороны, жесточайшимъ образомъ затруднялся въ выборѣ министра и, въ зависимости отъ минутнаго настроенія, выбиралъ ихъ поочередно то среди противниковъ, то среди сторонниковъ двора. Послѣ сильнѣйшей растраты денегъ, послѣдовавшей за отставкой Тюрго, Людовикъ XVI обратился къ иностранцу и протестанту Неккеру, несмотря на то, что уже по самой своей религіи этотъ знаменитый банкиръ находился, такъ сказать, внѣ законовъ. Неккеръ, заискивавшій передъ общественнымъ мнѣніемъ и желавшій завоевать себѣ популярность, дѣйствительно, успѣлъ въ этомъ своемъ стремленіи, пожертвовавъ собственнымъ богатствомъ, отмѣнивъ различныя пенсіи и синекуры, воздержавшись отъ увеличенія налоговъ и даже устроивъ въ провинціи агентства для контроля своей администраціи. Все это было уже слишкомъ хорошо, и дворъ имѣлъ низость потребовать отъ него въ награду за всѣ его труды, чтобы онъ «торжественно отрекся отъ заблужденій Кальвина»! Путемъ займовъ онъ досталъ денегъ, и потому придворныя сферы думали, что теперь можно обойтись уже безъ него (1781 г.).

Послѣ опыта введенія экономіи попытались, пригласивъ де Калонна, испробовать расточительность. Такъ какъ богатство страны измѣряется не расходами, а доходами, то, казалось бы, нельзя было много расходовать; де Калоннъ, однако, швырялъ милліонами, не считая, покупалъ замки для короля и для королевы, раздавалъ на всѣ стороны подарки, пенсіи, награды. Щедрость этого необыкновеннаго министра

Гренобль въ эпоху революціи.

финансовъ была столь странной, что нѣкоторые историки думали видѣть въ немъ даже скрытаго революціонера, совершавшаго всѣ эти безумства лишь съ цѣлью скорѣйшаго подготовленія катастрофы. «Такъ какъ реформа монархіи была необходима, то слѣдовало заставить согласиться съ этимъ и широкіе круги, заставить ихъ почти желать реформъ и для того сдѣлаться ихъ соучастникомъ, раздавать имъ широко остатки сокровищъ, подкупать ихъ и съ улыбкою вести ихъ къ краю пропасти» [1]).

Близкое крушеніе правительства казалось столь неизбѣжнымъ, что нѣкоторыя другія правительства, торопясь подѣлить наслѣдство, соеди-

1) Louis Blanc, «Histoire de le Révolution française», 2 édit., t. II, p. 151.

нялись уже неоффиціально въ тайные союзы. Интенсивное развитіе жизни вліяло на всѣхъ людей, которыхъ работа мысли и жажда власти различнымъ образомъ объединяла за предѣлами контроля администраціи. Никогда франкъ-масонство и другія тайныя организаціи, существовавшія во всѣ времена подъ самыми различными наименованіями, не развивали болѣе широко своей дѣятельности; если бы внезапно вся государственная власть со всей своей іерархіей совершенно исчезла, то тотчасъ же нашелся бы новый составъ лицъ, подготовленный къ государственной дѣятельности продолжительной практикой тайныхъ обществъ. Герцогъ Орлеанскій, въ качествѣ главы масоновъ, испытывалъ уже себя въ роли короля буржуазіи, въ какой роли орлеанская «младшая линія» должна была позднѣе, въ XIX вѣкѣ, выступать съ такимъ успѣхомъ. Почти всѣ дѣятели, прославившіеся въ великіе дни революціи, выступали въ качествѣ новичковъ на политической аренѣ въ ложахъ тайныхъ обществъ, и именно здѣсь же былъ формулированъ и «священный девизъ», заключавшійся въ трехъ словахъ: «свобода, равенство, братство», избранныхъ позднѣе символомъ республики,—этотъ великолѣпный девизъ, столь далекій и въ настоящее время отъ осуществленія!

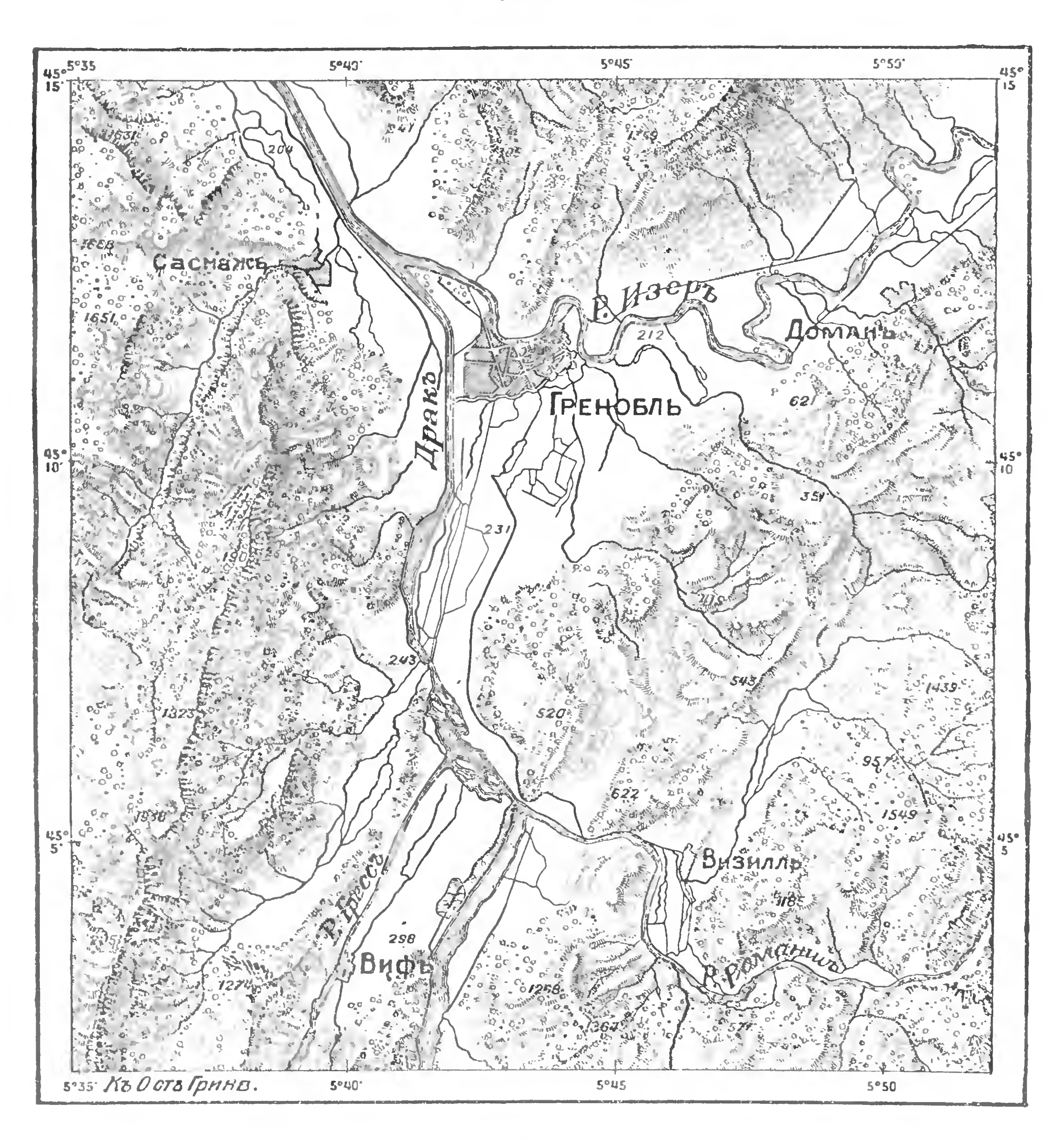
Участіе различныхъ географическихъ областей Франціи въ общемъ дѣлѣ революціи было чрезвычайно неравное: на обширной области страны далеко не всѣ поля сходны между собою по плодородію; имѣются даже области, которыя ничего не производятъ. Цѣлыя провинціи пережили самый драматическій періодъ событій, не принимая въ немъ никакой активной роли. Особенно альбигойскій и тулузскій югъ былъ слишкомъ лишенъ силы и жизненной энергіи съ того времени, какъ его раздавили полчища феодаловъ сѣвера, чтобы найти въ себѣ силу и подъемъ духа, достаточные для служенія дѣлу свободы.

Въ другихъ провинціяхъ, особенно на востокѣ королевства, напротивъ, народныя возмущенія образуютъ прологъ драмы, приведшей ко взятію Бастиліи, и имѣютъ совершенно особое значеніе по своей численности и по своему непрерывному повторенію. Увеличивающееся неповиновеніе «безписменныхъ людей, бунтовщиковъ и тайныхъ солеваровъ», отмѣчаемое властями Безансона, между прочимъ, въ 1788 г., постоянные подвиги разбойниковъ, сдѣлавшіе столь популярнымъ въ низшихъ классахъ имя Мандрена, непочтительные къ властямъ памфлеты, циркулировавшіе всюду, разгромы рынковъ, вѣшаніе булочниковъ, поджоги замковъ, сожженіе архивовъ и оффиціальныхъ пергаментовъ—этихъ «проклятыхъ писаній, которыя всюду дѣлаютъ людей несчастными и угнетенными» [1]),—всѣ эти мѣстныя недоразумѣнія были затѣмъ забыты при послѣдующемъ широко развившемся движеніи, коего они явились

1) Цитир. по Taine, «Les Origines de la France Contemporaine».

предисловіемъ и однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ. Эти экономическія движенія не прекратились нисколько съ приближеніемъ времени созыва Генеральныхъ Штатовъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ограбленіе домовъ

№ 428. Гренобль и Визилль.



Ревельонъ и Генріо 27-го и 28-го апрѣля 1789 г. въ Парижѣ; они не прекратились и въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ; можно указать даже на запоздалый бунтъ крестьянъ кантона Водъ въ 1802 г., бунтъ такъ называемыхъ «сожигателей бумагъ», которые съ криками «миръ людямъ, война бумагамъ», устраивали ауто-да-фе документовъ и захватывали оспаривавшіяся земли [1]).

1) Eug. Mottaz, «Les Bourla-Papey et la révolution Vaudoise».

Эта жаккерія продолжалась безостановочно и составляла какъ бы фонъ тѣхъ блестящихъ варіацій, которыя производились въ Парижѣ борющимися силами; она, безъ сомнѣнія, подвергалась вліянію событій, происходившихъ въ столицѣ, но въ то же время и пониманіе этихъ послѣднихъ невозможно, если не знать той поддержки, которую оказывали имъ народныя массы въ провинціи.

Что касается участія въ подготовкѣ революціи, которое принимала въ провинціи французская буржуазія, еще не сознававшая того, что отдѣляло ее отъ народа [1]), то оно концентрировалось въ двухъ главнѣйшихъ пунктахъ—въ Реннѣ и въ Греноблѣ. Эти столицы принадлежали къ странамъ, гораздо менѣе страдавшимъ отъ деспотической централизаціи королевства и сохранявшимъ также до нѣкоторой степени дѣвственность [2]). Въ смыслѣ іерархическихъ традицій и спеціальныхъ договоровъ, заключенныхъ королевской властью, каждая изъ провинцій отличалась отъ другихъ нѣкоторыми чертами своихъ установленій: такъ, Бретань, очень вѣрная своему прошлому, располагала еще парламентомъ, который отнюдь не являлся только собраніемъ прислужниковъ и писцовъ; совершенно наоборотъ, это совѣщательное собраніе столь же гордилось своими прерогативами, какъ-будто старинное герцогство было еще свободной страною и какъ-будто единеніе съ сосѣднимъ королевствомъ зависѣло всецѣло отъ его воли. Такимъ образомъ, когда дворъ сломилъ сопротивленіе парижскаго парламента, онъ увидѣлъ, что противъ него возстаетъ парламентъ Ренна. Пришлось осаждать дворецъ парламента, арестовывать манифестантовъ и посадить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Бастилію, несмотря на ихъ привилегіи людей, принадлежащихъ къ высшему сословію.

Въ Греноблѣ дѣло было еще болѣе серьезно. Тамъ парламентъ имѣлъ за собою народъ, и народъ взялъ на себя иниціативу въ оказаніи сопротивленія. Дофинэ не имѣла подобно Бретани воспоминаній о политической независимости, но эта провинція имѣла нѣчто еще лучшее—практическое осуществленіе настоящихъ свободъ. Горныя области этой провинціи, близкія къ горнымъ снѣгамъ, сообщались съ нижними долинами лишь крутыми тропинками и были предоставлены самимъ себѣ лѣнивыми администраторами; они сами собою управляли въ качествѣ автономныхъ республикъ, сообразно со старинными обычаями, и сами распредѣляли между собою налоги, которые уплачивали аккуратнѣйшимъ образомъ, не исполняя, однако, условій, требовавшихся капризами короля. Отсюда проистекалъ духъ твердой рѣшимости и строгой выдержки, проявлявшійся даже у парламентскихъ дѣятелей, испорченныхъ, впрочемъ, сильно развитымъ крючкотворствомъ.

1) M. Bakounine, note manuscrite.—2) Michelet, «Histoire de France», vol. XVII, p. 419.

Когда въ Гренобль пришелъ приказъ объ изгнаніи этихъ правителей, весь городъ всталъ на ноги для оказанія имъ почестей. Ихъ провожали, даже отчасти противъ ихъ воли, тріумфальной процессіей, затѣмъ ихъ вернули еще болѣе торжественнымъ образомъ, причемъ женщины изъ народа украшали ихъ розами и зеленью; потомъ, взявшись за свои дубины, народъ обратился въ сторону войскъ, освисталъ офицеровъ, окружилъ и связалъ солдатъ, завладѣлъ воротами города и ударилъ въ колокола, чтобы созвать крестьянъ изъ окрестностей. Это была уже революція! Приказанія двора явно не признавались, и делегаты трехъ сословій собрались по своей собственной инициативѣ въ замкѣ Визилль, на берегахъ бурной Романши (21-го іюля 1788 г.). Чувствуя себя представителями не только Дофинэ, а и Франціи, они постановили послѣ длиннаго засѣданія, продолжавшагося 20 часовъ, что отнынѣ не будутъ болѣе собирать налоги по простому приказу короля, а лишь по волѣ народа, переданной Генеральными Штатами. Со всѣхъ сторонъ взоры всѣхъ были обращены на депутатовъ Дофинэ и отовсюду ихъ поощряли къ борьбѣ; солдаты не рѣшались болѣе стрѣлять: одни, потому что сами принадлежали къ народу; другіе, видя предъ собою столь могущественное проявленіе общественнаго мнѣнія, не знали сами, кто были настоящими властителями. Депутаты разошлись, но созваніе Генеральныхъ Штатовъ сдѣлалось неизбѣжнымъ и даже созваніе ихъ съ преобладаніемъ третьяго сословія, иначе говоря, французской буржуазіи.

Министерство Ломени де Бріенна было настоящимъ боевымъ министерствомъ; оно было назначено королевой по ея настоятельному желанію; побуждаемое силою вещей, оно принуждено было созвать Генеральные Штаты или, иначе, подчинить короля народу. Ломени де Бріеннъ, человѣкъ съ вызывающимъ характеромъ, распустилъ нотаблей, чтобы показать, насколько онъ презираетъ всѣхъ, кто не служитъ непосредственно королю. Затѣмъ онъ, какъ бы побившись объ закладъ, сталъ оскорблять самолюбіе всѣхъ этихъ несчастныхъ парламентовъ Парижа и провинціи, не требовавшихъ ничего, кромѣ внѣшнихъ признаковъ почета и соблюденія своихъ старинныхъ привилегій. Затѣмъ онъ установилъ, какъ бы въ насмѣшку надъ народнымъ представительствомъ, «Высокое собраніе», состоявшее изъ принцевъ крови и настоящихъ царедворцевъ. Тѣмъ не менѣе, когда касса совершенно опустѣла, Бріенну пришлось уйти въ отставку, и король долженъ былъ претерпѣть новое униженіе—снова вернуть Неккера, своего личнаго врага, который снисходительно началъ оказывать поддержку французскому королевству своими собственными деньгами и своимъ кредитомъ. Генеральные Штаты собрались. Буржуазія восторжествовала; высшія сословія, духовенство и король отошли на задній планъ.

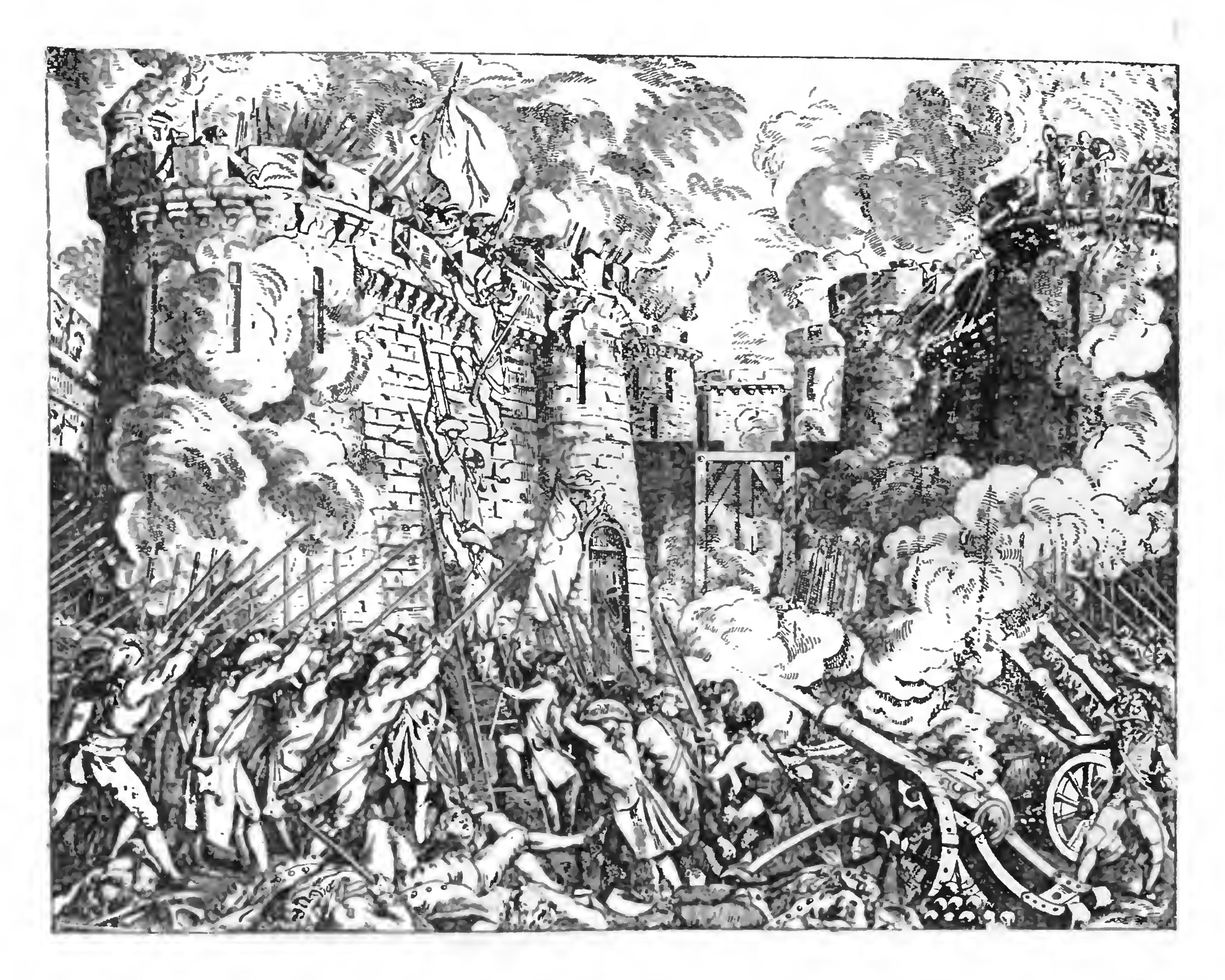
Выборное движеніе приняло эпически величественный характеръ, обусловливавшійся не только значительностью событій, но также и опасностью положенія: Франція страдала отъ голода. Зимніе холода и плохой урожай утроили несчастное положеніе населенія; смертность, усилившаяся тамъ и сямъ, благодаря возстаніямъ, увеличилась чрезвычайно и, несмотря на всѣ бѣды, которыя валились на него, народъ, тѣмъ не менѣе, поддерживался надеждою на наступленіе новыхъ временъ. Выборы, производившіеся въ каждой провинціи различными способами, были почти всеобщими, если не считать Парижа, города, всегда находившагося на особомъ положеніи, гдѣ условія ценза играли большую роль при производствѣ выборовъ. Въ провинціи въ выборахъ участвовали всѣ, за исключеніемъ слугъ: около 5 милліоновъ населенія—фактъ, единственный во всемірной исторіи—принимали участіе въ этомъ великомъ народномъ рѣшеніи, и делегаты отправились въ Версаль, нагруженные «наказами», въ которыхъ излагались жалобы, пожеланія, постановленія и надежды народа. Несмотря на большую умѣренность внѣшнихъ формъ, эти наказы третьяго сословія вполнѣ единодушны въ смыслѣ требованія справедливости и равенства. Они свидѣтельствуютъ, однако, также и о чрезвычайно искренней, почтительной и трогательной вѣрѣ въ монархію. Они проникнуты также уваженіемъ къ христіанству въ его католическихъ формахъ, и, хотя и провозглашаютъ свободу совѣсти, отнюдь не требуютъ свободы вѣроисповѣданій [1]). Что касается аристократіи и духовенства, то они также стремятся уменьшить ту тяжесть, которая должна была лечь на ихъ собственную касту, и перенести ее на своихъ соперниковъ. Аристократія желаетъ уничтоженія десятиннаго сбора, закрытія монастырей и частичной продажи церковныхъ имуществъ. Духовенство, съ своей стороны, требуетъ уничтоженія привилегій аристократіи и въ обмѣнъ на часть своихъ земель добивается того, чего оно всегда добивается: воспитанія дѣтей—души будущихъ поколѣній [2]).

Генеральные Штаты собрались 5-го мая 1789 г.—великій день, считающійся въ исторіи какъ бы началомъ новой эры господства буржуазіи въ Западной Европѣ. Первоначально всѣ толклись на одномъ мѣстѣ. Всѣ сословія—аристократія, духовенство, буржуазія—засѣдали въ отдѣльныхъ залахъ совѣщаній и занимались лишь одни отстаиваніемъ привилегій, другіе—ихъ уничтоженіемъ. Собраніе третьяго сословія, охваченное движеніемъ вѣка, взяло, однако, на себя иниціативу: оно конституировалось въ «Національное Собраніе» и заставило два другіе

---

1) Ch. L. Chassin. «Génie de la Révolution». — 2) Michelet, op. cit., XVII, pp. 463, 464.

Штата перейти въ общее зало засѣданій. Священники, чувствовавшіе свою принадлежность къ народу въ силу своей бѣдности и недовольные своею оторванностью, повиновались первыми, сперва въ одиночку, но затѣмъ во множествѣ. Дворъ, располагавшій еще грубою матеріальною силою и воображавшій, что имѣетъ достаточно и моральной силы, думалъ, что собраніе не будетъ имѣть храбрости собраться, если ему



Взятіе Бастиліи.

преградятъ путь солдаты. Однако, представители народа, какими они ни были роялистами, сдѣлались, сами не зная того, республиканцами; будучи изгнаны изъ одной залы, они собрались въ другой, въ знаменитой залѣ Жё-де-Помъ, и, охваченные энтузіазмомъ, поклялись «ни за что не расходиться». Король собственнолично приказалъ депутатамъ разойтись и ожидать его воли. И тогда-то Мирабо разразился по адресу церемоніймейстера знаменитой тирадой: «Скажите тѣмъ, кто васъ послалъ, что мы собрались здѣсь по волѣ народа, и что насъ не выгнать отсюда иначе, какъ развѣ силою штыковъ»!

Парижъ выступилъ на поддержку собранію, которое иначе, по всей вѣроятности, уступило бы, послѣ заключенія въ тюрьму и казни нѣсколькихъ его членовъ. Было совершено нападеніе на тюрьму съ цѣлью

освобожденія заключенныхъ; затѣмъ были сожжены загородки городской таможни, возставшіе завладѣли порохомъ и оружіемъ; солдаты французской гвардіи, почти сплошь парижане, смѣшались съ народомъ; полкъ изъ Шатовьё, состоявшій изъ швейцарцевъ-вальденцевъ, чувствовавшихъ себя французами по правамъ и стремленіямъ, отказался стрѣлять въ толпу; организовалась милиція, съ тѣмъ большимъ жаромъ принявшаяся за борьбу, что чувствовала себя окруженною чужеземными войсками — швейцарскими, германскими, кроатскими, не владѣющими даже языкомъ и не понимаемыми народомъ.

Де-Лонэ, губернатора Бастиліи, ведутъ въ ратушу, куда онъ не дошелъ живымъ.

И внезапно, противъ желанія начальниковъ и совѣтниковъ, противъ всякаго здраваго смысла, но лишь охваченная страстною вѣрою и единодушіемъ, масса народа въ дикомъ увлеченіи ринулась на колоссальную громаду Бастиліи, эту черную груду камней, въ тѣни которой городъ, казалось, волновался совершенно безсильно. И эта крѣпость, которая могла защищаться уже одною своею массивностью, открыла, въ концѣ концовъ, свои ворота, опустила подъемные мосты, такъ какъ сами ея защитники почувствовали, что насталъ великій день освобожденія. Бастилія сдалась «въ силу нечистой совѣсти»[1], —ее гипнотизировала коллективная воля Парижа.

Взятіе Бастиліи было событіемъ капитальной важности, заставлявшимъ дрожать королей, воодушевлявшимъ народы—оно получило символическій смыслъ, не утраченный имъ и до сихъ поръ; но, какъ ни пре-

1) Michelet, «Histoire de la Révolution Française», I, p. 203, édition de 1877.

красно рисковать всѣмъ въ моменты отчаянія, изъ-за дѣла, которому преданъ, все же иллюзія, порожденная побѣдоноснымъ взятіемъ Бастиліи, была вредна: она убѣждала въ томъ, что будто бы достаточно энтузіазма народа для того, чтобы выполнить невозможное. Нѣтъ, на дѣлѣ неорганизованныя толпы, снабженныя лишь камнями и холоднымъ оружіемъ, рискуютъ сильнѣйшимъ образомъ, если идутъ напроломъ, выступаютъ противъ прочныхъ стѣнъ, за которыми сидятъ дисциплинированные солдаты, умѣющіе цѣлить изъ пушекъ! Іерихонскія трубы не ниспровергаютъ болѣе стѣнъ городовъ, и совершенно безразсудно опьянять себя словами, пустыми звуками! Въ битвѣ всегда самое надежное быть самымъ сильнымъ и въ то же время болѣе дальновиднымъ, чѣмъ противникъ, — увлеченію, силѣ воли слѣдуетъ противопоставлять непреодолимое знаніе.

Комиссаръ Фуллонъ

род. въ Сомюрѣ въ 1717 г. повѣшенъ на фонарѣ въ Парижѣ въ 1789 г. Его голову носили по Парижу на пикѣ со ртомъ, набитымъ сѣномъ.

Событія въ Парижѣ расшевелили нѣкоторыя группы населенія, остававшіяся пассивными вслѣдствіе продолжительнаго сна, обусловленнаго старинною ненавистью и продолжавшимся гнетомъ. Вплоть до Пиренеевъ и до Гасконскаго залива народъ былъ встряхнутъ сильнѣйшею дрожью, являвшеюся опаснымъ симптомомъ. Это было, по словамъ современниковъ, время «великаго страха». Привыкшіе страдать крестьяне приготовлялись во многихъ мѣстностяхъ къ новымъ страданіямъ и искали себѣ убѣжищъ въ лѣсахъ и въ пещерахъ. Примѣръ Парижа придалъ, однако, новую энергію народнымъ массамъ, нетерпѣливо ожидавшимъ момента, когда можно было бы сбросить ярмо: каждый городъ провинціи завладѣлъ своей Бастиліей, и за городами послѣдовали, въ свой чередъ, и села и деревни. Крестьяне поняли, что располагаютъ

силою, они стали осаждать замки своихъ господъ, завладѣвать ихъ архивами, дѣлавшими изъ нихъ людей, платящихъ оброкъ и несущихъ барщину, стали сжигать документы, которыми у нихъ отнималось ихъ имущество, перестали платить подати и на нѣкоторое время стали свободными людьми. Горе было владѣльцамъ, пользовавшимся ненавистью населенія и жестоко обращавшимся со своими вассалами въ теченіе мирныхъ временъ. Теперь пришелъ ихъ чередъ испытать оскорбленія и насилія, замкамъ ихъ грозила опасность разрушенія, и самимъ имъ угрожала смерть, если только не удавалось бѣжать въ чужія страны. Во Франціи происходила организаціонная работа, съ каждымъ днемъ народъ все больше и больше научался владѣть оружіемъ, и среди огромной народной толпы, которая научилась и нападать и защищать, поддерживавшіе королевскую власть и аристократію полки швейцарцевъ и германцевъ, стоившіе большихъ денегъ, затеривались какъ въ морѣ.

Представители высшаго сословія, засѣдавшіе въ Версали, отнеслись къ событіямъ съ достоинствомъ. Видя, что народъ, до того времени порабощенный, предавалъ огню ихъ владѣнія, ихъ пергаменты и генеалогическія таблицы, прекращалъ платить подати и оказывать личныя услуги, аристократія рѣшила великодушно принести все это въ жертву. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые ея представители понимали, что само благоразуміе подсказываетъ имъ отдѣлиться отъ тѣхъ эмигрировавшихъ представителей высшаго сословія, которые превратились во враговъ государства и приготовлялись идти войною на Францію; нѣкоторые изъ нихъ никакъ не могли отрѣшиться отъ обычной роскоши знатныхъ вельможъ, играющихъ въ долгъ и расточающихъ золото, какъ если бы его постоянно было слишкомъ много; другіе же, проникнутые до мозга костей философіей вѣка, знали прекрасно, что ихъ старинныя права лежали за предѣлами справедливости и представляли собою вопіющій произволъ, который настало время прекратить. Высокое чувство самопожертвованія, съ которымъ это было совершено, сдѣлало изъ «ночи 4 августа» того же 1789 г. моментъ, о которомъ память никогда не изгладится. Всѣ были растроганы, всѣ чувствовали себя счастливыми, что могутъ быть равными со всѣми, всѣ радовались тому, что падали преграды феодализма, дѣлавшаго человѣка врагомъ человѣчества. Восторженный подъемъ духа, увлеченія справедливостью и самоотреченіемъ охватило и города и провинціи, пользовавшіяся привилегіями, и онѣ одна за другой единогласно отказывались отъ всѣхъ преимуществъ, которыми одарила ихъ монархія, чтобы слиться въ одной общей массѣ французскаго народа. Можно было думать, что въ эту ночь революціи резюмировались всѣ желанія, всѣ надежды прошедшихъ поколѣній.

Правда, позднѣе всѣхъ опять взяло раздумье, и вскорѣ «мудрые люди» принялись постепенно опять возвращать себѣ то, что было ими

отдано въ порывѣ энтузіазма и увлеченія принципомъ. Декреты 5—11 августа отмѣчаютъ, что, за исключеніемъ десятиннаго сбора, дѣйствительныя повинности не отмѣнены, но что крестьяне имѣютъ право откупиться отъ нихъ, «если сойдутся въ цѣнѣ со своими господами», и даже эти декреты, подписанные королемъ лишь въ октябрѣ, не были никогда надлежащимъ образомъ обнародованы. Жакерія продолжалась—въ одной Бретани было разграблено и сожжено до марта мѣсяца 1790 г. 25 замковъ—крестьянъ вѣшали, и лишь въ іюнѣ 1792 г. былъ изданъ окончательный законъ, уничтожившій вышеупомянутыя обязанности крестьянъ безо всякаго выкупа.

Провозглашеніе, «правъ человѣка» вызвало осуществленіе цѣлаго ряда реформъ вотированныхъ единогласно; однако, новые законы, указы и постановленія очень скоро доказали, что на самомъ дѣлѣ старый режимъ мало измѣнился.

Гюэнъ де Керангаль,
род. въ Ландивизіо въ 1746 г. Первый изъ благородныхъ, въ теченіе ночи 4-го августа, отказался отъ своихъ привилегій.

Большое разнообразіе происхожденія типа, нравовъ и даже языка, наблюдавшееся во французскомъ народѣ, объясняетъ отчасти, почему представители, собравшіеся со всѣхъ провинцій Франціи, были увлечены стремленіемъ основать національное единство не на предполагаемомъ кровномъ родствѣ и не на традиціонномъ братствѣ, а на правахъ человѣка. Тѣ формулы, на которыхъ конституировался французскій народъ, вполнѣ подошли бы и къ созданію республики, обнимающей собою все человѣчество [1]). Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, идейное движеніе въ теченіе XVIII вѣка приняло характеръ универсальности: оно перешло далеко за границы Франціи и за предѣлы современности, распространилось на всѣ страны и на всѣ времена. Нерѣдко вниманіе

1) Jacques de Boisjolin. «Des Peuples de la France», p. 9.

историковъ обращалось болѣе на дѣйствія Фридриха II, на дѣятельность англійской конституціонной монархіи, на войны за независимость американскихъ колоній, чѣмъ на внутреннія дѣла Франціи; въ примѣръ приводились нравы китайскаго народа, интересовались чернокожими Санъ-Доминго и обитателями острововъ Океаніи. Такимъ образомъ, было вполнѣ естественно, что Національное Собраніе провозгласило права французовъ, основываясь на краеугольномъ камнѣ правъ всего человѣчества. Безъ сомнѣнія, законодатели заблуждались, такъ какъ, слѣдуя масонскому міровоззрѣнію той эпохи, они искали основу человѣческой нравственности за предѣлами человѣчества, находили ее въ лицѣ Высшаго Существа; они искали опоры за предѣлами индивидуальнаго сознанія, которое при всей своей неустойчивости является, тѣмъ не менѣе, величайшимъ двигателемъ любого искренняго дѣянія. Разсматривая человѣка какъ вѣчнаго раба, какъ подданнаго, они желали руководить имъ при помощи законовъ, являющихся излученіемъ божественной воли, коей сами они считали себя истолкователями. Какъ бы то ни было, права человѣка, которыя они провозглашали подъ вліяніемъ верховной мысли, нашедшей, наконецъ, своихъ глашатаевъ, представляютъ все же значительнѣйшее историческое явленіе за время отъ возникновенія человѣчества до нашихъ дней. Впервые народъ объявляетъ себя солидарнымъ со всѣми другими націями всего міра, со всѣми другими расами,—солидарнымъ во имя права, коимъ обладаетъ каждый представитель человѣчества,—права стремиться къ исканію собственнаго счастья.

Въ эту великую и прекраснѣйшую эпоху, какую когда-либо переживало человѣчество, идеалы самыхъ высокихъ философовъ, служившихъ проповѣдниками человѣческой мысли во всей ея красотѣ, казалось, были близки къ осуществленію. Въ маѣ 1790 г., когда обсуждалось право исполнительной власти объявлять войну, Вольней предложилъ Національному собранію взглянуть на весь родъ человѣческій какъ на одно единое общество, стремленіемъ котораго является миръ и счастье всѣхъ и каждаго изъ его членовъ; онъ указывалъ на то, что въ этомъ великомъ обществѣ народы должны разсматриваться какъ единыя личности,—они пользуются тѣми же естественными правами и подчинены тѣмъ же законамъ справедливости, какъ и отдѣльныя личности отдѣльныхъ обществъ второго порядка; онъ доказывалъ, что, слѣдовательно, ни одинъ народъ не имѣетъ права завладѣвать собственностью другого народа, не можетъ лишать его свободы, его естественныхъ преимуществъ». Такимъ образомъ, весь земной шаръ съ этого времени въ мысляхъ новаторовъ долженъ былъ быть охваченъ однимъ общимъ правомъ всего человѣчества. Должна была возникнуть федерація всѣхъ людей въ цѣляхъ всеобщаго счастья.

Это счастье надѣялись осуществить путемъ выработки «справед-

ливыхъ законовъ» и ихъ одинаковаго примѣненія ко всѣмъ гражданамъ. Конечно, не трудно себѣ представить, съ какимъ жаромъ и страстностью относились французы того времени къ Закону, представлявшемуся имъ символическимъ въ видѣ лучезарной богини! Вѣдь законъ долженъ былъ замѣнить собою полный произволъ! Онъ долженъ былъ встать на мѣсто капризовъ короля, умножаемыхъ тысячами капризовъ подчиненныхъ лицъ, которыя отъ самаго властителя и до послѣдняго изъ слугъ изливали на несчастныхъ подданныхъ цѣлый потокъ жестокостей, несправедливостей и насилій. По самому опредѣленію своему, законъ представлялся въ видѣ вѣсовъ абсолютно справедливыхъ, абсолютно равныхъ для всѣхъ, и эта увѣренность въ его справедливости была достаточнымъ утѣшеніемъ для тѣхъ несчастныхъ, которымъ столько приходилось страдать отъ несправедливостей правосудія, совершавшагося во имя короля. Они воображали, что съ этихъ поръ безличная справедливость будетъ витать надъ народомъ, блещущая и излучающая свои благодѣянія, какъ солнце испускаетъ свои лучи! Они не знали, что монархія, сдѣлавшись поліархіей, не перестаетъ быть королевской властью: сколько людей, обладающихъ властью, столько крохотныхъ королей, которые истолковываютъ, санкціонируютъ и примѣняютъ законы къ своей собственной выгодѣ. Законъ всегда былъ такимъ, какимъ желали его сдѣлать болѣе сильные!

Вольней,
род. въ Краонѣ въ 1757 г., ум. въ 1820 г.

Національное собраніе, въ силу власти, данной ему народомъ, вооруженное правомъ изготовлять законы, въ скоромъ времени сковало бы снова страну панцыремъ съ тѣмъ, чтобы подчинить ее опять сильному правительству, коего собраніе было бы единственнымъ совѣтчикомъ. Народъ жилъ, однако, уже своей собственной жизнью и организовался неожиданно для защиты себя отъ возвращенія своихъ властителей, для защиты отъ казны, отъ дѣльцовъ и отъ опасностей, вызываемыхъ страхомъ!

Деревня за деревней объединялись въ сообщества крестьянъ; эти

послѣдніе вступали въ федераціи съ городами, и отъ провинціи къ провинціи, не взирая на прежнія границы, образовывались союзы: обладая общими интересами, одинаковымъ стремленіемъ къ миру, одинаковыми заботами о будущемъ урожаѣ и о завоеванной свободѣ, граждане признавали другъ въ другѣ братьевъ и заключали себя взаимно въ братскія объятья, забывая, что нѣкогда отцы ихъ враждовали между собою. Конечно, дружескія узы возникали, главнымъ образомъ, между общинами и странами, близкими по правамъ своихъ обитателей, по легкости своихъ сообщеній, по существовавшимъ между ними связямъ взаимнаго обмѣна; въ этомъ отношеніи было бы очень интересно изучить распредѣленіе группъ по первоначальнымъ ячейкамъ, образовавшимся, такимъ образомъ, совершенно внезапно на всемъ протяженіи Франціи. Однако, въ эту великую годину взаимное притяженіе между собою чувствовали не только при существованіи сходственныхъ чертъ, но и при существованіи полнаго контраста: жители долины охотно встрѣчались съ обитателями горъ, владѣльцы виноградниковъ—съ жителями лѣсовъ, такъ какъ всѣ хотѣли взаимно узнать другъ друга и побрататься между собою, охваченные общимъ подъемомъ героическаго настроенія и стремленія къ добру. Всѣ стали лучше, чѣмъ когда бы то ни было: это были прекраснѣйшіе дни, какіе когда-либо переживала Франція, единственные дни въ ея исторіи! Народъ былъ воодушевленъ энтузіазмомъ выше своихъ предѣловъ, онъ доходилъ до любви ко всѣмъ людямъ, живущимъ на землѣ!

Объединеніе Франціи, до того времени разбитой на отдѣльныя феодальныя государства, которыя сдерживались въ рукахъ короля въ видѣ одного цѣлаго, совершилось, слѣдовательно, вполнѣ внезапнымъ образомъ. Оставалось лишь предоставить все своему теченію для того, чтобы весь народъ сдѣлался дѣйствительно «единымъ», проявляющимъ лишь нормальное разнообразіе состава, свойственное всѣмъ естественнымъ группамъ, сорганизовавшимся для проведенія и поддержанія дорогъ, для снисканія пропитанія и для другихъ общихъ интересовъ. Франція была уже до извѣстной степени разбита на кантоны, округи и департаменты еще до того, какъ Сійесъ составилъ проектъ ея оффиціальнаго раздѣленія, до того, какъ Робертъ де Вогонди начертилъ ея карту, и какъ Турэ предложилъ Національному собранію ее утвердить. Это послѣднее, стремясь установить свою собственную власть съ цѣлью урегулированія сбора податей, устройства іерархій чиновниковъ и подчиненія отдѣльныхъ общинъ государству, отнюдь не поддалось вліянію желаній, высказывавшихся отдѣльными группами населенія, и самымъ насильственнымъ порядкомъ приступило къ раздѣленію королевства, заботясь лишь о томъ, чтобы части его были равны по своимъ размѣрамъ.

Первоначально даже было рѣшено, что каждый изъ 80 или 81 (9×9) департаментовъ будетъ раздѣленъ на 9 округовъ, которые, въ свою очередь, подраздѣлятся каждый на 9 кантоновъ. Безъ сомнѣнія, сама природа вещей, независимо отъ воли законодателей, требовала уничтоженія древнихъ историческихъ дѣленій—феодальныхъ, административныхъ, церковныхъ, военныхъ и таможенныхъ, которыя нерѣдко уста-

Кавалеры ордена Св. Людовика, приносящіе знаки ордена и вмѣстѣ съ ними водоносы.

новлялись въ силу чистѣйшаго каприза и поддерживались постоянно, не справляясь съ желаніемъ заинтересованнаго въ этомъ населенія: провинціи политическія, финансовые округа, гражданскія области, церковные районы, военные и судебные округа, выборные парламентскіе округа, страны съ дѣйствующимъ римскимъ правомъ и правомъ обычнымъ, районы съ барщиной и съ выкупомъ, мѣстности, въ которыхъ дѣйствовалъ конкордатъ, или же въ которыхъ духовенство назначалось папою [1]),—все это, необходимымъ образомъ, должно было исчезнуть, и Франція должна была освободиться отъ этой запутанной сѣти внутреннихъ границъ—все, что отъ нея еще оставалось, сохранялось лишь искусственно. Впро-

1) Louis Blanc. «Histoire de la Révolution française», II, p. 40?.—Edmond et Jules de Goncourt. «Histoire de la Société Française pendant la Révolution», p. 393.

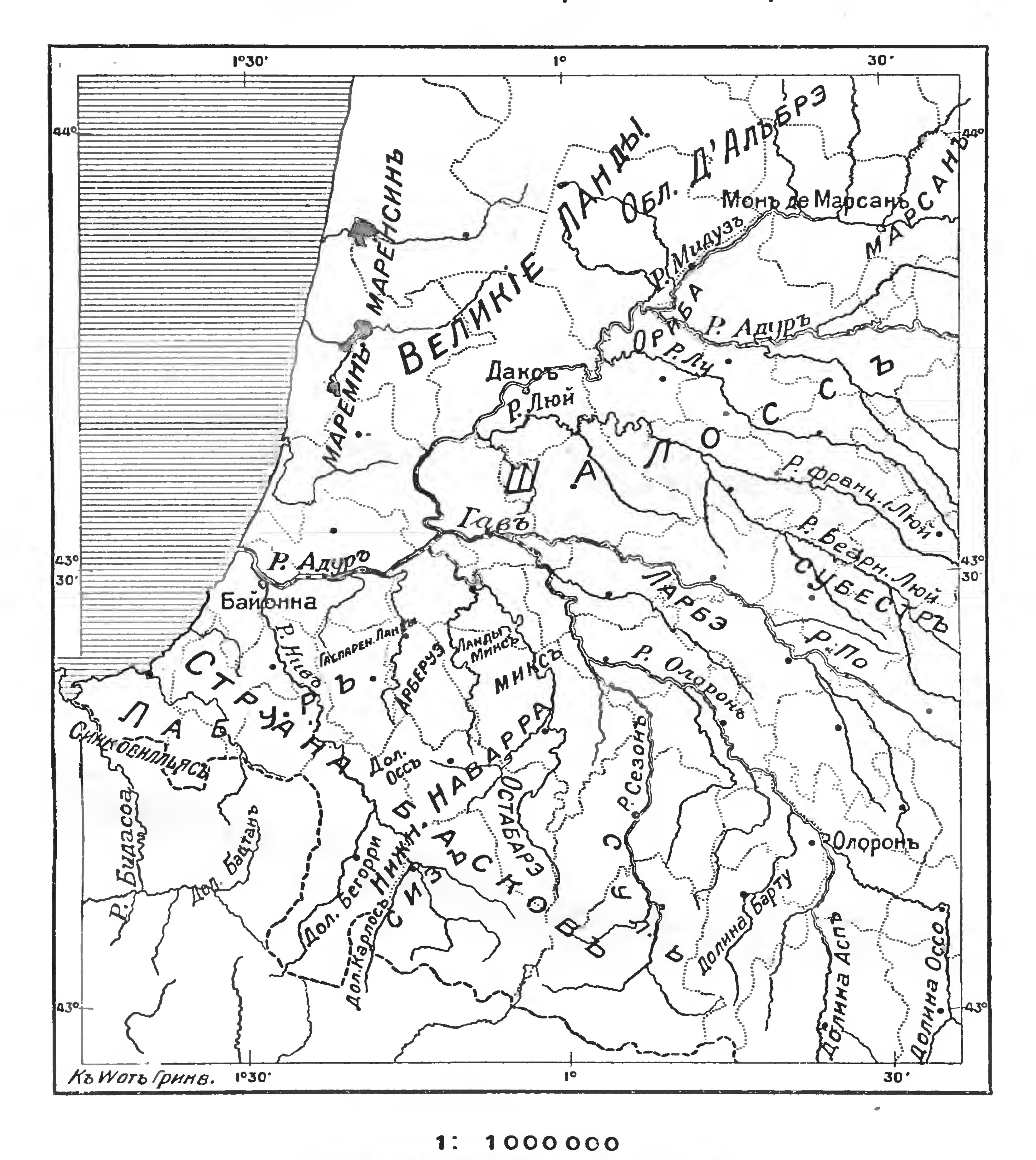
чемъ, границы департаментовъ, округовъ и кантоновъ въ большинствѣ случаевъ на всемъ своемъ протяженіи не менѣе искусственны и, конечно, также исчезнутъ; они оказываютъ, однако, вліяніе крайне вредное, въ томъ смыслѣ, что ими нарушаются естественныя сообщенія, и на тысячу ладовъ затрудняется передвиженіе населенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе естественное раздѣленіе на «области» дало бы картѣ Франціи видъ также неправильный, лишь въ другомъ отношеніи, такъ какъ поверхность различныхъ налегающихъ другъ на друга областей варіировала бы до безконечности: характерныя черты каждой изъ этихъ областей различаются сильнѣйшимъ образомъ, сообразно съ природою и съ произведеніями почвы, сообразно съ моральнымъ и умственнымъ развитіемъ населенія и въ зависимости отъ общаго направленія жизни. Кромѣ того, прогрессъ цивилизаціи и облегченіе въ сношеніяхъ съ сосѣдними областями не преминули бы, въ виду отсутствія центральной власти, уничтожить всѣ эти частичныя раздѣленія. Въ ту эпоху, когда были нанесены административныя границы, раздѣлявшія области, нужны были еще цѣлыя недѣли для того, чтобы письменные приказы и отвѣты на нихъ могли достигать отъ центра къ периферіи великаго государственнаго организма; однако, на то, на что ранѣе требовались часы, достаточны въ настоящее время минуты. Является, слѣдовательно, совершенно противнымъ здравому смыслу желаніе заключить въ неподвижныя границы исторію, которая вѣчно измѣнчива и постоянно испытываетъ превращенія.

Новое административное раздѣленіе Франціи должно было заставить законодателей различныхъ законодательныхъ собраній приняться за горячее обсужденіе противорѣчивыхъ теорій, касающихся политической организаціи королевства, его федерализаціи или централизаціи. Этотъ же самый вопросъ возникъ и по отношенію къ американскимъ колоніямъ послѣ побѣды, одержанной ими надъ британскими силами; однако, рѣшеніе въ обѣихъ странахъ не могло быть одинаковымъ, такъ какъ и историческія традиціи и условія современности были тамъ и здѣсь совершенно различны. Во Франціи непримиримые централизаторы одержали верхъ, такъ какъ страна была объявлена «единой и нераздѣльной» въ томъ смыслѣ, что одни и тѣ же законы, однѣ и тѣ же формы административнаго управленія должны были примѣняться къ населенію самому разнородному по своему происхожденію, по правамъ и по своей исторіи: всюду какъ у подножья Пиренеевъ и Альповъ, такъ и въ Арденнахъ и въ Бретани, граждане или, вѣрнѣе, подданные, должны были повиноваться приказаніямъ, исходящимъ изъ центра, должны были приспособляться къ тѣмъ одеждамъ, которыя для нихъ были скроены. Очевидно, искусственное единство, которое желали такимъ образомъ создать, было въ несогласіи со всѣмъ движеніемъ исторіи, со всѣмъ

ритмомъ жизни земли, и, въ концѣ концовъ, оно и одержало верхъ лишь по видимости, такъ какъ, сообразно съ окружающимъ, законы всегда получаютъ совершенно различное примѣненіе.

№ 429. Область и кантоны страны басковъ и Беарна.



1: 1000000

0 10 25 50 килом.

Въ предѣлахъ карты имѣются исключительно области горныхъ долинъ, которыя образовали рядъ отдѣльныхъ кантоновъ.

Черныя точки указываютъ мѣстонахожденіе главныхъ центровъ кантоновъ.

Еще въ 1791 г. одинъ изъ депутатовъ учредительнаго собранія, Ашаръ де Бонвулуаръ, протестовалъ противъ нелѣпаго объединенія за-

коновъ, заявляя, что «большинство находящихся здѣсь нормандцевъ стремится сохранить обычаи своей страны»,—онъ отстаивалъ то мнѣніе, что «законы должны быть разнообразны, и правила должны быть различны въ соотвѣтствіи съ нравами и особыми обычаями въ каждой провинціи». Однако, фанатизмъ власти, наигрывая на тезисѣ «равенство всѣхъ людей», не желалъ признать мѣстныхъ традицій, наслѣдственныхъ обычаевъ и привычекъ, которыми мѣстные жители такъ дорожили, какъ частью своего существованія, и нивелирующее все и вся равенство сдѣлалось однимъ изъ символовъ революціи. Нѣкоторыя провинціи отъ этого выиграли, другія же много потеряли,—потеряли въ особенности различныя «долины», т.-е. мелкія пиренейскія республики, которыя, благодаря своимъ естественнымъ стѣнамъ горъ, были во всѣ времена защищены отъ произвола властителей; съ этого времени, съ проведеніемъ дорогъ, съ уничтоженіемъ лѣсовъ и, главнымъ образомъ, съ расширеніемъ умственнаго и нравственнаго горизонта, онѣ неминуемо должны были принять участіе въ общей жизни великой націи, принимавшей ихъ въ свое лоно. Такимъ образомъ, свободныя общины, «міры» горныхъ жителей утратили безконтрольность своихъ поступковъ, потеряли возможность устраивать свои управлявшія всѣми дѣлами народныя собранія, на которыхъ каждый гражданинъ и каждая гражданка имѣли право присутствовать, имѣли право голоса и иниціативы. Похищеніе столь неоцѣнимаго наслѣдія имѣло своимъ слѣдствіемъ неизбѣжное возмездіе—неудовольствіе, которое явилось добавленіемъ ко всѣмъ остальнымъ элементамъ реакціи и распада государства.

Прекрасные дни первоначальнаго энтузіазма не могли длиться долгое время. За исключеніемъ нѣсколькихъ представителей, духовенство смотрѣло очень недружелюбно на принесеніе въ жертву привилегій, и всюду, гдѣ оно было достаточно сильнымъ, для того, чтобы возбудить и поднять народъ, оно отстаивало чрезвычайно энергично свои права на землю: крестьяне, которые сами ничего не имѣли, вовлекались въ борьбу изъ-за сохраненія милліардовъ въ рукахъ прелатовъ. Возстаніе разыгралось въ Камбрэ, будучи вызвано такимъ же клерикальнымъ движеніемъ, какъ и въ сосѣдней Фландріи, гдѣ крестьянское населеніе жалось вокругъ своихъ аббатовъ, защищая свои прежнія традиціи, иначе говоря—свое собственное порабощеніе. Въ діоцезахъ западной и южной Франціи крестьяне также роптали, и даже въ такихъ городахъ, какъ Нимъ и Монтобанъ, гдѣ вслѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія католиковъ и протестантовъ поддерживалась взаимная ненависть среди населенія, начались убійства и кровопролитія. При этихъ столкновеніяхъ духовенство имѣло одно огромнѣйшее преимущество: «оно знало прекрасно, чего оно хотѣло», тогда какъ Національное собраніе

Взятіе Тюльери (10 августа 1792 г.).
Картина І. Берто.

не знало этого [1]). Такимъ образомъ, когда депутаты католики потребовали отъ своихъ коллегъ, представителей аристократіи и третьяго сословія, чтобы они открыто сказали, исповѣдуютъ ли они традиціонную религію Франціи, или нѣтъ,—эти депутаты колебались, проявляли нерѣшительность и робость,—они принадлежали вѣдь къ переходному времени, были одновременно католиками по традиціи, свободомыслящими по воспитанію,—затрудненіе ихъ было чрезвычайно велико. Въ 1790 г. Учредительное собраніе въ теченіе многихъ часовъ обсуждало вопросъ, должно ли поддерживать отмѣну Нантскаго эдикта, или нѣтъ? Затѣмъ оно занялось устроеніемъ духовенства, и, хотя и совершенно не признавало догматовъ, исповѣдуемыхъ Церковью, постановило все же по дорогой цѣнѣ оплачивать тѣ курьезныя церковныя церемоніи, которыя, правда, хороши для народа, но вызывали лишь презрительныя усмѣшки у большинства членовъ Собранія. Подобно сатиру басни, представители французской націи дули одновременно для того, чтобы было и холодно и жарко! Франція должна была, однако, оставаться католической, такъ какъ новая вѣра въ братство всѣхъ людей, не зависящее отъ повелѣнія Божія, сама еще не сознавала самое себя. И если буржуазія все же пережила побѣдоносно всѣ хаотическія событія революціи, то лишь потому, что она закончила свое предварительное развитіе и не позволила себѣ отклониться отъ своихъ идеаловъ. Истинное свободомысліе, однако, еще отсутствовало: буржуазія не освободилась отъ евангелическаго мистицизма и не переставала вѣрить въ божественную мораль, передаваемую чрезъ посредство Церкви. И эта послѣдняя одержала верхъ, длинный рядъ ея перевоплощеній еще не заключился!

Впрочемъ, гражданское общество попробовало войти въ соглашеніе съ христіанской религіей. Республиканскіе священники взялись за такое соглашеніе, воображая, что могутъ одновременно повиноваться и Евангелію распятаго на крестѣ Христа и евангелію энциклопедистовъ. Съ полной искренностью они оставались преданными хранителями своей вѣры, произнося въ то же время требуемую отъ нихъ, какъ отъ чиновниковъ государства, присягу, что останутся «вѣрными націи, закону и королю и будутъ поддерживать конституцію». Здѣсь, опять-таки, оправдалось изреченіе священнаго писанія, что нельзя служить двумъ господамъ! Римскій папа не одобрилъ принесшихъ присягу священниковъ, и вскорѣ большинство рьяныхъ католиковъ стало считать ихъ поддерживателями дьявола, колдунами, сторонниками нечистой силы, отравляющими св. причастіе своими злыми дѣяніями; отказывались отъ ихъ молитвъ, съ ужасомъ устранялись отъ ихъ богослуженія и сплачивались еще тѣснѣе вокругъ святыхъ служителей Церкви, не осквер-

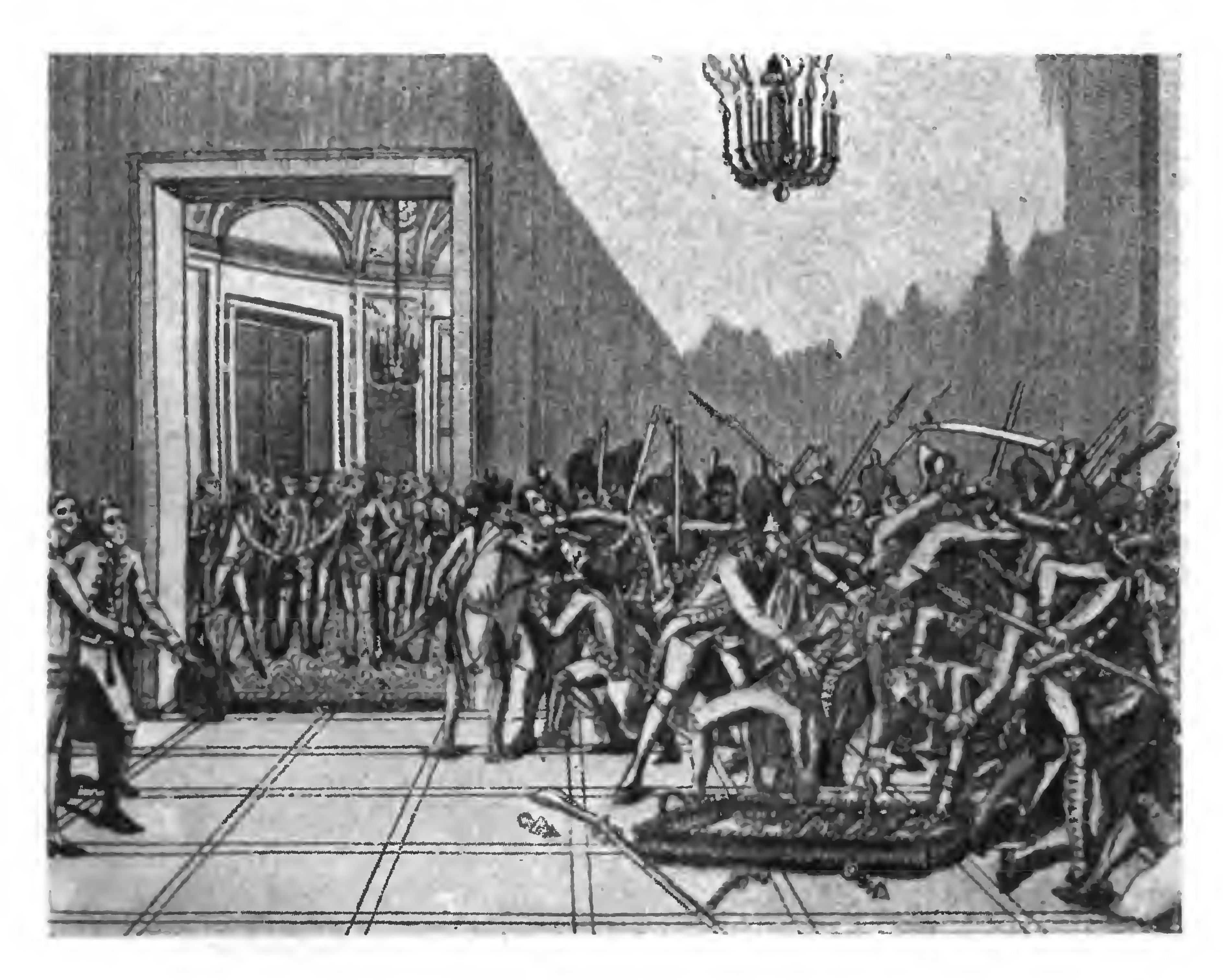
---

1) Michelet. «Histoire de la Révolution française», vol. I, passim.

нившихъ своихъ устъ словами, осужденными Церковью, и остававшихся въ непосредственномъ общеніи со святымъ отцомъ, римскимъ первосвященникомъ, который воплощалъ собою старый режимъ еще полнѣе, чѣмъ самъ король. Антагонизмъ между революціоннымъ обществомъ и традиціоннымъ христіанствомъ сдѣлался еще болѣе сильнымъ, болѣе непримиримымъ съ того времени, когда Учредительное Собраніе, придя къ убѣжденію, что народъ не можетъ обходиться безъ религіознаго культа, рѣшило, что съ этого времени великимъ національнымъ праздникомъ будетъ праздникъ Разума, который будетъ справляться въ самой церкви Парижской Богоматери, на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ самомъ алтарѣ, гдѣ господствовала ранѣе упраздненная теперь религія. Подобныя церемоніи, производившіяся съ огромною театральною помпою и полныя фальши, были по существу не чѣмъ инымъ, какъ пародіей на католическую обѣдню, и были въ то же время значительно ниже ея, такъ какъ не проистекали отъ народа, и среди участвующихъ никто не былъ охваченъ искреннимъ чувствомъ. Столкновенія между Разумомъ и Церковью должно было окончиться побѣдою послѣдней, такъ какъ Разумъ предсталъ предъ толпою также въ качествѣ богини, но несчастной, безсильной, представлявшей собою жалкое подражаніе прошлому. Разумъ явился въ обликѣ Минервы или новой Приснодѣвы, но молитвы не возносились къ нему, тогда какъ подъ сводами церквей чело молящихся склонялось еще предъ почернѣвшими отъ времени изображеніями святыхъ!

Впрочемъ, за предѣлами внѣшнихъ формъ установившагося католицизма,—его не рѣшались еще окончательно изгнать, и даже самъ Робеспьеръ, ставшій почти папою, окруженный сонмомъ вѣрующихъ, замѣтно покровительствовалъ ему, какъ бы для того, чтобы найти болѣе надежную гарантію абсолютной власти, за предѣлами этихъ формъ, всѣ республиканцы, всѣ ихъ установленія и созданія были проникнуты католическимъ духомъ. Всѣ претендовали на то, что добромъ или зломъ насильно создадутъ счастье человѣчеству, всѣ хотѣли ему диктовать нерушимые законы, созданные непогрѣшимымъ умомъ. «Пока вы не создадите по одному и тому же плану и пока не вылѣпите по одному и тому же образцу всѣхъ дѣтей отечества,—говорилъ Дюкосъ,—тщетно будутъ законы ваши провозглашать святое равенство». Каждый революціонеръ носилъ въ самомъ себѣ диктатора! Къ счастью, въ теченіе великой и горячей эпохи революціи, охваченной еще своимъ первымъ пыломъ, всѣ эти диктаторы приходили между собою въ столкновеніе, и изъ этихъ столкновеній возникала въ качествѣ равнодѣйствующей великая дѣятельность народа. Какъ ни сильны оказывались тѣ или другія отдѣльныя личности, какъ ни энергично вторгалась ихъ воля въ царящій хаосъ, все же ни Мирабо, ни Дантонъ, ни кто другой не могъ бы

ничего сдѣлать, если бы не было давленія снизу, если бы его не подталкивали тысячи клубовъ, собраній, союзовъ, которые образовывались всюду, группировались между собою, объединялись и содѣйствовали составленію, возобновленію и оживленію многочисленныхъ сборищъ, болѣе близкихъ ко власти. Союзы обусловливали возникновеніе клубовъ, а эти послѣдніе содѣйствовали возникновенію крупныхъ политическихъ

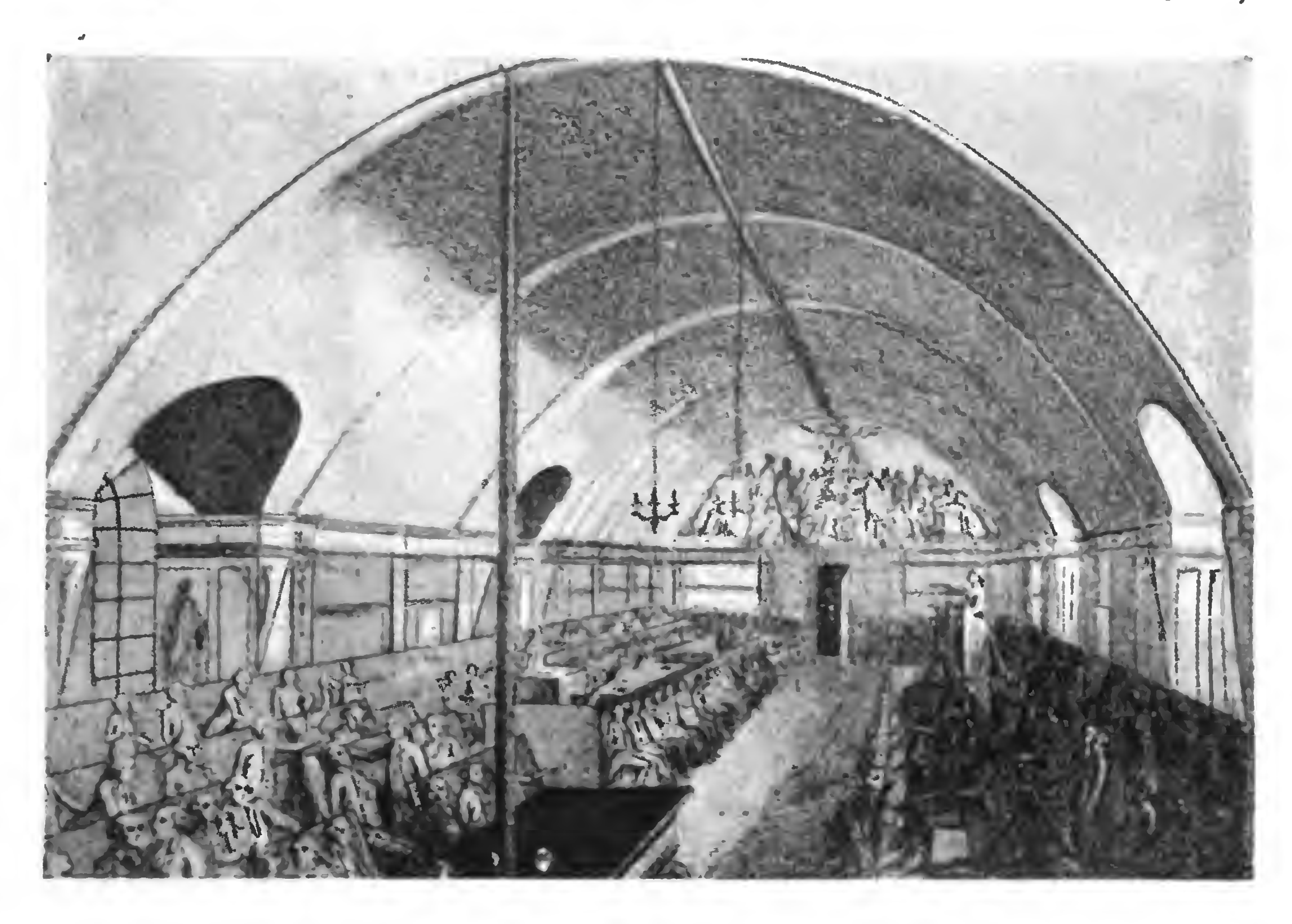


Рыцари кинжала
обезоруживаются въ присутствіи Людовика XVI (февраль 1791 г.)

партій. Кордельеры, якобинцы подготовляли и заранѣе рѣшали то, что парижская Коммуна, Учредительное Собраніе или Конвентъ впослѣдствіи постановляли. Такимъ образомъ, французское населеніе, испытывавшее подъемъ революціоннаго энтузіазма, принимало и съ мандатами и безъ мандатовъ ближайшее участіе въ постановленіяхъ собраній.

Кромѣ гражданской войны, которая подготовлялась, вслѣдствіе разжиганія духовенства, и первыя искры которой разгорались уже иногда въ цѣлые пожары, угрожала еще и война внѣшняя, представлявшаяся тѣмъ болѣе опасной, что во главѣ арміи стояли еще и командовали ею представители высшаго сословія, бывшіе въ большей или меньшей степени скрытыми врагами революціи,—кромѣ того, и самъ король, не то по своей волѣ, не то невольно, былъ соучастникомъ и, какъ пред-

полагалось, главою арміи эмигрантовъ. Военные лагери образовались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ границею, въ Туринѣ и Трэвѣ, и съ обѣихъ сторонъ сообщенія происходили болѣе или менѣе свободно, — офицера даже получали свое жалованіе, и государство платило за ихъ обмундировку и лошадей; не извѣстно было, гдѣ начиналась и гдѣ кончалась Франція,—для Людовика XVI она была, во всякомъ случаѣ,



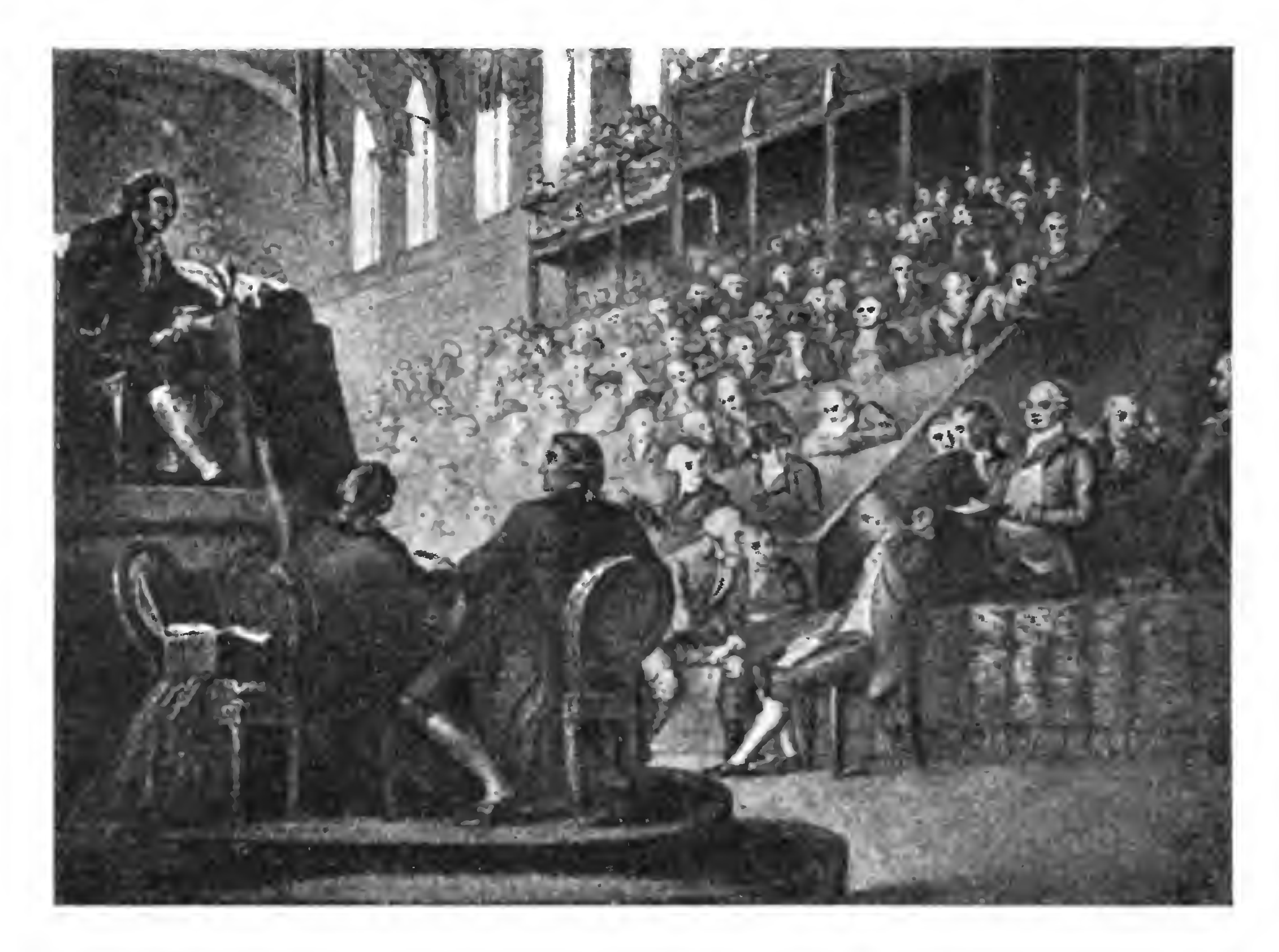
Клубъ якобинцевъ.
Въ настоящее время въ этомъ помѣщеніи находится Парижское Антропологическое Общество и его музей.

далеко отъ Парижа: тамъ, вдали, имѣлись надежныя войска, и вѣрные германцы ожидали только удобнаго момента для того, чтобы побѣдоносно вернуть его обратно въ его столицу, трепещущую отъ страха и разоруженную.

Онъ и попытался на самомъ дѣлѣ бѣжать: онъ проѣхалъ даже въ почтовой каретѣ болѣе трехъ четвертей пути до вооруженнаго лагеря Монмеди, откуда могъ уже подать руку эмигрантамъ Трэва, но тутъ онъ былъ узнанъ и изъ Варенна возвращенъ обратно въ свой дворецъ, въ Тюльери (1791). Этимъ былъ нанесенъ безповоротный ударъ! Съ этого момента король и королева, уже болѣе чѣмъ подозрѣваемые въ измѣнѣ народу, не могли далѣе и надѣяться на примиреніе съ Франціей, и, каковы бы ни были обмѣнивавшіяся съ той и съ другой стороны свидѣтельства уваженія и клятвенныя увѣренія въ любви къ

отечеству, разрывъ неизбѣжнымъ образомъ долженъ былъ привести къ преданію суду и къ осужденію Людовика XVI. Онъ былъ казненъ 21 января 1793 г.

Это событіе привело въ ярость всю монархическую Европу, въ особенности Англію, которая сама, впрочемъ, казнила въ свое время Карла I. Однако, казнь Людовика XVI имѣла гораздо большее симво-



Людовикъ XVI передъ Конвентомъ.

лическое значеніе, чѣмъ казнь Карла I. Англійская революція являлась въ исторіи не болѣе какъ событіемъ мѣстнаго характера, привязаннымъ къ данному народу,—она была распрею между партіями, тогда какъ смерть Людовика XVI была предупрежденіемъ, брошеннымъ въ лицо всѣмъ европейскимъ монархамъ. Французская революція, провозгласившая права человѣка, приняла міровое значеніе, и во имя всѣхъ угнетенныхъ народовъ она и предала гильотинѣ своего короля. Здѣсь дѣло шло уже о борьбѣ между двумя основными принципами, между королевскою властью, происхожденіе которой признавалось божественнымъ, съ одной стороны, и свободою всѣхъ людей, равныхъ по своему рожденію,—съ другой. Людовикъ XVI представлялъ собою жертву, воплощавшую весь старый режимъ, всѣ пережитки, долгое время считавшіеся священными, и французскіе эмигранты, подымавшіе оружіе противъ своего собственнаго отечества, призывавшіе на него чуже-

земныя правительства, являлись логичнѣйшимъ образомъ защитниками общаго дѣла всѣхъ привилегированныхъ лицъ всей Европы. Надъ различными государствами Европы, съ ихъ измѣнчивыми границами, витали, какъ въ древнихъ легендахъ, два духа, оспаривавшіе другъ у друга власть надъ міромъ!

Францiя, какъ государство, была въ это время въ положеніи, которое казалось совершенно отчаяннымъ. На западѣ духовенству и аристократіи удалось поднять крестьянъ противъ буржуазіи городовъ, которая, со своей стороны, охваченная увлеченіемъ, присоединилась къ числу друзей революціи. Такимъ образомъ, старинная ненависть, къ коей у грубыхъ земледѣльцевъ прибавилось справедливое недовольство, обусловленное требовательностью парижскаго центральнаго правительства, вызвало снова борьбу, которая и ранѣе свирѣпствовала въ странѣ, борьбу между латинизированными, преданными христіанству, городами и оставшимися языческими деревнями. Отъ вѣка къ вѣку поддерживалась эта рознь; несмотря на то, что прежніе почитатели каменныхъ глыбъ научились падать ницъ предъ алтарями церквей, враждебныя отношенія сохранились между обѣими кастами. Ненависть къ налогу на соль и къ другимъ налогамъ накопилась въ сердцахъ крестьянства и нашла теперь исходъ, излилась злобой на этихъ «синихъ», особенно когда, какъ искра въ порохъ, проникло извѣстіе о предполагающемся наборѣ въ 300000 человѣкъ. На самомъ дѣлѣ, приверженцы королевской партіи, «шуаны», были также объединены и удовлетворяли лишь своимъ прежнимъ республиканскимъ инстинктамъ, когда ходили «поохотиться на куропатокъ» въ сопровожденіи мелкопомѣстныхъ дворянъ, бывшихъ подобно имъ самимъ полукрестьянами. Кадудаль сказалъ совершенно вѣрно одному изъ офицеровъ, только-что пріѣхавшихъ во Францію: «мой другъ, скажите королямъ, что здѣсь дерутся за нихъ лучше, чѣмъ они сами были бы въ состояніи».

Хаотическій безпорядокъ провинціи далъ время на подготовленіе войны, и разыгравшееся затѣмъ возстаніе, особенно въ Вандеѣ, было тѣмъ труднѣе подавить, что природа страны чрезвычайно благопріятствовала всякимъ засадамъ и нападеніямъ изъ-за угла. Здѣсь имѣлся запутанный лабиринтъ долинъ, извороты коего были извѣстны лишь мѣстнымъ туземнымъ жителямъ; здѣсь тянулось множество мелкихъ холмовъ, изрѣзанныхъ складками и долинами и не имѣвшихъ вовсе естественныхъ пунктовъ, удобныхъ для обозрѣнія окружающей страны; тысячи, сотни тысячъ ущельевъ, замкнутыхъ непроходимостью дороги, для которой являются препятствіемъ камни или слишкомъ большая вязкая почва болотъ; всюду разсѣянныя поля и луга, настоящія естественныя укрѣпленія, скрытыя благодаря густо сплетающимся вѣтвямъ деревьевъ; всюду настоящія бойницы между листьями, изъ которыхъ

можно прекрасно стрѣлять, оставаясь незамѣченнымъ: отовсюду здѣсь раздаются сигналы, подражающіе различнымъ деревенскимъ звукамъ,

№ 430. Театръ Вандейской войны.

Главнѣйшая область вандейскаго возстанія заштрихована по Видаль де Ла Блашъ.

Первыя стычки были при Сенъ-Флоранѣ, при Бопрэ, при Обьэ (25 апрѣля 1793 г.), при Шолэ, гдѣ одержали верхъ вандейцы. Брессюиръ, Туаръ, Сомюръ (6 іюня) были ими заняты, но Нантъ оказалъ мужественное сопротивленіе, и инсургенты вернулись въ свои собственныя области, которыя они затѣмъ и защищали въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, отражая нападенія войскъ Конвента. Наконецъ, они были разбиты при Шатильонѣ, затѣмъ при Шолэ (17 октября). Затѣмъ былъ предпринятъ печальный походъ въ Гранвилль, чтобы заручиться содѣйствіемъ шуановъ Майенны и англичанъ. На обратномъ пути вандейцы были разбиты при Манѣ и Савенэ (23 декабря).

Война, начавшаяся избіеніями въ Машку (мартъ-апрѣль 1793 г.), окончилась потопленіями возставшихъ въ Нантѣ и разореніемъ Вандеи „адскими полками“, однако, мелкая борьба продолжалась еще до 1795 года.

Пораженіе при Киберонѣ относится къ 1795 г.

отдаленному пѣнію птицы, ударамъ клюва дятла, выгоняющаго своимъ клювомъ насѣкомыхъ изъ-подъ коры. Эти звуки, сбивавшіе съ толку, являлись настоящими призывами къ смерти.

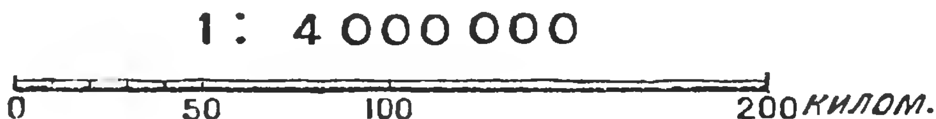
Между тѣмъ, съ другой стороны Франціи раздавались также звуки надвигавшейся великой войны, виднѣлись строящіеся полки, цѣлые армейскіе корпуса и батареи пушекъ подъ предводительствомъ старыхъ генераловъ Фридриха II. Всѣ правительства Европы, одно за другимъ, возставали противъ Франціи, виновной въ томъ, что въ отместку она швырнула имъ подъ ноги голову своего короля. Пруссія, Австрія и другія союзныя государства давали войска, ставшія подъ начало эмигрантовъ-аристократовъ, тогда какъ въ то же время Англія помогала деньгами. Начался новый крестовый походъ противъ французскаго народа и, не говоря уже о мстительныхъ намѣреніяхъ духовенства, въ религіозномъ энтузіазмѣ не было недостатка во время этой священной войны. Во многихъ британскихъ семьяхъ была, положительно, однимъ изъ существенныхъ религіозныхъ убѣжденій ненависть къ французамъ, этому свободолюбивому народу, соединяющему въ себѣ предразсудки католицизма съ проклятыми идеями свободомыслія и съ суетностью элегантной жизни. Найти оправданіе своей ненависти всегда не трудно; можно найти даже болѣе чѣмъ оправданіе—божественное внушеніе. Являлось, такимъ образомъ, совершенно прочно въ теченіе многихъ поколѣній установленнымъ, что даже патріотизмъ и благочестіе требуютъ ненависти къ наслѣдственнымъ врагамъ—къ французамъ.

Казалось совершенно немыслимымъ, чтобы Франція могла противостоять побѣдоносно всей Европѣ, составившей противъ нея заговоръ, тѣмъ болѣе, что одновременно ей приходилось подавлять возмущеніе и ея собственныхъ подданныхъ. Была ли къ тому же у нея въ дѣйствительности армія? Обнаруживали ли хоть какую-нибудь внутреннюю связь между собою полки, остававшіеся въ ея распоряженіи и находившіеся въ этомъ ужасномъ хаосѣ постоянныхъ внутреннихъ переворотовъ подъ командой офицеровъ, которые предавали республику? Уже среди разгорѣвшейся войны приходилось реорганизовать всѣ военныя силы, превращать армію короля въ народную армію, набирать, обучать и дисциплинировать сотни тысячъ рекрутовъ и противопоставлять ихъ сплоченнымъ батальонамъ завоевателей.

Изо всѣхъ дѣлъ революціи именно это, на первый взглядъ столь безнадежное, предпріятіе удалось наилучшимъ образомъ. Центръ войны быстро перемѣстился: изъ сѣверо-восточной Франціи, гдѣ началась борьба, она перешла въ Бельгію и Германію; событія слѣдовали одно за другимъ съ быстротою вулканическаго изверженія. Поразительные военные успѣхи, приводившіе въ отчаяніе реакціонную Европу, должны были бы, казалось, убѣдить ее какъ-разъ въ обратномъ, такъ какъ они проистекали отъ того обстоятельства, что ходъ революціи съ этого времени отклонился въ сторону, удалился отъ своей цѣли. И, несомнѣнно,

№ 431. Войны въ эпоху революціи.

1 : 4 000 000



Густая штриховка покрываетъ территоріи, которыя Людовикъ XIV и Людовикъ XV прибавили къ владѣніямъ Франціи. Округъ Монбельяръ былъ подчиненъ Вюртембергу, округа Бризахъ, Сальмъ, Зааръ, Гагенау—различнымъ германскимъ князьямъ, Мюльгаузенъ входилъ въ составъ союза швейцарскихъ кантоновъ. Ландау, Филиппвилль, Маріенбургъ, Бульонъ составляли часть Франціи.

Епископство Льежа заштриховано рѣдкою штриховкою. Лф.-Лауфель, Рк.-Рокуръ—поля сраженій во время Семилѣтней войны.

умышленно пытались тонкіе политики направить горячее увлеченіе народа въ сторону жаркихъ битвъ!

Импульсъ, которому французы временъ революціи повиновались за предѣлами своей страны, столь же сложнаго порядка, какъ и импульсъ, давшій начало движенію крестовыхъ походовъ, во время коихъ рыцари, монахи и крестьяне, ринувшіеся въ даль съ цѣлью освобожденія св. Гроба Господня, наивнымъ образомъ считали своимъ главнѣйшимъ побужденіемъ религіозную вѣру, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они просто хотѣли удовлетворить свою страсть къ военнымъ приключеніямъ. Возвышенныя чувства, несомнѣнно, въ извѣстной степени примѣшивались къ тому общему подъему, который направлялъ молодежь къ границамъ Франціи. Кое-кто считалъ себя и въ правду глашатаемъ истинной справедливости и свободы и мечталъ объ освобожденіи своихъ собратьевъ по ту сторону Рейна и по ту сторону Альповъ. Быть-можетъ, даже и вся республиканская армія во всемъ своемъ цѣломъ была въ слабой степени проникнута этими идеалами, приподнимавшими ее нѣсколько надъ обычною полковою жизнью. Эти идеалы, по крайней мѣрѣ, выставлялись предлогомъ прежде всего! Однако, очень скоро грубые военные нравы, инстинкты грабежа и убійства взяли верхъ, и честолюбіе, теперь уже допускавшееся у солдатъ, стало заставлять ихъ болѣе мечтать о галунахъ и нашивкахъ офицеровъ и даже о «маршальскомъ жезлѣ». Идея священной формулы—«свобода, равенство, братство»—скоро затерялась среди разоренныхъ странъ и городовъ, взятыхъ приступомъ!

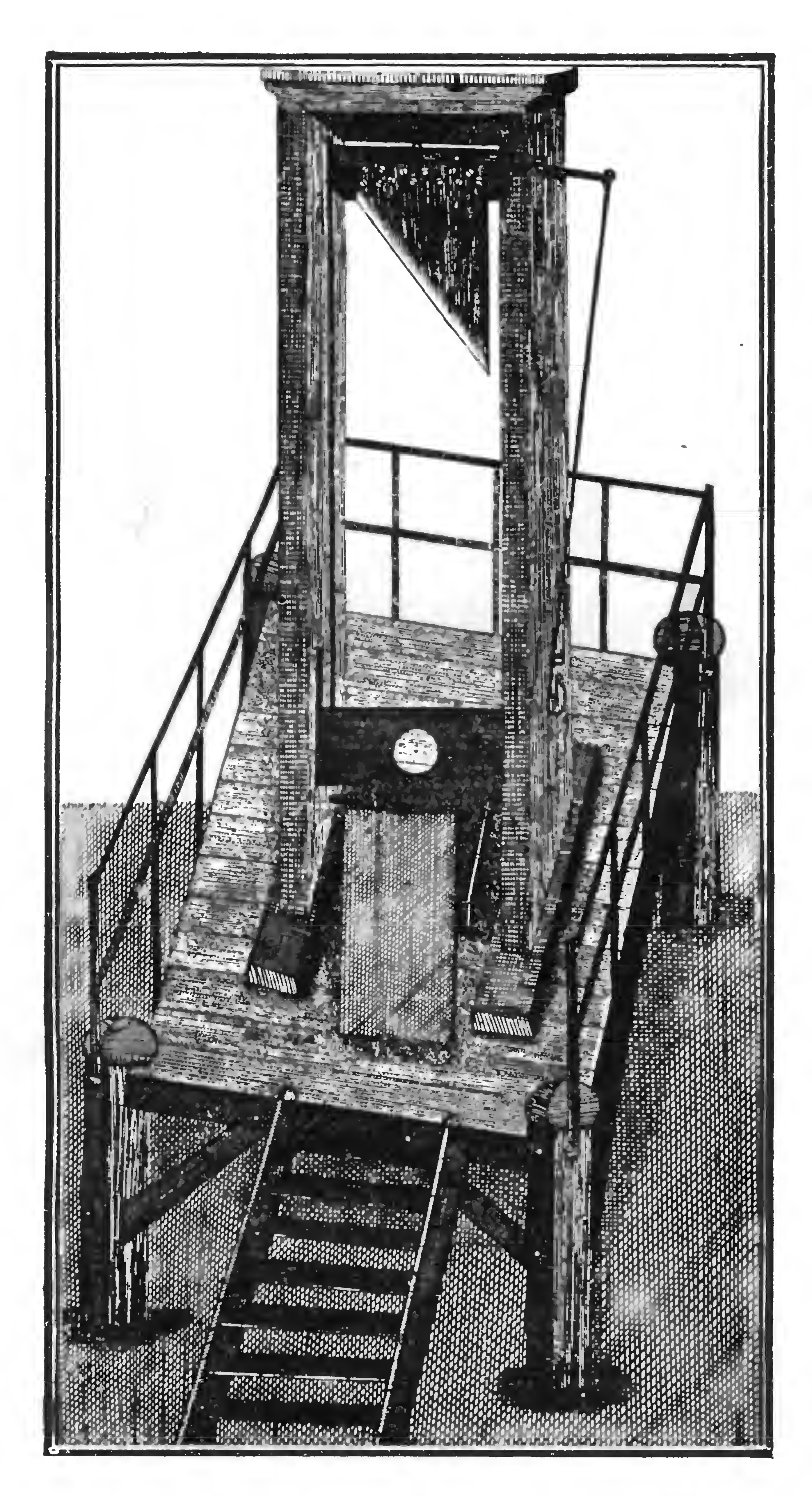
Впрочемъ, побѣды армій, называвшихся республиканскими, были куплены очень дорогою цѣною. Предъ угрожавшею величайшею опасностью французское правительство, движимое къ тому народомъ, положило въ основу своихъ дѣйствій «общественное благо»[1]).

Подобно тому, какъ нѣкогда духовенство видѣло въ Богѣ Единаго Судію своихъ поступковъ противъ еретиковъ, точно также члены Конвента, сдѣлавшись руководителями республики, считали себя отвѣтственными единственно предъ своимъ внутреннимъ пониманіемъ добра. Они повиновались лишь единому стремленію спасти отечество, каковы бы ни были примѣнявшіяся средства, и сколько бы жертвъ ни пришлось при этомъ принести. Правительство вѣдь всегда составляется изъ такихъ же людей, облеченныхъ плотью и кровью, имѣющихъ свои собственные инстинкты, страсти, проявляющихъ любовь и ненависть,—потому, по самой природѣ своей человѣческой, носители власти и весь сонмъ тяготѣвшихъ вокругъ нихъ паразитовъ видѣли враговъ государства прежде всего въ своихъ личныхъ врагахъ, и массовыя казни совершались очень нерѣдко несправедливо, безъ всякаго повода. Не чудовищно ли противорѣчіе, что какъ-разъ въ то время, когда республика,

---

1) Téodore Duret, Revue Blanche, 15 mars 1901, p. 419.

замѣнившая собою монархію, претендовала на установленіе правъ человѣка и провозглашала первѣйшимъ правиломъ уваженіе къ свободѣ личности, новый режимъ сталъ дѣйствовать совершенно обратно своимъ принципамъ и принялъ за аксіому, что жизнь того или другого члена общества—величина ничтожная для общества, ничего не значитъ, будетъ ли пролито нѣсколькими каплями крови болѣе или менѣе?



«Настоящая обыкновенная гильотина—хорошая опора свободы».

Это была такъ называемая эпоха «террора», не потому, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ, начиная съ убійствъ въ сентябрѣ 1792 г., было пролито больше крови, чѣмъ въ нѣкоторыя предыдущія эпохи; въ исторіи Франціи, равно какъ и въ исторіи другихъ странъ, было достаточно событій, во время которыхъ кровь текла въ еще большемъ изобиліи. Но на этотъ разъ это

была кровь короля, духовенства и аристократіи, отсюда и названіе этого періода эпохой «ужаса»—въ эти дни возмездія классъ притѣснителей увидѣлъ, что топоръ палача обернулся на него самого!

Во всякомъ случаѣ, это реакціонное движеніе,—явленіе справедливаго воздаянія, столь естественное для безсознательной массы,—имѣло для республиканской Франціи, нарождавшейся къ новой моральной жизни, результаты самые плачевные. Тогда какъ одни изъ гражданъ привыкали къ виду крови, къ доносамъ, къ дѣятельности полиціи и группировались вокругъ того или другого изъ мелкихъ деспотовъ, другіе—проникались страхомъ и переставали вѣрить въ осуществленіе своихъ идеаловъ. Среди павшихъ подъ гильотиной головъ, многія, безъ сомнѣнія, принадлежали людямъ, работавшимъ мыслью и искавшимъ самымъ ревностнымъ образомъ разгадки тайнъ будущаго человѣчества. Общественное мнѣніе колебалось, руки убійцъ дрожали при исполненіи ихъ жестокихъ дѣяній, и реакція сдѣлалась неизбѣжной! Франція, подвигавшаяся впередъ безъ компаса, безъ опредѣленнаго намѣченнаго пути, передала власть въ руки честолюбцевъ и ловкихъ дѣльцовъ. Революція была ничѣмъ инымъ, какъ длительной надеждой и иллюзіей, что наступитъ, наконецъ, новый день. Осуществленіе идеаловъ было отсрочено до грядущихъ вѣковъ.

Тарелка съ надписью: «Я стою на стражѣ народа».

Равенство могло быть лишь пустымъ словомъ для тѣхъ, кто не имѣлъ никакой собственности, т.-е. для большинства народа. Любятъ твердить, что продажа земельныхъ имуществъ аристократіи и церковныхъ земель имѣла въ результатѣ превращеніе крестьянина въ собственника-землевладѣльца, но это отнюдь не согласуется съ фактами. Вѣрно лишь то, что число землевладѣльцевъ увеличилось въ значительной пропорціи, не опредѣленной, впрочемъ, точнѣе статистикою того времени. Въ этомъ былъ, безъ сомнѣнія, экономическій переворотъ

величайшей важности, такъ какъ новые слои населенія пріобщились къ жизни за счетъ земли, и былъ данъ новый толчокъ къ увеличенію производительности. Однако, самый принципъ распредѣленія имуществъ въ зависимости отъ случайностей наслѣдованія, отъ умѣнія обдѣлывать дѣла и отъ случая, отнюдь не измѣнился, и великое множество представителей земельнаго пролетаріата осталось, какъ и въ прежнія времена, лишеннымъ малѣйшаго клочка земли и осужденнымъ собирать жатву развѣ лишь на поляхъ землевладѣльца-аристократа или представителя буржуазіи. Законъ, правда, признавалъ и даже прославлялъ право собственности, но имъ владѣли лишь тѣ, кто обладалъ уже собственностью, подобно тому какъ въ евангельскомъ изреченіи—«у имущаго еще пріумножится, а у неимущаго и то, что онъ имѣетъ, отнимется»! Таково было неизбѣжное слѣдствіе сохраненія римскаго права въ области землепользованія! На самомъ дѣлѣ именно это и понимала буржуазія, упоенная пріобрѣтеніемъ власти, подъ «правами человѣка»; она провозглашала свое собственное политическое могущество, стоявшее въ соотвѣтствіи съ ея экономическою силою и съ наложеніемъ ея власти на производящую землю. Потому возмущеніе достигло сильнѣйшихъ предѣловъ, когда въ сентябрѣ 1789 г. одинъ священникъ деревни Исси-л'Эвекъ, въ Отюну, принялъ въ серьезъ понятіе «равенство» и приступилъ спокойнѣйшимъ образомъ къ раздѣлу земель поровну между всѣми. Ему поторопились дать понять, что онъ прикасается ко святая святыхъ собственности, являющейся гораздо болѣе священной, чѣмъ всѣ религіозныя дарохранильницы! Люди бѣдные, безпріютные бродяги должны были оставаться безъ всякой собственности за предѣлами законовъ.

Ассигнація временъ революціи.

Такая же политика велась и по отношенію къ рабочимъ. Уничтоживъ «цехи» и «мастерства», трудъ освободили отъ преградъ, создававшихся законами и обычаями и препятствовавшихъ ремесленникамъ

и представителямъ третьяго сословія получать доступъ къ индустріи; рабочіе, однако, не были ничѣмъ вооружены противъ эксплуатаціи своихъ хозяевъ. «Защитники всѣхъ свободъ», т.-е. законодатели, запретили рабочимъ, закономъ 14 іюня 1791 г., образовывать союзы для защиты своихъ интересовъ, которые въ оффиціальномъ текстѣ были названы «такъ называемыми». Шапелье, внесшій этотъ законъ, который съ того времени преобладалъ въ различныхъ формахъ, установилъ съ большою точностью теорію, долженствовавшую позволять какъ отдѣльнымъ, такъ и объединившимся хозяевамъ одерживать постоянно верхъ надъ изолированными закономъ рабочими. «Въ государствѣ—говорилъ онъ—нѣтъ болѣе корпорацій,—въ немъ имѣются лишь частные интересы отдѣльныхъ личностей и интересы общественные. Никому не разрѣшается внушать гражданамъ еще какіе-то интересы промежуточные». Въ силу такихъ принциповъ, общество вполнѣ логическимъ путемъ могло бы запретить даже образованіе клуба игроковъ въ мячъ или собраніе археологовъ! Такимъ образомъ, буржуазія, достигнувъ своей цѣли, запрещала народу, остававшемуся еще угнетеннымъ, пользоваться въ отстаиваніи своего собственнаго дѣла тѣмъ языкомъ, который сама она употребляла. Завоевавшіе власть замѣнили собою бывшее высшее сословіе и поспѣшили припереть покрѣпче за собою ворота крѣпости, въ которую они вступили! Для того же, чтобы еще прочнѣе утвердить исключительное право собственниковъ, тѣ, кто ничего не имѣлъ, были лишены права выборовъ,—болѣе четверти всего французскаго населенія лишилось права избирательнаго голоса—они вѣдь не уплачивали требуемыхъ налоговъ въ размѣрѣ трехъ дней труда или, иначе, трехъ франковъ, слѣдовательно, не могли и претендовать на это.

Впрочемъ, безсознательныя еще массы, давленіе которыхъ неизбѣжнымъ образомъ сказывалось на законодателяхъ, имѣли пока лишь крайне смутное представленіе о своемъ правѣ на владѣніе землею. Соціалистическія идеи были лишь слабо представлены во время того великаго движенія, которое привело къ революціи. Почти всѣ брошюры, написанныя съ великимъ жаромъ въ защиту реформы, свидѣтельствуютъ объ уваженіи къ собственности и, въ силу странной непослѣдовательности, именно во имя самой собственности, этой первѣйшей изъ привилегій, предъявляется требованіе упразднить всѣ привилегіи. «Реформъ, не революцій»—таково было всеобщее требованіе преобразователей, которые вмѣшались въ революцію безсознательно и сами того не желая. Всего вообще около двухъ десятковъ произведеній, смутно соціалистическихъ по внѣшней формѣ, пять или шесть—имѣющихъ болѣе опредѣленную соціалистическую тенденцію,—таково мѣсто, занимаемое соціализмомъ среди четырехъ тысячъ брошюръ, которыя вмѣстѣ съ

наказами выражаютъ собою желанія Франціи въ 1789 г. [1]). И въ теченіе того цикла трагическихъ событій, который имѣлъ мѣсто въ теченіе слѣдующихъ годовъ, сама логика вещей не позволила народиться въ мысляхъ писателей новымъ идеаламъ, сами первичные инстинкты не облеклись еще въ соціалистическія формы. Ни народныя массы, ни люди, которые представляли ихъ, въ родѣ Жака Ру, Варла, Леклерка и другихъ, не располагали ясно выраженными ученіями. Тѣ, кого называли вожаками народа, не вели его, а слѣдовали за нимъ [2]) и ограничивались тѣмъ, что воспроизводили его смутныя пожеланія, заключавшіяся просто-напросто въ «стремленіи къ лучшему, въ грезахъ утолить свой голодъ».

Франсуа-Эмиль Гракхъ Бабёфъ,
род. въ Сенъ-Кентенѣ въ 1760 г., казненъ въ Вандомѣ 26 мая 1797 г.

И, тѣмъ не менѣе, исторія констатируетъ, что революція, хотя и не произнесла самыхъ первыхъ словъ соціализма, была все же его предтечею. Дѣло въ томъ, что она выступила со смѣлостью и отвагою, а такая отвага таитъ въ себѣ зачатокъ новыхъ отважныхъ дѣяній.

Лишь одно единственное имя относится къ сдѣланнымъ въ теченіе революціи попыткамъ вызвать соціальный переворотъ, который побуждался бы стремленіемъ къ равенству между людьми и имѣлъ бы въ результатѣ обобществленіе земли и ея продуктовъ. Это имя—Бабёфа, которому дано было прозвище «Гракха», олицетворяющее отнятіе земель, на которыя имѣютъ равное право всѣ граждане. Обще-

1) André Lichtenberger, Revue Socialiste, 2 juin 1898.—2) Bernard Lazare, «Histoire des Doctrines révolutionnaires», p. 13.

ство, основанное для реализаціи этихъ идеаловъ, было «общество равныхъ»,—оно желало осуществить «общность имущества и труда» [1]). Членовъ его называли анархистами, чего, однако, они вовсе не заслужили, такъ какъ создать равенство хотѣли путемъ установленія законовъ, путемъ изданія указовъ, конституцій, созданія комитета общественнаго спасенія, путемъ организаціи арміи заговорщиковъ, сами воины которой не были посвящены во всѣ тайны предпріятія. Эти мудрыя комбинаціи потерпѣли, однако, крушеніе, и терроръ, начавшій дѣйствовать на пользу реакціи, раздавилъ общество равныхъ: смерть, заключеніе въ тюрьму и изгнаніе было результатомъ всѣхъ ихъ стремленій. Бабёфъ погибъ на гильотинѣ въ 1797 г., тогда какъ его сотоварищъ Буонаротти (1761—1837) жилъ еще такъ долго, что могъ пожать руку послѣ 1830 г. новымъ апостоламъ равенства, представителямъ нарождающихся соціалистическихъ ученій.

Такимъ образомъ, Великая Революція была абсолютно безплодна въ смыслѣ реализаціи единственнаго идеала, который создалъ бы истинный переворотъ—уничтоженія бѣдности. Экономическое движеніе продолжало свой путь, который долженъ былъ привести къ образованію крупныхъ капиталовъ, къ основанію большихъ фабрикъ и къ развитію пролетаріата. Что касается эксплуатаціи правительствомъ трудовъ гражданъ, то она оставалась такою же, какъ и прежде. Какъ остроумно разъясняетъ писатель-скептикъ, реформа обложеній, существовавшихъ при прежнемъ режимѣ, была чистѣйшимъ маскарадомъ,—обложеніямъ этимъ были даны лишь другія новыя названія, чтобы доставить удовольствіе наивной публикѣ, плательщикамъ податей: «подати» и «десятинные налоги» были названы «поземельными налогами», «цеховые» и «промысловые» налоги, равно какъ «пробирное» право, были замѣнены «патентами»; право «контроля» было замѣнено «гербовымъ» сборомъ; «пошлины» были переименованы въ «косвенные налоги»; наконецъ, ужасный «gabelle»—«соляной налогъ», заслужившій проклятіе столькихъ несчастныхъ, присужденныхъ къ галерамъ и къ смерти, былъ замѣненъ болѣе скромнымъ наименованіемъ «налога на соль»; «барщина» была уничтожена, но она была замѣнена уплатою податей натурою. Единственное измѣненіе заключалось въ томъ, что административный языкъ обогатился новыми словами [2]). Былъ, однако, еще одинъ налогъ— налогъ кровью. Никогда не уплачивался онъ столь ужаснымъ образомъ, какъ въ тѣ годы, которые послѣдовали за оффиціальнымъ облеченіемъ властью парламентарной буржуазіи.

По крайней мѣрѣ, одно дѣло было сдѣлано Конвентомъ, являв-

---

1) B. Philippe Buonarotti, «Conjuration pour l'égalité, dite de Babeuf», p. 87.— 2) G. de Molinari, «Grandeur et décadence de la Guerre», p. 221.

шимся истолкователемъ того класса, который установилъ только-что свое политическое господство. Буржуазія понимала, что знаніе необходимо для того, чтобы гарантировать ея собственное могущество, и умѣла пользоваться всѣми успѣхами, совершившимися во всѣхъ отрасляхъ науки. Ею были основаны многочисленныя школы—эти всегда столь обильно накрытыя трапезы, съ которыхъ крохи падали, къ счастью, и въ народъ, собравшійся вокругъ пирующихъ. Безъ сомнѣнія, основаніе школъ должно было привести къ новой монополіи—къ монополіи дипломовъ, къ умственной диктатурѣ; однако, иниціаторы этого новаго дѣла видѣли въ немъ прежде всего лишь благородную сторону предпріятія. Распространеніе образованія и научныхъ изслѣдованій приняло замѣчательные размѣры.

Французская революція въ исторіи мысли соотвѣтствуетъ чрезвычайно крупной эволюціи,—метафизическія размышленія замѣнились измѣреніемъ, взвѣшиваніемъ, распредѣленіемъ по категоріямъ и классификаціей, и это произошло именно въ ту эпоху, когда языкъ «чувства» и «чувствительности» еще преобладалъ, когда трагедія жизни почти всегда сопровождалась реторикой. Лавуазье, одна изъ жертвъ революціи, доказалъ тончайшими взвѣшиваніями, что одинъ изъ элементовъ воздуха, кислородъ, соединяется съ окисляющимися тѣлами; Гитонъ де Морво создалъ изобрѣтеніемъ химическихъ знаковъ новый языкъ, который въ теченіе цѣлаго вѣка служилъ ученымъ и служитъ и до нашихъ дней; наконецъ, благодаря установленію примѣненія метра и всѣхъ его производныхъ мѣръ, что было дѣломъ астрономовъ и математиковъ той эпохи, внѣшняя сторона научныхъ изслѣдованій была въ значительной степени упрощена, вычисленія ученыхъ стали гораздо яснѣе, и сразу жизнь какъ бы удлинилась, такъ какъ въ теченіе ея можно было совершить гораздо большее количество работы. Сама форма нашей планеты, опредѣленная измѣреніями въ Западной Европѣ, въ Лапландіи и въ экваторіальныхъ областяхъ Америки, послужила для установленія метра, отъ котораго затѣмъ были произведены путемъ послѣдовательнаго умноженія на 10 всѣ высшія мѣры длины и путемъ дѣленія на 10—всѣ низшія; исходною точкою для установленія мѣръ вѣса и объема послужилъ тотъ же метръ. Несмотря на стойкость рутины, новыя мѣры постепенно вытѣснили прежніе «футы» и «сажени» и, мало-по-малу, почти завоевали весь міръ, проникнувъ даже къ тѣмъ народамъ, которыхъ самое ихъ зарожденіе въ «этотъ ужасный періодъ революціи» повергало въ священный ужасъ.

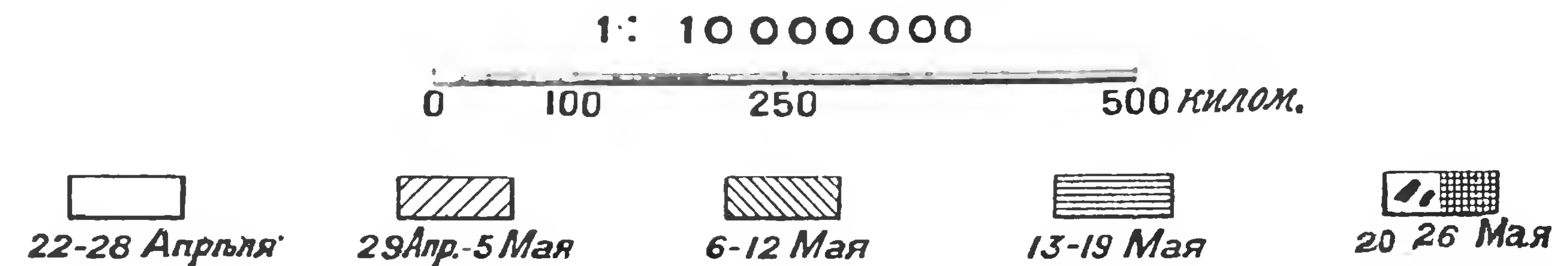
Измѣненіе календаря не имѣло такого же успѣха, несмотря на то, что календарь, до сихъ поръ примѣняемый у такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ, въ сущности—собраніе нелѣпостей, изъ коихъ нѣкоторыя положительно смѣшны. Что такое представляетъ собою,

напримѣръ, это число 1 января, не соотвѣтствующее, положительно, никакимъ ни земнымъ, ни небеснымъ событіямъ? Христіане не находятъ въ пользу него никакого иного аргумента, кромѣ того, что въ этотъ день, по преданію, совершено было обрѣзаніе Богочеловѣка—обрядъ, коимъ Іисусъ Христосъ становился членомъ той самой еврейской религіи, которую онъ долженъ былъ затѣмъ низвергнуть! По всѣмъ астрономическимъ и логическимъ соображеніямъ должно было бы начинать годъ съ начала одного изъ четырехъ временъ года, либо съ лѣтняго или зимняго солнцестоянія, либо съ весенняго или осенняго равноденствія. Французская революція и взяла за начало года осеннее равноденствіе, отнеся къ нему 1-ое вандемьера—день, который долженъ былъ въ то же время напоминать грядущимъ поколѣніямъ о провозглашеніи французской республики. Однако, большинство первобытныхъ племенъ и, можно сказать, вообще всѣ люди, повинуясь своимъ естественнымъ инстинктамъ, считаютъ дѣйствительнымъ началомъ года первые дни весны, когда празднуется «возрожденіе природы». Не менѣе курьезно и раздѣленіе года на неодинаковые по числу дней мѣсяцы. Откуда взялась эта разница въ дняхъ, которыхъ бываетъ то 28, то 29, 30 или 31,—она ни на чемъ не основывается, и даже запомнить ее возможно некакимъ-либо логическимъ способомъ, а лишь путемъ примѣненія совершенно спеціальныхъ и странныхъ мнемоническихъ правилъ. Не было ли бы гораздо болѣе естественно, какъ это и сдѣлали математики-новаторы эпохи революціи, сдѣлать всѣ мѣсяцы содержащими одинаковое число дней, напримѣръ, по 30 дней, раздѣленныхъ на три декады, и прибавить въ концѣ года еще пять или шесть дней дополнительныхъ, какъ того требуетъ время обращенія земли вокругъ солнца? Что касается названій этихъ мѣсяцевъ, являющихся пережитками римскаго календаря, то не должны ли бы и они быть измѣнены не только во имя здраваго смысла, но и во имя достоинства человѣчества? Вѣдь полнѣйшій абсурдъ называть «сентябремъ», т.-е. «седьмымъ мѣсяцемъ», на самомъ дѣлѣ девятый и т. д. вплоть до декабря—«десятаго» мѣсяца, который на самомъ дѣлѣ двѣнадцатый. И положительно недостойно примѣнять въ нашемъ современномъ языкѣ тѣ пріемы низменной лести, которые были выдуманы колѣнопреклоненными царедворцами завоевателя Юлія Цезаря и всемогущаго Августа. Наконецъ, дѣйствительно ли такъ важно сохранять старинное халдейское раздѣленіе мѣсяцевъ на недѣли изъ 7 дней, ритмъ которыхъ мѣняется ежегодно, и не должно ли перемѣнить и номенклатуру дней недѣли, заимствованную безъ какой-либо системы изъ старинныхъ миѳологій, языческой, римской, христіанской?

Французская революція разрѣшила этотъ вопросъ о календарѣ трудами математика Ромма. Освободившись открыто отъ «христіанской рутины», народъ «вписалъ имя республики въ геометріи небесныхъ тѣлъ»

(М. Шелэ); стихотворецъ же Фабръ д'Эглантинъ изобрѣлъ для обозначенія мѣсяцевъ дѣйствительно великолѣпныя наименованія, которыя

№ 432. 1-ое флореаля въ Германіи.



Эта карта, составленная Э. Инэ ((Peterm. Mittheil. 1905, p. 97), основана на времени цвѣтенія 12 видовъ растеній—сливы, вишни, терна, крыжовника, груши, яблони, сирени, каштана, рябины, боярышника, ракитника и айвы—по наблюденіямъ за цѣлый рядъ лѣтъ на многочисленныхъ станціяхъ; важнѣйшія при этомъ станціи отмѣчены первыми буквами своихъ названій. Относительно альпійскихъ мѣстностей нѣтъ еще данныхъ.

сами по себѣ составляютъ уже цѣлую поэму: вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ, нивозъ, плювіозъ, вентозъ, жерминаль, флореаль, преріаль, мессидоръ, термидоръ, фруктидоръ—все названія, которыя, несмотря на контръ-революцію, вошли въ разговорную рѣчь и, несмотря ни на

что, сохранятся подъ нашими небесами. Въ другихъ странахъ названія мѣсяцевъ, составленныя на томъ же основаніи, намѣчаются временами года.

Что касается измѣненія лѣтосчисленія, установленнаго французской революціей, то оно не имѣло никакихъ данныхъ къ тому, чтобы удержаться, и, безъ сомнѣнія, въ будущемъ не будетъ принято. Годъ I республики отнюдь не былъ началомъ новаго человѣчества, освободившагося отъ всѣхъ традиціонныхъ предразсудковъ и живущаго счастливо, въ полной справедливости и среди братской любви: этотъ золотой вѣкъ, вѣчно ожидаемый и постоянно обманывающій ожиданія, отнюдь не насталъ и на этотъ разъ; мелькнувшій лучъ, освѣтившій человѣчество на одинъ моментъ, былъ ложной зарею. Республиканское лѣтосчисленіе, замѣнившее собою христіанскую эру, было лишь иллюзіей, появившейся на мѣсто другой иллюзіи. Ни одна революція, какъ бы ни была она важна по своимъ идеаламъ и по своимъ слѣдствіямъ, не отрываетъ родъ человѣческій отъ его прошлаго, и основной задачей исторіи является показать во всѣхъ подробностяхъ систематическое слѣдованіе событій въ теченіе ряда вѣковъ, равно какъ и ихъ отраженіе на судьбахъ того или другого народа, обитающаго на земной поверхности. Истинной эрой, которую предстоитъ еще установить, является лѣтоисчисленіе, начало коего, научнымъ образомъ установленное, относилось бы къ самому древнему событію, извѣстному въ лѣтописяхъ человѣчества [1]).

Отраженіе разыгрывавшейся во Франціи великой исторической драмы на другихъ странахъ Европы и всего міра было очень различно въ зависимости отъ внѣшней среды. Толчокъ былъ чрезвычайно силенъ и рѣзокъ, и тогда какъ нѣкоторыя государства, напримѣръ, Великобританія, примѣняли отчаянныя усилія, чтобы отразить надвигавшуюся опасность, другія, глубоко захваченныя событіями, должны были приспособляться къ новому порядку вещей, приспособляться къ новому географическому распредѣленію: за прежнимъ неустойчивымъ равновѣсіемъ послѣдовало насильственнымъ путемъ новое, находящееся въ лучшихъ отношеніяхъ съ окружающими условіями.

Такимъ образомъ, напримѣръ, Бельгія была охвачена революціей. Эта страна, составлявшая, противно естественному порядку, часть Испаніи, и этою послѣднею, вслѣдствіе физической невозможности сношеній съ нею чрезъ территорію Франціи, предоставленная въ распоряженіе ея союзницы, не менѣе католической и столь же преданной ей Австріи,— эта страна вступила на путь революціи лишь нѣсколько мѣсяцевъ

---

1) См. по этому вопросу: «Nouvelle proposition pour la suppression de l'ère chrétienne». Temps nouveaux; 6 mai 1905.

спустя послѣ взятія Бастиліи. Она была, однако, силою оружія снова подчинена императорской власти, но затѣмъ въ 1792 г. ее наводнили республиканскіе полки, и вся она сдѣлалась обширнымъ полемъ битвы, гдѣ рѣшались судьбы Европы. Что касается сосѣдней Голландіи, то прошли уже тѣ дни, когда она могла помѣряться силами съ флотами Франціи и Англіи. Старинный республиканскій духъ ея исчезъ, и буржуазія ея, испорченная богатствомъ, добытымъ торговлею пряностями, приниженная морально своимъ паразитическимъ существованіемъ, не имѣла болѣе энергіи, необходимой для примѣненія добытыхъ капиталовъ на защиту родной страны. Со стороны сосѣдей Голландіи, англичанъ и пруссаковъ, былъ сдѣланъ цѣлый рядъ серьезныхъ попытокъ, направленныхъ противъ ея независимости, и затѣмъ, въ свой чередъ, явились въ страну французскія войска. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Голландія была захвачена почти безъ всякаго сопротивленія, и была установлена Батавская республика, естественный спутникъ французской республики (1795 г.). Однако, это новое государство не имѣло флота, или, по крайней мѣрѣ, то, что отъ флота оставалось, было совершенно недостаточнымъ для удерживанія на разстояніи военныхъ судовъ англичанъ. Отдаленныя колоніи голландцевъ, отрѣзанныя отъ сообщенія съ Амстердамомъ и лишенныя мѣстныхъ организованныхъ силъ, которыя могли бы противостоять новымъ завоевателямъ, попали вскорѣ въ руки англичанъ. Это была награда, полученная послѣдними за ту огромную потерю, которую они понесли вслѣдствіе отдѣленія Соединенныхъ Штатовъ: правда, часть этихъ

Ш. Г. Роммъ,
род. въ 1750 г. въ Ріомѣ. Присужденный къ смертной казни во время реакціи преріаля III года, онъ, вмѣстѣ съ пятью своими друзьями, закололся кинжаломъ.

колоніальныхъ владѣній должна была позднѣе быть возвращена Голландіи, но Англія сохранила за собой столь важный стратегическій пунктъ, какъ мысъ Доброй Надежды, равно какъ сохранила и южную Африку съ ея голландскими колоніями, которыя съ того времени въ теченіе почти столѣтія ей никакъ не удается умиротворить.

Народы связаны между собою узами тѣсной солидарности, и, въ силу того, интенсивное реакціонное движеніе, совершавшееся въ Англіи, отразилось и на Франціи, вызвавъ и въ ней ходъ назадъ. Повидимому, можетъ показаться на первый взглядъ парадоксомъ, что главнѣйшими причинами той неудачи, которую претерпѣла революція, должно считать захватъ Индійской имперіи Остъ-Индской компаніей и вообще колоніальный паразитизмъ Англіи съ его необходимыми слѣдствіями—истребленіемъ туземцевъ и обращеніемъ ихъ въ рабовъ. Между тѣмъ, такой выводъ основывается на несомнѣнныхъ фактахъ. Среди многихъ причинъ, отклонившихъ въ сторону революціонный духъ и направившихъ его на фатальный путь кровопролитной войны и завоеваній, самою важною была непоколебимая привязанность Англіи къ старому режиму божественнаго права королей и къ привилегіямъ аристократіи. Вѣдь именно въ Англіи нашла монархическая Европа, благодаря господству этого государства надъ всѣми морями и благодаря выгодамъ, полученнымъ имъ отъ торговли, ту прочную опору, которая, въ концѣ концовъ, обусловила ея побѣду. И эта реакціонная сила черпалась англійской аристократіей не изъ чего иного, какъ изъ соучастія съ нею самого англійскаго народа, испорченнаго своими побѣдами въ дальнихъ странахъ, своею военною славою и всѣми низостями колоніальнаго паразитизма. Величайшія преступленія, совершавшіяся при торговыхъ сношеніяхъ съ Африкой и при эксплуатаціи азіатскихъ владѣній, довели народъ до полнаго нравственнаго паденія со времени революціоннаго періода XVII вѣка, и этотъ регрессъ позволилъ англійской аристократіи воспользоваться противъ второй революціи тѣмъ самымъ народомъ, который совершилъ первую.

Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что революція совершилась во Франціи именно лишь тогда, когда Франція утратила всѣ свои колоніи.

Германская имперія могла, уже въ силу своей обширности, оказывать чрезвычайно энергичное сопротивленіе войскамъ республики, вступившимъ въ борьбу за обладаніе долиною Рейна. Съ этой стороны война велась съ перемѣннымъ счастьемъ, но въ результатѣ борьба должна была развить въ германскихъ народахъ движеніе въ пользу объединенія на почвѣ патріотизма, объединенія, подобнаго тому, которое произошло во Франціи. Лишь путемъ столкновенія и взаимной перетасовки хаосъ, мало-по-малу, приводился въ большій порядокъ. Въ концѣ XVIII вѣка французская революція застала Священную имперію

состоящею изъ 1900 мелкихъ и крупныхъ государствъ, если считать

№ 433. Долина Рейна наканунѣ революціи.

1 : 1000000

Изъ сотенъ различныхъ владѣній, расположенныхъ въ предѣлахъ карты, отмѣтимъ: Шпейеръ и владѣнія шпейерскаго епископа (Шп.), Страсбургъ и владѣнія страсбургскаго епископа (Ст.) владѣнія герцога Лихтенбергскаго (Л.), такъ называемые свободные города - Ландау (Лн.), Виссембургъ или Вейссенбургъ (Вс.), Гагенау (Г.), Васселоне (В.), Шлетштадтъ (Шл.), Оффенбургъ (О.), Гегенбахъ (Гг.), Целль (Ц.) и Гармерсбахъ (Гр.).

въ отдѣльности всѣ лены аристократическихъ родовъ, считавшихся

полными господами въ своихъ владѣніяхъ [1]). Теперь черезъ 100 лѣтъ всѣ эти различныя государства, за исключеніемъ двухъ, существуютъ лишь въ видѣ слѣдовъ или, по меньшей мѣрѣ, «упорно не разлагающихся труповъ», и этотъ контрастъ обусловливается всецѣло событіями, вызванными войнами и самимъ духомъ революціи.

Восточнѣе Франціи Швейцарія находилась въ состояніи полнѣйшаго безпорядка, совершеннаго политическаго хаоса, который можно сравнить лишь съ хаосомъ Германской имперіи. Отдѣльныя государства или кантоны, образовывавшіе конфедерацію, составляли лишь меньшую часть швейцарской территоріи,—эта послѣдняя заключала въ себѣ также мало округовъ или подчиненныхъ областей. Семь кантоновъ изъ тринадцати носили титулъ «свободныхъ имперскихъ городовъ», и нѣсколько аристократическихъ родовъ главенствовало тамъ надъ городскимъ и сельскимъ населеніемъ, лишеннымъ всѣхъ политическихъ правъ. Въ другихъ кантонахъ власть принадлежала духовенству. Затѣмъ имѣлись союзныя области, болѣе или менѣе непосредственно связанныя со Швейцаріей; такова была Женевская республика, таковы же были епископство Базеля, Вале, Сенъ-Галля, конфедерація Гризона, княжество Нейшательское и Валанженское. Французское вмѣшательство, поддержанное, главнымъ образомъ, въ кантонѣ Водъ мѣстными возстаніями, но встрѣтившее въ другихъ мѣстахъ сопротивленіе, въ особенности въ старыхъ кантонахъ, оберегавшихъ наслѣдственныя традиціи, положило конецъ всѣмъ этимъ полнымъ противорѣчій пережиткамъ старины, хотя и не обнаружило особаго уваженія къ «правамъ человѣка», провозглашеннымъ столь торжественно. Въ 1798 г. Швейцарская республика была создана практически въ качествѣ вассальной Франціи страны, такъ какъ она обязалась принимать участіе въ войнахъ сосѣдней республики, доставлять ей 18000 солдатъ сообразно съ традиціями, установленными королевскою властью, и открывать ей два военныхъ пути чрезъ свои горы [2]).

Такимъ образомъ, совершенно напрасно, лишь изъ естественнаго чувства самолюбія считаютъ себя швейцарцы избранною народностью, стоящею выше ихъ сосѣдей по своимъ заслугамъ: подъ давленіемъ той удобной философіи, коей несчастье приписывается грѣхамъ, счастье же добродѣтели, обитатели республиканскихъ кантоновъ Альповъ и Юры хвалятся нерѣдко тѣмъ, что они гораздо лучше французовъ, нѣмцевъ или итальянцевъ,—однако, уже самый фактъ единенія между народностями, говорящими на разныхъ языкахъ, и образованіе ими конфедераціи доказываетъ достаточнымъ образомъ, какое основное руководящее

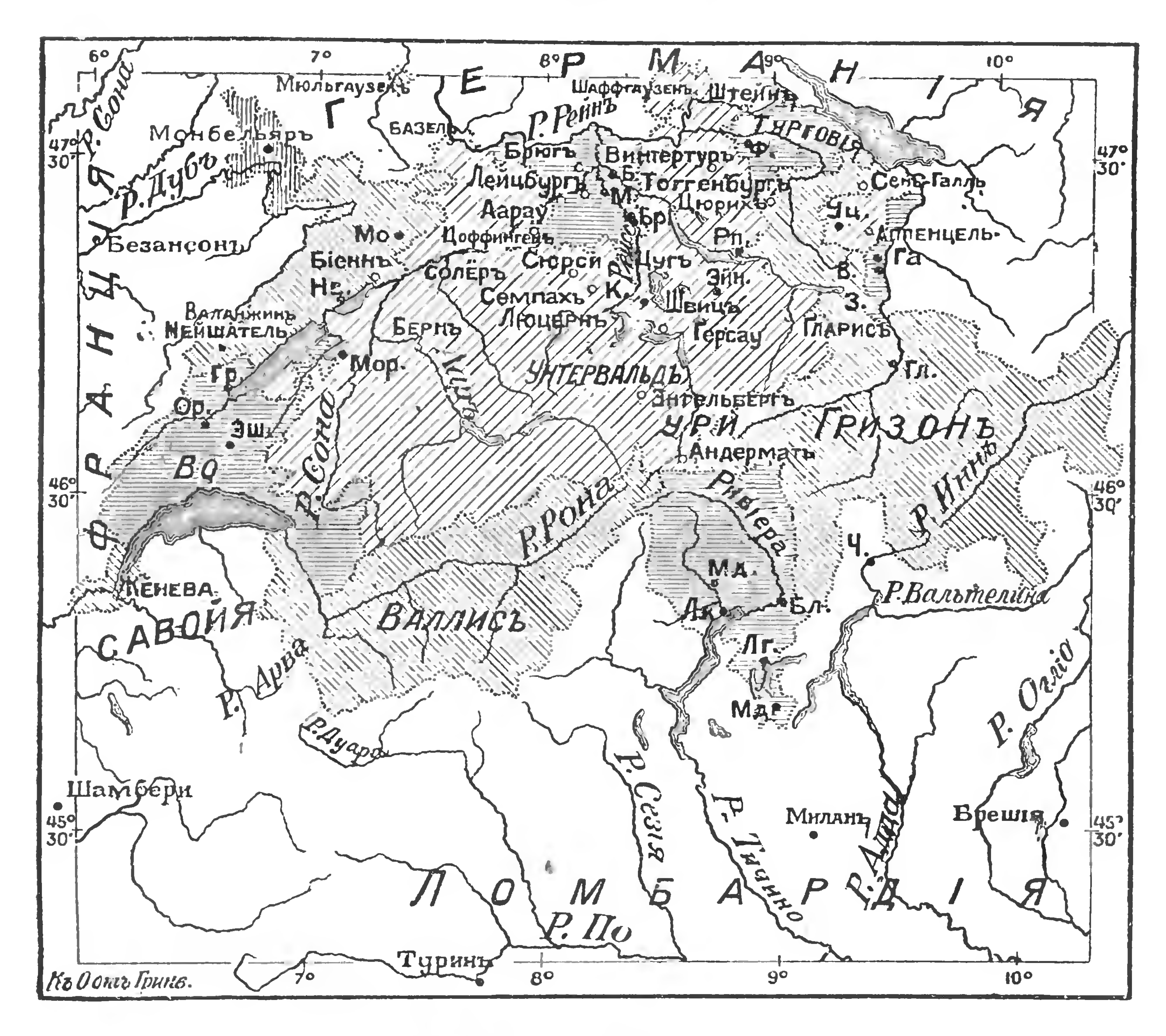
---

1) A. Himly, «Histoire de la formation territoriale des États de l'Europe centrale», t. I, pp. 273 ss.

2) Ernest Nys, «Notes sur la Neutralité», pp. 50, 51.

вліяніе имѣлъ здѣсь самый рельефъ Швейцаріи. Этимъ своимъ горамъ-защитникамъ и тѣмъ спеціальнымъ условіямъ, которыя проистекали

№ 434. Швейцарія въ 1795 г.



Масштабъ 1 : 3000000.

По А. Гимли, главнѣйшіе элементы, изъ которыхъ составлялась Швейцарія, слѣдующіе:

Тринадцать кантоновъ: Цюрихъ, отъ котораго зависѣли свободные города Штейнъ и Винтертуръ; Бернъ съ городами Брюгомъ, Ленцбургомъ, Аарау и Цофингеномъ; Люцернъ съ Семпахомъ и Сурсеемъ; Ури и область Андерматтъ; Швицъ съ вассальнымъ городомъ Кюсснахтомъ и областью Эйнзидельнъ (Эйн.); Унтервальденъ; Цугъ; Гларисъ и вассальный городъ Верденбергъ (В.); Базель; Фрейбургъ; Солеръ; Шаффгаузенъ и, наконецъ, Аппенцелль.

Подчиненныя области: Сарганъ (З.), Турговія и Фрауенфельдъ (Фр.), принадлежавшіе къ 8 стариннымъ кантонамъ и къ Аппенцеллю; Баденъ (Б.), Бемгартенъ (Бр.), Меллингенъ (Мл.), Рапперсвиль (Рп.), принадлежащіе Цюриху, Берну и Гларису; Беллинзона (Бл.) и Ривьера, принадлежавшіе 8 стариннымъ кантонамъ; Локарно (Лк.), Валь-Маджіа (Мд.), Лугано (Лг.) и Медризіо (Мд.), принадлежавшіе всѣмъ кантонамъ, за исключеніемъ Аппенцелля; Моратъ (Мор.), Грандзонъ (Гр.), Орбъ (Ор.) и Эшалленъ (Эш.), принадлежавшіе Берну и Фрейбургу; Уцнахъ (Уц.) и Гамсъ (Гм.), принадлежавшіе Швицу и Гларису; Энгельбергъ и Герзау—свободныя области подъ протекторатомъ 4 лѣсныхъ кантоновъ; область Водъ, принадлежавшая городу Берну.

Союзныя области: аббатство Сенъ-Галль, Тоггенбургъ, городъ Сенъ-Галль и Біеннъ.

Области присоединившіяся: Вале, Мюльгаузенъ, Нейшатель и Валанженъ, Женева, часть епископства Базельскаго съ Валь-Мутье (Мт.) и Неввиль (Нв.), Гризоны и подчиненныя имъ Вальтелина, Чіавенна (Ч.) и Гальденштейнъ (Гл.).

отъ окружающей природы, обязаны швейцарцы своей политической свободой; уваженіе къ правамъ человѣка не играетъ тутъ ни малѣй-

шей роли, такъ какъ важнѣйшимъ промысломъ швейцарскихъ кантоновъ, начиная со среднихъ вѣковъ и кончая началомъ нынѣшняго столѣтія, была продажа солдатъ всѣмъ самодержцамъ-тиранамъ Европы; еще и до настоящаго времени можно, пожалуй, найти въ альпійскихъ долинахъ ветерановъ, которые могутъ похвалиться тѣмъ, что сами состояли въ числѣ такихъ наемниковъ. Несмотря на провозглашеніе постоянной нейтральности, что поставило Швейцарію послѣ 1815 г. въ положеніе совершенно особое въ европейской политикѣ, кантоны продолжали, тѣмъ не менѣе, доставлять войска различнымъ государствамъ Европы—Франціи, Голландіи, Пруссіи. Въ 1816 г. насчитывалось около 30000 швейцарскихъ солдатъ, доставленныхъ чужеземнымъ властителямъ [1]). Лишь федеральная конституція 1848 г. запретила окончательно участіе въ военной службѣ въ чужеземныхъ странахъ, но окончательно достигнуть устраненія этого явленія еще не удалось, и лишь въ 1859 г. подобная продажа людей была приравнена къ преступленію [2]).

Революціи, аналогичныя швейцарской, произошли, благодаря вліянію общаго движенія, и въ государствахъ полуострова Италіи. Тамъ также XVIII вѣкъ былъ подготовительнымъ періодомъ, во время котораго нарушилось равновѣсіе. Импульсъ столь могущественный, что заставилъ папу Климента XIV осудить и изгнать іезуитовъ, и продиктовалъ Бекаріа его книгу о «Преступленіяхъ и наказаніяхъ», полную благородства и гуманности, привелъ въ движеніе все буржуазное общество, въ особенности на сѣверѣ Италіи и въ Тосканѣ. Вопросъ о земельной собственности также былъ поднятъ, и рискнули даже наложить свою руку на земельныя имущества духовенства. Говорятъ, что въ серединѣ XVIII вѣка двѣ трети земель Италіи и, быть-можетъ, даже еще большее количество находились во владѣніи различныхъ церковныхъ общинъ, а изъ остальной трети значительная часть состояла изъ крупныхъ имѣній аристократовъ; лишь одна девятая часть всей итальянской территоріи воздѣлывалась непосредственно самими владѣльцами. Давленіе общественнаго мнѣнія, поддерживаемое мыслителями того времени, заставило правительства сѣверной Италіи секуляризовать значительную часть церковныхъ имуществъ, какъ это было сдѣлано и въ Испаніи, въ Австріи и въ Баваріи; эта секуляризація принесла, однако, выгоду лишь богатымъ капиталистамъ буржуазіи, и земля нисколько не въ большей степени оставалась закрѣпленной за крупными землевладѣльцами [3]).

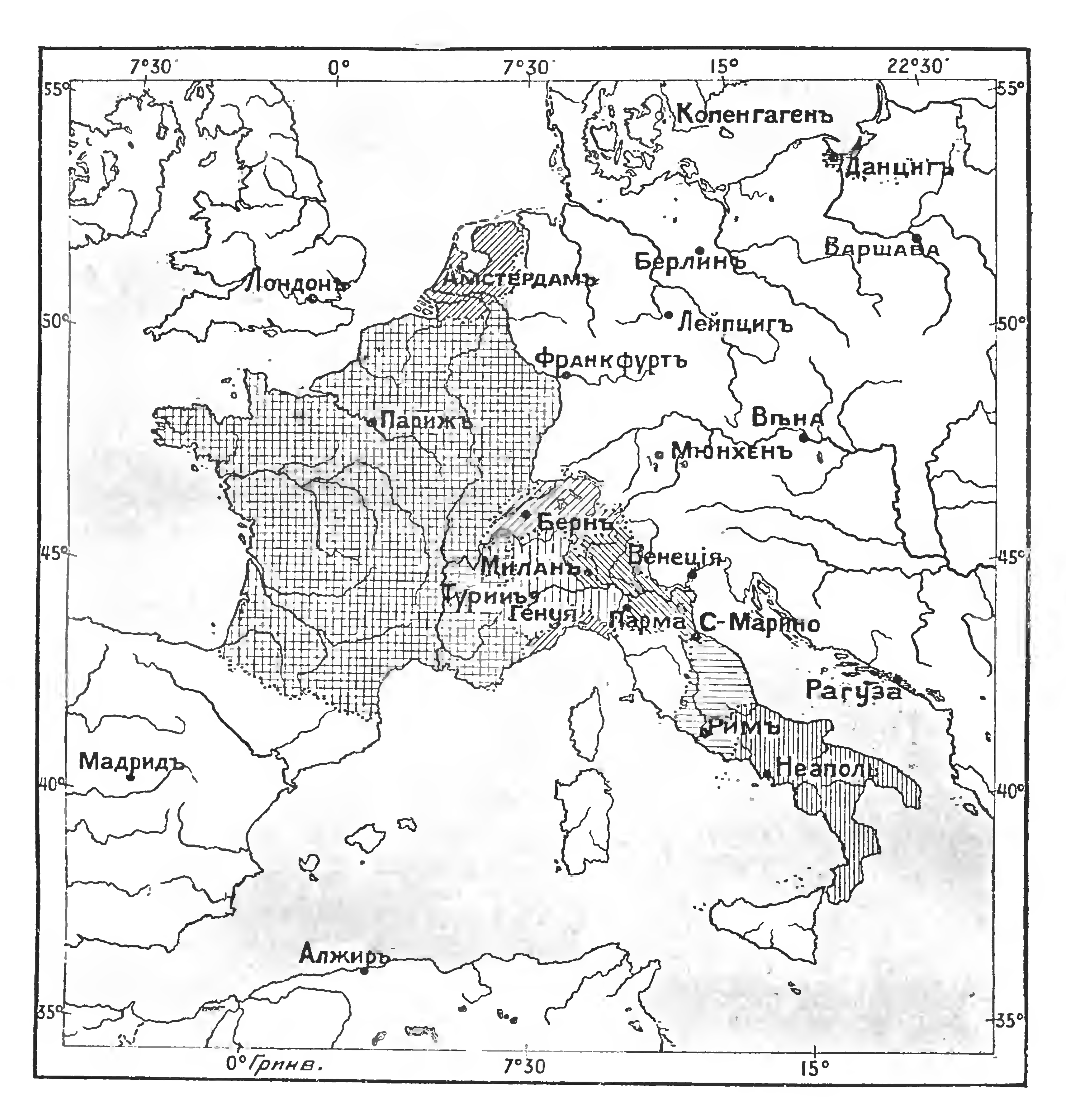
Вторженіе французскихъ войскъ въ Италію имѣло своимъ глав-

---

1) E. von, Muyden, «Essais Historiques, la Suisse sous le pacte de 1815», t. I, p. 531 ss.—2) Ernest Nys, «Notes sur la Neutralité», p. 93.—3) G. de Greef, «Essai sur la Monnaie, le Crédit et les Banques», t. VIII, p. 5.

нѣйшимъ результатомъ если не измѣненіе экономическихъ условій, то, во всякомъ случаѣ, измѣненіе условій вассальныхъ отношеній. Импе-

№ 435. Дочернія республики.



Батавская республика существовала съ 1795 по 1806 г.; Гельветская республика преобразовалась въ 1798 г.; Циспаданская республика, возникшая 16 октября 1796 г. къ югу отъ По, преобразовалась въ республику Цизальпинскую; послѣдняя, основанная 9 іюля 1797 г., сдѣлалась въ 1802 г. Итальянской республикой, президентомъ который былъ Наполеонъ Бонапарте. Лигурійская республика основана 5 іюня 1797 г. и слилась съ имперіей въ 1805 г. Римская республика существовала съ 13 февраля 1798 г. по сентябрь 1799 г.; Партенопейская республика— съ 23 января по 13 іюня 1799 г.

раторъ австрійскій являлся до того времени настоящимъ властителемъ сѣверной Италіи либо непосредственно, либо чрезъ посредство князей, которые къ нему тяготѣли. Франціи необходимо было, слѣдо-

вательно, оттѣснить австрійцевъ за Альпы, и фактически исторія снова начинала, лишь подъ новою внѣшностью, то колебательное движеніе взадъ и впередъ, которое совершалось уже столько разъ на сѣверѣ между устьями Мааса и устьями Рейна, въ центральной части—по направленію къ устьямъ Дуная и въ долинѣ рѣки По. Сила напора, новые быстрые методы веденія войны, наконецъ, до извѣстной степени и сочувствіе народовъ, политическія судьбы которыхъ являлись въ настоящемъ случаѣ ставкою,—все это дало перевѣсъ республиканскимъ войскамъ, и договоръ въ Кампо-Форміо фиксировалъ на нѣкоторое время (1797 г.) униженіе австрійскаго дома.

Измѣненіе равновѣсія заключалось, главнымъ образомъ, въ установленіи въ Италіи различныхъ мелкихъ республикъ, имѣвшихъ вассальныя отношенія къ Франціи: «Цизальпинская» республика, наименованіе которой напоминало владычество древняго Рима, для котораго области рѣки По были «по сю сторону» Альповъ, избрала своею столицею Миланъ. Лигурійская республика получила своимъ главнымъ городомъ Генуя; церковныя владѣнія были внѣшнимъ образомъ превращены въ Римскую республику, и крови св. Януарія въ неаполитанскомъ соборѣ было приказано лишній разъ раствориться, чтобы санкціонировать торжественно основаніе республики Партенопейской. Директорія, диктаторское министерство, управлявшее въ тѣ времена Франціей, приняла политическую тактику—весьма удачную, если бы она была искренней,—заключавшуюся въ томъ, чтобы группировать вокругъ материнской республики цѣлый выводокъ республикъ дочернихъ, тянувшихся отъ Амстердама до Неаполя и образовывавшихъ для Франціи защитную стѣну изъ народовъ, благопріятно къ ней настроенныхъ, что должно было съ этого времени гарантировать равновѣсіе Западной Европы. Однако, на самомъ дѣлѣ, эти республики были лишь наименованіями безъ реально существующихъ объектовъ, были простыми пятнами краски, нанесенными на карту Европы. Созданныя прежде всего военною силою и ею же поддерживавшіяся, эти дочернія республики ожидали лишь новаго насильственнаго переворота для того, чтобы отдѣлиться отъ материнской. Кромѣ того, не были ли онѣ уже достаточно предупреждены о грозящей имъ судьбѣ заявленіями генерала Бонапарте, указывавшаго своимъ солдатамъ съ высотъ Альповъ на прекрасную землю Италіи? «Вы голодны и почти голы... Я поведу васъ въ самыя плодородныя равнины міра,—тамъ вы найдете огромные города, богатыя области, тамъ отыщите вы почести, славу, богатство» [1]).

Эти города, эти области разграблялись, облагались контрибуціей и штрафами, причемъ провозглашались свобода и грядущее благоден-

1) Прокламація въ Альбенга, 20 жерминаля, IV года республики».

ствіе. Полководецъ-побѣдитель, поражавшій, пугавшій даже свое собственное правительство своими непрерывными побѣдами, внезапными какъ удары молніи, дѣйствовалъ съ этого времени по своему усмотрѣнію,—онъ не давалъ себѣ даже болѣе труда читать приказы Директоріи. Онъ пощадилъ свѣтскую власть папы, несмотря на данныя ему приказанія, онъ пощадилъ и Австрію и самымъ низменнымъ образомъ предоставилъ ей въ кампо-формійскомъ договорѣ Венеціанскую республику, независимость которой была ранѣе торжественно обѣщана.

Впрочемъ, это послѣднее старинное государство, казавшееся столь почтеннымъ по своему прошлому величію, пало на самую низкую ступень моральнаго разложенія. Когда Венеція, замѣщенная Португаліей и Испаніей, затѣмъ Голландіей и Англіей, утратила свою торговлю съ дальними странами, а вслѣдствіе того и свою промышленность, она сохранила еще свои пріобрѣтенныя богатства, но должна была изъять ихъ изъ области торговаго обмѣна,—богатства эти были употреблены на выдачу займовъ и ипотекъ и на покупку земель. Осторожная до того времени республика, избѣгавшая захватывать земли, кромѣ острововъ и мысовъ, которые легко было бы защитить со стороны моря, стала теперь заниматься покупкой земель на континентѣ. Аристократы-капиталисты превратились въ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ 1780 г. Венеція располагала въ Италіи и въ Истріи, на Далматскомъ и Албанскомъ побережьѣ, равно какъ на Іоническихъ островахъ, очень обширными владѣніями, населенными болѣе чѣмъ 3000000 жителей. Эти огромныя земельныя имущества [оставались, однако, иммобилизированными въ рукахъ ихъ владѣльцевъ,—общее теченіе раскрѣпощенія [1] земель не захватило Венеціи, равно какъ и большей часть итальянскихъ областей. Начиная съ XVII вѣка, граждане знаменитой республики претерпѣли величайшее униженіе, такъ какъ видѣли, что голландцы и англичане дѣлаютъ имъ успѣшную конкуренцію въ гаваняхъ Ливорно, Неаполя и Анконы. Венеція, въ концѣ концовъ, стала посылать свои собственные товары въ Ливорно, гдѣ ихъ забирали англійскіе экспортеры, чтобы везти на востокъ. Наконецъ, наканунѣ своего паденія венеціанская аристократія жила уже исключительно самыми низменными пріемами капиталистической торговли—игрою и проституціей. Одно изъ прекраснѣйшихъ зданій города было посвящено азартнымъ играмъ, и венеціанскіе патриціи, въ своихъ одеждахъ сановниковъ государства, возсѣдали тамъ въ качествѣ банкометовъ, представляя государственную власть во всемъ ея величіи, но будучи на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ живущими на жалованіи агентами компаніи еврей-

---

1). G. de Greef, «Essai sur la Monnaie, le Crédit et les Banques», VIII, pp. 4—5.

скихъ и христіанскихъ капиталистовъ. Всѣ игроки являлись въ маскахъ, тогда какъ банкометы сидѣли съ открытыми лицами [1]).

Однако, до какой степени позора ни спустилась Венеція, благодаря паденію государственныхъ учрежденій, въ которыхъ народу было отказано рѣшительно во всякой иниціативѣ, эта старинная республика не попала бы все же въ руки австрійской монархіи, если бы Франція сама не находилась въ данный моментъ въ состояніи переходномъ между республиканскимъ и монархическимъ образомъ правленія. Одна единая личная воля начинала управлять Франціей и заставляла себѣ повиноваться,—ею было продиктовано немедленное заключеніе мира съ Австріей, что имѣло цѣлью не допустить другихъ полководцевъ на берегахъ Рейна добиться результатовъ еще болѣе рѣшительныхъ, чѣмъ результаты, полученные Наполеономъ Бонапарте.

Эта же самая единоличная воля рѣшила и предпріятіе изумительной и романтической экспедиціи въ Египетъ. Очевидно, ни французскій народъ во всей своей массѣ, ни даже большинство правящаго государствомъ совѣта, не принимало ни малѣйшаго участія въ этихъ химерическихъ авантюрахъ, задуманныхъ полководцемъ, жаждавшимъ славы Александра Великаго или Цезаря. Тѣмъ не менѣе, Директорія охотно дала свое согласіе на выполненіе этой фантазіи, видя въ ней единственное средство отстрочить появленіе опаснаго властителя и надѣясь даже, быть-можетъ, втайнѣ, что онъ не вернется изъ гибельной экспедиціи.

Какъ ни геніально была задумана и какъ ни блестяще была выполнена экспедиція въ Египетъ, ей не суждено было увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ предполагавшеюся цѣлью этого предпріятія было вырвать изъ рукъ Великобританіи владѣніе Индіей, и такъ какъ путь въ Калькутту проходилъ еще вокругъ мыса Доброй Надежды,—отсюда и фантастическое наименованіе, данное войскамъ, отправленнымъ въ долину Нила, «лѣваго крыла англійской арміи». Египетъ, который ранѣе былъ естественнымъ посредникомъ между Востокомъ и Западомъ и впослѣдствіи долженъ былъ снова таковымъ же сдѣлаться, какъ-разъ въ эпоху Бонапарта не былъ такимъ посредникомъ. Такимъ образомъ, экспедиція въ Египетъ не могла имѣть никакихъ серьезныхъ результатовъ,—французское правительство видѣло въ ней лишь способъ продлить свою власть и отсрочить неизбѣжную свою отставку; полководецъ же, пускавшійся на удачу въ дальнюю страну, искалъ лишь внѣшней славы, фиктивныхъ завоеваній, украшаемыхъ воспоминаніями классическихъ временъ.

Съ 36000 солдатъ, изъ коихъ каждому онъ обѣщалъ по возвращеніи изъ экспедиціи столько денегъ, что «будетъ изъ чего купить

---

1) Daru, «Histoire de Venise».

шесть десятинъ земли» [1]), Бонапарте сперва одержалъ рядъ легкихъ побѣдъ. Завладѣвъ беззаконнымъ образомъ Мальтой, причемъ ему удалось удачно ускользнуть отъ преслѣдованія англійскаго флота, онъ могъ затѣмъ выдавать себя за посланца Аллаха и любимца Магомета, кудесника, повелѣвающаго надъ великимъ змѣемъ, вышедшимъ изъ подножья колонны Помпея [2]); вскорѣ, однако, послѣ этого періода побѣдъ

Офицерскій эполетъ съ изображеніемъ провозглашенія правъ человѣка.

настали черные дни: французскій флотъ былъ уничтоженъ Нельсономъ въ водахъ Абукира, затѣмъ французская армія остановилась подъ стѣнами Сенъ-Жанъ д'Акра и не могла ничего съ нимъ подѣлать; послѣ похода, сопровождавшагося ужасными жестокостями, которыя Наполеонъ, сдѣлавшись на время восточнымъ деспотомъ въ родѣ Тимура или Мурада, считалъ дозволенными въ этой странѣ, столь удаленной отъ вниманія Европы, онъ, покинувъ свою армію, бѣжалъ и, успѣшно обманувъ англійскія суда, высадился во Франціи, чтобы снова выступить въ качествѣ «человѣка, намѣченнаго самимъ Провидѣніемъ».

Гибель французской арміи въ Египтѣ была неизбѣжна. Она не могла бы удержаться иначе, какъ въ томъ случаѣ, если бы рѣшилась остаться на завоеванной землѣ и образовать новое независимое государство въ родѣ того, какъ это дѣлали крестоносцы въ средніе вѣка; французскіе сол-

1) «Прокламація 3-го флореаля, VI года республики».

2) Свиданіе Бонапарте... со многими муфтіями и имамами внутри великой пирамиды... 25 термидора VI года.

даты стремились, однако, вернуться въ свое отечество и были, такимъ образомъ, осуждены съ самаго уже начала на капитуляцію, такъ какъ море было занято англичанами. Память объ удивительной экспедиціи въ Египетъ исчезла какъ миражъ въ пустынѣ. Отъ нея сохранились лишь томы драгоцѣнныхъ научныхъ изслѣдованій—памятникъ, воздвигнутый 175 членами «Комиссіи наукъ и искусствъ». Эти ученые, сопровождавшіе французскія войска до первыхъ пороговъ Нила съ цѣлью изученія почвы, климата, надписей, изваяній, могилъ и всего, что сохранилось отъ древней египетской цивилизаціи, были на африканской почвѣ представителями побѣдоноснаго шествія человѣческаго духа XVIII вѣка, ставшаго благодаря французской революціи дѣйствующею волею. Эти научныя изслѣдованія должны были повести къ отвоеванію всей исторіи прошлаго, считавшейся навсегда погребенной. Камень, открытый въ Розеттѣ и попавшій позднѣе, благодаря случайностямъ войны, въ Британскій Музей, позволилъ изслѣдователямъ, благодаря своимъ надписямъ на трехъ языкахъ, дешифрировать іероглифы, и, мало-по-малу, отъ значка къ значку, отъ рукописи къ рукописи, передъ нами раскрылись лѣтописи древняго міра. Научныя изслѣдованія египетской комиссіи, столь удачныя въ области изученія прошлаго, имѣли меньшее значеніе въ смыслѣ подготовки будущаго. Нивелировка, произведенная Лепэромъ, съ цѣлью выясненія возможности прорытія канала между Средиземнымъ и Краснымъ морями, дала результаты, обезкуражившіе изслѣдователей,—къ счастью, 50 лѣтъ спустя было констатировано, что результаты эти ошибочны. По заключенію геодезиста Лепэра, уровень Суэцкаго залива примѣрно на 10 метровъ (9,908) выше уровня Средиземнаго моря; потому, чтобы избѣжать наводненія побережій Средиземнаго моря, пришлось бы ограничиться постройкой канала со шлюзами отъ Нила до Краснаго моря. Несмотря на это, африканскій міръ съ того времени сталъ однимъ изъ притягательныхъ центровъ, занимавшихъ вниманіе Европы, и менѣе чѣмъ черезъ три четверти вѣка послѣ вызванныхъ тщеславіемъ и безполезныхъ битвъ у пирамидъ и у горы Табора, Египетъ сдѣлался столь же великими торговыми вратами Стараго Свѣта, какъ во времена фараоновъ и Птоломеевъ.

По другую сторону земного шара французская революція также должна была отозваться громкимъ эхо. Однако, новая республика Соединенныхъ Штатовъ, бывшая черезчуръ англійской по духу, не могла поддаться вліянію революціоннаго движенія, которое имѣло своею цѣлью, ни болѣе, ни менѣе какъ провозглашеніе правъ человѣка. Завоевавъ свою независимость, благодаря своимъ явившимся вмѣстѣ съ Лафайэтомъ и Рошамбо французскимъ союзникамъ, Соединенные Штаты отнюдь не желали порывать сношенія съ новой французской республикой, но они держались по отношенію къ ней съ большою осторожностью,

которую ничтожнѣйшій поводъ могъ превратить во враждебность. Больше всего проявляли къ ней симпатіи небольшія группы креольской буржуа-

№ 436. Египетъ и Сирія во время Бонапарте.

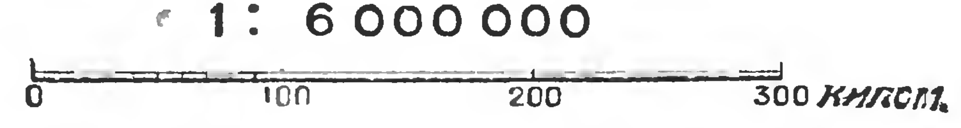
зіи, образовавшейся въ Мексикѣ, въ Лимѣ и въ Буэносъ-Айресѣ,—онѣ, несмотря на дальность разстоянія, подпали вліянію философскихъ ученій энциклопедистовъ. Эти группы, однако, были слишкомъ малочисленными, чтобы имѣть возможность обратить свои симпатіи въ дѣйствія. Возста-

ній, направленныхъ въ сторону установленія республиканскаго строя, не было нигдѣ, кромѣ португальскихъ колоній Бразиліи, гдѣ благородный Тирадентесъ, съ нѣсколькими студентами и офицерами, сдѣлалъ безплодную попытку провозгласить національную независимость: это было въ 1789 г., въ томъ самомъ году, когда во Франціи пала Бастилія. Возстаніе это произошло на цѣлый вѣкъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало.

Что касается великаго перувіанскаго возстанія, подъ начальствомъ Тупакъ Амару—«блестящаго ужа»,—возстанія, происшедшаго въ 1780 г., за два года до окончательнаго признанія независимости Соединенныхъ Штатовъ, то оно вовсе не имѣло задачей освобожденіе народовъ; несмотря на то, что оно было вызвано невыносимымъ гнетомъ режима, оно было въ дѣйствительности не болѣе какъ внутренней войной за интересы династіи и имѣло своею цѣлью просто-на-просто перемѣну властителя и возстановленіе власти инковъ. Самыя условія этого возстанія, которое было къ тому же очень быстро и съ большою жестокостью подавлено, свидѣтельствуютъ о томъ, что среда и общество Сѣверной Америки и Америки Южной были почти несравнимыми между собой величинами. Тогда какъ колонисты, говорящіе на англійскомъ языкѣ, совершенно расчистили вокругъ себя мѣсто, уничтоживъ и оттѣснивъ туземцевъ, почему могли не безпокоиться о томъ, что ихъ абсолютная власть потерпитъ отъ образованія лиги туземныхъ племенъ, потомки конквистадоровъ жили, напротивъ, во всѣхъ частяхъ огромной завоеванной ими страны среди толпы порабощенныхъ ими народовъ: они находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ этническими элементами, питающими противъ нихъ злобу и ненависть, и не столько недовольныхъ далекой Испаніей, сколько враждебно относящихся къ своимъ притѣснителямъ-испанцамъ. Лишь изъ-за недостатка надлежащей перспективы и въ виду близости обоихъ американскихъ континентовъ писатели старались отыскать аналогичныя причины историческимъ движеніямъ, бывшимъ по происхожденію своему совершенно различными. Во всякомъ случаѣ, вліяніе идей, которыя были выработаны Западною Европою въ теченіе XVIII вѣка, ни въ чемъ абсолютно не проявлялось. Непосредственное и сильнѣйшее отраженіе французской революціи сказалось на огромномъ островѣ, называвшемся въ тѣ времена островомъ Санъ-Доминго, и на остальныхъ Антильскихъ островахъ, принадлежавшихъ Франціи. Именно сюда на островъ Испаньолу были, какъ извѣстно, ввезены въ качествѣ рабовъ, въ самые первые годы послѣ занятія острова испанцами, африканскіе негры. Въ 1517 г. ввозъ чернокожихъ, установленный эдиктомъ, достигалъ 4000 въ годъ, и уже въ 1522 г. ихъ было такое количество на плантаціяхъ Діего Колумба, сына адмирала, что они могли истребить всѣхъ колонистовъ. Нерѣдко для нѣкотораго оправданія и извиненія плантаторовъ утверждали, что земледѣльческій

трудъ подъ жгучими лучами солнца Антильскихъ острововъ для европейцевъ немыслимъ; это утвержденіе, однако, неправильно, какъ было доказано самими рабовладѣльцами: они ввозили сюда «нанятыхъ» европейцевъ изъ своего собственнаго отечества, и тѣ за пропитаніе и за кое-какое небольшое жалованіе давали обѣщаніе работать на хозяина въ теченіе извѣстнаго ряда лѣтъ. Какъ бы то ни было, африканское

№ 437. Островъ Гайнанъ.



Въ теченіе XVII вѣка фрачцузскіе колонисты устроились въ сѣверо-западной части острова, и по Рисвикскому договору островъ Гаити былъ раздѣленъ между испанцами и французами. Въ 1795 г. французы пріобрѣли и испанскую половину острова. Когда французы были изгнаны, образовались соперничавшія между собой государства. Начиная съ 1844 г., республика Санъ-Доминго и республика Гаити раздѣлили между собою островъ пополамъ, на западную и восточную половину, причемъ столицами ихъ явились города Санъ-Доминго и Портъ-о-Пренсъ.

рабство вытѣснило всѣ другіе роды труда, и торговцы Сенегала и другихъ привилегированныхъ англійскихъ, голландскихъ, французскихъ компаній состязались между собою ревностно въ теченіе всего XVII и XVIII вѣка, стараясь добыть «превосходные экземпляры изъ Индіи» для собственниковъ Антильскихъ острововъ. Французскіе плантаторы, замѣнившіе собою въ западной части Санъ-Доминго испанцевъ, прославились вскорѣ тѣмъ, что располагали наилучшимъ человѣческимъ инвентаремъ, добытымъ въ дальнихъ странахъ путемъ коварства и возмутительныхъ жестокостей. «Гражданинъ» Дюкержоли въ своемъ цѣнномъ «Manuel des Habitants de Saint-Domingue»[1]), вышедшемъ въ Парижѣ въ X году

1) Cité par A. Cone, «Nos Créoles», p. 24, 29.

республики, описываетъ спокойнѣйшимъ образомъ «четыре наиболѣе употребительныхъ способа добыванія негровъ для земледѣльческой культуры». Первый и «самый продуктивный» способъ, это—похищеніе. Образъ дѣйствій былъ чрезвычайно простъ. «Нѣкоторые прячутся въ лѣсу или вблизи дорогъ и поджидаютъ ничего не подозрѣвающихъ прохожихъ подобно тому, какъ охотникъ подкарауливаетъ робкую дичь; другіе садятся въ засаду на рисовыхъ поляхъ и захватываютъ всѣхъ дѣтей, которыхъ земледѣльцы посылаютъ для того, чтобы прогонять птицъ; нѣкоторые также держатся вблизи источниковъ и захватываютъ всѣхъ несчастныхъ, кого жажда заставитъ подойти къ водѣ, или же устраиваются вблизи заливовъ, чтобы захватить тѣхъ рыболововъ, которые занимаются промысломъ для снисканія себѣ пропитанія. Однако, самымъ выгоднымъ мѣстомъ для нападенія на чернокожихъ могутъ служить степи, когда на нихъ трава высока, или же засада вблизи тропинокъ, ведущихъ отъ одной деревни къ другой». Еще однимъ способомъ добыванія рабовъ было разжиганіе войны между отдѣльными властителями Гвинеи. «Побѣжденные, избѣжавшіе смерти, осуждены на рабство .. Какъ только прибудутъ суда, начальники племенъ отправляются тотчасъ же на завоеваніе какихъ-нибудь областей, сжигаютъ села, опустошаютъ страну, забираютъ въ плѣнъ всѣхъ жителей, если только сами, ставши жертвою своей жадности, не дѣлаются добычею торговцевъ». Въ-третьихъ, можно было «возбуждать властителей противъ ихъ собственныхъ подданныхъ». Наконецъ, послѣднимъ средствомъ, наиболѣе хитрымъ, была «замѣна прежнихъ наказаній за преступленія и проступки у чернокожихъ племенъ однимъ единственнымъ наказаніемъ—обращеніемъ въ рабство и продажей... Чтобы увеличить число виновныхъ, увеличивали число преступленій. Властители выдумывали самыя тонкія раздѣленія проступковъ, чтобы устанавливать наказанія за нихъ; они постановляли, что крупные проступки наказуются лишеніемъ свободы не только самихъ виновныхъ, но и всѣхъ членовъ семьи мужескаго пола, наконецъ, всей семьи и даже всѣхъ друзей ея. Продавали въ рабство также должниковъ, которые не могли уплатить свои долги, и на побережьѣ работорговцы, устраивали запасы дѣтей чернокожихъ, которыхъ продавали по мѣрѣ того, какъ они достигали работоспособнаго возраста».

Подобныя жестокости должны бы, казалось, тронуть народъ, который чрезъ своихъ представителей собирался провозгласить права человѣка съ такимъ захватывающимъ энтузіазмомъ. И, на самомъ дѣлѣ, кое-какіе робкіе голоса пробовали подниматься въ защиту чернокожихъ, этихъ наиболѣе угнетаемыхъ представителей рода человѣческаго. Однако, то, что называется «правами благопріобрѣтенными», иначе говоря, утвержденныя традиціей преступныя дѣянія импонировали все же и

самымъ благороднымъ изъ мыслителей. Никто не рѣшался наложить руку на имущество сатраповъ изъ высшаго сословія, добывавшихъ столь легкимъ способомъ колоссальныя богатства трудомъ другихъ и иногда столь щедро открывавшихъ свою мошну въ Парижѣ. Никто не рѣшался ограбить этихъ могущественныхъ аристократовъ, зато сами они, вслѣдствіе того, что совѣсть ихъ была спокойной, протестовали уже заранѣе противъ казавшагося логически неизбѣжнымъ отторженія ихъ собственности и

Сахарный заводъ въ Санъ-Доминго.

начинали безжалостное преслѣдованіе противъ свободныхъ представителей цвѣтной расы, которые позволяли себѣ требовать права голоса при выборахъ,—такимъ образомъ, напримѣръ, мулатъ Винцентъ Ожэ исключительно лишь за желаніе голосовать былъ преданъ колесованію. Злоба рабовладѣльцевъ достигла бѣшенства, когда Учредительное Собраніе въ 1791 г., не заботясь о правахъ негровъ, сочло своею обязанностью предоставить метисамъ, рожденнымъ отъ свободныхъ родителей право участвовать въ колоніальныхъ собраніяхъ. Это вызвало постановленіе большинства европейскихъ колонистовъ Санъ-Доминго отдѣлиться отъ Франціи, виновной въ распространеніи «Деклараціи правъ человѣка», Подобно тому какъ эмигранты Кобленца заключили союзъ съ пруссаками и императорскими войсками противъ революціи, точно также подъ давленіемъ кастовыхъ интересовъ и плантаторы Санъ-Доминго согласились съ англичанами и испанцами противъ своего собственнаго отечества.

Въ свой чередъ, чернокожіе вмѣстѣ съ метисами, бывшими уже свободными, пришли въ волненіе. Они взяли защиту своихъ интересовъ въ свои собственныя руки, сами стали заботиться о своемъ освобожденіи и кое-гдѣ прогоняли и умерщвляли своихъ прежнихъ хозяевъ. И только тогда лишь французская республика признала совершившійся фактъ, провозгласила, наконецъ, съ большимъ запозданіемъ равенство всѣхъ расъ по отношенію къ правамъ человѣка. Депутатъ Сантона, сообщившій эту добрую вѣсть на островѣ, былъ окруженъ толпою, оказывавшею ему божескія почести. Армія чернокожихъ, счастливыхъ своею свободою, ринулась на завоеваніе всего острова; англичане и испанцы были изгнаны. Позднѣе нерѣдко высмѣивали тѣхъ, кто, по примѣру Дюпона и Робеспьера провозглашалъ: «Пусть лучше погибнутъ колоніи, чѣмъ принципъ»! На этотъ разъ, однако, именно благодаря тому, что республика согласилась, въ концѣ концовъ, соблюсти принципъ, она побѣдоносно сохранила за собою колонію и даже увеличила ея размѣры вдвое. Нѣсколько лѣтъ спустя, изъ-за того, что принципъ снова былъ нарушенъ, колонія эта окончательно была утрачена Франціей.

КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ.

◆◆◆

Хронологія.

1799. 9—10-го ноября (18—19-го брюмера) государственный переворотъ; 24-го декабря Бонапарте избранъ первымъ консуломъ.

1800. 14-го іюня битва при Маренго; 3-го декабря битва при Гогенлинденѣ; 24-го декабря покушеніе на Наполеона въ улицѣ Сенъ-Нисезъ.

1801. 9-го февраля заключеніе Люневилльскаго договора; 15-го іюля установленіе конкордата. Эвакуація Египта.

1802. 25-го марта Амьенскій миръ; 19-го мая установленіе ордена Почетнаго Легіона; 16-го августа возвращеніе эмигрантовъ; 2-го августа Бонапарте назначенъ пожизненнымъ консуломъ. Экспедиція на Санъ-Доминго.

1803. 12-го мая нарушеніе мира; эвакуація Гаити.

1804. Заговоръ Кадудаля; 21-го марта казнь герцога Энгіенскаго; 18-го мая Наполеонъ становится «императоромъ республики»; 2-го декабря церемонія коронованія.

1805. Булонскій лагерь; 26-го мая Наполеонъ коронуется въ Миланѣ; 19-го октября капитуляція Ульма; 21-го октября Трафальгарская битва; 2-го декабря—Аустерлицъ; 26-го Пресбургскій миръ.

1806. 1-ое января упраздненіе республиканскаго календаря; 14-го октября битва при Іенѣ и Ауерштедтѣ; 21-го ноября указъ о континентальной блокадѣ.

1807. 7-го и 8-го февраля битва при Эйлау; 14-го іюня битва при Фридландѣ; 8-го іюля Тильзитскій миръ; 30-го ноября французы въ Лиссабонѣ; 17-го декабря бомбардировка Копенгагена.

1808. Въ маѣ при свиданіи въ Байоннѣ Наполеонъ низлагаетъ Карла IV и Фердинанда VII; 22-го іюля капитуляція Бейлена; 30-го августа капитуляція Цинтры.

1809. 20-го февраля взятіе Сарагоссы; 22-го апрѣля битва при Экмюлѣ; 21—22-го мая битва при Эсслингѣ или Аспернѣ; 6-го іюля битва при Ваграмѣ; 14-го октября заключенъ миръ въ Вѣнѣ. Римскій папа переводится въ Савону.

1810. Возстанія въ Буэносъ-Айресѣ, въ Каракассѣ, въ Мексикѣ.

1811. Отступленіе французовъ изъ Испаніи; 20-го марта рожденіе римскаго короля. Успѣхи аргентинскихъ инсургентовъ.

1812. 24-го іюня вступленіе французовъ въ Россію; 5—7-го сентября Бородинскій бой; 19-го октября оставленіе Москвы русскими; 25-го ноября переходъ черезъ Березину; въ октябрѣ заговоръ генерала Маллэ. Изобрѣтеніе перваго локомотива Стефенсономъ.

1813. 26—27-го августа битва подъ Дрезденомъ; 16—17-го октября битва при Лейпцигѣ. 13-го февраля битва при Сальтѣ и освобожденіе Аргентины; Боливаръ въ Каракасѣ.

1814. Война во Франціи; 31-го марта капитуляція Парижа; 20-го апрѣля прощаніе Наполеона въ Фонтенебло. Реставрація.

1815. 1-го марта Наполеонъ высаживается въ бухтѣ Жуанъ; 18-го іюня Ватерлоо. Бѣлый терроръ; 26-го сентября Парижскій трактатъ.

1816. Изгнаніе членовъ Конвента. Боливаръ снова появляется въ Венецуэлѣ.

1817. Переходъ черезъ Анды Санъ-Мартина и битва при Шакабуко

1818. Битва при Майпо; освобожденіе Чили.

1819. Освобожденіе Андовъ Гренады.

1820. 1-го января Ріего завладѣваетъ Кадиксомъ.

1821. 7-го апрѣля взятіе Аѳинъ греками-инсургентами; 19-го іюня пораженіе гетэристовъ въ Валахіи; 5-го октября взятіе Триполицы. Освобожденіе Венецуэлы.

1822. 21-го іюля паденіе Акрополя. Освобожденіе Бразиліи и Португаліи. Шампольонъ дешифрируетъ камень Розетты.

1823. 31-го августа сраженіе при Трокадеро; взятіе Кадикса; 5-го ноября казнь Ріего.

1824. 19-го апрѣля смерть Байрона.—Освобожденіе Перу.

1825. 5-го февраля Ибрагимъ-паша высаживается въ Мореѣ; 26-го декабря (14-го декабря ст. ст.) заговоръ декабристовъ. Открытіе для публики первой желѣзной дороги изъ Стоктона въ Дарлингтонъ.

1826. 26-го апрѣля взятіе Миссолонги турками; 25-го (13-го) іюня казнь декабристовъ.

1827. 20-го октября Наваринскій бой. Парри достигаетъ въ полярномъ архипелагѣ 82° 40′ сѣв. шир.

1828. Французы въ Мореѣ. Соперничество династій въ Португаліи.

1829. 14-го сентября Турція признаетъ независимость Греціи.

1830. 6-го іюля взятіе Алжира. Іюльскіе дни (24—26-го іюля). Сентябрьскіе дни въ Брюсселѣ (23—27-го сентября). 29-го ноября возстаніе въ Польшѣ.

Вся дѣятельность Наполеона заключалась въ пренебрежительномъ нарушеніи всѣхъ естественныхъ гармоній.

Глава семнадцатая.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА.—ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРІЯ.—ЕВРОПЕЙСКІЯ ВОЙНЫ.—РЕСТАВРАЦІЯ И РЕАКЦІЯ.—ВМѢШАТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ИСПАНСКІЯ ДѢЛА.—ВОЙНЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ ИСПАНСКИХЪ КОЛОНІЙ.—БРАЗИЛІЯ.—НЕЗАВИСИМОСТЬ ГРЕЦІИ.—ДЕКАБРИСТЫ.—ІЮЛЬ 1830 Г.—БЕЛЬГІЯ, ПОЛЬША, ИТАЛІЯ, ИСПАНІЯ, АНГЛІЯ.—УНИЧТОЖЕНІЕ РАБСТВА.—ЗАВОЕВАНІЕ АЛЖИРА.—МАТЕРІАЛЬНЫЙ ПРОГРЕССЪ.—РОМАНТИЗМЪ И КЛАССИЦИЗМЪ.

Франція была предоставлена своей судьбѣ, когда Наполеонъ Бонапарте пожелалъ ее взять; она не вѣрила болѣе въ свободу, но вѣрила въ силу и опьянялась славою завоеваній, — потому для нея настало время повиноваться полководцу. Стадіи постепеннаго ея порабощенія были очень быстро пройдены. Менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ «человѣкъ, намѣченный Провидѣніемъ», покинулъ Еги-

петъ, онъ ворвался во главѣ своихъ солдатъ въ залу засѣданій «Пятисотъ» и прогналъ законодателей, предсѣдателемъ которыхъ былъ его собственный братъ и соучастникъ. Такъ совершился переворотъ 18-го брюмера (9-го ноября 1799 г.), которымъ была упразднена республика, и возстановлена монархія, лишь подъ другою внѣшнею формою и подъ другимъ наименованіемъ. Сначала генералъ Бонапарте удовольствовался титуломъ консула, который онъ согласился раздѣлять съ Рожеромъ Дюкосомъ и съ Сійесомъ, тѣмъ самымъ аббатомъ, который нѣкогда началъ революцію буржуазіи своей брошюрой о третьемъ сословіи и теперь заключилъ ее созданіемъ конституціи, примѣненной къ желаніямъ новаго деспота,—конституціи, при которой вся власть концентрировалась въ рукахъ государства.

Необходимо было, однако, освободиться отъ всѣхъ республиканцевъ, остававшихся во Франціи, въ особенности отъ тѣхъ, которыхъ почести, выгодныя мѣста, деньги и военная слава не сдѣлали болѣе благоразумными, и вынужденное молчаніе которыхъ не гарантировало вовсе ихъ повиновенія въ будущемъ. Какъ-разъ случился заговоръ противъ правителя, облегчившій изгнаніе этихъ ненавистныхъ людей,—ихъ отправили умирать отъ лихорадки въ болота Гвіаны. Та часть арміи, которая болѣе всего вызывала подозрѣніе въ своемъ республиканскомъ духѣ, была также приговорена къ смерти,—ее отправили на островъ Санъ-Доминго вмѣстѣ съ отрядами дикихъ шуановъ. Бонапарте разсчитывалъ, такимъ образомъ, получить двойную выгоду. Онъ не только удалилъ солдатъ, неповиновенія которыхъ онъ имѣлъ основаніе опасаться, но и настраивалъ въ свою пользу всѣхъ сторонниковъ прежняго режима во Франціи и въ остальной Европѣ своею грубою попыткою возстановленія рабства чернокожихъ. Та самая армія, которой ранѣе было поручено провозгласить республиканское правленіе, и уничтоженіе барщины и рабства на берегахъ Рейна, получила теперь миссію снова поработить негровъ и возстановить торговлю рабами! Менѣе чѣмъ въ два года климатъ Санъ-Доминго и оружіе негровъ уложили 35000 человѣкъ, которые высадились въ началѣ 1802 г. у мыса Гаити и привезли съ собою собакъ, выдрессированныхъ для военныхъ цѣлей и пріученныхъ питаться мясомъ негровъ; послѣдніе французскіе солдаты были взяты въ качествѣ плѣнниковъ англійскимъ флотомъ въ ноябрѣ 1803 года. Такъ потеряла Франція прекрасную колонію, которая еще до Кубы носила наименованіе «жемчужины Антильскихъ острововъ».

Что касается двойного острова Гваделупы, который самъ въ 1794 г. отвоевалъ обратно отъ англичанъ свою независимость и подъ французскимъ флагомъ управлялся при полной автономіи и при полной гарантіи для негровъ ихъ правъ свободныхъ гражданъ, то Бонапарте не могъ, разумѣется, терпѣть, чтобы островъ этотъ подавалъ и далѣе

такой превосходный примѣръ свободнаго существованія народа. Высадившаяся на него армія возстановила силою оружія рабство, и чернокожіе тысячами предпочитали смерть и находили единственный исходъ въ массовыхъ самоубійствахъ; тысячи другихъ негровъ были привезены въ Европу, обучены военнымъ пріемамъ, посылались затѣмъ во всѣ опасныя или вредныя для здоровья мѣста и погибали тамъ. Чернокожее и европейское населеніе, остававшееся на Гваделупѣ, получило,

18-ое брюмера.
(Современная англійская карикатура).

такимъ образомъ, хорошій урокъ, и, когда англичане появились передъ островомъ, они были встрѣчены неорганизованной толпой жителей «безъ ненависти, но и безъ любви».

По отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, бывшимъ уже достаточно могущественными, Бонапарте остерегался, однако, выступать съ такою же нетерпимостью. Впрочемъ, все же, не спросясь колонистовъ Новаго Орлеана и другихъ населенныхъ пунктовъ страны, онъ продалъ за 80 милліоновъ американской республикѣ всю территорію «Луизіаны», земли которой были еще очень мало извѣстны и простирались отъ устьевъ Алабамы въ Мексиканскомъ заливѣ до устьевъ Колумбіи на берегахъ Великаго океана,—область поверхностью не менѣе 2500000 кв. километровъ, превосходящую въ пять разъ поверхность Франціи! Безъ

сомнѣнія, эта полюбовная уступка, увеличившая вдвое поверхность пригодныхъ для колонизаціи земель, находившихся въ рукахъ Соединенныхъ Штатовъ,—уступка областей, гарантировавшихъ Штатамъ въ будущемъ возможность проведенія путей отъ Атлантическаго океана къ Тихому,—эта уступка случилась лишь нѣсколькими годами или десятилѣтіями ранѣе, чѣмъ совершилось бы занятіе этихъ областей въ силу естественнаго теченія событій, подъ напоромъ милліоновъ колонистовъ, быстро увеличивавшихся въ числѣ и двигавшихся неудержимою лавиною.

Находясь, такимъ образомъ, въ согласіи съ рабовладѣльцами, этими главнѣйшими представителями того, что именуется «принципомъ собственности», первый консулъ пожелалъ примирить свою личную власть и съ важнѣйшимъ консервативнымъ элементомъ прежней власти, съ католическою церковью. Былъ заключенъ конкордатъ съ Римомъ. Путемъ этого соглашенія съ церковью, возстанавливавшаго прежнія формы религіознаго культа, будущій императоръ надѣялся сдѣлать свою власть освященною обрядами, религіознымъ догматомъ, хотѣлъ придать своей персонѣ характеръ священный. Съ другой стороны, онъ льстилъ себя надеждой, что замкнулъ духовенство въ тѣсную сѣть чиновничьей іерархіи; онъ предполагалъ, что будетъ держать священниковъ въ качествѣ подчиненныхъ чиновниковъ. Правда, искренніе католики чувствовали себя глубоко униженными тѣмъ незаконнымъ соглашеніемъ, которое соединило обѣ власти, духовную и гражданскую; жизнь церкви, однако, долговѣчна, и сколько разъ духовенство, долженствовавшее служить государству, становилось, на самомъ дѣлѣ, его господиномъ! Возстановленіе католицизма съ его оффиціальными обрядами считалось сторонниками религіи великою побѣдою, и они чувствовали себя признательными «новому Моисею», несмотря на всю невоздержанность его языка и всѣ грубости, которыя, при его деспотизмѣ и неумѣніи вести себя съ людьми, совершались имъ по отношенію ко многимъ прелатамъ и къ самому римскому папѣ.

Въ то время какъ властная воля требовала отъ Франціи реставраціи оффиціальной церкви, Шатобріанъ, одинъ изъ тѣхъ идеологовъ, къ которымъ Бонапарте питалъ особую ненависть, содѣйствовалъ дѣлу религіозной реакціи своимъ «Духомъ христіанства»—трудомъ исключительно литературнаго характера и совершенно поверхностнымъ, въ которомъ прославлялась красота соборовъ, звучность колоколовъ и прелесть церковнаго пѣнія, — чтобы защитить низвергнутую религію и возжечь снова ея угасшее пламя, необходимо было слѣпо вѣрить изъ самой глубины простой души въ священную миссію Распятаго; иначе ни у государственнаго человѣка, ни у писателя не было бы этой «вѣры, которая двигаетъ горами»! Что касается народныхъ массъ, отвыкшихъ уже отъ религіозныхъ церемоній и торжественныхъ процессій, но про-

Гора Св. Михаила.

никнутыхъ еще католическимъ духомъ деспотизма и повиновенія, то онѣ снова подставили свою выю подъ традиціонное ярмо. Однако, ничто не заставляло все же забывать междуцарствія!

Возстановленіе церкви повлекло за собою и реорганизацію дѣла народнаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи были также приняты свои мѣры: университетъ былъ сформированъ сообразно съ нуждами арміи. Правитель страны, бывшій прежде всего главнокомандующимъ на сушѣ и на морѣ, имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду образовывать солдатъ, и воспитаніе въ школахъ, коллегіяхъ, лицеяхъ должно было подготовлять учениковъ къ казармамъ. Съ этого времени не принимается вовсе во вниманіе ни расовое различіе, ни среда, и образованіе дается ученикамъ внѣ всякой зависимости отъ этихъ условій: всюду должны были они приспособляться къ одинаковому роду и способамъ преподаванія, всюду должны были подчиняться и дѣлать все по звуку барабана. Преподавателю не разрѣшалась никакая иниціатива: онъ былъ не болѣе какъ оружіемъ, не болѣе какъ говорильной машиной, которая въ опредѣленный часъ, въ опредѣленную минуту должна была произносить слова по приказу свыше. Никогда мысль не находилась въ большемъ пренебреженіи, какъ въ царствованіе «маленькаго капрала»; всякое интеллектуальное превосходство было ненавистно этому человѣку, желавшему властвовать лично и быть повелителемъ надъ душами, подобно тому, какъ онъ былъ уже повелителемъ надъ тѣлами своихъ подданныхъ. Когда онъ принялъ изъ рукъ папы императорскую корону и возложилъ ее на свою голову (1804 г.), онъ позаботился о томъ, чтобы его собственное величіе было освящено и въ школьномъ катехизисѣ: «христіане обязаны по отношенію къ королямъ, которые ими управляютъ, и въ особенности къ нашему императору Наполеону, проявлять любовь, уваженіе, повиновеніе, вѣрность, готовность нести военную службу. Почитать и служить нашему императору значитъ почитать и служить самому Богу».

Постоянная война, прерывавшаяся лишь короткими періодами перемирія, необходимыми для пополненія войскъ, стала нормальной функціей имперіи. На сушѣ неслыханныя побѣды слѣдовали одна за другой, и Франція окружалась покоренными, тяготѣвшими къ ней государствами; зато на морѣ все, что оставалось отъ ея морского могущества послѣ Абукира, было окончательно уничтожено. Около мыса Трафальгаръ Нельсонъ истребилъ императорскій флотъ вмѣстѣ съ флотомъ Испаніи, и съ этого времени всѣ корабли, носившіе еще французскій флагъ, были принуждены держаться въ глубинѣ гаваней; самое большее, что они могли себѣ позволить, — это тайкомъ передвигаться вдоль береговъ, отъ одной бухты къ другой, подъ прикрытіемъ сухопутныхъ сигналовъ.

Эта полнѣйшая безпомощность на морѣ содѣйствовала, несомнѣнно,

тому, что всѣ агрессивныя силы Франціи были какъ бы въ силу обратнаго толчка направлены противъ остальной Европы [1]). Побѣды при Аустерлицѣ, Іенѣ, Ваграмѣ соотвѣтствовали англійскимъ побѣдамъ при Абукирѣ и Трафальгарѣ. Съ своей стороны, Великобританія, бывшая единственной страной, распоряжавшейся моремъ, могла съ этого времени проникнуться убѣжденіемъ, что она властительница всего міра или, по крайней мѣрѣ, побережій всего міра,—это было началомъ морского господства Англіи, долженствовавшаго продолжаться около вѣка. Высшая аристократія, равно какъ и аристократія коммерческаго міра, управлявшая народомъ, черпала въ этой славѣ непреоборимую силу. Она примѣняла въ своей ужасной борьбѣ съ Наполеономъ всѣ свои рессурсы деньгами и людьми, увеличивала займы, разоряла промышленность, подвергая страшнѣйшей нищетѣ толпы пролетаріата, но притомъ она обладала полною увѣренностью, что послѣ окончательной побѣды, когда вся Европа будетъ истощена, она явится все же первою среди другихъ державъ и будетъ обладать полной надъ ними гегемоніей, такъ какъ владѣетъ монополіей въ области изготовленія издѣлій промышленности и располагаетъ дальними рынками.

Тогда-то Наполеонъ и задумалъ лишить Англію ея главнѣйшаго рынка окончательнымъ завоеваніемъ Европы. Континентальная блокада (1806 г.) должна была совершенно изолировать Великобританію, сдѣлать изъ нея болѣе чѣмъ островъ, сдѣлать клочекъ земли, затерянный въ океанѣ. Съ этого времени было строжайше запрещено кому бы то ни было оставаться нейтральнымъ въ этой борьбѣ; такое крохотное государство, какъ Данія, испытало это на самомъ себѣ, когда въ сентябрѣ 1807 г. англійское правительство, прекрасно умѣя, не хуже своего могущественнаго соперника, пренебрегать правами другихъ, бомбардировало съ моря Копенгагенъ: въ теченіе четырехъ дней городъ былъ предоставленъ огню, и затѣмъ флотъ удалился, умертвивъ не менѣе 2000 мирныхъ жителей.

Правда, отрѣзая всѣ сообщенія между материкомъ и его естественнымъ придаткомъ, островами Великобританіи, императоръ разорялъ своихъ подданныхъ, лишалъ ихъ издѣлій промышленности и возвращалъ, такимъ образомъ, въ состояніе первобытнаго варварства съ единственною цѣлью причинить какъ можно болѣе зла непріятелю,—эта надежда поддерживала его въ безсмысленной борьбѣ. Движеніе обмѣна товарами почти совершенно прекратилось и поддерживалось лишь коегдѣ благодаря контрабандѣ, которой, впрочемъ, содѣйствовали въ тайнѣ и нѣкоторые сановники имперіи, извлекавшіе изъ нея крупныя выгоды. Не подлежитъ сомнѣнію, что торговые интересы играли значительную

1) Friedrich Ratzel. «Das Meer als Quelle der Völkergrösse», p. 75.

роль въ томъ возмущеніи народовъ, которое возникло противъ французской имперіи, какъ только настали первыя ея неудачи. Впрочемъ,

№ 438. Имперія Наполеона въ 1811 г.

Территорія, покрытая косою штриховкою, зависѣла непосредственно отъ императора и была раздѣлена на департаменты. Вертикальная штриховка отмѣчаетъ страны, правительства которыхъ были ему болѣе или менѣе подчинены.

это было и справедливо: безнаказанно нельзя становиться поперекъ дороги народамъ!

Вся дѣятельность Наполеона, поскольку онъ не былъ увлекаемъ

отливною волною торжествующей реакціи, состояла именно въ рѣзкомъ и произвольномъ вмѣшательствѣ во всѣ европейскія событія, въ пренебрежительномъ нарушеніи всѣхъ естественныхъ гармоній, проистекающихъ отъ согласованія народовъ съ окружающей средой и съ основнымъ смысломъ ихъ историческаго развитія; онъ не зналъ и не желалъ знать всего того, что могло бы дать его дѣятельности устойчивость, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

Такимъ образомъ, безо всякаго основанія, если не считать основаніемъ желаніе дать своему старшему брату Іосифу управленіе королевствомъ, Наполеонъ пригласилъ короля Испаніи Карла IV и его сына Фердинанда въ Байонну, на французскую территорію (1806), и путемъ угрозъ принудилъ обоихъ къ отреченію отъ престола. Народъ, однако, не позволилъ передавать себя изъ рукъ въ руки такъ легко, какъ корону. Онъ оказалъ сопротивленіе съ такою храбростью и силою, какой никогда еще не видывали. Ни при одной осадѣ крѣпости не было еще войскъ, столь твердо рѣшившихся умереть въ ея стѣнахъ, какъ при осадѣ Сарагоссы,—когда войска, защищая городъ изъ оконъ каждаго дома, увидѣли, наконецъ, что кругъ огня вокругъ нихъ суживается, они ринулись въ соборъ, затянутый чернымъ сукномъ, пали тамъ ницъ и присутствовали такимъ образомъ на собственномъ отпѣваніи [1]). Люди, которые оставались столь индифферентными къ собственной смерти, отнюдь не могли ослѣпляться всѣми насиліями войны и всѣми ужасами, являющимися ея слѣдствіемъ. Однако, людей, остававшихся столь безразличными къ жизни и къ смерти, нельзя было запугать кровавыми дѣяніями войны и послѣдующими ужасами: жестокость, проявлявшаяся въ силу атавизма въ теченіе семивѣковой войны съ маврами и затѣмъ въ продолженіе фанатическаго періода инквизиціи, пробудилась теперь противъ этого чужестранца, который самъ внесъ въ страну насиліе и жестокость; никогда ни одинъ авторъ не воспроизводилъ болѣе ужасающихъ сценъ, какъ тѣ, которыя сохранились въ произведеніи Гойя, «Los Estragos de la Guerra», въ качествѣ свидѣтельства, непосредственно списаннаго съ дѣйствительности этихъ кровавыхъ годовъ. Впрочемъ, война за независимость Испаніи противъ войскъ Наполеона была по существу внушена гораздо болѣе религіозною ненавистью, чѣмъ политическими побужденіями. Конечно, она является намъ въ общихъ чертахъ какъ бы пробужденіе народа, возстающаго противъ своего притѣснителя, однако, народъ этотъ повиновался прежде всего своимъ священникамъ, которые видѣли во французахъ людей невѣрующихъ, революціонеровъ, атеистовъ и иконоборцевъ. Непріятели назывались, главнымъ образомъ, «еретиками» и «жидами»! И именно это-то и придало

---

1) M-me de Staël, «De l'Allemagne».

столь безудержно жестокій характеръ войнѣ съ Испаніей. Въ концѣ концовъ, послѣ всего этого кровопролитія, полководцы Наполеона, побѣды которыхъ были безполезны, принуждены были все же очистить полуостровъ и вывели изъ страны остатки своей арміи, уносившей богатую добычу,—ихъ преслѣдовали англійскія войска подъ начальствомъ

Сарагосса. Соборъ на берегу Эбро.

Веллингтона,—также «еретики» и «дѣти дьявола», съ которыми приходилось примириться испанцамъ.

Эта испанская война продолжалась еще, когда возникла новая ужасная война—война съ Россіей, новая затѣя императора, напоминавшая экспедицію въ Египетъ своею романтичностью и условіями военныхъ операцій вдали отъ всякихъ линій снабженія и опоры арміи. Будучи естественнымъ врагомъ національной независимости, Наполеонъ не принялъ даже такой понятной мѣры предосторожности, какъ попутное освобожденіе Польши, чѣмъ онъ могъ бы создать себѣ, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ, цѣннаго союзника. Потерявъ много солдатъ въ Бородинскомъ бою, онъ вступилъ, тѣмъ не менѣе, въ Москву, откуда

его изгнали пожары, и, когда затѣмъ онъ принужденъ былъ поспѣшно бѣжать въ возкѣ, войска его должны были отступать и пробиваться по снѣгамъ, по болотамъ, чрезъ лѣса, чрезъ разлившіяся рѣки при ледоходѣ. Казаки, какъ волки, преслѣдовали ихъ, уничтожая множество отставшихъ и сбившихся съ пути: это было уже не войско, а вереница вооруженныхъ бандъ, оставлявшихъ за собою трупы, оружіе, раненыхъ и плѣнниковъ. Изъ 740000 людей, приведенныхъ Бонапарте въ Россію, лишь 14000 перешли обратно границу. Одно изъ послѣдствій этой ужасной военной трагедіи можно, впрочемъ, считать счастливымъ: она привела въ соприкосновеніе славянъ и инородцевъ Европейской Россіи и Азіи съ тысячами молодыхъ представителей Западной Европы, оставшихся тамъ плѣнниками, ставшихъ членами гражданской жизни русскихъ, сдѣлавшихся носителями цивилизаціи и новыхъ идей. Большое число русскихъ революціонеровъ второй половины XIX вѣка свидѣтельствуетъ о томъ значительномъ участіи, которое принимали эти французскіе плѣнники въ эмансипаціи русской мысли.

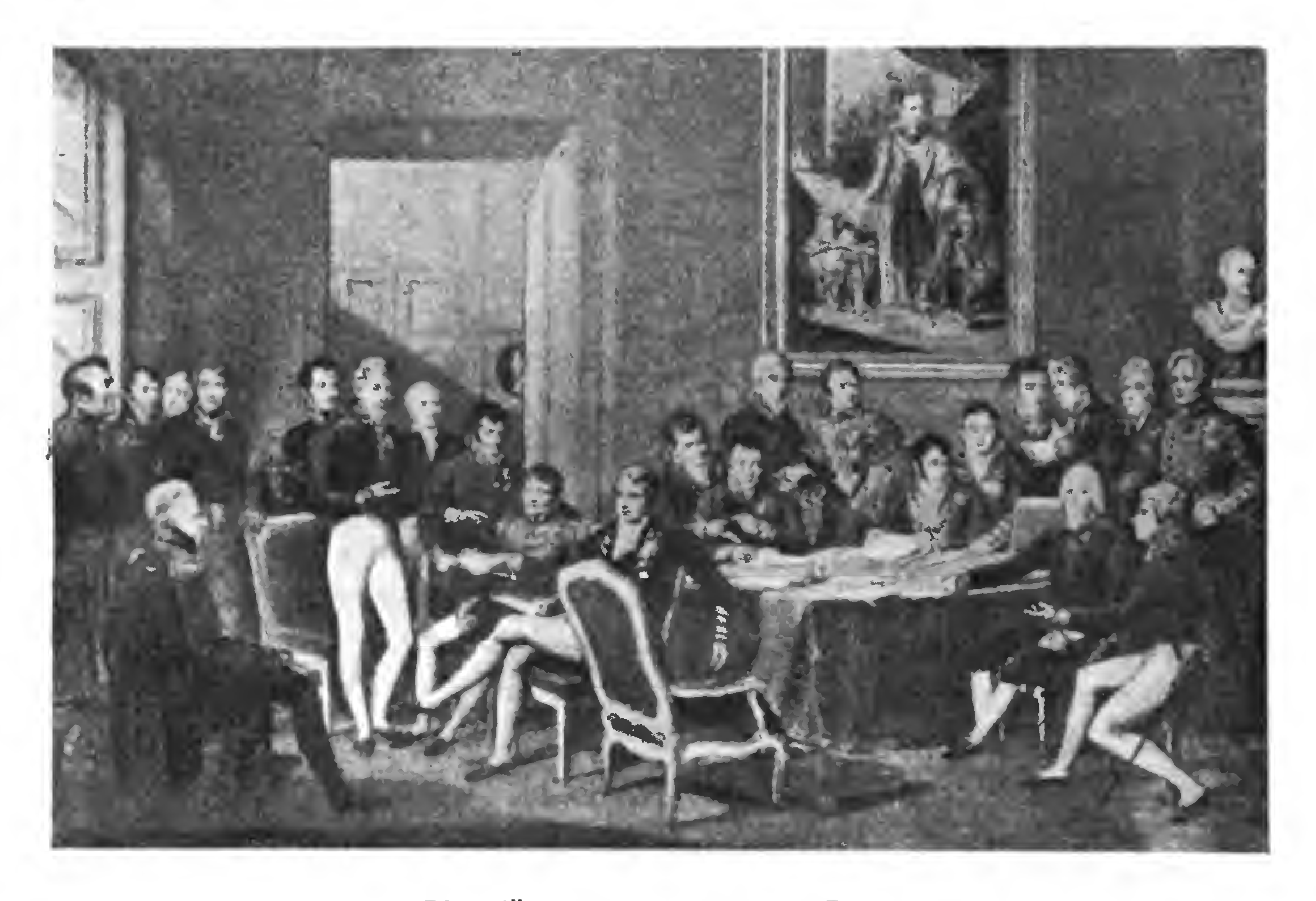
Имперія быстро приближалась къ своему концу. Во Франціи не было болѣе годныхъ солдатъ, и приходилось набирать несовершеннолѣтнихъ для предстоящихъ страшныхъ кровопролитій. Народы Европы, видя, что звѣзда Наполеона закатывается, одинъ за другимъ противъ него возставали. Саксонцы въ самомъ разгарѣ битвы перемѣнили фронтъ: они были на сторонѣ Наполеона, затѣмъ же обернулись противъ него и даже приняли участіе въ его преслѣдованіи. Арена борьбы была перенесена въ самую Францію. Парижъ былъ взятъ, и императоръ заключенъ на островѣ Эльбѣ; однако, эта клѣтка могучаго орла была слишкомъ близка къ его прежнему полю дѣятельности: онъ вскорѣ изъ нея ускользнулъ, и Франція, опустошенная, обагренная кровью, лишенная всякой воли, не способная сказать ни слова, хотя дѣло касалось ея собственнаго будущаго, позволила Бонапарте снова захватить власть, подобно тому, какъ менѣе года тому назадъ она позволила, чтобы власть перешла къ Людовику XVIII отъ чужестранныхъ королей, и какъ сто дней спустя она допустила обратный переходъ власти къ тому же Людовику XVIII.

Весь народъ былъ совершенно парализованъ, былъ безпомощенъ противъ надвигавшихся съ востока вражескихъ войскъ, въ числѣ которыхъ находились даже стрѣлки изъ лука, башкиры и калмыки [1]). И, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ несчастной битвы подъ Ватерлоо, когда вторично французскія крѣпости были заняты иностранными гарнизонами, оказалось, что духъ революціи все еще продолжалъ свою подземную дѣятельность, такъ какъ новый монархъ понялъ тотчасъ же, что онъ

1) Jean de Bloch, «La Guerre», t. I, Description du mécanisme de la guerre, p. 21.

долженъ явиться предъ своими подданными не иначе, какъ держа въ своихъ рукахъ парламентскій актъ. Онъ увѣрялъ, правда, что издалъ его изъ милости, но развѣ онъ сдѣлалъ бы это, если бы не чувствовалъ себя къ тому принужденнымъ?

Реставрація такъ называемой законной династіи Бурбоновъ, равно какъ и низложеніе всей семьи Бонапарте, даже казнь одного изъ



Вѣнскій конгрессъ 1814—1815 г.

Великими дѣятелями этого конгресса были Меттернихъ (сидящій справа), которому принадлежатъ слова: «человѣкъ начинается отъ барона», и Талейранъ (стоящій слѣва), сказавшій, что «Слово дано человѣку, чтобы скрывать свои мысли».

нихъ, короля Неаполитанскаго Мюрата, обнаруживали планъ монарховъ, которые распоряжались теперь Европою: они желали, вопреки всему, возстановить политическое и соціальное положеніе того «соглашенія» народовъ, которое существовало до взятія Бастиліи; они желали, чтобы французская революція и даже имперія не оставили послѣ себя ни слѣда!

Послѣ побѣды, купленной такою дорогой цѣной, Великобританія, которая осталась подъ гнетомъ національнаго долга въ 20 милліардовъ, считавшагося ужаснымъ, и лишилась болѣе чѣмъ милліона людей, впала, казалось, въ безнадежно бѣдственное положеніе, замкнулась въ своей «блестящей изолированности», тогда какъ три великія континентальныя державы Европы, Россія, Австрія и Пруссія, тѣснѣйшимъ

образомъ сблизились между собой и образовали «Священный союзъ»: мистическія формулы указывали на сверхъестественный характеръ ихъ объединенія. Три повелителя народовъ ставили себя подъ непосредственное управленіе Господа Бога и, несмотря на то, что являлись представителями трехъ различныхъ религій—православія, католицизма и протестантизма,—допускали, чтобы ими въ равной мѣрѣ правилъ духъ римскаго папизма, его религіозная нетерпимость: подъ этимъ мудрымъ управленіемъ они желали, во что бы то ни стало, возстановить «принципъ» верховной власти.

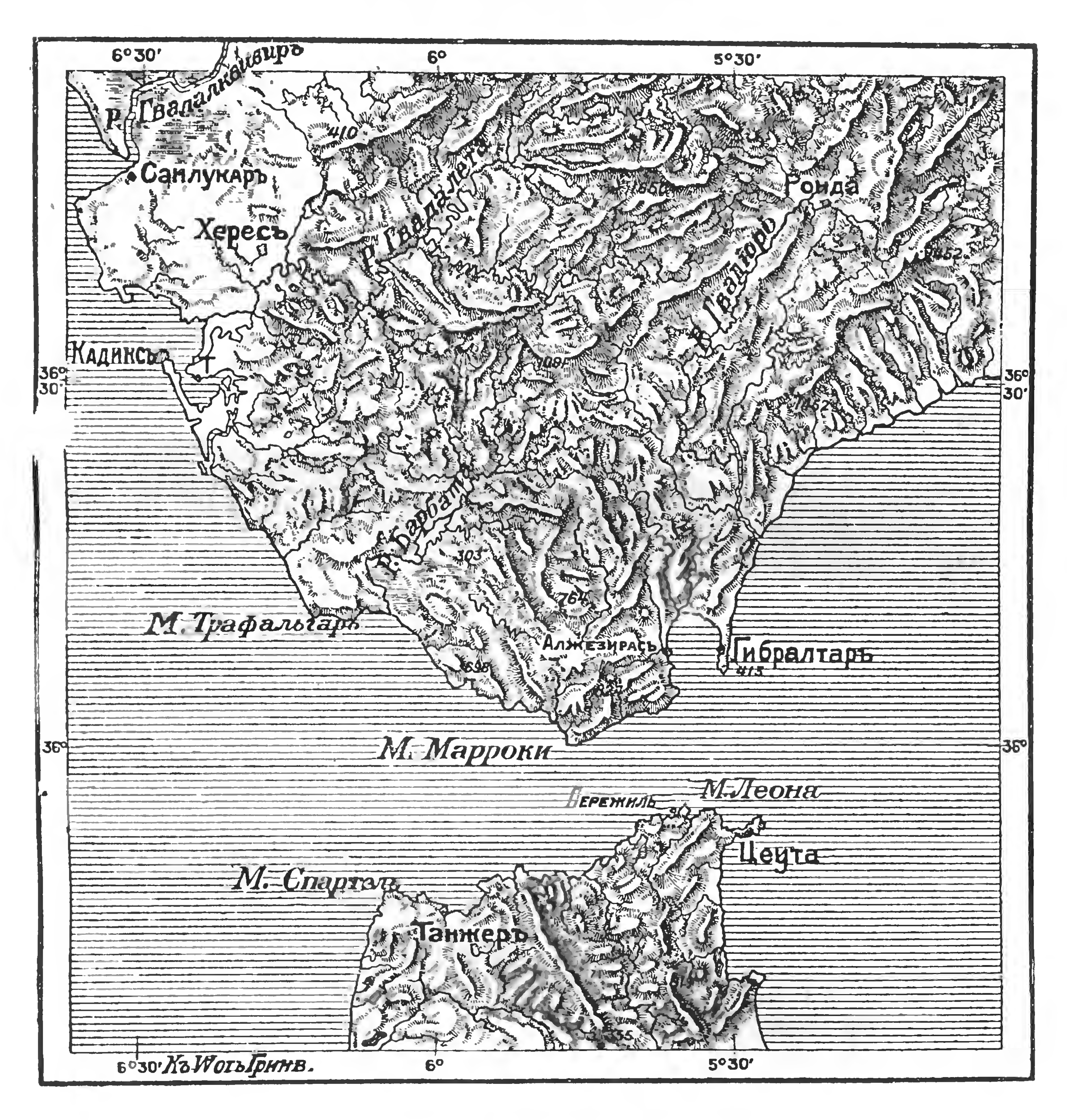
Актъ «Священнаго союза» подготовлялся съ ноября 1814 г. по іюнь 1815 г. Вѣнскимъ конгрессомъ и былъ подписанъ въ Парижѣ 26-го сентября 1815 г.; въ немъ повелители Россіи, Пруссіи и Австріи заявляли, что они, нижеподписавшіеся, считаютъ себя «избранными Провидѣніемъ править тремя колѣнами одной и той же семьи народовъ». эту же семью слѣдуетъ воспитывать по старинному методу—слѣдуетъ наказывать любя. Во Франціи аристократическая и клерикальная реакція всецѣло привязывала себя къ прежнимъ монархическимъ традиціямъ, слѣдовала приказаніямъ папы и подчинялась іезуитамъ; чудеса, сопровождавшія кое-гдѣ кровопролитія, совершались въ провинціяхъ, гдѣ народныя массы находились еще въ полномъ подчиненіи духовенству; преслѣдованія тѣхъ, кто не падалъ ницъ предъ торжествующею церковью, становились столь сильными, что всякое сопротивленіе, даже со стороны лицъ, наиболѣе стойкихъ, должно было прекратиться: въ этомъ отношеніи не дѣлалось разницы между старыми республиканцами, насаждавшими древо свободы и провозглашавшими права человѣка, и бонапартистами-идолопоклонниками, глаза которыхъ постоянно были обращены къ острову св. Елены. Новыя разочарованія, новыя неудачныя революціи подготовлялись, такимъ образомъ, для будущихъ поколѣній.

Первыми жертвами усердія Священнаго союза были именно тѣ, кто съ особымъ увлеченіемъ боролся противъ общаго врага, противъ Наполеона. «Лига добродѣтели» (Tugendbund), образовавшаяся въ качествѣ тайнаго общества для отвоеванія независимости и единства Германіи, была оффиціально распущена, и ея наиболѣе дѣятельные члены подверглись преслѣдованіямъ того самаго правительства, которое они воскресили къ жизни; студенческія общества были поставлены подъ строжайшій надзоръ; шпіонство проникло въ среду молодежи, разъединило и развратило ее; доходило до того, что преслѣдовались даже гимнастическія общества въ качествѣ очаговъ ненавистной революціи.

На востокѣ Европы дѣло реакціи приняло другія формы,—оно совершалось путемъ увеличенія порабощенныхъ земель. «Святая Русь»

захватила все, что осталось отъ Польши, именно великое герцогство Варшавское, давъ отъ имени императора обѣщаніе соблюдать его кон-

№ 439. Гибралтарскій проливъ.



Островъ Леонъ соединенъ въ настоящее время перешейкомъ съ материкомъ, на немъ находится Кадиксъ. Т=Трокадеро, гдѣ была битва 31 августа 1823 года.

ституцію, уважать свободу печати и свободу личности, наконецъ, поддерживать представительный образъ правленія; однако, императоры никогда не чувствуютъ себя связанными своими обѣщаніями, окружающіе ихъ сановники государства всегда находятъ средство оправдать

всякое преступное дѣяніе! Такимъ образомъ, поляки должны были раздѣлить съ русскими рабство, въ которомъ находились и всѣ другіе подданные имперіи.

Въ качествѣ замѣчательнаго явленія контраста, легко, впрочемъ, объяснимаго, можно отмѣтить, что Испанія, единственная въ Европѣ

Скала Гибралтара.
Видъ изъ глубины Алжезирасской бухты.

страна, являлась исключеніемъ изъ этого общаго движенія вспять: ея подданные закалили свою энергію въ борьбѣ, и если бы населеніе полуострова было предоставлено европейской реакціей самому себѣ, то несомнѣнно, что революція одержала бы на немъ побѣду надъ священной властью королей. Возвращенный въ Мадридъ союзниками король Фердинандъ VII, котораго окружалъ цѣлый сонмъ инквизиторовъ и монаховъ, поспѣшилъ возстановить режимъ полнаго произвола; онъ не желалъ составлять лишь часть свѣтила, управляющаго страной, подобно Людовику XVIII во Франціи, и отвергъ конституцію, которую собраніе кортесовъ вотировало въ 1812 г. во время войны съ французами; онъ объявилъ себя абсолютнымъ монархомъ. Возстановленная инквизиція принялась дѣйствовать не только противъ еретиковъ, но также—и даже главнымъ образомъ—противъ либераловъ; тюрьмы наполнились заключенными; тысячи испанцевъ, и притомъ лучшіе люди страны,

были изгнаны изъ страны. Однако, жажда свободы, всколыхнувшая народъ до самой его глубины и являвшаяся логическимъ послѣдствіемъ того упорнаго героизма, который былъ выказанъ въ войнѣ за независимость, была слишкомъ настоятельной, слишкомъ всеобщей, такъ что король, эта несчастная и невѣжественная личность, человѣкъ неразвитый и безнравственный, не могъ найти въ себѣ и въ окружавшихъ его іезуитахъ поддержки, необходимой для борьбы.

Гротъ Калипсо на островѣ Пережиль.

Гравюра заимствована изъ сочиненія «Les Phéniciens et l'Odyssée» V. Bérard.

Во всѣхъ частяхъ Испаніи вспыхнули возстанія, и партизанская война началась опять, какъ во времена Наполеона. Даже армія возстала противъ режима духовенства. Ріего завладѣлъ въ 1820 г. укрѣпленіями острова Леона, господствующими съ юга надъ подступами къ Кадиксу, и гимнъ, пѣвшійся его солдатами, былъ подхваченъ съ энтузіазмомъ въ Галиціи, въ Бискайѣ, въ Наваррѣ, въ Мурсіи и въ Мадридѣ; тюрьмы инквизиціи были сожжены, и народъ направился ко дворцу короля. Исторія опять повторилась, и тѣ перипетіи, которыя разыгрывались во Франціи накапунѣ революціи, были воспроизведены и въ Испаніи. Напуганный король обѣщалъ возстановленіе конституціи 1812 г. и вторично произнесъ клятву передъ народомъ, собравшимся предъ королевскимъ дворцомъ. Инквизиція была декретомъ уничтожена, и заключенные выпущены изъ тюрьмы; двое мучениковъ, страдавшихъ еще отъ пытокъ, которыя они претерпѣли въ застѣнкахъ

іезуитовъ, получили даже мѣста министровъ въ совѣтѣ; были уничтожены майораты; монастыри, въ которыхъ скопились богатства страны, были принуждены отдать часть ихъ государству. Торжествующая буржуазія стала приверженной королю и парламенту, тогда какъ король, затая въ себѣ мщеніе, сталъ подготовлять заговоръ съ «Апостолической Юнтой» внутри страны и съ иностранными правителями внѣ ея. Тогда-то мы видимъ курьезное зрѣлище: французская армія проникаетъ въ Испанію (1823 г.) и выполняетъ тамъ миссію, аналогичную той, какая была поручена войскамъ Брунсвика въ самой Франціи въ началѣ великой революціи: герцогъ Ангулемскій, племянникъ короля Людовика XVIII, стоитъ во главѣ этихъ вторгшихся военныхъ силъ, съ осторожностью двигавшихся впередъ по тѣмъ опаснымъ ущельямъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ погибло столько другихъ французовъ. На этотъ разъ вторгшіеся враги имѣли на своей сторонѣ сочувствіе духовенства, и «армія для защиты вѣры», образованная изъ набранныхъ кое-гдѣ по деревнямъ, вокругъ монастырей и церквей, народныхъ бандъ, шла впереди нихъ. Менѣе чѣмъ въ 10 мѣсяцевъ кампанія окончилась: французская армія завладѣла Кадиксомъ и освободила короля отъ того почетнаго плѣна, въ которомъ онъ находился, и снова этотъ несчастный человѣкъ, предоставленный своимъ инстинктамъ грубой жестокости и защищаемый занявшими страну войсками противъ своего собственнаго народа, могъ съ радостью приняться за преслѣдованіе своихъ враговъ. Однако, финансовая и административная дезорганизація лишь увеличилась; Испанія претерпѣла даже такой позоръ, что видѣла, какъ алжирскіе корсары брали въ плѣнъ ея корабли и опустошали ея берега, а она ничего не могла подѣлать, не могла отъ нихъ защититься.

Бѣдствія испанской монархіи усложнялись внѣшними войнами, которыя приходилось ей вести съ американскими колоніями. Извѣстно, какъ ревностно оберегали преемники Карла V свои владѣнія по ту сторону океана. Они старались разлить мракъ и молчаніе надъ этими обширнѣйшими территоріями и сами эксплуатировали ихъ богатства лишь путемъ монополій, предоставленныхъ коммерческимъ предпріятіямъ, которыя также были подчинены наблюденію подозрительной инквизиціи. Карты, планы, статистическія данныя, историческіе и этнографическіе документы старательно прятались въ архивахъ, и смертная казнь угрожала не только пиратамъ, нападавшимъ на защищавшіяся ими побережья, но даже и потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, выброшеннымъ морскими волнами на берегъ. Такимъ образомъ, одною изъ очень крупныхъ побѣдъ философскаго духа XVIII столѣтія надо было считать благосклонное разрѣшеніе, данное французскимъ астрономамъ. измѣрить

дугу меридіана на плоскогоріи экваторіальныхъ Андовъ, и позднѣе предоставленное испанцамъ и иностранцамъ разрѣшеніе путешествовать

№ 440. Испанскія владѣнія въ Америкѣ.

1 : 80 000 000

0 1000 2000 4000 килом.

Центральная Америка: Гв=Гватемала; Гн=Гондурасъ; С.-С=Санъ-Сальвадоръ; Н=Никарагуа; К.-Р.=Коста-Рика; П=Панама. Гвіана: Дж=Джорджтоунъ; Пр=Парамарибо; Кн=Кайенна. Антильскіе острова: Я.=Ямайка; Г=Гаити; С.-Д=Санъ-Доминго; П.-Р=Порто-Рико.

и изслѣдовать страну. Тогда, мы видимъ, Феликсъ Азара, отправленный спеціально для разграниченія испанскихъ и португальскихъ владѣній,

занимается въ то же время географіей областей Ла-Платы, изучаетъ нравы населенія, животныхъ и растительность пампасовъ, затѣмъ опубликовываетъ свои изслѣдованія въ обширныхъ трудахъ, предназначенныхъ для публики. Точно также жители Новой Гренады Мутисъ и Кальдасъ, испанцы Рюйсъ и Павонъ занимаются изученіемъ естественной исторіи области Андовъ. Наконецъ, Александру Гумбольдту, знаменитому ученому и въ то же время богатому человѣку, съ прекрасными связями и сильнѣйшими рекомендаціями европейской дипломатіи, удается въ сопровожденіи его друга Бонплана (1799 г.) проникнуть внутрь испанскихъ владѣній Новаго Свѣта и завершить свое замѣчательное путешествіе по тропической Америкѣ и по Мексиканскому плоскогорію, которое составило настоящую революцію въ нашихъ познаніяхъ о землѣ и о людяхъ.

Вполнѣ очевидно, что естественная эволюція должна была вести къ отдѣленію отъ Испаніи ея американскихъ колоній, совершенно подобно тому, какъ отъ Великобританіи путемъ эволюціи отдѣлились 13 политическихъ группъ, сдѣлавшихся Соединенными Штатами. Какъ въ Сѣверной, такъ и въ Южной Америкѣ потомки европейскихъ колонистовъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ подчинялись приказаніямъ, приходившимъ изъ метрополіи, изъ ихъ собственнаго отечества, сдѣлавшагося для нихъ чуждымъ, несмотря на общность языка и традицій; будучи лишены всякой иниціативы въ устроеніи своихъ собственныхъ мѣстныхъ интересовъ, они относились съ ненавистью и съ чувствомъ собственнаго нарушеннаго права къ правленію колоніями тѣхъ неопытныхъ и не свѣдущихъ лицъ, которыя посылались имъ изъ Европы, главнымъ образомъ, съ цѣлью доставленія имъ возможности составить себѣ крупное состояніе; въ областяхъ испанской Америки, однако, эти группы недовольныхъ людей оставались въ теченіе трехъ вѣковъ слишкомъ малочисленными и слишкомъ разбросанными на большомъ пространствѣ, такъ что не могли претворить свои скрытыя въ душѣ чувства въ могущественное движеніе коллективнаго протеста. Духовное напряженіе не было еще достаточно сильнымъ; заключавшійся въ котлѣ паръ не достигъ еще давленія, достаточнаго для того, чтобы преодолѣть сопротивленіе прочныхъ стѣнокъ, которыя его заключали. Впрочемъ, положеніе въ испанскихъ владѣніяхъ Америки усложнялось еще спеціально тѣмъ обстоятельствомъ, что мало или вовсе не цивилизованные европейцы, каковыми были испанцы и креолы, находились въ болѣе или менѣе непосредственномъ соприкосновеніи съ туземными племенами, образовывавшими главную массу народа и отличавшимися отъ нихъ языкомъ, традиціями, экономическими условіями, интеллектуальнымъ и моральнымъ своимъ развитіемъ.

Испанцы въ Америкѣ находились, такимъ образомъ, передъ огром-

нѣйшими трудностями въ своихъ первыхъ попыткахъ къ созданію политической независимости—трудности, какихъ не встрѣчали англо-американцы. Путемъ своеобразнаго сцѣпленія борющихся силъ, революціи въ испанской Америкѣ, очень многочисленныя и разнообразныя по своему происхожденію и по своимъ проявленіямъ, приняли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже явственно клерикальный и ретроградный характеръ,—это были, слѣдовательно, уже прежде всего контръ-революціи. Политическій и военный распадъ, наблюдавшійся затѣмъ на самомъ полуостровѣ Испаніи, имѣлъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ предоставленіе своимъ собственнымъ силамъ каждой изъ колоній, и эти послѣднія продолжали существовать первоначально, не встрѣчая ни препятствій, ни содѣйствія со стороны метрополіи; изъ нихъ каждая на свой маперъ искала естественнаго равновѣсія сообразно съ идеалами, слагающимися въ качествѣ равнодѣйствующей всѣхъ многочисленныхъ интересовъ и желаній. Почти всюду возстанія отнюдь не возбуждались республиканскими, либеральными или даже патріотическими требованіями, и почти всюду провозглашалась вѣрность прежнему режиму. Инсургенты возставали при возгласахъ «да здравствуетъ Фердинандъ VII, законный монархъ Испаніи»!—и даже при возгласахъ «да здравствуетъ св. Церковь»! Они считали себя ревностными роялистами, хотя и не проявляли повиновенія,—ихъ возстанія, однако, имѣя первоначально совершенно консервативный характеръ, несли въ себѣ, тѣмъ не менѣе, зачатки будущихъ революцій.

Первымъ толчкомъ, вызвавшимъ общее движеніе въ испанской Америкѣ, было вступленіе войскъ Наполеона на полуостровъ и затѣмъ взятіе Мадрида: низлагая короля династіи Бурбоновъ на европейскомъ континентѣ, императоръ создавалъ ему по другую сторону океана, на берегахъ Ріо-Браво-дель-Норте и Ріо-де-ла-Плата, огромное множество защитниковъ, которые, ринувшись въ кровавую борьбу, оказались, десять или двадцать лѣтъ спустя, въ совершенно новой средѣ, безусловно отличающейся отъ той, о которой они грезили. Изо всѣхъ элементовъ, боровшихся между собою,—монархическая преданность и республиканское увлеченіе, приверженность католицизму и свобода мысли, воспоминанія о прежнемъ могуществѣ древнихъ американскихъ народовъ и стремленіе къ образованію великой народности безо всякихъ предразсудковъ происхожденія и цвѣта кожи, стремленіе къ экономическому порабощенію и желаніе трудъ сдѣлать свободнымъ,—ни одинъ изъ этихъ элементовъ не одержалъ полной и совершенной побѣды, и изо всѣхъ столкновеній, компромиссовъ, взаимныхъ уступокъ возникли республики, въ политическомъ смыслѣ независимыя,—республики, въ которыхъ рабство чернокожихъ исчезло, равно какъ исчезъ и угнетающій режимъ, но которыя почти всѣ остались подъ властью римской

церкви и военнаго правительства. Старинные народы ацтековъ, майя, муйска, кихуа, гуарани сложились въ этническія группы и превратились въ то же время въ современные народы, спаянные новыми расовыми связями, единымъ языкомъ и общими новыми идеалами.

Обширность территоріи испанской Америки, отъ Скалистыхъ горъ до пампасовъ, препятствовала съ самаго начала всякому общему движенію возмущеній и войнъ, которое должно было повести къ образованію испано-американскихъ республикъ. Разстоянія были слишкомъ велики, чтобы сообщеніе между отдѣльными частями являлось возможнымъ; въ лучшемъ случаѣ смутные отзвуки приносили новыя извѣстія о совершившихся событіяхъ, часто болѣе или менѣе искаженныя. Возстанія происходили въ областяхъ, отдаленныхъ одна отъ другой на тысячи километровъ, и можно только удивляться тому, что все же солидарность интересовъ защитниковъ общей независимости могла восторжествовать надъ столькими матеріальными препятствіями, могла повести, мало-по-малу, все же къ нѣкоторому объединенію вокругъ единаго центра общихъ усилій всѣхъ народовъ, столь далеко одинъ отъ другого отстоявшихъ.

Такая невольная локализація первыхъ попытокъ къ отвоеванію независимости позволяетъ одновременно многимъ городамъ приписывать себѣ честь первой инициативы въ защитѣ свободы, въ связи съ большимъ или меньшимъ значеніемъ, которое ими придается тѣмъ или другимъ событіямъ. Въ 1809 г. городъ Квито возсталъ во имя «Фердинанда VII и св. Церкви»; однако, эта мѣстная революція, которою обязаны нѣсколькимъ адвокатамъ-креоламъ, совершилась безъ малѣйшаго участія населенія Эквадора, и волны ея не перешли за границы страны. Въ Мексикѣ, въ Каракасѣ, въ Буэносъ-Айресѣ возстанія имѣли болѣе серьезное значеніе и являлись точкою отправленія національной борьбы, которая продолжалась болѣе десятка лѣтъ и заключилась, въ концѣ концовъ, полнымъ пораженіемъ метрополіи.

Уже въ 1808 г. безпорядки вспыхнули въ городѣ Мексико, вице-король Итуригарай былъ заключенъ въ тюрьму; однако, настоящая революція возникла лишь два года спустя въ селеніи Долоресъ къ сѣверу отъ столицы, подъ предводительствомъ священника Гидальго «во имя святой католической религіи и добрѣйшаго короля Фердинанда VII». Смертоубійственная борьба продолжалась не столько между національными партіями, сколько между религіозными сектами, изъ которыхъ одна почитала Божію Матерь Монсерратскую—это были испанцы, другая Божію Матерь Гваделупскую—это были индѣйцы Анагуака. Благодаря самоотверженнымъ революціонерамъ, явившимся съ самаго полуострова Испаніи и придавшимъ возстанію Анагуака нѣсколько болѣе возвышенный смыслъ, независимость «Новой Испаніи», которая сдѣла-

лась съ того времени извѣстной подъ наименованіемъ «Мексики», была, въ концѣ концовъ, провозглашена, и «гакупины», презрительное наименованіе, данное всѣмъ испанцамъ, должны были покинуть Новый Свѣтъ. Какъ часто, однако, мексиканская республика имѣла поразительное сходство съ абсолютной монархіей, съ наслѣдіемъ Монтезумы!

Что касается народностей Центральной Америки, раздѣленныхъ въ настоящее время на пять отдѣльныхъ республикъ, то онѣ принимали лишь въ слабой степени участіе въ борьбѣ противъ Испаніи и находились послѣдовательно подъ властью различныхъ самодержавныхъ правителей, получивъ ярлыкъ республиканскихъ государствъ лишь въ 1823 г. Внутренніе процессы, происходившіе въ средѣ этихъ народностей, въ которыхъ, за исключеніемъ развѣ Коста-Рики, туземный элементъ, еще плохо «латинизированный», имѣетъ огромное значеніе, состояли прежде всего въ борьбѣ между двумя стремленіями: стремленіемъ къ политической централизаціи и стремленіемъ къ мѣстной автономіи. Естественный недостатокъ отношеній между центрами политической жизни, очень сильно между собою удаленными, отсутствіе единаго могущественнаго притягательнаго центра, обусловили разъединеніе всей области перешейка на отдѣльныя государства соотвѣтственно числу естественныхъ областей. Эти государства имѣли каждое вполнѣ опредѣленный политическій характеръ, ясно выраженную географическую индивидуальность. Гватемала обладаетъ непрерывнымъ остовомъ изъ плоскогорій и вулкановъ, тянущихся параллельно океану; Сальвадоръ, пропорціонально гораздо болѣе населенный, но имѣющій меньшую поверхность, состоитъ изъ широкихъ долинъ между цѣпями вулкановъ; Гондурасъ раскрывается колоссальнымъ вѣеромъ по направленію къ низменному побережью Антильскаго моря, тогда какъ его южный склонъ склоняется правильнымъ полукругомъ къ заливу Фонсека; Никарагуа располагаетъ населенными областями лишь по окраинамъ своего громаднаго озера, поднятаго не менѣе какъ на 30 метровъ надъ моремъ, тогда какъ Коста-Рика является поперечной полосой высокихъ областей, тянущихся между обоими морями и окружающихъ съ сѣвера цѣпь вулкановъ. Вся Центральная Америка, извилистая и изрѣзанная, не имѣетъ географической цѣлостности, и природа ея, равно какъ и соперничество мѣстныхъ честолюбій, содѣйствовали полной неудачѣ попытокъ объединенія, предпринимавшихся въ различныя времена въ теченіе XIX столѣтія.

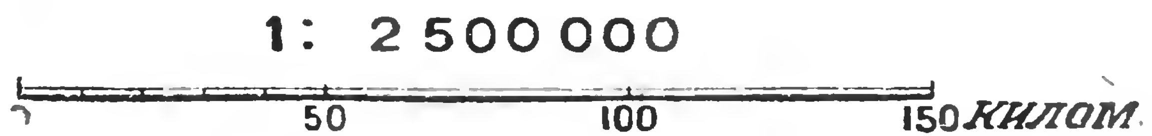
На южномъ континентѣ Новаго Свѣта крупнѣйшіе интересы тяготѣли, главнымъ образомъ, вокругъ Буэносъ-Айреса и устьевъ Ла-Платы, коммерческое значеніе которыхъ было уже велико, и высокая міровая роль которыхъ уже предвидѣлась. Англичане, ставъ неоспоримыми властителями океана, послѣ истребленія испанскаго и

французскаго флотовъ при Трафальгарѣ, поспѣшили произвести въ 1806 г. морскую демонстрацію передъ Буэносъ-Айресомъ и предложили аргентинцамъ свое покровительство въ случаѣ ихъ возстанія противъ Испаніи. Однако, предложеніямъ ихъ вполнѣ благоразумно не довѣряли, и двоекратно «портеносы» или обитатели «порта» Буэносъ-Айреса принуждали ихъ снова садиться на корабли. «Портеносы» уже тогда мечтали о полной независимости, и въ началѣ 1810 г. въ столицѣ образовалась революціонная юнта. Нѣсколько лѣтъ спустя, инсургенты захватили всю территорію Аргентины и вырвали ее изъ-подъ власти испанцевъ. Что касается того клина суши, который заключенъ между рѣками Парагваемъ и Параной, то его обитатели, молчаливые гуарани, съ усердіемъ повиновались малочисленной аристократіи европейцевъ Асунціона, подобно тому какъ во времена своего «обращенія» они столь же усердно повиновались своимъ исповѣдникамъ, миссіонерамъ-іезуитамъ; они также совершили немедленно собственную политическую революцію, отказавшись рѣшительно отъ всякой солидарности со своими сосѣдями аргентинцами. Въ теченіе болѣе чѣмъ четверти вѣка, маленькое государство, называвшееся Парагвайской республикой, оставалось почти совершенно замкнутымъ для чужестранцевъ,—въ такой же степени, какъ были замкнуты Китай и Японія. Правда, эта замкнутость была ему навязана одною личностью, являвшеюся почти безпримѣрнымъ типомъ деспота, коему слѣпо повинуется цѣлый народъ,—это былъ Франсіа, сынъ француза и парагваянки, который намѣтилъ себѣ вполнѣ твердую линію поведенія и никогда отъ нея не отступалъ. Онъ управлялъ при помощи террора, но безъ жестокости: будучи властителемъ душъ, онъ былъ въ то же время и властителемъ тѣла своихъ подданныхъ, былъ одновременно и диктаторомъ государства и всеобщимъ исповѣдникомъ.

Всѣ другія возставшія народности испанской Америки чувствовали себя солидарными въ своихъ требованіяхъ, предъявлявшихся ими къ ихъ прежнимъ властителямъ. Аргентина подала имъ великолѣпный примѣръ; въ 1817 г. пять тысячъ человѣкъ, составлявшихъ войско Санъ-Мартина, перешли черезъ Анды со всѣмъ своимъ военнымъ снаряженіемъ и направились на помощь повстанцамъ Чили. Испанскія войска ожидали враговъ у выхода перевала Кумбрія, гдѣ проходила тропинка, которою обыкновенно слѣдовали всѣ путешественники; однако, аргентинскій полководецъ, скрывая истинное направленіе своего пути, пошелъ къ сѣверу, по долинѣ Гермозо или «Красивой долинѣ», перешелъ горы переваломъ Бокети, въ 3565 метровъ высоты, и, спустившись оттуда по тихоокеанскому склону, обошелъ позиціи испанцевъ и нанесъ имъ подъ Шакабуко первое пораженіе, за которымъ годъ спустя послѣдовала рѣшительная побѣда при Майпо. Чилійскій флотъ отра-

зилъ затѣмъ на побережьи всѣ попытки прежнихъ властителей возстановить утраченную власть.

№ 441. Вальпарайзо и Аконкагуа.



Въ сѣверной части Южной Америки, также благодаря тѣсной солидарности малочисленныхъ войскъ повстанцевъ, возникли во мно-

гихъ частяхъ территоріи отъ устьевъ Ориноко до солончаковыхъ пространствъ Атакамы американскія республики, отвоевавшія свою независимость послѣ ужасныхъ перипетій и даже крупныхъ пораженій, которыя, казалось, имѣли рѣшающее значеніе. Здѣсь въ 1810 г. разгорѣлось возстаніе противъ испанскаго режима въ Каракасѣ. Оно было вскорѣ подавлено благодаря тому, что страшное землетрясеніе, разрушившее столицу и нѣсколько другихъ городовъ Венецуэлы, было принято многочисленными вѣрующими страны за наказаніе, ниспосланное свыше. Борьба разгорѣлась затѣмъ, однако, вновь въ другихъ частяхъ страны, особенно въ Новой Гренадѣ, и рядъ выигранныхъ патріотомъ Боливаромъ битвъ открылъ ему врата Каракаса (1813). Вскорѣ ему пришлось вторично бѣжать и снова начинать борьбу на плоскогоріяхъ Новой Гренады. Преслѣдуемый неуспѣхомъ, онъ удалился за границу, затѣмъ въ 1816 г. появился снова въ Венецуэлѣ и на этотъ разъ могъ бороться съ увлеченіемъ, не покидая страны, и началъ съ того, что гарантировалъ себѣ содѣйствіе рабовъ, провозгласивъ уничтоженіе рабства. Тогда-то война и приняла размѣры настоящей революціонной и республиканской кампаніи. Король Фердинандъ VII былъ позабытъ, и «ліанеросы» обширныхъ равнинъ Венецуэлы, не менѣе выносливые, чѣмъ «гаучосы» пампасовъ Ла-Платы, носились вихремъ по степямъ на своихъ быстрыхъ коняхъ, опьяненные чувствомъ дикой независимости. Собираясь въ толпы и моментально разсѣиваясь, они внезапно нападали на врага и столь же быстро исчезали,—однажды эскадронъ этихъ кавалеристовъ даже бросился въ рѣку, чтобы вплавь завладѣть флотиліей испанцевъ! Легенда гласитъ, что удивительное воинство это состояло изъ призраковъ—привидѣніями, душами умершихъ былъ окруженъ генералъ Паэцъ, лучшій полководецъ Боливара. Съ другой стороны, генералъ-губернаторъ писалъ королю по поводу побѣды, одержанной надъ колумбійцами: «Всякій, кто только умѣетъ читать и писать, разсматривался нами какъ бунтовщикъ; истребляя всѣхъ, кто только имѣетъ такія знанія, я надѣюсь съ корнемъ вырвать духъ возстанія»!

Въ 1819 г. область Гренадскихъ горъ была очищена отъ испанскихъ войскъ; два года спустя побѣда при Карабобо (въ іюнѣ 1821 г.) освободила Венецуэлу, но Порто-Кабелло оказывалъ сопротивленіе еще вплоть до 1823 г. Между тѣмъ Боливаръ отправился помогать Эквадору и Перу. Тамъ также при Аякуко (19 декабря 1824 г.) испанцы были разбиты. За исключеніемъ Каллао, который палъ лишь въ 1826 г., вся огромная колоніальная имперія Филиппа II превратилась въ номинальныя республики, не завоевавшія еще своихъ гражданскихъ свободъ, но пользовавшіяся уже полною независимостью автономныхъ государствъ. Даже на водахъ Антильскаго моря, гдѣ испанское прави-

тельство могло еще посылать легко помощь, половина острова Испаньолы, остававшаяся въ его владѣніи, была совершенно освобождена отъ владычества испанцевъ, сперва подъ знаменемъ Колумбіи, затѣмъ въ союзѣ съ островомъ Гаити. Испанія сохраняла еще въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго вѣка островъ Кубу, эту «жемчужину Антильскихъ островов», и Порто-Рико съ цѣлой вереницей мелкихъ островов, населеніе которыхъ было малочисленно. Изо всего того обширнаго Новаго Свѣта, который подарилъ ей Колумбъ, Испанія не сумѣла сохранить ничего, кромѣ этихъ своихъ сахарныхъ и табачныхъ плантацій, окруженныхъ жилищами рабовъ!

Симонъ Боливаръ (1783—1830).

Освободившись отъ чужеземныхъ повелителей и руководителей, испано - американскія республики воспользовались этимъ для развитія своей торговли, съ того времени открытой для всѣхъ европейскихъ народовъ; онѣ были, тѣмъ не менѣе, проникнуты старинными предразсудками, прежнимъ теократическимъ духомъ ацтековъ и инковъ, лишь слабо измѣнившимся подъ управленіемъ клерикальной монархіи, которое продолжалось въ теченіе трехъ вѣковъ. Самое значительное измѣненіе, происшедшее въ народныхъ массахъ, проистекало отъ войны за независимость, въ коей проявились всѣ ихъ различныя страсти,—наклонность къ грабежамъ и жестокость въ такой же мѣрѣ, какъ и смѣлость и храбрость. Кромѣ того, свободное соприкосновеніе съ переселенцами самаго разнообразнаго происхожденія должно было расширить ихъ кругозоръ и подготовить будущее объединеніе всѣхъ гражданъ. Однако, нарождающіяся республики не были еще готовы къ объединенію въ одну обширную конфедерацію, къ какой приводила ихъ общая только-что выдержанная борьба, приводилъ опытъ аналогичныхъ объединеній

народовъ, воспоминанія о собственныхъ перенесенныхъ страданіяхъ, пользованіе однимъ общимъ культурнымъ языкомъ и географическое расположеніе ихъ континента, столь прекрасно ограниченнаго въ своихъ очертаніяхъ.

Панамскій конгрессъ, который Боливаръ устроилъ для республиканцевъ, представителей испано-американскихъ республикъ (1824 г.), повелъ лишь къ обмѣну взаимными любезностями и къ вынесенію ничего не стоящихъ резолюцій: немыслимо было и требовать, чтобы еще варварскія народности, каковыми были потомки-метисы племенъ муйска, кихуа, аймара и араукановъ, могли оцѣнить значеніе федеральнаго объединенія между отдаленными странами, едва знавшими другъ друга по имени, и самое значеніе того выбора, который былъ сдѣланъ Боливаромъ, именно избраніе Панамы центромъ эманципированной Америки, оставалось для нихъ, вѣроятно, совершенно недоступнымъ. Могли ли они понять значеніе этой грани между двумя океанами, предназначенной нѣкогда сдѣлаться величайшимъ связующимъ звеномъ въ дѣлѣ распредѣленія богатствъ по окружности земного шара? Впрочемъ, движеніе реакціи, слѣдующее неизбѣжнымъ образомъ за каждой внезапной конвульсіей государства, началось и во всѣхъ этихъ государствахъ, и самъ Боливаръ, прилагавшій всѣ старанія къ выполненію задачи, явно невозможной, именно къ объединенію всѣхъ правительствъ отдѣльныхъ республикъ, содѣйствовалъ въ значительной степени такому регрессивному ходу. Вставъ на мѣсто прежнихъ властителей, онъ желалъ управлять тѣми же самыми способами: закрытіемъ газетъ, возстановленіемъ монастырей и ихъ школъ, военными вмѣшательствами и возстановленіемъ диктатуры. Онъ не имѣлъ, однако, возможности проявить полноту абсолютной власти. Получивъ почетную отставку, онъ скончался въ 1830 г. въ своемъ имѣніи Санъ-Педро, вблизи Санта-Марты, жалуясь такъ на судьбу: «Что мы дѣлали,—развѣ не вспахивали море?»—говорилъ онъ. Понималъ ли самъ онъ, однако, въ достаточной мѣрѣ тѣ событія, которыхъ былъ главнѣйшимъ дѣятелемъ, и въ силу которыхъ старинныя колоніи были отторгнуты отъ Испаніи и вступили въ великую конфедерацію прогрессивныхъ народностей, открытыхъ свободно вліянію европейской цивилизаціи?

Одновременно съ Испаніей и маленькое королевство Португальское увидѣло, какъ его огромныя колоніальныя владѣнія Новаго Свѣта ускользаютъ изъ рукъ, по внѣшности въ силу отраженія революціонныхъ движеній Европы, но на самомъ дѣлѣ—изъ-за несогласій между властями метрополіи и обитателями колоніи. Португальцы Америки, достигнувъ почти такой же численности, какъ населеніе ихъ родной страны, почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы отказывать въ повиновеніи тѣмъ приказаніямъ, которыя направлялись къ

нимъ изъ Лиссабона, и пожелали независимо управлять своей страной. Въ этомъ отношеніи мнѣнія всѣхъ были столь единодушны, что Бразилія, открыто объявляя себя государствомъ монархическимъ, отдѣлилась отъ Португаліи безъ всякаго революціоннаго кризиса, даже безъ пролитія крови; она просто предоставила въ 1822 г. своему регенту, Донъ-Педро Браганцскому, на выборъ—изгнаніе или императорскій тронъ. Онъ, разумѣется, безъ колебанія пожертвовалъ своей лойяльностью воина, и Бразилія заняла подобающее ей мѣсто среди великихъ автономныхъ государствъ.

Тогда какъ область распространенія цивилизаціи европейскаго типа расширялась въ Новомъ Свѣтѣ за счетъ всѣхъ континентальныхъ странъ, говорившихъ на испанскомъ и португальскомъ нарѣчіи, къ ней пріобщилась въ бассейнѣ Средиземнаго моря маленькая Греція, это драгоцѣнное наслѣдіе минувшихъ вѣковъ, которое завоевателями-турками было насильственнымъ путемъ привязано въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ къ міру азіатской культуры. Слѣдуя обратному движенію исторической волны—движенію съ запада на востокъ, Европа снова завладѣла страною, которая среди всѣхъ другихъ должна была бы считаться самой первой, по происхожденію, страною, въ которой сто поколѣній тому назадъ совершился великій переворотъ въ области умственной и нравственной жизни,—переворотъ, послужившій точкою отправленія нашей современной дѣятельности.

Послѣ русскаго вмѣшательства въ 1770 г. греки Мореи и острововъ архипелага претерпѣвали ужаснѣйшія преслѣдованія, въ особенности со стороны албанцевъ, которыхъ турецкое правительство вытѣснило въ Грецію, давъ имъ полное разрѣшеніе убивать и грабить. Снова возникалъ невольно вопросъ, будутъ ли въ состояніи побѣжденные оправиться отъ терпимыхъ ими бѣдствій?

Безъ сомнѣнія, греческая народность или, скорѣе, тотъ комплексъ различныхъ народностей, которыя говорятъ на эллинскомъ нарѣчіи и обозначаются общимъ именемъ «грековъ», была бы совершенно истреблена и никогда не могла бы воскреснуть, если бы режимъ, навязанный турками-завоевателями послѣ взятія Константинополя, продолжался въ теченіе многихъ поколѣній. Всѣ греки были объявлены рабами, не имѣющими права обладать какою бы то ни было собственностью, и по достиженіи десятилѣтняго возраста каждый долженъ былъ платить ежегодно подать—«харачъ», чтобы выкупить право жить въ теченіе года. Ежегодно христіане должны были поставлять на каждые пять человѣкъ дѣтей одного ребенка, который воспитывался въ магометанской вѣрѣ и обучался военному искусству для примѣненія его противъ собственныхъ своихъ соотечественниковъ. Много матерей

убивало своихъ дѣтей собственными руками, чтобы спасти ихъ отъ этой ужасной участи, и затѣмъ сами убивали себя! Къ счастью, невѣжественные турки, неспособные вести формальную сторону управленія страною, которая нѣкогда была Византійской имперіей, должны были поручать это дѣло иностранцамъ, т.-е. тѣмъ же грекамъ, на которыхъ возлагалась отвѣтственность за весь ихъ народъ, и которые при помощи денегъ и лести нерѣдко умудрялись выхлопатывать привилегіи для самихъ себя и для представителей своей народности. Такъ, скоро наступило время, когда греки не были уже болѣе обязаны доставлять своихъ дѣтей для несенія военной службы въ войскахъ; нѣкоторые изъ нихъ, благодаря своей ловкости и дѣловитости, достигли даже того, что получили довольно высокія дипломатическія должности, служили драгоманами, секретарями и если не оффиціальными, то фактическими посланниками.

Даже болѣе,—фанаріоты, т.-е. греки, родившіеся въ кварталѣ Фанаръ Константинополя, получили въ 1731 г. въ свое управленіе Молдавію и Валахію подъ верховнымъ покровительствомъ султана. Впрочемъ, властители-османли никогда не совершали систематическихъ насилій: они завладѣвали землями или же грабили запасы и дома жителей, собирали двойныя и тройныя подати, наказывали палками проявлявшихъ неудовольствіе, но въ своей гражданской жизни грекамъ всегда предоставлялось сохранять прежніе обычаи и подъ отвѣтственностью своихъ архонтовъ или демогеронтовъ они сами управляли своими школами и церквами. Не только пользованіе своимъ языкомъ, но и изученіе его содѣйствовало у нихъ въ значительной степени развитію національнаго единства. Турки позволяли имъ также свободно исповѣдывать ихъ религію и предоставляли патріарху ихъ почетное мѣсто въ средѣ правительства: терпимость, проистекавшая отъ пренебреженія, заходила у побѣдителей такъ далеко, что въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ православные греки испрашивали у Господа Бога и его святыхъ истребленіе варваровъ, иначе говоря, ихъ собственныхъ повелителей—турокъ [1]).

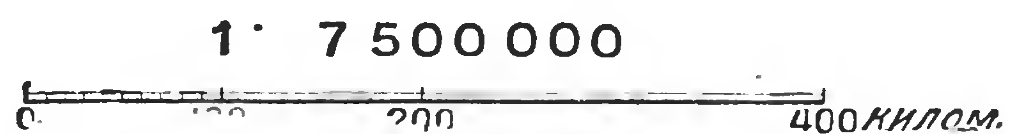
Отнятіе земель турецкими пашами у грековъ также не послужило на пользу туркамъ, такъ какъ заставило ограбленныхъ грековъ направить всѣ свои естественныя способности въ сторону промышленности и особенно въ сторону торговли: это измѣненіе формы труда имѣло своимъ слѣдствіемъ то обстоятельство, что все движеніе обмѣна товаровъ перешло въ руки людей, которые по самому своему наименованію, по своему языку, даже по внѣшности и нерѣдко по активной

---

1) A. Genadios. «La Grèce Moderne et la Guerre de l'Indépendance», trad. par Louis Ménard.

своей пропагандѣ являлись носителями духа независимости и были тѣсно связаны другъ съ другомъ во всѣхъ областяхъ эллинскаго востока,—они служили естественными разсадниками постоянно длившагося заговора противъ азіатскаго могущества. Наконецъ, существовали еще

№ 442. Великая Греція.



греки, которые, несмотря на завоеванія магометанъ, сумѣли сохранить неприкосновенными сокровища своей національности,—это были арматолійцы Ѳракіи, Македоніи и Ѳессаліи, обитавшіе въ высокихъ горныхъ долинахъ, на крутыхъ плоскогоріяхъ и появлявшіеся нерѣдко внезапно при соучастіи обитавшихъ внизу греческихъ крестьянъ среди помѣстій турокъ, которыя и предавались разграбленію; таковы были также клепты, разбойничьи племена Эпира, Парнасса и Тайгета, стойко защищавшія

свою «свободу въ горахъ». Эти разбойники были греками по преимуществу, и изъ ихъ среды выходили самые стойкіе и упорные борцы за свободу возрождающагося народа. Среди нихъ же продолжалъ процвѣтать и литературный греческій языкъ: они обогатили его превосходными пѣснями, которыя сдѣлались въ теченіе войны за независимость почти народными гимнами.

Подъ конецъ эпохи имперіи Наполеона греческіе патріоты обратились къ дипломатамъ, собравшимся въ Вѣнѣ, съ просьбою принять Грецію въ число тѣхъ державъ, которыя захватывалъ ихъ планъ переустройства европейскаго равновѣсія. Ихъ мольбы были, однако, не удостоены вниманія, и имъ оставалось только разсчитывать на самихъ себя и сорганизовываться тамъ-и-сямъ въ тайныя общества, преслѣдующія либо чисто- идеальныя цѣли, либо подготовку возстанія и будущей революціи. Такъ основалось и стало развиваться въ Аѳинахъ филэллиническое общество, затѣмъ въ Ѳессаліи общество гетеристовъ или «братское содружество», возникшее по мысли поэта Константина Ригаса. Уже въ 1821 г. гетеристы организовали возстаніе въ Румыніи, въ разсчетѣ на высокій престижъ ихъ вождя, князя Александра Ипсиланти, сына валахскаго господаря и генерала русской арміи,—быть-можетъ, они также надѣялись и на вмѣшательство русскаго императора, которому они приписывали желаніе возстановить Византійскую имперію. Священный союзъ не разрѣшилъ, однако, европейскимъ самодержцамъ поддержать возставшихъ; они были всѣми покинуты: оставили ихъ и сербы и румыны, которые при всей ненависти своей къ своимъ повелителямъ, туркамъ и фанаріотамъ, не довѣряли и своимъ освободителямъ, патріотамъ Греціи. Побѣжденнымъ въ открытой битвѣ, этимъ первымъ героямъ греческой независимости только и оставалось, что съ честью умереть. Одинъ изъ нихъ взорвалъ себя со всѣмъ своимъ отрядомъ въ одномъ изъ монастырей.

Однако, голоса румынскихъ инсургентовъ нашли себѣ отзвукъ и въ Мореѣ и на островахъ архипелага. Епископъ Германосъ призвалъ къ оружію всѣхъ грековъ. Мессенія объявила себя независимой, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ флотилія изъ 180 мелкихъ судовъ, играя въ прятки среди запутаннаго лабиринта Цикладовъ, уничтожила рядъ турецкихъ военныхъ судовъ и истребила гарнизоны въ портахъ. Въ концѣ 1821 г. инсургенты завладѣли Триполицей, столичнымъ городомъ Мореи; въ Аргосѣ собралось первое національное собраніе; затѣмъ такое же собраніе было созвано въ Эпидаврѣ, и делегаты, торопясь возможно скорѣе вступить въ соглашеніе съ европейскими государствами, избрали себѣ президентомъ или «проэдросомъ», облеченнымъ королевскою властью, фанаріотскаго князя Александра Маврокордато; однако, греки дали еще не настолько доказательствъ своей храбрости, чтобы великія державы,

преклоняющіяся лишь предъ успѣхомъ, могли обнаружить къ нимъ благосклонность, и общественное мнѣніе, обладавшее еще бóльшею силою, чѣмъ правительства государствъ, не было въ достаточной степени возбуждено. Порта имѣла время, чтобы организовать свои войска и свой флотъ для вторженія въ Грецію; сыну вице-короля Египта, Ибрагиму-Пашѣ, было поручено начальство, и въ 1825 г. онъ проникъ въ Морею

Берегъ Кефалоніи.

во главѣ 20-титысячнаго войска, обученнаго европейской тактикѣ французскими офицерами. Кровопролитія и опустошенія были ужасны: Морея сдѣлалась пустыней, тогда какъ по другую сторону Коринѳскаго перешейка городъ Миссолонги, куда спаслись бѣгствомъ тысячи грековъ и сочувствовавшихъ имъ иностранцевъ, среди которыхъ былъ и великій поэтъ Байронъ, принужденъ былъ выдерживать въ теченіе почти цѣлаго года осаду, которая закончилась героическимъ прорывомъ чрезъ войска осаждавшихъ и взрывомъ укрѣпленія, подъ развалинами котораго было уничтожено множество друзей и враговъ (1826 г.). Лишь тогда европейскія державы сочли, что насталъ моментъ «вступиться за грековъ»,—къ этому побуждала ихъ и энергичная дѣятельность всѣхъ

сочувствовавшихъ грекамъ, которые со всѣхъ сторонъ отправляли имъ помощь людьми и деньгами. Трое иностранцевъ были поставлены во главу управленія греческими дѣлами: Капо-д'Истрія, которому протежировало русское правительство, былъ назначенъ президентомъ; англичанинъ Кокранъ, прославившійся уже своимъ участіемъ въ борьбѣ за независимость въ Южной Америкѣ, былъ назначенъ генералъ-адмираломъ флота; Чёрчъ, также англичанинъ,—генералиссимусомъ арміи. Россія, Англія и Франція отправили въ турецкія воды свои флоты, которые уничтожили почти безъ боя корабли Ибрагима-Паши, находившіеся въ бухтѣ Наваринъ (1827 г.).

Война окончилась,—оставалось лишь очистить Грецію и острова отъ вооруженныхъ бандъ мусульманъ, которыя тамъ еще находились. Европейскія державы продиктовали условія мира, которыми признавалась, однако, первоначально верховная власть Порты и уплата контрибуціи Греціей, но, въ концѣ концовъ, была признана абсолютная независимость этого небольшого королевства. Въ современной исторіи мало періодовъ борьбы, когда возставшіе обнаруживали бы такую храбрость и упорство, какъ въ этой войнѣ за греческую независимость! Когда Греція была объявлена свободной отъ турецкаго владычества, въ ней оставалось ровно 600000 грековъ и албанцевъ: «чтобы освободить ихъ, 300000 ихъ собратьевъ пожертвовали своею жизнью... Треть погибла для того, чтобы дать свободу двумъ другимъ третямъ» [1])! Это мужество грековъ вызвало во всей Европѣ величайшее изумленіе; со временъ французской революціи молодежь не испытывала большаго энтузіазма. Подъ впечатлѣніемъ минувшей великой эпохи невольно воображали, что герои Новой Эллады воскресятъ геній древней Греціи, и можно сказать, что либеральная буржуазія чувствовала себя тогда на самомъ дѣлѣ юной и опьяненной надеждами,—ей казалось, что она справляетъ свое обрученіе съ идеаломъ!

Въ концѣ концовъ, однако, политическое освобожденіе части Греціи было не болѣе какъ символомъ гораздо болѣе значительной революціи, совершавшейся въ восточномъ мірѣ. Внезапно всѣ греки оказались свободными. То, что ими называлось «великой идеей»,—иначе говоря, солидарность всей Греціи,—воплотилось въ государство, къ которому они съ этого времени тяготѣли, независимо отъ спеціальныхъ условій окружающей среды. Болѣе чѣмъ какая-либо другая народность, греки на самомъ дѣлѣ воплощаютъ собою одну «идею», именно вслѣдствіе того, что вопросъ о мѣстѣ рожденія, о народности и о языкѣ подчиненъ у нихъ совершенно личному убѣжденію. «Я—грекъ»,—и этого достаточно для того, чтобы славянинъ, валахъ, албанецъ, предста-

---

1) Pierre de Coubertin. Soc. normande de Géogr. 1900, p. 147.

витель любой народности по рожденію могъ бы и долженъ былъ бы считаться на самомъ дѣлѣ грекомъ. Вѣдь, главнымъ образомъ, воля человѣка дѣлаетъ страну его отечествомъ по избранію; внѣшнія условія ничего не значатъ; интересъ представляетъ лишь жизнь въ самой основѣ своей сущности [1]). Даже вопросъ о территоріи, имѣющій такое большое значеніе въ глазахъ патріотовъ и народовъ, имѣетъ второстепенное значеніе для грековъ. Въ примѣръ можно привести обитателей побережья Малой Азіи и островныхъ жителей архипелага Турціи, которые по существу являются эллинами и, сознавая свою народность, очень горячо относятся къ національному единству, но отнюдь не стремятся сдѣлаться подданными короля маленькой Греціи и заранѣе уже не довѣряютъ бюрократіи королевства, которая ограничила бы ихъ тысячами мелочныхъ правилъ: имъ гораздо удобнѣе устроиться съ турками, которые вовсе не проявляютъ намѣренія прививать имъ оттоманскій патріотизмъ и оставляютъ ихъ жить отдѣльными общинами, не вмѣшиваясь въ ихъ общественныя начинанія и въ дѣло образованія. Греки Метиленъ на Лесбосѣ, греки Смирны и Самоса, знаютъ также, что они по существу болѣе свободны и живутъ лучше подъ покровительствомъ турокъ, чѣмъ жили бы подъ непосредственнымъ управленіемъ централизующей власти аѳинскихъ чиновниковъ,—потому они безо всякаго нетерпѣнія ожидаютъ образованія греческой федераціи въ будущемъ. На самомъ дѣлѣ эта федерація существуетъ: греки всюду прекрасно узнаютъ другъ друга и взаимно помогаютъ другъ другу; за предѣлами политическихъ границъ они образуютъ уже самостоятельное единое цѣлое, связанное духовными узами.

Въ теченіе войны за освобожденіе Греціи Россія сама была ареною событій, свидѣтельствующихъ о томъ чувствѣ солидарности, которое начинало уже связывать всѣ народности Европы въ одинъ общій великій организмъ. Здѣсь неожиданно возникъ политическій заговоръ, имѣвшій своимъ предлогомъ вступленіе на престолъ Николая I вмѣсто его старшаго брата Константина (1825 г.). Этотъ заговоръ былъ, однако, безъ труда подавленъ ужаснымъ императоромъ, только-что возложившимъ на себя вѣнецъ; однако, духовное вліяніе людей, осужденныхъ на смерть или на ссылку на Кавказъ и въ рудники Сибири, сыграло, быть-можетъ, бо́льшую роль въ развитіи освободительныхъ идей въ Россіи, чѣмъ могла бы сыграть замѣна лица, стоявшаго во главѣ правительства, другимъ или даже чѣмъ могло бы имѣть обнародованіе конституціоннаго акта. «Декабристы», получившіе это наименованіе по имени мѣсяца, когда вспыхнуло возстаніе, дали столь высокій при-

---

1) Victor Bérard, «La Turquie et l'Hellénisme contemporain», pp. 239, 240.

мѣръ героизма, что эпоха эта можетъ считаться точкою отправленія той великой незамѣтной работы, которая совершалась въ теченіе вѣка въ самыхъ глубинахъ русскаго народа.

И, на самомъ дѣлѣ, въ исторіи Россіи заговоръ декабристовъ останется на вѣчныя времена событіемъ первѣйшей важности, покрывающимъ неувядаемой славой тѣхъ благородныхъ представителей высшаго сословія, которые рискнули возстать, не имѣя передъ собой никакой иной цѣли, кромѣ уничтоженія своихъ собственныхъ привилегій. По внѣшности нѣчто подобное происходило и во Франціи въ XVIII вѣкѣ, когда представители аристократіи и духовенства, увлекаемые свободомысліемъ, насмѣхаясь надъ «священными» установленіями и «вѣчными основами общественности», подрывали, такъ сказать, почву подъ основаніемъ трона и алтаря; однако, въ Россіи это движеніе имѣло болѣе глубокое значеніе. Аристократы и прелаты Франціи обладали достаточно утонченнымъ развитіемъ, чтобы предчувствовать неизбѣжно грядущія событія, и предупреждали ихъ заранѣе, какъ шахматные игроки, не увлекаясь слишкомъ игрою. Самъ король пожималъ плечами, замѣчая признаки приближающейся революціи, и говорилъ: «послѣ насъ хоть потопъ»; однако, во всякомъ случаѣ, эти насмѣшливые люди не сумѣли сохранить до конца принятой ими позы, и, когда угроза осуществилась на дѣлѣ, они поспѣшно прекратили всѣ свои насмѣшки и воспользовались весьма серьезно всѣми преимуществами своего происхожденія, своего богатства и соціальнаго положенія, къ которымъ до того выражали презрѣніе. Въ Россіи Пестель, Муравьевъ-Апостолъ и ихъ сотоварищи были гораздо болѣе искренни,—они стремились отъ чистаго сердца вступить въ качествѣ равныхъ въ общество ниже ихъ стоящихъ, стремились найти во всеобщей свободѣ гарантію своей собственной свободы. Затѣмъ, когда наступили дни репрессій, всѣ эти передовые люди явили примѣръ благородства и мужества, который никогда не исчезнетъ изъ народной памяти.

Этотъ взрывъ политическаго увлеченія соотвѣтствуетъ быстротѣ того поворота русской мысли, который она перетерпѣла подъ вліяніемъ идей западной философіи. Въ эпоху Петра Великаго царь одинъ отправился въ Западную Европу, чтобы найти новые способы управленія: самъ народъ не принималъ никакого участія въ этихъ поискахъ, въ которыхъ царедворцы позднѣйшихъ временъ желали видѣть вступленіе двадцатимилліоннаго населенія Россіи въ культурный міръ Европы. Позднѣе императрица Екатерина, правда, призвала къ своему двору философовъ, но это было лишь кокетливое заигрываніе съ западной культурой,—она остерегалась примѣнять къ управленію своимъ народомъ совѣты ея друга Дидро. Безъ сомнѣнія, придворные поспѣшили усвоить тотъ модный языкъ, на которомъ она говорила, но это было

съ ихъ стороны не болѣе какъ внѣшнею видимостью: «философами были, какъ были палачами—изъ раболѣпства» [1]). Подъ кожей русскаго можно было еще вполнѣ найти татарина. Однако, вліяніе мысли постоянно увеличивалось, и, безъ сомнѣнія, тѣ поверхностныя идеи, которыя были посѣяны иностранными писателями, находили все же кое-гдѣ благопріятную для себя почву. Это обстоятельство еще болѣе усилило тѣ событія, которыя затѣмъ подготовили великій переворотъ въ умахъ русскаго общества.

Казненные декабристы (1826).

Пестель—род. въ 1793 г.; офицеръ и дипломатъ. Программа его была:«земля—крестьянамъ, свѣтское и обязательное образованіе и федеративный строй Россіи».

Рылѣевъ—род. въ 1784 г.; отставной офицеръ, выдающійся поэтъ.

Бестужевъ-Рюминъ—бывшій морской офицеръ, поэтъ и журналистъ.

Муравьевъ-Апостолъ—род. въ 1796 г., офицеръ. Преданіе гласитъ, что Роммъ, избѣжавъ смертной казни и спасшись въ Россіи, былъ его учителемъ.

Каховскій—отставной офицеръ. Въ день принесенія присяги Николаю I Каховскій убилъ одного изъ генераловъ, принявъ его за императора.

Польская аристократія, расположенная географически гораздо ближе къ Западной Европѣ, въ силу этого самаго принимала уже болѣе близкое участіе въ умственномъ движеніи западныхъ народовъ; можно сказать, что постоянно мѣняющаяся граница настоящей Азіи находилась за предѣлами Польскаго королевства. Во время войнъ начала столѣтія эта граница, однако, сразу сильно перемѣстилась: русскій народъ, при борьбѣ всколыхнувшись до самой глубины своихъ массъ, вошелъ въ тѣсное соприкосновеніе со вторгшимися въ Россію полчищами Наполеона. Столкновеніе это началось на поляхъ сраженій и закончилось цѣлымъ рядомъ кровопролитій, разсѣяніемъ и истребленіемъ вторгшихся завоевателей; въ то же время происходилъ все же и нѣкоторый обмѣнъ симпатій и идей, несмотря на все опьянѣніе взаимною ненавистью и кровью. Чтобы отразить чужестранцевъ, народъ долженъ былъ свободно подняться; въ немъ была пробуждена личная иниціатива, и рабы, сражаясь бокъ-о-

1) Michel Bakounine, «Société Nouvelle», septembre 1896, p. 322.

бокъ со своими господами, безъ сомнѣнія, мечтали уже о томъ, что получатъ землю и волю. Охватившій народъ подъемъ духа былъ въ то же время шагомъ впередъ въ сторону свободы. Миръ между европейскими повелителями, одержавшими побѣду надъ арміями Наполеона, не былъ еще заключенъ, когда въ Россіи зародился уже первый заговоръ людей, приносившихъ себя въ жертву затѣмъ только, чтобы поставить на новый путь русскій народъ,—на путь, открытый французскою революціею; эти люди ринулись въ борьбу со всею наивностью юныхъ варваровъ, не знающихъ еще ни сомнѣній, ни разочарованій въ своихъ иллюзіяхъ.

Вся Европа находилась въ тѣ времена въ состояніи политическаго броженія: со всѣхъ сторонъ требовали исполненія обѣщаній, данныхъ Революціей или наслѣдовавшими ея власть; главнѣйшимъ образомъ, однако, во Франціи концентрировалась эта борьба между партіями революціонными и сторонниками традиціоннаго роялизма. Карлъ X, человѣкъ, лишенный всякаго престижа, занявшій тронъ Людовика XIV, былъ, казалось, спеціально избранъ Провидѣніемъ въ качествѣ типичнѣйшаго представителя монархической системы, доведенной до абсурда: лишенный всякаго пониманія политическихъ условій и въ то же время полный чванливости и преисполненный вѣры въ свое божественное право короля, онъ насмѣхался надъ своимъ народомъ, невѣроятно возбуждалъ его своими законами, указами и повелѣніями, гарантировать выполненіе которыхъ онъ не имѣлъ силъ. Самыя противоположныя партіи, республиканцы и имперіалисты, соединились противъ него. Трехдневная революція (1830 г.), во время которой защитою ему служили лишь иностранные наемники, заставила его бѣжать. Самъ по себѣ малозначительный фактъ достаточно характеризуетъ этого человѣка: во время своего путешествія отъ Рамбулье въ Шербургъ, гдѣ онъ 16-го августа сѣлъ на корабль и отправился на островъ Уайтъ, главнѣйшею заботою Карла X было находить для своего обѣда четыреугольные столы, такъ какъ круглые столы не допускались стариннымъ этикетомъ королевскаго двора. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ одномъ изъ дворцовъ Великобританіи, онъ, забытый всѣми, умеръ въ Австріи.

Его замѣнилъ другой король, тотъ, котораго старикъ Лафайетъ представилъ народу со слѣдующими словами: «вотъ лучшая изъ республикъ». Луи-Филиппъ былъ прежде всего—сама торжествующая буржуазія. Революція, начавшаяся въ концѣ XVIII вѣка краснорѣчивымъ провозглашеніемъ правъ буржуазіи, закончилась вступленіемъ на престолъ этого «короля-гражданина». Крупная промышленность, развивавшаяся во Франціи по образцу англійской, завладѣла страною и получила хартію на управленіе ею,—это управленіе чрезъ посредство цензового выборнаго начала и дѣятельности обѣихъ палатъ утверждало

власть въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, богатыхъ представителей промышленности и высшихъ чиновниковъ. Узаконенное общество, состоявшее приблизительно изъ милліона избирателей, наконецъ, послѣ двукратныхъ неудачныхъ попытокъ, послѣ воинственной реакціи и реставраціи, осуществило свои идеалы. Революціи нерѣдко повторяются дважды, прежде чѣмъ результаты будутъ окончательно достигнуты, и

Карлъ X стрѣляетъ въ игрушечнаго кролика.

когда революція возвращается вновь, она обыкновенно является въ новой формѣ, даже по внѣшности противорѣчащей той, въ которой она появилась впервые. Такимъ образомъ, послѣ побѣды англійской буржуазіи, побѣды, представленной возникновеніемъ Commonwealth, въ Англіи совершилась другая революція, повлекшая за собою первоначально военную диктатуру Кромвеля, затѣмъ реставрацію законной династіи; однако, менѣе чѣмъ черезъ полъ-вѣка послѣ казни Карла I либеральная и парламентарная буржуазія все же окончательно захватила власть надъ государствомъ при Вильгельмѣ Оранскомъ.

Такъ называемая «Іюльская революція», символизировавшая во Франціи пріобрѣтеніе власти среднимъ классомъ населенія,—классомъ образованнымъ, предпріимчивымъ и уже богатымъ, отразилась на всемъ европейскомъ мірѣ сильнымъ потрясеніемъ и въ точкахъ наиболѣе неустойчиваго равновѣсія—сильнѣйшими конвульсивными пароксизмами. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Франціей небольшое королевство Голландіи, состоявшее изъ двухъ частей, плохо согласованныхъ между собой по своей предшествующей исторіи, разорвало внезапно полити-

ческія узы, связывавшія эти части въ одно общее цѣлое. Населеніе южныхъ областей, безъ сомнѣнія, страдало въ теченіе тѣхъ 15 лѣтъ, которыя длилось оффиціальное единеніе. Валлонцы, говорящіе на французскомъ языкѣ, съ большимъ неудовольствіемъ подчинялись необходимости пользоваться въ административныхъ сношеніяхъ языкомъ, который казался имъ менѣе культурнымъ, чѣмъ ихъ родной языкъ; они жаловались также на неравенство обложенія податями, которыхъ требовали съ нихъ болѣе, чѣмъ съ другого населенія, жаловались на всевозможныя притѣсненія, причинявшіяся имъ, какъ народу побѣжденному. Съ другой стороны, духовенство, всемогущее во Фландріи со времени ужасной эпохи испанскаго владычества, возбуждало у своихъ покорныхъ прихожанъ непримиримѣйшую ненависть противъ голландскаго режима, при которомъ преобладали кальвинистскія традиціи. Въ Бельгіи состоялся союзъ либераловъ и клерикаловъ противъ общаго врага, и изъ этого союза родилось новое небольшое государство, которое съ самаго перваго появленія своего на свѣтъ принуждено было провозгласить свою нейтральность и поставить себя подъ милостивый протекторатъ европейскихъ державъ; вслѣдъ за насильственнымъ союзомъ съ Голландіей послѣдовалъ бракъ по разсудку между Валлоніей и Фландріей, вступившими въ союзъ противъ собственнаго желанія Истинныя симпатіи имѣютъ своей точкой отправленія полную свободу,—онѣ развиваются лишь въ свободныхъ и независимыхъ ассоціаціяхъ.

Возстаніе въ Польшѣ, начавшееся въ концѣ 1830 г., имѣло не такіе результаты, какъ революція въ Бельгіи, но послѣдствія его, пожалуй, были еще крупнѣе, и эта великая историческая драма имѣла еще болѣе трагическій характеръ. Первоначально русскія войска принуждены были очистить страну, и польская армія, появившаяся какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, оказалась вскорѣ настолько сильной, что могла выдержать первый натискъ огромныхъ вооруженныхъ массъ, направленныхъ противъ нея. Борьба, начавшаяся во время зимнихъ холодовъ, среди густыхъ лѣсовъ, засыпанныхъ снѣгомъ долинъ, продолжалась затѣмъ весною во время разлива рѣкъ и длилась въ теченіе почти цѣлаго года, причемъ нерѣдко удачи поляковъ пріостанавливали движеніе русскихъ войскъ. Борьба была, однако, слишкомъ неравной, и 8 сентября 1831 года Варшава принуждена была сдаться и сдѣлалась ареною такихъ ужасовъ, что о нихъ никогда не забудетъ исторія. Вскорѣ затѣмъ остатки польскихъ батальоновъ были оттѣснены на территорію Австріи и Пруссіи. Тысячи бѣглецовъ просящихъ о пріютѣ, направились въ иностранныя государства, особенно во Францію, гдѣ продолжались внутреннія распри между польскими партіями—партіей претендента на королевскій престолъ Чарторыйскаго, и открытыми революціонерами Польши; между тѣмъ въ побѣжденномъ ихъ отечествѣ

вся сознательная интеллигенція была совершенно раздавлена ужаснѣйшимъ режимомъ насилія и несправедливости.

Мелкія революціи, вспыхнувшія въ нѣсколькихъ частяхъ сѣверной Италіи, были также подавлены. Меттернихъ, который былъ величайшимъ вдохновителемъ европейской контръ-революціи, могъ воздѣйствовать тамъ непосредственно,—онъ располагалъ войсками Австріи, которыя стали исполнителями его великихъ дѣяній: вся Италія, въ томъ

Собираніе убитыхъ.
Гравюра Франциска де Гойя и Луціентесъ. 1746—1828.

числѣ и Пьемонтъ, королевство двухъ Сицилій и римскія области, была въ то время не болѣе какъ вассальной провинціей «императорскаго и королевскаго» правительства; произнесеніе самого слова «свобода» считалось уже преступленіемъ, и произносили его лишь въ тайныхъ «ложахъ карбонаріевъ».

Въ Испаніи было свободнѣе, по крайней мѣрѣ, потому, что боролись съ оружіемъ въ рукахъ; но борьба эта не носила открытаго характера. Обитатели полуострова были еще слишкомъ рабами принциповъ, традицій и нравовъ католической монархіи и не могли открыто и искренно ринуться въ революцію съ цѣлью завоеванія республиканской свободы: подобно тому, какъ и въ сосѣдней Франціи, гдѣ была сдѣлана попытка совмѣстить всѣ элементы свободы съ младшею вѣтвью Бурбоновъ, являвшеюся съ того времени символомъ либеральной буржуазіи, такъ и здѣсь, въ Испаніи, старались объединить въ одномъ

политическомъ цѣломъ всѣхъ противниковъ стараго монархическаго режима и сдѣлать изъ нихъ воинство королевы Изабеллы, возведенной на тронъ вопреки обычаямъ престолонаслѣдія Бурбоновъ, т.-е. вопреки такъ называемому «салическому закону». Съ одной стороны, духовенство, съ другой—либеральная буржуазія напрягали силы въ борьбѣ между собой: боролись двѣ партіи—«carlistos»—карлисты, названные такъ по имени Донъ-Карлоса, законнаго наслѣдника престола, и «cristinos»—кристиносы, получившіе имя регентши; борьба происходила не только въ окрестностяхъ столицы, но и съ еще большей интенсивностью въ провинціи, въ особенности въ Наваррѣ и въ странѣ басковъ, обитатели которой изъ ненависти къ административной централизаціи и изъ справедливаго стремленія къ отвоеванію своихъ мѣстныхъ свободъ, находились удивительнымъ образомъ въ союзѣ съ реакціей. Гористая природа Испаніи, разбивающая ее на участки, облегчала упорную борьбу, и въ теченіе 7 лѣтъ, съ 1833 по 1840 г., она продолжалась безъ перерыва и была исключительно жестокой и кровопролитной. Въ концѣ концовъ, кристиносы восторжествовали, и Испанія воспользовалась нѣкоторымъ промежуткомъ покоя, явившимся перерывомъ въ ея кровавыхъ лѣтописяхъ.

Какъ бы въ силу параллельности теченія событій, перипетіи которыхъ столь трагически развивались въ сосѣднемъ государствѣ, въ Португаліи также происходила борьба изъ-за трона двухъ повелителей—жестокаго Донъ-Мигуэля и молодой Маріи де-Глорія. И въ этой странѣ точно также побѣду одержала молодая королева, бывшая, впрочемъ, едва ли менѣе деспотичной, чѣмъ ея соперникъ.

Въ Англіи происходили также событія величайшей важности, не повлекшія за собою, впрочемъ, кровопролитія. Въ эту эпоху страна, государственное устройство которой служило образцомъ для всѣхъ монархій съ представительнымъ образомъ правленія, возникавшихъ въ Европѣ, испытывала сама большія затрудненія въ государственной жизни вслѣдствіе крайней несправедливости избирательныхъ законовъ. Благодаря чрезвычайной медленности, съ которой Англія, управляемая законодателями и аристократами, ярыми консерваторами, приступала къ измѣненію своего стариннаго политическаго равновѣсія, представительство въ парламентѣ соотвѣтствовало еще той эпохѣ, когда южныя графства были пропорціонально гораздо болѣе населены и являлись болѣе богатыми, чѣмъ графства сѣверныя. Въ тѣ времена, когда устанавливалось выборное начало, графство Девонширское было обширной приморской областью, графства Сомерсетское и Уильтское были центрами промышленности, тогда какъ графство Ланкаширское, отличавшееся болѣе суровыми климатическими условіями, имѣло менѣе густое

№ 443. Англійское представительство въ парламентѣ въ 1832 году.

Масштабъ 1 : 5000000.

56 городовъ, утратившихъ сво хъ обоихъ представителей въ 1832 г., отмѣчены черными точками. Г, Грампонъ въ Корнуэлльсѣ—единственный городъ, лишенный представительства ранѣе. 31 городъ, у котораго отняли одного изъ его обоихъ представителей, отмѣченъ кружкомъ. Остальные города, отмѣченные кружками съ точкой въ серединѣ, сохранили обоихъ депутатовъ въ парламентѣ. Это уменьшеніе числа депутатовъ на 143 компенсировалось установленіемъ 22 новыхъ избирательныхъ центровъ съ двумя депутатскими мѣстами и 20 съ однимъ депутатскимъ мѣстомъ въ сѣверной Англіи и созданіемъ новыхъ земледѣльческихъ избирательныхъ округовъ.

Главнѣйшія сокращенія. Графства: Мид=Мидлессексъ; Рёт=Рётлендъ; Брик=Брикнокъ; Вестм=Вестморлэндъ; Кумб=Кум ерлэндъ; Нортумб=Нортумберлэндъ. Города, соотвѣтствующіе графствамъ: Д=Дорчестеръ (Дорсетъ); С=Соугэмптонъ (Гэнтсъ), В=Вильтонъ (Вильтсъ); Окс=Оксфордъ; Герт=Гетфордъ; Бед=Бедфортъ; Кэмбр=Кэмбриджъ; Гёнт=Гёнтингтонъ; Норт=Нортгауптонъ; Глоч=Глочестеръ; Монт=Монтмоусъ; Карм.=Кармаршенъ; Рэд=Рэдноръ: Хер=Херфордъ; Монтг=Монтгомери; Денб=Денби; Ш=Шрюбери (Шропширъ); Ворч=Ворчестеръ; Вар=Варвикъ; Лейч=Лейчестеръ; Н=Ноттингэмъ; Л=Ланкэстеръ (Ланкаширъ); Стэф=Стэффордъ.

и менѣе цивилизованное населеніе [1]),—отсюда вытекалъ и тотъ огромный перевѣсъ, который давался до 1832 г. представительству части Англіи, расположенной къ югу отъ рѣки Тренты; даже и въ настоящее время еще, несмотря на различныя смягченія такого несправедливаго распредѣленія, введенныя съ теченіемъ времени, южныя области королевства все же пользуются большими преимуществами. Такимъ образомъ, возникалъ все болѣе и болѣе сильный контрастъ между географическимъ распредѣленіемъ силъ, съ одной стороны, въ парламентѣ, съ другой—въ самомъ народѣ, воля котораго, въ концѣ концовъ, всегда одерживала верхъ.

Несмотря па сопротивленіе всѣхъ консервативныхъ элементовъ, и въ особенности церкви, эта народная воля, приложенная въ данномъ случаѣ къ истинному дѣлу прогресса, смогла точно также добиться и освобожденія рабовъ въ англійскихъ колоніяхъ. Уже начиная съ 1808 г., ввозъ чернокожихъ на американскія плантаціи былъ оффиціально запрещенъ; въ 1811 г. парламентъ приравнялъ торговлю рабами къ пиратству и подтвердилъ запрещеніе договорами, заключенными съ различными европейскими государствами. Затѣмъ въ 1830 г. британское правительство освободило всѣхъ рабовъ, принадлежавшихъ государству. Наконецъ, въ 1833 г. былъ изданъ великій актъ общаго освобожденія: парламентъ вотировалъ сумму въ полъ-милліарда франковъ для выкупа у плантаторовъ ихъ рабовъ, число которыхъ достигало почти 639000 душъ; на одномъ лишь островѣ Ямайкѣ ихъ насчитывалось 322000. Этотъ актъ освобожденія былъ, однако, далеко не первой, какъ это обыкновенно говорятъ, мѣрой, принятой въ защиту порабощенныхъ негровъ. Прежде всего еще въ 1792 г. французская республика провозгласила освобожденіе рабовъ на островѣ Санъ-Доминго; затѣмъ въ томъ же 1792 г. Данія уничтожила торговлю рабами въ колоніяхъ западной Индіи и въ 1803 г. подтвердила это постановленіе еще болѣе дѣйствительнымъ образомъ, запретивъ разъединять путемъ продажи членовъ одной и той же семьи негровъ, организовавъ дѣло просвѣщенія негровъ и принявъ различныя другія мѣропріятія, причемъ, однако, не дала все же рабамъ полной свободы [2]).

Примѣръ Великобританіи вызвалъ подражаніе и въ другихъ государствахъ Европы, отчасти подъ давленіемъ воли ихъ народовъ, но, пожалуй, еще болѣе въ силу внѣшняго давленія Англіи, которая согласилась лишиться матеріальныхъ выгодъ, связанныхъ съ торговлею неграми и производствомъ въ широкихъ размѣрахъ колоніальныхъ товаровъ, отнюдь не имѣя въ виду ставить себя при этомъ въ условія конку-

1) W. Bagshot, «The English Constitution».—2) «The Examiner», 24 mars 1877.

ренціи, неравныя съ другими народами. Понеся финансовый ущербъ, Англія желала, разумѣется, чтобы тяжесть его была распредѣлена и между другими государствами. На большей части Антильскихъ остро-

Битва на улицѣ Св Антонія 1830 г.

вовъ, и въ особенности на Ямайкѣ, плантаторы были совершенно разорены переворотомъ, происшедшимъ въ условіяхъ производства. Впрочемъ, это было и совершенно справедливо. Можно было только привѣтствовать, что чернокожіе были освобождены, наконецъ, отъ оковывавшихъ ихъ цѣпей и неумолимаго бича, позабыли дорогу къ ненавистнымъ

плантаціямъ и стали прилагать свой трудъ къ обработкѣ своихъ собственныхъ насажденій.

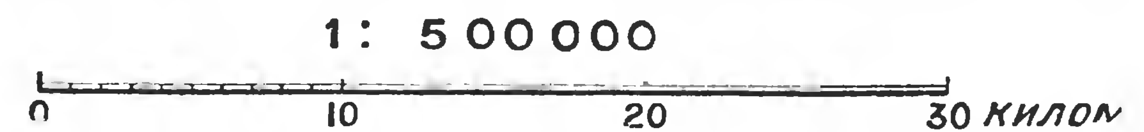
Реформы, проведенныя въ Англіи, благодаря послѣдовательнымъ побѣдамъ общественнаго мнѣнія, продолжались, независимо отъ смѣны царствующихъ особъ и министерствъ. Даже какъ-разъ подъ вліяніемъ консервативнаго правительства была вотирована парламентомъ пользовавшаяся наибольшими народными симпатіями мѣра этой эпохи, именно уничтоженіе или сведеніе до самой незначительной величины пошлинъ на хлѣбъ, что дало всей британской торговлѣ характеръ свободнаго обмѣна товаровъ. Этимъ Великобританія была поставлена во главу всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и ей была гарантирована извѣстная духовная гегемонія, которая казалась ею вполнѣ заслуженною въ теченіе цѣлой половины вѣка. Нѣкоторые писатели доходятъ даже до того, что воображаютъ, будто существуетъ способъ, которымъ отнынѣ и навсегда можно устранить всякія революціи. Для этого достаточно, по ихъ мнѣнію, подражать англійской аристократіи въ искусствѣ дѣлать уступки буржуазіи и народнымъ массамъ съ мудрой медлительностью, соотвѣтствующей требованіямъ, предъявляемымъ послѣдними,—такимъ способомъ можно постоянно управлять массами и выигрывать во власти то, что потерялъ въ своихъ привилегіяхъ. Однако, эти писатели, преклоняющіеся, во что бы то ни стало, предъ британскою мудростью, забываютъ, что такія временныя реформы никоимъ образомъ не излѣчиваютъ хроническихъ болѣзней національнаго организма; они забываютъ, что Ирландія остается порабощенной и находится въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не имѣютъ даже мужества, чтобы жить въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ; они забываютъ, что разоренная и голодающая Индія находится постоянно во власти жадной клики торговцевъ, и что въ самой Англіи подъ покровомъ наружнаго благосостоянія народъ продолжаетъ страдать отъ бѣдности, хотя, быть-можетъ, и въ нѣсколько меньшей степени, чѣмъ въ эпоху ужасныхъ войнъ имперіи.

Французское правительство, увлеченное по другому пути, чѣмъ англійское, должно было прежде всего заставить забыть свое революціонное происхожденіе. Чтобы вступить на правахъ равнаго въ сонмъ королей, Луи-Филиппъ долженъ былъ представить достаточныя доказательства своей консервативной мудрости и долженъ былъ энергично возстать противъ своихъ прежнихъ соучастниковъ. Онъ и не преминулъ это сдѣлать, и первое десятилѣтіе его царствованія прошло, главнымъ образомъ, въ вызываніи ряда возстаній съ цѣлью ихъ подавленія. Въ то же самое время Луи-Филиппъ воспользовался и обычнымъ пріемомъ развращенія народа,—именно отклонилъ вниманіе общества, направивъ его на завоевательную войну, не представлявшую, впрочемъ, большой опас-

ности. Еще за нѣсколько дней до іюльской революціи французскій флотъ высадилъ въ окрестностяхъ Алжира войска, которыя быстро заняли городъ, разсѣявъ его защитниковъ, и положили здѣсь конецъ правленію

№ 444. Окрестности Алжира и Митиджи.

1 : 500000



князей-пиратовъ. Это курьезное княжество, насмѣхавшееся въ теченіе трехъ вѣковъ надъ христіанскими державами, конечно, не могло бы существовать вовсе, если бы не поддерживалось тайными соучастниками; теперь оно окончательно исчезло съ береговъ Средиземнаго моря, но уничтоженіе этого гнѣзда пиратовъ не могло совершиться безъ того, чтобы Франціи не пришлось начать войны также и съ племенами внутри страны,—она была принуждена начать завоевательное движеніе, кото-

рое длилось въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и даже теперь еще, въ началѣ XX вѣка, окончательно не завершилось.

Мало-по-малу, французы проникали все болѣе и болѣе въ глубь материка, покореніе одной народности влекло за собою покореніе другихъ, усложнялось вооруженными набѣгами туземцевъ. Полководцы интересовались, впрочемъ, не столько судьбами завоеванныхъ народностей, сколько выполненіемъ своего военнаго ремесла, и видѣли въ Алжирѣ лишь обширное поле для военныхъ маневровъ, на которомъ солдаты практиковались во всѣхъ воинскихъ операціяхъ, въ передвиженіи полковъ, въ атакахъ, внезапныхъ нападеніяхъ, отступленіяхъ, засадахъ и сраженіяхъ,—однимъ словомъ, тамъ формировалось то, что называется «военнымъ духомъ»,—духомъ, враждебнымъ всякой свободной мысли, всякой личной иниціативѣ, всякому мирному прогрессу. Всѣ воображали, что эта непрерывная война въ Алжирѣ подготовитъ въ результатѣ французскую армію къ одержанію великихъ побѣдъ и при войнѣ въ Европѣ. Это было ошибочно, какъ позднѣе и стало ясно во время битвъ, сопровождавшихся пораженіями,—мелкія африканскія экспедиціи, направленныя противъ несвязныхъ и плохо вооруженныхъ туземныхъ войскъ, вовсе не подготовляли къ войнамъ, предпринимавшимся противъ могущественнаго непріятеля,—войнамъ, въ которыхъ принимали участіе огромныя массы войскъ, располагающія колоссальной артиллеріей; зато, правда, африканскія войска вернулись во Францію весьма искусными въ дѣлѣ охоты за людьми, какъ они это потомъ и доказали на улицахъ Парижа, состоя на службѣ «добрыхъ принциповъ порядка и власти».

Завоеваніе Алжира имѣло бы лишь печальныя послѣдствія, если бы страна эта должна была остаться только военной школой,—она сдѣлалась, однако, кромѣ того, вопреки всѣмъ желаніямъ полководцевъ, и областью для колонизаціи; борьба между обоими элементами—военнымъ захватомъ страны и гражданскою культурою—имѣла вначалѣ трагическій характеръ. Это была война не на жизнь, а на смерть, и въ теченіе тѣхъ долгихъ лѣтъ, когда Алжиръ былъ превращенъ въ огромную казарму, можно было, положительно, бояться, что туда будетъ окончательно закрытъ доступъ европейскимъ идеямъ и нравамъ. Однако, армія, для которой былъ необходимъ обширный кругъ поставщиковъ, не могла все же существовать безъ того, чтобы не вводить въ страну даже, вопреки собственному желанію, многочисленнаго гражданскаго населенія, которое давало въ то же время извѣстную прочность всѣмъ военнымъ завоеваніямъ. Такимъ образомъ, дѣло завоеванія страны находилось какъ бы въ заколдованномъ кругу и, несмотря ни на что, должно было вести къ уменьшенію и, наконецъ, къ полному подчиненію военнаго элемента, какъ ни старался онъ, во что бы то ни стало, избѣжать этого фатальнаго исхода. Точно также диктаторское управленіе

Алжиромъ стремилось къ сокращенію территоріи, занятой гражданскимъ элементомъ [1]): каждый европеецъ, поселявшійся за границами области расположенія войскъ, которая ограничивалась четыреугольникомъ Сахеля и Митиджи, оказывался уже въ силу этого самаго внѣ закона: часовые

Константина и ровъ Руммеля.

имѣли приказаніе стрѣлять въ него. Позднѣе сдѣлали еще хуже: уничтожили всякую колонизацію, даже въ непосредственныхъ окрестностяхъ Алжира. Маршалъ Валэ рѣшилъ предпринять военную экспедицію, несмотря на то, что она запрещалась договоромъ въ Тафна; Абдъ-эль-Кадеръ объявилъ ему, въ свою очередь, войну, и маршалъ воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы приказать всѣмъ колонистамъ Сахеля и Митиджи покинуть свои фермы. Этотъ приказъ, изданный

1) Rouire, «Revue des Deux Mondes», 15 sept. 1901, p. 357.

20 ноября 1839 г., уничтожалъ однимъ взмахомъ пера девятилѣтній трудъ колонизаціи. Тщетно выражали европейскіе колонисты желаніе защищаться сами, и на самомъ дѣлѣ они могли это сдѣлать,—гражданскому населенію не позволили спасти колонію: колонисты насильственно были заключены въ стѣнахъ Алжира, и войска три года вели войну, проливали кровь и производили огромные расходы, чтобы отвоевать обратно территорію, которую такъ легко было просто не потерять [1]). И, несмотря на все это, столь презиравшіеся колонисты одержали, въ концѣ концовъ, верхъ надъ своими естественными врагами-завоевателями, и Алжиръ былъ пріобщенъ къ европейскому міру. Это былъ великій шагъ впередъ въ общемъ ходѣ эволюціи, которымъ, мало-по-малу, связывается все человѣчество и присоединяется къ тому типу цивилизаціи, какой представленъ народами, получившими грекоримское воспитаніе.

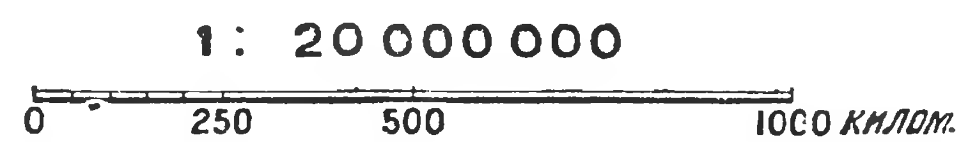
Въ эпоху завоеванія Алжира средиземноморскій востокъ былъ также встревоженъ бряцаніемъ оружія. Проявился новый «пастырь народовъ» въ лицѣ нѣкоего Мехметъ-Али, который изъ небогатыхъ офицеровъ достигъ высокаго званія египетскаго паши (1804 г.). Его военныя силы подъ начальствомъ его сына Ибрагима сражались въ Мореѣ и у Наварина; но вскорѣ послѣ того Мехметъ поссорился со своимъ повелителемъ, турецкимъ султаномъ, и вступилъ съ нимъ въ борьбу, которая завершилась пораженіемъ турокъ при Незибѣ, 24 іюня 1839 г. Вмѣшалась Европа—Россія, Австрія, Англія,—имѣя въ виду, что тотъ, кто лучше защититъ Турцію, пріобрѣтетъ больше правъ надъ нею; Мехметъ-Али долженъ былъ оставить Сирію и удовольствовался потомственнымъ владѣніемъ—Египтомъ.

Послѣ ужасныхъ войнъ временъ имперіи, въ теченіе той части XIX вѣка, когда народы Европы нѣсколько передохнули отъ кровопролитій, въ развитіи человѣческаго духа совершился крупный прогрессъ, вполнѣ соотвѣтствующій расширенію матеріальной области, занимаемой человѣчествомъ. Снова начались великія путешествія, предпринимавшіяся энергичными учеными изслѣдователями,—они охватили всю область знаній, обнимающую «космосъ». Спиксъ и Марціусъ опубликовали свое замѣчательное путешествіе по рѣкѣ Амазонкѣ (1817—1820), которое никѣмъ не было превзойдено въ смыслѣ глубины и точности; капитанъ Фицрой, сопровождаемый Чарльзомъ Дарвиномъ, отправился на своихъ корабляхъ «Адвенчуръ» и «Бигль» (1826—1830) въ путь и произвелъ великолѣпныя изслѣдованія, послужившія точкою отправленія для столь драгоцѣнныхъ выводовъ относительно образованія

1) Rouire, op. cit., pp. 365, 366, 367.

коралловыхъ острововъ, относительно движеній земной коры и происхожденія и распредѣленія животныхъ.

№ 445. Полярный американскій архипелагъ.



Б. – Островъ Бичи на сѣверо-западъ отъ земли Сѣв. Девона. М. П. — магнитный полюсъ на полуостровѣ Боотія.

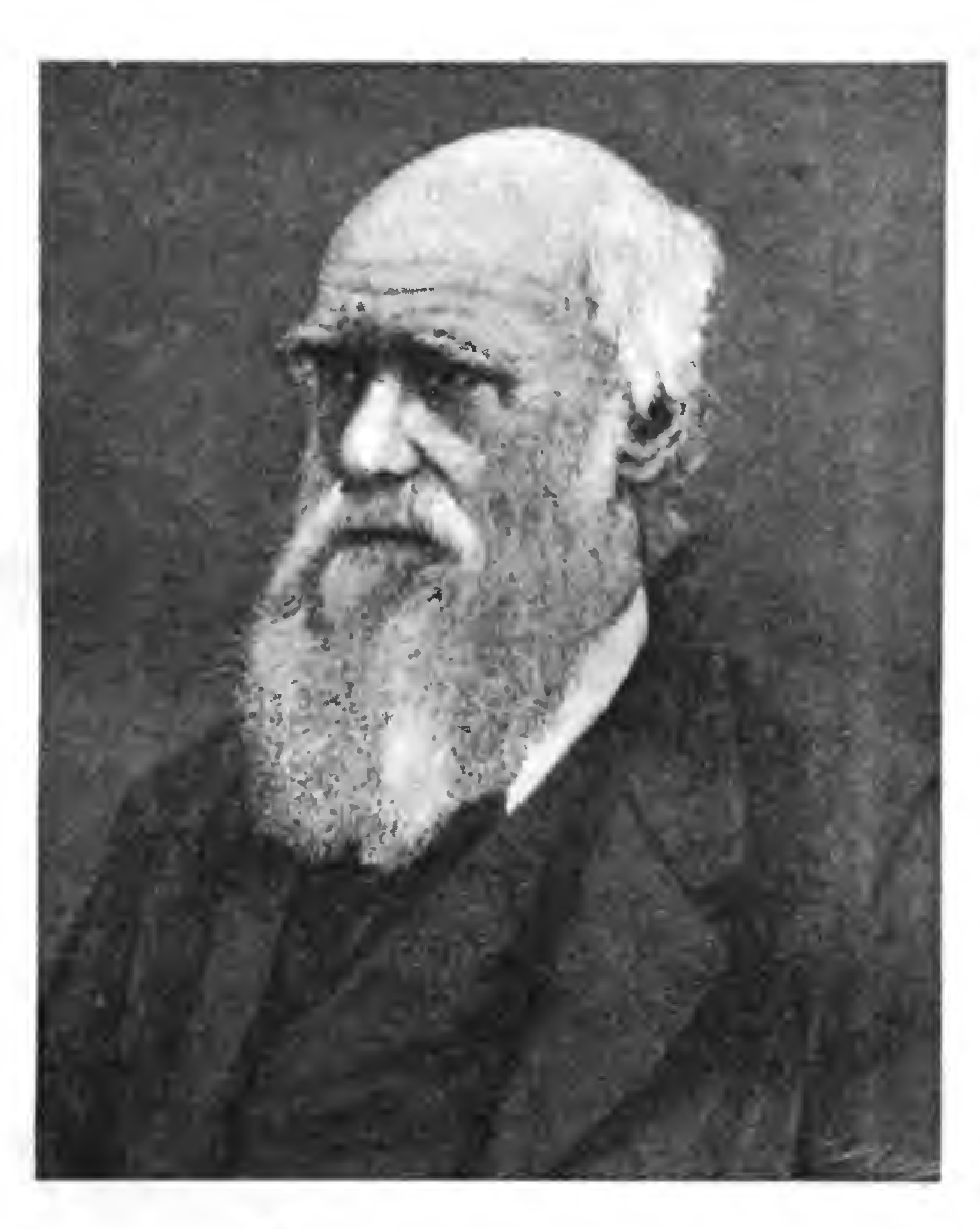
Въ 1904—1906 г. Амундсенъ совершилъ первое непрерывное плаваніе вокругъ Новаго Свѣта чрезъ сѣверо-западный проходъ.

Въ ту же самую эпоху вниманіе мореплавателей обратилось на полярныя страны, и они стали предпринимать путешествія не только

подобно Чепслору, Гудсону и Берингу для окрытія «сѣверо-восточнаго» или «сѣверо-западнаго» прохода, вдоль сѣверныхъ береговъ Азіи или Америки, но также и для непосредственнаго достиженія полюса,— такое путешествіе было предпринято, напримѣръ, капитаномъ Баффиномъ 200 лѣтъ тому назадъ. По стопамъ китобоя Скоресби, одного изъ самыхъ отважныхъ изслѣдователей Ледовитаго океана, моряки, отправлявшіеся британскимъ правительствомъ, Сэбинъ, Джонъ Россъ, Парри, одинъ за другимъ проникали на сѣверъ съ цѣлью изученія его береговъ. Въ 1827 г. Парри достигъ широты 82° 40′, которая затѣмъ, въ теченіе продолжительнаго періода, оставалась наиболѣе близкимъ къ полюсу пунктомъ, достигнутымъ человѣкомъ; затѣмъ въ 1831 г. Джемсъ Россъ открылъ цѣлый архипелагъ островов и полуострововъ въ полярныхъ водахъ и на одномъ изъ нихъ открылъ магнитный полюсъ, т.-е. какъ-разъ то мѣсто, гдѣ магнитная стрѣлка направляется перпендикулярно къ землѣ. Экспедиція 1845 г., стоявшая подъ начальствомъ Джона Франклина, имѣла печальный исходъ: корабли и участники экспедиціи погибли, похороненные во мракѣ полярной ночи; въ 1848 г. британское правительство отправило для спасенія ея не менѣе четырехъ вспомогательныхъ экспедицій; въ 1850 г. десять судовъ разсѣкали волны моря вокругъ острова Бичи, который являлся однимъ изъ мѣстъ зимовокъ Франклина. Сложный лабиринтъ полярнаго архипелага былъ пересѣченъ по всѣмъ направленіямъ, и при этомъ не только удалось найти слѣды этой печальной экспедиціи и разузнать всѣ перипетіи ея драматической гибели, но и открыть, наконецъ, знаменитый сѣверо-западный проходъ, котораго искали въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ вѣковъ. Въ 1853 г. мореплаватели, вступившіе въ Ледовитый океанъ черезъ Беринговъ проливъ, встрѣтились на ледяныхъ поляхъ острова Мельвилля съ путешественниками, проникшими чрезъ Баффиновъ проливъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ найденный съ такими трудами путь не могъ еще быть использованъ, и въ теченіе цѣлаго полувѣка, вплоть до 1905 г., никто имъ не проходилъ. Что касается изслѣдованій антарктическихъ странъ, то они производились менѣе основательно, чѣмъ изслѣдованія сѣверныхъ полярныхъ, и на долгое время были пріостановлены, послѣ того какъ Джемсъ Россъ во время своей экспедиціи 1841—43 гг. принужденъ былъ остановиться на разстояніи 1315 километровъ отъ южнаго полюса, такъ какъ встрѣтилъ на своемъ пути длинную стѣну льда и обширный гористый континентъ съ вулканами Эребусомъ и Терроромъ.

Увеличеніе знаній, пріобрѣтенное путешественниками, такъ сказать, въ ширину, завоевывалось другими учеными въ глубину. Геологи изслѣдовали земную кору, сравнивали горныя породы, выясняли ихъ сходство, различія и контрасты, отмѣчали напластованіе, изгибы и смѣ-

щенія этихъ породъ и на основаніи этихъ различныхъ измѣненій, слѣды которыхъ ими констатировались, возстановляли прошедшіе вѣка земли и ея исторію. Въ то же время историки изучали памятники старины и архивы, свѣряли разсказы и легенды, изслѣдовали документы прежнихъ временъ, подвергая ихъ болѣе точной и суровой критикѣ, воскрешая, такимъ образомъ, прошедшее и предчувствуя все болѣе и болѣе ясно будущее, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они ошибались относительно его деталей. Это была эпоха Тьерри, Мишле, Гервинуса, Бокля, Феррари,—эпоха великая, такъ какъ, разъясняя великія событія прошедшаго, она подготовляла новыя въ будущемъ. Жизнь человѣчества непрерывно возобновляется, но, слѣдуя нормальному и непрерывному ходу, событія вчерашняго дня поучаютъ насъ тому, что послѣдуетъ завтра.



Чарльзъ Дарвинъ. 1809—1882.

Матеріальный великій прогрессъ этой эпохи заключался, главнымъ образомъ, въ томъ, что люди XIX в. получили несравненно большую, чѣмъ прежде, способность къ передвиженію,—она возросла, прямо, до крайнихъ предѣловъ. Примѣненіе пара къ передвиженію путешественниковъ и товаровъ еще и ранѣе неоднократно предсказывалось,—его предчувствовали, можно сказать, даже со временъ расцвѣта Греціи. Въ теченіе среднихъ вѣковъ Рожеръ Бэконъ предсказывалъ появленіе «машинъ, приводящихъ въ движеніе самые большіе корабли», управляемые однимъ человѣкомъ и двигающіеся по рѣкамъ и по морямъ съ такою быстротою, какъ если бы они были переполнены гребцами; онъ же предсказалъ и машины «колесницы безъ лошадей, движущіяся съ невѣроятной быстротою». И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ было уже извѣстно дѣйствіе пара на крышки котловъ, и была извѣстна легкость

движенія колесъ на деревянныхъ или металлическихъ осяхъ, то являлось вполнѣ простымъ и естественнымъ объединить эти два отдѣльные факта и вывести изъ нихъ, какъ, это безъ сомнѣнія, сдѣлалъ и Рожеръ Бэконъ, всю теорію устройства желѣзныхъ дорогъ. По меньшей мѣрѣ, изобрѣтатели, современные энциклопедистамъ или даже предшествовавшіе имъ, строили уже пароходы и пользовались ими, несмотря на насмѣшки и сарказмы «здравомыслящихъ» людей. Не подлежитъ сомнѣнію, что Денисъ Папинъ плавалъ уже въ 1707 г. при помощи пара по рѣкѣ Фульдѣ, между Касселемъ и Мюнденомъ. Лодочники тѣхъ мѣстъ сломали, однако, его судно, долженствовавшее произвести переворотъ въ способахъ передвиженія.

Въ теченіе послѣдующаго вѣка новое открытіе одержало побѣду надъ предразсудками невѣжества и, въ концѣ концовъ, завоевало сперва рѣчное, затѣмъ и морское судоходство. Вслѣдъ за паровыми судами появились локомотивы и вагоны на рельсовыхъ путяхъ. Около 1830 г. страны, являвшіяся въ данномъ случаѣ иниціаторами,—Англія, Соединенные Штаты, Франція, Бельгія, Германія—выстроили свои первыя желѣзныя дороги, и вскорѣ послѣднія произвели огромный переворотъ, увеличивъ число путешествій и пріучивъ людей къ быстротѣ: изъ года въ годъ подвижность народовъ увеличивалась въ совершенно невѣроятной пропорціи. Переворотъ, происшедшій въ нравахъ и обычаяхъ, въ силу большей легкости перемѣщенія, производитъ впечатлѣніе настоящаго чуда: въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ ранѣе въ теченіе года насчитывалось не болѣе 2.000.000 людей, путешествовавшихъ въ общественныхъ каретахъ, теперь переносится по желѣзнымъ путямъ болѣе милліарда путешественниковъ, а другими способами сообщенія передвигается еще болѣе милліарда. Для все большей и большей части человѣчества головокружительная быстрота передвиженія стала жизненною потребностью.

Въ силу этого и условія равновѣсія государствъ также измѣнились. Англія и сѣверные Соединенные Штаты, населеніе которыхъ, благодаря развитію желѣзныхъ дорогъ и пароходства сдѣлалось самымъ подвижнымъ, получили перевѣсъ надъ всѣми другими народами, завоевавъ себѣ славу вездѣсущности. Страсть къ путешествіямъ, которую въ прежнія времена трудно было удовлетворить, сдѣлалась теперь легко удовлетворяемой для большого числа лицъ; переселенія, которыя ранѣе должны были совершаться путемъ массовыхъ перемѣщеній, имѣвшихъ характеръ настоящаго урагана, могли теперь происходить постепенно, путемъ переселенія отдѣльныхъ лицъ, семей, небольшихъ группъ, причемъ, однако, общая масса въ значительной степени превосходила по своей численности прежнія переселенія народовъ. Съ точки зрѣнія политической, это увеличеніе подвижности цивилизованныхъ народовъ

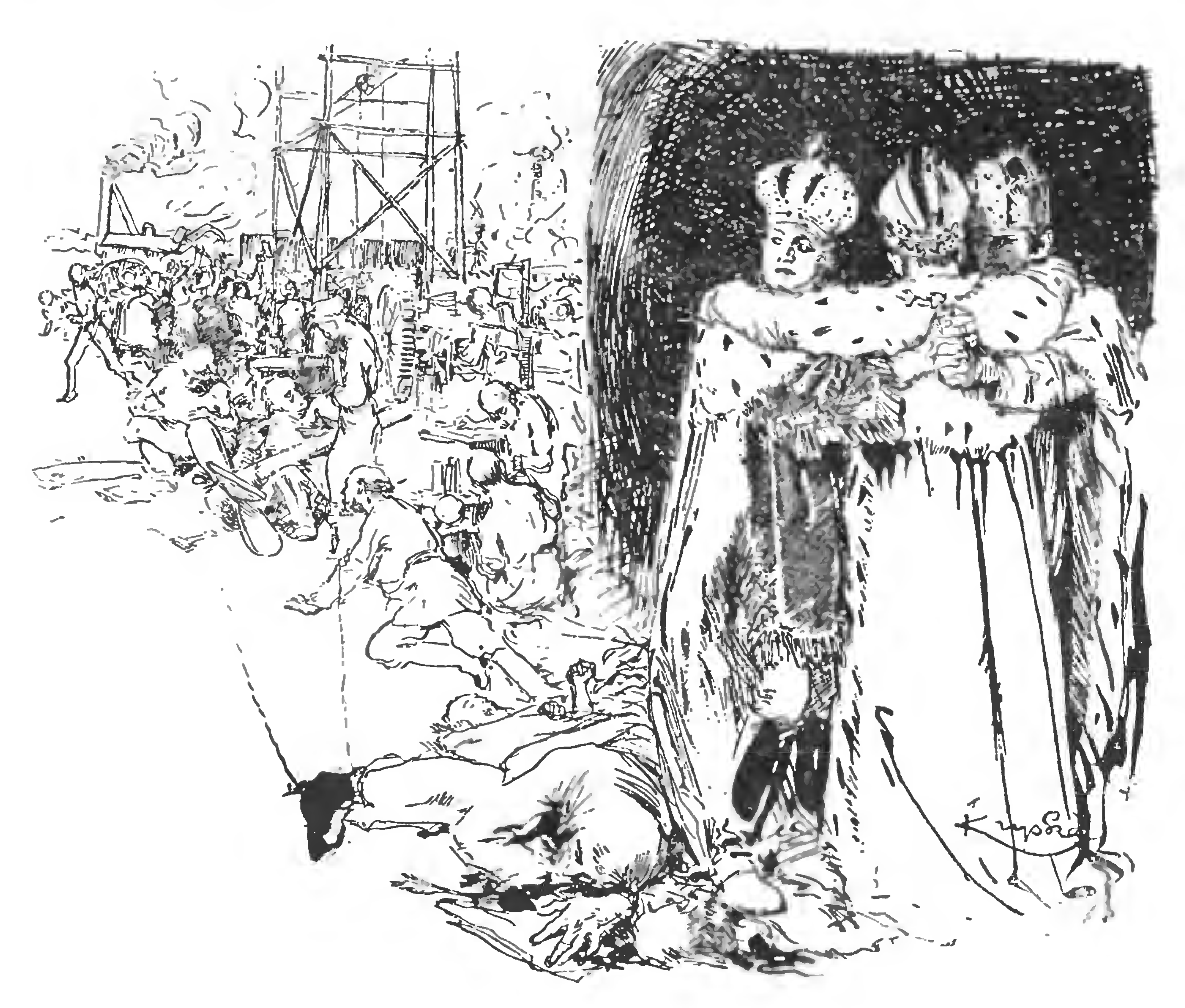
позволило имъ также завоевать въ матеріальномъ отношеніи весь обитаемый міръ. Ни одно дикое племя не могло противостоять съ успѣхомъ людямъ, владѣющимъ страшнымъ оружіемъ и способнымъ появляться внезапно у любыхъ береговъ, бороться съ вѣтромъ и приливнымъ теченіемъ и поражать на большомъ разстояніи своими ядрами, производящими пожаръ. Располагая паромъ и порохомъ, Европа безъ труда завладѣла всѣми областями міра, образующими въ настоящее время ея колоніальныя владѣнія.

Весь техническій и научный прогрессъ, всѣ новыя точки соприкосновенія между народами имѣли своимъ необходимымъ послѣдствіемъ соотвѣтствующую эволюцію французскаго языка. Словари столь сильно обогащались техническими терминами и новоизобрѣтенными народомъ словами, что ихъ постоянно приходилось заново перерабатывать; они такъ разрастались, что ихъ толстые томы, положительно, не могли болѣе вмѣщать всѣхъ богатствъ разговорной рѣчи. Старинный академическій языкъ погибъ совершенно подъ давленіемъ новшествъ. Еще въ XVIII вѣкѣ всѣ были убѣждены, что языкъ можетъ быть «фиксированъ», что и желалъ сдѣлать Ришельё, основывая знаменитое общество «правильной рѣчи». Писатели великаго вѣка «Энциклопедіи» стремились къ тому же, хотя и были захвачены переворотомъ, вызваннымъ новою жизнью; однако, даже помимо ихъ воли языкъ видоизмѣнялся и обогащался: ихъ желаніемъ было, напротивъ, сохранить его въ прежнемъ положеніи. Впрочемъ, легко понять, что писатели того времени преклонялись предъ своимъ столь элегантнымъ, точнымъ и чистымъ литературнымъ французскимъ языкомъ. Онъ, казалось, принималъ даже характеръ всеміpнаго, и, если чужеземные народы и не знали его, то, по меньшей мѣрѣ, хорошо или худо, имъ пользовались при всѣхъ дворахъ; поверхностные историки воображали даже, что можетъ совершиться проникновеніе языка сверху внизъ, изъ высшихъ слоевъ въ народъ. Поразительный успѣхъ французскаго языка казался прочно закрѣпленнымъ, но именно въ этомъ-то успѣхѣ и заключалась опасность, такъ какъ многіе начинали думать, что французскій языкъ съ этого времени принимаетъ исключительный характеръ, становится единственнымъ языкомъ, служащимъ для выраженія человѣческой мысли. Языкъ, слишкомъ охраняемый отъ новшествъ, сдѣлался совершенно неприкосновеннымъ, и писатели не рѣшались вносить никакихъ измѣненій ни въ слова, ни въ обороты. Языкъ становился совершенно неподвижнымъ. Послѣ временъ революціи и имперіи писатели 1819 г. были еще подъ исключительной властью Расина и Буало [1]): они не

1) Remy de Gourmont, «Sur la Langue française», Mercure de France, juillet 1898, p. 75.

рѣшались искать ничего новаго и ограничивались измышленіями новыхъ перефразировокъ.

Чтобы избѣжать этой словесной тиранніи, было лишь одно средство—революція, и дѣйствительно такая революція была произведена романтизмомъ. Возникли страшнѣйшія разногласія, взаимныя ссоры, расточались другъ другу проклятія, друзья расходились, въ семьяхъ возникалъ раздоръ, молодое поколѣніе возставало противъ стараго, на театральныхъ подмосткахъ разыгрывались настоящія битвы. Впрочемъ, торжествующій романтизмъ носилъ, какъ и всякое прогрессивное явленіе, уже въ самомъ себѣ элементъ реакціи: онъ занимался всякой чепухой мистицизма и, возвращаясь къ средневѣковью, прославлялъ рыцарей, закованныхъ въ желѣзо, монаховъ въ ихъ капюшонахъ, благородныхъ дамъ съ бѣлоснѣжнымъ челомъ; онъ описывалъ таинственные своды соборовъ, корридоры тюремъ и часовни кладбищъ. Эта болѣзнь, впрочемъ, продолжалась недолго, и когда борьба закончилась, когда каждый авторъ, безразлично, поэтъ или прозаикъ, пріобрѣлъ полную свободу писать все, что ему вздумается, французскій языкъ и другія нарѣчія Западной Европы усовершенствовались въ этой борьбѣ въ равной степени, обогатились новыми пріобрѣтеніями, сдѣлались болѣе эффектными, болѣе гибкими, болѣе понятными и приспособленными къ обсужденію тѣхъ великихъ задачъ, которыя возникли предъ современнымъ обществомъ.



БОРЬБА ЗА НАЦІОНАЛЬНОСТЬ.

◆◆◆

Хронологія.

1830 г. — 29 ноября возстанія въ Варшавѣ и въ Польшѣ.

1831 г. — 3—17 февраля возстанія въ Моденѣ, въ Болоньи и т. д.— 13 февраля и 16 сентября возстанія въ Парижѣ.—8 сентября взятіе Варшавы.

1832 г. — 21 мая Мехметъ-Али беретъ приступомъ Сенъ-Жанъ-д'Акръ и 21 декабря разбиваетъ турецкую армію при Коніэ.

1833 г. — Волненія въ Вандеѣ и въ Ліонѣ.—8 іюля договоръ въ Ункіаръ-Скелесси, по которому турецкіе проливы переходятъ къ Россіи.

1834 г. — 9—13 апрѣля возстаніе въ Ліонѣ и кровопролитіе на улицѣ Транспоненъ въ Парижѣ.—Попытка Мадзини въ Савойѣ.

1835 г. — 28 іюля покушеніе Фіески.—Въ октябрѣ 1836 г. Луи-Наполеонъ въ Страсбургѣ.

1839 г. — 12 мая возстаніе въ Парижѣ.—24 іюня Мехметъ-Али одерживаетъ побѣду надъ турками при Незибѣ.

1840 г. — 6 августа Луи-Наполеонъ въ Булони.—На востокѣ державы вмѣшиваются и 11 сентября бомбардируютъ Бейрутъ.

1841 г. — 13 іюля по международному договору проливы возвращаются Портѣ.

1843—1845 г. Многочисленныя возстанія въ Италіи.

1846 г. — 18 февраля возстанія въ Краковѣ; жаккерія въ Галиціи.

1848 г. — 3 января возстаніе въ Миланѣ.—29 января—15 февраля неаполитанцы и тосканцы получаютъ конституцію.—10 февраля возстаніе въ Мюнхенѣ.—Въ Парижѣ 24 февраля революція; 23—26 іюня дни гражданской войны; 10 декабря Луи-Наполеонъ избранъ президентомъ.

1848 г. — Германскій Союзъ: 2—7 марта народныя волненія въ Штуттгартѣ, въ Мюнхенѣ, въ Ганноверѣ, во Франкфуртѣ, въ Гамбургѣ, въ Карлсруэ, въ Маннгеймѣ, въ Гейдельбергѣ и т. д.; дается конституція Саксенъ-Веймару, Нассау, Гессенъ-Дармштадту и др.—Въ Вѣнѣ: народныя волненія 13 марта; состояніе полнаго возстанія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; императоръ принужденъ бѣжать 15 мая и вторично бѣжитъ 7 октября; революціонный періодъ завершается взятіемъ Вѣны 1 ноября.—Въ Берлинѣ: 18 и 19 марта происходитъ борьба съ оружіемъ въ рукахъ на улицахъ

столицы Пруссіи; либеральное министерство существуетъ до ноября.—Въ Прагѣ возстаніе 19 марта, повторяющееся затѣмъ 17 іюня.

1848 г. — Въ Миланѣ: австрійцы изгнаны 19 марта; послѣ битвы при Кустоццѣ 24 іюня Радецкій занимаетъ Миланъ 7 августа. Венеція возстаетъ 22 марта; 9 августа провозглашается республика, существующая въ теченіе года.—Шлезвигъ. 24 марта германцы изгоняютъ датскія власти; въ апрѣлѣ прусская армія возстановляетъ порядокъ; въ апрѣлѣ и маѣ возстаніе поляковъ въ Пруссіи.—Въ Римѣ 19 ноября бѣгство папы Пія IX.

1848 г. — Во Франкфуртѣ 30 марта собраніе подготовительнаго парламента. — 14 апрѣля толпы революціонеровъ появляются въ Донаушингенѣ; въ теченіе 15 мѣсяцевъ Баденъ находится въ полномъ революціонномъ броженіи. — 18 мая первое засѣданіе германскаго парламента.—10 іюля перемиріе между Пруссіей и Даніей, вызывающее во Франкфуртѣ возстаніе 18 сентября.

1848 г. — Въ Венгріи: въ апрѣлѣ и маѣ возстаніе сербовъ, кроатовъ и румыновъ противъ венгерцевъ; въ іюнѣ военныя дѣйствія.—29 сентября первая битва между австрійцами и венгерцами; 31 декабря венгерцы очищаютъ Будапештъ.

1849 г. — 27 февраля пораженіе венгерцевъ при Капольнѣ, 6 апрѣля побѣда при Годолло, затѣмъ 9 побѣда при Вашѣ и 19 при Наги-Сарло; 21 мая венгерцы снова берутъ крѣпость Будапешта; 17 іюня вступленіе русскихъ въ Венгрію; 28 іюля венгерцы провозглашаютъ равенство всѣхъ народностей; 11 августа Гергей становится диктаторомъ и капитулируетъ 13 августа въ Вилагосѣ.

1849 г. — 9 февраля въ Римѣ провозглашается республика; французы высаживаютъ войска въ Чивита-Веккіи 24 апрѣля и, несмотря на возстаніе 13 іюня въ Парижѣ, берутъ Римъ 30 іюня. — Во Флоренціи вспыхиваетъ революція 16 февраля и продолжается до 25 мая. — 23 марта австрійцы разбиваютъ пьемонтцевъ въ Новарѣ.—1 апрѣля взятіе Брешіи и страшное кровопролитіе.

1849 г. — 28 марта король Пруссіи избирается парламентомъ во Франкфуртѣ германскимъ императоромъ; 28 апрѣля онъ отказывается. — 20 — 30 іюня кровопролитныя столкновенія въ Баденѣ.—23 іюля сдается Раштатъ, 27 августа Петроварадинъ, 28 августа Венеція, 27 сентября Коморнъ.

Борьба за національность

Слово «соціализмъ» понимается всѣми какъ «борьба за установленіе справедливости среди человѣчества».

Глава восемнадцатая.

РЕВОЛЮЦІЯ 1848 г. ВО ФРАНЦІИ И ВЪ ЕВРОПѢ.—СОЦІАЛИЗМЪ И СОЦІАЛИСТЫ.—ІЮНЬСКІЕ ДНИ.—БОРЬБА ВЪ ГЕРМАНІИ.—ВЕНГЕРСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.—ВОЗСТАНІЕ ВЪ МИЛАНѢ, ВЪ ВЕНЕЦІИ И ВЪ РИМѢ.—ИМПЕРІЯ.—ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.—ВОЙНА ВЪ ИТАЛІИ.—КИТАЙ И ЕВРОПЕЙСКІЯ ДЕРЖАВЫ.—ВОЗСТАНІЕ ТАЙПИНГОВЪ.—РЕФОРМА ВЪ ЯПОНІИ.—ЕВРОПА И ИНДО-КИТАЙ.—ВОЗСТАНІЕ СИПАЕВЪ.

Политическій переворотъ, получившій въ исторіи громкое названіе «революціи 1848 г.», заслуживаетъ, дѣйствительно, быть выдѣленнымъ среди историческихъ событій XIX вѣка. Если внѣшніе результаты и были мало прочны, то, по меньшей мѣрѣ, во Франціи, от-

куда вылетѣла искра этого пожара, низверженіе представительнаго монархическаго образа правленія французской буржуазіи привело менѣе чѣмъ въ теченіе года къ возстановленію того порядка вещей, который по существу приблизился къ условіямъ наполеоновской имперіи; кромѣ того, этотъ толчокъ былъ данъ какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда весь міръ, въ очень многихъ областяхъ своихъ, находился въ состояніи чрезвычайно неустойчиваго равновѣсія, и потому движеніе быстро распространилось отъ королевства къ королевству и достигло самаго края земли. Никогда сознательная или безсознательная солидарность народа не проявлялась съ большею очевидностью, никогда не ощущалось яснѣе, что жизнь цивилизованнаго человѣчества пульсируетъ однимъ и тѣмъ же темпомъ! Едва въ Англіи высадился король Луи-Филиппъ,—въ той самой Англіи, гдѣ ранѣе спасалось столько республиканцевъ, изгнанныхъ имъ,—какъ немедленно вслѣдъ за нимъ явился туда же и престарѣлый Меттернихъ, этотъ злой геній европейской контръ-революціи, а затѣмъ, вскорѣ послѣ того, и король Пруссіи долженъ былъ смиренно предстать предъ своимъ народомъ въ Берлинѣ и просить у него съ непокрытой головой извиненія за нарушеніе своихъ обязанностей конституціоннаго монарха.

Въ силу возвратнаго толчка Германія и тяготѣвшія къ ней провинціи съ не-германскимъ населеніемъ оказались гораздо глубже взбудораженными, чѣмъ Франція: въ этой послѣдней странѣ вопросъ о національномъ единствѣ болѣе не поднимался, никѣмъ не пропагандировалась идея федераціи,—между тѣмъ общимъ желаніемъ всѣхъ нѣмцевъ было создать единое великое отечество, не находящееся во власти обоихъ управлявшихъ дѣлами государствъ и не подпадающее ихъ ревнивому соперничеству. Тотъ хаосъ, который называли «германскимъ союзомъ», окончательно запутался, къ удовольствію обоихъ «пастырей недобрыхъ», благодаря распрямъ различныхъ мелкихъ князей и князьковъ, между которыми была распредѣлена имперія. Распредѣленіе этихъ владѣній усложнялось благодаря чрезвычайно сложной черезполосицѣ, которая дѣлала изъ лабиринта мелкихъ государствъ и ихъ близкихъ и дальнихъ леновъ невѣроятную путаницу, въ которой могли разобраться лишь немногіе спеціалисты. Отсутствіе опредѣленнаго политическаго единства имѣло своимъ послѣдствіемъ образованіе чрезвычайно большого числа мелкихъ центровъ, независимыхъ областей, удерживавшихъ свой своеобразный характеръ въ каждой части страны; притомъ границы, раздѣлявшія эти различныя государства, оставались часто неопредѣленными, сбивчивыми, не обозначенными точно. Но, несмотря на все это, къ какому бы мелкому государству здѣсь человѣкъ ни принадлежалъ, внѣ всякой зависимости отъ того, жилъ ли онъ въ мирѣ или же среди войнъ и распрей, германская національность его оста-

валась все же прочно опредѣленной, въ силу уже того языка, на которомъ онъ говорилъ: баварцы въ такой же степени чувствовали себя германцами, какъ и саксонцы; австрійцы на Дунаѣ были не менѣе сынами Германіи, чѣмъ вестфальцы на Рурѣ или на Везерѣ.

Какъ только прежнія географическія границы сгладились, благодаря усовершенствованію путей сообщенія и благодаря концентраціи населенія въ городахъ, такъ оказалось, что Германія вполнѣ естественнымъ порядкомъ, по самому существу своему, являлась гораздо болѣе единой, чѣмъ сосѣднія страны, соединенныя искусственнымъ образомъ. Это единое цѣлое, несмотря на свои политическія подраздѣленія, представляетъ скорѣе единый національный организмъ, чѣмъ сама Франція отъ Бретани до Прованса и отъ Фландріи до страны басковъ. Чрезвычайное политическое разнообразіе германскихъ государствъ могло, правда, измѣнить это глубокое единство населенія Германіи, но первымъ же актомъ общей революціи было провозглашеніе единства всего германскаго міра. И народное движеніе приблизилось къ данной цѣли гораздо болѣе, чѣмъ позднѣе это сдѣлала возстановленная Германская имперія. Согласно конституціи, которую вотировалъ съ энтузіазмомъ «подготовительный парламентъ» во Франкфуртѣ, всѣ государства, говорящія на нѣмецкомъ языкѣ, должны были объединиться въ федерацію и прислать своихъ избранныхъ путемъ всеобщаго голосованія представителей во Франкфуртъ; права нѣмецкихъ гражданъ должны были быть свойственны жителямъ всѣхъ государствъ любой части Германіи; всѣ внутреннія таможенныя границы подлежатъ уничтоженію; монетное обращеніе, мѣры вѣса и длины устанавливались общія; армія и флотъ должны были набираться со всего обширнаго отечества. Правда, всѣ эти рѣшенія не были подтверждены дѣйствительностью: они породили лишь чисто-внѣшнюю декорацію, такъ какъ революціи должны повторяться дважды и достигаютъ своихъ цѣлей лишь окольными путями.

Ружье-зонтикъ національной гвардіи.

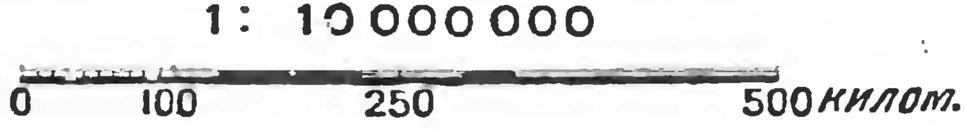
Одновременно съ германцами различныя угнетенныя народности прусскаго королевства, равно какъ и народы Австріи—чехи, поляки,

русины, словаки, кроаты, итальянцы, румыны и, наконецъ, уже прежде всего венгерцы, требовали настойчиво также своей независимости. Чувствованія человѣческія переплетаются, однако, нерѣдко самымъ курьезнымъ образомъ, и въ данномъ случаѣ тѣ самые люди, которые столь сильно жаловались на несправедливое притѣсненіе ихъ самихъ другими, считали вполнѣ естественнымъ заставлять подчиняться себѣ самимъ другія народности, говорящія на иныхъ языкахъ. Самые ревностные патріоты, вызывавшіе возстаніе германскаго населенія Голштиніи и Шлезвига, возмущались претензіями датчанъ, поляковъ и чеховъ, желавшихъ освободиться отъ германскаго ига.

Какъ-разъ въ это время славянскія народности отдыхали отъ страшнѣйшей гражданской войны. Въ то время, какъ поляки Познани безплодно пытались поднять крестьянъ для отвоеванія своей національной независимости, крестьяне Галиціи, русинскаго происхожденія, вооружившись своими косами, ринулись на польскихъ помѣщиковъ, которыхъ они ненавидѣли, и, какъ говорятъ, уничтожили около 2000 представителей аристократіи и духовенства. Господство Пруссіи и Австріи въ присоединенныхъ ими польскихъ провинціяхъ утверждалось съ тѣмъ большею прочностью, что жители этихъ провинцій были разъединены традиціонною ненавистью. Благодаря этимъ мѣстнымъ неурядицамъ, англійское правительство имѣло возможность уничтожить политическую автономію Краковской республики, этого послѣдняго обломка нѣкогда могущественнаго польскаго государства (1846 г.).

Въ Австріи, въ Венгріи, въ южныхъ славянскихъ земляхъ происходили явленія, аналогичныя имѣвшимъ мѣсто въ Польшѣ, но принимавшія еще болѣе широкіе размѣры. Это хаотическое смѣшеніе народовъ находилось въ постоянномъ движеніи то въ томъ, то въ другомъ направленіи. Въ эту эпоху въ Прагѣ, въ Вѣнѣ, въ Пештѣ, въ Загребѣ были возстанія; не было ни одного города на юго-востокѣ Европы, вплоть до воротъ Стамбула, который не былъ бы въ броженіи или въ лихорадочномъ ожиданіи какихъ-нибудь великихъ перемѣнъ. Безо всякаго сомнѣнія, если бы всѣ различныя угнетенныя народности сумѣли поступиться своими взаимными правами и объединились противъ общаго притѣснителя, онѣ одержали бы верхъ надъ установившимися правительствами и затѣмъ могли бы уладить по справедливости свои собственныя частныя недоразумѣнія. Но племенная и соціальная вражда была сильнѣе любви къ свободѣ и политической независимости и мѣшала такому объединенію. Венгерскіе и польскіе помѣщики, привыкшіе повелѣвать и пользоваться богатствомъ, не могли допустить, чтобы румынскіе и сербскіе, кроатскіе, русинскіе крестьяне, къ которымъ они въ теченіе многихъ поколѣній относились съ полнымъ

№ 446. Германскій союзъ.



Горизонтальная штриховка ограничиваетъ область Германскаго союза (1820—66 г.); единымъ связующимъ органомъ его былъ парламентъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ и объединявшій 39 государствъ—Австрію, Пруссію, Баварію, Саксонію, Ганноверъ и т. д.

Области, выбиравшія германскаго императора, но не входившія въ составъ союза, на картѣ бѣлыя,—таковы были Пруссія за Одеромъ, Венгрія, Кроація, Ломбардія и др.

Кружки обозначаютъ города, гдѣ произошли возстанія въ 1848 г. (см. хронологію на стр. 129); черныя точки, большею частью, поля сраженія. К=Кустоцца; Н=Новара; Д=Донаушингенъ; Р=Раштадъ; Ка=Каполна; Г=Годолло; В=Вашъ и Наги-Сарло; П=Петроварадинъ; Ко=Коморнъ; Б=Бернъ; Л=Люцернъ.

пренебреженіемъ, были допущены въ качествѣ равныхъ принять участіе въ борьбѣ и въ побѣдѣ!

Истинно просвѣщенные умы и благородныя сердца, правильно истолковавшіе исторію, понимавшіе, что тѣсная солидарность между всѣми народностями, стремящимися къ освобожденію, является необходимымъ условіемъ успѣха, были рѣдки. Разсказываютъ, что патріархъ Раечичъ, прежде чѣмъ приступить къ открытой борьбѣ съ венгерцами, предложилъ отъ имени національнаго конгресса сербовъ, собраннаго въ Карловицѣ, заключить съ представителями Венгріи дружественное соглашеніе, въ силу котораго венгерцы должны были допустить братское объединеніе всѣхъ австрійскихъ славянъ, тогда какъ послѣдніе потребовали бы отозванія всѣхъ славянскихъ войскъ, примѣнявшихся австрійскимъ правительствомъ къ умиротворенію Италіи, и заключили бы союзъ съ итальянскимъ народомъ, который самъ въ это время былъ вовлеченъ въ борьбу за свое освобожденіе[1]). Національное самолюбіе взяло, однако, верхъ. Венгерцы желали отвоевать свою независимость и удержать свою власть! Не пришло еще время разрѣшить вопросъ единымъ логическимъ и нормальнымъ способомъ, т.-е. путемъ свободнаго объединенія всѣхъ народностей юго-восточной Европы, отъ Праги до Константинополя!

Въ маленькой Швейцаріи происходили также событія весьма замѣчательныя,—они свидѣтельствуютъ о могуществѣ общественнаго мнѣнія при столкновеніи его съ дипломатическими условностями. Іезуиты, всегда умѣвшіе ловко раскидывать свои паутинныя сѣти, успѣли добиться того, что ихъ приняли въ нѣсколько кантоновъ, и сумѣли прибрать къ своимъ рукамъ воспитаніе дѣтей въ Люцернѣ и въ другихъ католическихъ городахъ Швейцаріи. Будучи ловкими дипломатами, они считали себя въ силахъ вести и открытую борьбу, и подъ ихъ покровительствомъ образовалась лига, получившая названіе «Sonderbund», т.-е. «особый союзъ»; эта лига объединила семь католическихъ кантоновъ—Швицъ, Люцернъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ, Фрейбургъ и Валэ (1846 г.). Послѣ долгихъ колебаній и временныхъ мѣръ остальная часть Швейцаріи возстала, въ концѣ концовъ, противъ этой лиги открыто и одержала побѣду надъ нестройными бандами, находившимися подъ начальствомъ священниковъ. Война продолжалась не долѣе нѣсколькихъ дней (въ ноябрѣ 1847 г.) и захватила врасплохъ Меттерниха, Гизо и другихъ министровъ, которые иначе охотно помогли бы католической религіи вооруженной силой. Тѣмъ не менѣе, европейская дипломатія все же заговорила о вмѣшательствѣ; но тогда вне-

1) A. d'Avril, «La Serbie chrétienne», p. 77.

запно разнесся слухъ о революціи, происшедшей въ Парижѣ. На слѣдующій же день, послѣ 29 февраля, граждане города Нейшателя освободились отъ лица, управлявшаго кантономъ отъ имени Пруссіи, и, несмотря на всѣ старанія европейской дипломатіи, заставили признать свою политическую независимость и устранили всякое прусское владычество. Событія эти имѣли своимъ результатомъ полученіе Швейцаріей значительно большаго политическаго единства за счетъ мѣст-

Озеро четырехъ кантоновъ.
Южная сторона съ востока.

ныхъ автономій. Власть іезуитовъ была сломлена, что послужило на пользу государству: конфедерація отдѣльныхъ государствъ сдѣлалась конфедеративнымъ государствомъ.

Въ Италіи, подобно тому какъ и въ Швейцаріи, революція всколыхнула уже населеніе самыхъ различныхъ провинцій, подняла его въ Ломбардіи и въ Сициліи еще до того, какъ слухъ о парижскихъ событіяхъ распространился за предѣлами Альповъ; почти либеральное поведеніе новаго папы Пія IX заставило обратить всѣ взоры къ Риму и ожидать, что возрожденное христіанство приведетъ освобожденные и довѣряющіе ему народы къ новому вѣку справедливости и свободы.

Когда сильный толчокъ февральской революціи всколыхнулъ всю

Европу, народное движеніе въ Италіи сдѣлалось неизбѣжнымъ, Венеція провозгласила себя свободной республикой, король Сардиніи Карлъ-Альбертъ былъ принужденъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія объявить войну Австріи, такъ какъ иначе ему угрожало низверженіе съ трона. Это была эпоха «Risorgimento»—«воскрешенія» Италіи. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и почти безо всякаго кровопролитія Италія достигла того, что отвоевала свое политическое единство—этотъ идеалъ, который нѣкогда виталъ въ видѣ призрака лишь предъ немногими благородными умами,—идеалъ, осуществить который они никогда не надѣялись. Съ самыхъ первыхъ дней борьбы между итальянскими революціонерами и австрійскими гарнизонами эти послѣдніе принуждены были отступать,—они должны были очистить Миланъ и другіе города западной Ломбардіи, главные центры итальянскаго патріотизма, центры, въ которыхъ курильщики образовывали лиги, отказывавшіяся отъ куренія австрійскаго табака, и молодыя дѣвушки объединялись и давали клятву никогда не одарять любовью ненавистныхъ австрійцевъ или даже тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, кто индифферентенъ къ требованіямъ народа. Страсть къ самопожертвованію была столь велика, что мучениковъ за идею было не перечесть; измѣненіе политическаго равновѣсія было признано неизбѣжнымъ самыми заядлыми консерваторами; но, съ своей стороны, не осуждали ли себя сами горячіе итальянцы фатальнымъ образомъ къ реакціи, довѣряя веденіе борьбы за свои права и заботу о своемъ освобожденіи своимъ естественнымъ врагамъ—обоимъ власть имущимъ, папѣ и королю?

Отзвуки февральской революціи не ощутились вовсе въ Испаніи,—въ такой степени эта страна привыкла уже къ смятеніямъ гражданской войны; между тѣмъ острова Великобританіи, вопреки своей традиціонной изолированности, были потрясены этою общею волною революціи. Англійскій народъ пришелъ въ движеніе, и парламентъ долженъ былъ окружить себя цѣлой арміей: даже въ Ирландіи дошло до открытаго возстанія,—возстанія, обреченнаго, впрочемъ, уже съ самаго начала на полнѣйшій неуспѣхъ, такъ какъ ирландцы были ослаблены многовѣковымъ угнетеніемъ и къ тому же были лишены физической силы, благодаря постояннымъ голодовкамъ, едва могли владѣть своими кольями и погибали нерѣдко во множествѣ, усѣивая своими трупами дороги.

Замѣчательнымъ образомъ отзвукъ этихъ европейскихъ событій, и притомъ весьма серьезный по послѣдствіямъ, наблюдался въ далекой Индіи и на крайнемъ востокѣ,—по крайней мѣрѣ, англійскіе писатели приписываютъ именно отраженію западныхъ революцій возстаніе сиковъ въ Лахорѣ и въ Пенджабѣ; сики разбили войска Индійской кампаніи въ нѣсколькихъ битвахъ, и въ то же время многочисленныя возстанія сингалезовъ стали угрожать вообще англійскому могуществу въ Индіи.

Что касается тайпинговъ Китая, которые около того же времени привели въ смятеніе Срединную имперію, то и по отношенію къ нимъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что данный ими страшный толчокъ является доказательствомъ общности и параллельности пульсаціи жизни востока и запада, подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же глубоко лежащихъ причинъ; нѣтъ, впрочемъ, ни одного факта, который позволялъ бы непосредственно связывать эту великую революцію въ Китаѣ съ событіями, которыя на другомъ концѣ Стараго Свѣта всколыхнули Парижъ, Берлинъ, Вѣну, Пештъ и Миланъ.

По отношенію къ Америкѣ съ латинскимъ населеніемъ дѣло обстояло иначе: моральное вліяніе Франціи было въ этихъ областяхъ таково, что ея новая революція потрясла сильнѣйшимъ образомъ духовную жизнь и этой страны и вызвала мѣстами, особенно въ Новой Гренадѣ, серьезныя политическія движенія.

Революція 1848 г. отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ революцій и отмѣчаетъ, въ силу этого, начало очень крупной эпохи въ исторіи; дѣло въ томъ, что, по меньшей мѣрѣ, во Франціи и въ Англіи, иначе говоря, въ обѣихъ странахъ, которыя до конца довели первое политическое движеніе, направленное противъ королевской власти, революціонное движеніе 1848 года обнаружило явное стремленіе къ измѣненію соціальныхъ условій. Революція 1789 г. имѣла своимъ единственнымъ идеаломъ побѣду третьяго сословія, т.-е. буржуазіи, и самое ея проведеніе, въ основѣ своей, было обязано дѣятельности лицъ, владѣвшихъ землею и недвижимыми имуществами,—дѣятельности промышленниковъ, торговцевъ, ремесленниковъ и людей либеральныхъ профессій; народъ игралъ лишь роль статистовъ—онъ внесъ въ революцію свои грубые инстинкты толпы, свой энтузіазмъ, свое негодованіе. Въ 1848 г., напротивъ, рабочіе, люди труда, были главными участниками революціи. Они не знали тогда еще, быть-можетъ, самаго слова «соціализмъ», которое новѣйшаго изобрѣтенія, но они заставили уже войти въ исторію это понятіе; они придали истинное значеніе соціализму,—значеніе отнюдь не абстрактное, такъ какъ всѣ понимаютъ это слово какъ «борьбу за установленіе справедливости среди человѣчества».

Справедливость! Ее торжественно провозгласили уже полъ-вѣка тому назадъ подъ наименованіемъ «правъ человѣка»,—къ этому присоединились и торжественные возгласы въ честь «братства». Начиная съ этой эпохи, время осуществленія идеаловъ справедливости казалось тѣмъ болѣе наставшимъ, что были изобрѣтены многочисленныя машины, которыя должны были облегчить трудъ человѣка; помимо того и способы раздѣленія труда, установившіеся въ производствѣ, значительно повысили его продуктивность. И вотъ, вмѣсто того, чтобы увидѣть улучшенія

своего положенія пропорціонально прогрессу механическаго производства, рабочіе почувствовали, что, наоборотъ, условія ихъ существованія становились все болѣе и болѣе ненадежными: примѣненіе машинъ въ промышленности позволило хозяевамъ экономить на вознагражденіи, уплачиваемомъ личному составу. Какое же дѣло было рабочимъ до ихъ оффиціально признанныхъ правъ, если за ними не было важнѣйшаго права—права на существованіе!

Сенъ-Симонъ (1760—1825).

Вслѣдствіе этого они съ одушевленіемъ воспользовались случаемъ мщенія. Различныя уже очень многочисленныя соціалистическія ученія, въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ, надавали достаточно превосходныхъ обѣщаній,—теперь отъ нихъ потребовали, чтобы они сдержали эти обѣщанія. По разсказамъ той эпохи, депутація рабочихъ явилась въ ратушу, предстала предъ членами временнаго правительства и въ самыхъ возвышенныхъ словахъ предложила имъ «принести три мѣсяца бѣдствій и бѣдности на пользу республики». Безо всякаго сомнѣнія, въ Парижѣ и вообще во Франціи было достаточно людей, охваченныхъ самыми возвышенными стремленіями, и типичный «человѣкъ 48 года», какимъ онъ сохранился въ памяти послѣдующихъ поколѣній, возстаетъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ въ видѣ храбреца и искренняго человѣка, съ открытымъ и симпатичнымъ лицомъ, обрамленнымъ окладистой бородою, съ горячими словами на устахъ,—человѣка, опьяненнаго жаркими спорами, въ которыхъ болѣе сквозила горячая вѣра въ будущее, чѣмъ признаніе разумныхъ доводовъ, основанныхъ на пониманіи современнаго положенія вещей. «Человѣкъ 48 года» былъ, на самомъ

дѣлѣ, добрый малый, и въ теченіе первыхъ недѣль, послѣдовавшихъ за революціей, всѣ переживали тотъ сильнѣйшій подъемъ и ту искреннюю радость, какую энтузіасты испытывали въ началѣ великой французской революціи. Иностранцы притекали толпами въ Парижъ: приведемъ въ примѣръ хотя бы Чарльза Диккенса, который пытался даже писать по-французски на республиканскомъ языкѣ, на которомъ, какъ онъ объявилъ, онъ желаетъ съ этого времени объясняться!

Шарль Фурье (1772 - 1837).

Но, какъ бы то ни было, люди не могутъ существовать одними словами: имъ нуженъ также хлѣбъ, и общество, къ которому теперь рабочіе обратились, чтобы получить отъ него свою вполнѣ заслуженную награду, это общество не сдержало своихъ обѣщаній; оно не признавало болѣе того «права на трудъ», которое было признано передъ тѣмъ оффиціально не болѣе и не менѣе какъ министрами. Дѣло въ томъ, что соціалисты были еще въ совершенномъ меньшинствѣ; они были столь малочисленны, что не могли дѣйствовать на общественное мнѣніе иначе, какъ внезапнымъ натискомъ или даже возбужденіемъ скандала. Конечно, ученія о соціальномъ перерожденіи, выйдя изъ области чисто-умственныхъ измышленій и фантазій, пытались произвести провѣрку на опытѣ; они пытались воплотиться и войти въ жизнь, вслѣдствіе чего перестали уже быть утопіями и заявили себя въ дѣйствительной жизни [1]); однако, всѣ эти теоріи были въ чрезвычайномъ между собою несогласіи, и найти между ними общую равнодѣйствующую было совершенно немыслимо. Одни изъ соціалистовъ этой эпохи начали прямо съ того, что установили абсолютную власть, прежде чѣмъ «орга-

1) Bernard Lazare, «Histoire des doctrines révolutionnaires», p. 3.

низовать «новое функціонированіе соціальнаго организма; наибольшее число этихъ реформаторовъ удовольствовалось тѣмъ, что примѣнило къ новымъ цѣлямъ іерархію уже существующую; нѣкоторыя же другія прежде всего отбросили всѣ установленныя власти.

Принимая во вниманіе многовѣковую рутину, по которой всѣ невладѣющіе землею осуждены на плохо вознаграждаемый трудъ, много ли могли значить тѣ дѣлавшіяся кое-гдѣ попытки установленія общества на вполнѣ гармоничныхъ началахъ, при которыхъ жизнь каждаго являлась бы гарантированной и протекала бы счастливо среди братскихъ отношеній окружающихъ? Безъ сомнѣнія, попытки эти были очень интересны, но это были не болѣе какъ мимолетныя молніи, прорѣзавшія тьму традиціоннаго рабства. Въ 1812 г. Робертъ Оуэнъ, доказавъ, что человѣкъ опредѣляется вполнѣ окружающею средою, пожелалъ показать также на дѣлѣ, на своей фабрикѣ въ Нью-Ленаркѣ, что, создавая среду съ внѣшними условіями полной справедливости и равенства, можно добиться и постепеннаго измѣненія самихъ людей. Затѣмъ въ 1824 г. на дѣвственной почвѣ Америки онъ расширилъ эти свои опыты и создалъ рядъ «гармоническихъ общинъ», которыя встрѣтили затѣмъ подражаніе въ различныхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ и почти всѣ преуспѣвали матеріально, но затѣмъ были опять поглощены окружающимъ всемогущимъ капитализмомъ.

Менѣе важными въ смыслѣ реализаціи были опыты, произведенные во Франціи и имѣвшіе зато большее значеніе въ смыслѣ выработки дальнѣйшихъ идей. Могучій геній Шарля Фурье всколыхнулъ глубоко умы мыслителей и сдѣлалъ своими послѣдователями самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ по своему характеру людей того времени; однако, ученики эти, представлявшіе столь замѣчательное и избранное общество, не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно богаты для того, чтобы основать образцовую соціалистическую общину по тому превосходному въ смыслѣ построенія іерархіи плану, какой былъ задуманъ учителемъ—къ тому же, прежде всего община представляла собою лишь малую часть всего его ученія. Попытки въ маломъ масштабѣ, произведенныя въ Кондэ-сюръ-Вегръ, въ Брукфермѣ и въ другихъ мѣстахъ, были заранѣе осуждены на неуспѣхъ, какъ предпріятія явно несовершенныя. Точно также и колонія Менильмонтана, устроившаяся вблизи Парижа и попытавшая реализовать гармоничное объединеніе трехъ силъ—труда, капитала и таланта, противорѣчила слишкомъ явно одѣяніемъ и обычаями колонистовъ установившимся привычкамъ буржуазіи,—противорѣчила настолько, что законъ долженъ былъ грубо вмѣшаться въ дѣло и разогнать общинниковъ, которые почти всѣ были людьми науки и высокаго умственнаго развитія и оставили неизгладимый слѣдъ въ исторіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, другое ученіе болѣе простое и по существу даже наивное, по своимъ соціальнымъ воззрѣніямъ почти дѣтское, обнаружило несравненно болѣе могущественное вліяніе на нѣкоторую часть французскаго народа: это было коммунистическое ученіе, изложенное Кабэ чисто-евангельскимъ языкомъ. Ученіе это давало полное удовлетвореніе тому давнему инстинкту народныхъ массъ, который во всѣ времена заставлялъ ихъ видѣть окончаніе всѣхъ своихъ бѣдствій въ возвращеніи къ общему владѣнію всѣми землями и въ естественномъ къ нему дополненіи—общности всего имущества. Кабэ нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, и, когда онъ распростился со Старымъ Свѣтомъ и отправился въ Америку, чтобы основать на ея дѣвственной почвѣ колонію, которую назвалъ Икаріей, за нимъ послѣдовали сотни его учениковъ, жаждавшихъ этой жизни, полной мира и счастья. Какъ извѣстно, судьба Икара была, однако, печальна! Его крылья растопились отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Могла ли преуспѣвать община, не располагающая свободой, община, состоявшая къ тому же отнюдь не изъ монаховъ, дошедшихъ до полнаго отупѣнія, вслѣдствіе постояннаго послушанія, молитвы и самобичеванія?

Такимъ образомъ, количество вызванныхъ нарождающимся соціализмомъ попытокъ разрѣшенія соціальныхъ задачъ было вовсе не велико. Къ тому же политики-эмпирики, которымъ было предоставлено управлять страной и законодательствовать, были далеко не согласны между собой относительно того направленія, которому должно было слѣдовать; большинство ихъ было даже того мнѣнія, что «соціальный вопросъ болѣе не существуетъ», и что достаточно преодолѣть лишь возможно лучшимъ способомъ трудности настоящаго момента, не пытаясь нисколько измѣнить существующія отношенія между капиталистами и рабочими массами. Тогда какъ одни изъ передовыхъ людей краснорѣчивые, возвышеннаго ума и благороднаго сердца дѣятели, представлявшіе наилучшую соціологическую школу, которую когда-либо видѣлъ свѣтъ, обращались къ народамъ съ призывомъ, стремясь увлечь ихъ къ основанію общества, основаннаго на справедливости, другіе представители общества подготовляли въ тайнѣ способы вызвать среди рабочихъ возмущеніе, чтобы затѣмъ истребить значительную часть ихъ, устроивъ въ цѣляхъ спасенія страшнѣйшее кровопролитіе.

Заговоръ ихъ удался! Забастовавшіе рабочіе, которыхъ безо всякой пользы примѣняли въ «національныхъ мастерскихъ» для перевозки земли въ тачкахъ и для мощенія улицъ, были всѣ сразу распущены и этимъ непосредственно подвинуты на мятежъ, особенно благодаря подстрекательству крикуновъ-журналистовъ. И на самомъ дѣлѣ ужасное кровопролитіе разыгралось въ концѣ іюня 1848 г: въ теченіе нѣсколькихъ дней происходили битвы на улицахъ, и захваченные рабочіе

безпощадно умерщвлялись. Возставшихъ рабочихъ генералы, воевавшіе ранѣе въ Африкѣ, третировали какъ «бедуиновъ», и они узнали на своей собственной шкурѣ, что республиканская буржуазія въ смыслѣ жестокости подавленія возстанія дѣйствовала одинаково или, пожалуй, даже лучше королей. Побѣдители іюньскихъ дней заставили надолго замолкнуть всѣ требованія соціализма, но въ то же время превратили республику въ рабыню монархизма, основаннаго на божественной власти королей; во Франціи вскорѣ подъ ложнымъ наименованіемъ «президентства» была создана императорская власть.

Въ Англіи реакціонное движеніе протекало параллельно и притомъ болѣе успѣшно,—такъ называемое «чартистское» движеніе было задавлено безъ необходимости со стороны парламента пользоваться столь рѣзкими средствами, какъ военная сила и кровопролитіе. Лишившись двухъ своихъ передовыхъ вожаковъ, Европа сдѣлалась съ того времени совершенною жертвою обычныхъ своихъ угнетателей: общій отливъ слѣдовалъ за той приливной волной, которую революція разлила по всему міру.

Германскій парламентъ во Франкфуртѣ засѣдалъ среди безконечныхъ затрудненій; ему приходилось группировать въ федерацію абсолютныя монархіи, затѣмъ заниматься германскими областями, не представленными въ собраніи депутатами, каковы были области Шлезвига и береговъ Вислы; приходилось рѣшать и много другихъ задачъ, по существу неразрѣшимыхъ. На дѣлѣ парламентъ, находившійся во власти двухъ сильныхъ соперничавшихъ между собою державъ, Пруссіи и Австріи, былъ не болѣе какъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ союзныхъ князей, послѣ того какъ прошла уже революціонная буря. Германскія войска, которыя во имя единства Германіи захватили уже побѣдоносно Шлезвигъ, очистили эту завоеванную страну, и баррикады, построенныя на самихъ улицахъ Франкфурта (18 сентября), были безъ труда уничтожены. Въ довершеніе униженія парламентъ, въ концѣ концовъ, избралъ императоромъ Германіи того самаго короля Пруссіи, который въ теченіе всего періода революціи выражалъ полное свое нежеланіе признавать собраніе народныхъ представителей и самымъ открытымъ образомъ противодѣйствовалъ всѣмъ его рѣшеніямъ. И на этотъ разъ король отнюдь не оказалъ народнымъ представителямъ чести принятія отъ нихъ власти: онъ согласился получить императорскую власть не отъ народа, не отъ буржуазіи, а лишь отъ другихъ князей, своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, которые только и казались ему имѣющими право предлагать ему императорскую корону. Онъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы переворотъ совершился снизу,—онъ долженъ былъ совершиться сверху. Историки, комментирующіе событія, добавляли, что столь великій переворотъ и со-

зданіе національнаго единства не могли совершиться въ полномъ мирѣ и согласіи, но должны были произойти по старинному способу, утвержденному исторіей,—«огнемъ и мечемъ».

Впрочемъ, члены франкфуртскаго парламента, по крайней мѣрѣ, не были умерщвлены. Большинство ихъ было отозвано Австріей, Прус-

Дрезденъ на Эльбѣ.

сіей, Саксоніей и Ганноверомъ; остальная часть депутатовъ искала спасенія въ Штуттгартѣ; но послѣдняя рѣчь президента была покрыта уже грохотомъ барабановъ. Это былъ послѣдній актъ комедіи, и началась уже трагедія. Возставшіе жители Бадена, бывшіе защитниками національнаго единства Германіи, были послѣ ряда кровавыхъ битвъ оттѣснены къ югу и совершенно истреблены; затѣмъ, послѣ капитуляціи Раштадта, въ которомъ заперлись послѣдніе борцы, отстаивавшіе это вполнѣ проигранное дѣло, терроръ, внесенный прусскими завоевателями, совершенно придавилъ баденцевъ на долгіе годы. Другая часть пруссаковъ въ то же самое время руководила репрессіями въ Дрезденѣ. Военные суды рубили головы, наполняли тюрьмы заключенными, конфисковали имущества. Одному изъ тріумвировъ, стоявшихъ во главѣ дрезденскихъ инсургентовъ, Рихарду Вагнеру, уже извѣстному компо-

зитору, создавшему «Тангейзера», удалось ускользнуть, тогда какъ знаменитый русскій революціонеръ Михаилъ Бакунинъ, бывшій душою оказывавшагося сопротивленія, былъ схваченъ, брошенъ въ тюрьму и затѣмъ выданъ русскому императору, этому главнѣйшему устроителю европейской реакціи.

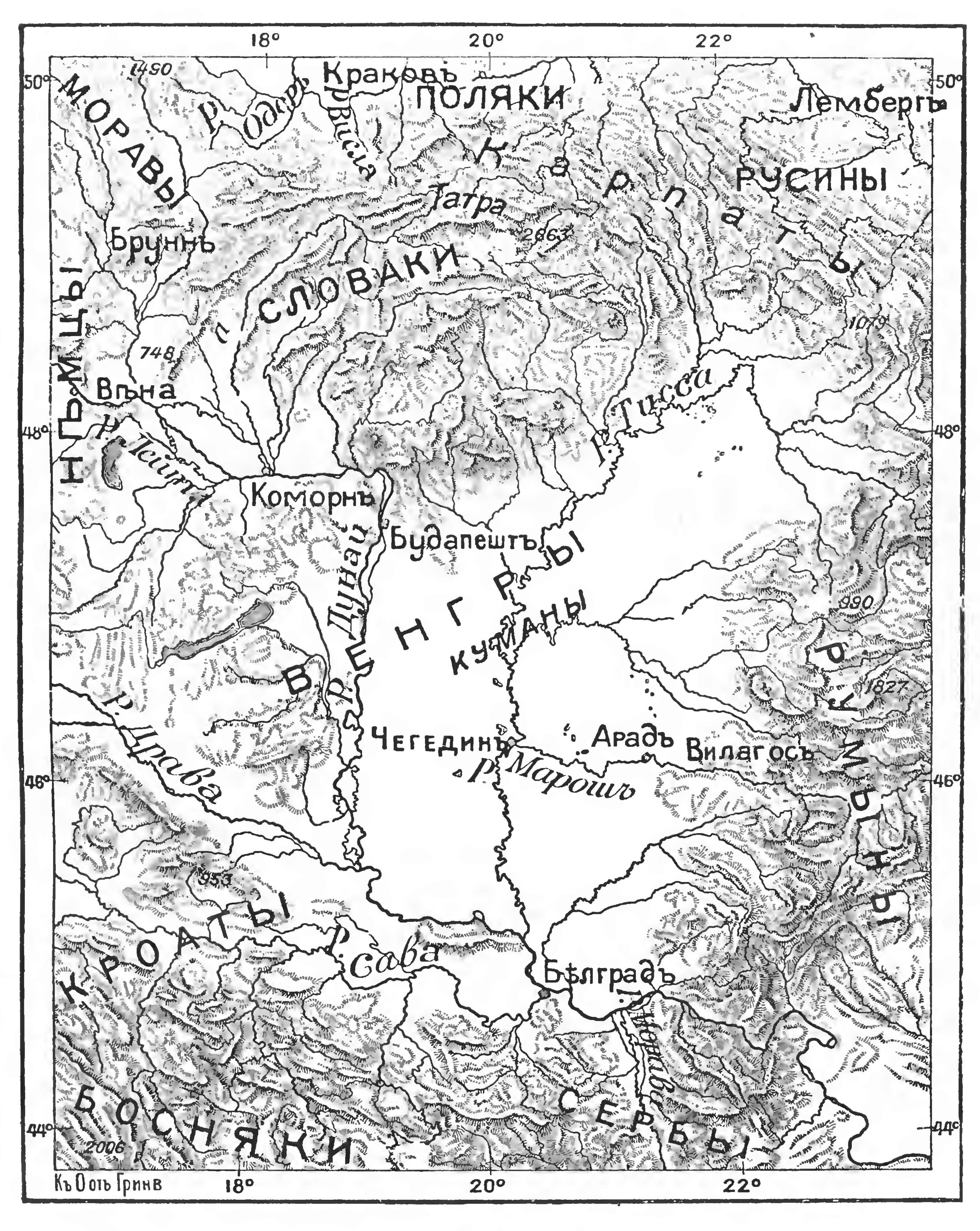
Къ тому же самому царю Николаю I обратилось австрійское правительство съ просьбою помочь въ дѣлѣ подавленія возстанія венгерцевъ (венгровъ). Эта азіатская народность, родственная туркамъ по происхожденію и языку, подпала совершенно инымъ судьбамъ, чѣмъ турки на Балканскомъ полуостровѣ. Оба народа были вполнѣ разъединены своей религіей: тогда какъ турки образовали авангардъ магометанскихъ народностей, венгерцы, уже по самому своему географическому положенію, были поставлены впереди всѣхъ христіанскихъ народовъ и то являлись побѣдителями, то оказывались побѣжденными или даже совершенно покоренными турками и страдали при этомъ гораздо болѣе, чѣмъ другіе, въ этой безконечной и безпощадной борьбѣ. Но, хотя венгерцы и приносили себя въ жертву за общее дѣло, они все же лишь на половину признавались другими европейцами,—ихъ едва знали, и въ нихъ видѣли то, что они, впрочемъ, и были въ дѣйствительности, именно—видѣли азіатовъ, не вполнѣ еще приспособившихся къ окружающему ихъ хаосу народностей—къ славянамъ, германцамъ, итальянцамъ и румынамъ, въ среду которыхъ они попали. Не будучи въ состояніи научиться всѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ нарѣчіямъ, какія были распространены вокругъ нихъ, венгерцы избрали для сношеній съ другими странами языкъ, примѣнявшійся во всѣхъ канцеляріяхъ, въ которыхъ составлялись договоры и конвенціи—именно латинскій. Ихъ собственные писцы и ихъ духовенство также стали пользоваться этимъ языкомъ, и въ теченіе восьми вѣковъ, вплоть до 1848 г., какъ повелители Венгріи, такъ и ихъ вассалы, судьи, чиновники и даже землевладѣльцы говорили между собою по-латыни; этотъ латинскій языкъ былъ, однако, очень сильно видоизмѣненъ, превратился въ нѣчто въ родѣ жаргона, получивъ глагольныя формы туземнаго нарѣчія [1]).

Революція 1848 г., увлекшая венгерцевъ въ борьбу за свою національность, за возстановленіе своего родного языка и за отвоеваніе своихъ правъ, заставила ихъ впервые выступить въ качествѣ европейской народности на ряду съ другими западными народами, которые были охвачены въ тѣ времена такимъ же движеніемъ, направленнымъ въ сторону завоеванія свободы. Героизмъ венгерцевъ сдѣлалъ ихъ братьями тѣхъ народовъ, которые являлись величайшими представителями арійской цивилизаціи. Военное положеніе венгерцевъ было перво-

1) Anton Bartel, 1896, «Dictionnaire».

начально, повидимому, совершенно отчаянное: ихъ войско состояло изъ

№ 447. Равнина Венгріи.



иррегулярныхъ бандъ, тогда какъ славянское населеніе страны, въ соединеніи съ населеніемъ сосѣднихъ провинцій и даже съ добровольцами

Балканскаго полуострова, находилось на службѣ германской Австріи, владѣвшей хорошо организованною арміею. Когда въ Вѣнѣ возстаніе было въ полномъ разгарѣ, и жители ея обратились съ воззваніемъ къ своимъ сосѣдямъ-венгерцамъ, эти послѣдніе, «будучи вѣчными формалистами и законниками» (Ассеринъ), стали ждать оффиціальной просьбы и явились, въ концѣ концовъ, слишкомъ поздно и въ слишкомъ маломъ числѣ: 28 октября Виндишгрецъ осадилъ Вѣну, 29—онъ ее бомбардировалъ, 30 — выжидалъ случая, 31 — оттѣснилъ венгерскую армію и 1 ноября вошелъ побѣдителемъ въ столицу Австріи. Вскорѣ насталъ чередъ и Пешта: венгерское правительство должно было вывести оттуда войска и сконцентрировать всѣ свои военныя силы къ востоку отъ Тиссы; однако, польскій генералъ Бемъ, которому, несмотря на то, что онъ стоялъ во главѣ возставшей Вѣны, удалось ускользнуть, совершилъ въ Трансильваніи чудеса стратегіи и одержалъ нѣсколько побѣдъ, а вскорѣ затѣмъ Гергей, сдѣлавшійся главнокомандующимъ венгерской арміи, превосходно реорганизованной Кошутомъ, одержалъ одну за другою также рядъ крупныхъ побѣдъ, воспламенившихъ надежду во всѣхъ республиканцахъ Западной Европы—австрійцы принуждены были очистить Peштъ и отступить въ безпорядкѣ до самой границы. Тогда-то австрійскій императоръ и принужденъ былъ просить помощи у своего могущественнаго союзника, императора Николая I: 150-титысячная армія проникла въ Венгрію съ западной и съ сѣверной границы, тогда какъ съ юга двинулись сербы, а съ запада открыли военныя дѣйствія германцы. Маленькая венгерская армія, окруженная со всѣхъ сторонъ, отчаянно защищалась до тѣхъ поръ, пока Гергей, избранный диктаторомъ, не капитулировалъ отъ имени всего народа въ равнинѣ Вилагосъ недалеко отъ Арада (13 августа 1849 г.). Вскорѣ послѣ того возстаніе кончилось, и сопротивленіе оказывала лишь крѣпость Комаромъ (Коморнъ), которую еще долгое время защищалъ Клапка.

Венгерцы сдались не законному своему повелителю, императору австрійскому, а русской арміи. Фельдмаршалъ Паскевичъ имѣлъ возможность написать своему монарху: «Государь, Венгрія лежитъ у ногъ Вашего Величества». Австрійцы, однако, взяли на себя дѣло отмщенія: военные суды, устроенные по всей Венгріи, пріобщали населеніе къ германскому міру путемъ розогъ, тюремнаго заключенія, разстрѣловъ и висѣлицы. Гергей, побѣжденный полководецъ, быть-можетъ, на самомъ дѣлѣ виновный въ измѣнѣ, но, во всякомъ случаѣ, типичный вояка, настроенный всегда противъ гражданской власти, претерпѣлъ величайшее униженіе: ему было предоставлено роскошное зданіе для жилья и богатая пенсія, тогда какъ его сотоварищи по войнѣ были разстрѣляны или погибли на висѣлицѣ. Самый жестокій изъ австрійскихъ гене-

раловъ, Гайнау, прозванный «бичевателемъ», получилъ другое наказаніе. Вскорѣ послѣ усмиренія возстанія онъ посѣтилъ одну изъ лондонскихъ фабрикъ; рабочіе его узнали и выгнали вонъ, избивъ ремнями, какъ отвратительную гадину.

Въ Италіи борьба за освобожденіе претерпѣла тѣ же перипетіи, какъ и венгерское возстаніе. Революціонеры сѣверной части полуострова

Миланскій соборъ.

одержали сперва побѣду, и австрійцы принуждены были очистить Миланъ и отступить за Минчіо, тогда какъ въ то же время на востокѣ Венеція отвоевала свою независимость, которая была у нея отнята Наполеономъ Бонапарте полъ-вѣка тому назадъ. Римляне и неаполитанцы стремились помочь ломбардцамъ; въ то же время борцы за республику не рѣшались вести борьбу одни и, заглушивъ свое справедливое недовѣріе къ королю, который такъ часто измѣнялъ, шпіонилъ, преслѣдовалъ, заключалъ въ темницу и разстрѣливалъ ихъ друзей, обратились все же съ предложеніемъ союза къ Карлу-Альберту: король въ надеждѣ превратить свое маленькое королевство въ обширную

монархію, согласился на новую измѣну—измѣну принципу божественной королевской власти. Во всякомъ случаѣ, такой союзъ между естественными врагами не могъ быть удачнымъ. Карлъ-Альбертъ былъ не настолько силенъ, чтобы имѣть возможность помѣряться съ могущественной австрійской арміей подъ командою энергичнаго стараго полководца Радецкаго; онъ потерпѣлъ полное пораженіе въ битвѣ при Кустоццѣ (25 іюля 1848 г.), затѣмъ на слѣдующій годъ былъ разбитъ при Новарѣ (25 марта 1849 г.), и ему не оставалось ничего болѣе какъ отказаться отъ престола, предъ лицомъ своего народа, и передать власть и итальянскую корону своему сыну Виктору-Эммануилу, который, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ за собою позорнаго прошлаго, полнаго измѣнъ.

Джузеппе Мадзини (1805—1872).

Побѣда Австріи легко могла бы имѣть болѣе серьезныя послѣдствія, если бы она не вызвала зависти Франціи. Обычное соперничество германцевъ и французовъ изъ-за господства надъ Италіей началось лишь въ новой формѣ, будучи скрыто подъ дипломатическими ухищреніями. Казалось бы вполнѣ естественнымъ, чтобы Франція, имѣвшая оффиціально республиканскій образъ правленія, вмѣшалась для защиты независимости родственныхъ республикъ, но на самомъ дѣлѣ произошло совершенно обратное: вовлеченная, подобно Австріи, въ движеніе, противное освобожденію народовъ и освобожденію личности, Франція послала свои войска въ Италію для защиты римскаго папы. Обѣ державы, и Франція и Австрія, выступали на защиту добрыхъ принциповъ порядка и законности.

Въ Римѣ, гдѣ послѣ бѣгства папы Пія IX возникла республика,

душою сопротивленія былъ одинъ изъ тріумвировъ, Джузеппе Мадзини, выдающійся революціонеръ своего времени, отличавшійся огромной энергіей, силой воли и настойчивостью, замѣчательнымъ искусствомъ въ дѣлѣ выбора людей и полнымъ самоотреченіемъ въ повседневной жизни. Будучи типичнымъ человѣкомъ долга, онъ умѣлъ возбуждать энтузіазмъ и героизмъ самопожертвованія, и, когда избраннѣйшіе бойцы пали, онъ, не теряя присутствія духа, твердый и безстрастный, все же умѣлъ находить людей, которые добровольно приносили свою жизнь въ жертву общественному дѣлу. Онъ не отступалъ предъ ужасной необходимостью непрестаннаго самопожертвованія молодыхъ энтузіастовъ, такъ какъ, страдая самъ за дѣло освобожденія и объединенія Италіи, не могъ и для другихъ представить болѣе высокой радости, какъ ощущавшейся имъ самимъ. Будучи суровъ, какъ кальвинистъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ еще нетерпимѣе католиковъ въ смыслѣ римскихъ традицій. Его девизъ былъ «Dio e Popolo»; по этому девизу права народа проистекаютъ отъ самого Бога и именно отъ того Бога города Рима, который дважды въ теченіе исторіи далъ Италіи всемірную власть— сперва въ эпоху римскихъ императоровъ, затѣмъ во времена римскихъ папъ. Мадзини вѣровалъ твердо, что въ ближайшемъ будущемъ этотъ римскій Богъ въ третій разъ дастъ итальянской республикѣ первое мѣсто среди народовъ всего міра. Такимъ образомъ, Мадзини на самомъ дѣлѣ не былъ врагомъ «святого отца», бѣжавшаго изъ Рима, чтобы не

Джузеппе Гарибальди (1807—1882).

приходить въ соприкосновеніе съ проклятыми республиканцами,—напротивъ, онъ желалъ, чтобы римскій папа основалъ новую эру религіозной власти—власти, при которой демократическая вѣра придала бы стариннымъ обычаямъ новое значеніе. Въ отсутствіе папы именно такимъ образомъ пытался онъ въ Римѣ истолковать церковные обряды.

Революція, возникшая изъ стремленія къ независимости и въ то же время вѣрная римскимъ традиціямъ, вызывала противопоставленіе двухъ понятій—«народа» и «Бога»; она не могла привести ни къ чему иному, какъ къ фатальнымъ затрудненіямъ. Но столь же абсурдными и противорѣчащими здравому смыслу были и средства, примѣненныя для подавленія этой революціи: заключавшейся въ ней лжи была противопоставлена другая ложь, такъ какъ французская республика, или, по крайней мѣрѣ, то государство, которое носило ея наименованіе, требовало уничтоженія римской республики и возстановленія папской власти: еще разъ Франція выступила въ качествѣ «воина Божія», согласно со старинной церковной традиціей. Правда, для того, чтобы выполнить эту низменную роль папскаго жандарма, французское правительство передъ тѣмъ принуждено было подавить возстаніе, разыгравшееся на самихъ улицахъ Парижа; но французскій народъ, утомленный борьбою предыдущаго года, не имѣлъ болѣе охоты выступать съ оружіемъ въ рукахъ, и французскія войска, поставленныя на службу Пія IX, смогли, въ виду незначительной численности настоящихъ защитниковъ Рима, одержать верхъ надъ краснорубашечниками Гарибальди.

Совершенно обезчещенная французская республика могла далѣе только все болѣе и болѣе погрязать въ своемъ позорѣ: она уничтожала самое себя, уничтожая братскую республику, съ которой боролась къ тому же совершенно безполезно, такъ какъ, благодаря этому, вліяніе Австріи сдѣлалось всемогущимъ. Франція доставляла деньги и войска на пользу придворной камарильи Австріи. Что касается папы, то, получивъ опять въ свое владѣніе римскую область, онъ понялъ, что настало время заявить торжественно и безъ какого-либо умолчанія о томъ, что примиреніе церкви съ новымъ строемъ общественной жизни совершенно не возможно. Излѣчившись отъ своихъ первоначальныхъ иллюзій, «верховный первосвященникъ» отплатилъ прежде всего за все зло, причиненное папской власти, и затѣмъ сталъ придерживаться строжайшимъ образомъ принциповъ полнѣйшей реакціи, которые нашли себѣ полное выраженіе въ энцикликѣ 1864 г. Подчиняясь закону измѣненія всего существующаго, католицизмъ, тѣмъ не менѣе, претендуетъ на то, что остается единымъ и цѣльнымъ. Онъ считаетъ себя недвижимымъ, такъ какъ «римскій первосвященникъ не можетъ и не долженъ ни примиряться, ни вступать въ соглашеніе съ прогрессомъ, съ либерализмомъ и съ современной цивилизаціей»!

Дѣло реакціи было закончено и подготовляло свою законодательную формулировку, являвшуюся, впрочемъ, безполезной. Франція, которая нѣкогда дала начало революціонному движенію, должна была теперь покаяться и поискать въ своемъ прошломъ одну изъ предшествовавшихъ конституцій. Одна изъ партій, притомъ могущественная часть Національнаго Собранія, желала возвратиться даже ко временамъ Людовика Святого, но такъ далеко собраніе не пошло, и, остановившись на временахъ имперіи, оно представило себѣ, что возможно удержать такъ называемыя «завоеванія революціи», т.-е. извѣстное политическое, экономическое и соціальное равенство, и въ то же время вернуть ту эпоху всеобщаго уваженія къ Франціи и къ ея военной славѣ, которая, впрочемъ, столь печальнымъ образомъ привела къ униженію и разоренію. Быть-можетъ, также и народъ, недовольный всѣми послѣдовательно одинъ за другимъ смѣнявшимися режимами и дѣлавшимися въ теченіе двухъ лѣтъ опытами республиканскаго образа правленія, ринулся съ отчаянія въ полнѣйшую неизвѣстность, въ ожиданіи, что единая личная воля, быть-можетъ, скорѣе осуществитъ тѣ тысячи обѣщаній, которыя давались столько разъ писателями-соціалистами и до сихъ поръ постоянно обманывали народъ.

Прудонъ (1809—1865).

Вполнѣ естественно, что и эти химерическія ожиданія должны были быть обмануты, такъ какъ личное правительство исполняетъ всегда волю единаго властителя, представленнаго, однако, какъ это вполнѣ

естественно, толпою паразитовъ, которые его окружаютъ. Наполеонъ III не могъ ускользнуть отъ этого общаго закона.

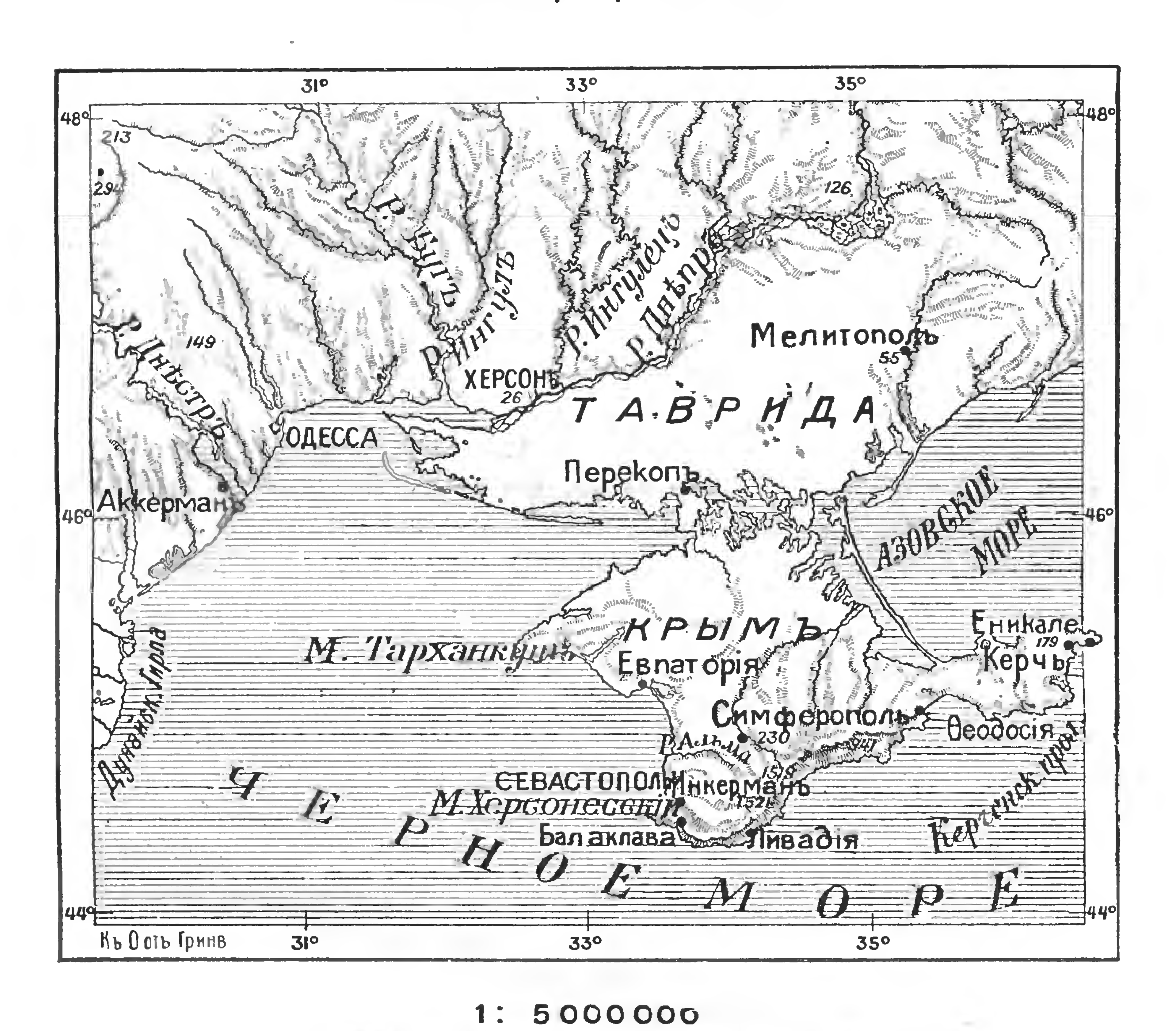
Прудонъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «La Révolution sociale démontrée par le Coup d'État», пытается установить, что новый императоръ, вышедшій изъ революціи и возведенный на престолъ волею бѣднѣйшаго рабочаго населенія Парижа и провинціи, долженъ невольно сдѣлаться исполнителемъ высшей логики событій, превосходящей его собственныя желанія и желанія окружающихъ; онъ предсказываетъ этому императору невольную роль исполнителя велѣній соціализма. Впрочемъ, нельзя забывать, что Прудонъ писалъ подъ угрозой изгнанія и тюрьмы, и въ его произведеніи много ироніи, которая позволяла ему торжествовать надъ грубою силою. Исторія двадцатилѣтняго царствованія Наполеона показываетъ намъ, во всякомъ случаѣ, что, несмотря на свое прошлое мечтателя, наполовину соціалиста, и несмотря на свою природную доброту, «человѣкъ декабрьскихъ дней» былъ насильственно увлеченъ самими послѣдствіями вѣроломства и кровопролитія на путь не прекращающейся репрессіи. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ и выступалъ «дѣятелемъ соціальной революціи», то лишь постольку, поскольку всѣ люди служатъ невольными орудіями Провидѣнія.

Къ счастью, стремленіе къ свободѣ въ теченіе періода революціи было слишкомъ велико, и заглушить его совершенно не было возможности; живая сила человѣческой дѣятельности не можетъ быть подавлена вполнѣ; ее можно лишь отклонить отъ ея цѣли, направить плотинами и каналами на боковые пути, но проявляться она будетъ все же, несмотря ни на какія препятствія, и вызванныя ею измѣненія будутъ значительны. Такова же была причина, по которой матеріальное благополучіе увеличилось почти внезапно столь замѣчательнымъ образомъ во Франціи и во всей континентальной Европѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ, отмѣченныхъ торжествомъ реакціи. Несмотря на изгнаніе и бѣгство за предѣлы страны очень большого числа республиканцевъ, несмотря на эмиграцію сотенъ тысячъ прилежныхъ работниковъ, промышленное и торговое развитіе получило чрезвычайный размахъ въ значительной степени, благодаря инициативѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, кто былъ лишенъ возможности примѣнять свой умъ и образованіе къ проведенію политическихъ и соціальныхъ реформъ и направилъ всѣ свои силы на созданіе новыхъ промышленныхъ предпріятій и выработку новыхъ методовъ; произошло, такимъ образомъ, простое перемѣщеніе силъ, и имперія во Франціи оставалась, несмотря ни на что, популярной въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Народъ не можетъ останавливаться и долго задумываться надъ сложнымъ сцѣпленіемъ вещей: не доискиваясь причинъ, онъ олицетворяетъ событіе въ лицѣ той или другой личности, которой онъ приписываетъ послѣдствія современнаго экономическаго

движенія даже вплоть до обилія урожая, причины котораго онъ знаетъ, однако, прекрасно, такъ какъ онѣ основываются на его собственномъ трудѣ.

Однако, имперія, какою ее желали видѣть избиратели, еще упоен-

№ 448. Театръ Крымской войны.



1854 г.—22 апрѣля бомбардировка Одессы; 14 сентября высадка союзниковъ въ Евпаторіи; 20 сентября сраженіе при Альмѣ; 26 сентября и 26 октября битвы при Балаклавѣ; 5 ноября Инкерманскій бой. 1855 г.—8 сентября взятіе Малахова кургана. 1856 г. — Парижскій трактатъ.

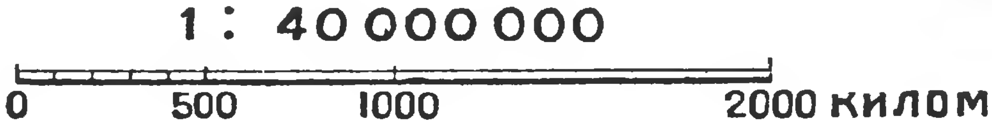
ные славою прежнихъ временъ, не могла ускользнуть отъ своего злого рока,—она должна была поддерживать свой престижъ крупными внѣшними войнами. «Восточный вопросъ» представилъ тому удобный случай. Турція, находившаяся въ состояніи политическаго разложенія и почти безпомощная съ военной точки зрѣнія, не могла противостоять столь страшному противнику, какъ Россія. Между тѣмъ Николай I, этотъ грозный монархъ, царившій въ теченіе третьей части вѣка въ несокру-

шимомъ ореолѣ величія, какъ настоящее божество,—этотъ монархъ, считавшійся непобѣдимымъ, серьезно угрожалъ Оттоманской имперіи, и войска его проникли даже уже въ область дунайскихъ княжествъ. Константинополь, городъ столь долго желанный, сдѣлался бы, конечно, для него легко доступной военной добычей, если бы западныя державы, Франція и Англія, не выступили на защиту турокъ. Традиціонные интересы Великобританіи были глубоко затронуты, такъ какъ «царица морей», являвшаяся со времени взятія Гибралтара и Мальты главнѣйшею властительницею Средиземнаго моря, не желала ни за что на свѣтѣ поступаться своими интересами морской державы и предоставляла русскимъ свободное владѣніе Дарданеллами. Впрочемъ, съ точки зрѣнія географической, дѣло касалось въ данномъ случаѣ и вообще міроваго владычества, такъ какъ страны, омываемыя восточнымъ Средиземнымъ моремъ, господствуютъ надъ путями, ведущими изъ Европы въ Центральную Азію и въ Индію. Правда, самое сердце Азіи, граничащее съ Каспійскимъ моремъ, находится по существу во власти Россіи, но что касается путей, ведущихъ въ Индію, то Великобританія, имѣя въ виду равновѣсіе ея силъ, вполнѣ справедливо считала насущнымъ національнымъ вопросомъ не допустить русскія войска до занятія Константинополя. Конечно, этотъ «путь въ Индію» даже до нашихъ дней является совершенно проблематичнымъ: никто имъ не пользовался, такъ какъ практически онъ былъ недоступенъ. Лишь немногіе изслѣдователи проходили этимъ путемъ чрезъ Малую Азію, страны Евфрата, Иранъ и плоскогорія Афганистана; всѣ купцы, всѣ военныя силы и чины администраціи избирали кружный путь, вокругъ мыса Доброй Надежды или чрезъ Суэцкій каналъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что завоеваніе европейской и азіатской Турціи войсками русскаго царя перемѣстило бы центръ тяжести всего политическаго міра и дало бы русскимъ возможность контроля надъ Средиземнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ; это же безнадежно подорвало бы престижъ Англіи и затѣмъ при постепенномъ распространеніи русскаго вліянія подорвало бы и ея дѣйствительную власть надъ обширными территоріями Индостана. По совершенно аналогичной причинѣ, къ тому же еще болѣе настоятельной, британское правительство примѣнило полъ-вѣка тому назадъ всѣ находившіяся въ его власти средства къ тому, чтобы отрѣзать отъ сообщенія со страной и погубить французскую экспедицію въ Египетъ. Что касается Франціи, то главнѣйшія причины ея стремленія помѣряться силами съ русскимъ колоссомъ были менѣе ясны, и, безо всякаго сомнѣнія, народъ, если бы онъ былъ предоставленъ самому себѣ, отнюдь не рискнулъ бы предпринять такую опасную авантюру; однако, властитель, въ руки котораго этотъ народъ самъ себя предоставилъ, мечталъ, быть-можетъ, объ отмщеніи Россіи за то

пораженіе, которое было нанесено его дядѣ, или, возможно, желалъ

№ 449. Восточная окраина Россіи.

1 : 40 000 000



Граница съ вертикальной штриховкой отмѣчаетъ предѣлы Россіи въ XVIII вѣкѣ. Густая косая штриховка показываетъ территорію, пріобрѣтенную въ 1858 г. (лѣвый берегъ Амура) и въ 1860 г. (правый берегъ Амура). Въ 1875 г. весь Сахалинъ, принадлежавшій Японіи, былъ полученъ отъ нея въ обмѣнъ на Курильскіе острова. Рѣдкая косая штриховка отмѣчаетъ области, пріобрѣтенныя Россіей въ 1900 г. и утраченныя въ 1905 послѣ русско-японской войны. П. А.—Портъ-Артуръ.

выставить себя передовымъ борцомъ западной цивилизаціи противъ полуварварскаго Востока.

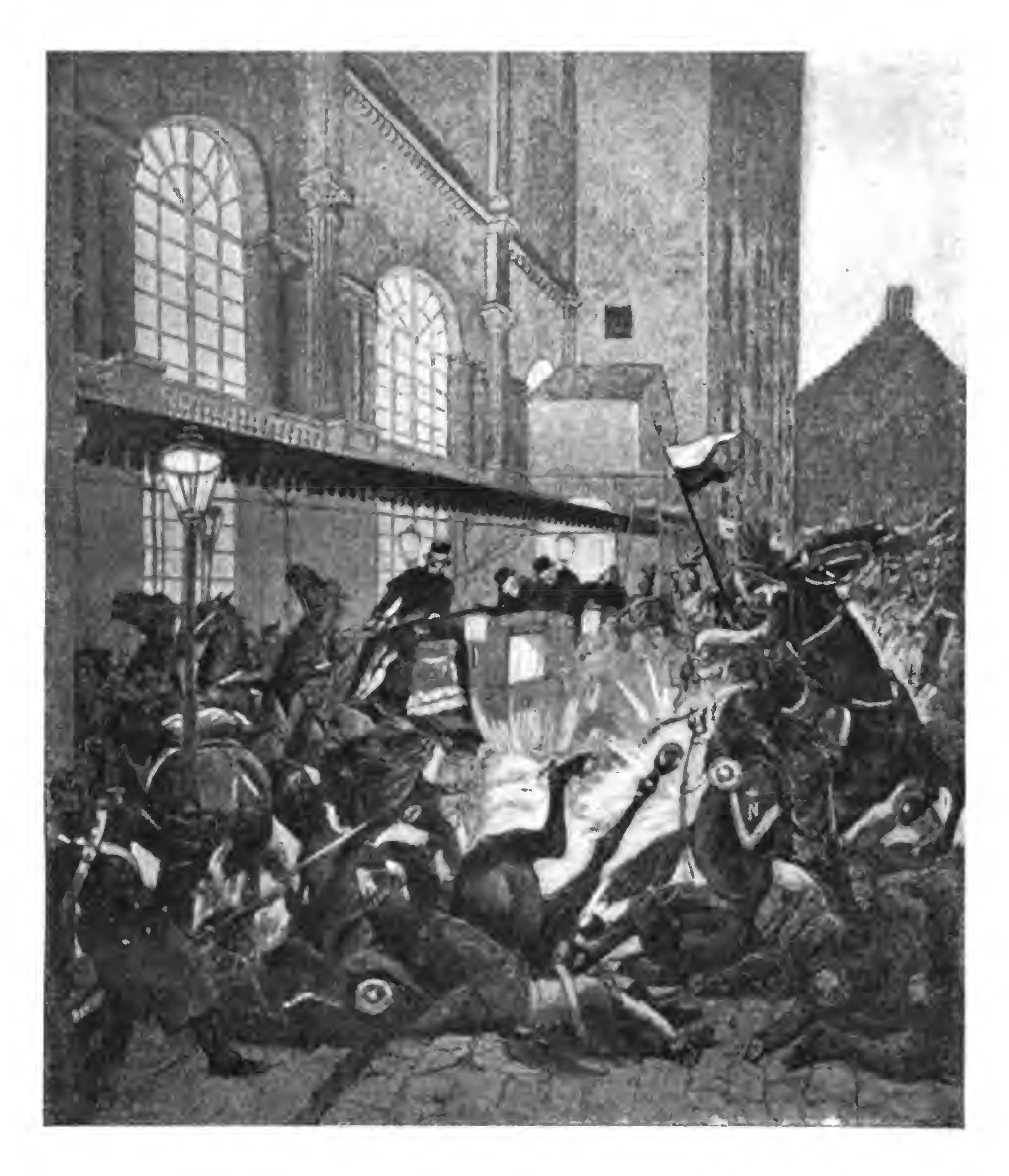
Война эта развернулась въ величественную драму чрезвычайной

простоты. Она локализировалась почти всего на одной единственной точкѣ обширной окружности Россійской имперіи, на небольшомъ гористомъ отрогѣ, отходящемъ отъ Крымскаго полуострова за предѣлами собственно Россіи, вдающемся въ воды Чернаго моря; лишь кое-какія мелкія, не имѣющія значенія военныя событія произошли на берегахъ Финляндіи (взятіе Бомарзунда) и на отдаленнѣйшемъ полуостровѣ Камчаткѣ. Въ теченіе болѣе чѣмъ года всѣ усилія концентрировались вокругъ вѣтвистаго залива, защищеннаго укрѣпленіями Севастополя. Это была не болѣе какъ одна лишь точка; но на эту точку борющіяся державы направили всѣ свои силы и рессурсы, всѣ свои войска, капиталы и средства нападенія и защиты. Сопротивленіе, оказанное русскими, равнялось силѣ напора: стѣны, разрушавшіяся за день, воздвигались снова въ теченіе ночи, и новые полки союзниковъ подходили съ моря въ то же время, какъ полки русскихъ подходили съ суши и замѣщали непрерывно недостатокъ въ людяхъ, возникавшій отъ переполненія траншей и брешей трупами. Въ концѣ концовъ, судьба помогла нападающимъ, и вся южная половина крѣпости была отнята у русскихъ (8 сентября 1855 г.). Внезапно русская имперія оказалась не только побѣжденной, но и глубоко униженной. Императоръ Николай, предчувствовавшій пораженіе, умеръ отъ униженія и горя; Россія, настолько преданная деспотизму, что для нея немыслимымъ еще являлось измѣнить политическій строй, должна была, тѣмъ не менѣе, «собираться съ силами».

Однако, въ то самое время, когда престижъ Россіи и ея кажущееся могущество претерпѣли столь сильно ощутимое пораженіе вслѣдствіе событій въ Крыму, имперія эта развилась значительно въ смыслѣ увеличенія поверхности какъ бы путемъ независимаго отъ своей воли роста. Ея придаткомъ сдѣлалась обширная территорія, тянущаяся къ западу отъ рѣки Уссури между правымъ берегомъ Амура и побережьемъ Тихаго океана, и эта территорія открылась для колонизаціи. Россія съ этого времени пришла въ соприкосновеніе со свободными водами Тихаго океана. Со стороны запада морскіе проливы Балтійскаго и Чернаго морей оставались закрытыми, со стороны же востока Россія господствовала надъ обширными океаническими пространствами, и небольшая деревушка, основанная на берегу Тихаго океана, чтобы дать пріютъ первымъ представителямъ славянской народности на этой окраинѣ, могла съ гордостью назваться «властительницей Востока»—Владивостокомъ. Формальный договоръ, заключенный съ Китаемъ въ Айгунѣ въ 1858 г., закрѣпилъ за Россіей эти новыя пріобрѣтенія.

Вскорѣ послѣ Крымской войны французская имперія, вѣрная своимъ основамъ, должна была выдержать вторую войну, которая, впрочемъ, съ давнихъ поръ уже подготовлялась. Еще ранѣе было

заключено между Викторомъ-Эммануиломъ и Наполеономъ соглашеніе; но Наполеонъ, какъ человѣкъ нерѣшительный, охватываемый иногда

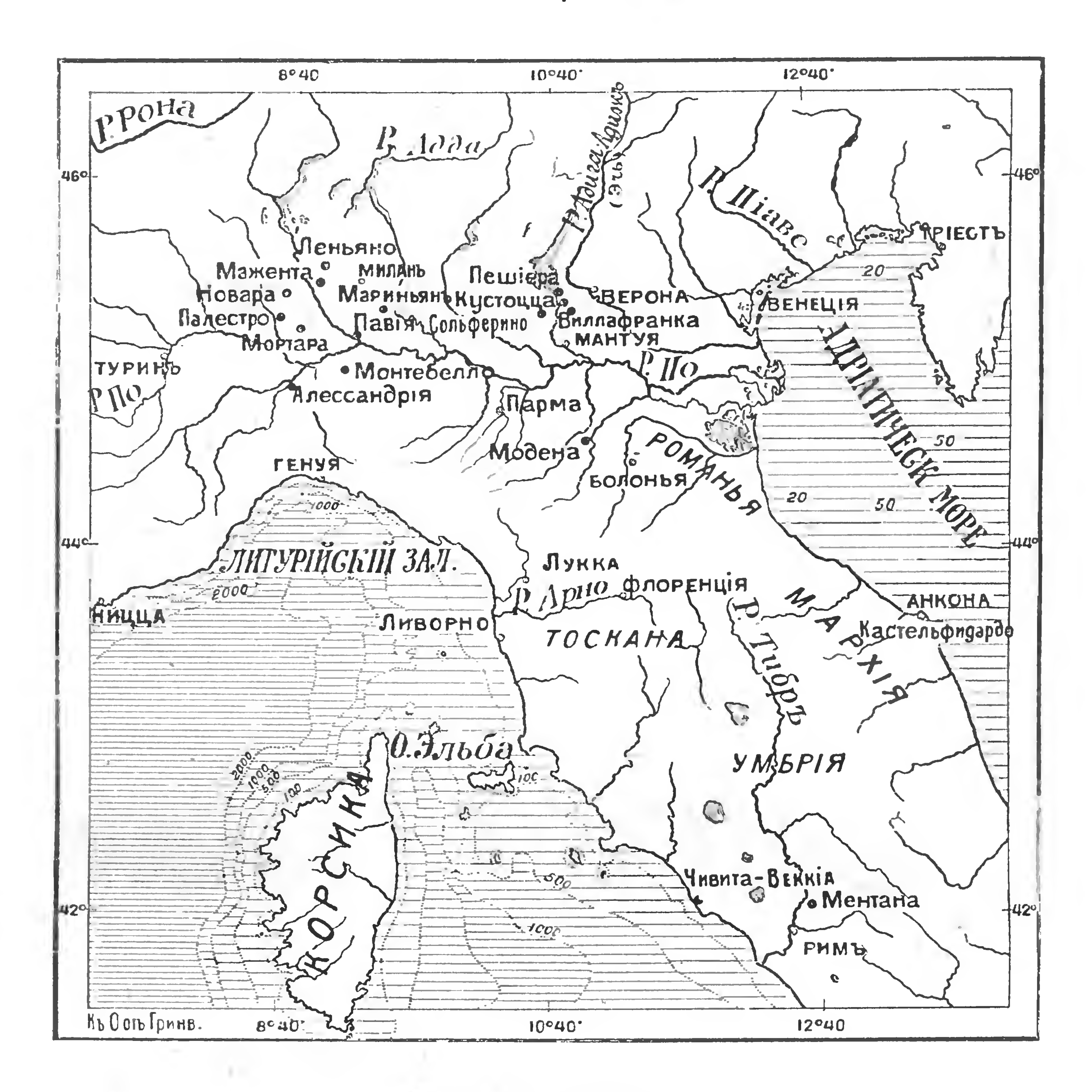


Покушеніе Орсини въ улицѣ Лепельтье, 14 января 1858 г.

внезапными фантазіями, медлилъ сдержать свои обѣщанія; одинъ изъ итальянскихъ патріотовъ, Орсини, напомнилъ ему объ этомъ самымъ грубымъ образомъ, бросивъ бомбу подъ его карету 14 января 1858 г. Первоначально, однако, это предупрежденіе не было понято: охваченный страхомъ и жаждой мщенія, императоръ думалъ лишь о принятіи репрес-

сивныхъ мѣръ противъ всякой свободы и всякаго проявленія республи-

№ 450. Сѣверная Италія.



Масштабъ 1:5000000.

1848 г. 25 іюля битва при Кустоццѣ.—1849 г. 2 марта битва при Новарѣ; 25 апрѣля высадка французовъ въ Чивита-Веккія; 30 іюня взятіе Рима.

1859 г. 20 мая битва при Монтебелло; 30 мая битва при Мортарѣ; 31 мая битва при Палестро; 4 іюня битва при Магентѣ; 8 іюня битва при Мариньяно (Меланьяно); 24 іюня битва при Сольферино, 11 іюля миръ въ Виллафранкѣ. Парма присоединяется къ Италіи, Модена изгоняетъ своего герцога и присоединяется къ Италіи въ 1860 г.

1860 г 11 мая высадка „тысячи" Гарибальди въ Марсалѣ; 24 іюля битва при Милаццо; 1 августа высадка въ Реджіо; 7 сентября вступленіе въ Неаполь; 18 сентября битва при Кастельфидардо (пьемонтцы противъ папскихъ войскъ); 22 сентября битва при Вольтурно; 28 сентября капитуляція Анконы.—1861 г. 13 февраля капитуляція Гаэты.—1862 г. 29 августа пораженіе гарибальдійцевъ при Аспромонте.

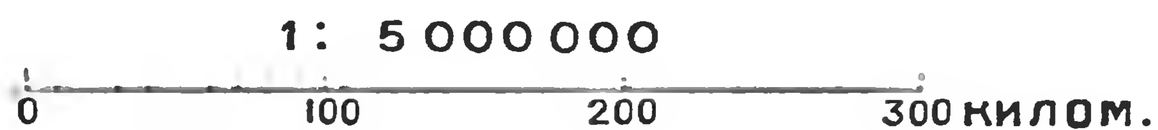
1866 г. 24 іюня битва при Кустоццѣ; 18 іюля битва при Лиссѣ.—1867 г. 30 октября французы занимаютъ Римъ; 3 ноября гарибальдійцы разбиты при Ментанѣ.—1870 г. 20 сентября итальянцы вступаютъ въ Римъ.

Леньяно, нанесенное на карту,—мѣсто пораженія Барбароссы въ 1175 г., а не четвертая вершина четыреугольника, коего три другія вершины образованы Пешіерой, Вероной и Мантуей.

канскаго духа; подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія ему пришлось

все же уступить настояніямъ будущаго короля Италіи и помочь ему въ завоеваніи его королевства. Побѣдоносная кампанія, предпринятая

№ 451. Южная Италія.



Наполеономъ, довела его до границы Минчіо и до огромнаго четыреугольника австрійскихъ укрѣпленій. Здѣсь онъ пожелалъ остановить

ходъ событій; но событія продолжали развиваться и безъ его содѣйствія. Окончательно рѣшившись образовать единое политическое цѣлое, итальянская буржуазія продолжала внутреннюю войну, невзирая на миръ, заключенный въ Виллафранкѣ обоими императорами. Населеніе Пармы, Модены, Тосканы и Романьи отняло владѣнія у королевства Сардинскаго, тогда какъ Гарибальди во главѣ своей «тысячи»—въ дѣйствительности 1067 сотоварищей—тайнымъ образомъ, хотя и не безъ вѣдома министра Кавура, сѣлъ на суда и внезапно появился у западнаго берега Сициліи въ Марсалѣ. Его походъ чрезъ весь островъ и затѣмъ по другую сторону Мессинскаго пролива вдоль Неаполитанскаго континента былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ и окончился рѣшительнымъ сраженіемъ (1859 г.) на берегахъ рѣки Вольтурно. Неаполитанскому королю только и оставалось, что запереться съ немногими преданными ему людьми въ укрѣпленіи Гаэта, и Гарибальди приготовлялся уже направиться со своими войсками къ Риму, который оказалъ бы, вѣроятно, не болѣе сопротивленія, чѣмъ Палермо и Неаполь. Италія была уже очень недалека отъ того, чтобы стать самостоятельной; впрочемъ, она достигла этого не вполнѣ однѣми своими собственными силами, какъ того желала, въ этомъ были виновны и упущенія ея своенравнаго союзника. Послѣдній неожиданно окружилъ папу французскимъ гарнизономъ и поручилъ французскимъ войскамъ охранять городъ Римъ противъ итальянскаго народа. Это значило—попасть въ совершенно безвыходное положеніе, такъ какъ сама сила вещей дѣйствовала какъ-разъ обратно его желаніямъ. Когда одинъ изъ его министровъ, отвѣчая на интерпелляцію парламента, въ которой запрашивалось, когда французская армія предполагаетъ очистить Римъ, произнесъ въ отвѣтъ: «Никогда!»—весь міръ надъ этимъ смѣялся. Унизительнаго опроверженія его словъ не пришлось ждать слишкомъ долго. Достаточно было для этого, чтобы Италія взяла въ своей борьбѣ за единство и свободу другую точку опоры, помимо Франціи,—она оперлась на Пруссію, которая также основывала, если не свою національную независимость, то, во всякомъ случаѣ, свое могущество на объединенной Германіи, и которая въ борьбѣ имѣла тѣхъ же самыхъ противниковъ, какъ и Италія.

Въ эту столь важную и критическую для всей Европы эпоху весь міръ находился также въ состояніи возбужденія. Китай и Японія, Индія и Индо-Китай, Соединенные Штаты и Мексика были равнымъ образомъ потрясены могущественными переворотами.

Несмотря на то, что каждый изъ европейскихъ цивилизованныхъ народовъ считаетъ, пожалуй, одною изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ своихъ привилегій возможность закрывать, когда сочтетъ это необходимымъ,

Мессинскій проливъ къ сѣверу отъ Мессины.

границы своей страны для доступа чужихъ товаровъ и подданныхъ другихъ странъ, всѣ народы считали, тѣмъ не менѣе, Китай и Японію народами варварскими, именно въ силу того, что они не принимали къ себѣ иностранцевъ и закрывали для нихъ свои границы. Благодаря примѣненію пара, сблизившему между собою континенты, попытки моральнаго, а затѣмъ и матеріальнаго господства европейцевъ въ этихъ странахъ, сдѣланныя въ XVI и XVII вѣкахъ іезуитами и другими миссіонерами, должны были теперь опять возобновиться, и на этотъ разъ въ нихъ принимали уже участіе всѣ представители европейскаго міра: протестантскіе пасторы различныхъ сектъ, наравнѣ съ католическими монахами, съ купцами и спекуляторами всякаго рода, равно какъ и авантюристы всѣхъ національностей, устремились на востокъ и приняли участіе. Большинство изъ тѣхъ, кто такъ настаивалъ на открытіи Китая, желали, конечно, злоупотребить этимъ открытіемъ, напримѣръ, хотя бы для ввоза въ страну опія. Китайцы прекрасно понимали опасность, увеличивавшуюся со дня на день, и, чтобы противодѣйствовать ей, могли разсчитывать лишь на свое дипломатическое искусство. Они не имѣли возможности одержать верхъ въ открытой борьбѣ, такъ какъ силы были неравныя. Прошло уже то время, когда Востокъ развивался независимо отъ Запада. Тогда обѣ половины Стараго Свѣта жили независимо одна отъ другой, шли различными путями, не обнаруживая никакой замѣтной связи между собою. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ Европа свыше мѣры расширилась и создала въ Америкѣ вторую Европу, китайскій народъ оказался какъ бы зажатымъ въ тискахъ между двумя половинами цивилизованнаго міра. Даже болѣе—Европа получила такое распространеніе, что чрезъ посредство Россіи стала ближайшей континентальной сосѣдкой Китая и стала угрожать ему сразу съ нѣсколькихъ сторонъ нападеніемъ и непосредственнымъ захватомъ его территоріи.

Если бы Китайская имперія не была затронута на самомъ дѣлѣ и не опасалась измѣненія обычаевъ, порядковъ и этикета, она, безъ сомнѣнія, не приспособилась бы такъ скоро къ новымъ политическимъ условіямъ и не перемѣстила бы свою столицу на новое мѣсто, чѣмъ было совершенно измѣнено положеніе ея центра тяжести, и сдѣлана болѣе легкой организація сопротивленія. Стратегическое положеніе Пекина—«столицы сѣвера»—получило съ этого времени особенно большое значеніе, такъ какъ наиболѣе легко предвидимыя опасности угрожали именно со стороны сѣверной границы. Императоры манчьжурской династіи, происходившіе сами отъ завоевателей, которые въ теченіе ряда поколѣній должны были воевать, чтобы преодолѣть сопротивленіе китайцевъ, совершенно справедливо опасались воинственныхъ племенъ своего собственнаго отечества и знали также прекрасно, что монголы

часто спускались со своихъ плоскогорій и завладѣвали этой страной. Понятно поэтому, что столица имперіи въ теченіе долгаго времени удерживалась, именно въ сѣверной части страны, такъ далеко отъ настоящаго центра Китая, которымъ является «Срединный Цвѣтъ» между двумя большими рѣками: можно было спокойно предоставлять мирныя

Приготовленіе опіума. Перегонка.

народности своимъ собственнымъ силамъ, но надлежало зорко наблюдать за неспокойными сосѣдями, тѣмъ болѣе, что позади нихъ медленно, но съ роковою непоколебимостью вырастала держава еще болѣе могущественная и опасная, чѣмъ манчьжуры и монголы— русское государство.

Въ серединѣ XIX вѣка, однако, угроза со стороны Россіи была еще очень отдаленной, и Китаю скорѣе приходилось опасаться нападенія съ моря. Европейскія державы, хотя и были отдѣлены отъ Дальняго Востока обширными пространствами континента, имѣли, тѣмъ пе

менѣе, полную возможность достичь Китая морскимъ путемъ, и въ этомъ отношеніи наибольшіе шансы попасть въ сферу ихъ вліянія имѣла южная и центральная часть страны, именно бассейнъ Си-кіанъ, заливъ Ханъ-чеу и устье рѣки Янъ-Тзе. Въ ту эпоху, когда коммерсанты Европы и Америки заставили свои правительства

Приготовленіе опіума. Упаковка въ сосуды.

вторгнуться силою въ Китай, рѣка Хоанъ-Хо, изливающая въ настоящее время свои воды въ Печилійскій заливъ по направленію къ сѣверу имперіи, впадала также и южнѣе Шантунскаго полуострова. Такимъ образомъ, именно по направленію къ этимъ особенно угрожаемымъ пунктамъ должно было перемѣститься и сопротивленіе, оказываемое Китаемъ, и если бы великій организмъ Китайской имперіи былъ еще полонъ жизни, если бы властители имперіи съ окружающими ихъ мандаринами не превратились въ настоящія муміи, спрятанныя за двойными стѣнами Пекина, они, безъ сомнѣнія, направили бы свою дѣя-

тельность въ сторону угрожающей опасности, подобно тому, какъ это сдѣлали ихъ предшественники въ эпоху расцвѣта китайскаго народа.

Возвращеніе въ Нанкинъ—«столицу юга»—привело бы также всѣ защищающія силы государства въ непосредственное сосѣдство съ богатѣйшими и населеннѣйшими центрами; конечно, если бы китайское правительство подало такой примѣръ иниціативы и рѣшительности въ эти опасныя времена, то и тѣ внутреннія неурядицы, которыя съ такою остротою разыгрались въ видѣ возстанія тайпинговъ, были бы въ значительной степени устранены, и китайскіе мандарины не дожили бы

Тысячелѣтній мостъ въ Фу-чеу чрезъ рѣку Си-хо.

до унизительнаго пораженія, нанесеннаго имъ европейскими наемными войсками. Хань-Коу, являющійся торговымъ центромъ имперіи, гдѣ вслѣдствіе того сходятся всѣ экономическіе рессурсы сосѣднихъ провинцій, былъ также избранъ очень удачно; быть-можетъ, съ точки зрѣнія стратегической, съ точки зрѣнія защиты и агрессивныхъ дѣйствій, мѣстностью, наиболѣе указываемою самой природой, былъ бы городъ Кіу-кіанъ, расположенный на скалистомъ полуостровѣ южнаго берега Янъ-Тзе, между этою большою рѣкою и внутреннимъ моремъ По-Янъ, по которому проходятъ судоходные каналы по всѣмъ направленіямъ: отсюда и наименованіе «Городъ девяти рѣкъ», которое получилъ этотъ крупный торговый центръ, открытый англичанами силою для европейской торговли. Изъ этого центральнаго мѣста, расположеннаго почти на одинаковомъ разстояніи между Нанкиномъ и Хань-Коу, расходятся во всѣ стороны крупные пути, образуемые либо водными артеріями, либо горными проходами; эти пути направляются прежде всего ко всѣмъ частямъ великаго рѣчного бассейна Срединной имперіи, затѣмъ на

юго-востокъ къ Фу-чеу и къ другимъ портовымъ городамъ Фо-Кіена, на юго-западъ къ Кантону и на сѣверъ къ Кайфону и Пекину.

Но, въ то время, какъ китайскіе правители закупорились въ своихъ дворцахъ, ставшихъ настоящими ихъ гробницами, и давали убаюкивать себя старыми сказками о давно минувшихъ временахъ, событія текли своимъ чередомъ, и въ народныхъ массахъ совершались крупныя превращенія: измѣняя свое равновѣсіе, экономическія условія всего міра должны были захватить и Китай и китайское общество, которое способно было не менѣе другихъ обществъ подпадать вліянію

Тысячелѣтній мостъ въ Фу-чеу чрезъ рѣку Си-хо.

новыхъ условій. Такимъ образомъ, совершенно напрасно сохранила Срединная имперія свою ненависть противъ всего чужеземнаго, и напрасно кичилась она, сравнивая себя съ Европой, этой столь далекой страной, раздѣленной на такое количество мелкихъ и враждующихъ между собою государствъ. Китай сознавалъ свое величіе, обусловленное продолжительностью его существованія, великимъ его прошлымъ, обширностью его владѣній, многочисленностью его населенія—при всѣхъ этихъ преимуществахъ ему недоставало все же иниціативы, которой было довольно у настойчивыхъ чужеземцевъ, торговавшихъ въ его портовыхъ городахъ. Эти «рыжіе варвары», т.-е. большею частью бѣлокурые англичане, заслуживали, дѣйствительно, наименованія варваровъ, такъ какъ ихъ главнѣйшее ремесло заключалось прежде всего въ контрабандномъ ввозѣ опіума, ужаснаго яда, добываемаго на ихъ индійскихъ плантаціяхъ. Съ точки зрѣнія нравственности, поведеніе Китая, отказывавшагося отъ отравленія своего народа опіумомъ, было, безъ сомнѣнія, вполнѣ достойнымъ, и Великобританія едва ли имѣла основанія хвастаться своей болѣе высокой культурой, когда заставляла своихъ

торговыхъ кліентовъ потреблять ядъ, угрожая иначе бомбардировкою и вооруженнымъ нападеніемъ. Впрочемъ, этотъ политическій грѣхъ отнюдь не представляетъ чего-либо исключительнаго въ исторіи человѣчества. Круговоротъ международной жизни катитъ постоянно свои мутныя волны, и едва ли найдется въ Европѣ торговое государство, которому нельзя было бы сдѣлать упрека въ томъ, что оно на ряду съ болѣе или менѣе полезными товарами не продавало первобытнымъ народностямъ и столь губительной для нихъ водки и другихъ подобныхъ же продуктовъ.

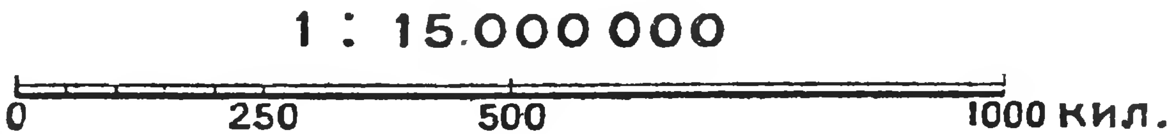
Въ 1839 г. началась такъ называемая «опійная» война, и вполнѣ естественно, что первою же ея ареною явились окрестности Кантона — самый южный изъ подступовъ къ китайской имперіи, являющійся въ то же время болѣе всего приближеннымъ къ Европѣ и къ азіатскимъ ея колоніямъ въ Индіи и Индо-Китаѣ. Будучи всемогущимъ на морѣ, гдѣ тяжелыя и неуклюжія китайскія джонки отваживались пускаться развѣ лишь затѣмъ, чтобы утонуть, англійскій флотъ могъ свободно маневрировать у береговъ, неоднократно силою врывался во входъ къ Кантону, бомбардировалъ форта, временно захватилъ даже одинъ изъ острововъ, расположенныхъ у входа въ рѣку Янъ-Тзе, т.-е. какъ-разъ противъ самаго центра имперіи, и, въ концѣ концовъ, захватилъ окончательно одинъ изъ острововъ, который обусловилъ его полное торговое и военное господство надъ всѣмъ южнымъ Китаемъ и надъ островами, омывающими юго-восточную Азію. Начиная съ 1841 г., этотъ гористый островокъ, Гонгъ-Конгъ, прекрасно защищенный противъ китайцевъ, сталъ непрестанно расти и богатѣть, какъ въ смыслѣ увеличенія населенія, такъ и въ смыслѣ военнаго могущества. По Нанкинскому договору, котораго добились англичане въ 1843 г., пять портовыхъ городовъ побережья были открыты для свободной торговли европейцамъ, именно—Кантонъ, Амой, Фу-чеу, Нинъ-По и Шанхай. Въ слѣдующемъ году американская эскадра, а затѣмъ и эскадра французская заставили предоставить себѣ тѣ же преимущества: французы потребовали, кромѣ того, уничтоженія законовъ, которые были изданы противъ христіанскихъ миссіонеровъ и новообращенныхъ туземцевъ, и снова католическое духовенство, а за нимъ и различныя секты протестантовъ принялись за свою дѣятельность по разрушенію китайской имперіи.

Нѣсколько лѣтъ спустя, т.-е. какъ-разъ въ ту эпоху, когда весь западный міръ былъ самъ глубоко потрясенъ въ своихъ политическихъ основахъ, китайскую имперію всколыхнуло возстаніе тайпинговъ, которое по своей разрушительности и обильному пролитію крови могло вполнѣ равняться съ предшествовавшими переворотами, происходившими на крайнемъ Востокѣ,—оно отличалось отъ нихъ, однако, чертами несомнѣнно чужеземнаго происхожденія. Народныя банды, группиро-

вавшіяся вокругъ организаторовъ возстанія, вспыхнувшаго послѣ продолжительной тайной подготовки въ 1850 г., принадлежали почти исключительно къ сословію «хакка», къ презиравшимся всѣми пролетаріямъ

№ 452. Китай въ эпоху тайпинговъ.

1 : 15.000 000



Имперія тайпинговъ (1851—1862) отмѣчена косой штриховкой. Городъ Юнгъ-нганъ въ Куанъ-си былъ взятъ тайпингами осенью 1851 г., Нанкинъ—19 марта 1853 г., Нинъ-по 9 декабря 1861 г. Этотъ городъ былъ отнятъ у нихъ въ 1862 г., Шао-Хингъ и Су-ченъ—въ 1863 г., Чанъ-хенъ, Ханъ-шенъ, Ху-ченъ,—весною 1864 г., Нанкинъ, наконецъ, 19 іюля 1864 г.

береговъ Си-кіана и его притоковъ,—въ нихъ видятъ сѣверныхъ китайцевъ очень чистой расы, переселившихся сюда въ страну «пупти» или «корней земныхъ», т.-е. туземцевъ, образующихъ главныя массы

населенія Куанъ-Туна. Возставшіе были, такимъ образомъ, чистокровными китайцами и во время своего побѣдоноснаго шествія чрезъ центральныя провинціи Китая, вдоль величайшей жизненной артеріи Срединной имперіи, они пріобрѣтали себѣ приверженцевъ исключительно среди китайцевъ-патріотовъ, для которыхъ владычество маньчжурской династіи являлось однимъ изъ жесточайшихъ униженій: символомъ освобожденія было: оставлять волосы свободно расти согласно съ древнимъ обычаемъ—отсюда и наименованіе «чанъ-мао» или «длинноволосыхъ», которое было дано всѣмъ повстанцамъ. И эти чистокровные китайцы подверглись столь сильно вліянію и проповѣди немногочисленныхъ миссіонеровъ, которыхъ они понимали лишь на половину, и подпали въ такой мѣрѣ дѣйствію весьма посредственныхъ религіозныхъ трактатовъ, что сдѣлали Библію своею священною книгою, причемъ перевели часть ея на китайскій языкъ, стали считать Іисуса Христа однимъ изъ своихъ боговъ и признали протестантовъ своими «собратьями по вѣрѣ». Они приводятъ съ благоговѣніемъ «десять великихъ небесныхъ законовъ»,—не что иное какъ десять заповѣдей евреевъ, переведенныхъ ими съ полною точностью, но съ добавленіемъ запрещенія примѣнять «нечистыя вещи», т.-е. опіумъ и табакъ. Коммунизмъ первыхъ христіанъ, пробудившій въ нихъ долго дремавшія атавистическія чувства, несомнѣнно содѣйствовалъ тому, что ими была провозглашена общность имуществъ, и было рѣшено реорганизовать владѣнія землею на основѣ образованія ассоціацій изъ 25 семей, владѣющихъ общею земельною собственностью.

Въ теченіе 14 лѣтъ тайпинги образовывали государство въ государствѣ, и весьма вѣроятно, что имъ удалось бы совершенно нарушить политическое равновѣсіе всего китайскаго міра, если бы, съ одной стороны, они не подчинились властителю, увлекавшемуся слишкомъ безпочвенными идеями и охваченному безуміемъ власти, властителю, который, сдѣлавшись однимъ изъ лицъ «святой Троицы», не считалъ болѣе землю достойной своего взгляда [1]), и если бы, съ другой стороны, они не затронули неблагоразумно европейскаго населенія на берегахъ Китая. Европа предпочитала имѣть дѣло съ дряхлымъ подчинявшимся ея велѣніямъ пекинскимъ правительствомъ, слабыя стороны котораго ей были извѣстны, чѣмъ вступать въ новыя дипломатическія сношенія и комбинаціи и приспособляться и приспособлять свои собственные интересы и выгоды къ таковымъ реформированнаго Китая. Въ силу этого наемныя войска всевозможныхъ національностей, находившіяся подъ командованіемъ французскихъ, англійскихъ и американскихъ авантюристовъ, въ родѣ Бретонъ де Колиньи, д'Экбеля, Уарда, Бургвиня, Гол-

1) Lindesay Brine, «The Taeping Rebellion in China».

ланда и благороднаго Гордона, котораго пріятнѣе было бы видѣть въ другой кампаніи, выступили противъ возставшихъ, чтобы покорить ихъ и подчинить маньчжурскому правительству. Такимъ образомъ, при помощи европейцевъ же удалось правящему Китаю избавиться отъ возстанія, вызваннаго въ значительной степени подъ вліяніемъ самой Европы: это вліяніе чужеземцевъ сказывалось, несмотря на то, что они были очень малочисленны по сравненію съ колоссальною массою китайцевъ; оно выражалось столь сильно, что вліяніе его проявлялось какъ въ дѣйствіяхъ правительства, такъ и въ глубокихъ переворотахъ, совершавшихся въ народныхъ массахъ.

Однако, европейцы желали получить и нѣкоторую часть оффиціально признанной власти надъ страною, и еще до конца возстанія тайпинговъ разгорѣлась война. Великобританія и Франція взяли на себя задачу представлять интересы всего «цивилизованнаго міра». Бомбардировка и взятіе Кантона, затѣмъ двѣ послѣдовательныя атаки укрѣпленій Пей-хо и взятіе Тянь-Цзиня, наконецъ, побѣдоносная кампанія 1859 года, увѣнчавшаяся штурмомъ Пекина, сожженіемъ и разграбленіемъ Лѣтняго дворца—были главнѣйшими событіями этой англо-французской войны съ Китаемъ, обнаружившей ясно военное преимущество западныхъ державъ. Послѣ этихъ пораженій китайское правительство принуждено было уступить и непосредственно, по требованію европейскихъ пословъ, открыло цѣлый рядъ новыхъ портовыхъ городовъ для европейской торговли; кромѣ того, было увеличено и количество различныхъ привилегій, дававшихся европейцамъ, и имъ былъ даже предоставленъ контроль надъ китайскими таможнями. Въ то же время католическіе и протестантскіе миссіонеры устроились внутри страны въ мѣстностяхъ, которыя имъ казались подходящими, и совмѣщали въ своемъ лицѣ въ глазахъ китайскаго народа одновременно и китайскихъ чиновниковъ и лицъ, покровительствуемыхъ иностранными державами.

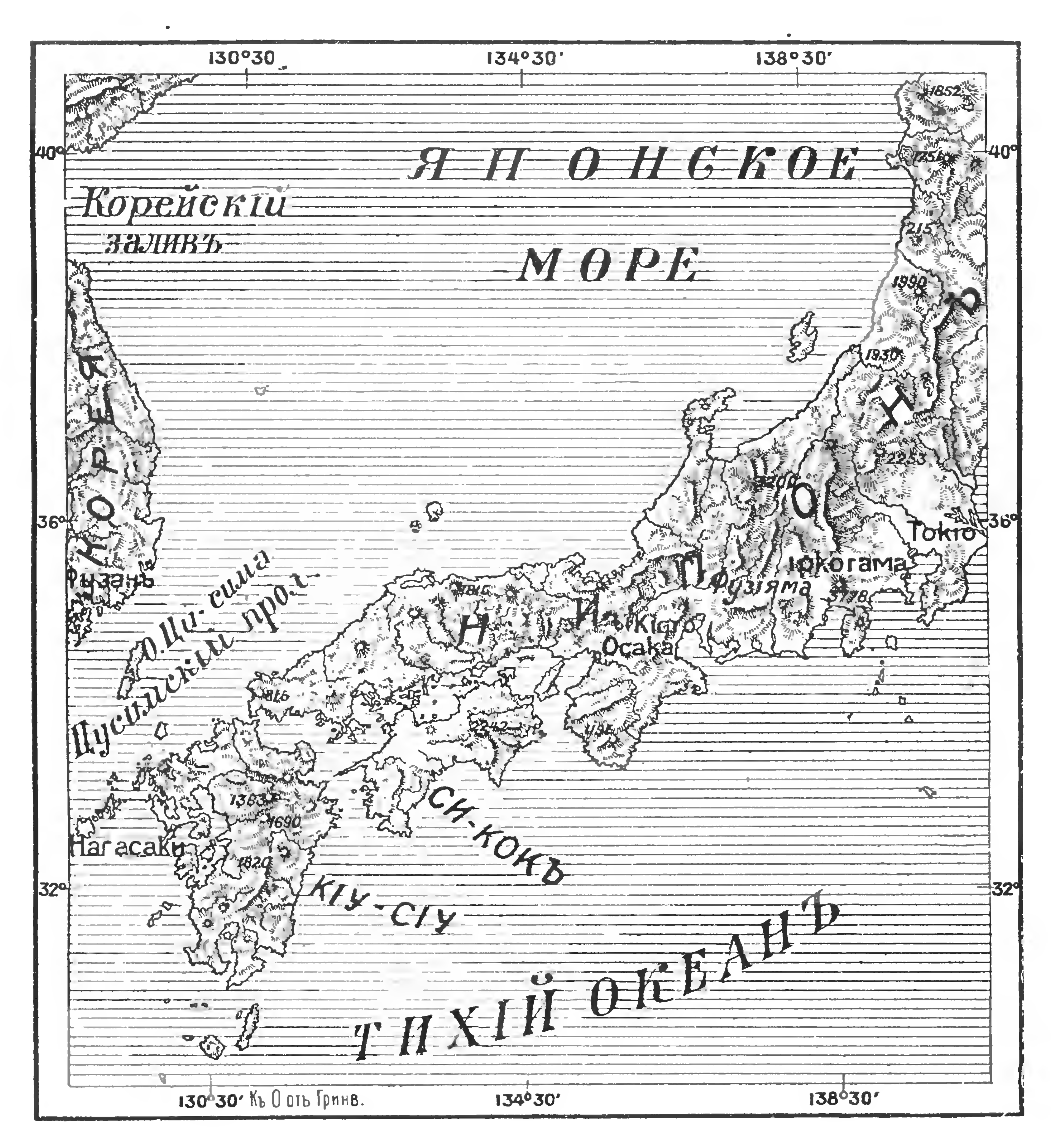
Въ Японіи произошелъ аналогичный переворотъ, но болѣе простымъ, болѣе благороднымъ и въ то же время болѣе драматическимъ способомъ,—политическіе и общественные результаты его являются, пожалуй, въ XIX вѣкѣ наиболѣе замѣчательнымъ чудомъ исторіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ произошло ни болѣе, ни менѣе какъ внезапное изъятіе цѣлаго народа изъ замкнутаго круга восточной культуры и его вступленіе въ европейскій культурный міръ. Само собою разумѣется, что подобный переворотъ можетъ быть объясненъ лишь внутреннимъ давленіемъ чрезвычайной силы. Обыкновенно предполагаютъ, что требованіе начальника американской эскадры адмирала Перри, предъявленныя въ 1853 г. японскому правительству открыть для торговли

Соединенныхъ Штатовъ портовые города имперіи, были основною причиною этого великаго переворота; на самомъ дѣлѣ, они были не болѣе какъ поводомъ. Безъ сомнѣнія, американская республика, владѣвшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тою частью побережья Новаго Свѣта, которая располагается какъ-разъ противъ Японіи, должна была отыскивать новые заграничные рынки для своего новаго торговаго порта—Санъ-Франциско; точно также и Россія и всѣ другія европейскія державы, поспѣшившія послѣдовать примѣру Соединенныхъ Штатовъ и потребовавшія также свободнаго доступа въ японскія гавани для своихъ кораблей, имѣли своею главнѣйшею цѣлью—найти рынокъ для своихъ товаровъ въ Японіи. Однако, какъ ни была велика матеріальная и моральная сила, развитая этимъ объединеніемъ всѣхъ внѣшнихъ усилій, она все же не могла одержать верхъ надъ традиціонной, столь свято соблюдавшейся въ теченіе двухъ вѣковъ политикой Японіи иначе, какъ при томъ условіи, что этого дѣйствительно желала значительная часть феодальной аристократіи, японскихъ «дайміо», которые тогда управляли страной подъ личиною власти «сіогуна», освящаемой таинственнымъ призракомъ «микадо»! Любознательность японской аристократіи была пробуждена въ сильнѣйшей степени: Японія стремилась познакомиться съ этимъ чуждымъ ей міромъ, который зарекомендовалъ себя предъ нею событіями въ Китаѣ и прежде всего уже своими замѣчательными изобрѣтеніями. Какъ только имперія открыла свои двери, каждый изъ японскихъ аристократовъ сталъ добиваться того, чтобы обзавестись книгами, предметами европейской промышленности, машинами, старался построить себѣ пароходъ, чтобы на немъ объѣзжать свои владѣнія.

Однако, между патріотами-консерваторами и молодежью, охваченною стремленіемъ къ новизнѣ, долженъ былъ разыграться жесточайшій конфликтъ. Внутренній переворотъ, косвеннымъ слѣдствіемъ котораго явилось открытіе гаваней иностранцамъ, продолжалъ расшатывать прежнюю организацію имперіи, и уже 15 лѣтъ спустя послѣ появленія судовъ адмирала Перри все оказалось возобновленнымъ. Весь торговый міръ, т.-е. всѣ тѣ мелкіе феодалы, которыхъ можно сравнить съ буржуазіей западныхъ народовъ, вступили съ этого времени въ свободное сношеніе съ торговцами всѣхъ цивилизованныхъ державъ; крупные феодалы, сдѣлавшіе изъ Японіи обширную федерацію могущественныхъ представителей высшаго сословія, должны были теперь преклониться предъ центральною властью микадо, не возстановленною въ ея прежнемъ абсолютизмѣ, но измѣненною по образцу конституціонныхъ правительствъ Европы. Это подражаніе дошло даже до ребячества, но оно не перешло все же въ глупость. Обезьянничая съ европейцевъ, чтобы получить ихъ оружіе и воспользоваться ихъ законодательствами, и создавая сильную центральную власть, японскіе администраторы по-

заботились, вмѣстѣ съ тѣмъ, о томъ, чтобы отнять у европейцевъ, живущихъ въ Японіи, ихъ привилегіи консульской юрисдикціи; ничто не могло склонить ихъ также къ тому, чтобы предоставить европейцамъ

№ 453. Южная Японія.



право пріобрѣтенія хотя бы самой незначительной земельной собственности: Японія остается у себя дома полновластною хозяйкою.

Во многихъ случаяхъ принятіе японцами западныхъ нравовъ требуется молчаливо установленными условностями, которыя называются приличіями,—такъ, въ городахъ ношеніе платья сдѣлалось обязатель-

нымъ для всѣхъ; но на ряду съ тѣмъ возникло и стремленіе перенимать европейскій костюмъ, несмотря даже на тотъ существующій по самой природѣ контрастъ между европейцами и японцами, который наблюдается въ ихъ скелетѣ, въ фигурѣ, въ походкѣ, въ художественномъ вкусѣ и въ традиціяхъ. Но если, съ одной стороны, такъ много японцевъ проявляетъ этотъ забавный миметизмъ, то, надо замѣтить, что самъ народъ, находящійся въ сношеніяхъ съ европейцами, нерѣдко, напротивъ, обнаруживаетъ чрезмѣрный націонализмъ, переоцѣниваетъ свое собственное значеніе по сравненію съ другими народами и проявляетъ даже отвратительный шовинизмъ, основывающій славу своей страны на пораженіи другихъ и благосостояніе ея на разореніи соперниковъ. Въ силу естественнаго контраста, именно тѣ японцы, которые сочли себя обязанными подражать европейцамъ въ костюмѣ, въ этикетѣ и въ обхожденіи, обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величайшее отвращеніе къ чужестранцамъ; что касается народныхъ массъ, сохраняющихъ древніе нравы, старинныя традиціи и одѣянія, то онѣ обнаруживаютъ также и природное, свойственное японскому народу добродушіе и гостепріимство.

Изъ древнихъ религій удержался въ Японіи лучше всего шинтоизмъ—«путь боговъ», происхожденіе коего чисто-японское, такъ какъ въ этой религіи по существу нѣтъ ничего, кромѣ почитанія предковъ, т.-е. иначе преклоненія предъ самимъ народомъ; что касается буддизма, относительно котораго думали, что онъ внѣдрился въ самую глубину души японцевъ, то онъ является не болѣе какъ поэтическимъ воспоминаніемъ прежнихъ временъ, не болѣе какъ суевѣріемъ, въ родѣ вѣры въ фей и въ гномовъ. На самомъ дѣлѣ японцы сдѣлались даже болѣе европейцами, чѣмъ сами европейцы; большею частью они совершенно отбросили прежнія религіозныя представленія и вѣрятъ исключительно лишь въ законы, выведенные изъ точнаго наблюденія фактовъ и изъ опытной повѣрки ихъ.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что европейское вліяніе вызвало въ Японіи жестокую борьбу, между тѣмъ какъ по внѣшности, по крайней мѣрѣ, колоссальная масса китайскаго народа была захвачена въ гораздо меньшей степени.

Дѣло въ томъ, что европейскому вліянію чрезъ обширныя континентальныя массы гораздо труднѣе проникнуть, чѣмъ чрезъ Японскій архипелагъ, легко доступный со всѣхъ сторонъ. Въ серединѣ вѣка, когда имперія Восходящаго Солнца окончательно была уже охвачена эволюціоннымъ движеніемъ, Китай, населеніе котораго было, по меньшей мѣрѣ, въ десять разъ больше, оказывалъ и въ десять разъ болѣе сильное сопротивленіе тѣмъ иноземнымъ элементамъ, которые стремились

вызвать въ немъ переворотъ; такъ, окрашенная жидкость исчезаетъ, въ концѣ концовъ, будучи вылита въ большое количество чистой воды.

№ 454. Малаккскій проливъ.

1 : 5 000 000

0 100 200 300 килом.

Настоящими владѣніями Великобританіи является островъ Пинангъ, столица Джорджтоунъ и округъ Веллесли, область Диндингсъ, города Малакка и Сингапуръ. Протекторатъ Великобританіи распространяется на провинціи Перакъ, Селангоръ, Негри-Сембиланъ, Джохоръ и Пагангъ.

Между Японскимъ архипелагомъ и материкомъ Азіи располагается Корейскій полуостровъ, который по самому своему географическому положенію былъ поставленъ разыгравшимися въ серединѣ вѣка собы-

тіями въ очень невыгодныя политическія условія. Несмотря на то, что обширное протяженіе и очень рѣзко очерченная форма гарантировали ему, казалось бы, политическую индивидуальность, полуостровъ этотъ не могъ избѣжать цѣлаго ряда послѣдовательныхъ вторженій со стороны какъ той, такъ и другой имперіи, между которыми онъ былъ зажатъ, какъ между двумя челюстями. Взятіе Пекина союзниками и окончательное униженіе Поднебесной имперіи устранило, однако, для Кореи опасность китайскаго владычества, но вмѣсто Китая выступила другая могущественная его наслѣдница, которая, въ свой чередъ, стала оспаривать у Японіи преимущественное вліяніе на судьбы Кореи и теперь недавно была разбита на поляхъ Манчьжуріи. Въ теченіе цѣлаго полувѣка велись интриги и дипломатическія хитросплетенія, напоминающія игру въ шахматы тѣмъ безконечнымъ перемѣщеніемъ фигуръ, каковыми были министры и посланники, купцы и миссіонеры; главенство доставалось то одному, то другому правительству; Корея, подобно Марокко, Персіи и Сіаму, является не болѣе какъ добычей, оспариваемой другъ у друга жадными до наживы державами.

Тогда какъ европейское вліяніе сказывалось со столь неодинаковыми результатами на странахъ Дальняго Востока, на Китаѣ, Японіи и Кореѣ, которыя до того времени совершенно ему не подпадали, южная часть побережья Азіи, обращенная къ Зондскому архипелагу, была пріобрѣтена всецѣло одною изъ европейскихъ державъ. Франція, предпріимчивые политики которой весьма сожалѣли о томъ, что ими была утрачена часть Индійской имперіи, перешедшая въ XVIII вѣкѣ къ Великобританіи, стремилась въ отместку за это пріобрѣсть другія «Индіи». Въ 1859 г. Франція начала свое дѣло занятіемъ Сайгона въ низовьяхъ Меконга, и затѣмъ послѣдовательно, мало-по-малу, при помощи оружія и дипломатіи, была занята вся восточная часть Индо-Китая,—она была изслѣдована, нанесена на карты и пріобщена къ французскимъ колоніальнымъ владѣніямъ. Мирное населеніе Кохинхины, Аннама и Тонкина, получившее отъ Китая свое образованіе, оказывало лишь слабое сопротивленіе, и если бы къ нему относились со справедливостью, чего, впрочемъ, и странно было бы требовать отъ завоевателей, то они и вовсе не оказали бы никакого сопротивленія: будучи земледѣльцами, привязанными къ землѣ, они платятъ подати тому, кто ихъ требуетъ, и вслѣдствіе своей численности и своего прилежанія, равно какъ и благодаря плодородію почвы у той державы, которая ими владѣетъ, накопляются огромныя богатства. Несмотря на безсистемность постоянно смѣнявшихся режимовъ управленія, французскій Индо-Китай получилъ быстро чрезвычайно большое значеніе среди всѣхъ другихъ странъ Дальняго Востока.

Малайскій полуостровъ, соединяющійся съ континентальною частью

Индо-Китая и расположенный между Мартабанскимъ и Сіамскимъ заливами, по самой своей оріентировкѣ по отношенію къ Малаккскому проливу долженъ болѣе принадлежать къ Индіи, чѣмъ къ Китаю: въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось съ того времени, какъ «лучи свѣта исходили изъ Индіи». Дѣло въ томъ, что здѣсь вдоль западнаго берега полуострова проходитъ морской путь, котораго не обойти,—онъ

Оловянныя копи въ Перакѣ.

идетъ Малаккскимъ проливомъ, огибаетъ Сингапуръ или сосѣдніе островки и направляется далѣе свободно либо къ сѣверу, по направленію къ Банкоку, либо къ сѣверо-востоку, къ портамъ Кохинхины и Китая, либо, наконецъ, къ востоку и юго-востоку, къ островамъ Зондскаго архипелага. Потому легко понять, что именно заставило европейскія державы, при ихъ постепенномъ захватѣ земного шара, начать присоединеніе Индо-Китая со стороны западнаго побережья. Уже въ 1511 г. португальцы завладѣли городомъ Малаккой, который, благодаря своему положенію на одномъ изъ наиболѣе узкихъ мѣстъ пролива, сдѣлался главнѣйшимъ пунктомъ встрѣчи мореходовъ и въ теченіе уже болѣе двухъ вѣковъ былъ хорошо знакомъ всѣмъ капитанамъ судовъ, плававшихъ въ водахъ Малайскаго архипелага. Затѣмъ владѣльцами Малакки стали вслѣдъ за португальцами голландцы и, наконецъ, англичане. Англія захватила послѣдовательно сперва островъ Пуло-Пинанъ

и территорію, расположенную противъ Веллесли на полуостровѣ, затѣмъ островъ Сингапуръ и земли Перака, Селангора и Негри-Сембилапъ или «Девять государствъ»; лишь потомъ уже она распространила свою власть и на Пагангъ на восточномъ берегу: только въ 1888 г., почти четыре вѣка спустя послѣ прибытія европейцевъ на полуостровъ, обосновались они на берегахъ, обращенныхъ къ Китайскому морю [1]).

Время окончательнаго пріобрѣтенія европейцами всѣхъ береговъ океана въ этой области совпадаетъ со временемъ возстанія, носящаго названіе «возстанія сипаевъ». До того времени Индійская компанія пользовалась вдвойнѣ своими силами и своими деньгами, съ одной стороны, для того, чтобы увеличить постепенно обложеніе налогами полуострова, съ другой—она старалась вліять на англійскій парламентъ и выхлопатывать у него необходимыя средства для содержанія военныхъ силъ, въ которыхъ являлась надобность въ видахъ округленія и упроченія своихъ завоеваній. Между тѣмъ значительность государственныхъ интересовъ, связанныхъ съ владѣніемъ столь обширной имперіей, заставила, въ концѣ концовъ, британское правительство постепенно замѣнить собою компанію въ области административной и законодательной; но эта замѣна совершилась отнюдь не безъ промаховъ и ошибокъ, которые подрывали лишь престижъ властителей въ глазахъ большинства подданныхъ. Около этого времени, въ 1857 г., было неосмотрительно введено въ туземные полки Индіи новое оружіе—карабинъ Энфильда, патроны котораго мазались саломъ. Это обстоятельство неожиданно сблизило индусовъ и мусульманъ, которыхъ разъединяла традиціонная ненависть, тщательно поддерживавшаяся англичанами: какъ поклонники рогатаго скота, такъ и ненавистники свиного мяса были оскорблены въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, и это побудило ихъ къ неповиновенію и возстанію. Первый бунтъ произошелъ въ области Миратъ; здѣсь возставшіе сипаи были обращены въ бѣгство, но затѣмъ имъ удалось завладѣть городомъ Дели, центральнымъ городомъ Индостана, у котораго сходятся важнѣйшіе торговые пути, и который въ то же время является важнымъ стратегическимъ пунктомъ долины Инда и Ганга, равно какъ и естественной столицей имперіи. Всѣ недовольные, ободренные тысячами чудесъ и пророчествъ, которыя постоянно появляются въ такіе критическіе періоды, вообразили, что насталъ великій день освобожденія, и, въ свою очередь, присоединились къ возставшимъ: было ясно для всѣхъ, что судьба Англіи зависѣла всецѣло отъ того, удастся ли ей снова завладѣть городомъ Дели. Однако, область возстанія оказалась ограниченной: оно не распространилось на Пенджабъ и затронуло лишь слабо Мадрасъ и Бомбей; бо̀льшая часть индійскихъ князьковъ осталась вѣрной англійскому правительству, которое

1) Hugh Clifford, The Geographical Journal, january 1899.

ихъ содержало; афганцы же довольствовались тѣмъ, что созерцали происходящія военныя событія съ высоты своихъ горъ. Англичане повели дѣла удачно и послѣ четырехмѣсячной осады взяли Дели; война, однако, тѣмъ не менѣе, продолжалась болѣе года съ перемѣннымъ счастьемъ и сопровождалась страшными кровопролитіями и чудовищными жестокостями. Конечно, «цивилизованные» воители, одержавшіе, въ концѣ концовъ, побѣду, говорятъ съ негодованіемъ о преступленіяхъ, совершавшихся ихъ противниками, и одобряютъ свою собственную энергію въ той политикѣ террора и безжалостнаго истребленія, какую они вели.

Удайпуръ —Дворецъ Шахъ-Джехана.

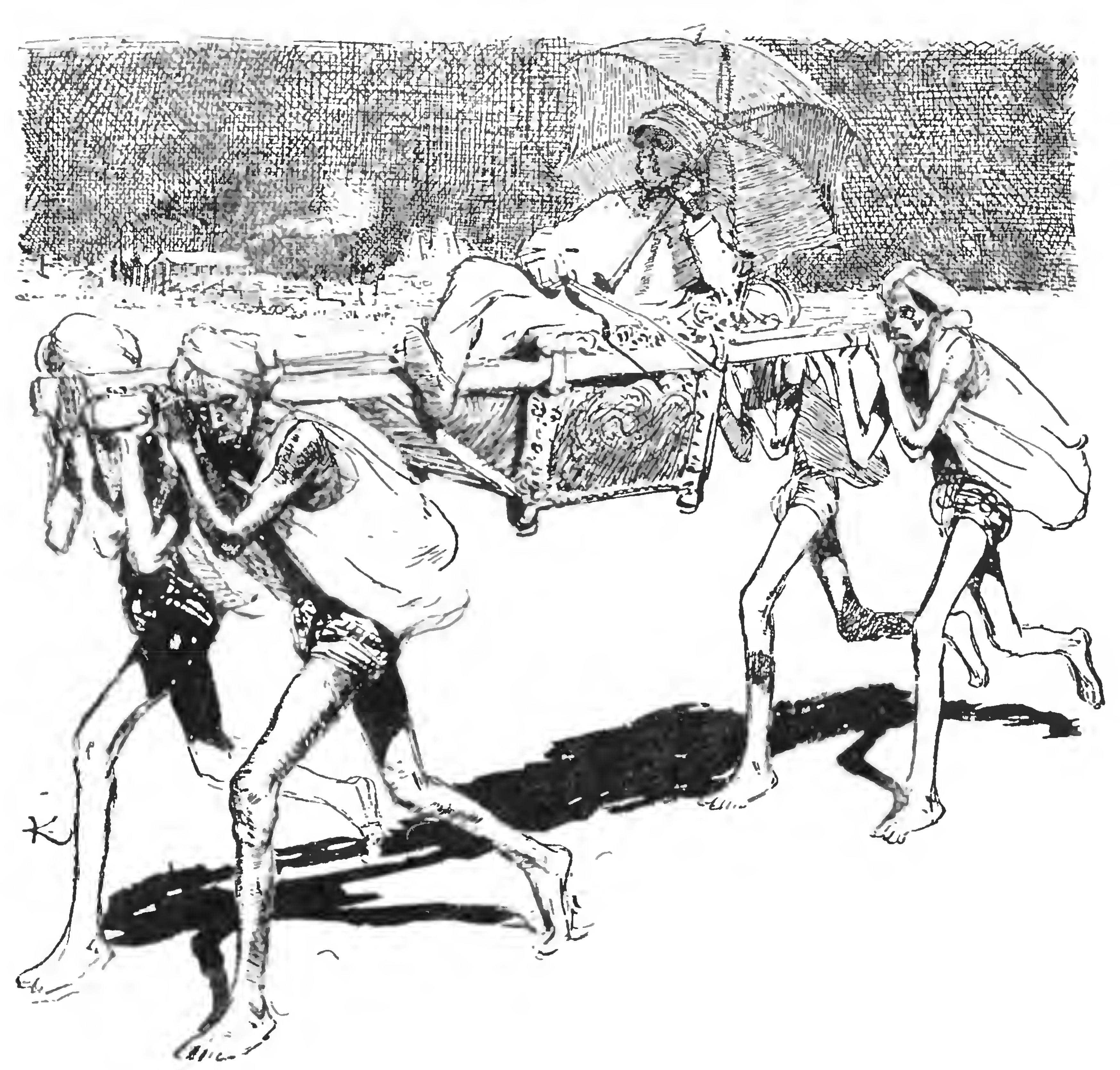
Индійская компанія среди этихъ шумныхъ событій погибла, и 1 ноября 1858 г. королева Викторія издала манифестъ, которымъ непосредственно принимала Индію подъ свою власть. Англія взяла на себя, такимъ образомъ, отвѣтственность за управленіе этой обширной имперіей, которая въ эпоху ея завоеванія имѣла не менѣе 220 милліоновъ обитателей. Можно ли было, спрашивается, принять на себя эту отвѣтственность и можно ли было управлять страною на такомъ далекомъ разстояніи, при полнѣйшемъ незнакомствѣ съ нею; являлось ли возможнымъ, дѣйствительно, серьезно и тщательно охранять инте-

ресы этого колоссальнаго населенія? Прежде всего уже была полнѣйшей иллюзіей увѣренность въ томъ, что самъ англійскій народъ можетъ открыто и честно взять на себя защиту англійскихъ народностей, нравы которыхъ столь сильно отличаются отъ его собственныхъ. Мелкая буржуазія и пролетарскія массы Англіи едва начинали еще сами дѣйствовать на пользу своего собственнаго освобожденія; не будучи даже еще проникнуты чувствомъ симпатіи къ своимъ собственнымъ собратьямъ по Соединенному королевству—къ ирландцамъ, они едва ли могли быть чувствительными къ тѣмъ несправедливостямъ, которыя совершались по отношенію къ индусамъ! Управленіе отдаленными колоніями поручалось ими высшей политической кастѣ, и въ нѣдрахъ самой этой касты заботы объ индійскихъ дѣлахъ сваливались, разумѣется, на немногихъ лицъ, притомъ на лицъ изъ крупныхъ администраторовъ или капиталистовъ, которые уже по самому существу своему должны были быть угнетателями Индіи и расхитителями ея богатствъ: въ дѣйствительности, такимъ образомъ, прежній режимъ Индійской компаніи сохранился и лишь принялъ новую внѣшнюю форму,—британская аристократія не упустила изъ своихъ рукъ лакомую добычу!

Между тѣмъ возстаніе сипаевъ все же измѣнило кое-что въ общемъ равновѣсіи индусскихъ народовъ: оно являлось какъ бы предчувствіемъ лежащаго въ отдаленномъ будущемъ національнаго объединенія Индіи. Конечно, среди возставшихъ сипаевъ, которые принадлежали ко всевозможнымъ народностямъ и понимали другъ друга, лишь пользуясь особымъ военнымъ жаргономъ, не могло быть и рѣчи о томъ чувствѣ, которое называется «патріотизмомъ» на западѣ. Повстанцы Индіи, поклонники Вишну, Сивы или Магомета, по происхожденію махратты, раджпуты или бенгалы, разумѣется, совершенно не поняли бы даже такихъ лозунговъ, какъ «Индія для индусовъ» или «объединеніе Индіи»,—лозунговъ, подобныхъ объединявшимъ итальянскую буржуазію въ одно великое цѣлое; еще въ меньшей степени могли они повторять слова германцевъ: «земля наша простирается повсюду, гдѣ раздается нѣмецкій языкъ». Ихъ объединяли отнюдь не сыновняя любовь къ землѣ-кормилицѣ и не чувство братской солидарности съ товарищами по труду и по существованію: ихъ объединяли перенесенныя сообща страданія, ненависть противъ чужеземцевъ, презиравшихъ ихъ и обращавшихся съ ними жестоко, наконецъ, полная неспособность понять этихъ чужеземцевъ, являвшихся существами совершенно иной касты. И, тѣмъ не менѣе, изъ этого отрицательнаго патріотизма, требующаго активнаго объединенія усилій и временной, по крайней мѣрѣ, дружбы между собою въ теченіе общихъ трудовъ, общихъ битвъ, нерѣдко общаго плѣна и смерти, зародился все же извѣстный спеціально индусскій патріотизмъ, объединяющій въ движеніи противъ англичанъ народы са-

маго различнаго происхожденія, разъединенные ненавистью и наслѣдственными традиціями. Изъ самаго пораженія возникла идея будущей побѣды, въ которой примутъ участіе всѣ народности этой огромной страны—страны, которая, какъ теперь хорошо извѣстно, представляетъ замѣчательно ясно выраженное географическое цѣлое, располагающееся между почти непроходимыми хребтами горъ на сѣверѣ и обоими морями, соединяющимися на югѣ. Сѣть желѣзныхъ и колесныхъ дорогъ, возникшихъ изъ стратегической и торговой надобностей, покрыла полуостровъ со времени этого возстанія и придала ему значеніе, какого онъ не могъ имѣть еще въ ту недавнюю эпоху, когда обширныя пространства Азіи должны были казаться ихъ обитателямъ міромъ совершенно безпредѣльнымъ.

Несмотря на разнообразіе расъ, нарѣчій и кастъ, Индія находится на пути къ единству, совершенно подобно Италіи, и на пути къ пріобрѣтенію единой воли и единой власти, создаваемой объединеніемъ ранѣе не связанныхъ между собою элементовъ. Этого и достаточно: вѣдь во всѣ времена ничтожное меньшинство опредѣляло всѣ движенія безвольныхъ, подчиненныхъ ему народныхъ массъ!



ОСВОБОЖДЕНІЕ НЕГРОВЪ И КРЕСТЬЯНЪ.

◆◆◆

Хронологія.

1850 г. — 15 ноября новый парламентъ приводитъ Германію къ положенію, существовавшему до 1848 г.

1851 г. — 2 декабря государственный переворотъ Луи-Наполеона, избраннаго 20 декабря по плебисциту.—Въ Китаѣ тайпинги начинаютъ свое побѣдоносное шествіе.

1854 г. — 10 апрѣля заключенъ англо-французскій союзъ, направленный противъ Россіи; 20 сентября высадка союзниковъ въ Евпаторіи; осада Севастополя, который взятъ 8 сентября 1855 г.

1856 г. — 16 ноября и 29 декабря 1857 г. англичане бомбардируютъ Кантонъ.

1858 г. — 14 января покушеніе Орсини (141 убитыхъ и раненыхъ).

1859 г. — Съ мая по іюль—итальянская кампанія.—Въ октябрѣ возстаніе Джона Броуна.

1860 г. — Съ іюля по октябрь—пекинскій походъ и разграбленіе Лѣтняго дворца.—Съ мая по сентябрь «тысяча» Гарибальди завоевываетъ королевство Обѣихъ Сицилій; пьемонтцы нападаютъ на Папскую область и присоединяются къ Гарибальди.

1861 г. — 13 февраля капитуляція Гаэты.—3 марта (19 февраля) манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. — 12 апрѣля первыя враждебныя дѣйствія въ Соединенныхъ Штатахъ.—21 іюля сѣверяне разбиты при Буль-Рёнѣ.

1862 г. — Гарибальди разбитъ пьемонтцами при Аспромонте.—Тайпинги нападаютъ на Шанхай.—Сѣверяне разбиты во многихъ сраженіяхъ, но препятствуютъ южанамъ удерживать свою область сѣвернѣе Потомака.

1863 г. — Возстаніе въ Польшѣ.—Германцы занимаютъ Голштинію.— Отъ 2 до 4 іюля побѣда сѣверянъ при Геттисбургѣ и взятіе Виксбурга.

1864 г. — 1 февраля Пруссія и Австрія вторгаются въ Данію.— 19 іюля взятіе Нанкина.—Походъ Шермана на Саванну и Гранта на Ричмондъ.

1865 г. — 9—17 апрѣля сдача Ли и Джексона близъ Ричмонда.— 14 апрѣля убійство Линкольна.

> Человѣкъ начинаетъ себя чувствовать все болѣе и болѣе человѣкомъ въ средѣ великаго братства, именуемаго человѣчествомъ.

Глава девятнадцатая.

НАСЕЛЕНІЕ АМЕРИКИ.—ТОРГОВЛЯ НЕГРАМИ.—ВОСПИТАНІЕ РАБОВЪ.—ДВИЖЕНІЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ НЕГРОВЪ.—ПОПЫТКА ДЖОНА БРОУНА.—ЭМИГРАЦІЯ ИЗЪ ЕВРОПЫ ВЪ АМЕРИКУ.—ВОЙНА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ.—ОСВОБОЖДЕНІЕ ЧЕРНОКОЖИХЪ.—МЕКСИКАНСКАЯ ВОЙНА.—ДОКТРИНА МОНРОЭ.—УНИЧТОЖЕНІЕ РАБСТВА ВЪ РОССІИ.

Параллельно съ событіями въ Старомъ Свѣтѣ, Новый Свѣтъ долженъ былъ въ теченіе второй половины XIX вѣка претерпѣть крупныя измѣненія политическаго равновѣсія, вызванныя перемѣщеніемъ матеріальныхъ интересовъ и въ то же время идейнымъ движеніемъ. Тѣмъ не менѣе, было огромное различіе между переворотами современной Америки и революціями Европы и Азіи,—оно заключалось въ томъ, что на континентахъ Стараго Свѣта народы и классы, боровшіеся между

собой, по происхожденію своему были привязаны къ той самой землѣ, за которую они боролись, тогда какъ населеніе Новаго Свѣта пришло изъ-за моря и какъ по происхожденію, такъ и по идеямъ своимъ представляло собою чуть не самую передовую часть человѣчества.

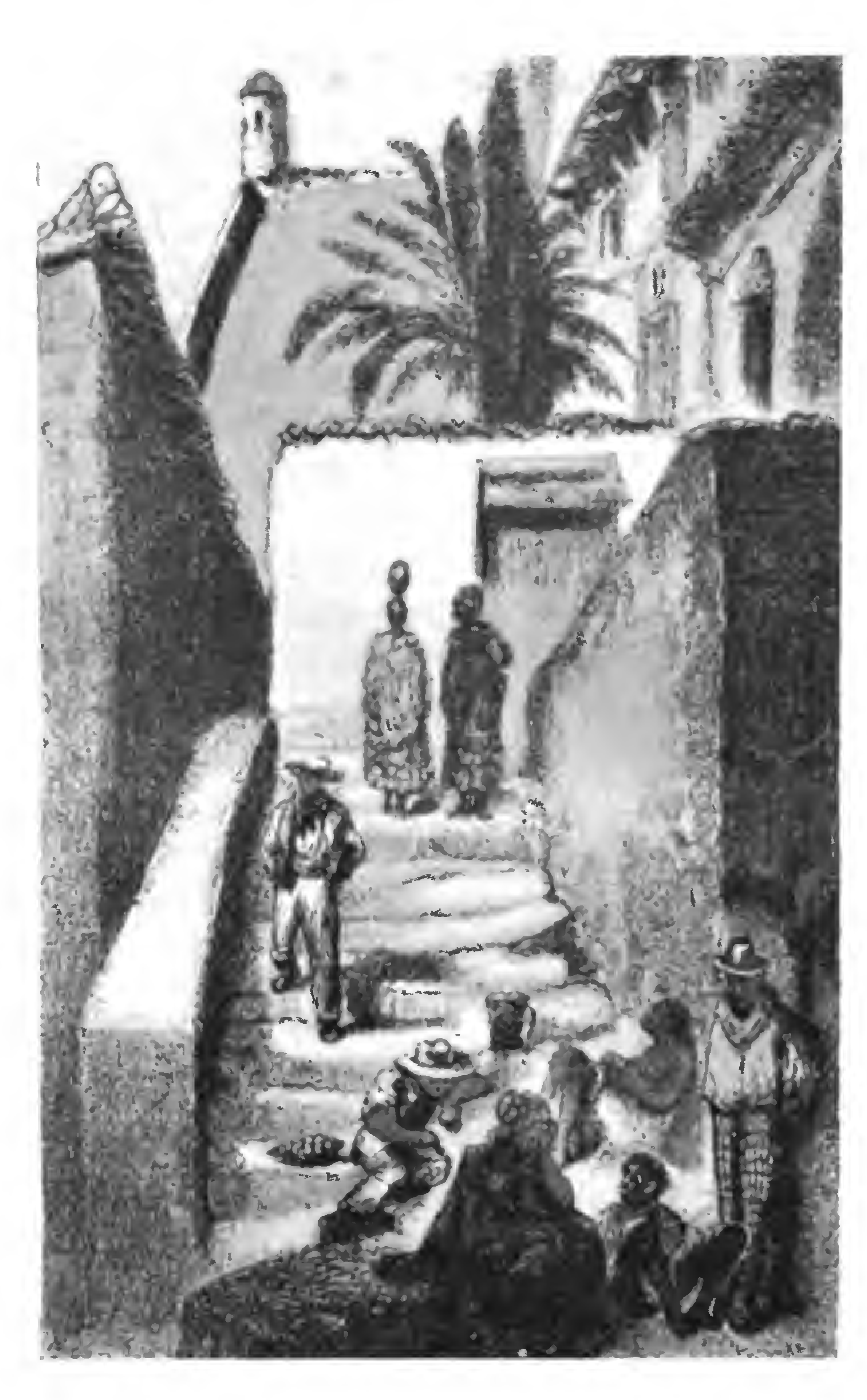
Туземцы обѣихъ Америкъ, очевидно, не были въ состояніи принимать сколько-нибудь крупнаго участія въ совершавшихся переворотахъ: въ лучшемъ случаѣ тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли, вовлекались также въ борьбу, захваченные общимъ движеніемъ. Народности, способныя ассимилироваться, т.-е. земледѣльческія племена, обитавшія въ странахъ, завоеванныхъ испанцами,—племена, которыя въ теченіе ряда вѣковъ почти совершенно смѣшались съ испанцами, вслѣдствіе скрещиванія, оказались насильственно втянутыми въ войны за испано-американскую независимость. Привлекаемые съ большей или меньшей силою въ сферу притяженія европейской цивилизаціи, эти элементы, благодаря закваскѣ, образованной потомками европейскихъ колонистовъ, содѣйствовали образованію новыхъ народностей латинской Америки. Что касается кочевыхъ охотничьихъ племенъ, которыя странствовали по центральнымъ областямъ Бразиліи и по значительной части Сѣверной Америки, то они не могли быть вовсе использованы европейцами въ качествѣ рабочаго элемента ни въ рудникахъ, ни на поляхъ, ни въ степяхъ. Тѣ ложные носители цивилизаціи, которые распоряжались въ Америкѣ, были неспособны цивилизовать ихъ непосредственно и были слишкомъ эгоистичны для того, чтобы примѣнять къ нимъ мягкія мѣры, воспитывать ихъ добрымъ къ нимъ отношеніемъ, какъ то пытался сдѣлать Вилльямъ Пеннъ,—ясно поэтому, что они обратились къ самому первобытному средству—къ варварскому истребленію туземныхъ племенъ.

Несмотря на это, туземная раса сѣверо-американскихъ индѣйцевъ все же не исчезнетъ совершенно съ лица земли,—значительная часть ея представителей оказывается въ настоящее время цивилизованной и свободно примѣшивается къ европейскому населенію; впрочемъ, среди истребителей этой народности имѣется немало людей и даже ученыхъ, которые оправдываютъ такое истребленіе: отнятіе на законномъ основаніи имущества и уничтоженіе слабыхъ сильными обычно любятъ выдавать за «законъ Дарвина»! На самомъ дѣлѣ то представленіе о мірѣ, какое выработали себѣ краснокожіе, было совершенно не совмѣстимо съ міровоззрѣніемъ «блѣднолицыхъ», и столкновеніе, неизбѣжнымъ образомъ, должно было разыграться между обоими непримиримыми элементами, какъ нѣкогда оно разыгралось между пастухомъ Авелемъ и земледѣльцемъ Каиномъ [1])!

Въ серединѣ XIX вѣка потомки туземцевъ были гораздо мало-

1) Paul Carus, The Monist, april 1899, p. 400.

численнѣе по сравненію съ другимъ этническимъ элементомъ, именно съ потомками африканскихъ негровъ, ввозившихся въ теченіе двухъ предшествовавшихъ вѣковъ работорговцами. Въ 1860 г., наканунѣ гражданской войны, которая должна была разыграться между обѣими половинами Сѣверо-Американской республики, насчитывалось уже около 4000000 чернокожихъ и метисовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, т.-е. въ 10 разъ болѣе, чѣмъ аборигеновъ-индѣйцевъ. Четыре пятыхъ этого количества чернокожихъ были рабами, и потому легко понять, что эта огромная масса не могла производить никакого непосредственнаго вліянія на окружающее населеніе, состоявшее изъ бѣлыхъ европейцевъ по происхожденію; помимо того, однако, и свободные негры были совершенно изгнаны изъ общества гражданъ европейской расы,—съ одной стороны, благодаря своему низменному происхожденію и бѣдности, съ другой—въ силу инстинктивнаго отвращенія къ этимъ «потомкамъ Хама», усиливавшагося еще болѣе религіей. Они являлись, такъ сказать, висящими въ пространствѣ, такъ какъ были заклеймены въ странѣ, въ которой жили, и совершенно порвали всякія связи со страною своихъ предковъ, откуда были насильственно вырваны. Они нерѣдко не знали даже, изъ какой части Африки происходятъ ихъ собственные дѣды, и въ какихъ мѣстахъ они жили послѣ превращенія ихъ въ рабовъ.



Улица въ Бахіи.

Даже и между Антильскими островами, которые по составу своего населенія являются настоящей Африкой Новаго Свѣта, и между родиной негровъ, расположенной восточнѣе, по ту сторону Атлантическаго океана, не было никакой матеріальной связи. Ввезенные изъ различныхъ областей Чернаго континента негры не были объединены между собой однимъ общимъ языкомъ: они постепенно объединялись теперь поневолѣ, принимая нравы, языкъ и религію своихъ прежнихъ господъ—французовъ, англичанъ, голландцевъ или испанцевъ. Безъ сомнѣнія, негры острова Гаити или Ямайки привязаны самымъ тѣснымъ образомъ къ своимъ африканскимъ предкамъ; они въ значительной степени слѣдуютъ ихъ міросозерцанію и ихъ образу мыслей: у нихъ въ употребленіи сходныя пословицы, проникнутыя такой же точно горькой ироніей; они воспроизводятъ тѣ же самыя пѣсни и проявляютъ такія же суевѣрія. То, что сохранилось на островѣ Гаити отъ религіи Воду, напоминаетъ очень поклоненіе змѣю въ храмѣ Вида. Но хотя все сходство въ образѣ жизни, въ привычкахъ и въ мысляхъ и поддерживаетъ нѣкоторую связь между разъединенными родственными населеніями, они все же не имѣютъ никакихъ прямыхъ между собою сношеній, и обитатели острова Гаити не признаютъ никакого другого отечества, кромѣ Франціи, страны своихъ прежнихъ господъ.

Лишь Бахія, столица Бразиліи, явилась единственнымъ городомъ Южной Америки, гдѣ внезапно завязались сношенія съ первоначальнымъ отечествомъ негровъ, съ Африкою,—тому причиною, по всѣмъ вѣроятіямъ, было то обстоятельство, что чернокожіе сами нерѣдко совершали путь чрезъ океанъ, попадая въ эту страну. Негры племени минасъ, образующіе настоящую цвѣтную аристократію въ этой части Новаго Свѣта, знали, по крайней мѣрѣ, по слухамъ о «странѣ коней», т.-е. о Золотомъ Берегѣ Африки, и имъ знакомо было названіе города Эльмины, находящагося въ центрѣ той страны, откуда ихъ предки были насильно увезены. Многіе изъ этихъ прежнихъ рабовъ или потомковъ рабовъ, сдѣлавшись свободными, вернулись въ свою родную страну и образовали въ прибрежныхъ городахъ могущественныя корпораціи. Торговые интересы, родственныя и дружественныя связи, увеличивающіяся все болѣе и болѣе, объединяли эти оба континента, находящіеся на довольно близкомъ разстояніи въ этой области, и, благодаря этой первой точкѣ соприкосновенія, несомнѣнно, станутъ возникать и впредь все болѣе и болѣе многочисленныя сношенія между американской Португаліей, каковою является Бразилія, и различными португальскими колоніями, уступленными теперь новымъ владѣльцамъ. У африканскихъ негровъ въ большей или меньшей степени смѣшанной расы, которые сами себя называютъ «португальцами», Бразилія извѣстна подъ наименова-

ніемъ «Табомъ»—сокращенное обычное привѣтствіе ихъ «ста бомъ», т.-е. «какъ поживаете» [1]).

Плантаторы Сѣверной Америки сдѣлали также попытку завязать прямыя сношенія съ негритянскими государствами и съ Гвинейскимъ

№ 455. Бывшій перешеекъ между Америкой и Африкой.

берегомъ; однако, начинаніе это не могло привести къ серьезнымъ результатамъ, такъ какъ оно, по крайней мѣрѣ, отчасти направлялось рабовладѣльцами, которые старались въ то же время быть филантропами и желали, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣлаться отъ освобожденныхъ рабовъ, перевести ихъ на берега Африки, чтобы ихъ собственные рабы не имѣли

1) Richard Burton, «To the Gold Coast for gold».

у себя передъ глазами постоянно освободившихся людей. Въ 1815 г. еще одинъ изъ разбогатѣвшихъ негровъ Массачузетса привезъ съ собою въ англійскія владѣнія въ Африкѣ, въ Сьерра-Леоне, около 40 своихъ соотечественниковъ, и въ подражаніе ему основались позднѣе различныя общества колонизаціи чернокожихъ; сліяніе этихъ обществъ въ 1848 году, въ этомъ великомъ году революціи, дало начало республикѣ Либерія, которая, впрочемъ, до настоящаго времени далеко не блестяще оправдала это свое наименованіе. О настроеніи умовъ защитниковъ рабства въ Соединенныхъ Штатахъ можно судить по тому обстоятельству, что сѣверо-американская республика была единственной изо всѣхъ великихъ державъ цивилизованнаго міра, которая отказалась признать это новое государство, возникшее на африканскомъ побережьѣ. Соединеннымъ Штатамъ казалось слишкомъ унизительнымъ снизойти до того, чтобы отвѣтить хотя бы простымъ словомъ вѣжливости чернокожимъ потомкамъ прежнихъ рабовъ!

Вслѣдъ за предположеніемъ отдѣлаться отъ свободныхъ негровъ путемъ ихъ выселенія изъ страны по естественной логикѣ вещей у плантаторовъ явилось желаніе отнять у отпущенныхъ на свободу рабовъ ихъ свободу, данную столь неосторожно владѣльцами прежнихъ временъ. Уже тогда, впрочемъ, свободные негры были таковыми лишь по названію: все, что составляетъ гражданскія права,—право собраній, право голоса, право выступать передъ судами—было у нихъ отнято: они не могли даже быть свидѣтелями на судѣ иначе, какъ развѣ противъ рабовъ или вообще противъ чернокожихъ; притомъ они не приводились къ присягѣ, такъ какъ считалось, что форма присяги слишкомъ высока и благородна для того, чтобы произноситься устами чернокожаго, привычными ко лжи [1]). Особый костюмъ, присвоенный неграмъ, дѣлалъ ихъ уже издали замѣтными для европейцевъ. Если кто-нибудь изъ негровъ рѣшался защищаться противъ наносящаго ему обиду или оскорбленіе европейца, онъ подвергался наказанію; если же онъ имѣлъ несчастье убить своего противника, его судили какъ убійцу. Выходить изъ своихъ жилищъ негры могли лишь въ опредѣленное время и въ опредѣленные же часы должны были возвращаться домой; если же ихъ встрѣчали въ непоказанное время на улицѣ, то они подвергались наказанію бичемъ [2]). Для путешествій имъ не давали паспортовъ и въ большей части Соединенныхъ Штатовъ имъ даже совершенно запрещалось всякое путешествіе по желѣзной дорогѣ,—такимъ образомъ, фактически свободные негры находились на положеніи заключенныхъ въ тюрьмѣ. По одному изъ рѣшеній высшаго суда—«они не обладали ни однимъ правомъ, какое обязаны были бы уважать европейцы; вполнѣ справед-

1) «Negro-law of South Carolina», pp. 13 ss.—2) Op. cit., p. 24.

ливымъ и законнымъ порядкомъ они могли быть снова обращены въ рабство на пользу европейцамъ» [1]).

И, дѣйствительно, такое обращеніе въ рабство и было постановлено Южными Штатами. Въ теченіе 1859 г. въ Арканзасѣ былъ вотированъ законъ, по которому изгонялись всѣ освобожденные негры, и 1 января слѣдующаго года были путемъ аукціона проданы въ рабство всѣ тѣ несчастные чернокожіе, которые не рѣшились покинуть этого штата. Такой же законъ объ изгнаніи негровъ былъ въ слѣдующемъ году изданъ въ штатѣ Миссури. Луизіана и Миссиссиппи точно также поторопились послѣдовать примѣру, поданному Арканзасомъ. Въ другихъ мѣстностяхъ того же самаго результата достигали лицемѣрными постановленіями, напримѣръ, обращеніемъ негровъ въ рабство подъ предлогомъ наказанія за лѣность, за пьянство или за безнравственный образъ жизни,—спрашивается, кто изъ негровъ не рисковалъ подвергнуться обвиненію въ безнравственности со стороны европейцевъ, которые желали заставить его работать на себя? Даже у воротъ самой столицы Соединенныхъ Штатовъ, въ штатѣ Мэрилендъ, сторонники рабства требовали, чтобы 75000 вольноотпущенныхъ государственныхъ рабовъ были снова обращены въ рабство и распредѣлены между гражданами европейской расы. На чемъ же основывалось столь жестокое требованіе?—На томъ, что свободный негръ развращается вслѣдствіе бездѣлья, и прямая обязанность европейца «позаботиться о томъ, чтобы онъ, трудясь, сталъ нравственнѣе. Такимъ образомъ, слѣдовательно, изъ любви къ неграмъ и съ воспитательными лишь цѣлями желали они сдѣлаться снова владѣльцами живого человѣческаго мяса! Правда, законодательное собраніе не рѣшилось опубликовать этотъ законъ открыто; оно установило его косвеннымъ образомъ, разрѣшивъ бѣлымъ брать по желанію дѣтей чернокожихъ и «позволивъ людямъ цвѣтной расы отказываться отъ своей свободы»—ужасающее разрѣшеніе, очень похожее на повелѣніе! Съ этого времени всякое освобожденіе негра отъ рабства стало абсолютно запрещено владѣльцу,—такое освобожденіе совершалось лишь въ силу закона, если негръ открывалъ и предавалъ тайный заговоръ своихъ соплеменниковъ противъ бѣлыхъ—одни лишь предатели считались достойными свободы!

Такимъ образомъ, рабство, явное и скрытое подъ наименованіемъ свободы чернокожихъ, становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ изъ года въ годъ въ силу того, что освобожденіе отъ него слишкомъ угрожало частнымъ интересамъ. Это было далеко уже не то время, какъ ранѣе, когда подъ вліяніемъ философіи XVIII вѣка плантаторы первые оплакивали это «отвратительное установленіе» и ставили въ вину Англіи

1) Revue de deux Mondes, 1-er décembre 1860.

«преступленіе», заключавшееся въ томъ, что она оставила имъ такое печальное наслѣдіе. Даже въ началѣ XIX вѣка на самомъ конгрессѣ Масонъ, Джефферсонъ и другіе произносили громовыя рѣчи противъ этого преступленія, навязаннаго имъ противъ ихъ собственной воли, и главнѣйшимъ образомъ именно среди плантаторовъ организовывались общества освобожденія негровъ. Даже еще въ 1831 и 1832 гг. законодательное собраніе Виргиніи обсуждало мѣры, которыя слѣдовало принять для постепеннаго искорененія рабства. Двадцать лѣтъ спустя, виргинецъ, который рѣшился бы по поводу рабства негровъ высказать то, что говорили его отцы, рисковалъ подвергнуться изгнанію изъ среды своего общества. «Было время,—говорилъ сенаторъ Гаммонъ,—когда у насъ были еще сомнѣнія и колебанія, но теперь мы не имѣемъ болѣе никакихъ сомнѣній... Наше сознаніе совершенно спокойно, наше рѣшеніе твердо и непоколебимо»! Знаменитый Каллунъ прибавлялъ къ этому, что «рабство—самая прочная основа и самое постоянное изо всѣхъ свободныхъ учрежденій въ мірѣ». И всѣ на перебой высказывали соображенія такого же рода, и, наконецъ, окончательная формула была произнесена однимъ изъ правителей штатовъ, Макъ Дюфи: «Рабство—краеугольный камень зданія нашей республики»!

Само собою разумѣется, что къ услугамъ богатыхъ людей и рабовладѣльцевъ была Церковь во всемъ своемъ цѣломъ, притомъ не только въ рабовладѣльческихъ штатахъ, но и въ штатахъ свободныхъ. Въ Библіи, какъ Ветхій, такъ и Новый Завѣтъ касается владѣнія человѣка человѣкомъ лишь въ томъ смыслѣ, что объявляетъ рабовъ такою же священною собственностью, какъ и всякая другая собственность Даже тѣ вѣроученія, которыя вначалѣ имѣли революціонныя тенденціи и утверждали вмѣстѣ съ Уисли, что «рабство—собраніе всѣхъ пороковъ», даже и эти вѣроученія дошли отъ уступки къ уступкѣ до разрѣшенія своимъ епископамъ дѣлаться воспитателями рабовъ. Одни лишь квакеры оставались въ этомъ отношеніи непреклонными ненавистниками рабства, и именно та секта, единственная изъ всѣхъ протестантскихъ сектъ, была среди нихъ лишена титула «братскаго вѣроученія».

Церковь въ лицѣ большинства своихъ пастырей подпала уже очень прочно вліянію рабовладѣльцевъ; необходимо было точно также подчинить и науку,—это и удалось по отношенію ко многимъ ея представителямъ. Съ одной стороны, духовные писатели установили наилучшимъ образомъ, что Ханаанъ, сиріецъ и его отецъ Хамъ, предокъ хамитовъ были прокляты Господомъ Богомъ, и что негры хотя и не были одинаковой съ ними народности, но все же были точно также прокляты; съ другой стороны, американскіе антропологи, принадлежавшіе всѣ къ сторонникамъ происхожденія человѣческаго рода отъ многихъ корней,

учили, что между бѣлыми и чернокожими существуетъ коренное, полнѣйшее и рѣзкое различіе, и чернокожіе—раса, безспорно, болѣе низкая, промежуточная между человѣкомъ и обезьяной. Иначе говоря, хотя съ точки зрѣнія сущности самаго ученія представители духовенства и науки находились въ полной между собою оппозиціи, но противорѣчіе это было не болѣе какъ кажущимся, такъ какъ ненависть объединяетъ

Продажа негритянки съ дѣтьми.
(Гравюра 1844 года).

всѣхъ, и въ оправданіе ея съ одинаковымъ правомъ можно было приводить аргументы какъ изъ одной, такъ и изъ другой области. Не все ли было равно, являются ли негры проклятымъ родомъ, на которомъ тяготѣетъ первородный грѣхъ, или же они представляютъ собою низшую равновидность Homo sapiens,—важно было, во всякомъ случаѣ, имѣть возможность объявить ихъ осужденными на вѣчное рабство!

Опираясь на силы, которыя въ другихъ случаяхъ являются всюду между собою враждебными, именно на церковь и на науку, сторонники рабства имѣли смѣлость заставлять негровъ самихъ признавать рабство естественнымъ условіемъ своего существованія. Конечно, среди этихъ несчастныхъ находились люди, дошедшіе до полнаго отреченія отъ своихъ правъ и гордившіеся своей собственной низостью: на всѣхъ рынкахъ, гдѣ продавались рабы, можно, бывало, видѣть негровъ, смѣявшихся на всѣ шутки бѣлыхъ покупателей и позволявшихъ себя ощупывать, нисколько отъ того не страдая. Они всходили на помостъ, скакали,

принимали различныя позы, сами расхваливали свои мышцы, свою силу и ловкость и въ особенности свой покорный нравъ; всѣ презирали ихъ, а они даже гордились этимъ всеобщимъ презрѣніемъ. Такимъ образомъ, нравственное воспитаніе чернокожихъ довершало воспитаніе физическое, которое въ центральныхъ штатахъ велось методически на одномъ уровнѣ со скотоводствомъ. Цѣна чернокожаго раба, какъ рабочаго животнаго, была въ Соединенныхъ Штатахъ, этой торговой и промышленной странѣ, болѣе научно поставлена, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ міра. Скотоводы Виргиніи, Кентукки, Миссури воспроизводили успѣшно надъ чернокожими тѣ опыты скрещиванія, которые производились надъ породами домашнихъ животныхъ, и результаты, полученные ими, были въ высокой степени замѣчательны. Въ серединѣ XIX в. эти штаты промежуточной между сѣверомъ и югомъ полосы, куда проникла уже промышленность европейцевъ съ ея платнымъ трудомъ, стали постепенно утрачивать интересъ къ земледѣлію и не производили ни хлопка, ни риса, ни сахара, какъ южные штаты побережья. Они занимались исключительно производствомъ и вывозомъ скота и рабовъ и продавали ежегодно до ста тысячъ чернокожихъ, называвшихся «виргинскими», на рынкахъ Чарлстона, Саванны, Мобиля и Новаго Орлеана. И надо сказать, что рабы эти были, дѣйствительно, превосходны,—это были удивительные результаты научно обоснованнаго приложенія практическихъ принциповъ скотоводства. Ихъ можно было сколько угодно ощупывать со всѣхъ сторонъ, пробовать ихъ ноги, руки, бедра,—всѣ мышцы ихъ были упруги, сильно напрягались и годились для всѣхъ работъ; грудь ихъ была колесомъ, бѣлые ряды прочныхъ зубовъ окаймляли ротъ. Разводившіе рабовъ предприниматели гордились своимъ двуногимъ скотомъ и увѣряли, что умѣютъ образовывать въ этихъ великолѣпныхъ тѣлахъ и такія души, какія требовалось. «Такъ какъ счастье заключается въ отсутствіи горя и заботъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—я полагаю, что наши 4 милліона рабовъ счастливѣйшіе люди подъ луною. Въ ихъ рай проникаетъ сатана подъ видомъ сторонника освобожденія отъ рабства»!

Можно было думать, что «республиканцы» Новой Англіи всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ хлопотали объ освобожденіи рабовъ,—на самомъ дѣлѣ, однако, полъ-вѣка спустя послѣ основанія республики никто и не думалъ о такомъ освобожденіи: всѣ придерживались свято буквы и духа конституціи, по которой рабство африканскихъ негровъ сохранялось. Первымъ изъ бѣлыхъ, кто рискнулъ поднять въ одномъ изъ журналовъ вопросъ объ освобожденіи негровъ, былъ Вилльямъ Ллойдъ Гаррисонъ, но его схватили, водили съ веревкой на шеѣ по улицамъ Бостона и ввергли въ тюрьму (1835). Этотъ журналистъ былъ, однако, настоящимъ героемъ и вскорѣ оказался уже не въ единственномъ числѣ: вокругъ него сгруппировалось нѣкоторое число храб-

рыхъ людей; въ каждомъ изъ большихъ городовъ зародилось общество аболиціонистовъ (сторонниковъ освобожденія негровъ отъ рабства), и эти общества стали быстро возрастать, въ особенности, когда у сторонниковъ рабства явилось желаніе ввести рабство въ настоящую политическую и моральную систему. Во имя «принципа» рабства южане ставили себя выше конституціи; точно также сѣверяне, вмѣстѣ съ Сумперомъ, стали призывать къ «высшему закону» и вмѣстѣ съ Венделемъ Филиппсомъ «проклинать отвратительную республику». Въ то время, какъ на югѣ стали преслѣдовать и вѣшать всѣхъ путешественниковъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ аболиціонистскихъ стремленіяхъ, въ сѣверныхъ штатахъ образовались кружки людей, возстававшихъ противъ законовъ, возникали тайные союзы, имѣвшіе цѣлью спасать бѣглыхъ рабовъ и препровождать ихъ въ свободную страну, въ Канаду, «подземными путями», т.-е. по надежнымъ тропинкамъ, соединяющимъ между собою тѣ немногочисленные гостепріимные дома, которыхъ двери всегда бывали открыты ночью для несчастныхъ чернокожихъ. Однако, вплоть до той эпохи (1851 г.), когда Бичеръ-Стоу опубликовала свой знаменитый романъ «Хижина дяди Тома», который растрогалъ весь міръ вплоть до Африки и до глубинъ Китая, партія сторонниковъ освобожденія отъ рабства открыто презиралась всѣми, кто имѣлъ хорошія манеры, благородныя мысли и изящную рѣчь. Говорить о чернокожихъ съ симпатіей считалось признакомъ вульгарности; совершенно такъ же, какъ 50 лѣтъ спустя названіе «анархистъ», и названіе «аболиціонистъ» отмѣчало не только преступность, но еще и невѣжество носящаго его. Ученые были въ этомъ отношеніи согласны съ представителями высшихъ слоевъ. Бостонъ называлъ себя «the hub of the Universe»—«ступицею мірового колеса»—и, несмотря на то, въ этомъ міровомъ центрѣ всякая идея, направленная къ освобожденію чернокожихъ, отвергалась съ презрѣніемъ тѣми, кто претендовалъ на моральное господство надъ всѣмъ человѣческимъ обществомъ. Гарвардскій университетъ, во всемъ своемъ цѣломъ, профессора и студенты высказали торжественное осужденіе этому дурному ученію объ освобожденіи негровъ отъ рабства!

Въ то же время различіе экономическихъ условій между сѣверомъ и югомъ и въ особенности диктаторскій духъ, овладѣвшій политиками, сторонниками рабства, должны были сдѣлать войну между обѣими половинами американской республики неизбѣжной: еще задолго до окончательной борьбы возникали мѣстами рѣзкія столкновенія,—вѣдь одною изъ основныхъ чертъ исторіи является, что всегда предшествующія судороги наблюдаются наканунѣ крупныхъ переворотовъ. Такимъ образомъ, послѣ рѣшенія конгресса, которымъ въ 1854 г. были созданы два новые штата, Канзасъ и Небраска, война разгорѣлась внезапно въ

первой изъ этихъ областей между сторонниками рабства и свободными колонистами. Рабовладѣльцы Миссури, возбужденные издали политиками конгресса, желали, во что бы то ни стало, хотя бы силою населить Канзасъ порабощенными неграми. Въ день голосованія миссурійцы ворвались въ залы, гдѣ происходило избраніе, умертвили земледѣльцевъ, пришедшихъ изъ свободныхъ областей, и затѣмъ торжественно провозгласили свою побѣду. Съ другой стороны, цѣлый потокъ рабочаго люда продолжалъ направляться изъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ штатовъ на новыя территоріи: произошло не мало серьезныхъ вооруженныхъ столкновеній. Это было прелюдіей къ великой войнѣ, которая должна была разыграться тамъ нѣсколько лѣтъ спустя; множество народа, принимавшаго участіе въ этихъ столкновеніяхъ, подготовилось въ нихъ къ продолжительной и страшной борьбѣ. Канзасъ былъ завоеванъ сѣверянами, защитниками освобожденія негровъ, но на самомъ дѣлѣ онъ пропалъ для послѣднихъ, такъ какъ первымъ параграфомъ конституціи новаго штата запрещалось каждому негру, будь то рабъ или свободный человѣкъ, когда-либо вступать на его территорію: всюду и вездѣ видимъ мы компромиссы между добромъ и зломъ!

Единственною причиною гражданскихъ войнъ Канзаса были матеріальные интересы: для борьбы за идею не хватало революціоннаго увлеченія. Чернокожіе рабы были слишкомъ скованы по рукамъ и по ногамъ и не имѣли возможности возбудить сами войну за свое освобожденіе,—рабовладѣльцы располагали слишкомъ значительными матеріальными силами, и спеціальная полиція, наблюдавшая за плантаціями, дѣйствовала настолько строго, что малѣйшая попытка тотчасъ же подавлялась. Благороднѣйшими и великодушнѣйшими представителями народа явилось нѣсколько представителей бѣлаго населенія, и во главѣ ихъ Джонъ Браунъ. Этотъ виргинскій фермеръ, по происхожденію своему сѣверянинъ, проектировалъ собрать вокругъ себя цѣлую армію бѣглыхъ чернокожихъ и основать вмѣстѣ съ ними воинственную республику въ горахъ Аллегени, превращенныхъ въ неприступную крѣпость. «Самъ Богъ—говорилъ онъ—создалъ эти горы, чтобы сдѣлать изъ нихъ мѣсто для защиты возставшихъ рабовъ»! Будучи убѣжденнымъ пуританиномъ, но въ то же время человѣкомъ скорѣе дѣйствія, чѣмъ молитвы, онъ считалъ себя избраннымъ извлечь мечъ во славу Господа Бога и начать войну за освобожденіе чернокожихъ. Война эта продолжалась недолго, была чисто-мѣстной и совершенно незначительной по количеству сражающихся, но она все же являлась героическимъ подвигомъ со стороны нападающихъ и благороднымъ дѣяніемъ по той цѣли, которую преслѣдовала, гораздо болѣе благороднымъ, чѣмъ позднѣйшая, такъ называемая «война за освобожденіе». Тогда какъ послѣдняя, всколыхнувшая милліоны людей, въ теченіе четырехъ долгихъ лѣтъ развернулась въ

цѣломъ рядѣ ужаснѣйшихъ столкновеній, не стремясь сдѣлать ни малѣйшей попытки къ измѣненію текста конституціи,—борьба, вылившаяся въ возстаніи Джона Брауна, совершилась безъ какого-либо лицемѣрія, внѣ какихъ-либо оффиціальныхъ и условленныхъ дѣйствій. Герой возстанія былъ вдохновителемъ всѣхъ тѣхъ, кто въ позднѣйшей великой борьбѣ видѣлъ въ немъ предъ своими глазами истинный идеалъ честнаго борца. И совершенно справедливо гласилъ припѣвъ къ воинственному гимну, который распѣвался позднѣе освобожденными неграми: «Духъ Джона Брауна шелъ впереди насъ»!

Джонъ Браунъ.
Род. въ 1800 г., повѣшенъ 2 декабря 1859 г.

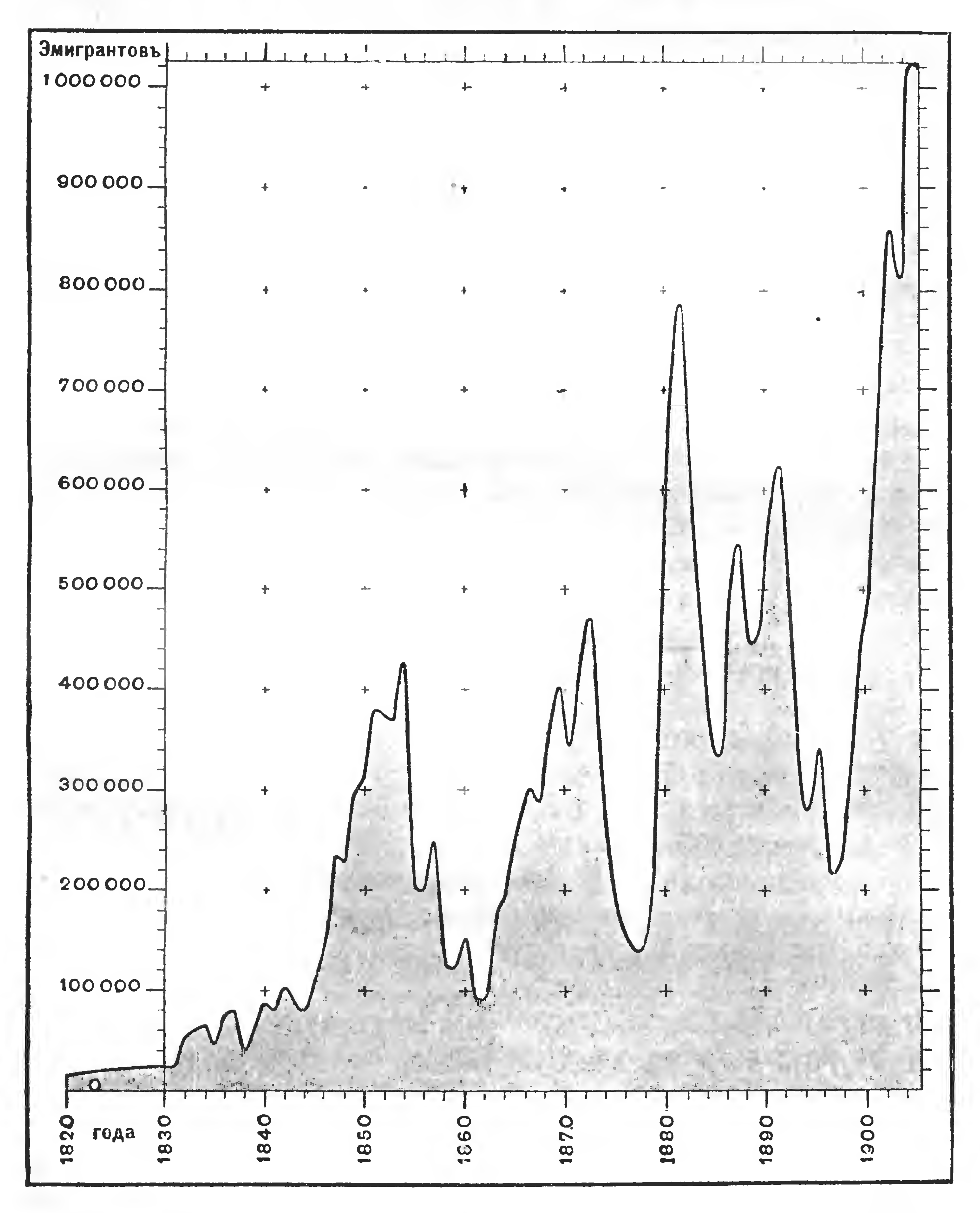
Что касается фактическихъ условій этого небольшого мѣстнаго возстанія, то величественная оффиціальная исторія старается, повидимому, забыть ихъ, и въ тѣхъ самыхъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ столь охотно сохраняется всякое воспоминаніе о великихъ людяхъ, гдѣ съ суевѣрнымъ уваженіемъ относятся ко всему, что имъ принадлежало, нельзя найти ни камня, ни надписи, которая въ хвалебныхъ или, по крайней мѣрѣ, подходящихъ выраженіяхъ прославляла бы память Джона Брауна. Въ 1859 году, 16 октября, онъ съ 22 своими друзьями и со своими собственными сыновьями завладѣлъ складомъ оружія, находившимся въ городѣ Гарперсферри. Этотъ городъ, какъ стратегическій пунктъ, лежащій при сліяніи Потомака и Шинандоа, былъ превосходно выбранъ, и, если бы негры изъ окрестностей пришли на помощь

если бы возстаніе постепенно распространилось изъ страны въ страну, тамъ можно было бы удерживаться чрезвычайно долгое время, но возстанія вовсе не произошло, и со всѣхъ сторонъ появились вооруженныя силы виргинцевъ, начавшія осаду. Небольшая кучка людей была частью уничтожена, частью захвачена, и Джонъ Браунъ, покрытый ранами, былъ повѣшенъ 2 декабря въ одной изъ деревень по сосѣдству съ Гарперсферри. Передъ тѣмъ, какъ надѣть на шею веревку, онъ поцѣловалъ въ лобъ негритенка, находившагося среди любопытныхъ,—это было его послѣднее дѣяніе и въ то же время символъ и выраженіе надежды на лучшее будущее, которое, впрочемъ, еще и до сихъ поръ не осуществилось среди народностей американской республики.

Если историки Соединенныхъ Штатовъ, болѣе вѣрные буквѣ, чѣмъ духу исторіи, не оказываютъ полной справедливости возстанію Джона Брауна, то еще менѣе отдаютъ они себѣ отчетъ въ томъ огромномъ содѣйствіи, которое оказывалъ окончательной побѣдѣ сѣвера тотъ потокъ эмигрантовъ изъ Европы, который непрерывно двигался въ Америку,—въ страну притекали въ огромномъ числѣ люди, полные силъ и энергіи, жаждущіе труда и приключеній, притомъ въ большинствѣ случаевъ еще болѣе приверженные свободѣ, чѣмъ сами американцы. Эмиграція изъ Европы въ Новый Свѣтъ является экономическимъ и соціальнымъ факторомъ очень большого значенія—факторомъ, который требуетъ тщательнаго изученія. За исключеніемъ эмиграціи на восточное побережье Сѣверной Америки, переселеніе европейцевъ въ другія области Новаго Свѣта, открытыя въ концѣ XV и въ теченіе XVI вѣка, имѣло лишь слабое значеніе по отношенію ко всему населенію. Сперва нѣкоторое число авантюристовъ, подъ вліяніемъ разсказовъ первыхъ завоевателей, набросилось на эти недавно открытыя земли. Несмотря на формальныя запрещенія эмигрировать безъ спеціальнаго разрѣшенія, цѣлые корабли, полные отважными эмигрантами, отправлялись контрабандою въ море. Мѣры, принимавшіяся противъ переселенія, становились, однако, все болѣе и болѣе суровыми, и въ то же время случаи быстраго обогащенія дѣлались болѣе и болѣе рѣдкими, и интересъ къ заморскимъ чудесамъ ослабѣвалъ. Изъ Испаніи и Португаліи эмиграціонное движеніе въ завоеванныя ими области Америки совершенно прекратилось, и съ того времени европейское населеніе страны стало увеличиваться лишь за счетъ рожденія метисовъ, за счетъ немногочисленныхъ представителей европейской расы, родившихся въ самой Америкѣ, и, наконецъ, за счетъ ввоза «нанятыхъ», явившихся по заказу и обрабатывавшихъ землю за счетъ господъ. Тѣмъ не менѣе, эмиграція являлась все же, такъ сказать, приманкой для европейцевъ въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ занятія страны.

Начиная съ середины XVIII вѣка, ввозъ «нанятыхъ» нѣмцевъ въ Пенсильванію былъ настолько значителенъ, что испугалъ Берке: онъ

№ 456. Переселеніе въ Соединенные Штаты съ 1820 по 1905 г.



Недавно опубликованы слѣдующія цифры, которыя были еще неизвѣстны автору: съ 1 іюля 1904 г. по 30 іюня 1905 г. переселилось 1027000 душъ и въ теченіе слѣдующаго года 1030000 душъ.

выразилъ въ 1765 г. опасеніе, что колонія эта сдѣлается совершенно чуждой Великобританіи по языку, по нравамъ и по стремленіямъ; однако,

эмиграція не получила все же характера постояннаго и правильнаго явленія до начала XIX вѣка, именно до окончанія войнъ временъ имперіи. По мѣрѣ того, какъ уменьшалась торговля рабами, и по мѣрѣ того, какъ наемный трудъ начиналъ замѣщать трудъ чернокожихъ рабовъ, число эмигрантовъ увеличивалось: съ тысячъ оно поднялось постепенно до десятковъ и до сотенъ тысячъ душъ переселенцевъ въ годъ. Въ теченіе столѣтія, окончившагося 30 іюня 1900 г., изъ Европы по своей волѣ переселилось въ Америку въ поискахъ за новымъ отечествомъ около 30 милліоновъ душъ.

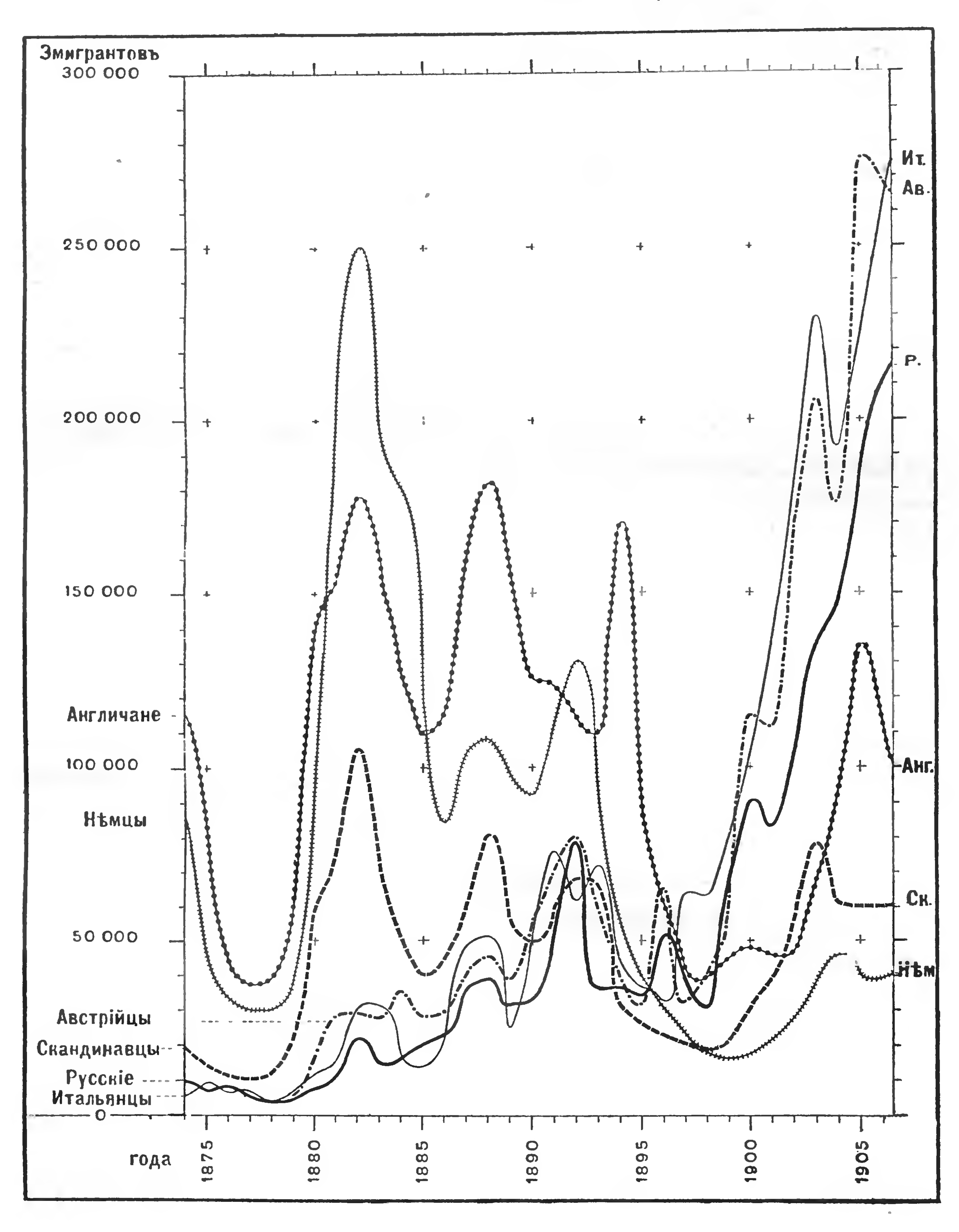
Никогда еще, въ теченіе всего хода исторіи, не совершалось переселеніе народовъ въ такомъ масштабѣ: великія переселенія прежнихъ временъ имѣли одинаковое значеніе, какъ и заселеніе Америки; но они не захватывали такого колоссальнаго количества людей. Несмотря на новое увеличеніе европейской эмиграціи, которое констатируется, начиная съ 1898 г. вслѣдствіе переселенія большого числа итальянцевъ, австрійцевъ и русскихъ, все же вопросъ еще, будетъ ли XX вѣкъ въ этомъ отношеніи выше XIX, такъ какъ, если средства сообщенія и оказываются гораздо болѣе многочисленными и дѣйствительными, чѣмъ ранѣе, то, съ другой стороны, они служатъ скорѣе колебательному движенію взадъ и впередъ, чѣмъ окончательному перемѣщенію въ одномъ направленіи: безъ сомнѣнія, путешествовать будутъ больше, но, по всей вѣроятности, эмиграція будетъ слабѣе, такъ какъ равновѣсіе въ составѣ и рессурсахъ населенія все болѣе и болѣе устанавливается въ различныхъ областяхъ. Въ 1882 году эмиграція достигла наивысшей точки въ XIX столѣтіи: въ одни лишь Соединенные Штаты эмигрировало 788992 человѣка, притомъ большею частью въ самомъ расцвѣтѣ силъ; около милліона людей, слѣдовательно, то въ одиночку, то группами перешли изъ одной части свѣта въ другую.

При этомъ дѣлѣ переселенія произошло замѣчательное раздѣленіе національныхъ элементовъ. На 30 милліоновъ эмигрантовъ 20 милліоновъ направились въ Соединенные Штаты, и почти всѣ эти массы состояли чуть не исключительно изъ обитателей сѣверной Европы— англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, нѣмцевъ и скандинавовъ. Въ Южной Америкѣ, напротивъ, преобладающимъ элементомъ среди новыхъ пришельцевъ были обитатели южной Европы—итальянцы, испанцы и португальцы. Что касается французовъ, народности, живущей какъ на океаническомъ, такъ и на средиземноморскомъ склонѣ Европы, то они были представлены въ обѣихъ половинахъ Новаго Свѣта приблизительно въ равной, но въ общемъ все же въ слабой пропорціи.

Съ той и другой стороны смѣшеніе этническихъ элементовъ различнаго происхожденія не перестаетъ и до сихъ поръ объединять народности сѣвера и юга въ одно общее, типичное, космополитическое

цѣлое. Въ Америкѣ нѣтъ семьи, которая не имѣла бы родственниковъ среди славянъ, германцевъ или представителей латинской расы.

№ 457. Переселеніе въ Соединенные Штаты по національностямъ.



Какъ ни легка сдѣлалась эмиграція, для того, чтобы покинуть родину и привычную окружающую среду, необходимо все же имѣть извѣстное

мужество, энергію и рѣшительность. Въ прежнія времена эмиграція совершалась лишь съ оружіемъ въ рукахъ въ видахъ завоеванія, какъ то происходило въ эпоху мамертинцевъ, или же она осуществлялась при помощи торговыхъ каравановъ, подъ покровительствомъ обычаевъ и договоровъ. Въ настоящее время эмигрируютъ уже не столько семьи, кланы или секты, сколько отдѣльныя личности, которыя, пускаясь на такое сомнительное предпріятіе, поступаютъ съ большимъ благоразуміемъ, иногда даже съ извѣстною робостью, стараясь предусмотрѣть всѣ опасности и уменьшить до послѣдней степени рискъ; прежде всего они стараются создать себѣ второе отечество, гдѣ могли бы найти свой родной языкъ, родныя преданія и по возможности также нравы, сходные съ нравами своей страны, и сердечныя симпатіи своихъ родичей и друзей. Провинціалы или иностранцы, устраивающіеся въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, обыкновенно не разсѣиваются, какъ придется, а собираются вмѣстѣ и группируются по кварталамъ, стараясь помогать другъ другу противъ индифферентности или враждебности чужихъ и противъ случайныхъ опасностей. Такія національныя группы образуются въ видѣ островковъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ—въ Парижѣ, въ Лондонѣ и Санъ-Франциско, совершенно подобно тому, какъ въ прежнія времена въ университетахъ студенты образовывали «коллегіи» и «землячества». Когда благодаря счастливому случаю кто-нибудь изъ эмигрантовъ находилъ себѣ мѣстожительство чрезвычайно гостепріимное и удобное, то нерѣдко его соотечественники устраивались вокругъ него, подобно тому какъ пчелы собираются вокругъ царицы. Такимъ образомъ, «барселонетцы» Верхнихъ Альповъ, сдѣлавшіеся продавцами тканей въ Мексикѣ, постоянно приглашались или призывались туда въ серединѣ XIX вѣка родственниками и друзьями, которымъ удавалось нажить на этомъ дѣлѣ большое состояніе. За 50 лѣтъ число капиталистовъ «барселонетцевъ», людей, впрочемъ, безъ большой предпріимчивости, но трудолюбивыхъ и помогавшихъ другъ другу, поднялось до 450 человѣкъ, съ состояніемъ, безъ сомнѣнія, не менѣе ста милліоновъ франковъ [1]).

Подобные примѣры были правиломъ въ прежнія времена и нерѣдки еще и въ настоящее время, несмотря на то, что человѣкъ начинаетъ чувствовать себя все болѣе и болѣе человѣкомъ въ средѣ великаго братства, именуемаго человѣчествомъ. Кто одушевленъ благородными чувствами, кто честенъ и добръ, тотъ найдетъ себѣ или, по крайней мѣрѣ, заслужитъ всюду друзей и сотоварищей. Обыкновенно желанія и стремленія людей, переселяющихся изъ одной страны въ другую,

1) Em. Chabaud, «Des Barcelonnettes à Mexico»; Edmond Demolins, «Les Français d'aujourd'hui, tipes sociaux du Midi et du centre», pp. 29 ss.

обнаруживаются прежде всего въ тѣхъ наименованіяхъ, которыя даются ими новымъ странамъ, гдѣ они устраиваются и гдѣ чаще всего видятъ столь любимыя ими черты и особенности своей родной страны. Такъ, можно привести въ примѣръ Новую Англію, эту современную англійскую колонію, въ которой самымъ точнымъ образомъ воспроизводится отечество англичанъ, наименованія, расположеніе и внѣшній видъ англійскихъ городовъ и деревень. Положительно нѣтъ англійскаго города,

Эмигранты, переѣзжающіе Атлантическій океанъ на пароходѣ.
(Гравюра 1885 г.).

у котораго не было бы тезки въ этой американской провинціи, которая является первою, отдѣлившеюся отъ его отечества.

Въ наши времена люди, переселяющіеся въ другую часть свѣта, изъ любви къ приключеніямъ или изъ желанія познакомиться съ невѣдомыми странами, составляютъ, конечно, большое исключеніе. Главнѣйшими стимулами, побуждающими европейцевъ эмигрировать, являются, съ одной стороны, хлѣбъ, съ другой, свобода, и въ особенности важную роль играли эти стимулы въ теченіе періода революціи, которымъ была отмѣчена середина XIX столѣтія.

Переселеніе ирландцевъ, происшедшее въ эту эпоху и совершенно освободившее нѣкоторые изъ округовъ Ирландіи отъ жителей, имѣло своей единственной причиной голодъ. Наступила дѣйствительно жестокая голодовка, внѣшней причиной которой была болѣзнь картофеля,

настоящей же причиной являлся захватъ земель чужеземными капиталистами,—ужасная смертность уничтожила болѣе десятой части населенія, и у большинства оставшихся въ живыхъ было единственнымъ желаніемъ бѣжать изъ страны, искать своего спасенія въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ, какъ было извѣстно, сотоварищи по несчастью получили уже и работы и крупное жалованіе и составили себѣ даже порядочное состояніе. Всѣ, у кого былъ хоть какой-нибудь клочекъ земли, продавали его за любую цѣну, чтобы только заплатить за переѣздъ; другіе обращались къ общественному мнѣнію Англіи, охваченному большимъ состраданіемъ къ постигшему Ирландію бѣдствію и отовсюду стали стекаться пожертвованія, собранныя по подпискѣ; наконецъ, многіе землевладѣльцы, на владѣніяхъ которыхъ гибли ихъ крестьяне отъ голода, соглашались платить за переѣздъ другой части крестьянъ, быть-можетъ, въ надеждѣ освободиться отъ угрызеній своей совѣсти. Всѣ эти средства, вмѣстѣ взятыя, дѣйствовали столь сильно, что на протяженіи 6 лѣтъ, отъ 1847—«чернаго 47 года»—до 1852 г. населеніе Ирландіи уменьшилось съ 8100000 до 6000000. «Бѣдная старуха»—«Shan Von Vocht», какъ называютъ ирландцы меланхолически свою родную страну, утратила болѣе четверти своихъ дѣтей. Съ 1826 г. по 1905 г. статистика эмиграціи въ Соединенные Штаты отмѣчаетъ притокъ въ страну 4104000 ирландцевъ и 3345000 настоящихъ англичанъ.

Германская эмиграція, первоначально менѣе значительная численно, должна была позднѣе превзойти эмиграцію ирландцевъ и затѣмъ уступила свое мѣсто еще болѣе могущественному натиску итальянцевъ и славянъ—ея причиною былъ, безъ сомнѣнія, также голодъ, особенно въ Рейнскихъ и Силезскихъ областяхъ; однако, къ голоду присоединялся здѣсь еще и другой элементъ, имѣющій гораздо большее духовное и моральное значеніе—именно, кромѣ голодныхъ людей, въ Америку направлялись и тѣ, кто боролся за народъ и былъ побѣжденъ въ этой борьбѣ. Разочарованіе дѣлало пребываніе ихъ въ своемъ отечествѣ слишкомъ непріятнымъ, и они направлялись въ Соединенные Штаты, которые, правда, были еще очень далеки отъ грезящихся вдали идеаловъ, но, по крайней мѣрѣ, предоставляли своимъ эмигрантамъ полную свободу передвиженія и легкій доступъ къ ораторскимъ трибунамъ и къ изданію газетъ. Трудно опредѣлить значеніе въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ той роли, которую играла эта эмиграція республиканцевъ или, по меньшей мѣрѣ, радикаловъ германскаго происхожденія, которые, несомнѣнно, вліяли на общее воспитаніе американскаго народа. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что война за освобожденіе негровъ обязана была въ значительнѣйшей степени своимъ успѣхомъ той горячей пропагандѣ республиканцевъ Европы, во множествѣ вставшихъ въ ряды сѣверянъ и подкрѣпившихъ войска ихъ и духовно и матеріально,—они

внесли въ нихъ свои республиканскія убѣжденія и свою ненависть къ рабству. Одна лишь Германія доставила Соединеннымъ Штатамъ 190000 милиціонеровъ, и именно имъ приписываютъ, главнымъ образомъ, сохраненіе штата Миссури въ средѣ лиги сѣверныхъ штатовъ.

Къ возстающимъ противъ существующаго строя должно отнести также и молодыхъ людей Европы, избѣгающихъ воинской повинности

Эмигранты направляются на Дальній Западъ.
(Гравюра 1855 г.).

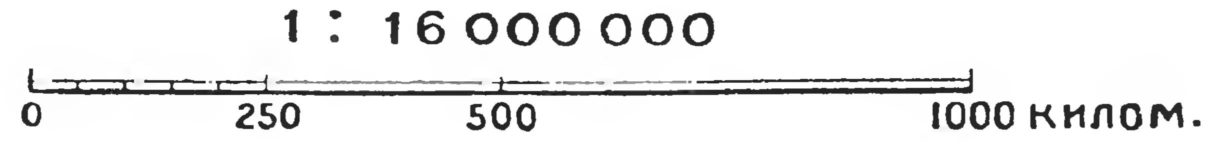
путемъ добровольнаго изгнанія. Главнымъ образомъ, въ Германіи и въ Австро-Венгріи рекрутировались эти эмигранты, предпочитавшіе опасности неизвѣстной страны казармамъ своего отечества. Британія, гдѣ войска набираются изъ наемниковъ, не давала колоніямъ этой категоріи лицъ, Россія же дала лишь за послѣдніе годы нѣкоторое количество меннонитовъ и другихъ приверженныхъ религіи людей, которымъ ихъ религіозные и нравственные принципы запрещаютъ носить оружіе. Впрочемъ, еще до того крупныя возстанія въ Польшѣ имѣли однимъ изъ своихъ результатовъ направленіе въ Западную Европу и въ Соединенные Штаты большей части польскихъ патріотовъ, которые смогли ускользнуть отъ заключенія въ тюрьму, отъ ссылки и отъ смертной казни. Франція и Испанія также приняли участіе въ этомъ движеніи переселенія изъ-за своихъ установленій о военной службѣ, но въ обѣихъ этихъ странахъ центръ эмиграціи долгое время ограничивался

областями басковъ между Адуромъ и Кантабрійскими Пиренеями. Дѣло въ томъ, что баски, чрезвычайно цѣнящіе свою свободу, предпочитаютъ покинуть отечество и претерпѣть всѣ трудности и опасности дальняго пути, чѣмъ подвергаться унизительной службѣ въ военныхъ гарнизонахъ—потому они нерѣдко направлялись въ Америку, гдѣ прямо поражаетъ большое количество ихъ соотечественниковъ. Испанскія республики Новаго Свѣта, Мексика и Чили, обнаруживаютъ уже большимъ числомъ эскарійскихъ наименованій, встрѣчающихся у нихъ, что баскскій элементъ принималъ огромное участіе въ заселеніи этихъ обширныхъ странъ. Точно также и обитатели Азорскихъ острововъ, несмотря на свою любовь къ родинѣ, покидаютъ ее въ большомъ числѣ, предпочитая эмиграцію военной службѣ. Какого бы мнѣнія мы ни были объ этомъ явленіи, во всякомъ случаѣ, должно признать, что далеко не трусы бѣгутъ, чтобы не носить солдатской формы,—напротивъ, это наиболѣе энергичные люди, имѣющіе больше другихъ личной иниціативы и потому представляющіе собою цѣнную находку для тѣхъ новыхъ странъ, въ которыхъ они поселяются.

Когда напряженіе обѣихъ противоположныхъ силъ сдѣлало войну неизбѣжной, южане вообразили, что они легко одолѣютъ своихъ противниковъ. Будучи людьми благороднаго сословія, претендующими на происхожденіе отъ британской аристократіи, они питали величайшее презрѣніе къ тѣмъ лавочникамъ и рабочимъ, съ которыми имъ приходилось бороться, и въ которыхъ они видѣли равныхъ своимъ собственнымъ рабамъ. Они считали, что это такая же челядь, которую можно разогнать какъ возставшихъ рабовъ, которыхъ ихъ древніе предки, по свидѣтельству Геродота, разбили и разсѣяли не оружіемъ, а бичами. Къ тому же только у нихъ однихъ и были кадры настоящей арміи. Большинство сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ встало, разумѣется, на сторону защитниковъ рабства, съ которыми ихъ связывали общественныя и свѣтскія отношенія. Южане имѣли уже нѣкоторый военный опытъ въ Мексикѣ и въ Центральной Америкѣ, и привычка командовать въ лагеряхъ своихъ негровъ сдѣлала изъ нихъ настоящихъ военачальниковъ; по сравненію съ ними сѣверяне являлись во время первыхъ столкновеній не болѣе какъ недисциплинированными бандами. Такимъ образомъ, внѣ всякой зависимости отъ своихъ убѣжденій, если не въ справедливости, то, по крайней мѣрѣ, въ законности и въ юридической правильности своего дѣла, равно какъ и въ собственномъ превосходствѣ, южане, защитники рабства, не сомнѣвались нисколько въ своемъ матеріальномъ перевѣсѣ надъ своими сѣверными противниками. Однако, на самомъ дѣлѣ именно сѣверяне были болѣе сильны. Они превосходили южанъ численностью, и сомкнутые ряды ихъ могли попол-

няться безъ конца толпами эмигрантовъ, притекающими изъ Европы и

№ 458. Театръ войны освобожденія негровъ



Черныя точки отмѣчаютъ мѣста сраженій, Геттисбургъ находится въ Пенсильваніи, близъ границы Мерилэнда; Саванна—самый южный городъ Южной Каролины.

всегда склонными въ равной степени взять въ руки какъ военные доспѣхи, такъ и орудіе труда; кромѣ того, они располагали обширными

рессурсами, доставлявшимися имъ промышленностью, которая значительно превосходила промышленность южанъ; прежде всего, однако, они располагали ужъ величайшими сокровищами, даваемыми знаніемъ и иниціативой; наконецъ, сѣть желѣзныхъ дорогъ, раскинувшаяся по всей поверхности Соединенныхъ Штатовъ, позволяла передвигать какъ угодно войска для нападенія и защиты. Безъ сомнѣнія, политики, направившіе конфедерацію южныхъ штатовъ въ сторону открытаго возстанія и военныхъ дѣйствій, прекрасно были знакомы съ этими огромными преимуществами сѣверныхъ штатовъ; въ своей заносчивости, однако, находящей объясненіе въ предшествовавшихъ событіяхъ, они воображали, что ихъ противники не сумѣютъ воспользоваться этими колоссальными силами: они разсчитывали, что за ними поддержка большинства, которая всегда была имъ гарантирована въ представительныхъ собраніяхъ,—подобно тому какъ въ сенатѣ и нерѣдко въ палатѣ представителей; они разсчитывали и здѣсь одержать верхъ надъ той безымянной толпой, которая волновалась въ промышленныхъ центрахъ сѣвера. Пренебреженіе къ своимъ противникамъ великая сила, но ею не слѣдуетъ злоупотреблять. Южане не могли равняться со своими сѣверными соперниками въ трудоспособности, но нерѣдко одерживали побѣды силою ораторскаго искусства, силою своего краснорѣчія; привыкшіе командовать своими неграми, они воображали, что могутъ также командовать и надъ бѣлыми, и опьянѣніе отъ своихъ собственныхъ рѣчей сопровождало ихъ и на поляхъ битвы. Дѣло доходило до того, что они претендовали даже на превосходство въ области духовной жизни, несмотря на то, что ихъ литература по сравненію съ литературою сѣверянъ и въ особенности съ литературою Новой Англіи не имѣла, положительно, никакого значенія. Этому унизительному неравенству они давали курьезныя объясненія, высказывая претензію на то, что южане, будучи естественными охранителями старинныхъ традицій, не желаютъ ни за что отступить отъ классической литературы временъ Мильтона, Дрейдена, Гольдсмита и Попа; въ силу этого, будто бы, всѣ попытки создать новую литературу совершенно ихъ разочаровываютъ.

Первыя военныя событія, какъ казалось, оправдывали самоувѣренность сторонниковъ рабства. Послѣ бомбардировки они взяли 16 апрѣля 1861 г. фортъ Сумтеръ, главное укрѣпленіе Чарльстонскаго залива, «священный» городъ конфедераціи, и затѣмъ въ битвѣ при Булль-Рёнѣ, на болотистыхъ пространствахъ, прилегающихъ съ запада къ нижнему теченію Потомака, войска конфедераціи, недостаточно обученныя и попавшія первый разъ подъ огонь, обратились въ постыдное бѣгство. Сѣверянамъ пришлось пріостановить военныя операціи, въ которыя они необдуманно пустились, и ограничиваться оборонительнымъ образомъ дѣйствій, прятаться за земляными укрѣпленіями, въ которыхъ

рекруты получали первые уроки военнаго ремесла. Но затѣмъ война вскорѣ снова разгорѣлась, и мелкія столкновенія перешли въ настоящія битвы. Само географическое положеніе обѣихъ враждующихъ столицъ, Вашингтона и Ричмонда, принуждало войска тяготѣть къ этимъ мѣстностямъ. Тогда какъ южане, будучи болѣе отважными и болѣе свободными въ своихъ движеніяхъ, рискнули съ необыкновенною смѣлостью проникнуть до ближайшихъ окрестностей Вашингтона и попытались даже захватить этотъ городъ врасплохъ, вторгшись въ Мэрилендъ и Пенсильванію, сѣверяне приближались медленно къ Ричмонду постепенными подходами, частью съ сѣвера, переходя черезъ тѣ параллельныя рѣчныя долины, которыя отдѣляли ихъ отъ рѣки Джемса, частью съ востока, по тому самому полуострову, который возвышается или скорѣе поднимается ступенями по направленію къ Ричмонду. Неоднократно войска, научившіяся теперь своему кровавому дѣлу, сталкивались въ рядѣ нерѣшительныхъ битвъ, продвигались впередъ и отступали послѣ яростнаго натиска и безъ окончательныхъ результатовъ. Рѣдко война была болѣе кровавой, рѣдко столько человѣческихъ жизней приносилось въ жертву на поляхъ битвы, какъ въ теченіе этой четырехлѣтней борьбы.

Сцена изъ войны за освобожденіе негровъ.
(Набросокъ Фр. Г. Шелля).

Раненый слѣва проситъ рисовальщика отодвинуть отъ него трупъ солдата, который умеръ и придавилъ его. Въ центрѣ молодой солдатъ перевязываетъ свою ногу около трупа своего отца.

Разбитые первоначально на сушѣ, сѣверяне одержали побѣду въ первомъ же морскомъ сраженіи, и вскорѣ то огромное преимущество, которое давали имъ промышленность и торговля, позволило распространить блокаду вдоль побережья владѣній защитниковъ рабства и даже блокировать нѣкоторые заливы и устья рѣкъ. Конечно, морскіе разбойники юга и иностранные мореходы нерѣдко прорывали эту блокаду и ввозили въ осажденную область оружіе, продовольствіе и корреспонденцію, но такой подвозъ совершался съ огромными затратами въ обмѣнъ на хлопокъ, сборы котораго уменьшались съ года на годъ. Насталъ день, когда желѣзное кольцо замкнулось—рѣчная флотилія судовъ

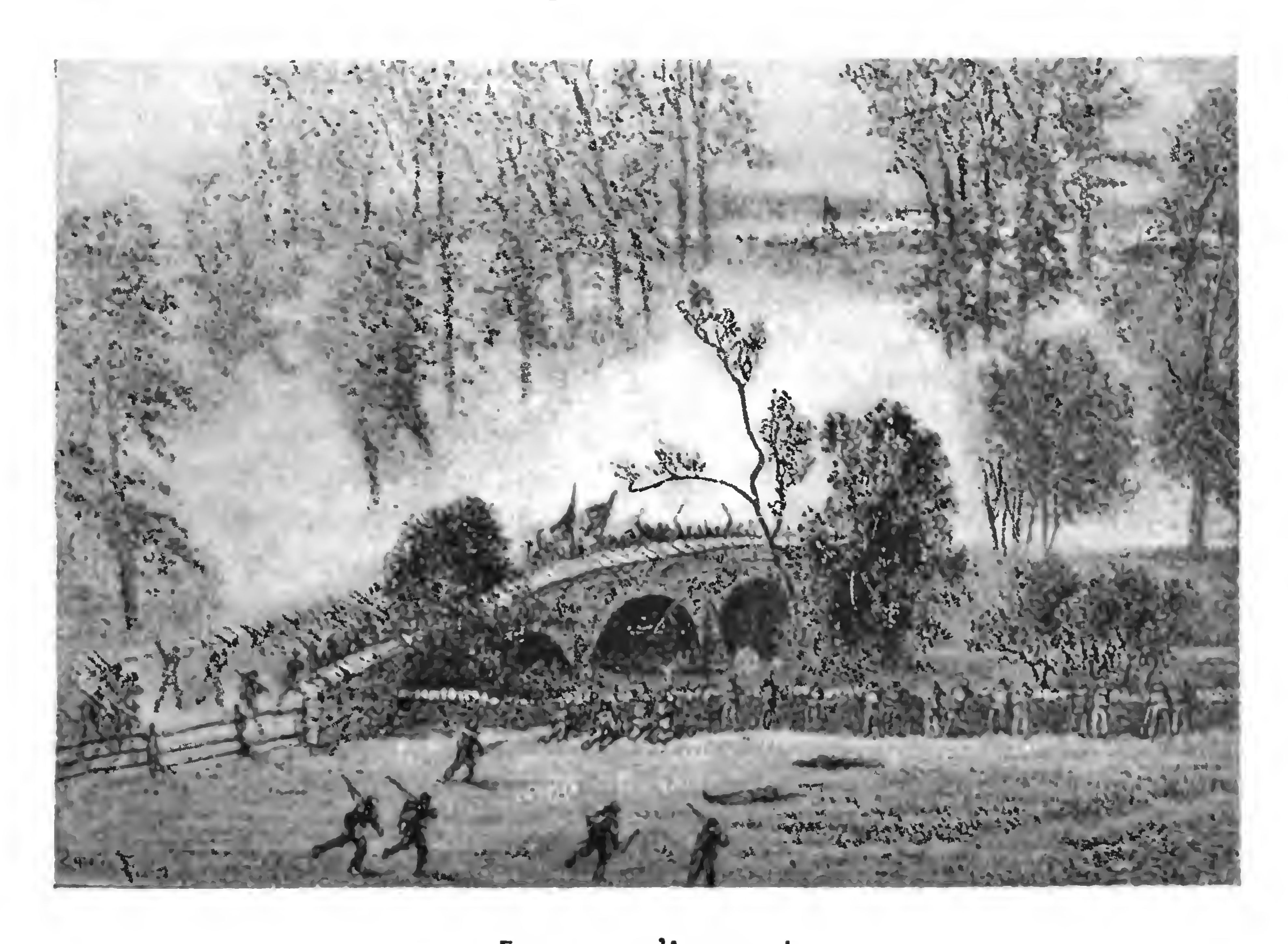
внутри страны соединилась около Виксбурга съ морскою эскадрою, пришедшею къ низовьямъ Миссисипи. Тогда какъ главнѣйшая масса войскъ была сконцентрирована на окружности ядра, образуемаго обѣими столицами, обширное пространство, тянувшееся далеко на юго-западъ, оказывалось совершенно сдавленнымъ военными силами сѣверянъ: ясно было, что борьба должна окончиться побѣдою того гигантскаго удава, который захватилъ уже свою жертву широко разверстою пастью!

Однако, невѣрное представленіе, вызванное результатами первыхъ столкновеній между соперниками, и тайное желаніе европейскихъ державъ устранить опасную конкуренцію Соединенныхъ Штатовъ въ случаѣ ихъ побѣды, вызывали въ умахъ большинства политиковъ предположеніе, что упорное сопротивленіе южанъ, въ концѣ концовъ, утомитъ фанатиковъ-сѣверянъ и заставитъ ихъ исчерпать всѣ ихъ рессурсы. Знаменитѣйшій изъ государственныхъ людей этой эпохи, Гладстонъ, извѣстный уже въ тѣ времена подъ наименованіемъ «великаго старца», обнаружилъ также недостатокъ политической прозорливости, такъ какъ оффиціально поздравилъ предводителей южанъ съ тѣмъ, что они сумѣли «создать государство»! На самомъ дѣлѣ, до этого было, однако, еще далеко! Имъ недоставало для того основной руководящей идеи, которая была бы способна поднять народныя массы и увлечь ихъ на защиту высокаго и благороднаго дѣла. Если рабовладѣльцы и дѣлали видъ, что вѣрятъ въ справедливость принципа рабства и считаютъ, что вполнѣ стоитъ жертвовать за него своею жизнью, то, съ другой стороны, массы мелкихъ людей, не имѣвшихъ недвижимой собственности, оставались совершенно индифферентны къ этому принципу и, хотя и ненавидѣли негровъ изъ-за различія въ цвѣтѣ кожи и въ силу конкуренціи, которую встрѣчали съ ихъ стороны, но въ то же время ненавидѣли и крупныхъ собственниковъ, своихъ высокомѣрныхъ хозяевъ. Если бы еще политическіе дѣятели южныхъ штатовъ оперлись на основной принципъ всякой свободной ассоціаціи, если бы они вступились за естественное право каждаго на извѣстную личную автономію и свободу соединяться съ другими сообразно со своими симпатіями, однимъ словомъ, если бы они просто-на-просто сказали—«ваше общество, господа сѣверяне, намъ не нравится, и мы желаемъ теперь жить, какъ намъ хочется, выбирая своихъ союзниковъ по нашему собственному вкусу»,—то въ такомъ случаѣ они находились бы на прочной почвѣ и съ точки зрѣнія человѣческой справедливости были бы неуязвимы. Конечно, надо думать, что они не преминули бы выступить именно въ такомъ направленіи, если бы были одни, но во время борьбы на одной съ ними сторонѣ находились и мелкіе представители бѣлаго населенія, которыхъ они такъ презирали, и толпы рабовъ,—положеніе, такимъ образомъ, усложнялось, и они испытывали чрезвычайно непріятную необходимость

провозглашать, съ одной стороны, право на свою личную свободу, съ другой же—право порабощенія другихъ. Имъ приходилось въ силу этого ссылаться на прецеденты въ исторіи, на тексты законовъ, на тарабарщину конституціи и юриспруденціи; подобно тому, какъ ранѣе имъ приходилось защищать различные отдѣльные пункты законовъ въ стѣнахъ Конгресса, такъ теперь они выступали на защиту буквы закона на полѣ битвы; пустыя словопренія адвокатовъ сопровождались громомъ пушекъ!

Со своей стороны, сѣверяне лишь съ большою медленностью отставали отъ своего конституціоннаго формализма и выступали открыто на защиту высокаго принципа человѣческихъ правъ на свободу. Оффиціальныя заявленія сводили это право также къ жалкой буквѣ закона, лишь одни такъ называемые аболиціонисты-сектанты или фанатики не желали признавать «компромисса Миссури», «процесса Дридъ Скотта», «рѣшеній Высшаго Суда» и другихъ парламентскихъ и судебныхъ прецедентовъ. Эмигранты, вступавшіе въ число американскихъ гражданъ и во множествѣ входившіе въ войска, имѣли обо всемъ также гораздо болѣе высокое и болѣе далекое отъ истины представленіе, чѣмъ сами американцы, привыкшіе уже къ конституціоннымъ тонкостямъ: необходимо было наслѣдованіе въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній нелѣпѣйшихъ традицій, чтобы провозглашать, что чернокожіе являются такою же «собственностью» рабовладѣльцевъ, какъ домашній скотъ. Новоприбывшіе колонисты находили вполнѣ естественнымъ снимать рабовъ съ плантацій и вооружать ихъ противъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, тогда какъ педантичный президентъ Линкольнъ и окружавшіе его ученые законники видѣли въ неграхъ первоначально лишь чистѣйшій предметъ торговли, точно опредѣленный прежними законодательными актами; даже когда логика событій положила конецъ всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ, когда все же пришлось освободить и вооружить чернокожихъ, то и тогда уваженіе къ прежнимъ формуламъ заставило освободителей обозначать ихъ курьезными перифразами. О нихъ говорили тогда какъ о «военной контрабандѣ», т.-е. какъ о простыхъ неодушевленныхъ вещахъ въ родѣ пороха и пуль, и долгое время всѣ оффиціальные акты, относившіеся до этой контрабанды, составлялись на жаргонѣ, совершенно непонятномъ для всѣхъ остальныхъ, кромѣ заинтересованныхъ юристовъ. Точно также, когда новый штатъ, Западная Виргинія, отдѣлился отъ рабовладѣльческаго штата, называемаго въ просторѣчіи «Старой Виргиніей», формальное желаніе его обитателей казалось недостаточнымъ для оправданія этого акта, квалифицировавшагося южанами какъ преступленіе, и Линкольнъ счелъ себя обязаннымъ облечь его въ словесныя хитросплетенія, надъ которыми поработала не одна сотня прилежныхъ казуистовъ.

Несмотря на все это, пришлось все же, въ концѣ концовъ, обнародовать заключительный актъ, явившійся конечнымъ выводомъ изо всей продолжительной борьбы между обѣими половинами сѣверо-американской республики. Манифестъ 1 января 1863 г. провозгласилъ, что «всѣ лица, содержавшіяся въ рабствѣ въ каждомъ изъ возставшихъ противъ союза штатовъ, отнынѣ и навѣки должны быть освобождены». Можно сказать, что съ этого времени революція была окончена, такъ какъ

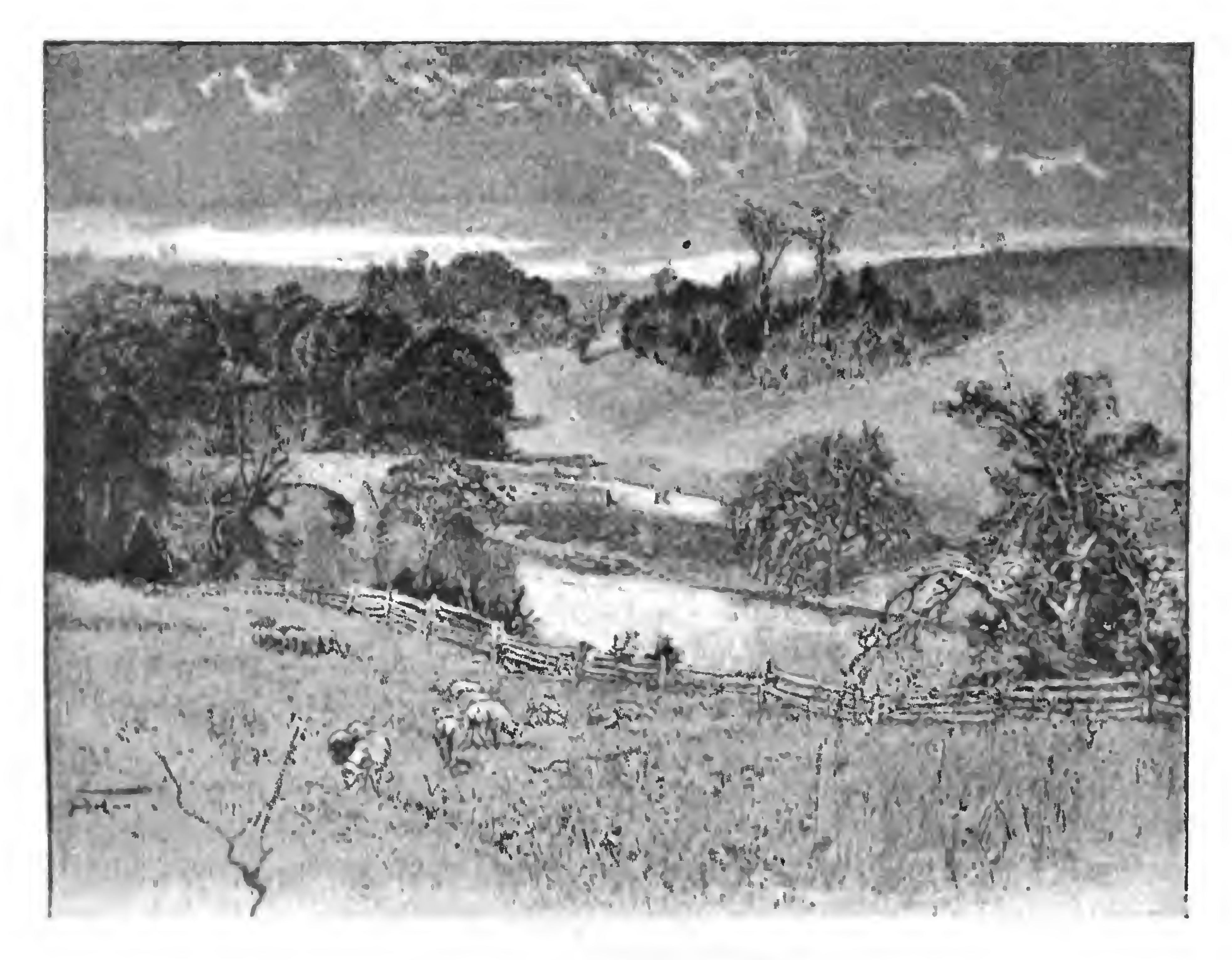


Битва при д'Антьетамѣ.

Федеральныя войска захватываютъ мостъ чрезъ Бёрнсейдъ (17 сентября 1862). По наброску Эдвина Форбса, сдѣланному во время сраженія.

теперь уже сѣверяне пришли къ окончательному соглашенію—бороться во имя принципа; огромные рессурсы, которыми они располагали, примѣнялись теперь отнюдь не случайно и не въ защиту дѣла, справедливость коего не сознавалась. Однако, постепенное освобожденіе 3200000 рабовъ, находившихся на плантаціяхъ южныхъ штатовъ, должно было логически завершиться освобожденіемъ и 800000 негровъ, находившихся въ штатахъ, еще занятыхъ войсками сѣверянъ. Педантичный президентъ Линкольнъ отнесъ на 1 января 1900 г. срокъ освобожденія послѣдняго негра-раба въ Соединенныхъ Штатахъ, однако, сцѣпленіе событій потребовало гораздо болѣе быстраго рѣшенія этого вопроса, и очень скоро въ каждомъ изъ штатовъ рабы оказались окон-

чательно выкупленными. Будучи, однако, пріучены къ дисциплинѣ, во время прохожденія страшной школы рабства, негры южныхъ штатовъ продолжали сохранять дисциплину и въ теченіе войны, одни повиновались своимъ прежнимъ господамъ, другіе — своимъ освободителямъ. Не болѣе нѣсколькихъ тысячъ изъ нихъ бѣжали со своихъ плантацій съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ федеральнымъ войскамъ, предводители которыхъ принимали ихъ какъ «военную контрабанду» и пользовались



Мостъ чрезъ Бёрнсейдъ въ 1886 году.

ими, примѣняя ихъ на пользу союза сѣверныхъ штатовъ. Когда сѣверяне могли, наконецъ, перейти отъ защиты къ наступленію и проникли глубоко въ область плантацій южныхъ штатовъ, будучи вооружены провозглашеніемъ свободы рабамъ, чернокожіе, способные носить оружіе, стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ и вступать въ ряды вторгшихся, такъ что, въ концѣ концовъ, до 200000 негровъ стали сражаться сами за интересы своей народности,—ими, впрочемъ, не было сдѣлано никакой попытки нарушить законный образъ дѣйствій, и переходъ ихъ къ оружію отнюдь не придавалъ ихъ дѣйствіямъ характера возстанія.

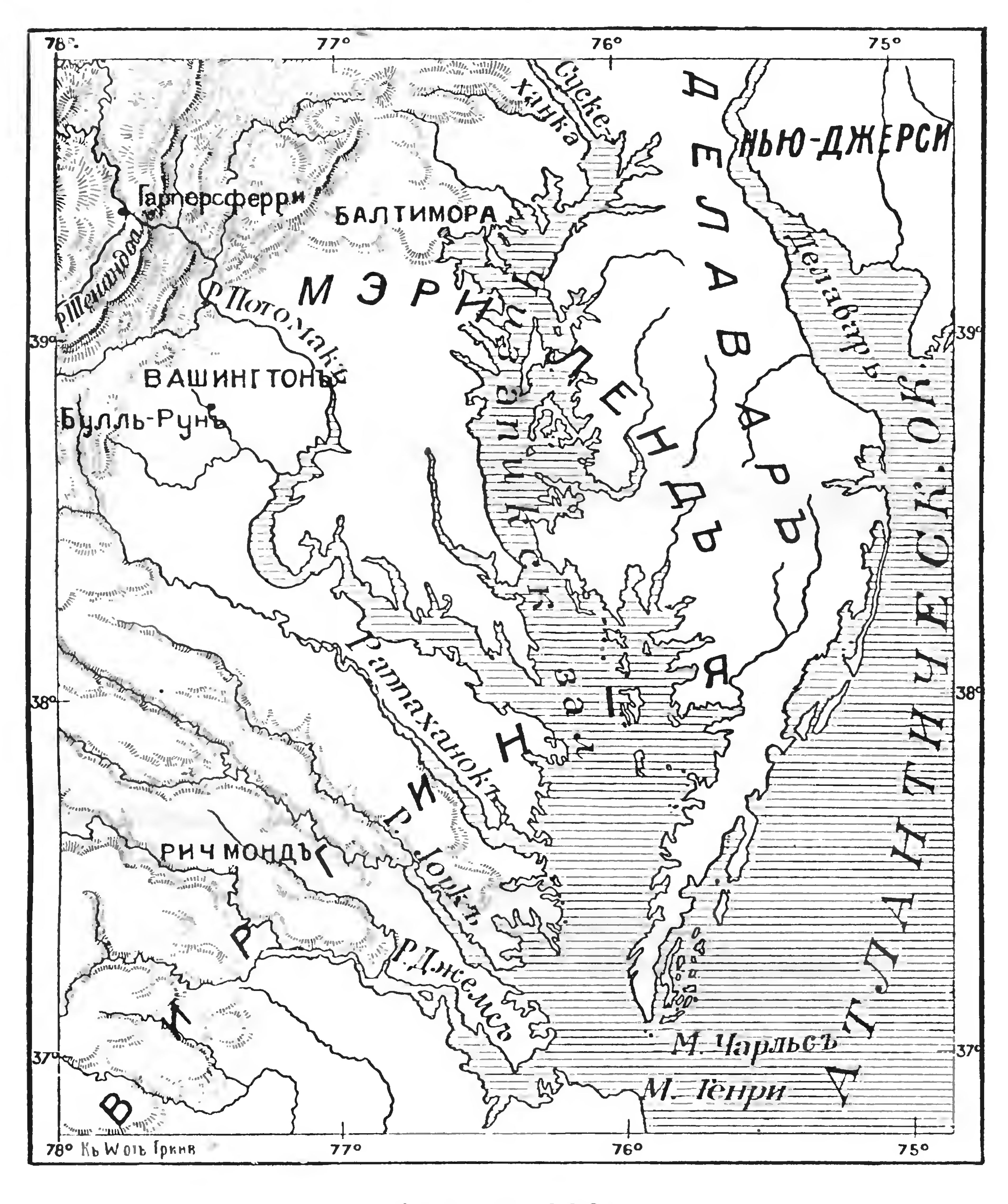
Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Окончательнымъ по-

воротнымъ пунктомъ были первыя числа іюля 1863 г., непосредственно наканунѣ національнаго праздника. Именно въ это время былъ взятъ сѣверянами Виксбургъ, бывшій ключемъ къ естественному пути Миссиссипи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдняя попытка южанъ двинуться массою съ главными своими военными силами на сѣверъ потерпѣла неудачу, такъ какъ они натолкнулись на сильно вооруженный треугольникъ изъ холмовъ Геттисбурга въ Пенсильваніи. Сила возстанія была окончательно сломлена. У южанъ ощущался недостатокъ въ людяхъ, въ матеріальныхъ средствахъ и, наконецъ, въ увѣренности,—все, что оставалось еще въ ихъ распоряженіи, было направлено для защиты многочисленныхъ укрѣпленій, образовывавшихъ цѣлый лабиринтъ вокругъ Ричмонда. Обширная территорія, заключенная между Атлантическимъ океаномъ, Мексиканскимъ заливомъ и Миссиссипи, не имѣла болѣе ничего, что оказывало бы сопротивленіе—ее можно было сравнить съ почти пустою скорлупою яйца. Конечно, федеральныя войска попытались пересѣчь эту область по ея большому діаметру. Послѣ окончательныхъ побѣдъ, одержанныхъ въ центральной части области, охваченной возстаніемъ, т.-е. передъ верхнимъ загибомъ рѣки Теннесси, гдѣ оканчиваются южныя цѣпи Аллегенскихъ горъ, и гдѣ начинаются обширныя воздѣланныя равнины Георгіи, генералъ Шерманъ расположилъ свои войска параллельными колоннами не съ тѣмъ, чтобы окончательно раздавить враговъ,—они и такъ не могли ему противопоставить серьезныхъ военныхъ силъ,—но съ цѣлью опустошенія страны, перерыва всѣхъ линій сообщенія, занятія всѣхъ дорогъ, мостовъ и желѣзнодорожныхъ путей, уничтоженія огнемъ городовъ, деревень и плантацій; однимъ словомъ, онъ намѣревался сдѣлать продолженіе войны абсолютно невозможнымъ вслѣдствіе того, что между штатами, лежащими по берегамъ Миссиссипи, и штатами Атлантическаго побережья образовалась совершенная пустота. Никогда, быть-можетъ, даже во времена монголовъ болѣе методическое опустошеніе страны не было приведено въ исполненіе! Пожаръ распространялся на протяженіи болѣе ста километровъ въ ширину и болѣе 500 километровъ въ длину!

Этотъ ужасный поступокъ, по меньшей мѣрѣ, достигъ своей стратегической цѣли. Прибывъ на берегъ моря около Саванны, генералъ Шерманъ соединился съ атлантической эскадрой, и кольцо вокругъ южанъ, такимъ образомъ, сузилось настолько, что грозило ихъ задушить. Въ началѣ 1865 г. войска сѣверянъ стали одновременно надвигаться съ сѣвера и востока, съ юга и съ запада противъ укрѣпленныхъ позицій генерала Ли въ окрестностяхъ Ричмонда и Питерсбурга, и 17 апрѣля послѣднія войска возставшихъ штатовъ были окружены со всѣхъ сторонъ и должны были сложить свое оружіе. Кровавая война закончилась, и политическое и соціальное равновѣсіе новой республики, родив-

шейся среди такихъ мученій, оказалось совершенно измѣненнымъ. Съ этого времени люди европейской расы продолжали, правда, въ большин-

№ 459. Обѣ столицы эпохи войны за освобожденіе негровъ.



ствѣ случаевъ, презирать и даже ненавидѣть чернокожихъ, но, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ не признавали рабства «божественнымъ устано-

вленіемъ»! Какъ бы для того, чтобы придать еще болѣе эпическій характеръ концу этой страшной борьбы, президентъ Линкольнъ, бывшій главнымъ защитникомъ освобожденія отъ рабства, среди полной своей побѣды палъ отъ руки убійцы.

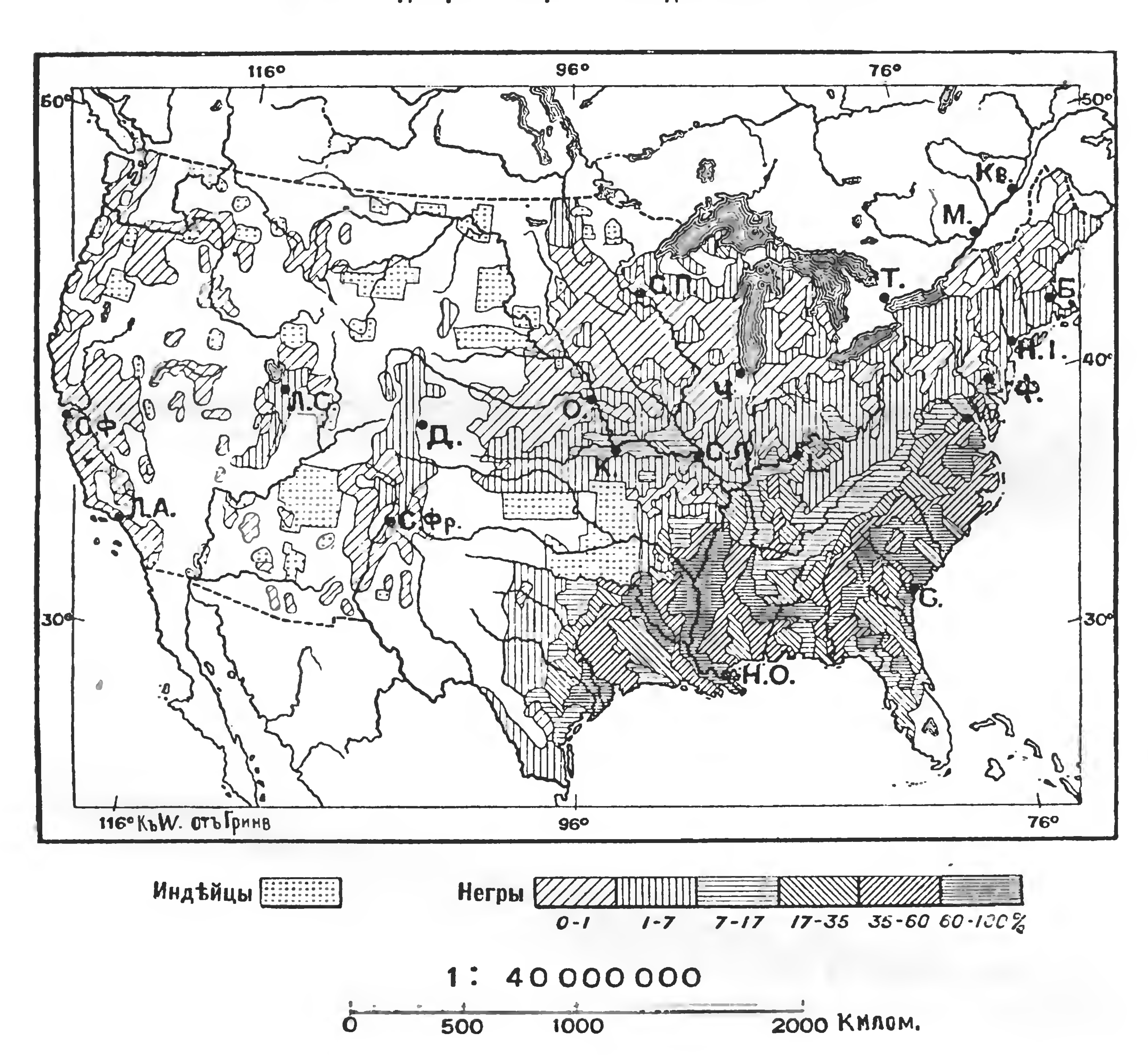
Побѣда сѣверныхъ штатовъ надъ южными имѣла обычныя послѣдствія: она заставила признать успѣхъ законнымъ—такимъ признало его огромное большинство тѣхъ, кто ранѣе относился къ нему съ ненавистью и осыпалъ его проклятіями; вмѣстѣ съ тѣмъ, эта побѣда породила тысячи пророковъ, предсказавшихъ грядущія событія задолго до того, какъ они могли совершиться. Тѣ самыя заинтересованныя лица, которыя предвидѣли неизбѣжную побѣду юга, такъ какъ побѣды этой они желали, высказывались теперь за то, что совершенно нелѣпо было не вѣрить въ «очевидное предначертаніе», увлекавшее сѣверо-американскую республику въ сторону единства и усиленія своего имущества. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, несмотря на ненависть и злобу, возбужденныя страшнымъ кровопролитіемъ, Соединенные Штаты оказались по окончаніи войны болѣе тѣсно между собою связанными, чѣмъ когда-либо въ предшествующіе періоды своей исторіи. Можно сказать даже болѣе – сѣверные штаты, по типу своей культуры преимущественно промышленные, оказались фактически разросшимися въ силу естественнаго расширенія съ сѣвера къ центральнымъ областямъ и изъ центра къ югу. Непосредственная эмиграція колонистовъ Новой Англіи въ западные и центральные штаты явилась носительницей этого процесса ассимиляціи. Что это было именно такъ, доказываетъ прежде всего уже то обстоятельство, что типичное устройство мѣстной автономіи, развитое въ Массачузетсѣ и въ сосѣднихъ штатахъ, такъ называемое «township», распространилось и на западъ, тогда какъ этого нельзя сказать о распространеніи менѣе популярной организаціи—«графства» [1]). Обитатели Коннектикута пріобрѣли особую извѣстность непостоянствомъ своихъ взглядовъ—они были настоящими политическими номадами, переносившими въ своихъ carpet bag'ахъ (сундукахъ хартій) въ различные другіе штаты новыя уложенія и новые способы устройства государственной жизни.

Поддерживаемыя этимъ непрестаннымъ миграціоннымъ движеніемъ, всѣ завоеванія свободнаго труда являлись въ то же время завоеваніями сѣверныхъ штатовъ: область свободнаго труда перешла за границы Миссури, Кентукки и Теннесси; она достигла и Алабамы, гдѣ вслѣдствіе эксплуатаціи богатыхъ залежей каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ возникли быстро огромные города, окруженные фабриками, и гдѣ обычаи платнаго

1) Emile Boutmy, «Eléments d'une psychologie politique du peuple américain» p. 42.

труда, распространенные среди бѣлыхъ, перешли и на чернокожихъ рабочихъ. Побережья Флориды съ его великолѣпными отелями, куда тысячами стекаются для поправленія здоровья и для отдыха жители городовъ атлантическаго побережья, сдѣлались также непосредственнымъ продолженіемъ береговъ Новой Англіи, Нью-Іорка и Нью-Джерси.

№ 460. Индѣйцы и негры въ Соединенныхъ Штатахъ.



Что касается главнѣйшаго результата войны—освобожденія чернокожихъ,—то нечего и говорить, что хотя такое освобожденіе и было провозглашено въ опредѣленный моментъ, оно отнюдь не было тотчасъ же и осуществлено. Рабство исчезало или, скорѣе, видоизмѣнялось въ его современную форму платнаго промышленнаго труда лишь съ большою медленностью; еще и въ наши дни, около полувѣка спустя, послѣ оффиціальнаго освобожденія рабовъ, въ жизни и въ законахъ, въ особенности же въ глубинѣ души людей, удерживается немало отвратительныхъ остатковъ этого прежняго положенія вещей. Случалось даже,

что юристы пытались возстановить косвеннымъ образомъ рабство всевозможными законодательными уловками и притомъ находили себѣ помощниковъ и соучастниковъ среди судей и парламентскихъ дѣятелей. Подобныя несправедливости, однако, неизбѣжны, такъ какъ старинныя установленія обладаютъ большою прочностью; къ тому же всѣ роды эксплуатаціи одного человѣка другимъ—рабство, крѣпостное состояніе, работа за жалованіе—принимаютъ вполнѣ аналогичныя формы, трудно различимыя при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Сѣверо-американская республика вышла изъ гражданской войны столь сильною и могущественною, что смогла даже одержать крупную моральную побѣду надъ чужеземною державою, не будучи даже принуждена прибѣгать къ угрозамъ или къ серьезнымъ манифестаціямъ. Въ концѣ 1861 г., т.-е. когда конфедерація южныхъ штатовъ была уже провозглашена, и война разгорѣлась, Наполеонъ III, этотъ случайно попавшій на престолъ императоръ, одержимый постоянно различными химерическими идеями, вмѣшался дипломатическимъ путемъ во внутреннія дѣла Мексики, заключивъ въ этой странѣ союзъ съ клерикальною партіею, причемъ имѣлъ въ виду оказать содѣйствіе кое-кому изъ финансовыхъ дѣльцовъ. Англія и Испанія, бывшія въ союзѣ съ Франціей, ради урегулировки вопросовъ, касающихся займовъ и таможенной политики, замѣтили, въ какую опасную авантюру ихъ стараются вовлечь, и поспѣшили устраниться, такъ что наполеоновская имперія осталась въ одиночествѣ.

По свидѣтельству лѣтописцевъ этой эпохи, посылая свои войска въ Мексику, съ цѣлью уничтоженія тамъ республиканскаго режима и замѣны его имперіей, Наполеонъ III, обыкновенно очень молчаливый, на этотъ разъ проговорился и выдалъ свой секретъ: «Въ этомъ заключается величайшая идея моего царствованія»—сказалъ онъ. Считая себя высшимъ судіею, стоящимъ у кормила правленія всего человѣчества, онъ имѣлъ въ виду, не болѣе, не менѣе, какъ изъять Новый Свѣтъ изъ-подъ преобладающаго вліянія англо-американцевъ и сдѣлать для испанской Америки то, что, какъ онъ полагалъ, было сдѣлано имъ для Франціи, именно направить ее какъ выпрямляемую рѣку въ постоянное ложе, вырвать ее окончательно изъ-подъ ненадежнаго и измѣнчиваго режима инстинктовъ и капризовъ толпы, подчинить ее власти, данной свыше,—власти, направляемой волею единой личности, единаго императора, который, какъ предполагается, всегда мудръ и благоразуменъ. Чтобы придать своему намѣренію видимость предпріятія, въ коемъ онъ совершенно не заинтересованъ, Наполеонъ не послѣдовалъ примѣру своего дяди, у котораго троны распредѣлялись исключительно между членами его собственной династіи: избранный имъ правитель, бывшій

представителемъ его монархическаго идеала, принадлежалъ къ старинному австрійскому дому,—дому, являющемуся изо всѣхъ королевскихъ домовъ Европы самымъ преданнымъ традиціямъ рабства. Время для возведенія на тронъ члена Габсбургскаго дома въ этой странѣ, завоеванной нѣкогда полководцами Карла V, было, казалось, выбрано удачно. Дѣйствительно, «доктрина Монроэ», запрещающая европейскимъ державамъ вмѣшиваться въ политическія дѣла американскихъ государствъ, была временно парализована, такъ какъ сѣверо-американская республика находилась въ состояніи разъединенія; быть-можетъ, даже политики, старавшіеся подчинить Мексику императорской власти, надѣялись, что сила примѣра и общность интересовъ заставитъ объединившіеся штаты юга, иначе говоря, рабовладѣльческую аристократію областей Флориды и Миссисипи вступить въ тѣсный союзъ съ новою мексиканскою имперіею.

Бенито Жуарецъ, 1806 - 1872.
Президентъ мексиканской республики.

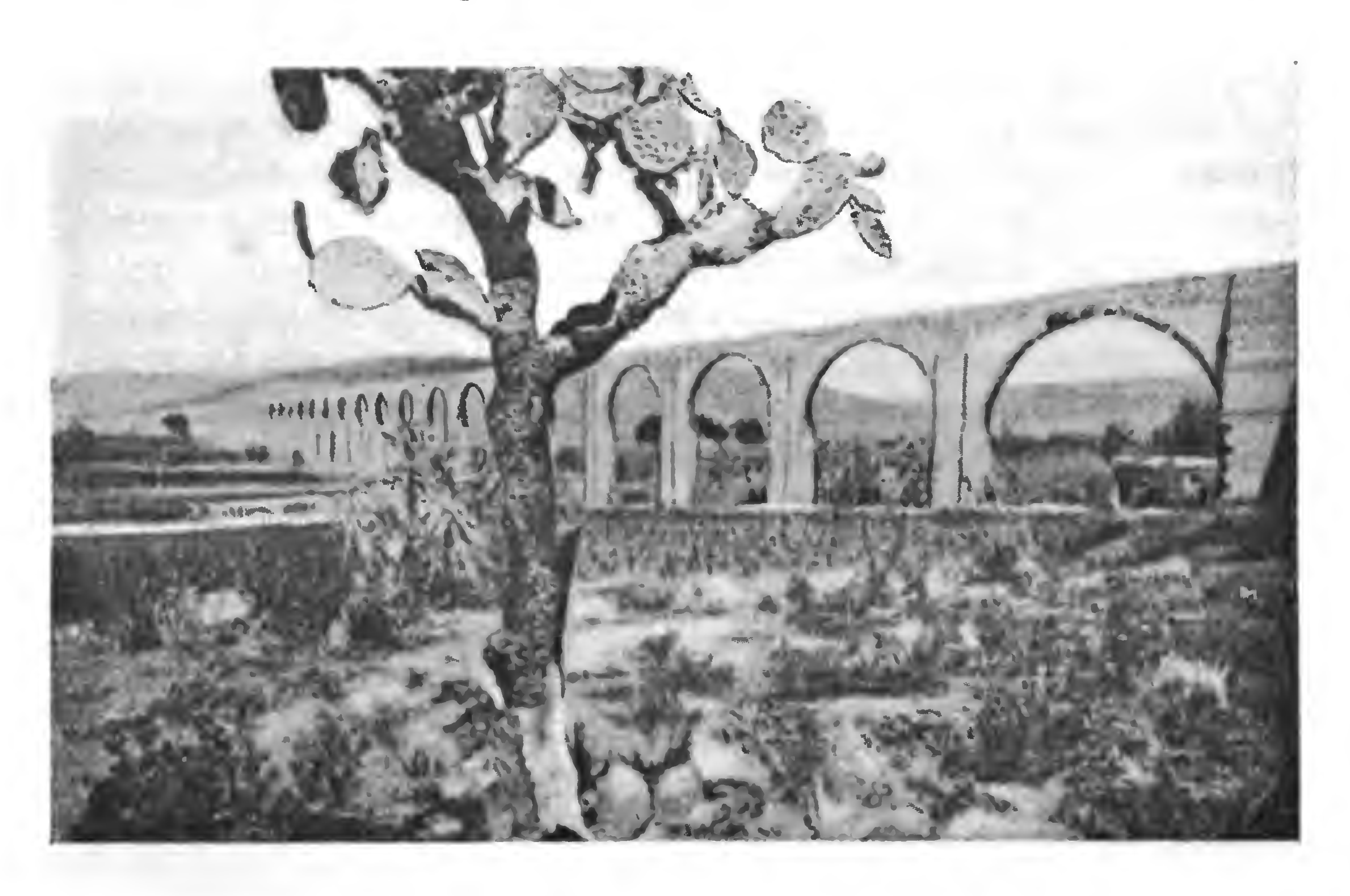
Всѣ эти комбинаціи страдали, однако, отсутствіемъ политической мудрости и дара предвидѣнія: «величайшая» идея Наполеона III оказалась на самомъ дѣлѣ величайшимъ безуміемъ. Прежде всего уже французскія войска, успѣшно сражавшіяся съ самыми сильными арміями Европы, натолкнулись здѣсь на чрезвычайно опасныхъ враговъ, которыхъ презирали совершенно напрасно до начала войны. Первая же встрѣча съ ними окончилась ихъ пораженіемъ: 5 мая 1862 г. приступъ на городъ Пуэбла былъ побѣдоносно отбитъ, и прошло болѣе года, прежде чѣмъ французская армія смогла сорганизоваться и взять, наконецъ, Пуэблу, открывъ, такимъ образомъ, путь внутрь Мексики.

Французы вступили въ этотъ городъ 10 іюня 1863 г. и подготовили тамъ оффиціальное вступленіе на престолъ императора Максимиліана, который принялъ бразды правленія своей имперіей въ слѣдующемъ году, послѣ того какъ получилъ помазаніе на царство отъ римскаго папы. Однако, война отнюдь не была кончена. Хотя французскія войска, опираясь на католическую армію полководцевъ мексиканской консервативной партіи, оказывались почти постоянно побѣдителями въ открытыхъ битвахъ, и хотя республиканское правительство, президентомъ котораго былъ индѣецъ Бенито-Жуарецъ, принуждено было спасаться бѣгствомъ изъ одного города въ другой, оно организовало все же мелкую гверильясскую войну, со всѣхъ сторонъ тревожило побѣдителей—пути сообщенія ихъ постоянно оказывались отрѣзанными, и очень часто они оставались безъ подвоза провіантовъ. Мексиканскихъ патріотовъ вѣшали сотнями, но снова нарождались тотчасъ же тысячи ихъ!

Когда полное крушеніе рабовладѣльческихъ штатовъ повлекло за собою крупный переворотъ въ исторіи американскаго народа, Наполеонъ III понялъ, что ему ничего болѣе не остается, какъ подготовить отступленіе, и что благоразуміе требуетъ измѣнить политику и предоставить императору Максимиліану самому находить выходъ изъ опаснаго предпріятія, если такой выходъ вообще являлся возможнымъ. Несчастный правитель Мексики вообразилъ, что можетъ чего-либо добиться путемъ террора, и въ октябрѣ 1865 г. издалъ декретъ, которымъ угрожалъ смертною казнью въ 24 часа каждому захваченному своему противнику! Этотъ декретъ обратился противъ него самого, и казнь надъ нимъ самимъ была совершена въ слѣдующемъ году въ долинѣ Кверетаро. Онъ царствовалъ три года, но въ теченіе этого періода не протекло ни одного дня, когда бы историки не видѣли ясно, какъ плачевно должна кончиться его судьба—«великая идея» была для него гибельной! Впрочемъ, политическое преступленіе, совершенное Франціей, подчинившейся химерическимъ идеямъ своего императора, было совершено ею безъ моральнаго въ немъ участія и потому не вызвало противъ нея чувства ненависти и мщенія въ душѣ мексиканцевъ. Вполнѣ вѣрный инстинктъ подсказывалъ имъ, что ихъ врагъ—врагъ случайный, а не естественный и отнюдь не желаетъ имъ на самомъ дѣлѣ зла; потому они простили Франціи все совершенное зло и предпочли помнить великія уроки французской революціи и забыть нелѣпые капризы императорской контръ-революціи. Кромѣ того, они понимали, что въ той экономической борьбѣ за существованіе, которая одинаково жестоко ведется отдѣльными народами, какъ и отдѣльными личностями, имъ не приходится вовсе бояться своихъ «латинскихъ» собратьевъ, а скорѣе даже разсчитывать на солидарность съ ними, тогда какъ, напро-

тивъ, имъ слѣдуетъ остерегаться своихъ временныхъ друзей и сосѣдей, живущихъ по ту сторону Ріо-Гранде.

Какъ бы то ни было, исходъ мексиканской войны сильнѣйшимъ образомъ поддержалъ «доктрину Монроэ» и сдѣлалъ ее политическою истиною, о которой болѣе не могло быть и разговоровъ: въ теченіе истекшей половины вѣка честолюбивыя мечтанія превратились въ полную реальность. Съ этого времени уже самое разнузданное воображеніе не могло себѣ представить болѣе, чтобы Франціи, Англіи или



Акведукъ въ Кверетаро.

какой бы то ни было другой европейской державѣ удалось по своему желанію измѣнить политическое равновѣсіе Новаго Свѣта, въ Сѣверной или Южной Америкѣ. Принципъ, установленный президентомъ Монроэ со времени возстанія за испано-американскую независимость, не встрѣчалъ уже болѣе никакихъ противорѣчій. Самою силою вещей Соединенные Штаты добились того, что получили среди державъ западнаго міра выдающееся мѣсто и главенство въ Америкѣ. Онѣ составляли республику, являвшуюся покровительницей другихъ республикъ, и являлись въ общемъ міровомъ укладѣ яркимъ контрастомъ Россійской имперіи—государству, самому обширному по протяженію своей территоріи и въ то же время представляющему главнѣйшую опору консервативныхъ принциповъ стариннаго деспотизма.

Послѣ сильнаго возбужденія, причиненнаго Крымской войной,

русскому правительству пришлось считаться съ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Несмотря на то, что народъ не имѣлъ собственнаго представительнаго органа, при помощи котораго его мнѣнія могли бы оффиціально проявляться, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ сильно взволнованъ, и рядъ мѣстныхъ возмущеній, бывшихъ признаками, предшествующими общему перевороту, свидѣтельствовалъ о все болѣе и болѣе нарастающемъ нетерпѣніи подданныхъ. Какъ ни желало центральное правительство сохранить установившійся порядокъ вещей, оно не могло не знать о такомъ положеніи дѣлъ и пробовало дать хоть нѣкоторое удовлетвореніе требованіямъ, предъявляемымъ народомъ. Безъ сомнѣнія, русскій народъ съ тѣмъ коллективнымъ эгоизмомъ, который свойственъ вообще большому скопленію людей, связанныхъ между собою вѣковою исторіей, допускалъ, чтобы правители его преслѣдовали по отношенію къ чужеземнымъ народамъ политику завоеваній и гнета; онъ смотрѣлъ даже съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ на завоеванія въ отдаленныхъ странахъ, при помощи которыхъ къ имперіи присоединялись обширнѣйшія азіатскія пространства. Онъ вполнѣ одобрительно относился къ войнамъ на Кавказѣ, окончившимся въ 1859 г. плѣненіемъ Шамиля, пророка и предводителя кавказскихъ племенъ, и полнымъ умиротвореніемъ Кавказа въ 1864 г., вслѣдствіе окончательнаго опустошенія всѣхъ находившихся еще въ состояніи возстанія территорій западнаго Кавказа; народныя массы были даже до извѣстной степени въ согласіи со своимъ правительствомъ и сочувствовали его намѣреніямъ, когда было раздавлено новое польское возстаніе 1863 г. Какъ и всѣ другіе народы, населеніе святой Руси требовало справедливости лишь по отношенію къ самому себѣ и принимало охотно участіе въ несправедливостяхъ и жестокостяхъ по отношенію къ другимъ народамъ!

Легче всего уступаютъ правительства въ требованіяхъ улучшеній матеріальнаго характера, такъ какъ ими они сами первыя могутъ воспользоваться. Въ силу этого русское правительство стало постепенно развивать сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая была связана съ единственнымъ желѣзнымъ путемъ, существовавшимъ до того времени, съ желѣзной дорогой, соединявшей между собою обѣ столицы. Кое-гдѣ стали проводить въ дополненіе къ желѣзнымъ путямъ и колесные пути, и черезъ рѣки были переброшены и мосты. Въ то же время были открыты и коекакія школы для молодого поколѣнія нарождающейся буржуазіи, и были объявлены амнистіи за содѣянныя преступленія; такъ, были отпущены на свободу нѣкоторые изъ жившихъ въ изгнаніи декабристовъ, и члены ихъ семей были возстановлены въ правахъ.

Въ то же время въ 1857 г. было рѣшено занести руку и на священное установленіе рабства, которое со времени преступленія, совершеннаго Борисомъ Годуновымъ противъ русской свободы, столь

сильно разъѣло самое сердце русскаго народа. Какъ и всегда въ подобныхъ условіяхъ, это «либеральное» рѣшеніе правительства было продиктовано ему необходимостью. Императоръ Александръ II выяснилъ слѣдующимъ образомъ побужденія, заставляющія такъ поступать, передъ дворянами, собранными въ Кремлѣ: «Дадимъ свободу, чтобы она не была взята силою»! Частичныя возстанія и отдѣльные бунты крестьянъ были часты, и, съ другой стороны, многіе изъ помѣщиковъ были за одно съ возставшими. Доведенные до отчаянія крѣпостные бѣжали во множествѣ въ степи южной Россіи, и нерѣдко кровавыя столкновенія происходили въ имѣніяхъ помѣщиковъ. Число помѣщиковъ, которые погибали отъ рукъ крестьянъ, опредѣлялось въ среднемъ въ 70 человѣкъ въ годъ, причемъ нерѣдко ихъ предавали жесточайшимъ пыткамъ или сжигали живыми [1]).

17 марта 1861 г. (5 марта ст. ст.) началась эра освобожденія крестьянъ. Можно легко представить себѣ, какъ колоссаленъ былъ экономическій и соціальный переворотъ, испытанный народомъ, если вспомнить, что число крестьянъ мужского пола, которые должны были быть освобождены въ Европейской Россіи, въ Сибири и въ Закавказьѣ, достигало почти 12000000 душъ ($10^1/_2$ милліоновъ по переписи 1857 г.—послѣдней, которая была произведена передъ освобожденіемъ); изъ нихъ отъ 800000 до 900000 принадлежало государственнымъ имуществамъ. Къ этому количеству «душъ» мужского населенія должно прибавить почти такое же число женщинъ всѣхъ возрастовъ, такъ что общее число крѣпостныхъ, составлявшее, по Семевскому, около 23000000, представляло собою нѣсколько болѣе половины ($53^0/_0$) всѣхъ крестьянъ имперіи и болѣе трети ($37,5^0/_0$) всего населенія Россіи.

Чисто-административное дѣло освобожденія, начатое постепенно съ губерній, ближе всего находящихся къ цивилизованной Европѣ, продолжалось въ теченіе двухъ лѣтъ, тогда какъ уплата крестьянами денегъ за землю, которую они получили въ нераздѣльную для ихъ общинъ собственность, продолжалась вплоть до конца вѣка. Фактически правительство отнюдь не дало освобожденнымъ крѣпостнымъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые занимались ими въ ту эпоху, когда они были прикрѣплены къ землѣ: ихъ заставили выкупать эту землю, которая по всей справедливости должна была составлять ихъ неоспоримую собственность,—само правительство не позволяло помѣщикамъ лишать крестьянъ земли, что же касается крестьянъ, то они не прекращали вспоминать о землѣ въ своихъ былинахъ, пѣсняхъ и разговорахъ,

Ихъ не только заставили выкупать землю по цѣнамъ, которыя въ

1) Alex. Tratchevski. Revue internationale de Sociologie, août, 1895, p. 19.

нѣкоторыхъ областяхъ составляли двойную и тройную настоящую стоимость земли, но имъ и не позволяли также пріобрѣтать всю площадь участковъ, которые воздѣлывались ими въ крѣпостномъ состояніи. Ихъ надѣлы были особенно сильно обрѣзаны въ плодородныхъ южныхъ губерніяхъ и такъ малы, что могли прокормить землепашца и его семью развѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы примѣнялись усовершенствованные пріемы земледѣлія, о которыхъ въ тѣ времена въ Россіи не могло быть и рѣчи. По существу подъ видомъ выкупа крестьяне принуждены были вознаграждать помѣщиковъ за предоставленіе личной свободы и за освобожденіе отъ тѣхъ трехъ дней въ недѣлю барщины, которые каждый крѣпостной безъ различія пола долженъ былъ работать на помѣщика [1]).

Важнѣйшимъ результатомъ, вызваннымъ освобожденіемъ крестьянъ, явилось разореніе очень большой части представителей дворянскаго сословія. Какъ только дворяне, въ особенности тѣ изъ нихъ, кто бывалъ въ своихъ помѣстьяхъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ во время лучшаго времени года, получили выкупныя свидѣтельства, они тотчасъ же заложили ихъ и растратили полученныя суммы, предаваясь безумной роскоши. Другіе продали земли, составлявшія ихъ частную собственность: говорятъ, что около 30000000 десятинъ стало въ короткій срокъ достояніемъ спекуляторовъ и ростовщиковъ, въ то же время какъ государство путемъ различныхъ облегченій, предоставляемыхъ при залогѣ земель, а также и путемъ конфискацій сдѣлалось фактическимъ владѣльцемъ большей части земель дворянства. Наконецъ, многіе изъ помѣщиковъ, и, безъ сомнѣнія, это было большинство, привлекались скорѣе жизнью чиновниковъ, чѣмъ жизнью землевладѣльцевъ, предпочитали сдавать свои земли крестьянамъ въ аренду, чѣмъ заниматься ими, и влекли своихъ прежнихъ крѣпостныхъ къ полному разоренію.

При быстромъ ростѣ земледѣльческаго населенія, лишеннаго достаточнаго количества земли и способнаго въ то же время исключительно лишь къ земледѣлію, арендныя цѣны на земли вскорѣ сильно возросли. Такимъ образомъ, въ теченіе сорока лѣтъ положеніе сорока милліоновъ крестьянъ центральной Россіи не переставало ухудшаться: расходы по выкупу, увеличивающіеся налоги, повышеніе арендныхъ цѣнъ, незнаніе хорошихъ способовъ обработки земли привели русскаго земледѣльца къ такому же точно положенію, въ какомъ находилось земледѣльческое населеніе Ирландіи. Конечно, были и исключенія,—кое-гдѣ, главнымъ образомъ, въ Московской губерніи, наблюдались достаточное проявленіе иниціативы и достаточная поддержка одной части населенія другою, такъ что удалось замѣнить первобытную соху глубоко поднимающимъ землю плугомъ, ввести посѣвы клевера и четырехлѣтній сѣвооборотъ. Огромное

---

[1]) Pierre Kropotkine. Notes manuscrites.

число крестьянъ, однако, погибло отъ нищеты или непосредственно изъ крѣпостныхъ путъ попало въ еще худшія цѣпи рабства, налагаемыя ростовщиками, евреями или православными. Сколько многолюдныхъ общинъ и обширныхъ округовъ потерпѣло полное разореніе вслѣдствіе продолжительныхъ неурожаевъ и вѣчно угрожающихъ голодовокъ!

Въ это же самое время имѣлъ мѣсто еще одинъ очень существенный фактъ,—именно нарожденіе въ Россіи рабочаго пролетаріата: этотъ новый классъ образовался въ то самое время, какъ произошло усиленіе класса буржуазіи благодаря основанію большого числа фабрикъ и порабощенію торговли; впрочемъ, въ противоположность тому, какъ можно было бы думать, фабричные рабочіе все же составляютъ въ Россіи незначительное меньшинство населенія. Тогда какъ въ центральныхъ губерніяхъ мелкіе кустарные крестьянскіе промыслы занимаютъ не менѣе 7000000 душъ, работа на фабрикахъ, несмотря на всѣ преміи и поощренія со стороны правительства, направленныя къ развитію фабричной промышленности, занимаетъ не болѣе какъ 2000000 рабочихъ, иначе говоря, отнимаетъ отъ земледѣльческаго труда менѣе чѣмъ одну пятидесятую всего прироста населенія за время отъ 1861 до 1905 г. Еще и въ настоящее время значительное большинство населенія Россіи имѣетъ своимъ единственнымъ рессурсомъ земледѣліе.

Каждый крупный переворотъ порождаетъ какъ прогрессивныя, такъ и регрессивныя явленія, и въ зависимости отъ того, которыя изъ нихъ подвергаются изслѣдованію исторіи, послѣдняя либо превозноситъ, либо оплакиваетъ результаты даннаго событія. Поскольку дѣло касается, однако, послѣдствій освобожденія крѣпостныхъ въ Россіи, никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи быть не можетъ. Несмотря на всѣ упущенія и все нежеланіе, несмотря на злокозненныя попытки реформаторовъ, старавшихся отнять одной рукой то, что давалось другою, рабство все же оказалось уничтоженнымъ; помѣщикъ-землевладѣлецъ не имѣлъ болѣе права стегать кнутомъ своего слугу, и помѣщица не могла болѣе втыкать булавки въ тѣло своей горничной-соперницы; землепашецъ могъ съ этого времени обрабатывать свою полосу съ пѣснею, такъ какъ выкупилъ свою землю, могъ назвать ее своею собственностью и съ полною любовью вкладывать въ нее свой трудъ. Замѣчательнымъ слѣдствіемъ освобожденія было то, что въ инертной до тѣхъ поръ массѣ населенія стало образовываться общественное мнѣніе и, въ силу естественной логики вещей, съ нимъ приходилось считаться. Благодаря этому, пришлось, къ величайшему негодованію консерваторовъ, создать въ Россіи судъ присяжныхъ: однимъ изъ самыхъ громкихъ приговоровъ этого новаго суда было оправданіе одной молодой дѣвушки, Вѣры Засуличъ, которая стрѣляла въ градоначальника, бывшаго главнымъ виновникомъ наказанія плетьми одного изъ заключенныхъ (1878). Точно

также правительство было принуждено создать земство и допустить въ него крестьянъ. Такимъ образомъ, въ Россіи появились вещи совершенно небывалыя: мировые судьи, избиравшіеся путемъ двухстепенныхъ выборовъ всѣмъ крестьянствомъ на равныхъ правахъ съ помѣщиками, и нѣчто въ родѣ сельскихъ парламентовъ, гдѣ крестьяне позволяли себѣ отстаивать свои собственные интересы, причемъ дѣлали это съ полнымъ смысломъ и даже съ умомъ. Безъ сомнѣнія, различныя ограничительныя мѣры, предпринятыя въ особенности въ царствованіе Александра III, уничтожили почти совершенно эту первую попытку создать непосредственное народное представительство и прямую защиту народныхъ интересовъ; однако, было уже несомнѣнною и непоколебимою истиною, что никакое правительство не имѣло болѣе возможности вычеркнуть совершившагося изъ исторіи и не могло измѣнить того, что русскій народъ находился уже, въ силу охватившаго его соціальнаго и политическаго движенія, въ условіяхъ, аналогичныхъ съ тѣми, въ какихъ были и другіе культурные народы Европы. Всѣ перевороты въ области мысли должны были, слѣдовательно, неминуемо находить общество вполнѣ подготовленнымъ къ ихъ воспріятію и пониманію. Современный міръ расширился на все то огромное пространство, какое занимаетъ Россія!

Волостной судъ.

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ.

◆◆◆

Хронологія.

1866 г. — 14 іюня объявленіе Пруссіей и Италіей войны Австріи; 24 іюня битва при Кустоццѣ; 3 іюля битва при Садовой или при Кёниггрецѣ; 4 іюля возвращеніе Венеціи Франціи; 17 іюля пруссаки подступаютъ къ Вѣнѣ; 20 іюля битва при Лиссѣ; 21 іюля перемиріе.—Конгрессъ рабочаго интернаціонала въ Женевѣ.—4 ноября Ментана.

1867 г. — 5 февраля французы покидаютъ Мексику; 19 іюня—казнь императора Максимиліана.—Россія продаетъ Аляску Соединеннымъ Штатамъ.—Возстанія на Критѣ и на Кубѣ.

1868 г. — 17 сентября возстаніе въ Кадиксѣ; 30 сентября бѣгство королевы Изабеллы.—Взятіе Самарканда русскими.—Государственный переворотъ въ Японіи.

1869 г. — 17 ноября открытіе Суэцкаго канала.

1870 г. — 8 мая плебисцитъ; 19 іюля объявленіе войны Пруссіи; 2 августа первыя столкновенія; 14—18 августа сраженія при Борни, Резонвиллѣ, Гравелоттѣ, Сенъ-Прива; 1—2 сентября — Седанъ; 4 сентября провозглашеніе республики, 18 сентября обложеніе Парижа; 27 октября сдача Меца; 9 ноября битва при Кульмье; 3 января 1871 г. битва при Бапомѣ; 10 января битва при Вилльесекселѣ; 18 января прусскій король провозглашенъ императоромъ германскимъ въ Версалѣ; 28 января сдача Парижа и перемиріе; 1 февраля восточная армія ищетъ убѣжища въ Швейцаріи.

1870 г. — 20 сентября вступленіе итальянцевъ въ Римъ; 16 ноября Амедей Савойскій провозглашенъ королемъ Испаніи.

1871 г. — 8 февраля выборы во Франціи; 1 марта заключеніе мира; 18 марта — 28 мая парижская Коммуна.

1872 г. — Начало карлистской войны.

1873 г. — 11 февраля Амедей покидаетъ Испанію.—24 мая маршалъ Макъ-Магонъ занимаетъ мѣсто Тьера.—Въ іюлѣ федералистское движеніе въ Малагѣ, въ Кадиксѣ, въ Севильѣ и въ Картагенѣ.—16 сентября очищеніе французской территоріи отъ германскихъ войскъ; 20 ноября организація септенната.—Русскіе берутъ Хиву.

1874 г. — 3 января государственный переворотъ генерала Павія.—12 января сдача Картагены; 29 декабря королевская власть возстановлена Мартинецомъ Кампосъ.

1875 г. — 30 января установленіе французской республики вотировано 353 голосами противъ 352. Возстаніе въ Герцеговинѣ.

1876 г. — 28 февраля конецъ карлистской войны.—29 мая низложеніе Абдулъ Азиса, убитаго 11 іюня; 31 августа Абдулъ-Гамидъ замѣщаетъ Мурада V.—Война сербовъ съ турками.

1877 г. — 16 мая государственный переворотъ Макъ-Магона; въ октябрѣ перензбраніе 363.—22 іюня русскіе переходятъ Дунай; съ іюля по декабрь борьба у Плевны; 18 ноября взятіе Карса.

1878 г. — 14 февраля англійскій флотъ входитъ въ Дарданеллы; 3 марта Санъ-Стефанскій договоръ; 13 іюня—13 іюля Берлинскій конгрессъ.

1879 г. — 30 января отставка Макъ-Магона.—Англо-афганская война.—Война между Чили и союзомъ Боливіи съ Перу.

1881 г. — Русскіе вступаютъ въ Туркестанъ, французы—въ Тунисъ.—Өессалія возвращается Греціи.

1882 г. — 11 іюля бомбардировка Александріи; англичане занимаютъ Египетъ.—Взятіе Ханой.

1883 г. — Разгорается война между Сербіей и Болгаріей.—Французы завладѣваютъ Аннамомъ.

1884 г. — Русскіе берутъ Мервъ.—Война французовъ въ Китаѣ.

1885 г. — Въ февралѣ Берлинская конференція организуетъ занятіе европейцами Африки.—18 сентября союзъ Румеліи съ Болгаріей.—26 января взятіе Хартума Махди.—28 февраля пораженіе при Ланъ-Сонѣ; 9 іюня заключенъ миръ между Франціей и Китаемъ.—Англія завладѣваетъ Бирмой.

1886 г. — Европейская блокада препятствуетъ Греціи начать войну.

1889 г. — 15 ноября провозглашеніе республики въ Бразиліи.

1894 — 1895 г. Японо-Китайская война.—Начало постройки великаго Сибирскаго пути.

1896 г. — 1 марта пораженіе итальянцевъ при Адуѣ.

1897 г. — Возстаніе на Критѣ; греко-турецкая война.

1898 г. — Дѣло Дрейфуса.—Съ мая по августъ испано-американская война.—Въ сентябрѣ битва при Омдурманѣ; французы и англичане въ Фашодѣ.—Русскіе занимаютъ Портъ-Артуръ и англичане Вей-хай-вей.

1899 г. — Въ январѣ Германія занимаетъ Кіао-Чау; возстаніе на Филиппинахъ.

1900 г. — Боксерское движеніе въ Китаѣ; отправленіе противъ него европейскихъ войскъ.

Примѣреніе между трудомъ и капиталомъ невозможно, но каждая новая борьба между ними даетъ въ результатѣ мировую сдѣлку, которая все болѣе и болѣе приближается къ справедливости.

Глава двадцатая.

РАБОЧІЙ ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ. — СУЭЦКІЙ КАНАЛЪ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ САДОВОЙ.—ЕДИНСТВО ИТАЛИИ.—ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА.—СОБЫТІЯ ВЪ ИСПАНІИ.—ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ИСПАНСКІЙ ФЕДЕРАЛИЗМЪ.—ФИЛЛОКСЕРА.—РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.—БЕРЛИНСКІЙ ТРАКТАТЪ. — РАСШИРЕНІЕ КОЛОНІАЛЬНЫХЪ ВЛАДѢНІЙ.—РАЗДѢЛЪ АФРИКИ.—ЕВРОПА И АЗІЯ.-ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА.—ОБЪЕДИНЕНІЕ НАРОДНОСТЕЙ.

Различные перевороты въ Европѣ, благодаря которымъ было выброшено за предѣлы своего отечества множество изгнанниковъ и бѣглецовъ, имѣли, по меньшей мѣрѣ, то положительное значеніе въ исторіи, что помогли этимъ изгнанникамъ образовать новыя группировки внѣ исключительно національныхъ чувствъ, посящихъ всегда мелочной характеръ. Въ тѣхъ кварталахъ центральной части Лондона,

гдѣ, въ силу естественной потребности во взаимной поддержкѣ, постоянно сталкивались революціонеры разныхъ странъ—итальянцы изъ Венеціи, Генуи и Рима, испанцы изъ Барцелоны и Валенціи, парижане и баденцы, поляки и русскіе, здѣсь на этой нейтральной почвѣ должно было возникнуть ихъ объединеніе: общность цѣли и интересовъ, одинаковость примѣняемыхъ средствъ приводили, по крайней мѣрѣ, къ частичному соглашенію этихъ изгнанниковъ, несмотря на всѣ препятствія, представлявшіяся въ силу различія въ нравахъ и въ языкѣ, и несмотря на соперничество и честолюбіе тѣхъ лицъ, кто среди нихъ главенствовалъ. Такимъ образомъ, сформировалось нѣчто въ родѣ тайнаго правивительства, стоящаго во главѣ возникающихъ Соединенныхъ Штатовъ Европы, притомъ сформировалось безъ вѣдома гордой Англіи, которая не удостоивала вникать въ дѣятельность впавшихъ въ несчастіе людей, пользовавшихся у нея убѣжищемъ и работавшихъ надъ переустройствомъ всего міра. Такая попытка международнаго соглашенія, въ видахъ установленія новаго европейскаго равновѣсія, покоящагося на гражданской свободѣ и на равномъ признаніи интересовъ всѣхъ государствъ, являлась, безспорно, политическимъ фактомъ первѣйшаго порядка; однако, взаимныя обязательства, взятыя на себя заключавшими договоръ, были лишены народной санкціи, которая одна лишь можетъ реализировать ихъ въ будущемъ; къ тому же большинство этихъ политическихъ дѣятелей принимали сами участіе въ дѣлѣ управленія своею страною и потому отнюдь не были лишены нѣкоторой заинтересованности въ выполненіи своей миссіи.

Гораздо болѣе значенія, чѣмъ такое предварительное соглашеніе между представителями различныхъ народовъ, имѣло другое международное соглашеніе—рабочій Интернаціоналъ, зародившійся внезапно въ средѣ рабочаго пролетаріата всѣхъ европейскихъ народовъ. Астрономы, географы и путешественники открыли матеріальное единство нашей планеты, и вотъ теперь низшіе рабочіе классы Англіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи почувствовали потребность взаимнаго объединенія, несмотря на то, что, казалось, самой судьбою имъ было предназначено другъ друга ненавидѣть и, несмотря на то, что они съ трудомъ лишь могли между собою объясняться на чуждомъ имъ языкѣ; все же они образовали одну сплоченную группу, объединились въ одну единую націю, вопреки всѣмъ традиціямъ и всѣмъ законамъ тѣхъ государствъ, къ которымъ принадлежали. Духовное единство, объединеніе человѣчества, о которомъ философы столько нѣкогда толковали, и о которомъ большинство изъ нихъ мечтало лишь какъ о несбыточной фантазіи, начало, наконецъ, принимать реальныя формы на грязныхъ улицахъ Лондона, подъ покровомъ дымнаго, желтоватаго лондонскаго тумана.

Начало этого дѣла имѣло очень скромные размѣры, и корни его

трудно даже прослѣдить, хотя они и многочисленны и проникаютъ далеко въ прошедшее, подобно корнямъ и корешкамъ огромнаго дерева, пронизывающимъ почву. Съ полною справедливостью можно сказать, что еще до революціи 1848 г. нѣкоторыя группы соціалистовъ подготовляли организацію Интернаціонала, и кое-кто изъ честолюбивыхъ дѣятелей партіи приписывалъ даже себѣ славу перваго рѣшительнаго толчка, начавшаго это движеніе. Фактъ тотъ, что послѣ многочисленныхъ попытокъ эта новая ассоціація реально возникла въ 1864 г. на народныхъ собраніяхъ въ Лондонѣ; она возникла уже вполнѣ сознательно относящеюся къ своимъ задачамъ, говорила на языкѣ, всѣ выраженія котораго являлись точно опредѣленными и продуманными, такъ какъ люди, къ ней принадлежавшіе, обращались къ цѣлому міру и знали, что слова ихъ будутъ раздаваться отъ вѣка и до вѣка. Понимая вполнѣ, что «эманципація рабочихъ можетъ совершиться лишь усиліями самихъ рабочихъ», международная ассоціація обращалась съ призывомъ ко всему рабочему міру, приглашала его бороться со всѣми монополіями, со всѣми классовыми привилегіями и предостерегала ихъ противъ всякаго участія въ борьбѣ и въ интригахъ буржуазной политики. По общему своему тону манифестъ рабочаго Интернаціонала звучалъ военнымъ кличемъ противъ всѣхъ правительствъ, и чрезъ ихъ головы онъ обращался съ братскими словами ко всему человѣчеству, для котораго «истина, справедливость, нравственность должны были служить руководною нитью безо всякаго ограниченія расы, вѣры или національности. Не должно быть ни долга безъ правъ, ни правъ безъ долга». Быть-можетъ, въ этомъ воззваніи объединившихся рабочихъ было одно лишь лишнее слово, именно упоминаніе «вѣры», такъ какъ человѣкъ, который вѣруетъ въ сверхъестественную силу и который слѣдуетъ слѣпо велѣніямъ, предполагаемымъ имъ ниспосланными съ неба, не можетъ имѣть никакого представленія о свободѣ и, слѣдовательно, не будетъ никогда принадлежать всецѣло ассоціаціи товарищей, требующихъ своихъ правъ и добивающихся ихъ жестокою борьбою.

Велико было возбужденіе въ классѣ собственниковъ, представители котораго распредѣляютъ между собою лучшія мѣста и заставляютъ работать на себя массы крестьянъ и рабочихъ. Движимая страхомъ, рисующимъ въ настоящемъ реализацію будущаго, буржуазія вообразила, что массы рабочаго люда примкнули уже къ той группѣ избранныхъ, которая представляла собою Интернаціоналъ, и что тысячи пролетаріевъ обратились уже противъ нея съ самыми враждебными намѣреніями. Это была иллюзія, за которую она позднѣе отомстила массовыми заключеніями въ тюрьмы, изгнаніями и разстрѣлами. Однако, какъ ни мало было первоначально число людей, сознательно относившихся къ могуществу идеи, понимавшихъ непримиримый антагонизмъ, суще-

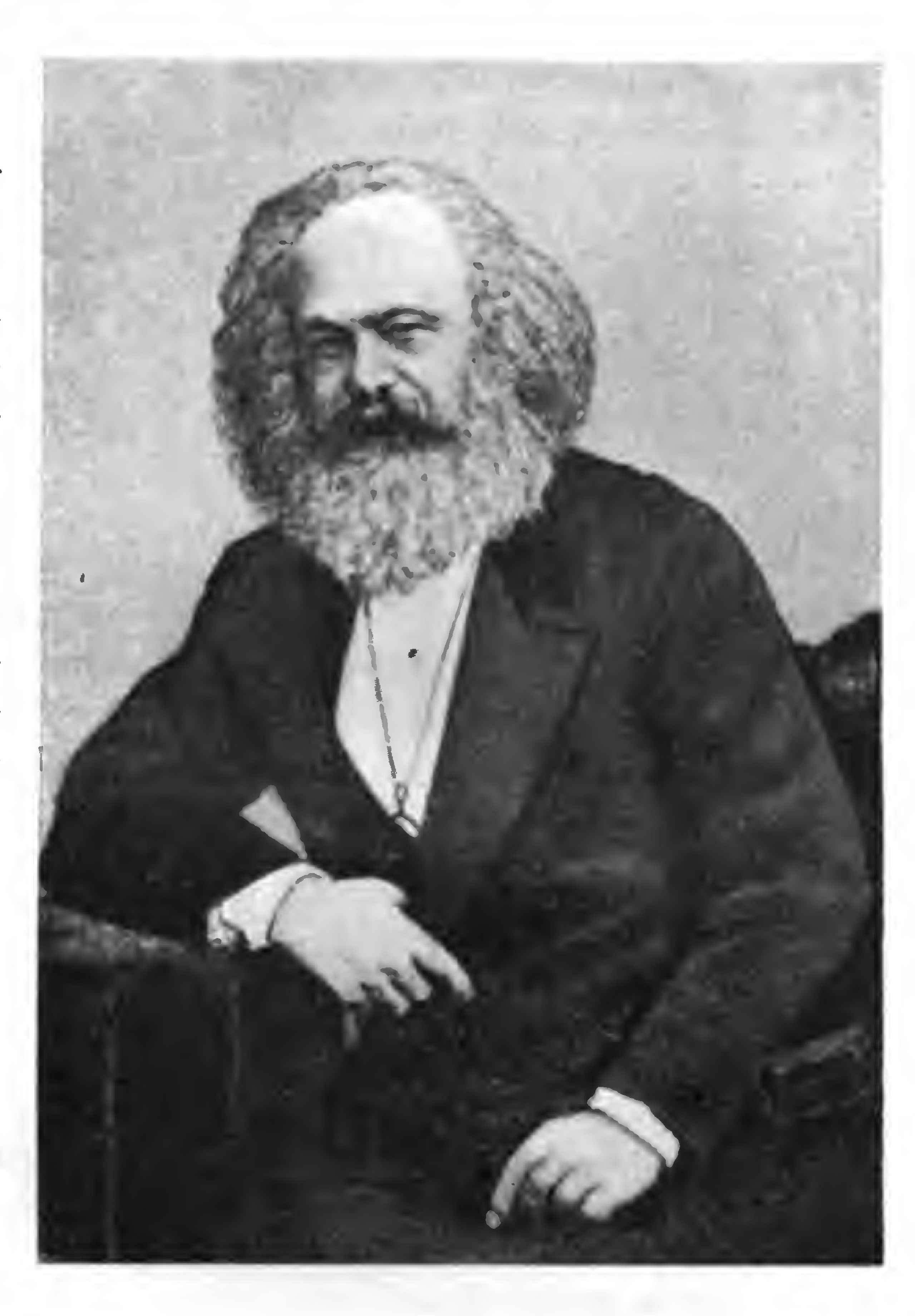
ствующій между свободнымъ трудомъ и монополіей капиталистовъ, преслѣдованія не могли все же достичь своей цѣли. На этотъ разъ сѣмя было брошено на благопріятную почву. Особенно во Франціи имѣли наивность думать послѣ эпохи Коммуны, что законы, декреты и угрозы судомъ подавили окончательно Интернаціоналъ, и зерно было извлечено съ корнемъ изъ почвы. На самомъ дѣлѣ, внѣ зависимости отъ того, сохранилось ли, или исчезло названіе, измѣнились ли, или были замѣнены ярлыки, фактъ остался фактомъ, столь же непоколебимымъ, какъ всякое велѣніе Провидѣнія. Рабочій Интернаціоналъ является продуктомъ современной цивилизаціи. Рабочіе вышли изъ первобытнаго невѣжества: они знаютъ и будутъ знать все болѣе и болѣе твердо, что интересы всѣхъ ихъ общіе, невзирая на какія бы то ни было границы на каждомъ клочкѣ поверхности земного шара; имъ извѣстно, что ихъ собственное небольшое отечество будетъ непрерывно уменьшаться по сравненію съ великою отчизною, каковую представляетъ собою человѣчество.

Михаилъ Бакунинъ, 1814—1876.

Впрочемъ, правители, несмотря на борьбу съ однимъ изъ элементовъ общаго международнаго объединенія, именно съ рабочимъ Интернаціоналомъ, были, тѣмъ не менѣе, вовлечены всѣмъ ходомъ исторіи въ кругъ событій, который долженъ привести къ тому же самому результату,—они сами работали на пользу уничтоженія преградъ между

націями на континентѣ Европы: желѣзнодорожныя сѣти сплетались между собою все болѣе и болѣе тѣсно; былъ пробитъ туннель подъ Альпами, чтобы соединить Францію съ Италіей, въ то же время какъ въ Сѣверной Америкѣ лихорадочно строили желѣзный путь черезъ плоскогорья и пустыни Скалистыхъ горъ для тѣснѣйшаго соединенія черезъ континентальныя пространства величайшихъ портовъ Атлантическаго и Тихаго океановъ—Нью-Іорка и Санъ-Франциско.

Работали даже и надъ еще болѣе великой задачей, заключавшейся въ томъ, чтобы перерѣзать тотъ тонкій перешеекъ, который соединяетъ Африку съ остальною частью Стараго Свѣта. По существу это было возобновленіе дѣла, совершеннаго уже, по всѣмъ вѣроятіямъ, самою природою въ теченіе короткой эпохи четвертичнаго періода,—дѣло, которое и люди уже осуществили нѣкогда, болѣе двухъ тысячелѣтій тому назадъ, нѣсколько обходнымъ путемъ. Преданія и исторія сообщаютъ о прорытіи канала, ведшаго отъ восточной вѣтви Нила къ Арсинойскому заливу, въ концевой части Краснаго моря, и извѣстно, что Дарій, воспользовавшись работами фараона Нехо, сдѣлалъ этотъ каналъ настолько широкимъ, что въ немъ могли расходиться двѣ триремы. Засыпанный песками, этотъ каналъ былъ затѣмъ возобновленъ при Птолемеяхъ и позднѣе былъ вторично возстановленъ въ царствованіе Траяна; это была та «рѣка», по которой перевозились на берега Нила



Карлъ Марксъ, 1818—83.

Въ Инцернаціоналѣ Карлъ Марксъ являлся сторонникомъ централистской и соціалистической тенденціи, тогда какъ Бакунинъ—сторонникомъ федералистической и анархистской.

огромныя глыбы порфира, извлекавшіяся изъ скалъ по берегамъ Краснаго моря. Амру возстановилъ еще разъ этотъ судоходный путь; но послѣ него песокъ и илъ сдѣлали снова свое дѣло, и, въ теченіе одиннадцати вѣковъ, Африка опять являлась плотно прикрѣпленной къ континентальному тѣлу Азіи. Впрочемъ, всѣ великіе умы мечтали о возстановленіи этого египетскаго канала. Стихи, которые Марлоу [1]) влагаетъ въ уста Тамерлана, свидѣтельствуютъ о томъ, насколько очаровывала мысль о прорытіи перешейка воображеніе всѣхъ въ эпоху Возрожденія:

Здѣсь, не вдали отъ стѣнъ Александріи славной,
Гдѣ волны Тиррскія такъ близки къ волнамъ Чермнымъ,
Гдѣ сотня стадій лишь моря разъединяетъ,—
Здѣсь я бъ прорылъ каналъ, глубокій и широкій,
Чтобъ быстро могъ корабль на крыльяхъ вѣтра
До брега Индіи богатой донестися!

Въ періодѣ самаго разгара современной промышленной жизни, въ то время, когда отъ интенсивнаго труда рабочаго класса ожидалось нѣчто въ родѣ всемірнаго возрожденія, ученики Сенъ-Симона стали фанатиками прорытія перешейка между Азіей и Африкой, сдѣлали изъ него почти догматъ своей религіи, и именно ими посланные инженеры выполнили предварительныя нивелировки и создали проекты, которыми позднѣе воспользовались дѣльцы и финансисты. Можно сказать, что теоретически каналъ былъ прорытъ уже въ тѣ времена, когда Бурдалу окончилъ свою нивелировку отъ одного моря до другого, въ 1847 г. Однако, болѣе 20 лѣтъ должно было пройти, прежде чѣмъ удалось восторжествовать окончательно надъ политическими соперничествами, надъ торговой конкуренціей и надъ нежеланіемъ Великобританіи и Порты допустить прорытіе канала. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы не щедрость египетскаго хедива Измаила-Паши, если бы не многіе милліоны франковъ, ушедшіе на рекламу, и если бы не безплатный трудъ обязанныхъ барщиной феллаховъ, которые мѣшками переносили землю, вырываемую изъ канала, то этой побѣды и вовсе бы не одержать. Наконецъ, 17 ноября 1869 г. разукрашенная и расцвѣченная флагами флотилія судовъ вступила въ междуокеанскій каналъ, соединяющій Портъ-Саидъ съ озеромъ Тимса. Это было, безъ сомнѣнія, одно изъ величайшихъ событій въ исторіи торговли и даже вообще въ исторіи завоеванія человѣчествомъ земного шара; однако, банальные оцѣнщики этихъ событій видятъ въ нихъ лишь тріумфъ Франціи, ин-

1) Marlowe, «Tamburlaine the Great»: «And here, not far from Alexandria,— Whereas the Tyrrhene and the Red Sea meet,—Beeing distant less than full a hundred leagues,—I mean to cut a channel to them both,—That men might quickly sail to India!»

женеры которой подготовили своими изслѣдованіями это дѣло, въ то же время, какъ капиталисты снабдили его капиталами.

Это торжество человѣчества было, однако, внезапно нарушено страшнымъ потрясеніемъ, обусловленнымъ, съ одной стороны, франко-

№ 461. Пути отъ Лондона до Бомбея.

Современный путь идетъ чрезъ Москву, Ташкентъ, Мервъ, пока не проведенъ еще желѣзнодорожный путь чрезъ Одессу, Тифлисъ, Тегеранъ, Кветту.— Морской путь проходитъ либо вокругъ мыса Доброй Надежды, либо чрезъ Гибралтаръ, Суэцъ, Аденъ.—Смѣшанными путями являются пути на Марсель и Суэцъ, или Константинополь, Адану и Ковейтъ.

Дуга большого круга, соединяющая Лондонъ и Бомбей, представлена на этой картѣ въ видѣ прямой линіи; разстоянія на картѣ (10 градусовъ въ сантиметрѣ) правильны вдоль основанія и по вертикали. Корабль при огибаніи мыса Доброй Надежды находится отъ Бомбея дальше, чѣмъ при выходѣ изъ Лондона.

прусской войной, съ другой—полною перемѣной политики Англіи: эта страна, не перестававшая проявлять сильнѣйшую оппозицію прорытію Суэцкаго канала въ теченіе всего періода работъ, измѣнила внезапно свои намѣренія, какъ только дѣло было закончено, и путемъ покупки акцій оказалась главнѣйшей владѣлицей пути, предназначеннаго сдѣ-

латься великою дорогою въ Индію. Пока Англія могла опасаться, что какая-нибудь другая держава устроится прочно въ Египтѣ, на этомъ главномъ промежуточномъ этапѣ между Лондономъ и Бомбеемъ, она должна была прилагать всѣ свои старанія къ тому, чтобы путь вокругъ Африки, мимо мыса Доброй Надежды, оставался единственнымъ путемъ, по которому направлялись суда. Какъ только, однако, былъ открытъ второй путь, болѣе короткій и менѣе опасный, такъ Англіи пришлось, во что бы то ни стало, добиваться того, чтобы если не вполнѣ завладѣть имъ, то, по меньшей мѣрѣ, занять первое мѣсто среди его владѣльцевъ. Однако, превыше всѣхъ соперничествъ между народами являлась въ данномъ случаѣ, въ качествѣ высшей цѣли всего человѣческаго рода, задача сближенія народностей и расъ, и соединеніе, такъ сказать, тихоокеанскаго побережья съ Атлантическимъ, пересоздавшее совершенно очертанія и распредѣленіе материковъ.

Подобные результаты играютъ въ міровой исторіи гораздо болѣе важную роль, чѣмъ относительно мимолетныя слѣдствія, обусловливаемыя столкновеніями народовъ, даже войнами, какъ ни ужасны послѣднія, и какъ ни многочисленны причиненныя ими бѣдствія. Въ эту эпоху иниціатива во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ не принадлежала уже болѣе Франціи, у которой не было настоящей національной политики, и во главѣ которой стоялъ тогда больной, слабый и нерѣшительный человѣкъ. Всю дипломатію вела Пруссія, которая сама направлялась и руководилась личностью, обладавшею яснымъ умомъ и могучею волею и стоявшею превыше всякихъ укоровъ совѣсти или предразсудковъ. Князь Бисмаркъ прекрасно расчистилъ политическую почву германскаго міра, установивъ совершенно неоспоримымъ образомъ гегемонію Пруссіи въ дѣлахъ Германіи. Первоначально въ 1864 г. онъ рѣшилъ въ пользу Пруссіи вопросъ о границахъ съ Даніей, присоединивъ къ Пруссіи всю область этого королевства, расположенную къ югу отъ Фленсбурга и бывшую безспорно германской; кромѣ того, онъ даже перенесъ политическую границу на сто километровъ далѣе къ сѣверу, на самую территорію датскаго королевства. Чтобы какъ-нибудь привести въ соглашеніе этотъ поступокъ съ національнымъ вопросомъ, было установлено, что датчане могутъ при случаѣ снова присоединиться къ своему скандинавскому отечеству путемъ свободнаго голосованія, но такого голосованія никогда не требовалось. Пруссія сдѣлалась, такимъ образомъ, владѣтельницей чрезвычайно важной въ стратегическомъ смыслѣ области: Шлезвигъ-Гольштейнъ господствуетъ надъ устьями Эльбы и Травы и заключаетъ въ своихъ предѣлахъ ту полосу, по которой проходитъ великій морской каналъ, соединяющій Киль съ Эльбой; каналъ этотъ, съ самой эпохи присоединенія страны, считался одной изъ необходи-

мѣйшихъ работъ, которая должна быть произведена для завершенія всего дѣла созиданія будущей имперіи [1]).

Послѣ этого перваго успѣха, гарантировавшаго положеніе Пруссіи со стороны сѣвера и дававшаго ей вполнѣ законченную стратегическую границу, удобную какъ для наступательныхъ, такъ и для оборонительныхъ дѣйствій, предстояло предпринять еще болѣе рѣшительное дѣйствіе,—именно изгнать Австрію изъ Германскаго союза. Комбинація эта казалась тѣмъ болѣе трудно осуществимой, что Австрія оказала поддержку Пруссіи при завоеваніи Гольштейна, между тѣмъ какъ первымъ же актомъ признательности со стороны Пруссіи должно было быть объявленіе ей войны. Никакихъ колебаній, однако, не было, и путемъ ловкихъ дипломатическихъ маневровъ удалось легко поссорить эти двѣ великія германскія державы. Въ 1866 г. возгорѣлась война, и Пруссія, лучше вооруженная, съ давнихъ поръ готовившаяся къ военнымъ дѣйствіямъ, ясно сознававшая намѣченную цѣль и урегулировавшая отношенія съ остальной Европой, гдѣ она гарантировала себѣ союзъ съ Италіей и невмѣшательство Франціи и Россіи, шла почти математически точно къ побѣдѣ. Черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны она выдержала уже рѣшительную побѣду при Садовой и воспользовалась своимъ тріумфомъ очень ловко, не потребовавъ отъ Австріи ничего, кромѣ нравственнаго удовлетворенія, на самомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе дѣйствительнаго, что оно налагало на побѣжденныхъ извѣстнаго рода долгъ благодарности. Древняя Габсбургская имперія оказалась, такимъ образомъ, исключенной изъ германскаго союза, тогда какъ другія государства Германіи, королевства, княжества, герцогства и «свободные» города измѣнили направленіе своей политики и силою вещей были принуждены тяготѣть къ Пруссіи, въ районъ притяженія которой они попали.

Такимъ образомъ, германскій народъ, который въ 1848 г. попытался совершенно самостоятельно конституироваться, оказался теперь черезъ 20 лѣтъ реформированнымъ волею единаго властителя. Однако, теперь онъ былъ представленъ не полностью, такъ какъ австрійскіе германцы были поставлены за предѣлы этой новой группировки,—такимъ образомъ, предстояло въ будущемъ вернуться снова къ войнамъ или ко внутреннимъ переворотамъ, чтобы довершить то дѣло, которое было начато. Въ корнѣ своемъ эта политика «крови и желѣза», въ которой историки, преклоняющіеся предъ успѣхомъ, видятъ свидѣтельство геніальности прусскаго монархизма, заключалась на самомъ дѣлѣ въ воспрепятствованіи силою или хитростью свободному и полному развитію и сформированію германскаго народа и вела къ тому, чтобы превра-

[1]) См. карту № 295, т. III, стр. 489.

тить его въ сплошное войско, въ кадры котораго къ тому же входятъ далеко не всѣ германцы.

Единство пангерманизма, такимъ образомъ, еще не является совершившимся фактомъ; что же касается итальянскаго единства, то эту историческую ступень можно считать уже окончательно пройденной. Тѣмъ не менѣе, Италія въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Австріи отнюдь не была счастливой. На сушѣ она проиграла сраженіе при Кустоццѣ, на морѣ же ея флотъ, на который она возлагала много надеждъ, былъ разбитъ и разсѣянъ въ Адріатическомъ морѣ, вблизи острова Лиссы. Въ это время Австрія, военный престижъ которой по отношенію къ Италіи былъ спасенъ, была, тѣмъ не менѣе, принуждена перевести свои войска черезъ Альпы, чтобы защитить свою столицу противъ Пруссіи; изъ затруднительнаго положенія она вышла очень эффектнымъ способомъ, уступивъ Венецію своему союзнику Наполеону III, который, въ свою очередь, вернулъ ее Виктору-Эммануилу подъ условіемъ, что она будетъ принята лишь послѣ всеобщаго голосованія. Послѣ различныхъ дипломатическихъ фокусовъ, направленныхъ къ тому, чтобы закрѣпить за Пруссіей заслугу уступки Венеціи, старинное Пьемонтское королевство, достигнувъ естественныхъ границъ Апеннинскаго полуострова, получило, наконецъ, возможность округлить свои владѣнія вплоть до Альповъ: Италія являлась, такимъ образомъ, со стороны географической, вполнѣ законченнымъ цѣлымъ, и лишь съ той точки зрѣнія законченность ея оказывалась неполной, если считать, что политика должна повиноваться желаніямъ населенія,—дѣло въ томъ, что, безъ сомнѣнія, въ южномъ Тиролѣ и въ Истріи населеніе, говорящее на итальянскомъ языкѣ, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, также желало бы присоединиться къ итальянскому государству.

Нѣкоторое время французскій гарнизонъ продолжалъ защищать римскаго папу противъ итальянскихъ войскъ, надвигавшихся на Римъ, но каждый чувствовалъ, что такой образъ дѣйствій совершенно противенъ требованіямъ исторіи. Какъ только франко-прусская война обнаружила превосходство Пруссіи, итальянское правительство поспѣшило занять всю территорію Рима, Римскую провинцію и самый городъ, «чтобы гарантировать духовную независимость папы» (20 сентября 1870 г.). Иронія была въ данномъ случаѣ черезчуръ велика, но что оставалось дѣлать Пію IX, какъ не подчиниться неизбѣжности? Въ Ватиканѣ собрался совѣтъ, высказавшійся въ пользу непогрѣшимости верховнаго первосвященника. Самая логика вещей показывала ясно, что съ полнымъ и окончательнымъ уничтоженіемъ свѣтской власти духовная власть папы чрезвычайно увеличивалась. Сдѣлавшись «Ватиканскимъ плѣнникомъ», папа въ то же время былъ возведенъ въ санъ боговъ.

Въ теченіе этой эпохи Испанія была охвачена сильнѣйшимъ кри-

зисомъ, вызваннымъ ея приспособленіемъ къ современнымъ идеямъ. Въ 1868 году поднялось общее движеніе противъ королевскаго двора, вызванное царившими въ немъ интригами и его распущенными нравами; это движеніе привело къ изгнанію королевы Изабеллы въ тотъ самый моментъ, когда она заключала союзъ съ Наполеономъ и съ римскимъ папою, съ цѣлью сохраненія свѣтской власти церкви.

Видъ на Ватиканъ и его сады.

Хотя революція и была вызвана борьбою за власть въ средѣ представителей высшаго сословія, князей, генераловъ и дипломатовъ, либеральное движеніе, шедшее снизу, придало ей почти республиканскій характеръ: народъ освободился отъ іезуитовъ, была провозглашена полная свобода печати и обученія, и даже были уничтожены городскія таможни, эта настоящая язва народной жизни, и было признано за каждымъ гражданиномъ, достигшимъ 25-тилѣтняго возраста, право участія въ выборахъ. Республика, безъ сомнѣнія, была бы установлена въ Испаніи, если бы государство не обладало своими двумя паразитами, арміей и флотомъ, и если бы оно само не являлось паразитомъ своихъ дальнихъ колоній, Филиппинскихъ и Антилльскихъ острововъ.

Куба, эта «жемчужина Антилльскихъ острововъ», была, однако, охвачена возстаніемъ въ то же самое время, какъ и метрополія, и, подобно Испаніи, требовала независимости, стараясь освободиться отъ па-

губнаго установленія рабства, являвшагося вѣрнымъ залогомъ грядущихъ переворотовъ и кровопролитій. На богатыхъ плантаціяхъ этого острова добывалось, впрочемъ, слишкомъ много денегъ для того, чтобы жадные чиновники и авантюристы не пустили въ ходъ всѣхъ средствъ для подавленія возстанія на Кубѣ и для удержанія негровъ въ рабствѣ: краснорѣчивыя разглагольствованія о національной чести обманули наивныя толпы гражданъ. Отягощенная своимъ громоздкимъ монархическимъ аппаратомъ, въ томъ числѣ и рабовладѣльческими колоніями, Испанія только и могла превратиться снова въ монархію, и единственною цѣлью регентства Серрано были унизительные поиски короля. Предполагалось, что таковой будетъ найденъ въ лицѣ одного изъ князей Гогенцоллерновъ, но такой выборъ могъ бы повлечь за собою войну между Франціей и Германіей, прежде чѣмъ Бисмаркъ былъ вполнѣ готовъ къ нападенію, и придворные, искавшіе повелителя, обратились къ другому лицу, принцу Амедею Савойскому, который согласился вкусить этого, нерѣдко столь горькаго, плода королевской власти (1870). Лишь немногаго, однако, недоставало до того, чтобы судьба его сдѣлалась похожей на судьбу другого коронованнаго монарха—императора Максимиліана. Въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ ему приходилось бороться со своими врагами, съ одной стороны, съ карлистами, съ другой—съ республиканцами, и еще бо̀льшую борьбу приходилось вести съ предполагаемыми друзьями—монархистами-конституціоналистами и съ либералами; ему приходилось направлять свою дѣятельность прежде всего согласно велѣніямъ церкви и согласно желаніямъ крупныхъ землевладѣльцевъ Кубы. Въ концѣ концовъ, ему ничего не оставалось болѣе какъ спасаться бѣгствомъ (1873), предоставивъ власть той изъ партій, которая окажется болѣе сильной.

Въ серединѣ 1870 г. дипломатическая борьба, которая давно уже велась между Франціей и Пруссіей, разрѣшилась объявленіемъ войны. Бисмаркъ съ большимъ талантомъ сумѣлъ вызвать окончательный разрывъ, пользуясь для этой цѣли даже подложными телеграммами, но устроивъ все же такъ, что произнести фатальное слово заставилъ своихъ противниковъ: передъ общественнымъ мнѣніемъ, столь легко поддающимся обману, вина въ объявленіи войны должна была лечь на Францію. Это была уже его первая побѣда. Съ первыхъ же дней объявленія военныхъ дѣйствій Пруссія одержала, однако, и вторую побѣду въ глазахъ всего свѣта, обнаруживъ, что она была вполнѣ готова къ борьбѣ, тогда какъ Франція, армія которой находилась въ рукахъ старыхъ, неразвитыхъ и соперничавшихъ между собою военачальниковъ, могла лишь нелѣпѣйшимъ образомъ кичиться своею чрезвычайною предусмотрительностью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оказалась захваченной

врасплохъ и не располагала ни выработанными планами военныхъ дѣйствій, ни запасами провіанта, ни достаточной артиллеріей; она вступала въ борьбу на удачу, тогда какъ врагъ ея совершенно точно и опредѣленно намѣтилъ планъ своихъ дѣйствій.

Что касается общихъ шансовъ, основывающихся на существующемъ равновѣсіи народностей, то они также склонялись скорѣе въ сторону Германіи. Если французская имперія и пользовалась извѣстнымъ престижемъ, основывавшимся на ея прежнихъ счастливыхъ войнахъ, то въ данный моментъ она была сильно ослаблена своей послѣдней мексиканской авантюрой и была унижена своими различными дипломатическими неудачами при сношеніяхъ съ Пруссіей; въ то же время послѣдняя пользовалась новою, но блестящею славою, полученною во время войны противъ Австріи, которая велась съ такою точностью и методичностью, какими не обладали побѣдители при Маджентѣ и Сольферино. Правда, имперіалистскій режимъ Франціи, сознававшій все болѣе и болѣе возраставшую свою слабость, попытался получить болѣе твердую почву путемъ плебисцита, который на его двухсмысленные вопросы далъ очень банальное одобреніе; Пруссіи не было надобности прибѣгать къ такимъ уверткамъ: война съ Франціей пользовалась тамъ настоящей популярностью. Французское правительство создавало кажущійся энтузіазмъ, заставляя толпу при помощи полиціи кричать: «Въ Берлинъ! Въ Берлинъ»! Германскія же войска, спѣшно двигавшіяся къ французской границѣ, были полны самой настоящей рѣшимости сражаться, побѣдить и оттѣснить враговъ, если удастся, до Парижа или даже далѣе. Тогда какъ во Франціи массы населенія не проявляли никакой особой враждебности противъ пруссаковъ или, скорѣе, относились къ нимъ лишь со врожденной недовѣрчивостью, испытываемой всѣми противъ каждаго чужестранца, то, съ другой стороны, германская молодежь, вся прошедшая черезъ школу, узнала тамъ, что французы являются «наслѣдственными врагами»; она твердо заучила, что слѣдуетъ отомстить за убійство Конрадина, учиненное въ XIII вѣкѣ королемъ Карломъ Анжуйскимъ, и за опустошеніе Палатината, совершенное Лувуа; всѣ были охвачены патріотическимъ энтузіазмомъ націоналистовъ, направленнымъ къ отвоеванію Эльзаса-Лотарингіи, и многіе доходили въ своей дикой ненависти къ французамъ до предѣловъ, указанныхъ Рюккертомъ: «На полѣ твоего сосѣда брось, по крайней мѣрѣ, камень, чтобы, упавъ на землю, онъ раздавилъ хоть цвѣтокъ».

Съ точки зрѣнія общаго національнаго единства, которое по существу лежитъ въ основѣ стремленія къ расширенію Германіи, безъ сомнѣнія, Франція находилась также въ явственно неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ ту эпоху, когда Германія была разбита на множество отдѣльныхъ государствъ, имперій, королевствъ, княжествъ, герцогствъ и

свободныхъ городовъ, и когда Италія—«эта превосходная географическая единица»—состояла также изъ множества отдѣльныхъ политическихъ областей, причемъ самая драгоцѣнная изъ нихъ принадлежала чужеземной державѣ, вошло въ пословицу противопоставлять этой раздробленности обоихъ государствъ то, что носило наименованіе «достославнаго французскаго единства». Эпитеты «единой и нераздѣльной» въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова придавались фра цузской республикѣ, тянувшейся отъ Пиренеевъ до Рейна, но, въ то же время, уже самыя эти наименованія, являвшіяся военнымъ лозунгомъ во время междоусобныхъ неурядицъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ королевской власти, доказываютъ, что естественныя наклонности къ политическому разъединенію были на самомъ дѣлѣ весьма сильными. Въ дѣйствительности, Франція, взятая во всемъ своемъ цѣломъ, является гораздо менѣе единой, чѣмъ Германія, даже чѣмъ Италія.

Основная причина этого контраста—чисто-географическая. Франція занимаетъ два склона материка: своею южной частью она принадлежитъ бассейну Средиземнаго моря, тогда какъ противоположная ея сторона, къ которой относится большинство ея рѣчныхъ бассейновъ, направлена къ океану; Германія, напротивъ, вся цѣликомъ обращена къ сѣверу, тогда какъ Италія вся цѣликомъ принадлежитъ Средиземному морю. Изъ этого вытекаетъ, что, несмотря на все смѣшеніе, скрещиваніе и передвиженіе населенія взадъ и впередъ, населеніе области, имѣющей два склона, т.-е. Франціи, сохранило чрезвычайно сильное различіе если не въ городахъ, то, по меньшей мѣрѣ, въ отдаленныхъ областяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что между эвскарійцемъ Нивы или Бидассоа и арденцемъ или лотарингцемъ различіе въ типѣ гораздо большее, чѣмъ между тирольцемъ и мекленбургцемъ или между ломбардцемъ и сицилійцемъ, хотя и они между собою сильно различаются. Ошибочное представленіе иностранцевъ и даже самихъ французовъ, хвастающихся своимъ національнымъ единствомъ, основывается, съ одной стороны, на смѣшеніи, которое нерѣдко имѣетъ мѣсто,—именно на смѣшеніи всей страны съ городомъ Парижемъ, считающимся какъ бы итогомъ всего государства, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ является его полнымъ контрастомъ, съ другой стороны—на удивительномъ заблужденіи тѣхъ, кто видитъ въ однородности административнаго управленія указаніе на сходство между народами, подчиненными одному и тому же режиму. Вслѣдствіе того, что карта Франціи раздѣлена одинаковымъ способомъ на департаменты, округи и кантоны, нѣкоторые воображаютъ, что политическое и соціальное развитіе идетъ совершенно одинаково на берегахъ Средиземнаго моря и на побережьѣ океана.

Еще и съ другой точки зрѣнія Германія, вступившая въ борьбу съ Франціей, превосходила послѣднюю: она не располагала колоніями.

Французская имперія не могла вести единой и прямой политики, направленной точно въ цѣль, какъ стрѣла, такъ какъ ей приходилось разсѣиваться и своими мыслями и своими дѣйствіями. Въ результатѣ весь народъ являлся какъ бы «децентрированнымъ» въ смыслѣ силы своего сопротивленія: завоеваніе и занятіе Алжира, мексиканскія предпріятія, колоніи въ Китаѣ и въ Индо-Китаѣ, равно какъ и другія коло-

Долина Гравелотта.

ніальныя пріобрѣтенія уменьшили участіе Франціи въ жизни Европы: и именно такому перемѣщенію энергіи должно приписать въ значительной степени образованіе единой Италіи и побѣду Германіи [1]). Когда вспыхнула война, французское правительство должно было оставить всѣ свои проекты, касающіеся дальнихъ странъ: нѣкоторыя изъ колоній, напримѣръ, Великій Бассамъ, были совершенно оставлены французскими войсками, а въ одномъ изъ главныхъ французскихъ владѣній, въ Алжирѣ, многія угнетенныя народности сочли моментъ подходящимъ для отвоеванія своей независимости. Произошли многочисленныя нападенія на новыхъ французскихъ поселенцевъ, и позднѣе обратное отвоеваніе Кабиліи стоило многихъ и тяжелыхъ затратъ.

1) Friedrich Ratzel, «Das Meer als Quelle der Völkergrösse», p. 75.

Наконецъ, Францiя въ 1870 г. была политически и соцiально гораздо болѣе разъединена и, слѣдовательно, гораздо менѣе дисциплинирована, чѣмъ Германiя: именно тотъ прогрессъ, который въ ней совершился въ смыслѣ развитiя республиканскихъ и соцiалистическихъ идей, разбилъ ее на два враждебныхъ лагеря, которые дѣлали немыслимой всякую общую работу. Когда война была объявлена, враги имперiи, представлявшiе собою цвѣтъ интеллигенцiи Францiи, выражали протестъ противъ нея съ ярымъ негодованiемъ, и полицiи пришлось прежде всего прибѣгнуть къ терроризированiю Парижа; затѣмъ, когда колесо фортуны обернулось, и имперiя пала при радостныхъ крикахъ республиканцевъ, тогда весь мiръ наблюдалъ издали съ полнымъ изумленiемъ зрѣлище, какъ французскiе города и въ особенности столица Францiи выходили изъ себя отъ радости при извѣстiи о постигшемъ ихъ несчастiи,—это несчастье освобождало ихъ отъ ихъ правителя! Въ то же время была нарушена устойчивость всего военнаго организма. Тогда какъ быстро формировались полки нацiональной гвардiи и добровольцевъ съ цѣлью принять участiе въ борьбѣ съ врагомъ, тѣ, кто принадлежалъ къ военной кастѣ, переставали интересоваться борьбою; маршалы, въ родѣ Базена, старались сберечь свою армiю въ надеждѣ возстановить имперiю или помочь монархической реакцiи; другiе главные начальники армiи вели борьбу лишь для проформы, и многiе изъ нихъ даже желали быть побѣжденными. Открытая вражда, поощряемая военнымъ начальствомъ, воцарилась въ скоромъ времени между солдатами регулярныхъ войскъ и гражданами, желавшими защищать страну, но не прошедшими чрезъ казармы и чрезъ полицейскiе участки; побѣды не должно быть ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ она благопрiятствовала бы республикѣ со всѣми ея соцiальными послѣдствiями. Въ силу того, что Францiя была такъ разъединена, ея пораженiе было совершенно неизбѣжно, и можно только удивляться, что она столь долгое время могла еще оказывать сопротивленiе. Тѣ, кто ранѣе не желалъ войны, являлись теперь продолжателями борьбы и защищали съ сильнѣйшимъ увлеченiемъ Францiю, защищая въ ея лицѣ республику.

Императорскiя войска были быстро оттѣснены изъ Эльзаса и на границѣ Лотарингiи. Послѣ страшныхъ кровопролитiй армiя Базена, состоявшая изъ 170000 человѣкъ, допустила запереть себя въ Мецѣ, откуда не рѣшилась выйти, будучи предназначена своими начальниками къ гибели; 2 сентября, всего черезъ какiе-нибудь сорокъ дней послѣ объявленiя войны, другая огромная армiя была разбита подъ Седаномъ и тщетно пыталась пробить себѣ проходъ чрезъ непрiятельскiя войска. Императоръ былъ взятъ въ плѣнъ, имперiя пала: все казалось уже конченнымъ, но республика не желала признать себя побѣжденной. Новыя армiи какъ бы выросли изъ земли. Парижъ, который Тьеръ 30 лѣтъ

тому назадъ окружилъ кольцомъ фортовъ, чтобы бомбардировать его въ случаѣ возстанія, пожелалъ воспользоваться ими противъ непріятеля, причемъ сдѣлалъ это вопреки желаніямъ своего правительства, которое приготовлялось къ бѣгству; пруссакамъ пришлось вести долгую и трудную зимнюю кампанію, проникнуть вплоть до окрестностей Безансона, Буржа, Ренна, занять около половины Франціи, прежде чѣмъ общественное мнѣніе дозволило правительству преклониться предъ правомъ силы

Пейзажъ въ Великой Кабиліи.

Позади деревни, расположенной, какъ обыкновенно у кабиловъ, на вершинѣ горы, виднѣется очень неясно хребетъ Джурджура со своими высокими вершинами.

и подписать условія мира, стоившаго французскому народу двухъ населенныхъ провинцій и пяти милліардовъ франковъ (1871 г.),—самой крупной военной контрибуціи, которая когда-либо была выплачена: финансисты и до сихъ поръ говорятъ объ этомъ перемѣщеніи капиталовъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ.

Униженіе Франціи и возвышеніе Пруссіи, превратившейся съ этого времени въ Германскую имперію, вызвали чрезвычайно сильное волненіе во всемъ мірѣ. Всѣ, кто до того времени слѣдовалъ традиціоннымъ взглядамъ и вѣровалъ въ прежнюю славу народовъ, увидѣли съ изумленіемъ, что ошибались, и что имъ приходится преклониться теперь передъ новымъ восходящимъ свѣтиломъ. Вслѣдствіе быстроты перемѣны впали въ новую крайность: во многихъ странахъ, отъ внутреннихъ областей Америки до архипелаговъ Океаніи, пришли къ убѣжденію, что

Франція перестала вовсе существовать и жила лишь внѣшнею жизнью, благодаря великодушію побѣдителей. Внезапно американцы, австралійцы, русскіе, японцы, пораженные необыкновеннымъ поворотомъ исторіи, пришли къ убѣжденію, что и французская литература цѣнится болѣе, чѣмъ она того заслуживаетъ, и что въ школахъ посвящаютъ слишкомъ много времени изученію языка, на которомъ говоритъ разбитая и побѣжденная нація. Даже у мелкихъ варварскихъ народовъ, гдѣ общественное образованіе еще вовсе не существуетъ, но гдѣ, по меньшей мѣрѣ, имѣется зародышъ войска, немедленно замѣнили треуголку и кепи остроконечною каскою! Это былъ тоже своего рода способъ оказанія почета цивилизаціи, т.-е. силѣ. Со всѣхъ сторонъ появлялись пророки, провозглашавшіе окончательное исчезновеніе Франціи, не путемъ ея будущаго вступленія въ единицу болѣе высокаго порядка, каковую составитъ цивилизованный міръ, но какъ слѣдствіе окончательнаго завоеванія и насильственнаго покоренія. Доходило даже до того, что облекали эти предсказанія въ научныя формулы и утверждали, что по «закону Брюка», который управляетъ судьбами человѣчества, согласно съ перемѣщеніемъ магнитнаго меридіана, французскій народъ совершенно будетъ стертъ со страницъ великой Золотой книги исторіи послѣ сраженія подъ Седаномъ. Наконецъ, распространилась манія — и притомъ не столько въ Германіи, сколько во Франціи—противопоставлять то, что называется «духомъ латинской расы», т.-е. духомъ централизаціи, католицизма и якобинизма, тому, что носитъ названіе «духа германской расы»—духа, обладающаго всѣми добродѣтелями и прежде всего личною самодѣятельностью и свободою инициативы. Въ силу такого противопоставленія слѣдовало бы признать построенное въ правильные ряды войско императора Вильгельма представителемъ духа свободы въ исторіи современнаго міра!

Франція, однако, хотя и среди полнаго разгрома, все же продолжала существовать и даже, благодаря внезапному разстройству центральнаго правительства, жизнь французскаго народа приняла болѣе непосредственный, болѣе искренній, болѣе захватывающій своими контрастами характеръ, въ то же время возбуждавшій болѣе надеждъ въ будущемъ. Обѣ Франціи, которыя въ теченіе войны были обращены одна противъ другой и дѣлали, такимъ образомъ, общую побѣду немыслимой и невозможной, оказывались теперь послѣ мира еще болѣе враждебными и болѣе охваченными борьбою, чѣмъ когда бы то ни было. Всѣ политическія и религіозныя партіи, которыя видѣли въ республиканскихъ и соціалистическихъ идеяхъ угрозу своимъ привилегіямъ, объединились въ одну сплошную и стойкую массу, имѣвшую цѣлью, во что бы то ни стало, привести народъ снова въ лоно церкви и монархіи, хотя бы даже для этого пришлось опереться на содѣйствіе чужеземцевъ,

которые только-что нанесли Франціи самое жестокое и ужасное униженіе. Побѣдителямъ, однако, отнюдь не было непріятно видѣть свою жертву въ судорогахъ борьбы, которая, какъ они воображали, должна была привести Францію къ полному хаосу революціи. Бисмаркъ поэтому

№ 462. Захватъ Франціи въ 1871 году.

Область, занятая пруссаками подъ конецъ перемирія—26 февраля 1871 года, заштрихована по Видаль-Лаблашъ. Городъ Бичъ, который открылъ свои ворота германскимъ войскамъ лишь 11 марта, и города Лангръ, Оксонъ, Безансонъ не были заняты пруссаками, Бельфоръ, осажденный съ 4 ноября 1870 г., капитулировалъ лишь по приказанію изъ Парижа, и гарнизонъ его вышелъ 18 февраля съ воинскими почестями. Къ мѣстностямъ сраженій, приведеннымъ на стр. 228 (изъ нихъ битвы при Кульмье, Бапомѣ и Виллерсекселѣ, разсматриваются какъ побѣды французовъ), добавимъ защиту Шатодёна (18 октября), нерѣшенное сраженіе при Бонъ-ла-Роландѣ (18 ноября) и пораженія при Мансѣ (10—12 января) и Сенъ-Кентенѣ (19 января).

не сдѣлалъ ничего для содѣйствія монархическимъ партіямъ и для возстановленія королевской власти, котораго они добивались; съ другой стороны, Италія, хотя сама и являлась монархическимъ государствомъ, должна была совершенно враждебно относиться къ возстановленію во Франціи монархіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ Франція явилась бы союзницей папства. Будучи предоставлена своимъ

собственнымъ силамъ, монархическая реакція во Франціи имѣла на своей сторонѣ всѣхъ французовъ, притомъ очень многочисленныхъ, которые желали возвращенія монархіи и видѣли спасеніе лишь въ мирѣ, въ тишинѣ и въ рутинѣ. Подъ наименованіемъ «деревенщинъ», которымъ они гордились, представители французскаго монархизма, составлявшіе большинство Національнаго Собранія, пожелали даже покинуть Парижъ какъ городъ, зараженный чумою, и перенести засѣданія Собранія въ какой-нибудь изъ болѣе мирныхъ городовъ, напримѣръ, въ Буржъ, который былъ уже въ прежнія времена резиденціей побѣжденныхъ королей. Что касается Парижа, этого проклятаго города, то его рѣшили, въ наказаніе за его прегрѣшенія, бросить къ погамъ идола католицизма, и на Монмартрскомъ холмѣ, подпертомъ со всѣхъ сторонъ и укрѣпленномъ съ большими затратами, стала медленно возникать некрасивая базилика Сердца Іисусова (Sacré-Coeur).

Однако, на глазахъ Собранія «деревенщинъ», первымъ актомъ, котораго было торжественное моленіе,—Собранія, которое рѣшило предаться во власть какого-нибудь новаго короля, наслѣдника Людовика XIV и Людовика XVI, многіе города Франціи и первымъ уже Парижъ, превратились въ «Коммуны». Что же понимала, спрашивается, масса республиканцевъ подъ этимъ словомъ, имѣющимъ столь многоразличное происхожденіе,—оно вѣдь связано съ исторіей Франціи и Италіи, со средними вѣками, съ эпохою Возрожденія и съ революціей? Прежде всего въ Коммунѣ видѣли организацію для открытой борьбы съ монархизмомъ, который желали возстановить, и со свѣтскою властью церкви, за которую стояли священники и монахи. Въ то же время въ Коммунѣ видѣли и то самое, что видѣли уже вѣкъ тому назадъ въ Республикѣ,—именно, зарю новаго общества, въ которомъ будетъ больше справедливости и свободы, и въ которомъ у каждаго будетъ обезпеченъ его собственный кусокъ хлѣба, такъ что люди, освободясь отъ заботъ о дневномъ пропитаніи, будутъ въ состояніи заниматься болѣе возвышенными задачами и наслаждаться радостями умственной и духовной жизни.

Обстоятельства, опредѣлившія возникновеніе Коммуны, были довольно незначительны,—таковымъ была слабая защита правительства и оставленіе на произволъ судьбы одного изъ артиллерійскихъ парковъ, которымъ пруссаки, вступивъ въ Парижъ, могли воспользоваться; это были, однако, лишь детали, и сущность заключалась не въ томъ. По существу Франція была разъединена, и оба враждующихъ элемента ея необходимо должны были сгруппироваться открыто одинъ противъ другого, вполнѣ ясно обнаруживая свои намѣренія и опредѣленно проявляя свои желанія. Это и сдѣлали участники парижской Коммуны, болѣе извѣстные, какъ и всѣ побѣжденные, подъ браннымъ наименованіемъ «коммунаровъ». Условія чрезвычайной опасности, въ которыхъ нахо-

дился тогда Парижъ, были такого рода, что заставляли сжиматься сердца. Городъ былъ окруженъ тройнымъ кольцомъ вражескихъ войскъ, которые охотно предались бы грабежу; онъ былъ наполненъ французскими войсками, которыя въ ярости отъ германскихъ побѣдъ вымѣщали ихъ на своихъ соотечественникахъ; наконецъ, и вся масса французскаго народа выражала сильнѣйшее негодованіе противъ Парижа, какъ очага непрестанныхъ революцій,—ясно, что великій городъ не могъ и надѣяться на побѣду, несмотря на многочисленность своихъ рессурсовъ. Никто сколько-нибудь знакомый съ исторіей не могъ имѣть ни малѣйшихъ сомнѣній относительно конечнаго исхода борьбы. Всѣ, кто привѣтствовалъ Коммуну, всѣ испытанные участники прежнихъ революцій или же молодые энтузіасты, охваченные стремленіемъ къ свободѣ,—всѣ знали заранѣе, что они обречены на смерть! Чувствуя себя искупительными жертвами, они обнаруживали благородную преданность идеѣ и долгу, и это придавало торжественное величіе, отражавшееся на общей физіономіи Парижа, придавало городу мужественную рѣшимость и полное самоотреченіе—однимъ словомъ, дѣлало его столь возвышеннымъ, какимъ онъ никогда не былъ ранѣе. Даже тѣ, кто стоялъ у власти, подчинялись большею частью побужденіямъ болѣе высокимъ, нежели побужденія, обыкновенно управляющія честолюбцами, жаждущими титуловъ, почестей и власти. Они сами видѣли, что, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль или нѣсколькихъ мѣсяцевъ, настанетъ неизбѣжно пораженіе.

Будучи заранѣе осуждены на неизбѣжную гибель, участники Коммуны должны были пользоваться краткимъ остающимся въ ихъ распоряженіи временемъ, чтобы подать великій, не имѣющій себѣ равнаго примѣръ, и чтобы, такимъ образомъ, въ будущемъ, по минованіи революцій и контръ-революцій, дать начало новому обществу людей, не знающему голода и не знающему денегъ. Но, чтобы предпринять подобное дѣло, необходимо было объединиться одною общею волею и привести въ осуществленіе теорію, уже испытанную на практикѣ. Между тѣмъ, парижскіе коммунары распадались на группы, чрезвычайно сильно расходившіяся,—группы, которыя въ силу того должны были дѣйствовать нерѣдко въ противоположномъ одна другой направленіи. Нѣкоторыя изъ ихъ числа оставались еще отуманенными якобинскимъ романтизмомъ, у другихъ проявлялись въ полной чистотѣ революціонные инстинкты; лишь меньшинство понимало, что необходимо дѣйствовать методически въ сторону разрушенія всѣхъ государственныхъ установленій и въ смыслѣ подавленія всѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ самостоятельной группировкѣ гражданъ. Въ результатѣ дѣло управленія страной Коммуною было по результатамъ ничтожно и не могло быть инымъ, такъ какъ въ дѣйствительности оно находилось въ рукахъ вооруженнаго народа.

Если бы граждане были охвачены единою общею волею, направленною къ соціальному возрожденію, они заставили бы своихъ избранниковъ проявить эту волю, но имъ приходилось заниматься лишь защитою—храбро сражаться и съ достоинствомъ умирать!

Главная ошибка въ дѣлѣ правленія Коммуны, ошибка неизбѣжная, такъ какъ она вытекала изъ самаго принципа, на которомъ основывалась власть Коммуны, заключалась въ томъ, что Коммуна была правительствомъ и силою вещей отожествляла себя съ народомъ. Естественное дѣйствіе власти и опьянѣніе ею влекли Коммуну къ тому, что она считала себя представительницей всего французскаго государства, всей республики, а не только парижской Коммуной, обращавшейся съ призывомъ ко всѣмъ другимъ коммунамъ городовъ и селъ свободно объединиться. Зараза безумія власти въ такой степени охватила эту новую носительницу власти, что она сочла себя обязанной даже вступить въ оффиціальныя сношенія съ представителями другихъ монархическихъ государствъ Европы, позабывъ, такимъ образомъ, свое собственное происхожденіе, основанное по существу на протестѣ противъ монархизма. Возникнувъ изъ нѣдръ народа, она вообразила, что принадлежитъ другому классу, классу властителей. Впрочемъ, когда появился декретъ объ отмѣнѣ рекрутскаго набора, когда Коммуна порвала всѣ связи съ духовенствомъ, когда она вернула закладчикамъ всѣ пожитки, заложенные въ ломбардѣ, когда отмѣнила штрафы и вычеты изъ жалованья рабочихъ и уничтожила квартирную плату, тогда народъ,

Варленъ.
Рабочій-переплетчикъ, разстрѣлянный въ маѣ 1871 г.

очевидно, говорилъ чрезъ нее своими собственными устами. И не была ли она тогда, дѣйствительно, зачаткомъ настоящаго коммунистическаго общества?

Фактомъ, единственнымъ въ исторіи, было то, что парижане не питали никакого злого чувства къ непріятелю, который осаждалъ ихъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ и избороздилъ ихъ зданія снарядами. Пруссаки располагались еще лагеремъ вокругъ внѣшнихъ восточныхъ фортовъ отъ Сенъ-Дени до Вилльнёвъ-Сенъ-Жоржа, но ихъ нисколько не ненавидѣли, считая, что они исполняютъ свой долгъ солдатъ. Весь міръ, взиравшій на Парижъ, могъ даже съ изумленіемъ констатировать, что идеи братства народовъ, провозглашенныя Интернаціоналомъ, воплотились въ живую дѣйствительность. Низверженіе Вандомской колонны, котораго еще во время имперіи требовали литераторы и художники, какъ Евгеній Пеллетанъ (въ «La Presse»), Курбэ и другіе,— это низверженіе населеніе Парижа хотѣло выполнить на глазахъ своихъ враговъ, пораженія которыхъ напоминала эта высокая колонна. Произошла неслыханная вещь: побѣжденные съ энтузіазмомъ низвергли памятникъ, свидѣтельствовавшій о ихъ прежнихъ побѣдахъ, не столько для того, чтобы низменно польстить тѣмъ, кто ихъ побѣдилъ, сколько для засвидѣтельствованія своихъ братскихъ симпатій къ собратьямъ, которыхъ привели противъ нихъ, и для того, чтобы выразить чувство негодованія противъ властителей и королей какъ той, такъ и другой страны, которые вели своихъ подданныхъ на бойню. Если бы въ пользу Коммуны не имѣлось ни единаго другого факта, то и тогда ее слѣдовало бы поставить чрезвычайно высоко въ исторіи эволюціи современныхъ эпохъ!

Шарль Делесклюзъ (1809-1871),
убитый на баррикадахъ 25 мая.

Въ совѣтѣ Коммуны Делесклюзъ принадлежалъ большинству и являлся представителемъ якобинскихъ элементовъ. Варленъ, членъ Интернаціонала, принадлежалъ меньшинству и являлся выразителемъ болѣе соціалистическихъ тенденцій.

Безъ сомнѣнія, новое общество, дѣйствовавшее въ столь полномъ несогласіи съ прежними политическими принципами, не могло вызывать

въ правящихъ классахъ ничего, кромѣ чувства ужаса и негодованія. Вѣдь члены Коммуны начали съ того, что ограничили свои собственныя содержанія суммами, представлявшими крайній предѣлъ необходимаго, и продолжали завтракать и обѣдать скромнѣйшимъ образомъ въ «кабачкѣ на углу»! Тѣ изъ нихъ, кто вышелъ изъ рядовъ рабочихъ, остались товарищами своихъ прежнихъ собратьевъ по ремеслу, а ихъ жены и дочери продолжали работать въ швейныхъ мастерскихъ и въ прачечныхъ! Такія нарушенія традицій не могли быть прощены ни однимъ правительствомъ, которое себя уважаетъ, и потому съ самыхъ первыхъ столкновеній въ окрестностяхъ Парижа регулярныя войска стали примѣнять къ своимъ плѣнникамъ новый уставъ военнаго судопроизводства, позволявшій каждому военному приговаривать къ смерти каждаго гражданина. На эти кровавыя дѣянія Коммуна отвѣчала «декретомъ о заложникахъ», который сталъ приводиться въ исполненіе лишь позднѣе и противъ всякаго желанія, тогда какъ умерщвленіе коммунаровъ въ окрестностяхъ Парижа продолжалось самымъ спокойнымъ образомъ, а затѣмъ, въ теченіе «кровавой недѣли», расправы съ ними происходили на улицахъ и въ домахъ и, наконецъ, по окончаніи 70-тидневнаго правленія Коммуны, стали производиться въ казармахъ и въ тюрьмахъ. Контрастъ между обоими нравственными воззрѣніями проявился съ полною очевидностью! Тогда какъ парижскіе соціалисты, относившіеся съ уваженіемъ къ человѣческой жизни, рѣшились лишь противъ всякаго своего желанія на репрессивныя мѣры противъ лицъ враждебной касты, представители духовенства, судьи и солдаты арміи считали особою заслугою приведеніе въ исполненіе смертнаго приговора надъ любымъ гражданиномъ возставшаго народа. Среди нихъ мы видимъ, напримѣръ, одного изъ высшихъ начальниковъ арміи, вносившей «порядокъ»,—человѣка, отличавшагося, впрочемъ, самымъ низменнымъ образомъ жизни въ эпоху имперіи,—который разсказывалъ позднѣе самымъ циничнымъ образомъ, что онъ производилъ выборъ среди плѣнниковъ и приговаривалъ къ смерти тѣхъ изъ нихъ, у кого лицо было болѣе благороднымъ, интеллигентнымъ и гордымъ, въ особенности выбиралъ стариковъ, такъ какъ они повиновались, очевидно, своимъ убѣжденіямъ, и самыхъ молодыхъ людей, такъ какъ ими двигали, несомнѣнно, энтузіазмъ и стремленіе совершить великіе подвиги.

Вообще говоря, со времени подавленія Коммуны ясно намѣченною консерваторами цѣлью было производить отборъ въ обратную сторону, какъ это совершалось во времена инквизиціи,—уничтожать людей, повинныхъ въ томъ, что они обладаютъ болѣе высокими умственными способностями, большею возвышенностью мысли и болѣе сильною волею, и приспособляться къ тупости остальныхъ, скорѣе подходящей для покорныхъ подданныхъ. Такой отборъ жертвъ удался духовенству

Испаніи, которое, на самомъ дѣлѣ, воспрепятствовало своимъ согражданамъ мыслить и дѣйствовать въ теченіе болѣе чѣмъ трехсотъ лѣтъ. Во Франціи такой отборъ, однако, не могъ совершиться съ достаточной методичностью, чтобы достичь столь же значительныхъ результатовъ, но онъ все же имѣлъ весьма замѣтныя послѣдствія въ исторической эволюціи слѣдующаго поколѣнія. Сколько разъ при тяжелыхъ условіяхъ

Низверженная Вандомская колонна.

приходилось констатировать, что недостаетъ людей, и, вообще говоря, если соціализмъ утратилъ свой благородный характеръ, свою увлекательность и гуманность, если онъ превратился въ политическую партію, которая готова вмѣшиваться во всѣ парламентскія интриги, то главнѣйшую причину этому не должно ли искать въ томъ обстоятельствѣ, что онъ былъ лишенъ своихъ лучшихъ людей? Ему былъ нанесенъ ударъ прямо въ голову. Однако, «ничто не теряется», какъ говорятъ, и если справедливо, что реакція могла возмнить, что соціалистической гидрѣ отсѣчены всѣ ея головы, то, съ другой стороны, самыя событія времени Коммуны разрослись, вслѣдствіе раскатовъ ихъ громкимъ эхомъ въ глубинѣ народныхъ массъ, и явились для послѣднихъ какъ бы нѣкоторой гарантіей грядущаго освобожденія. Повсюду, вплоть до нѣдръ русскихъ тюрьмъ и сибирскихъ рудниковъ, снова зародились новыя

надежды. Историческія события, разыгравшіяся въ Парижѣ, провозгласивъ братство людей, приняли чисто-эпическіе размѣры.

Замѣчательная моральная сила, которою обладаетъ одно лишь имя Парижа въ общемъ ходѣ человѣчества и, слѣдовательно, въ революціонныхъ движеніяхъ, объясняется, какъ и его притягательная матеріальная сила, чисто-географическими условіями окружающей среды. Отовсюду слетаются мотыльки къ источнику свѣта, рискуя сгорѣть на немъ! Схожденіе рѣкъ къ естественному центру, къ бассейну Сены, является какъ бы символомъ того движенія, которое захватываетъ умственно развитыхъ и честолюбивыхъ людей и притягиваетъ ихъ къ этому центру человѣческой дѣятельности. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ лицахъ, кто переселяется въ Парижъ, какъ во всякій другой большой городъ, въ поискахъ за кліентами своего торговаго предпріятія или другой своей профессіи,—по отношенію къ нимъ Парижъ, пожалуй, уступаетъ первое мѣсто другимъ столицамъ міра, гдѣ создаются большія богатства въ болѣе короткій срокъ; мы говоримъ лишь о тѣхъ, кто привлекается въ Парижъ его умственною, духовною и художественною жизнью, привлекается обаяніемъ, оказываемымъ имъ какъ грандіознымъ сборищемъ людей. Парижъ является настоящей тропической страной, страною вѣчной весны всей интеллигенціи человѣчества. Это положеніе вещей выражается и въ цифрахъ, такъ какъ при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ Парижъ является столицею, которая болѣе всѣхъ другихъ получаетъ отъ лицъ, въ нее пріѣзжающихъ; потому и жизнь бьетъ тамъ съ наибольшею интенсивностью и проявляется въ наиболѣе разнообразныхъ формахъ.

Первоначальные элементы туземнаго населенія представляютъ, съ точки зрѣнія эволюціи, поразительный характеръ этнической двойственности. Изученіе карты Галліи показываетъ намъ, что здѣсь народность белговъ, несомнѣнно, германскаго происхожденія или, по меньшей мѣрѣ, сильно германизированная, встрѣчалась въ низовьяхъ долинъ Марны и Оазы съ настоящими кельтами,—здѣсь соединялись оба потока, принося каждый свой собственный характеръ; наслѣдственность и вліяніе окружающей среды вызывали сильнѣйшіе контрасты въ образѣ мышленія и въ проявленіи энергіи этихъ различныхъ народностей, смѣшивавшихся между собою въ теченіе вѣковъ. Непрерывная борьба, происходящая въ глубинѣ соціальныхъ слоевъ, должна проявляться еще съ большею кипучестью, вызывать еще большую внѣшнюю работу, сила которой въ исключительныхъ случаяхъ доходитъ до настоящихъ революціонныхъ взрывовъ. Такіе взрывы могутъ быть направлены то въ одну, то въ другую сторону—либо въ сторону прогресса, либо, напротивъ, къ регрессу. Такъ, въ теченіе періода реформаціи Парижъ, находившійся

во власти членовъ католической Лиги, работалъ, несомнѣнно, на пользу церкви и противъ свободы мысли: кровавая Варѳоломеевская ночь являлась печальнымъ результатомъ контръ-революціи. При другихъ условіяхъ, однако, Парижъ шелъ, безъ сомнѣнія, во главѣ французскаго народа, борясь и страдая за общее дѣло всѣхъ народовъ вообще. Десятилѣтіе, которое, по преимуществу, носитъ наименованіе «временъ революціи», заслуживаетъ, на самомъ дѣлѣ, быть выдѣленнымъ изо всѣхъ другихъ эпохъ въ силу того потока чувствъ и мыслей, который Парижъ вынесъ на поверхность на пользу всего человѣчества, и въ силу великаго значенія тѣхъ событій, которыя тамъ тогда совершились. Затѣмъ, по минованіи этой великой эпохи, съ коей начинается современная исторія, сколько было другихъ моментовъ въ XIX столѣтіи, имѣвшихъ міровое значеніе: революція 1848 г., разразившаяся отраженными ударами во всемъ мірѣ и, такъ сказать, повлекшая за собою оффиціальное выступленіе соціализма на политическую арену, затѣмъ революція 1871 г. и парижская Коммуна, вызвавшая столько надеждъ въ душѣ угнетенныхъ народовъ.

Жанъ-Баптистъ Милльеръ (1817-1871).
Несмотря на то, что онъ не принималъ участія въ Коммунѣ, Милльеръ былъ разстрѣлянъ 21 мая 1871 г на площади Пантеона.

За нѣсколько дней до начала Коммуны Бисмаркъ, взирая съ вершины холма на Парижъ, который собирался капитулировать, указалъ на него своей свитѣ съ жестомъ презрѣнія: «Животное околѣло»—сказалъ онъ. Между тѣмъ, пожалуй, никогда въ исторіи развитія человѣчества революціонная дѣятельность Парижа не развивалась столь сильно, какъ именно въ это время. Съ того момента, когда была провозглашена парижская Коммуна и даже еще болѣе послѣ ея подавленія, всѣ угнетенные самыхъ различныхъ народностей сознали свою солидарность, почувствовали себя объединенными общими идеалами, стоящими подъ единымъ знаменемъ. Особенно Испанія, находившаяся со времени изгнанія королевы Изабеллы въ состояніи вѣчной революціи, была глубочайшимъ образомъ потрясена примѣромъ Парижа, и, когда въ 1872 г. была провозглашена испанская республика, общее движеніе, начавшееся

въ большинствѣ провинцій и городовъ, приняло характеръ явственно коммунистскій. Принципъ федеративнаго объединенія, который, кажется, прямо начертанъ на самой почвѣ Испаніи, гдѣ каждый естественный отдѣлъ страны сохраняетъ свою полную географическую индивидуальность, повидимому, даже временно восторжествовалъ,—онъ былъ на нѣкоторое время принятъ, и у кормила власти всталъ ревностный ученикъ Прудона, безсмертный Пи-и-Маргалль, одинъ изъ рѣдкихъ людей, коихъ пользованіе властью не могло испортить. Однако, военная центральная власть была еще слишкомъ могущественной, чтобы оставить свою добычу—народъ; было устроено новое возстаніе карлистовъ, и оно потребовало вмѣшательства арміи. Ораторы, выдающіе себя за республиканцевъ и расточавшіе звонкія слова, приняли участіе въ этой игрѣ, имѣвшей цѣлью возстановить власть военщины, и утромъ 3 января 1874 г. одинъ изъ испанскихъ генераловъ вошелъ подъ звуки барабана и съ примкнутыми штыками въ зало собранія кортесовъ: такимъ способомъ вообще устанавливается обыкновенно королевская власть!

Однако, одна изъ общинъ вызванной революціей федераціи, именно городъ Картагена, еще долгое время храбро защищалась благодаря цѣлому поясу окружавшихъ городъ фортовъ и благодаря военнымъ кораблямъ, которые онъ захватилъ. Находясь въ рукахъ людей болѣе сознательныхъ, мыслящихъ и рѣшительныхъ, наконецъ, болѣе стойкихъ, чѣмъ большинство революціонеровъ того времени, картагенская община приблизилась гораздо болѣе, чѣмъ Парижъ, къ идеаламъ братства и равенства между гражданами и болѣе прямо и открыто принялась за рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ: и впослѣдствіи еще, долгое время спустя, пролетаріи Картагены вспоминали о счастливыхъ дняхъ трудовъ и прекраснаго житья во время осады! Защитники города принялись за дѣло серьезно; они не побоялись освободить 12 іюля 1873 г. 1500 осужденныхъ на каторжныя работы и довѣрить имъ снаряженіе флота; съ ними въ качествѣ матросовъ они предпринимали крейсерства въ открытое Средиземное море и давали морскія сраженія военнымъ судамъ, защищавшимъ существующій порядокъ; съ ними же они явились и подъ стѣны Альмеріи и Аликанте. Затѣмъ, когда послѣдній изъ фортовъ Картагены принужденъ былъ капитулировать, они прорвали линію блокады на броненосцѣ «Нуманція» и высадили на французскую территорію въ Оранѣ главнѣйшихъ участниковъ революціи, которыхъ торжествующая реакція не преминула разстрѣлять (12 января 1874 г.).

Въ концѣ года въ Испанію былъ призванъ обратно Мартинецомъ Кампосомъ Альфонсъ XII, молодой сынъ королевы Изабеллы, и, послѣ должнаго благословенія папы на дѣло возстановленія монархіи и религіи, онъ высадился въ Барселонѣ; будучи болѣе карлистомъ, чѣмъ самъ Донъ-Карлосъ, онъ принялся за дѣло при содѣйствіи министра Кано-

васа и изо всѣхъ силъ сталъ уничтожать всѣ слѣды революціонныхъ движеній, потрясшихъ Испанію. Прежде всего онъ упразднилъ присяжный судъ, гражданскій бракъ, свободу обученія, вернулъ церкви и монашескимъ конгрегаціямъ непроданныя еще церковныя имущества, запретилъ не-католикамъ всякую церковную службу, — однимъ словомъ, приблизился, насколько только было возможно, къ режиму прекрасныхъ

Картагена и ея заливъ.

дней инквизиціи, не давъ все же церкви полнаго удовлетворенія. Въ колоніяхъ онъ поддерживалъ до послѣдней крайности привилегіи плантаторовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принесъ публичное покаяніе предъ республикой Соединенныхъ Штатовъ, когда одно изъ ея судовъ было захвачено испанцами, причемъ американскіе граждане, находившіеся на немъ, были разстрѣляны.

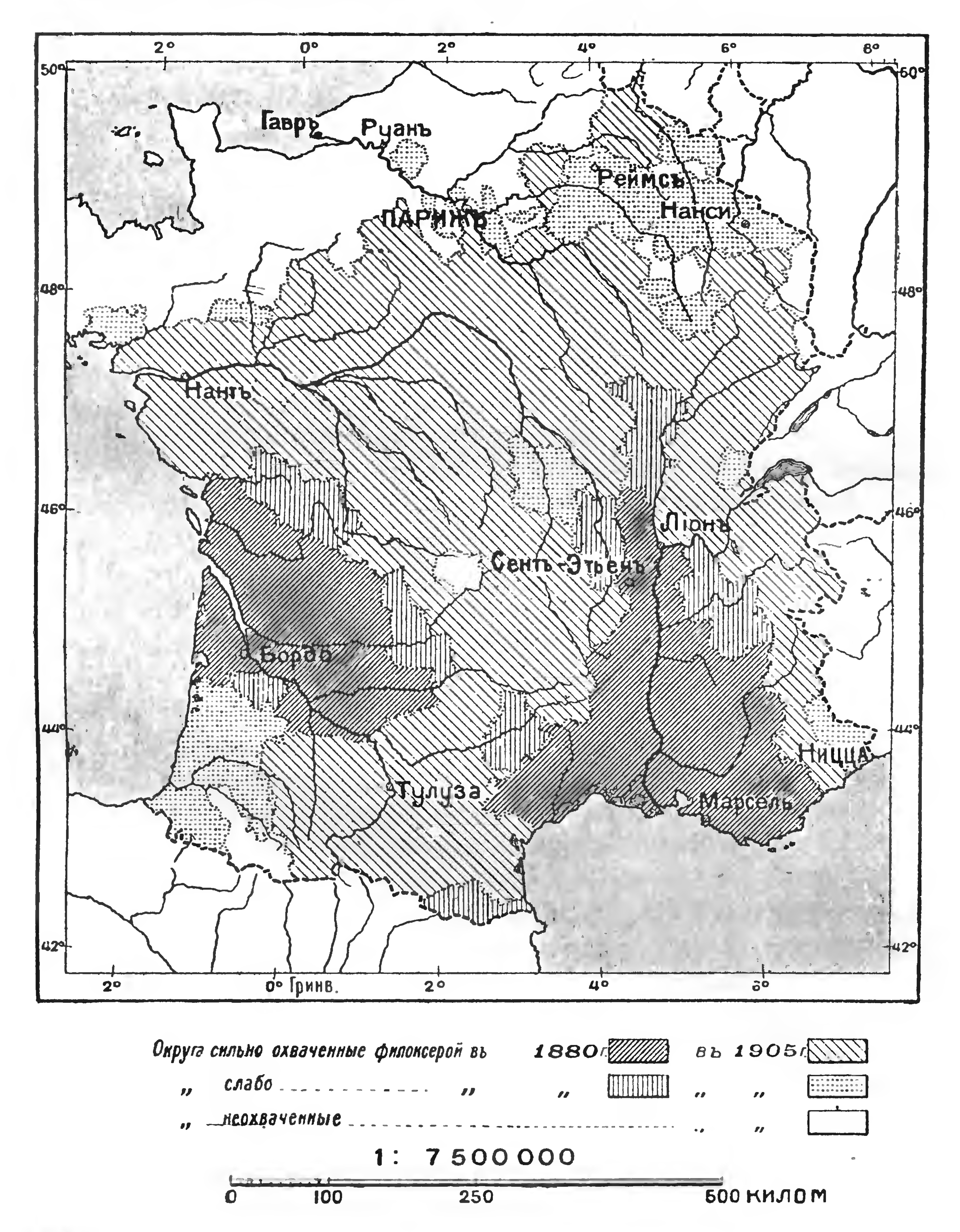
Съ этой стороны испанская монархія не имѣла никакихъ иныхъ надеждъ, кромѣ выигрыша времени, такъ какъ никто рѣшительно, будучи въ здравомъ умѣ, не могъ сомнѣваться въ ясно начертанной участи, на которую были обречены антильскія колоніи. Не подлежало

сомнѣнію, что населеніе Кубы, съ точки зрѣнія своихъ интересовъ, было слишкомъ раздроблено, чтобы быть въ состояніи самому освободиться отъ своей метрополіи, пока, по крайней мѣрѣ, тамъ существовали рабы-негры. «Обитатели полуострова», т.-е. прирожденные испанцы, купцы или чиновники, которые эксплуатировали жителей Кубы, были тамъ еще очень многочисленны и опирались на военный гарнизонъ. Съ другой стороны, кубанцы европейскаго или смѣшаннаго происхожденія, непосредственно боровшіеся за свои интересы съ испанцами, которые пользовались привилегіями, не рѣшались возставать, такъ какъ сами были замѣшаны въ преступномъ порабощеніи негровъ и боялись возстанія рабовъ. Наконецъ, сами чернокожіе были распредѣлены на обширной территоріи, гдѣ всякое объединеніе ихъ было до чрезвычайности затруднено, и потому встрѣчали непреодолимыя препятствія при попыткахъ придать общій характеръ своимъ возстаніямъ; послѣднія почти постоянно являлись мѣстными возмущеніями, направленными противъ того или другого хозяина или приказчика; къ тому же постоянно увеличивающееся количество вольноотпущенныхъ развивало въ средѣ самихъ негровъ соперничество интересовъ и симпатій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надзоръ за этимъ островомъ былъ очень легокъ: военныя суда могли безъ труда блокировать главнѣйшіе подступы къ его берегамъ, и сильно суженная форма Кубы позволяла испанской арміи свободно очищать всю внутреннюю часть страны отъ повстанцевъ. Все это, безъ сомнѣнія, объясняло въ достаточной степени устойчивость испанскаго правительства въ качествѣ владѣльца Кубы, но, по существу, кто изъ государственныхъ людей могъ разсчитывать на мирное уничтоженіе рабства и на длительность великодушія жадныхъ и могущественныхъ сѣверныхъ сосѣдей, купцовъ-американцевъ? Потеря Кубы, Порто-Рико и сосѣднихъ острововъ была для Испаніи лишь вопросомъ времени.

Подобно Иберійскому полуострову, послѣ его попытки основать республиканскую федерацію, Франція послѣ Коммуны была охвачена движеніемъ сильнѣйшей реакціи. Но, совершенно подобно Испаніи, и для французскихъ правителей являлось полною невозможностью возвратиться ко временамъ столь давнимъ, какъ они желали бы, и къ какимъ ихъ заставляла стремиться простая логика. Они не рѣшались возстановить королевскую власть, что, казалось бы, было ихъ первымъ долгомъ, какъ истинныхъ «деревенщинъ» и крестьянъ. Сильное противодѣйствіе Парижа, къ которому они питали ненависть, и изъ котораго они бѣжали, несмотря на то, что онъ ихъ все же къ себѣ притягивалъ, наполняя ихъ страхомъ, заставляло ихъ давать обѣщанія и предоставлять гарантіи, отъ коихъ трудно было тотчасъ же отказаться. По меньшей мѣрѣ, сыновья умерщвленныхъ коммунаровъ могли, взирая на событія съ высоты птичьяго полета, вполнѣ засвидѣтельствовать побѣду своихъ отцовъ,

такъ какъ въ самомъ уже удержаніи названія «республика» находилось признаніе новаго принципа—принципа правъ человѣка и гражданина,

№ 463. Карта областей Франціи, охваченныхъ филоксерой.



замѣнившихъ собою божественныя права королей. Фанатики реакціи понимали это также прекрасно, но они были связаны по рукамъ и по

ногамъ, были опутаны цѣлою сѣтью различныхъ обстоятельствъ, которыя мѣшали имъ вернуться вспять къ тѣмъ годамъ, которые предшествовали фатальному 1789 г. Даже король, который былъ ими избранъ, и за которымъ они признавали двойное достоинство примирять обѣ вѣтви королевской семьи, такъ какъ онъ былъ прямымъ наслѣдникомъ графа Шамборъ и въ то же время внукомъ Луи-Филиппа,—даже этотъ король, поистинѣ ниспосланный Провидѣніемъ, отказался въ самый послѣдній моментъ рискнуть авантюрой реставраціи. Королевская власть должна была отрѣшиться отъ своихъ правъ вслѣдствіе старческаго безсилія. Мертвые, даже и по прошествіи долгаго времени послѣ своей смерти, управляютъ живыми: «республика безъ республиканцевъ»—такова была почти оффиціальная формула режима, установившагося въ побѣжденной Франціи. Зрѣлище этого въ высокой степени противнаго логикѣ положенія вещей было одновременно и печально и забавно; оно представляло собою смѣсь самыхъ противоположныхъ пережитковъ. Политическое положеніе страны, граждане которой руководствуются принципами, явно другъ другу противорѣчащими, можетъ являться лишь полнѣйшимъ хаосомъ.

Новое бѣдствіе поразило Францію. Ея народныя массы, ведущія очень экономный образъ жизни и сильно потерпѣвшія уже отъ страшнаго разгрома, причиненнаго войной, подверглись новому разоренію со стороны филоксеры—бѣдствія, которое вполнѣ можетъ быть сравнено съ войною: потери той области Франціи, которая какъ-разъ не потерпѣла отъ вторженія враговъ, должны быть исчислены не менѣе какъ въ 10 милліардовъ франковъ [1]). Эти денежныя потери были, однако, ничтожны по сравненію съ потерею, проистекавшею отъ остановки въ трудѣ, которая произошла въ столь широко развитой отрасли народной промышленности, какъ винодѣліе, и угрожала совершенно измѣнить всѣ традиціонныя привычки населенія, вызвать, такъ сказать, перемѣщеніе центра тяжести въ населеніи и даже измѣнить его душу. Многіе департаменты, гдѣ ранѣе населеніе не знало бѣдности, и гдѣ общественное благосостояніе было высокимъ, напримѣръ, департаменты Эро и Жиронды, были страшнѣйшимъ образомъ охвачены разореніемъ земледѣльческаго населенія настолько, что въ нихъ появилось нищенство. Имѣнія, сильно упавшія въ цѣнѣ, переходили изъ рукъ въ руки, и во многихъ мѣстностяхъ Франціи получились обширные районы, сложившіеся изъ сотенъ мелкихъ виноградниковъ, разоренныхъ филоксерою, прежніе владѣльцы которыхъ должны были покинуть страну. Тогда какъ большинство потерпѣвшихъ отъ этого бѣдствія людей стало обращаться къ правительству съ тѣмъ, чтобы получить отъ него либо какую-нибудь

1) Gabriel Hanoteau, Nouvelle Revue, 15 nov. 1902.

помощь, либо казенныя мѣста, другіе, обладая большею инициативою, изощрялись въ изобрѣтеніи наилучшихъ способовъ культуры и въ созданіи новыхъ отраслей промышленности; наконецъ, третьи устраивались въ Алжирѣ и въ дальнихъ колоніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что распространеніе филоксеры содѣйствовало увеличенію у французскаго земледѣльца того благоразумія, которое онъ проявляетъ въ смыслѣ увеличенія своей семьи: не имѣя увѣренности въ будущемъ, онъ охотно ограничиваетъ число своихъ дѣтей, и, несомнѣнно, во Франціи, гдѣ число дѣторожденій постоянно уменьшается, населеніе значительно уменьшилось бы, если бы убыль не заполнялась пришельцами изъ Бельгіи, Италіи, Швейцаріи, Германіи и славянскихъ земель.

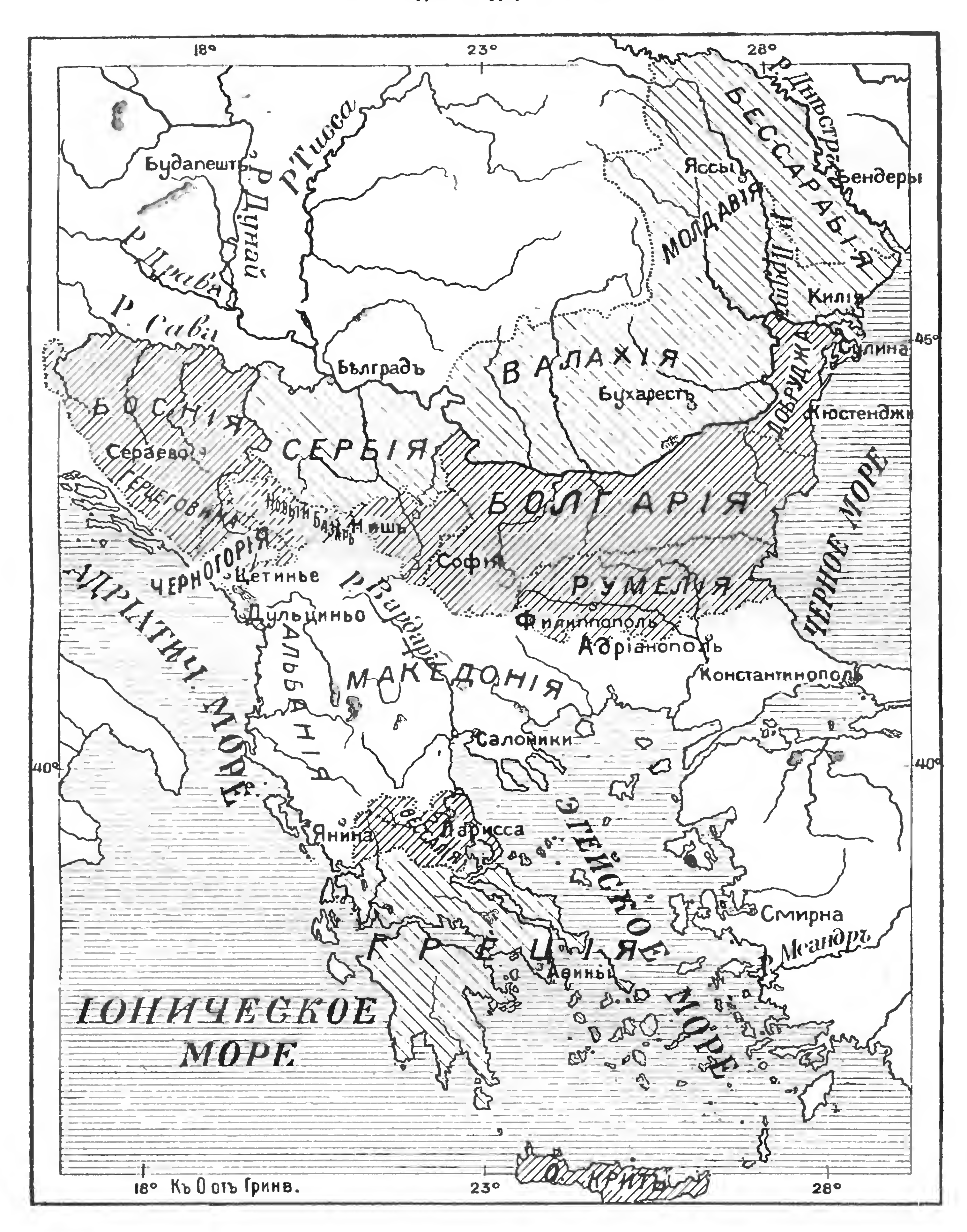
Въ этомъ отношеніи другія культурныя страны міра, за исключеніемъ нѣкоторыхъ странъ, гдѣ господствуетъ буржуазія, каковы «саксонскія» области Трансильваніи и многочисленные районы Новой Англіи, отнюдь не проявляютъ того же духа благоразумія, и населеніе ихъ чрезвычайно быстро увеличивается, какъ то явствуетъ изъ статистическихъ таблицъ; съ другой стороны, Европа и европеизированные народы въ настоящее время съ менѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ ранѣе, вступаютъ въ дипломатическіе конфликты и въ вооруженныя столкновенія. Ужасы франко-прусской войны нѣсколько отрезвили, повидимому, руководителей политики европейскихъ народовъ. Несмотря на то, что ни въ одну изъ эпохъ исторіи не производилось во всемъ свѣтѣ, по сравненію съ народными рессурсами, такихъ страшныхъ затратъ на военныя нужды, не смотря на то, что арміи по численности и по умѣлой организаціи превзошли въ значительной степени войска прежнихъ временъ, и расходы на пріобрѣтеніе запасовъ, имѣющихъ разрушительныя цѣли, достигли размѣровъ, которые можно считать прямо немыслимыми даже для времени хотя бы наполеоновскихъ войнъ,—несмотря на все это, народы Европы, доведенные до послѣдней степени милитаризма, остерегаются нарушать мирные трактаты, лишь ревниво наблюдаютъ другъ за другомъ и увѣряютъ, что задачей правительства является стремленіе къ благосостоянію всѣхъ народовъ. Каждая нація затрачиваетъ милліоны и даже милліарды франковъ, чтобы бронировать свои границы и свои суда, чтобы наполнять свои арсеналы снарядами и свои казармы отборнымъ пушечнымъ мясомъ. Война объявлена священною, она считается порождающей силу и храбрость; великій стратегъ германскихъ побѣдъ, Мольтке, соблаговолилъ даже нарушить свое обычное молчаніе и заявить, что всеобщій миръ—«великолѣпная мечта». «Между тѣмъ, цивилизованные народы не рѣшаются начать новыя настоящія войны и приступить къ новымъ кровопролитіямъ.

Со времени капитуляціи Парижа такъ называемая христіанская

Европа осталась въ состояніи вооруженнаго мира, и война въ ея предѣлахъ произошла лишь на Балканскомъ полуостровѣ, когда русскіе подъ предлогомъ массовыхъ избіеній и всевозможныхъ звѣрствъ, совершаемыхъ въ славянскихъ странахъ турками, вообразили, что будутъ въ состояніи одержать надъ послѣдними рядъ легкихъ побѣдъ. «Больной человѣкъ», какъ предполагали, не рѣшится оказать сопротивленіе «сѣверному колоссу». Однако, на самомъ дѣлѣ, сопротивленіе было имъ оказано, и перипетіи русско-турецкой войны 1877—1878 гг. были такого рода, что заставили еще болѣе призадуматься всѣхъ стремившихся къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ,—онѣ показали воочію, сколько ужасныхъ затрудненій могутъ причинить нападающему подобныя авантюры въ случаѣ серьезнаго сопротивленія врага. Безъ сомнѣнія, Россія была гораздо сильнѣе какъ въ смыслѣ численности людей, такъ и въ смыслѣ количества военнаго матеріала; презирая своего врага, она была вполнѣ увѣрена въ быстрыхъ успѣхахъ. Придворные генералы, окружавшіе монарха, ожидавшаго побѣдъ, къ крайнему своему огорченію заставили его присутствовать при весьма многихъ пораженіяхъ. Направившись слишкомъ быстро и слишкомъ необдуманно чрезъ Балканы по дорогѣ къ Константинополю, русская армія подверглась атакѣ съ фланговъ и принуждена была перейти къ оборонительному образу дѣйствія; затѣмъ она неосмотрительно подступила подъ стѣны Плевны и при взятіи ея оставила на всѣхъ склонахъ длиннѣйшіе ряды труповъ. Тогда поняли, насколько прогрессъ въ огнестрѣльномъ оружіи измѣнилъ условія войны и увеличилъ шансы осажденныхъ, если они твердо рѣшили дать отпоръ и спокойно ждутъ врага. Впрочемъ, неравенство силъ и рессурсовъ между обѣими сторонами было слишкомъ велико, и окончательная побѣда должна была остаться за русскими, которымъ къ тому же помогали румыны. Впрочемъ, и на этотъ разъ они не достигли своей конечной цѣли: Царяграда—«города царей». Не будучи достаточно увѣренными въ томъ, какъ къ нимъ отнесется этотъ многолюдный городъ, и какъ будетъ вести себя англійскій флотъ, они остановились въ его предмѣстьѣ Санъ-Стефано, гдѣ въ 1878 г. ими былъ продиктованъ унизительный для турокъ миръ, коимъ Турціи едва оставлялась пядь земли на европейскомъ материкѣ и то подъ верховнымъ контролемъ побѣдителей.

Такое крупное измѣненіе равновѣсія въ соотношеніи силъ великихъ европейскихъ державъ было, однако, слишкомъ значительнымъ для того, чтобы послѣднія могли оставить заключенный договоръ безъ пересмотра. Потому державами были посланы ихъ уполномоченные въ Берлинъ, гдѣ подъ предсѣдательствомъ князя Бисмарка, считавшагося до нѣкоторой степени главою во всѣхъ совѣтахъ, гдѣ дѣло касалось насилія, совершилось безапелляціонное новое распредѣленіе территоріи

№ 464. Раздѣлъ Турціи въ XIX вѣкѣ.



Масштабъ 1:10000000.

Россія заняла часть Бессарабіи въ 1812 г., около того же времени Сербія получила на половину независимость. Въ 1829 г. Россія продвинулась до Дуная и заставила признать на особомъ положеніи Валахію и Молдавію, соединившіяся въ 1861 г. Греція сдѣлалась независимымъ государствомъ въ 1830 г. Въ 1856 г. южная Бессарабія была присоединена къ Молдавіи.

Въ 1878 г. Румынія принуждена была вывести свои войска съ лѣваго берега Прута, но получила Добруджу; Сербія увеличилась на Нишскую область, а Черногорія получила полоску земли, на которой находится Дульциньо; Болгарія была отдѣлена отъ Турціи, и Румелія была поставлена подъ власть губернатора-христіанина; Боснія и Герцеговина были отданы Австріи, и ею былъ занятъ округъ Новый Базаръ.

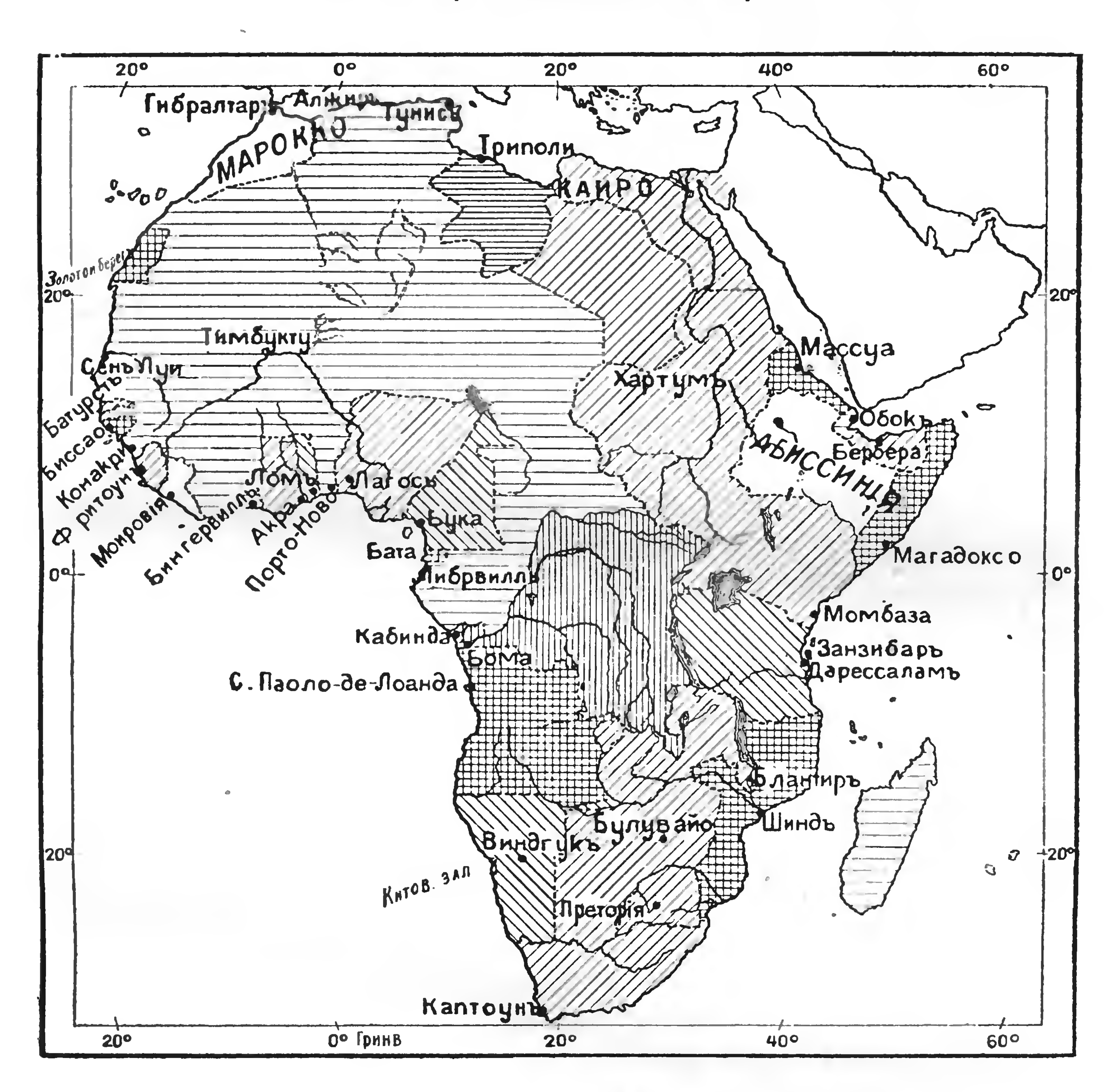
Въ 1881 г. Греція получила Ѳессалію; въ 1885 г. Румелія присоединилась къ Болгаріи; въ 1897 г. островъ Критъ былъ объявленъ автономнымъ и поставленъ подъ власть греческаго губернатора

Балканскаго полуострова и Малой Азіи между европейскими государствами. Сербія и Черногорія, освобожденныя отъ турецкаго суверенитета, получили нѣкоторое приращеніе своей территоріи. Болгарія образовала вассальное княжество, тогда какъ Румелія, къ югу отъ Балкановъ, осталась турецкой провинціей: болгарскій народъ оказался, такимъ образомъ, раздѣленнымъ на двѣ половины; необходимо было, очевидно, сохранить элементы для постоянныхъ интригъ и будущихъ войнъ. Что касается Румыніи, то она въ награду за дѣйствительную помощь, которую принесла Россіи въ опасный моментъ, поплатилась утратой Бессарабіи и взамѣнъ этой плодородной и населенной провинціи, которую она принуждена была очистить по принужденію, ей были даны болотистыя пространства Добруджи. Русскіе отрѣзали себѣ недурную часть завоеванной территоріи: кромѣ Бессарабіи на европейскомъ континентѣ, они взяли полосу въ Малой Азіи, гдѣ находятся крѣпость Карсъ и очень удобно расположенный портъ Батумъ. Что касается Австріи, которая оказала лишь кое-какія дипломатическія услуги, то она получила за свои хлопоты небольшую гавань и, въ качествѣ еще болѣе цѣннаго подарка, покровительство надъ двумя славянскими провинціями, Босніей и Герцеговиной, которыя очень кстати округлили Австро-Венгерскую имперію, измѣнивъ ту курьезную форму, которую ей придавала длинная полоса побережья Далмаціи. Всѣ государства вплоть до Персіи получили по клочку земли. Наконецъ, Великобританія, которая была, такъ сказать, побѣждена одновременно съ Турціей, такъ какъ не могла ей принести серьезной помощи иначе, какъ въ послѣдній моментъ, заставила себѣ уступить, благодаря таланту своего уполномоченнаго, лорда Биконсфильда, островъ Кипръ, взамѣнъ уплаты денежной суммы и нѣкотораго протектората надъ Малой Азіей. Впрочемъ, это послѣднее дѣло, требовавшее значительной затраты силъ и крупныхъ расходовъ, осталось почти мертвой буквой, хотя англійскій народъ и могъ бы воспользоваться даннымъ положеніемъ вещей для того, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ защитникомъ армянъ и, въ свою очередь, пріобрѣсть себѣ въ этомъ развитомъ народѣ весьма существенныхъ помощниковъ и сотрудниковъ. Всѣ другія требованія Берлинскаго трактата были также пустыми словами на бумагѣ,—между ними находилось и требованіе, предъявленное къ Портѣ, чтобы она въ равной степени нелицепріятно творила правосудіе надъ всѣми своими подданными, безъ различія происхожденія и религіи, и въ особенности защищала бы армянъ-земледѣльцевъ отъ разбойничьихъ курдскихъ племенъ: никогда ни одно обѣщаніе не нарушалось болѣе жестокимъ образомъ, какъ это данное Портою!

Хотя торжественныя рѣшенія великаго собранія европейскихъ дипломатовъ и не могли имѣть никакого иного реальнаго значенія,

кромѣ ратификаціи воли самихъ народовъ, они все же получили большой вѣсъ въ силу того, что были высказаны собраніемъ, представляющимъ

№ 465. Европейскія владѣнія въ Африкѣ.



Великобританія занимаетъ Египетъ, Суданъ и другія области отъ Каира до Момбазы, въ южной Африкѣ—отъ Блантира до Каптоуна, затѣмъ въ ея распоряженіи находится Батурстъ, Фритаунъ, Акка, Лагосъ, Китовый заливъ, Занзибаръ и Бербера.—Французскія владѣнія по берегу моря состоятъ изъ Алжира, Туниса, Сенъ-Луи, Конакри, Бингервилля, Порто-Нуово и Либрвилля и по другой сторонѣ континента обнимаютъ Мадагаскаръ и территорію Обокъ.—Германія устроилась въ Дарессаламѣ, въ Винтгукѣ, въ Укка и Ломе.—Турція сохранила за собою Триполи.—Бельгійскій король, подъ наименованіемъ повелителя независимаго государства Конго, управляетъ въ Бомѣ.—Италія занимаетъ Массуа и Магадоксо, Испанія обладаетъ Оро и Бата, Португалія—Биссао, Кабинда, Сенъ-Паоло-де-Лоанда и Шиндъ.

собою всю Европу. Со времени Вестфальскаго договора и даже со времени Вѣнскаго конгресса оффиціально признанный міръ расширился въ чрезвычайной степени. Кромѣ того, и языкъ дипломатовъ измѣнился.

Они не говорили уже болѣе исключительно отъ имени своихъ властителей, они торжественнымъ образомъ заявляли отъ имени другой могущественной величины—отъ имени всѣхъ цивилизованныхъ народовъ! Очевидно, сознавался уже новый порядокъ вещей,—нѣкоторое моральное единство, проистекавшее отъ существованія извѣстнаго общественнаго мнѣнія всей Европы. Отдѣльныя державы не только взаимно боялись одна другой, но и понимали также, что новая великая европейская война не понравилась бы даже тѣмъ изъ народовъ, кто имѣлъ бы въ виду одержать побѣду. Съ другой стороны, онѣ знали также, что завоеванія, сдѣланныя въ дальнихъ странахъ, войны, ведомыя съ народностями, считающимися варварскими или дикими, будутъ болѣе чѣмъ прощены—будутъ имъ даже вмѣнены въ заслугу и составятъ ихъ славу. Такимъ образомъ, съ молчаливаго одобренія своихъ государствъ правители Европы принялись за размежеваніе Африки, Азіи и Океаніи съ цѣлью распредѣленія между собою отдѣльныхъ кусковъ этихъ континентовъ и образованія обширныхъ колоніальныхъ владѣній.

Въ началѣ XX вѣка европейскія державы почти закончили раздѣлъ Африки, нерѣдко называемой «Чернымъ континентомъ» вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, онъ населенъ неграми, и, быть-можетъ, также потому, что онъ не совершенно извѣстенъ. Обширныя территоріи, поверхностью во много тысячъ квадратныхъ километровъ, имѣютъ уже, судя по Готскому альманаху, своихъ оффиціальныхъ властителей, несмотря на то, что по нимъ не прошло еще ни единаго путешественника. Съ точки зрѣнія завоеванія это обстоятельство не имѣетъ большого значенія, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что военныя силы, которыми располагаютъ европейскія государства, достаточно велики для того, чтобы одержать полную побѣду надъ недисциплинированными и необученными военному искусству племенами. Достаточно, чтобы та или другая страна была по дипломатическому уговору предоставлена Великобританіи, Франціи или Германіи, и эта держава можетъ тогда терпѣливо ожидать времени, когда будетъ возможно совершенно или отчасти захватить страну для торговой эксплуатаціи. Въ настоящее время африканскій континентъ можетъ разсматриваться какъ область, находящаяся въ полной экономической зависимости отъ Европы. Можно сказать, что при своей реальной силѣ, при своемъ чрезвычайномъ превосходствѣ и престижѣ, которыми они пользуются, европейцы не встрѣтили бы при занятіи страны никакого сопротивленія, если бы, со своей стороны, не производили несправедливостей и всевозможныхъ жестокостей; впрочемъ, во многихъ случаяхъ войны и возстанія даже вызывались ими нарочно, такъ какъ давали случай военачальникамъ подавлять врага и пріобрѣтать, такимъ образомъ, славу, почести, чины и движеніе по службѣ.

Главнѣйшій доводъ политиковъ, горячо отстаивающихъ размежеваніе всего міра на рядъ колоніальныхъ областей, состоитъ въ томъ, что необходимо найти исходъ для все увеличивающагося населенія Европы и мѣсто сбыта для перепроизводства мануфактурныхъ издѣлій промышленности. Къ этому основному доводу присоединяютъ обыкновенно, не вѣря притомъ, впрочемъ, ни единому своему слову, истре-

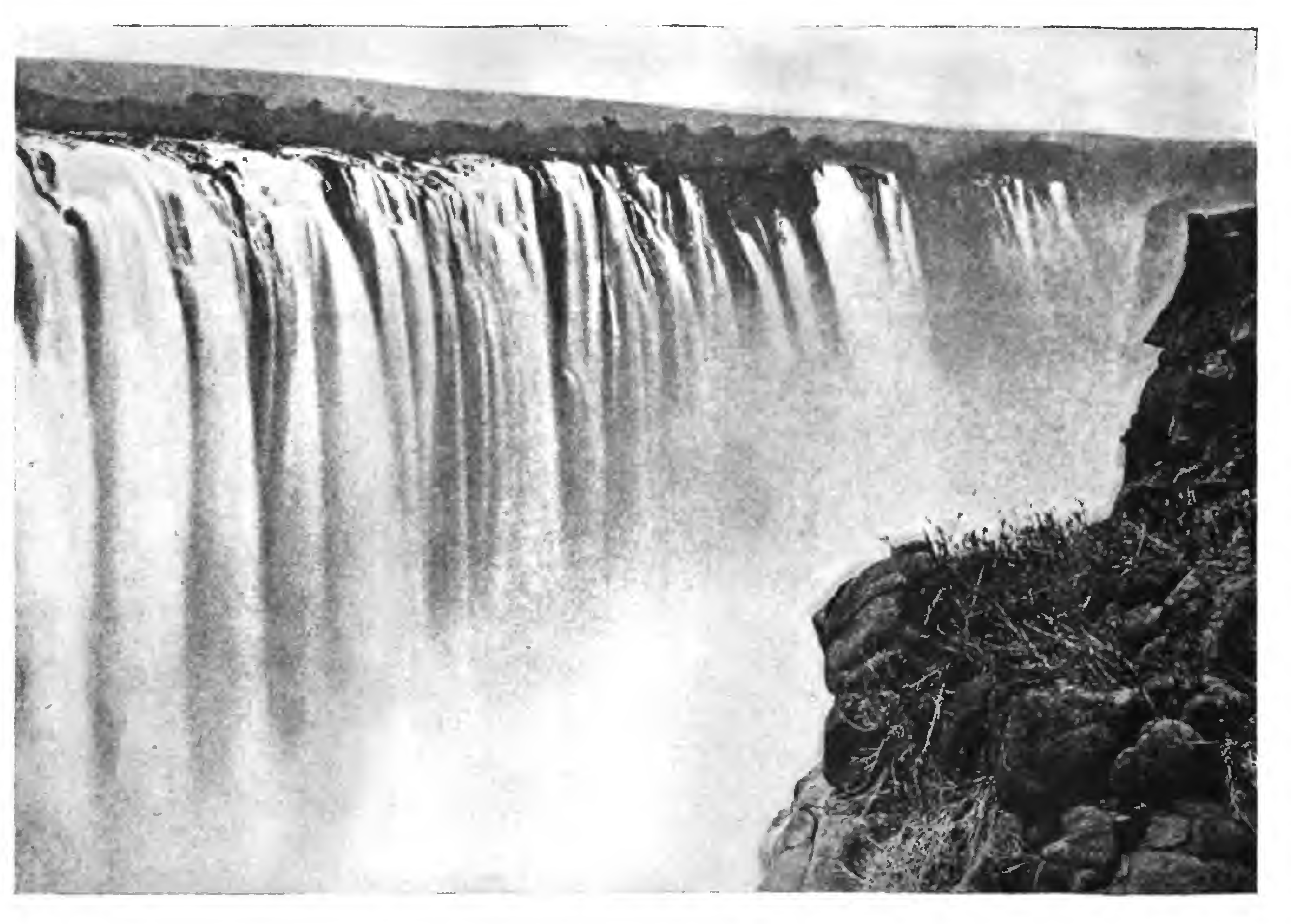
Бродъ чрезъ Нигеръ близъ Бафеле.

панные доводы относительно морализующаго вліянія христіанской цивилизаціи и, такимъ образомъ, совѣсть оказывается вполнѣ удовлетворенной. Правда, большая часть захваченныхъ европейцами территорій совершенно не подходитъ для ихъ собственной жизни, и они не могутъ въ нихъ акклиматизироваться; справедливо также и то, что тѣ области, которыя обладаютъ благопріятнымъ для европейцевъ климатомъ, не могутъ дать имъ дѣятельности, подходящей къ ихъ образу жизни. Эти обширныя пространства, присоединенныя къ такъ называемымъ «колоніальнымъ владѣніямъ», не могутъ, слѣдовательно, разсматриваться какъ настоящія колоніи, такъ какъ они вовсе не предназначены для жизни колонистовъ; они не могутъ служить для помѣщенія избытка народонаселенія Европы. Это, просто-на-просто, мѣстности, гдѣ могутъ устроиться тѣ или другіе торговцы и промышленники, которые ищутъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны или возможности снабжать

населеніе нужными ему продуктами; большинство туземныхъ жителей привыкло, однако, къ болѣе простой жизни и находитъ вокругъ себя въ произведеніяхъ родной страны все, что для него является нужнымъ; необходимо, слѣдовательно, чтобы со стороны такъ называемыхъ колонизаторовъ были приложены усилія къ тому, чтобы вызвать у туземцевъ новыя потребности, и чаще всего они вызываютъ потребность въ водкѣ или въ какомъ-либо другомъ подобномъ же ядѣ: у негровъ, которыхъ европейцы толкаютъ въ сторону полнаго безумія неизвѣстныя до того времени деньги получили единственнымъ своимъ назначеніемъ—покупку спиртныхъ напитковъ [1]. Вотъ, что называется въ занятыхъ европейцами областяхъ Чернаго континента начатками цивилизаціи, первою ея ступенью, за которою слѣдуетъ рабство! Допустимъ, что въ этомъ все же имѣется нѣкоторый прогрессъ, такъ какъ негръ-покупатель носитъ въ настоящее время все же названіе свободнаго человѣка.

Начало современныхъ колоніальныхъ завоеваній въ Африкѣ восходитъ ко временамъ генуэзскихъ и португальскихъ путешествій, къ тѣмъ временамъ, когда мореплаватели XIII и XIV вѣковъ открыли островъ Лагнамъ, названный позднѣе Мадерой, и землю Ланселотъ, называемую теперь островомъ Лансеротомъ въ группѣ Канарскихъ острововъ. Отъ острововъ изслѣдователи въ скоромъ времени перешли и на побережье континента; съ этого времени представители Европы, торговцы и миссіонеры, устроились въ Африкѣ, и смѣшеніе крови стало происходить въ ней столь же сильно, какъ и смѣшеніе идей. Негры Конго и до сихъ поръ называютъ европейцевъ «мпуту» или «людьми страны Путу» [2], т.-е. Португаліи, въ воспоминаніе о прибытіи португальцевъ. Туземцы африканскаго побережья, въ свою очередь, переняли отъ миссіонеровъ, явившихся изъ Лиссабона и Опорто, не только одни наименованія: они обязаны миссіонерамъ крестами, которыми они украшаютъ свои дома, не зная даже ихъ значенія, они обязаны имъ также и оффиціальнымъ посвященіемъ имени того или другого святого; негры и негритянки—идолопоклонники - путемъ окропленія ихъ святой водой превращаются въ истинныхъ христіанъ. Точно также служители Христа занесли африканцамъ статуэтки Іисуса и Дѣвы Маріи, равно какъ и изваянія святыхъ, которые постепенно видоизмѣнились у нихъ въ фетиши, считавшіеся долгое время произведеніями мѣстнаго происхожденія; эти грубыя изображенія съ торчащими во всѣ стороны гвоздями представляютъ Распятаго, пронзеннаго ударами копья, и Богоматерь. Внутри страны не приходится встрѣчать такихъ фетишей, они имѣются

1) A. d'Almada Negreiros, Congrès Colonial international de Paris, 1900.—2) Ch. Lemaire, notes manuscrites.



Водопадъ Викторія на рѣкѣ Замбези.

лишь въ западныхъ областяхъ, въ которыхъ ранѣе миссіонеры проповѣдывали христіанство. Эти исковерканныя изображенія представляютъ собою все, что сохранилось отъ стараній прежнихъ обратителей въ христіанство. Тѣ формы религіи, которыя нѣкогда проповѣдывались католическими священниками, исказились самымъ курьезнымъ образомъ въ силу возвращенія къ прежнимъ вѣрованіямъ, какъ только миссіонеры покинули страну. Такимъ образомъ, у племени бамба на берегахъ низовьевъ Конго молодые представители этого племени приводятся колдунами въ состояніе паралича, похожее на смерть, и въ этомъ состояніи остаются въ теченіе трехъ дней, послѣ чего наступаетъ воскресеніе ихъ къ жизни. Очевидно, здѣсь подражаніе «Господу Іисусу» и великой тайнѣ его смерти и побѣдоноснаго возврата къ новой жизни [1]).

Колоніальная Португальская имперія, простиравшаяся далеко внутрь страны и охватывавшая неизвѣстныя страны, не имѣла точныхъ границъ. Считалось, что она заключаетъ въ себѣ всѣ области континента за предѣлами Мавританіи и бассейна Нила; однако, страны, занятыя португальцами, въ дѣйствительности, имѣли лишь незначительную площадь,—маленькая Португалія могла дать лишь очень небольшое число плантаторовъ и авантюристовъ. Голландцы похитили у португальцевъ южную часть Африки, т.-е. область мыса Доброй Надежды, которая позднѣе перешла въ составъ англійскихъ владѣній со всѣми прилежащими территоріями; затѣмъ новые пришельцы, завоевывая область за областью, завладѣли въ теченіе вѣка широкою полосою въ предѣлахъ рѣки Замбези, дѣлая видъ, что совершенно не знаютъ о претензіяхъ на эту страну со стороны Португаліи, которая, какъ признавалось европейскимъ международнымъ правомъ, въ теченіе трехъ вѣковъ владѣла всею шириною африканскаго материка, отъ одного берега до другого, отъ Анголы до Мозамбика. Даже болѣе,—захвативъ территоріи, которыя имъ нравились, англичане распространили на остальныя португальскія владѣнія нѣчто въ родѣ протектората и, по общему убѣжденію всѣхъ политиковъ, прорицающихъ о будущихъ судьбахъ, всѣ прежнія португальскія владѣнія, рано или поздно, должны перейти въ руки Англіи. Португалія, сдѣлавшаяся какъ бы феодально зависимой отъ Великобританіи, является на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ временно пользующеюся доходами съ богатствъ тѣхъ земель, которыми ея властительница станетъ завладѣвать послѣдовательно, сообразно съ потребностями даннаго момента. Во время своей войны съ голландскими бурскими республиками, Англія такъ пользовалась гаванью Лоренцо-Маркецъ, какъ если бы эта превосходная гавань составляла ея оффиціально признанную собственность.

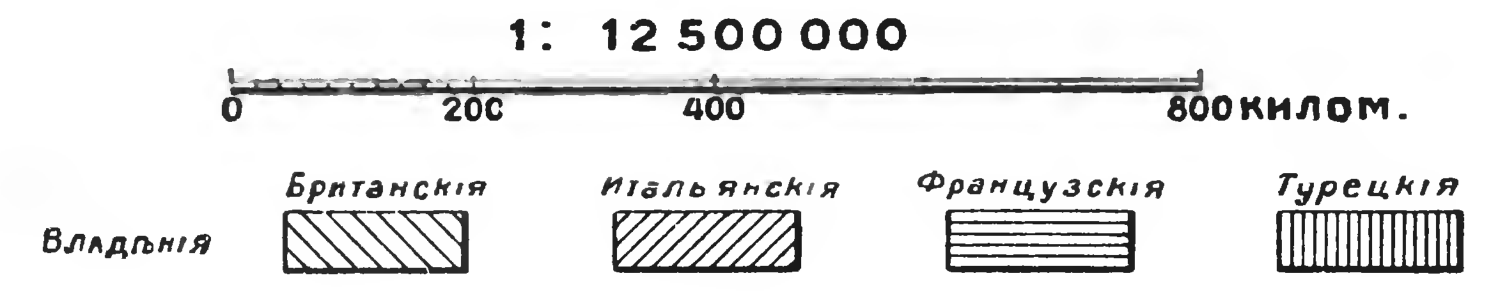
1) Keane, «Man, Past and Present», p. 109.

Къ этимъ въ высокой степени важнымъ владѣніямъ южной оконечности Африки, гдѣ до открытія Суэцкаго канала находился пунктъ, составлявшій необходимый этапъ для всѣхъ мореплавателей, направлявшихся отъ береговъ Атлантическаго океана къ берегамъ Индійскаго Англія сумѣла прибавить полосу земли, которая простирается къ сѣверу до озера Танганайки и по другую сторону этого озера продолжается вдоль бассейна Нила до Средиземнаго моря. Несмотря на обширный пробѣлъ, раздѣляющій на двѣ части эту срединную полосу Африки, англичане разсчитываютъ воспользоваться ею для своихъ цѣлей путемъ постройки желѣзнодорожнаго пути длиною отъ 7 до 8 тысячъ километровъ, который соединитъ Капштадтъ съ Александріей и свяжетъ своими развѣтвленіями рынки побережій Индійскаго океана съ Краснымъ моремъ. Можно считать половину этого великаго дѣла уже законченнымъ, такъ какъ на югѣ желѣзная дорога, открытая въ 1905 г., пересѣкаетъ рѣку Замбези, тогда какъ сѣверная желѣзная дорога доходитъ уже до Хартума, и въ промежуточныхъ областяхъ пароходы совершаютъ уже рейсы вверхъ и внизъ по Нилу и по великимъ озерамъ. Великобританія является, такимъ образомъ, главною повелительницею всей восточной половины Африки, гдѣ другія державы располагаютъ лишь колоніями второстепеннаго значенія. Впрочемъ, далеко не все еще находится въ распоряженіи англичанъ, такъ какъ горы Эѳіопіи, гдѣ беретъ начало Голубой Нилъ, возвышаются еще непокоренными, какъ высокая крѣпость, и англійскія владѣнія въ Египтѣ останутся незаконченными до тѣхъ поръ, пока англичане не завладѣютъ истоками рѣки и не будутъ имѣть возможности регулировать ея теченіе для орошенія своихъ равнинъ.

Въ западной Африкѣ британскіе купцы располагаютъ также обширными областями для эксплуатаціи, между которыми находятся населенныя пространства, орошаемыя низовьями Нигера; однако, на этой сторонѣ континента наиболѣе обширныя области выпали на долю Франціи. Значительная часть этой территоріи образована полнѣйшими пустынями,—какъ выразился одинъ изъ англійскихъ министровъ,—«галльскій пѣтухъ любитъ клевать песокъ»; главнѣйшія французскія колоніи въ Африкѣ обнимаютъ, однако, болѣе половины Мавританскихъ странъ, т.-е. обнимаютъ область, которую можно назвать африканскою Европою. Эта страна, по своему положенію на побережьѣ Средиземнаго моря, напротивъ Испаніи, Франціи и Италіи, образуетъ съ географической точки зрѣнія часть того латинскаго міра, которому она и исторически принадлежала въ теченіе эпохи величія Рима. Тунисъ и Алжиръ, туземное населеніе котораго состоитъ изъ берберійцевъ, родственныхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, другимъ племенамъ побережій западнаго Средиземнаго моря, лишь съ относительно недавняго времени получили въ составъ своего населенія чуждый арабскій элементъ, теперь же, благо-

даря наплыву колонистовъ, итальянцевъ, французовъ, испанцевъ, къ которымъ примѣшиваются и другіе европейцы, на этой почвѣ культиви-

№ 466. Независимая Абиссинія.



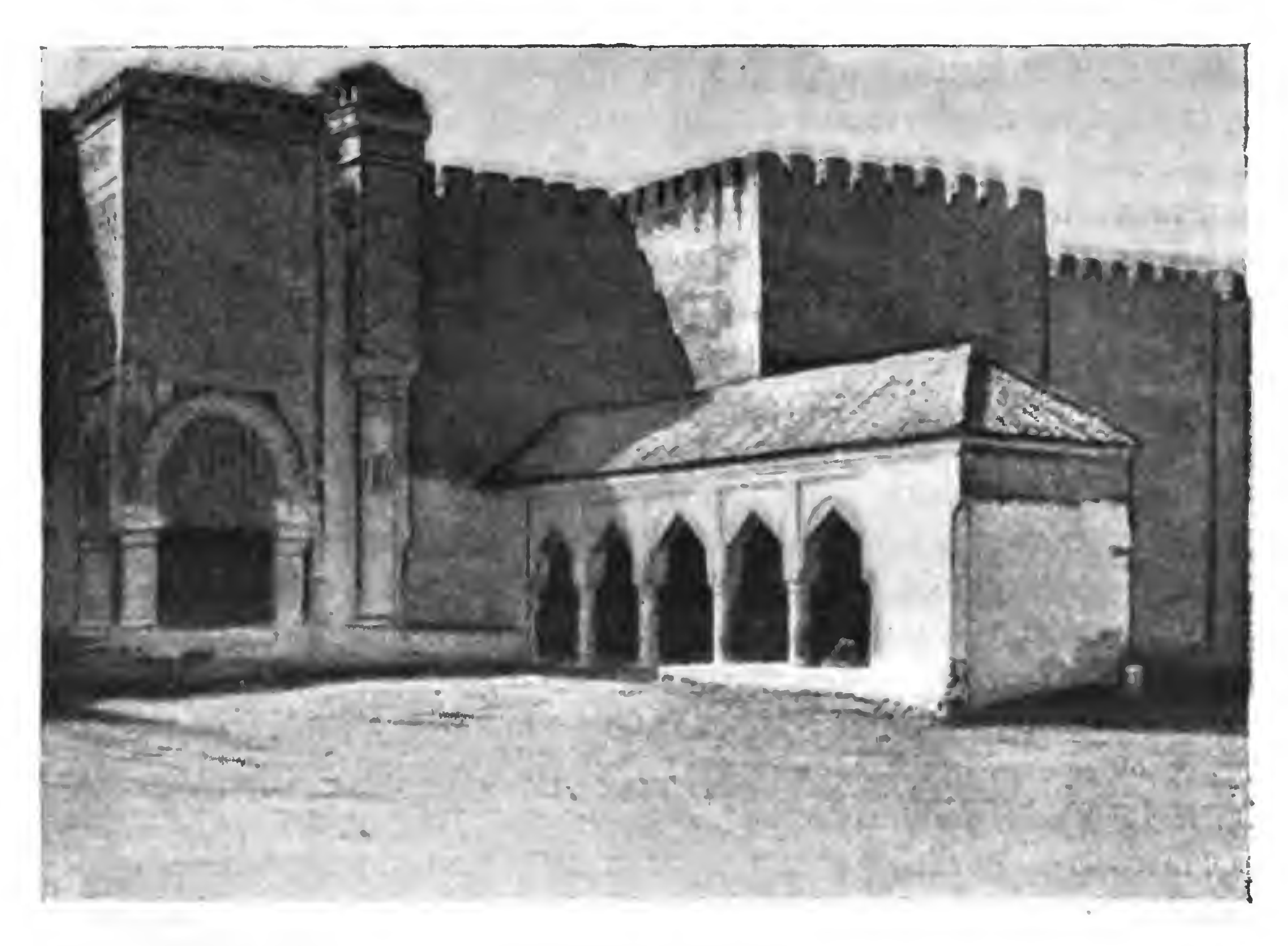
руется новая народность, которая, по своему происхожденію, кажется превосходно подготовленной къ тому, чтобы пустить здѣсь корни, и, дѣй-

ствительно, несмотря на дѣлавшіяся сначала неблагопріятныя предсказанія, она прекрасно здѣсь акклиматизировалась. Европа фактически расширилась путемъ пріобрѣтенія Малой Африки, подобно тому, какъ, съ другой стороны, она расширилась путемъ заселенія противоположной оконечности африканскаго континента, именно Капской колоніи и сосѣднихъ областей.

Алжиръ хотя и простирается уже довольно далеко вглубь пустыни, благодаря оазисамъ, которые его усѣиваютъ вплоть до Туата, оказывается все же фактически совершенно отдѣленнымъ отъ другихъ французскихъ владѣній, расположенныхъ по берегамъ Сенегала въ верховьяхъ и по среднему теченію Нигера, по берегамъ озера Чадъ, на побережьѣ Гвинейскаго залива и еще болѣе въ выжженныхъ пространствахъ области Уадай; военныя очень дорого стоющія экспедиціи и изслѣдованія отважныхъ путешественниковъ, пускавшихся въ невѣдомыя страны, связали обѣ оконечности этой огромной африканской имперіи лишь сѣтью маршрутовъ, далеко отстоящихъ одинъ отъ другого. Впрочемъ, если Алжиръ и Тунисъ являются колоніями, на самомъ дѣлѣ подвергающимися заселенію,—колоніями, въ которыхъ европейцы, дѣйствительно, воздѣлываютъ почву и живутъ со своими семьями, то другія области, пріобрѣтенныя Франціей по ту сторону Сахары, отнюдь не составляютъ колоніи въ собственномъ смыслѣ этого слова и съ утилитарной точки зрѣнія оказываются скорѣе причиною лишнихъ расходовъ для національнаго бюджета: онѣ могутъ приносить пользу лишь купцамъ и поставщикамъ арміи. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что земной шаръ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшается, благодаря быстротѣ передвиженія и вездѣсущности, которую даютъ человѣку новые двигатели, пустынное пространство, отдѣляющее Мавританское плоскогоріе отъ долины Нигера, также сокращается, и всѣ владѣнія Франціи въ Африкѣ, вплоть до Конго, обѣщаютъ слиться въ одинъ прекрасный день въ одно сплошное географическое цѣлое. Теперь вовсе уже нельзя назвать безумной мечтой постройку желѣзной дороги, которая соединила бы Габесскій заливъ съ дельтою Нигера, пройдя мимо озера Чадъ, и созданіе желѣзнодорожнаго пути чрезъ Африку, который явился бы быстрымъ способомъ сообщенія между Франціей и Бразиліей.

Что касается Германіи, то ея владѣнія также богаты пустынями,—она обладаетъ на юго-западѣ Африки обширными каменистыми пространствами, которыя путемъ крупныхъ затратъ стараются превратить въ плодородныя земли; наиболѣе богатыя населеніемъ и естественными богатствами владѣнія ея находятся, однако, въ восточной части континента. Здѣсь они окаймляютъ внутреннее море Африки—озеро Танганайку—и прилегаютъ къ еще болѣе обширному озеру Ніанца. Противъ этихъ германскихъ владѣній въ Африкѣ, по другую сторону Танганайки,

располагается огромное государство Конго, называемое «независимымъ» на основаніи существующихъ международныхъ трактатовъ, такъ какъ оно не принадлежитъ еще пока ни одной европейской державѣ,—тѣмъ не менѣе, одинъ изъ европейскихъ повелителей сдѣлалъ его своею частною собственностью, которая получаетъ, впрочемъ, финансовую поддержку отъ парламента его страны. Это королевство Конго въ 120 разъ



Мечеть въ Мекнесѣ.

обширнѣе самой Бельгіи и завершаетъ собою списокъ европейскихъ пріобрѣтеній въ Африкѣ вмѣстѣ съ итальянскими владѣніями—Эритреей и областью Сомали и незначительными испанскими владѣніями, состоящими изъ нѣсколькихъ островов. Европейцамъ остается захватить лишь Эѳіопію, если эта имперія не европеизируется, мало-по-малу, сама, иначе говоря, не перейдетъ въ руки купцовъ, промышленниковъ и спекуляторовъ-европейцевъ. На сѣверѣ Триполи имѣетъ уже своего предполагаемаго завоевателя, общепризнаннаго всѣми христіанскими державами, именно Италію; наконецъ, на сѣверо-западной оконечности Марокко чуть не каждый годъ даетъ поводъ правителямъ Европы передвигать по направленію къ нему свои эскадры, и, конечно, лишь вопросъ времени, кто станетъ его счастливымъ обладателемъ, и кто будетъ его завистливымъ соперникомъ!

Если Марокко до настоящаго времени не захвачено еще ни одной

европейской державой, то именно вслѣдствіе того, что оно служитъ предметомъ распри уже въ теченіе ряда вѣковъ, и соперники другъ друга нейтрализовали. Марокко почти примыкаетъ къ Испаніи, Цеута выдвигается по направленію къ Гибралтару, Танжеръ—къ Тарифѣ. Такимъ образомъ, когда окончилась семивѣковая война между мусульманами и христїанами за обладаніе Иберійскимъ полуостровомъ и окончилась въ пользу послѣднихъ, то естественно они стали преслѣдовать своихъ враговъ и на сосѣднемъ материкѣ и въ силу этого взяли Цеуту и другія укрѣпленія на мавританскомъ побережьѣ, которыя, съ точки зрѣнія военной, имѣютъ, такъ сказать, лишь символическое значеніе. Настоящимъ защитникомъ Марокко противъ испанскаго вторженія была въ дѣйствительности Великобританія, которая заняла Танжеръ между 1662 и 1684 г. и нѣсколько лѣтъ спустя завладѣла Гибралтаромъ, вонзивъ, такимъ образомъ шипъ въ самое тѣло Испаніи и пріобрѣтя надзоръ за проливомъ. Пораженная въ самое сердце и униженная испанская держава не могла и мечтать болѣе о дальнѣйшемъ распространеніи своихъ завоеваній на африканскомъ континентѣ. Она попробовала, правда, разъ-другой продолжить дѣятельность въ этомъ направленіи, но весьма вѣжливыя предупрежденія, раздавшіяся съ разныхъ сторонъ Западной Европы, показали ей, что приходится довольствоваться пріобрѣтенными позиціями. Со своей стороны, Францiя, сожалѣя о пропущенномъ случаѣ, находится постоянно на стражѣ на границѣ Алжира и старается расширить свой протекторатъ за границы этого государства, тогда какъ Англія и Германія работаютъ обѣ усердно надъ тѣмъ, чтобы насадить прочно свою торговлю и свое политическое вліяніе въ портовыхъ городахъ Марокскаго побережья.

Чтобы оправдать заранѣе захватъ Марокко тѣмъ или другимъ изъ европейскихъ государствъ или раздѣлъ этой страны, часто приравниваютъ эту имперію къ Турціи, называя ее также «больнымъ человѣкомъ»; это шуточное названіе не имѣетъ, однако, никакого оправданія,—ни одна угнетенная народность въ Марокко не проситъ о чужеземномъ вмѣшательствѣ, и если не считать еврейскихъ купцовъ, то между племенами, населяющими страну, нѣтъ ни расовой, ни религіозной вражды; Марокко приходится имѣть дѣло лишь съ тѣми врачами, которые его окружаютъ, предлагая ему со всѣхъ сторонъ на перебой различныя цѣлебныя или предохранительныя средства. Если бы внезапно всѣ чужестранные посланники, имѣющіе свою резиденцію въ Танжерѣ, исчезли, и если бы марокскимъ народностямъ не приходилось болѣе бояться этихъ соперничающихъ между собою дипломатовъ, то внутреннее равновѣсіе страны не измѣнилось бы вовсе: двѣ пятыхъ территоріи, носящей на картахъ наименованіе «Марокко», продолжали бы платить подати и образовывать подчиненную страну, управляемую чиновниками сул-

тана [1]), тогда какъ независимыя области, обитатели которыхъ отказываются уплачивать налоги,—области, составляющія три пятыхъ страны, образо-

№ 467. Марокко, подчиненное султану, и Бледъ-эсъ-Сиба.

1 : 7 500 000

0 100 250 500 килом.

Страна Бледъ-эсъ-Сиба покрыта косою штриховкою по картѣ Камилля Фиделя (Bulletin de la Société de Géographie d'Oran, 1903). Бледъ-эль-Магзенъ заключаетъ въ своихъ владѣніяхъ приморское Марокко, отъ Тетуана до Ифни, равно какъ Фецъ, Марракешъ, Тафилельтъ и др. области. Въ 1907 г., по даннымъ де-Сегонзака, она сократилась до размѣровъ треугольника между Танжеромъ, Фецомъ и Рабатомъ.

вали бы рядъ мелкихъ и чрезвычайно жизнеспособныхъ республикъ, существующихъ сами по себѣ, благодаря своей небольшой торговлѣ и

1) R. de Segonzac, Société de géogr. d'Alger et de l'Afrique du Nord, 2-e trim. 1902, p. 183.

свободѣ связанной съ періодическими переселеніями. Эта область Бледъ-эсъ-Сиба—«свободная страна»—ничего не требуетъ отъ Европы, если не затрагиваютъ ея собственныхъ правъ. Но, спрашивается, ка-

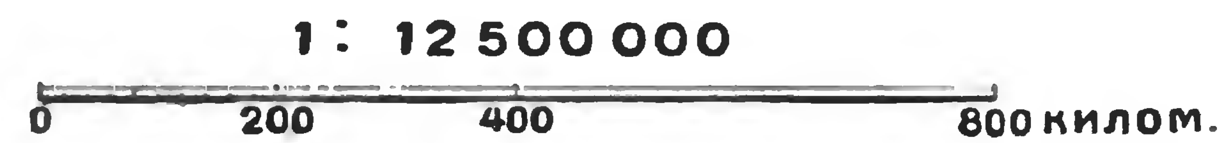
№ 468. Независимый Афганистанъ.

кая изъ великихъ державъ, имѣющая быть наслѣдницей марокскаго султана, будетъ обладать достаточнымъ политическимъ тактомъ, чтобы не затронуть этихъ самостоятельныхъ племенъ?

На азіатскомъ континентѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ устроились могущественнѣйшія имперіи, народы Европы не могли приступить къ раздѣлу территоріи съ такою же безцеремонностью, какъ на Черномъ континентѣ. Однако, и здѣсь каждое европейское владѣніе сдѣлалось точкой опоры для новыхъ пріобрѣтеній, притомъ чрезвы-

чайно обширныхъ. Такимъ образомъ, Россія воспользовалась своей

№ 469. Сіамъ между Бирмой и Аннамомъ.



властью надъ Сибирью, которая сама по себѣ составляетъ третью часть всей поверхности Азіи, для того, чтобы распространить свое по

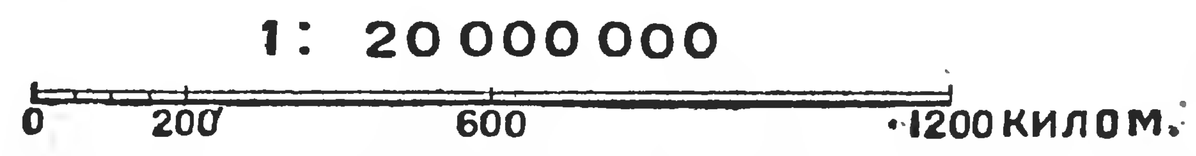
литическое и даже административное вліяніе на сосѣднія области—Маньчжурію, Монголію, Джунгарію, Кашгарію, и съ этой стороны границы имперіи сдѣлались расплывчатыми, такъ что является даже невыясненнымъ вопросъ, насколько сотъ тысячъ квадратныхъ километровъ увеличилась русская имперія на самомъ дѣлѣ путемъ данныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній? Со своей стороны, англичане, будучи хозяевами Индіи, подчиняютъ себѣ все болѣе и болѣе вассальныя княжества, закрѣпляя за собою новыя пріобрѣтенія, ограниченныя ихъ «научно установленными границами»: на западѣ—плоскогоріями Белуджистана, и Афганистана; въ центрѣ они подвигаются на Тибетъ чрезъ колоссальный Гималайскій хребетъ, тогда какъ на востокѣ закругляютъ свои владѣнія въ Бирмѣ и захватываютъ мелкія государства на Малайскомъ полуостровѣ. Наконецъ, Францiя, расположивъ свои войска и своихъ чиновниковъ на побережьѣ Китайскаго моря, простираетъ свои владѣнія внутрь страны и расширяетъ ихъ за счетъ Сіамскаго королевства, которое теперь доведено уже до чрезвычайно малыхъ размѣровъ.

На западѣ Азія, Анатолія и Персія представляютъ собою зрѣлище, аналогичное тому, что мы видимъ въ Марокко. Эти области также лишь благодаря соперничеству державъ остаются подъ властью своихъ нынѣшнихъ повелителей-магометанъ. Россія, Англія и Германія имѣютъ виды на Малую Азію и на Месопотамію,—отсюда возникаютъ постоянныя столкновенія, и этимъ лишь держится турецкое владычество. Персія является лишь какъ бы огромной шашечной доской, по которой игроки, англичане и русскіе, передвигаютъ искусно шашки, оказывая въ то же время внѣшнія почести персидскому шаху—«царю царей»—въ его тегеранскомъ дворцѣ.

Тамъ, гдѣ европейскій режимъ не вводится непосредственно, онъ проникаетъ косвенно, путемъ подражанія; именно такимъ способомъ видоизмѣнила всю свою внутреннюю организацію и Японія, которая превратилась, такъ сказать, въ частицу Европы, перенесенную въ открытый Тихій океанъ, за предѣлы Азіатскаго материка. Въ качествѣ уже европейской державы и при помощи средствъ и методовъ, заимствованныхъ у Европы, одержала въ недавнее время Японія побѣду надъ Китаемъ. Не было ни одной битвы на морѣ или на сушѣ, которая не была бы ею блестяще выиграна. При устьѣ Ялу китайскій флотъ былъ истребленъ; при штурмѣ Вей-хай-Вей китайскій гарнизонъ принужденъ былъ сдаться. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль японскія войска одержали верхъ надъ Китайской имперіей и могли бы произвести захватъ ея территоріи, если бы европейскія державы не вмѣшались съ цѣлью сохранить равновѣсіе на Дальнемъ Востокѣ и не позволить его нарушать во вредъ имъ самимъ.

Итакъ, начало XX вѣка сказалось въ Срединной имперіи вмѣшатель-

№ 470. Китай и европейскія державы.



Съ 1895 г. Портъ-Артуръ былъ послѣдовательно занятъ Японіей, Россіей и опять снова Японіей. Формоза осталась въ рукахъ Японіи. Великобританія съ 1841 г. основалась въ Гонгконгѣ, область владѣній которой расширилась. Китай уступилъ также Великобританіи Вей-хай-Вей. Кіао-чау—германское владѣніе и заливъ Кванъ-чеу—французское. Въ Шанхаѣ всѣ державы имѣютъ территоріальныя концессіи.

Круглыя точки означаютъ открытые для иностранной торговли портовые города.

ствомъ въ ея дѣла всѣхъ «цивилизованныхъ» державъ, въ томъ числѣ

Японіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки. Истинная причина такого коллективнаго вторженія отнюдь не изъ тѣхъ, которыя могутъ быть одобрены: дипломаты, конечно, не сознаются съ полной откровенностью въ этомъ, но на самомъ дѣлѣ европейскія государства имѣли главною побудительною причиною простое стремленіе къ грабежу. Японія присоединила къ своимъ островнымъ владѣніямъ обширный островъ Формозу и другіе мелкіе островки; Россія пожелала также захватить значительную часть Китая; Францiя, Германія, Англія стремились равнымъ образомъ завладѣть тѣмъ или другимъ кускомъ китайской земли.

Впрочемъ, каждая изъ великихъ державъ разсчитывала не только на захватъ матеріальнаго имущества въ видѣ хорошихъ земель, гаваней или рынковъ для торговли,—она желала также и привилегій или монополій для своей промышленности въ тѣхъ или другихъ провинціяхъ внутренней части Китая; предприниматели Европы и Соединенныхъ Штатовъ стремились заполучить тѣ или иные существующіе или предполагаемые рудники или же линіи проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, протестантскіе и католическіе миссіонеры,—люди еще болѣе жадные и ненасытные, чѣмъ сами дипломаты и купцы,—предъявляли требованія объ уплатѣ жалованія, пенсій, о представленіи извиненій, сопровождаемыхъ подарками; наконецъ, требовали возмездія за перенесенныя ими преслѣдованія и гоненія, дѣйствительныя или воображаемыя. Всѣмъ этимъ европейскія державы вняли, притомъ онѣ пожелали вмѣшаться всѣ сразу изъ боязни, что та или другая изъ нихъ получитъ слишкомъ большія преимущества при раздѣлѣ приза. То, что получило затѣмъ наименованіе «войны», являлось тѣмъ болѣе ужаснымъ, что со стороны Китая не оказывалось почти никакого сопротивленія: было одно лишь кровопролитіе и грабежъ; всѣ первоначально были довольны и поздравляли другъ друга со своими побѣдами или, вѣрнѣе, преступленіями; когда же затѣмъ Европа стала выражать изумленіе, убійцы и грабители умыли руки и стали обвинять своихъ союзниковъ: французы, англичане, русскіе, германцы, американцы, японцы сваливали другъ на друга свои ужасныя кровавыя дѣянія, требуя въ то же время съ китайцевъ денежнаго вознагражденія за то, что было ими совершено. Кромѣ того, они требовали и наказанія своихъ враговъ. Христіанская церковь дѣлала то же самое, чтобы засвидѣтельствовать наиболѣе блестящимъ способомъ то участіе, которое она принимала въ этой разбойничьей войнѣ: въ церквахъ можно было видѣть головы обезглавленныхъ китайцевъ, выставленныя во славу Бога-Мстителя и приверженныхъ ему миссіонеровъ [1])!

---

1) New-Jork Herald; 18 sept. 1900.

Несмотря на то, что европейскія державы въ союзѣ съ Японіей усердно занимаются выгрызаніемъ Китая по его окружности, имперія эта слишкомъ обширна, и населеніе ея, опредѣленное по переписи 1901 г. въ 425.000.000 душъ, представляетъ собою слишкомъ значительную часть культурнаго человѣчества, чтобы нападающими самими не была признана полная невозможность непосредственнаго раздѣла Китая: это ужасающее всѣхъ дѣло размежеванія Китайской имперіи откладывается все далѣе и далѣе на будущее время, причемъ въ основу его полагается раздѣленіе имперіи на «сферы вліянія»,—вѣрнѣе, оно предоставлено на благое усмотрѣніе тѣхъ, кто окажется наиболѣе ловкимъ въ раздѣлѣ завоеванной добычи.

Видъ въ гавани Гаванны.

Соединенные Штаты Америки, соперничающіе съ Россіей въ стремленіи быть первою среди великихъ державъ современнаго міра, принимали лишь второстепенное участіе въ китайскихъ дѣлахъ,—у нихъ были интересы болѣе существенные. «Доктрина Монроэ», которую они противопоставляли европейскимъ правительствамъ во всѣхъ политическихъ вопросахъ, касающихся Новаго Свѣта, должна была логическимъ путемъ препятствовать всякому ихъ вмѣшательству въ споры изъ-за областей или побережій не-американскихъ. На самомъ дѣлѣ,

однако, они вели себя далеко не согласно съ нею: сознаніе своей силы увеличивало все болѣе и болѣе честолюбіе американской республики, и она приняла участіе въ раздѣлѣ острововъ Океаніи. Соединенные Штаты вступили съ Германіей и Англіей въ конфликтъ изъ-за архипелага Самоа и захватили, въ концѣ концовъ, одинъ изъ острововъ, завладѣвъ въ то же время группою Гавайскихъ острововъ, болѣе близкою къ его берегамъ. На самомъ дѣлѣ, это послѣднее пріобрѣтеніе было подъ политическимъ покровомъ лишь чисто-коммерческою сдѣлкою: американскіе плантаторы и миссіонеры, которые принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ захвата, монополизировали постепенно и обработали всѣ плодородныя земли этого архипелага для воздѣлыванія сахарнаго тростника. Рабочіе, привезенные съ Азорскихъ острововъ, съ острововъ Океаніи, изъ Китая и изъ Японіи, замѣнили постепенно на плантаціяхъ туземныхъ жителей, которые были обречены на гибель и вымираніе; очень богатые же сборы тростника могли вскорѣ, благодаря присоединенію острововъ, доставить огромныя коммерческія выгоды Соединеннымъ Штатамъ. По существу это было въ противоположность установившимся взглядамъ продолженіе прежней политики рабовладѣльцевъ.

Затѣмъ возгорѣлась испано-американская война, въ которую испанское правительство было вовлечено тѣмъ безумнымъ упорствомъ, съ которымъ оно продолжало экономическое и политическое угнетеніе Кубы: если бы оно проявляло немного болѣе мудрости, хоть какую-нибудь справедливость и желаніе установить равноправіе, то кубанцы, относясь вполнѣ основательно съ недовѣріемъ къ своимъ сосѣдямъ-американцамъ, сдѣлались бы, безъ сомнѣнія, ярыми испанскими патріотами! Рѣдко, однако, бываетъ, чтобы властвующіе умѣли умѣрять свою власть: они постоянно доходятъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго и испытуютъ Провидѣніе,—того требуетъ ихъ упрямство, которое они называютъ своею честью. Такимъ образомъ, Испанія вполнѣ сознательно шла навстрѣчу своей гибели, предоставляя политикамъ Соединенныхъ Штатовъ играть высокую роль,—конечно, они заявляли, что выступаютъ въ защиту справедливости и гуманности! Подвиги испанской военщины на несчастной Кубѣ за послѣднее время владычества Испаніи, когда съ небольшими перерывами борьба продолжалась тамъ почти въ теченіе сорока лѣтъ, были, дѣйствительно, ужасны: едва ли когда-либо военныя дѣйствія причиняли колоніи болѣе страшныя бѣдствія! По переписи 1887 г. населеніе острова состояло изъ 1.742.000 душъ, тогда какъ десять лѣтъ спустя, послѣ оставленія острова испанскими гарнизонами, оказалось въ общей сложности менѣе 269.000 душъ! Островитяне-патріоты имѣли полное право думать, что эти страшныя потери являются выкупомъ за ихъ свободу, и что Соединенные Штаты сдержатъ свое обѣщаніе уважать полную автономію кубанцевъ, освобожденныхъ оружіемъ великой и бла-

городной американской республики. И, на самомъ дѣлѣ, оффиціально съ 1902 г. Куба возведена въ независимую державу, обладаетъ собственнымъ президентомъ республики, вице-президентомъ и двумя выборными палатами; но все это не болѣе какъ фикціи, которыя никого не обманываютъ: во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности въ экономическомъ, этотъ огромный островъ составляетъ область, входящую въ сферу вліянія финансовой дѣятельности американцевъ. Ставкою войны были, впрочемъ, еще и другія владѣнія—богатые Антильскіе острова, Порто-Рико

Сцена лишенія имѣнія по суду въ Ирландіи.

Подъ руководствомъ полиціи, фермеръ изгнанъ изъ своего дома, который послѣ этого приводится въ негодность для жительства.

и по другую сторону океана, въ китайскихъ водахъ, обширный архипелагъ Филиппинскихъ острововъ!

Крайняя непропорціональность силъ между американскими и испанскими флотами, въ смыслѣ ихъ матеріальной постановки, въ смыслѣ совершенно устарѣвшей артиллеріи испанцевъ, придавала перипетіямъ войны какъ на Филиппинахъ, такъ и въ антильскихъ водахъ вполнѣ театральный характеръ, поражавшій воображеніе простыхъ зрителей и возбуждавшій до крайности чисто-дѣтскій энтузіазмъ народа-побѣдителя. Круговыя эволюціи эскадры адмирала Девея вокругъ испанскаго флота въ Манильскомъ заливѣ, когда этотъ флотъ, менѣе чѣмъ въ теченіе часа, былъ превращенъ въ гигантскій костеръ, выходъ кораблей адмирала Серверы изъ узкаго прохода Сантъ-Яго, когда они одинъ за дру-

гимъ безъ боя шли ко дну, располагаясь вдоль береговъ,—все это были картины, полныя глубокаго трагизма, которыми тотчасъ же воспользовались и журналисты, и писатели, и поэты, превозносившіе до небесъ патріотизмъ американскихъ политиковъ. Ихъ способъ выраженія внезапно измѣнился, и на политическихъ собраніяхъ перестали лирически прославлять освобожденіе народовъ, а стали заниматься восхваленіемъ побѣды и раздѣломъ добычи: совершенно подобно придворнымъ Наполеона до его похода въ Россію, и эти «герои» американцевъ только и говорили теперь, что о «развивающихся знаменахъ» и о «полетѣ американскаго орла съ распростертыми крыльями»! Еще болѣе важно то обстоятельство, что американская республика совершенно заразилась примѣромъ всѣхъ насильниковъ древности.

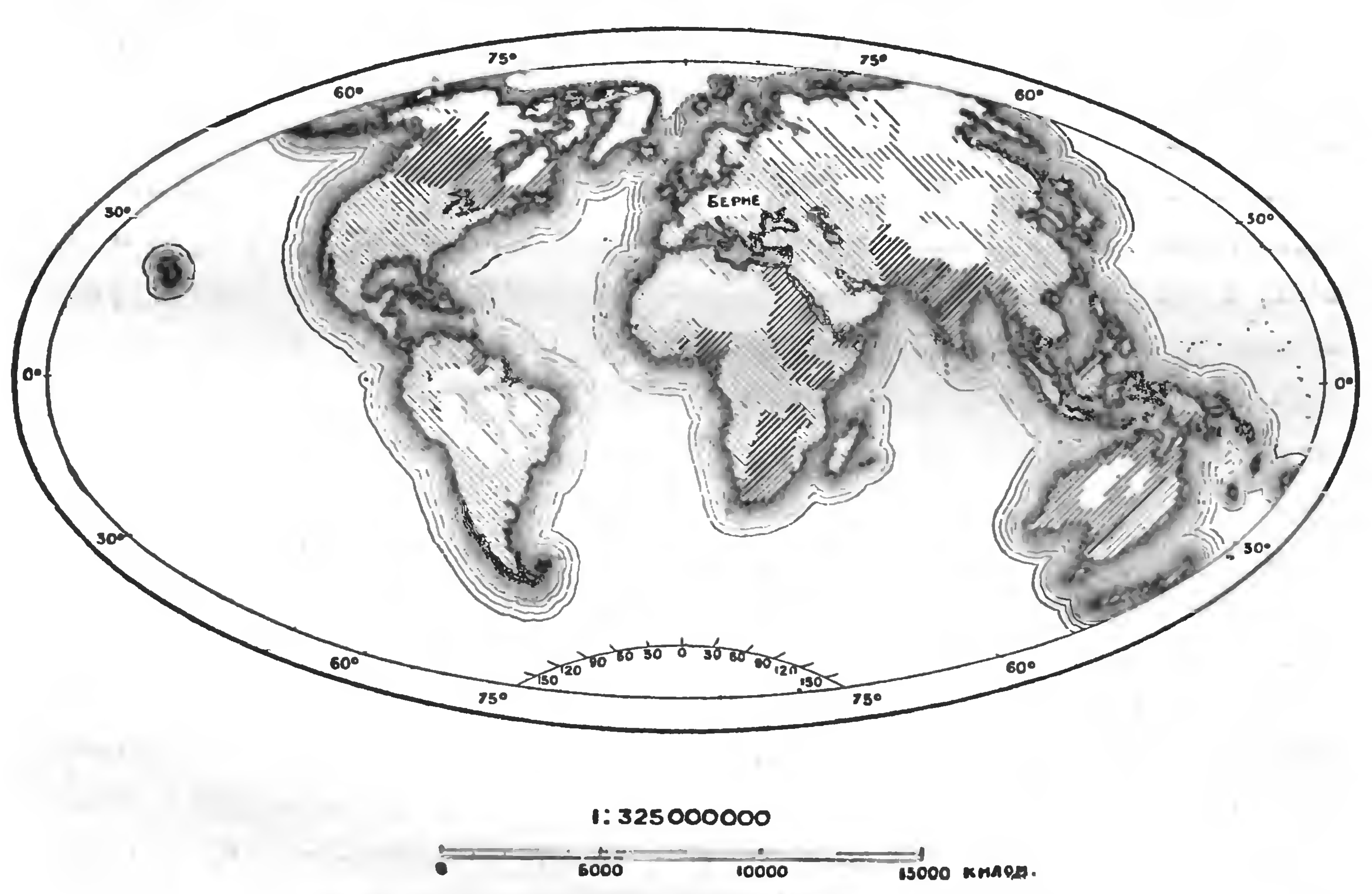
Совершенно справедливо, что завоеванія, основанныя на насиліи, несовмѣстимы съ конституціей; однако, конституція, къ которой продолжаютъ относиться положительно съ религіознымъ уваженіемъ, не обладаетъ все же такою эластичностью, чтобы къ ней можно было приспособить американскую политику, которая развивается или видоизмѣняется съ теченіемъ времени то въ хорошую, то въ дурную сторону, сообразно съ импульсами, даваемыми самимъ народомъ. Впрочемъ, верхняя палата, являющаяся главнымъ истолкователемъ конституціи, неоднократно постановляла, что воля Конгресса выше конституціи. Въ началѣ войны за независимость уплата податей колоніями, не представленными въ Вестминстерскомъ парламентѣ, казалась имъ страшнѣйшей несправедливостью; по прошествіи же столѣтія эти же самыя колоніи, сдѣлавшись Сѣверо-Американской республикой, считаютъ вполнѣ справедливымъ налагать самыя различныя повинности на населеніе Порто-Рико, не признавая въ то же время необходимымъ считаться съ ихъ мнѣніемъ.

Несмотря на конституцію и на доктрину Монроэ, Соединенные Штаты считаютъ себя призванными заполучить въ свою собственность Филиппинскіе острова и приступаютъ къ занятію ихъ, пользуясь способами, заимствованными отъ еврейскаго истребителя Іосіи и знаменитаго мучителя Торквемады. Даже въ наше нынѣшнее время, несмотря на все обиліе его ужаснѣйшими репрессіями,—обиліе, свойственное всѣмъ тѣмъ эпохамъ жизни человѣчества, когда оно находилось въ колебаніи между добромъ и зломъ,—мало все же можно найти случаевъ столь отвратительныхъ, какъ приказъ, данный генераломъ Смисомъ своимъ войскамъ, коимъ всѣ жители острова Самаръ мужского пола и болѣе десяти лѣтъ отъ роду присуждались къ смерти!

Такимъ образомъ, въ началѣ XX вѣка сѣверо-американская республика присоединилась къ другимъ великимъ державамъ въ смыслѣ полной своей солидарности съ ними и стала вести такую же агрессив-

ную политику, создающую новыя международныя недоразумѣнія и пріучающую народы къ идеѣ о необходимости новыхъ войнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ цивилизованные народы распредѣляются въ настоящее время столь тѣсно на сильно уменьшившейся поверхности земного шара, что принимаютъ невольно участіе въ общемъ идейномъ движеніи и всѣ стремятся по одному направленію, согласно съ общими принципами. Въ полную противоположность такой тенденціи, хотя и подчиняясь ей, по внѣшности, такъ какъ не говорятъ уже болѣе о «концертѣ европейскихъ державъ», а говорятъ о «всемірномъ концертѣ», отдѣльныя ве-

№ 471. Всемірный почтовый союзъ.



Нынѣ въ 1907 г. Китай, Марокко, Абиссинія, Афганистанъ, Непалъ, Бутанъ и султанскій Оманъ не входятъ еще оффиціально во всемірный почтовый союзъ. Въ Китаѣ особое почтовое устройство стоитъ въ связи съ союзомъ, и въ силу того за марку въ 25 сантимовъ можно изъ любой мѣстности Европы послать письмо въ любой большой городъ Китая.

Густая штриховка покрываетъ различныя части Британской имперіи, гдѣ стоимость письма въ 15 граммъ всего 10 сантимовъ. Незаштрихованныя пространства это—тѣ, гдѣ изъ-за ихъ малонаселенности почтовая служба не организована.

ликія государства, повинуясь традиціямъ соперничества и взаимной ненависти, продолжаютъ свою прежнюю политику завоеваній и захватовъ, политику привилегій и монополій, стремятся даже создавать китайскія стѣны вдоль своихъ границъ и отнюдь не отказываются отъ стариннаго права угнетать и казнить своихъ подданныхъ. Мы видѣли, напр., какъ Порта методически истребляла и истребила болѣе 300000 армянъ въ силу того только, что боялась ихъ чрезмѣрной развитости и свободолюбія; мы видѣли, какъ Россія спокойно присутствовала при этихъ ужасахъ, даже облегчала ихъ, быть-можетъ, имѣя въ виду, что ея вой-

скамъ въ ближайшемъ будущемъ легко будетъ занять пространства, оставшіяся безъ обитателей, заподозрѣнныхъ въ революціонныхъ намѣреніяхъ: мы видимъ, наконецъ, что каждое правительство оставляетъ за собою право продолжать въ своей странѣ сообразно съ обстоятельствами такого рода разнообразнѣйшія дѣйствія, какія были осуждены общественнымъ мнѣніемъ всего міра. Однако, превыше всѣхъ этихъ государствъ и всѣхъ, кто ими правитъ, вырисовывается уже все болѣе и болѣе явственно образъ еще болѣе величественный — образъ рода человѣческаго, слагающагося во единый цѣлый и нераздѣльный организмъ.

Не является ли уже то обстоятельство въ высокой степени важнымъ фактомъ въ исторіи человѣчества, что почти всѣ культурныя народности земного шара объединились во «Всемірный почтовый союзъ», цѣлью котораго является облегченіе пересылки по сухопутнымъ и морскимъ путямъ писемъ и документовъ, печатныхъ произведеній и дѣловыхъ бумагъ, образцовъ товаровъ и, наконецъ, небольшихъ суммъ денегъ, притомъ пересылки за чрезвычайно незначительную плату, установленную всѣми согласно однообразному тарифу? Начиная съ 1875 г., дѣятельность почтоваго союза продолжается регулярно, и единственной заботой принимающихъ въ немъ участіе государствъ является доставленіе этой всемірной организаціи способовъ передвиженія и взиманіе той части сборовъ, которая данному государству принадлежитъ согласно съ производимымъ общимъ разсчетомъ. Ежегодно народамъ, пользующимся услугами союза, предоставляется какая-нибудь новая льгота или какое-нибудь новое уменьшеніе почтоваго тарифа; ежегодно всемірный союзъ захватываетъ какую-нибудь новую страну, присоединяющуюся къ тѣмъ, въ которыхъ онъ уже функціонируетъ, и которыя обнимаютъ болѣе милліарда людей,—развитіе его идетъ быстрыми шагами впередъ, превосходя все, что только можно было ожидать. Центромъ этой огромной паутинной сѣти, распростирающей свои нити по всему земному шару, былъ избранъ городъ Бернъ, эта скромная столица, не могущая сравниться ни съ Лондономъ, ни съ Парижемъ, ни съ Чикаго.

Послѣ такого блестящаго успѣха этого всемірнаго начинанія были пущены въ ходъ и многія другія подобныя же предпріятія, возникшія благодаря иниціативѣ отдѣльныхъ личностей и отдѣльныхъ группъ, которымъ правительства, подчиняясь силѣ общественнаго мнѣнія, принуждены были предоставить необходимыя средства для осуществленія. Такимъ образомъ, напримѣръ, моряки всѣхъ національностей разговариваютъ въ настоящее время между собой при помощи сигналовъ, являющихся для всѣхъ понятными. Такимъ же образомъ всякія заразныя болѣзни, чума или холера, захватываются въ самомъ мѣстѣ ихъ происхожденія. Наконецъ, такимъ же образомъ состояніе баро-

метра сообщается по телеграфу отъ одной обсерваторіи другой, и на основаніи этихъ данныхъ съ 1863 г. ежедневно составляется карта распредѣленія атмосфернаго давленія, служащая для предсказанія погоды. Всѣ эти результаты, однако, совершенно ничтожны по сравненію съ тѣми, которыхъ филантропы ожидаютъ отъ всемірнаго соглашенія по вопросу о международномъ третейскомъ судѣ. Правда, въ настоящее время дѣло съ третейскимъ судомъ налаживается плохо, и въ качествѣ арбитровъ избираются лица, взгляды которыхъ діаметрально противоположны взглядамъ народовъ, избираются властители, которые живутъ паразитами и высасываютъ кровь своего народа,—ихъ непосредственный интересъ заключается въ томъ, чтобы держать народъ въ рабствѣ. Когда въ 1899 г. собралась Гаагская конференція, иниціаторы этого международнаго конгресса воображали, что поступили съ геніальною ловкостью, приглашая на нее участниковъ отъ имени русскаго царя, который изо всѣхъ живущихъ на землѣ, по свойственному ему наслѣдственному положенію и въ силу самообмана неразвитыхъ массъ, болѣе всего приближается къ чисто Божескому величію. Они воображали въ своей наивности, что миръ всего міра получитъ особую вѣроятность осуществленія среди народовъ, если императоръ всея Руси объявитъ себя сторонникомъ всеобщаго мира! Однако, въ то самое время, когда русскій царь созывалъ делегатовъ всѣхъ другихъ державъ для объединенія подъ его вѣскимъ покровительствомъ, въ это же время онъ призывалъ подъ ружье новыя военныя силы, издавалъ указы объ увеличеніи флота и объ усиленіи артиллеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы для того, чтобы разубѣдить государства, имѣющія завоевательныя стремленія, доказать имъ, что это не угрожаетъ ихъ разыгравшимся аппетитамъ къ захвату новыхъ земель, на конференцію не были приглашены представители народовъ, которымъ угрожалъ захватъ: такъ делегаты южно-африканскихъ республикъ, государствъ, противъ которыхъ Англія вела столь недостойную войну, не были допущены; даже болѣе того, — въ силу «международнаго соглашенія» представитель Самого Господа Бога на землѣ, римскій папа, миссіей котораго должна бы быть проповѣдь мира въ людской средѣ, былъ также позабытъ при составленіи списковъ приглашенныхъ! Гаагская конференція, несмотря на высокое покровительство, была, такимъ образомъ, не болѣе какъ политической комедіей, но, несмотря на это, ее все же должно считать серьезнымъ знаменіемъ времени, такъ какъ если бы мнѣніе всѣхъ мыслящихъ людей не пришло къ выводу о необходимости замѣнить третейскимъ судомъ всѣ насилія и ужасы войны, конечно, никто не давалъ бы себѣ труда и осуществлять такую конференцію.

Какъ бы то ни было, появленіе такого новаго объединенія народовъ проявляется все болѣе и болѣе явственно, несмотря на частные

интересы отдѣльныхъ государствъ, которыя желали бы поддерживать ревниво свою изолированность, а въ настоящее время вопреки своему собственному желанію принуждены вступать въ общій союзъ. Арена дѣятельности расширилась, такъ какъ охватываетъ въ настоящее время всѣ земли и моря, но силы, которыя находились въ состояніи борьбы въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, являются все тѣми же самыми, какія борются и на всемъ земномъ шарѣ. Въ каждой странѣ Капиталъ старается поработить рабочихъ, совершенно также, какъ на великомъ міровомъ рынкѣ Капиталъ, разросшійся чрезмѣрно, не заботящійся о прежнихъ границахъ, старается заставить работать къ своей собственной выгодѣ огромную массу производителей и стремится завоевать и пріобрѣсть всѣхъ потребителей земного шара, какъ дикихъ и некультурныхъ, такъ и цивилизованныхъ. Мы видѣли уже однажды, какъ приказы, исходящіе отъ биржи, обусловили посылку цѣлой эскадры,—это было, когда французское министерство приказало занять Митилены, чтобы взыскать суммы, слѣдуемыя по долговымъ обязательствамъ; точно также греко-турецкая война, напр., происходившая въ 1897 г., была въ такой степени перемѣшана со спекуляціей турецкими фондами, что являлся даже вопросъ, насколько враждебныя отношенія между обѣими державами были серьезны,—подъ комедіей битвъ и бомбардировокъ скрывалась еще болѣе ожесточенная игра на повышеніе и на пониженіе. Очевидно, все было заранѣе подстроено: было устроено такъ, что турецкія полчища одержали побѣду, а маленькая Грецiя получила въ свое управленіе, хотя и чрезъ посредство другихъ державъ, островъ Критъ, который былъ главною ставкою войны.

Въ настоящее время всемогущество Капитала и его международный характеръ—явленія столь прочно установленныя, что можно говорить уже, просто-на-просто, какъ о совершившемся фактѣ, о замѣнѣ въ ближайшемъ будущемъ правительствъ банками въ дѣлѣ веденія управленія страной, равно какъ и въ провозглашеніи войны или мира. Впрочемъ, не руководятъ ли косвеннымъ образомъ уже и въ настоящее время милліарды государственнаго бюджета всѣми дѣлами государства? И, въ силу этого, различныя политическія единицы не принимаютъ ли уже и теперь все болѣе и болѣе международный характеръ подъ управленіемъ синдиката, который заинтересованъ то въ возвышеніи, то въ униженіи той или другой изъ маріонетокъ политической комедіи,—этотъ синдикатъ видитъ въ государствахъ лишь цифровыя величины, которыя въ зависимости отъ потребностей и момента должны быть занесены въ тотъ или иной столбецъ гросбуха. Но, несмотря на это, какъ ни ужасающе могущественными сдѣлались эти группы вершителей судебъ, отвоевывающія одна отъ другой сокровища міра, онѣ все же еще пока не полные властители; ежедневно мы видимъ, какъ между ними и эксплуатируемыми

ими рабочими массами возникаютъ жестокіе конфликты. Дѣло въ томъ, что экономическое противорѣчіе между Капиталомъ и Трудомъ велико и абсолютно. Тогда какъ Капиталъ имѣетъ естественную тенденцію къ обращенію въ рабство всѣхъ тѣхъ, кто находится на его службѣ. Трудъ можетъ лишь влачить жалкое существованіе и погрязать въ рутинѣ, если онъ не является свободнымъ, самостоятельнымъ, радостнымъ, если онъ не создаетъ личной силы и не порождаетъ иниціативы. Примиреніе этихъ двухъ противоположныхъ началъ составляетъ настоящую квадратуру круга, которой тщетно ищутъ благожелательные люди,—оно не мыслимо, но при каждой новой борьбѣ въ результатѣ являются новыя временныя уступки, которыя приближаются постепенно къ идеалу истины, приближаются къ свободному участію въ трудѣ всѣхъ представителей рода человѣческаго и къ пользованію продуктами труда и тѣми чудесами техники и искусствъ, которые онъ производитъ!

Таковъ идеалъ человѣческаго общества. Перейдемъ теперь къ изученію современнаго положенія вещей, чтобы увидѣть, двигается ли человѣчество при своемъ нынѣшнемъ столь быстромъ ходѣ въ желательномъ для насъ направленіи.

Книга четвертая.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Населеніе земли.—Городъ и деревня.—
Латинская и германская расы.—Русскіе и азіаты.—
Англія.—Новый Свѣтъ и Океанія.—Современное государство.—
Земледѣліе и собственность.—Промышленность и торговля.—
Религія и наука.—Воспитаніе.—Прогрессъ.

Книга Четвертая

Современная исторія

НАСЕЛЕНІЕ ЗЕМЛИ

Самый фактъ проведенія политической границы вдоль хребта Альповъ былъ достаточенъ для того, чтобы фактически сдѣлать горы эти выше.

Глава первая.

НАУЧНОЕ ПОЗНАНІЕ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ. — ПОЛЯРНЫЯ ОБЛАСТИ. — ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНІЯ ЗЕМНОГО ШАРА. — КОЛОНИЗАЦІЯ СѢВЕРА. — ПАТРІОТИЗМЪ И НАЦІОНАЛЬНАЯ РОЗНЬ. — ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЯ ЕСТЕСТВЕННЫЯ ГРАНИЦЫ.—НАЦІОНАЛЬНОСТИ.—МІРОВЫЕ ЦЕНТРЫ.—УГНЕТЕННЫЯ НАРОДНОСТИ.

Прогрессъ человѣчества, въ смыслѣ познанія обитаемой имъ планеты, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. При началѣ исторіи горизонтъ, окружавшій каждую народность, представлялся ей границами всего міра, и со всѣхъ сторонъ примыкали къ ея мѣстообитанію невѣдомыя страны. Въ настоящее время наука о землѣ доступна для каждаго. Нѣтъ человѣка, обладающаго хотя бы посредственнымъ образованіемъ, который не былъ бы увѣренъ въ томъ, что обитаетъ онъ на по-

верхности огромнаго земного шара, который можетъ объѣхать по всей его окружности, не имѣя надобности бороться съ какими-либо чудовищами или защищаться отъ великановъ.

Въ теченіе XIX вѣка главнѣйшія черты строенія нашей планеты въ области между обоими полярными кругами были окончательно установлены; *тайны, мало-по-малу, были разгаданы:* африканскіе путешественники распутали, въ концѣ концовъ, вопросъ объ истокахъ Нила, Конго и Замбези и открыли, куда изливаются воды великихъ африканскихъ озеръ; также, въ свою очередь, былъ выясненъ вопросъ о связи рѣки Цангбо съ Брамапутрой, равно какъ брошены были лучи свѣта и на другіе вопросы меньшей важности. Короче говоря, въ настоящее время возможно представить почти полную картину строенія земной поверхности на протяженіи всѣхъ ея пяти континентовъ, хотя должно все же замѣтить, что мы еще очень далеки отъ обладанія подробными картами всѣхъ населенныхъ странъ, выполненныхъ въ большомъ масштабѣ. Лишь Европа отъ Финляндіи до Португаліи и отъ Шотландіи до Чернаго моря, сѣверная Африка отъ Орана до Краснаго моря, Индія и большая часть Соединенныхъ Штатовъ обладаютъ своимъ документальнымъ воспроизведеніемъ въ видѣ топографическихъ картъ, такъ называемыхъ картъ генеральнаго штаба, на которыхъ нанесены полностью всѣ малѣйшія детали распредѣленія водъ, лѣсовъ, обработанныхъ пространствъ и заселенныхъ пунктовъ; но сколько зато еще пробѣловъ представляется на картахъ другихъ странъ! При изданіи въ свѣтъ такихъ атласовъ, каковы атласъ Штилера и Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, изображающіе внѣевропейскія страны въ масштабѣ 1: 5000000—8000000 настоящей величины, составители нерѣдко находятся въ большомъ затрудненіи при заполненіи ячеекъ тріангуляціонной сѣти; за отсутствіемъ точныхъ указаній и данныхъ картографу нерѣдко приходится истолковывать по собственному разумѣнію тѣ свѣдѣнія, которыми онъ располагаетъ. Предложеніе Пенка изобразить всю земную поверхность въ однообразномъ масштабѣ 1 : 1000000 не могло бы быть еще пока осуществлено въ области Тибета, рѣки Амазонки, въ предѣлахъ Сахары и Папуасскихъ странъ иначе, какъ при оставленіи обширныхъ пробѣловъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что такая карта все же будетъ скоро составлена, совершенно такъ же, какъ будутъ составлены и еще болѣе подробныя топографическія карты, такъ какъ не проходитъ дня, когда такой инвентарь формъ земной поверхности не обогащался бы новыми деталями и не вырисовывалъ бы ихъ со все большею и большею точностью.

Остается, однако, познакомиться еще съ двумя обширными полярными пространствами, доступъ къ которымъ преграждаютъ пловучіе льды и цѣлыя ледяныя стѣны. Въ сѣверной полярной области простран-

ство, не изученное человѣкомъ, было въ 1903 г. равно лишь 3980000 кв.

№ 472. Прогрессъ въ изученіи земного шара: карта долины Дуная и карта Папуасіи.

Съемка этихъ двухъ рѣкъ Новой Гвинеи или Папуасіи, находящихся по юго-западному берегу, была совершена въ октябрѣ 1906 г. I. Г. Гондіусъ-ванъ-Герверденомъ. Пунктирныя линіи обозначаютъ направленіе видныхъ вдали вершинъ. Рѣки судоходны для судовъ, сидящихъ на 3 метра до поперечныхъ черточекъ.

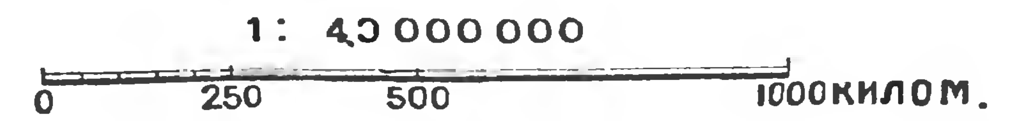
П. д.=покинутая деревня; Д.=деревня, занятая жителями въ 1906 г.

километровъ, что составляетъ около $^1/_{128}$ всей земной поверхности и равняется приблизительно полуторной поверхности Средиземнаго моря; полярныя путешествія столь быстро слѣдуютъ, однако, одно за другимъ

1) Olinto Marinelli, Rivista géogr. Ital., april 1903, p. 194.

въ настоящее время, что каждый годъ можно ожидать новаго значительнаго расширенія нашихъ знаній по направленію къ полюсу.

№ 473. Сѣверная полярная область.



Изслѣдованія Арктики:

A. Каньи, 25 апрѣля 1900, 86°34′ с. ш.
B. Нансенъ, 7 апрѣля 1895, 86°14′ с. ш.
C. Пири, 21 апрѣля 1902, 84°17′ с. ш. [1]
D. Де-Лонгъ, 24 іюня 1881, 77°42′ с. ш.

Изслѣдованія Антарктики:

A. Скоттъ, 21 декабря 1902, 82°17′ юж. ш.
B. Ведделль, 20 февраля 1823, 74°15′ юж. ш.
B′. Брюсъ, 13 марта 1904, 74°1′ юж. ш.
C. Де-Герлахъ, 23 марта 1898, 71°36′ юж. ш.
C′. Кукъ, январь 1774, 71°10′ юж. ш.
D. Беллингсгаузенъ, февраль 1820, около 69° юж. ш.

Обѣ карты №№ 473 и 474 нарисованы въ одномъ масштабѣ.

Въ области южно-полярной, т.-е. въ области антарктическаго материка, неизученное пространство, подлежащее еще завоеванію отваж-

1) 26 апрѣля 1906 г. онъ проникъ ближе къ полюсу, до 87°6′ с. ш.

ными путешественниками, является гораздо болѣе обширнымъ и менѣе ясно очерченнымъ: въ настоящее время оно составляетъ приблизительно

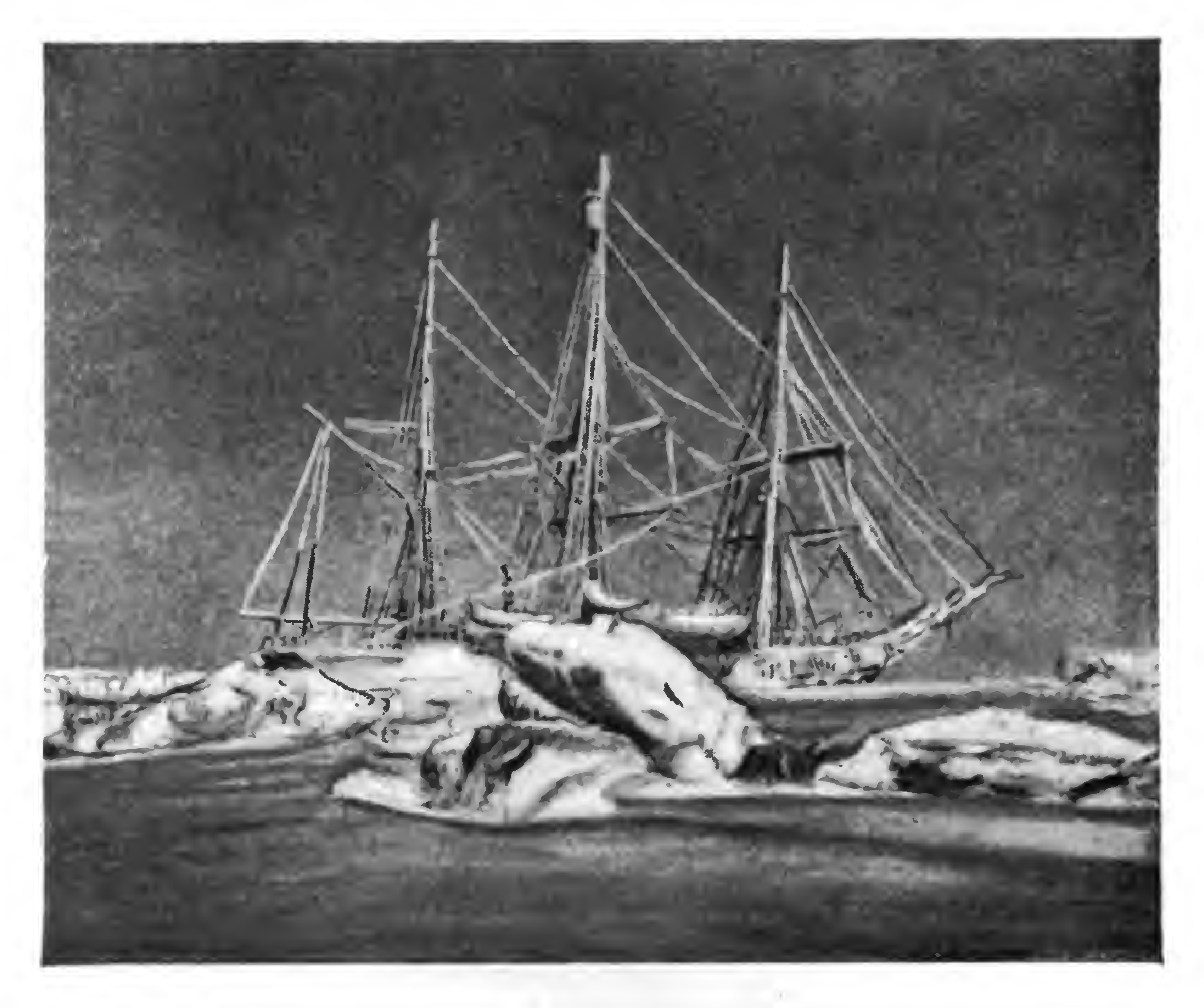
№ 474. Южная полярная область.

20000000 кв. километровъ, т.-е. поверхность, приблизительно равную двумъ третямъ поверхности Африки.

Въ этомъ усматривается все же нѣчто унизительное для человѣческаго генія, и соперничество, проявившееся въ недавнее время между учеными различныхъ націй—бельгійцами, англичанами, французами, шотландцами, германцами и норвежцами,—въ области завоеванія антарктическихъ льдовъ, доказываетъ, что человѣчество считаетъ какъ бы уколомъ своему самолюбію то обстоятельство, что окружность предполагаемаго антарктическаго континента затронута лишь кое-гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Правда, путешествія, предпринимаемыя съ цѣлью проникновенія въ это царство льдовъ и снѣговъ, гдѣ нельзя и разсчитывать найти своихъ собратьевъ, представителей рода человѣческаго, и гдѣ не найдено до сихъ поръ даже ни млекопитающихъ, ни пресмыкающихся, а извѣстны лишь пингвины, рыбы и насѣкомыя,—правда, эти путешествія не могутъ выдержать сравненія въ смыслѣ интереса и непосредственной полезности съ путешествіями, предпринимаемыми въ населенныхъ и плодородныхъ странахъ, но достаточно одного сознанія, что земли и воды Антарктики еще не извѣстны, что изслѣдовать ихъ трудно и опасно, и у человѣка тотчасъ же является желаніе пройти по нимъ, познакомиться съ ихъ формами и физическими условіями. Человѣкъ желаетъ знать все до послѣдней скалы, до послѣдняго камня въ своихъ земныхъ владѣніяхъ! Знаменитый мореплаватель Кукъ, какъ то нерѣдко случается съ великими людьми, вздумалъ указать потомству границы изслѣдованія и выразилъ увѣренность, что никогда ни одинъ мореходъ не пройдетъ въ область болѣе близкую къ южному полюсу, чѣмъ удалось проникнуть ему самому (1772 г.). Обезкураженные этимъ предсказаніемъ лишь очень немногіе путешественники рѣшались пуститься за предѣлы крайнихъ пловучихъ ледяныхъ горъ, отрывающихся отъ южно-полярныхъ ледниковъ. Антарктическія полярныя изслѣдованія были возобновлены лишь въ 30-ыхъ годахъ XIX вѣка въ ту самую эпоху, когда проявилось новое стремленіе къ изученію сѣвера; затѣмъ, послѣ того какъ была открыта Земля Викторіи съ ея высокими вулканами и колоссальной ледяной стѣной, которую сочли непреодоли-

Пирога въ Новой-Гвинеѣ на Ноордъ-Риверѣ.

мою, попытки снова прекратились. Воля рода человѣческаго, однако, непреклонна! И въ XX столѣтіи путешествія въ антарктическія страны снова были начаты. Первая зимовка на южно-полярныхъ льдахъ была совершена Адріаномъ Герлахомъ (лѣтомъ 1898 г.), затѣмъ англійскіе моряки, прибывшіе на суднѣ «Дисковери», рискнули взобраться на вулканъ Терроръ и проникнуть далѣе къ югу чрезъ снѣга плоскогорій покрытаго льдомъ континента (1902—1903).



Экспедиціонное судно «Бельгика» во льдахъ Антарктики.
Фотографія снята при свѣтѣ луны.

Не одинъ лишь интересъ къ внѣшнимъ очертаніямъ побуждаетъ обитателей земного шара къ изслѣдованію,—они стремятся проникнуть и подъ земную поверхность, узнать строеніе земной коры, изучить ея жизнь и развитіе. То же самое стремленіе, которое побудило человѣка одержать побѣду надъ пространствомъ, коего ранѣе онъ былъ рабомъ, и заставило его выработать способы достиженія любой точки земной поверхности, заставило его покорить себѣ и всѣ условія внѣшней среды сперва съ цѣлью познанія ихъ, затѣмъ съ цѣлью измѣненія ихъ по своему желанію. Познакомившись съ формами и измѣривъ размѣры своего обиталища, человѣкъ сталъ рыться въ земной корѣ, изслѣдовать

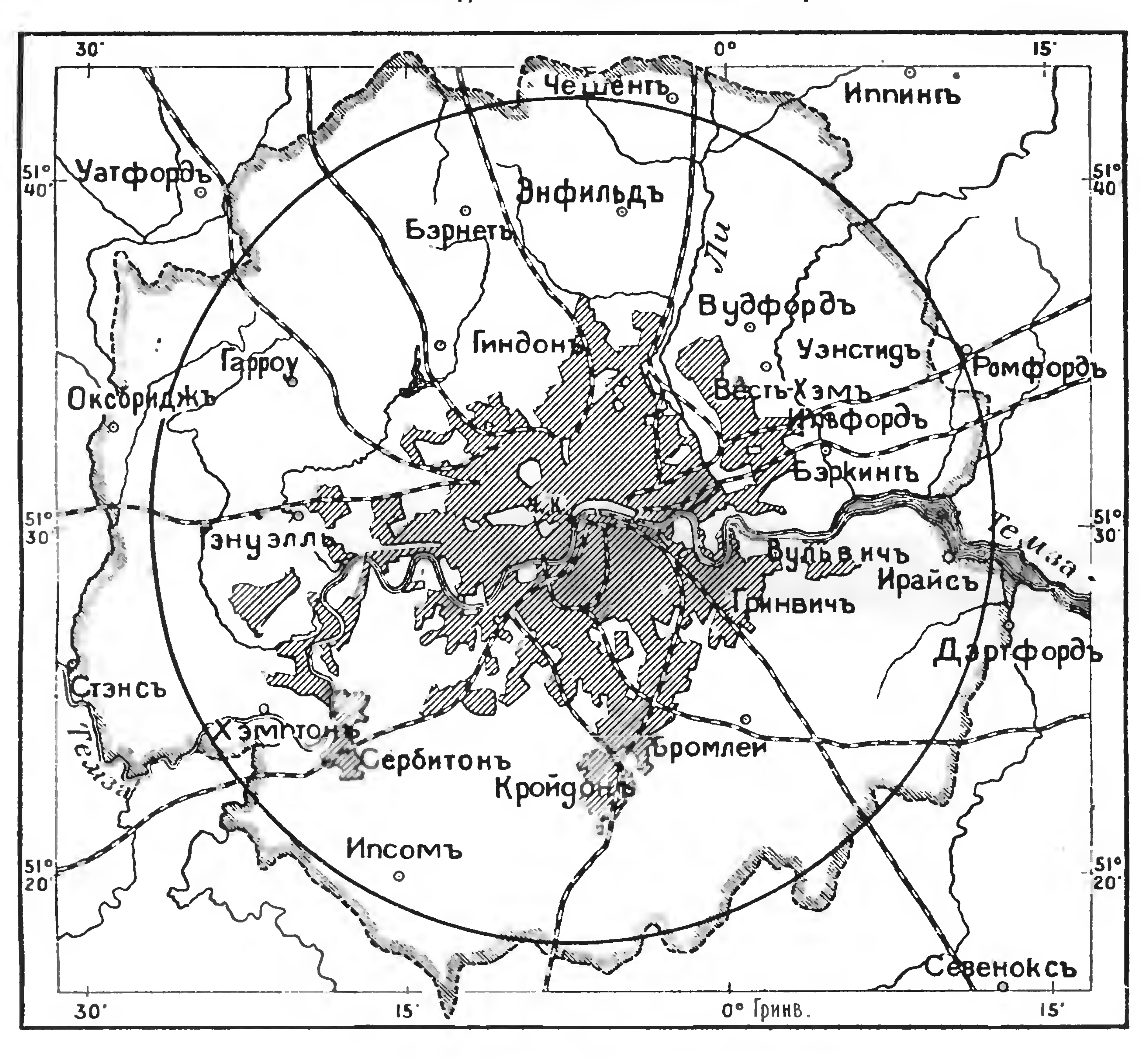
ея отложенія, прослѣживать слои песку, глины или угля, струйки воды и жилы металловъ, началъ сравнивать различныя мѣстности между собою, опредѣлять ихъ возрастъ и ихъ взаимоотношенія въ послѣдовательности развитія,—однимъ словомъ, онъ сдѣлался геологомъ, и тѣ самыя карты, на которыя были имъ нанесены положенія всѣхъ отдѣльныхъ чертъ земной поверхности, онъ утилизировалъ и для изображенія налеганія слоевъ и для указанія ихъ примѣнимости для практическихъ цѣлей. Одни изслѣдователи изучаютъ, такимъ образомъ, землю, другіе въ это же время изслѣдуютъ рѣки, озера и моря,—они опредѣляютъ ихъ температуру, соленость, теченіе, глубины и движеніе воды; они отмѣчаютъ опасности представляемыя водами, отыскиваютъ средства ихъ избѣжать. Нѣкоторые изслѣдователи изучаютъ, напротивъ, источники подземнаго огня, кратеры вулкановъ и потоки лавы, наконецъ, другіе стараются проникнуть въ воздушное пространство и знакомятся съ наблюдаемыми въ немъ явленіями, заходя даже за границы областей, въ которыхъ можетъ дышать человѣкъ, достигая высотъ втрое болѣе значительныхъ, чѣмъ самыя высокія горы. Далѣе человѣкъ пожелалъ связать геологію съ географіей путемъ исторіи; ему захотѣлось опредѣлить, почему и какъ развилась каждая черточка въ строеніи земной поверхности, захотѣлось возстановить постепенное развитіе каждой области,—подобно тому какъ отъ изученія анатоміи переходятъ къ физіологіи, такъ теперь и географы разсматриваютъ земной шаръ какъ живое существо, органы коего непрерывно измѣняются.

И сколько другихъ вспомогательныхъ вѣтвей, сколько спеціальныхъ отраслей науки привязаны къ этимъ первичнымъ основнымъ областямъ знанія въ великой области рода человѣческаго! Сотрудниковъ великаго дѣла изученія и устройства нашей планеты должно считать теперь уже не тысячами, а милліонами, чтобы не оказать несправедливости низшимъ помощникамъ!

По отношенію къ размѣрамъ поверхности населенной области земного шара, число людей является все еще очень незначительнымъ, такъ какъ не превосходитъ полутора милліарда душъ. Слѣдуя обычнымъ метафорамъ поэтовъ, можно сравнить число представителей рода человѣческаго съ числомъ «песчинокъ въ пустынѣ» или «капель въ океанѣ»,—впрочемъ, это все же нѣкоторое преувеличеніе: на самомъ дѣлѣ, если бы всѣ люди были равномѣрно распредѣлены по континентамъ, на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, то у каждаго изъ нихъ оказалась бы въ его распоряженіи область поверхностью въ 9 гектаровъ, т.-е. 900000 кв. метровъ,—ему на разстояніи 300 метровъ по всѣмъ направленіямъ едва ли были бы видны даже его самые ближайшіе сосѣди. Если бы, наоборотъ, кто-нибудь пожелалъ соединить всѣхъ людей,

обитающихъ на земномъ шарѣ, на какой-нибудь обширной долинѣ, окруженной красивымъ амфитеатромъ горъ, и предоставилъ бы при этомъ каждому квадратный метръ поверхности, т.-е. значительно болѣе мѣста,

№ 475. Лондонъ и населеніе земного шара.



1 : 500 000

0 10 20 30 килом.

Заштрихованное пространство ограничиваетъ лондонскій полицейскій округъ, называемый также «Великій Лондонъ»; поверхность его равняется 1787 кв. килом. и заключаетъ 7113561 жит. (1906).

Кругъ, обведенный вокругъ Лондона, причемъ за центръ взятъ Чэрингъ-Кроссъ, имѣетъ радіусомъ 22800 метровъ, и поверхностъ его равняется 1680000000 кв. метровъ.

чѣмъ располагаютъ участники въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ, то поверхность, занятая родомъ человѣческимъ, имѣла бы размѣры въ 1600 кв. километровъ, т.-е. составляла бы $^1/_{90000}$ всей поверхности континентовъ. Такимъ образомъ, Лондонъ съ его обширнымъ округомъ былъ бы достаточенъ для того, чтобы вмѣстить всѣхъ современныхъ обитателей земного шара [1])!

1) Bullet. de la Société Neuchateloise de Géographie, t. V, 1889—90, p. 122.

Однако, на самомъ дѣлѣ представители рода человѣческаго не концентрируются въ одной точкѣ, а распредѣляются равномѣрно, какъ по полямъ шахматной доски, по поверхности земли. Распредѣленіе ихъ въ высшей степени не равномѣрно и повинуется законамъ съ весьма многими перемѣнными величинами. Могло бы казаться, что первѣйшимъ условіемъ должна быть возможность добыванія пищи, и что въ теченіе вѣковъ люди должны бы постепенно все болѣе и болѣе приближаться къ тропическимъ областямъ, гдѣ, какъ говорилъ Гумбольдтъ, достаточно нѣсколькихъ квадратныхъ метровъ для того, чтобы пропитать человѣка,—въ концѣ концовъ, они должны были бы, казалось, прямо биткомъ набиться въ этихъ областяхъ вѣчнаго лѣта, гдѣ нѣтъ надобности почти ни въ какомъ трудѣ для того, чтобы обезпечить себѣ существованіе. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иное: оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, откуда произошелъ родъ человѣческій или отдѣльныя человѣческія расы, мы должны прежде всего констатировать, что ни въ одну изъ эпохъ жаркія страны не были населены болѣе густо, чѣмъ другія области; въ настоящее время та часть человѣчества, которая живетъ въ экваторіальномъ поясѣ, значительно меньше той, какая приходилась бы на его долю при равномѣрномъ распредѣленіи людей по поверхности земного шара. Можно даже сказать, что въ теченіе двухъ тысячелѣтій происходило нѣкотораго рода перемѣщеніе отдѣльныхъ группъ человѣчества по направленію къ сѣверу, наблюдавшееся въ средѣ народовъ, выработавшихъ культуру. Если человѣкъ въ нѣкоторыхъ областяхъ тропическаго пояса и можетъ, дѣйствительно, существовать почти ничѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ тамъ не преуспѣваетъ, и чисто-растительное существованіе не ведетъ его къ развитію его умственныхъ способностей и не заставляетъ его становиться властителемъ той слишкомъ благосклонной къ нему природы, которая его окружаетъ. Люди скопляются, напротивъ, въ областяхъ, требующихъ съ ихъ стороны постояннаго труда, изъ коего и проистекаетъ постепенное развитіе человѣка. За немногими исключеніями эти «страны труда» расположены всѣ въ сѣверной умѣренной полосѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, нѣтъ страны, которая была бы слишкомъ холодной для существованія человѣка. Въ областяхъ, гдѣ почва промерзаетъ какъ камень въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ, уже первобытные обитатели находили возможнымъ существовать, занимаясь рыболовствомъ или охотою; въ настоящее же время человѣчество сумѣло добыть себѣ тамъ въ изобиліи средства къ существованію: запасшись теплой одеждой, удобными жилищами и топливомъ, оно создало себѣ тамъ новую среду, перенеся, такимъ образомъ, на далекій сѣверъ климатъ теплаго юга,—не располагая тамъ солнцемъ, оно сумѣло накопить излучаемую имъ энергію и использовать ее далеко отъ

тѣхъ областей, гдѣ эта сила проявляется естественнымъ образомъ. Теперь не вызываетъ уже никакого удивленія нахожденіе такихъ огромныхъ городовъ, какъ Петербургъ, въ столь большомъ разстояніи отъ экватора, на 60° сѣв. шир., гдѣ средняя годовая температура близка къ точкѣ замерзанія,—болѣе милліона жителей находятъ себѣ пріютъ въ этомъ городѣ, основанномъ лишь два вѣка тому назадъ и построенномъ на почвѣ, которая послѣдовательно то превращается въ болото, то промерзаетъ. Точно также и въ Сибири не мало городовъ, расположенныхъ сѣвернѣе изотермы нуля, быстро заселяется; большое число постоянныхъ жилищъ человѣка основывается ежегодно все ближе и ближе къ полюсу. Въ 1890 г. въ восточной Канадѣ можно было найти самыя сѣверныя воздѣланныя мѣстности и жилища европейцевъ лишь подъ 49°, подъ той же широтой, какъ Франція; однако, и тамъ, какъ въ Старомъ Свѣтѣ, заселеніе подвигается теперь по направленію къ полярному кругу. Нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы цѣлое кольцо городовъ основалось по всей окружности Гудсонова залива, и чтобы торговые пункты, санаторіи, фабрики и научныя учрежденія возникли даже на берегахъ арктическаго архипелага Америки. На Шпицбергенѣ имѣются уже отели, мосты черезъ рѣки и зачатки дорогъ—тамъ, быть-можетъ, когда-нибудь также возникнутъ свой Вавилонъ и своя Александрія.

Вслѣдствіе того, что земля теперь открыта для всѣхъ—по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, такъ какъ человѣкъ не считаетъ ее пока себѣ принадлежащей—кто бы то ни было, каждое единичное лицо или группа лицъ, можетъ тотчасъ же послѣдовать тому притяженію, которое оказывается тою или другою областью на нихъ. Казалось бы, нѣтъ ничего проще, какъ осуществить то желаніе, которое было формулировано Рихардомъ Вагнеромъ—организовать «раціональную эмиграцію» человѣческаго рода въ страны юга; однако, пріобрѣтенная въ настоящее время человѣкомъ подвижность отнюдь не обусловливаетъ еще возможности такого массоваго передвиженія, какое предполагалъ этотъ великій художникъ. Всѣ люди, находящіеся въ полномъ здравіи, составляютъ себѣ идеалъ мѣстообитанія сообразно съ тѣмъ климатомъ, въ которомъ сами они сложились; какъ часто можно видѣть, напримѣръ, что шотландецъ умираетъ отъ жары рядомъ съ южаниномъ, который совсѣмъ замерзъ отъ холода! Все, что можно предвидѣть въ будущемъ, это то, что вскорѣ человѣчество сумѣетъ воспользоваться различными климатами земного шара для того, чтобы парировать органическіе недостатки каждаго изъ нихъ: дѣти, быть-можетъ, будутъ воспитываться на животворномъ по своему климату сѣверѣ, ревматику будетъ легко найти климатъ теплый и сухой, люди съ разстроенными нервами безъ труда будутъ получать возможность жить на большихъ высотахъ, старики будутъ согрѣваться въ странахъ, богатыхъ солнцемъ.

Какъ бы ни было велико желаніе каждаго отдѣльнаго человѣка или каждой группы людей измѣнить свое мѣстообитаніе, заселеніе земли тормозится въ своемъ развитіи цѣлымъ рядомъ явленій, которыя находятся подъ сильнѣйшимъ давленіемъ рутины и пережитковъ старины. Поверхность нашей планеты пересѣчена цѣлою сѣтью политическихъ границъ, которыя дѣлятъ ее на части, объявляемыя собственностью императорскою, королевскою или національною. Необходима, положительно, крупнѣйшая революція въ области мысли для того, чтобы достичь въ этомъ отношеніи измѣненія установившихся традицій. Впрочемъ, въ подобныхъ вещахъ чрезвычайно легко самому ошибиться и обмануть другихъ, такъ какъ подъ однимъ и тѣмъ же словомъ подразумѣваются нерѣдко понятія чрезвычайно различныя, и они примѣняются даже въ просторѣчіи въ очень противоположныхъ смыслахъ въ зависимости отъ настроенія. Таково, напримѣръ, слово «отечество», которое означаетъ мѣсто, гдѣ человѣкъ началъ свою жизнь въ лонѣ семьи, и которое въ то же время понимается нерѣдко въ смыслѣ строго замкнутой территоріи, вокругъ которой только и есть что враги.

Не подлежитъ сомнѣнію, что любовь къ отечеству, взятая въ своемъ первоначальномъ значеніи, вполнѣ законна и нормальна. Вполнѣ естественно больше всего любятъ то, что лучше всего знакомо. Ничто не можетъ быть болѣе соотвѣтственнымъ человѣческой природѣ! Любовь, порождаемая трудомъ, заставляетъ цѣнить каждую борозду, изъ которой человѣкъ добываетъ свой хлѣбъ насущный, надъ которой онъ проливаетъ свой потъ, страдаетъ и послѣ трудовъ и безпокойства находитъ себѣ утѣшеніе и покой. Та самая земля, на которой мы родились, которая насъ питала,—она же обусловила и возникновеніе всѣхъ ассоціацій, необходимыхъ для существованія,—здѣсь, впитавъ въ себя молоко матери, человѣкъ познакомился съ себѣ подобными, здѣсь онъ любилъ, основалъ семью, здѣсь же онъ наслаждался прелестями родного, доступнаго его пониманію языка, прелестью родной пѣсни, которая заставляетъ смѣяться или плакать. Въ этомъ чистѣйшіе и благороднѣйшіе источники, проистекающіе единственно изъ нормальныхъ условій существованія. Потому и нельзя особенно удивляться, что каждая обширная группа людей воображаетъ, будто она если и не единственная существующая на свѣтѣ, то, во всякомъ случаѣ, единственная заслуживающая интереса, вниманія, единственная заслуживающая счастья; въ силу этого она придаетъ особое, исключительное значеніе тому уголку земного шара, на которомъ обитаетъ, считая другія области, не принадлежащія ей, низшими и второстепенными. Къ тому же, страны наиболѣе населенныя, «отечества» наиболѣе «знаменитыя», выдѣляющіяся среди другихъ извѣстными матеріальными преимуществами, обусловливаютъ то, что ихъ обитатели вполнѣ естественно видятъ въ этомъ свою кол-

лективную заслугу, какъ если бы земля ихъ національныхъ владѣній болѣе совершенная, чѣмъ въ другихъ странахъ, являлась особою спеціальною наградою, ниспосланною Провидѣніемъ ея обитателямъ.

Эта иллюзія владѣльцевъ объясняетъ до извѣстной степени претензіи, свойственныя каждому патріоту, любить свою страну совершенно особою, чрезвычайною любовью; но къ такой общей причинѣ присоединяются еще и другія, болѣе скверныя. Если въ каждой народности встрѣчаются люди, которые стремятся къ освобожденію отъ всякихъ предразсудковъ, отъ всякихъ безсмысленныхъ побужденій и идей, уна-

Домъ на границѣ въ городѣ Галлуенъ (департ. Нордъ).

слѣдованныхъ исключительно по традиціямъ, то все же самъ народъ, во всей своей массѣ, должно сказать, находится всегда еще въ стадіи первобытнаго нравственнаго состоянія, именно въ стадіи преклоненія предъ грубою силою. Ему нравится грабить, убивать и торжествовать побѣду надъ распростертыми трупами враговъ. Онъ хвастается всѣмъ тѣмъ зломъ, которое причинили его предки другимъ народамъ; онъ съ безумнымъ энтузіазмомъ прославляетъ въ стихахъ и въ прозѣ всѣ тѣ ужасныя дѣянія, которыя были совершены его представителями въ чужихъ странахъ,—онъ торжественно приглашаетъ даже своего Бога принять участіе въ этомъ опьянѣніи народною славою. Онъ не ограничивается хвастовствомъ прежде совершенными кровопролитіями, но охотно подготовляетъ и новыя, притомъ не только противъ своихъ сосѣдей, но, какъ это ни удивительно, и противъ чрезвычайно далеко живущихъ народовъ, которые даже, быть-можетъ, никогда не слышали названія завоевателей. Къ любви въ своей землѣ и къ родному языку,

которая считается всегда источникомъ патріотизма, примѣшивается, слѣдовательно, и страсть къ грабежамъ и ненависть къ чужеземцамъ, и изъ этихъ-то элементовъ возникаетъ цвѣтокъ патріотизма, который прославляется всѣми, какъ одно изъ лучшихъ проявленій человѣческаго чувства. Впрочемъ, нравственный и умственный прогрессъ, совершившійся въ теченіе ряда поколѣній, раскрылъ все же кое-кому глаза; многіе начинаютъ понимать, сколь нелѣпъ такой «этноцентрическій» эгоизмъ у другихъ народовъ, но они не желаютъ еще допускать, что онъ столь же нелѣпъ и у нихъ самихъ. Кто бы мы ни были, мы всегда желаемъ быть «народомъ срединной имперіи», подобно китайцамъ. Если «великая французская нація», напримѣръ, повторяла тысячекратно во всѣхъ своихъ періодическихъ изданіяхъ, что она «шествуетъ во главѣ цивилизаціи», то, съ другой стороны, Гегель, которому германцы охотно вѣрятъ на слово, удостовѣряетъ, что германскій народъ является «воплощеніемъ объективнаго духа», что можно перевести болѣе просто фразою—«германцы являются единственнымъ народомъ, понимающимъ истину» [1])!

Не относится ли къ тому же роду чисто-маніакальнаго увлеченія то упорство, съ какимъ ученые разныхъ странъ говорятъ о томъ, что ихъ изслѣдованія относятся къ наукѣ «германской» или къ наукѣ «французской», не понимая, что подобная суетность столь же забавна, какъ если бы говорили о наукѣ «бургиньонской», «вальденской» или «зальцкаммергутской»?

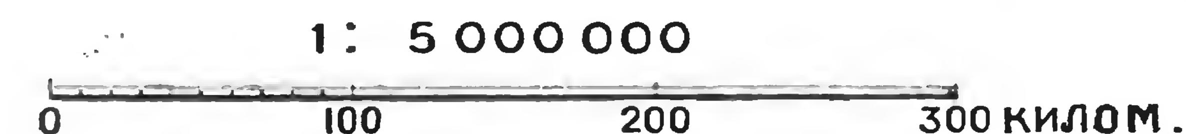
И насколько это является контрастомъ со способомъ выраженія нашихъ предковъ въ эпоху 1789 г.! Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ Кондорсэ объ установленіи метрической системы: «Академія старалась исключить всѣ элементы произвола, все, что могло заставить подозрѣвать вліяніе здѣсь частныхъ интересовъ Франціи или какихъ-либо національныхъ стремленій; она желала, однимъ словомъ, чтобы въ томъ случаѣ, если основные принципы и детали этого предпріятія перешли въ потомство, было невозможно даже угадать, какою народностью они были задуманы и выполнены». И декретъ Учредительнаго Собранія воспроизводилъ въ 1792 г. тѣ же самыя идеи въ сходныхъ же выраженіяхъ! Около этого же времени знамя графа Варвика, захваченное французами во время столѣтней войны въ 1427 г., было торжественно сожжено національной гвардіей Монтаржи во имя принципа братства народовъ.

Основной спорный вопросъ по отношенію къ идеѣ отечества и вообще по отношенію къ политическимъ задачамъ заключается въ вы-

1) Ludwig Gumplowicz, «Sociale Sinnestäuschungen», Neue Deutsche Rundschau. 1896.

ясненіи, существуетъ ли коллективная мораль, отличная отъ морали

№ 476. Желѣзнодорожные пути между Калэ и Миланомъ.



Работы. находящіяся въ производствѣ: туннель Лешберга отъ Спица до Брига.
Проектированные туннели, которые вызываютъ противъ себя все болѣе или менѣе сильныя возраженія: туннель отъ Жу до Валлорба для сокращенія линіи на Понтарлье; путь отъ Лонъ-ле-Сонье до Женевы чрезъ Сенъ-Клодъ; путь отъ Сентъ-Амура на Бельгардъ; путь отъ Шамуни на Аосту туннелемъ сквозь Монбланъ; путь отъ Альбертвилля на Аосту чрезъ Малый Сенъ-Бернаръ; путь отъ Санъ на Сенъ-Флорентинъ; путь отъ Лабаръ (D) на Аръ-Сенанъ (A).

индивидуальной, является ли недопустимая для отдѣльнаго человѣка

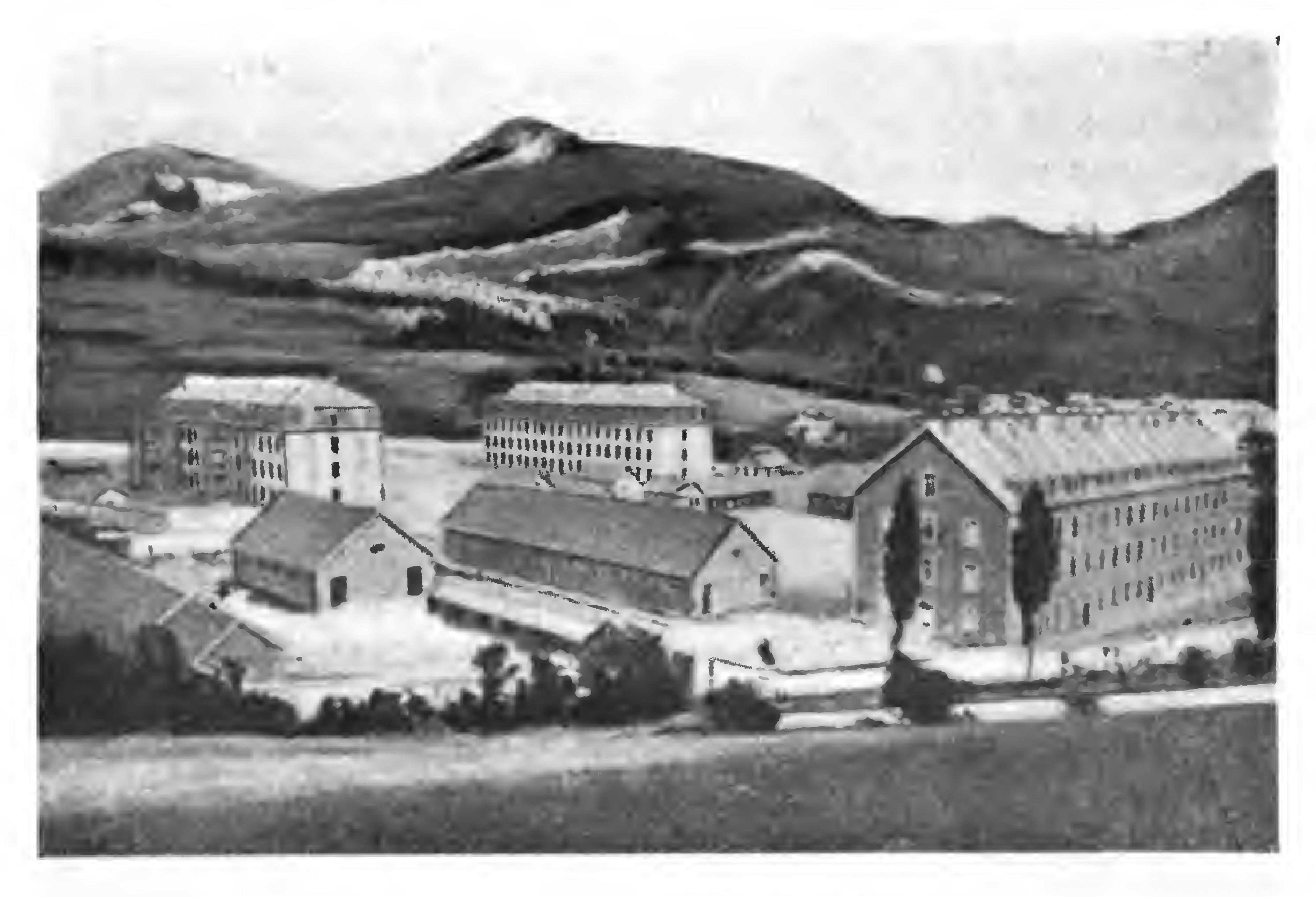
жестокость допустимой для культурныхъ группъ? Психологія толпы, безъ сомнѣнія, наука новая, но она ни разу еще не пыталась представить похвальнымъ то, что ежедневно осуждается ею по отношенію къ отдѣльной личности. За отсутствіемъ этого и отнюдь не желая руководствоваться «христіанскою моралью», должно допустить справедливость замѣчанія Толстого: «если постыдно для молодого человѣка проявлять грубый эгоизмъ, напримѣръ, не оставляя ничего ѣсть другимъ, или сталкивая съ пути болѣе слабыхъ, или пользуясь своей силой для того, чтобы лишать ихъ необходимаго, то столь же постыдно желать того, что называется расширеніемъ своего отечества, и если находятъ глупымъ и смѣшнымъ, когда человѣкъ хвалитъ самъ себя, то должно бы считать столь же глупымъ и восхваленіе своей родной страны» 1). Коллективный эгоизмъ еще болѣе печаленъ, чѣмъ эгоизмъ индивидуальный, такъ какъ онъ размножается до безконечности; каждая человѣческая личность имѣетъ право на наши симпатіи и на нашу любовь, но еще тѣмъ большее право имѣетъ на нихъ каждая группа людей, каждая народность, каждая нація! Если даже только просто придерживаться той морали, которая проявляется въ настоящее время между людьми, которые себя уважаютъ, то патріотическая ненависть къ другимъ народамъ оказывается не имѣющею никакого смысла.

Понятіе «отечество», каковое каждый государственный человѣкъ считаетъ своимъ «долгомъ» превозносить превыше всѣхъ другихъ государствъ, является источникомъ лишь ложныхъ выводовъ и прискорбныхъ заблужденій. Прежде всего уже все, что дипломаты высказываютъ по поводу «естественныхъ границъ», раздѣляющихъ будто бы государства въ силу извѣстнаго географическаго предназначенія, совершенно лишено всякихъ разумныхъ основаній. Естественныхъ границъ въ томъ смыслѣ, какой придаютъ имъ патріоты, не существуетъ. Если оставить въ сторонѣ острова, какъ Великобританія, то всѣ другія преграды, установленныя между народностями, не болѣе какъ созданіе рукъ человѣческихъ, и ничто не мѣшаетъ перемѣстить ихъ или, попросту, уничтожить. Безъ сомнѣнія, имѣется нѣкоторая постепенность въ этомъ отношеніи, и такая граница, какъ, напримѣръ, ломанная черта, проведенная уполномоченными послѣ долгихъ переговоровъ, протоколовъ и поправокъ между Франціей и Бельгіей на протяженіи около 300 километровъ, по воздушной линіи, является совершенно фантастической и не составляетъ препятствій даже для контрабанды, хотя и оказывается чрезвычайно стѣснительною для мирныхъ путешественниковъ; но даже и такія политическія границы, какъ проведенныя вдоль гребней Альповъ или Пиренеевъ, оказываются не менѣе произ-

---

1) La Revue Blanche, 1 mai 1896, traduction Alf. Athys.

вольными и не въ большей степени согласуются съ естественными особенностями страны. Конечно, франко-бельгійская граница отдѣляетъ Фландрію отъ Фландріи, Арденны отъ Арденнъ, но точно также и пограничная черта, проведенная отъ одного каменнаго столба до другого по великому альпійскому хребту, раздѣляетъ двѣ территоріи, обитатели которой говорятъ на одномъ языкѣ, отличаются одинаковыми нравами и составляли нѣкогда одно цѣлое государство. Эта граница



Видъ Бріансона. Казармы и укрѣпленія.

насильственно разъединила и отрѣзала, съ одной стороны, въ пользу Италіи, съ другой—въ пользу Франціи, двѣ половины Бріансонской области, которыя ранѣе представляли одну республику. Точно также граница, проходящая по Пиренеямъ, отдѣляетъ басковъ отъ басковъ, арагонцевъ отъ арагонцевъ и однихъ каталонцевъ отъ другихъ. Съ той и съ другой стороны пастухи и дровосѣки противъ своей воли принуждены соблюдать эту фиктивную границу и со стороны обоихъ государствъ присуждаются за несоблюденіе ея къ штрафамъ и тюремному заключенію.

Изо всѣхъ границъ наименѣе неблагопріятными являются еще, пожалуй, тѣ, которыя проведены по рѣкамъ, такъ какъ притяженіе, оказываемое естественнымъ образомъ плодородными землями рѣчныхъ долинъ, и торговля, которая привязана къ рѣкѣ, противодѣйствуютъ той тенденціи, какая наблюдается на границѣ, именно уменьшенію населенія

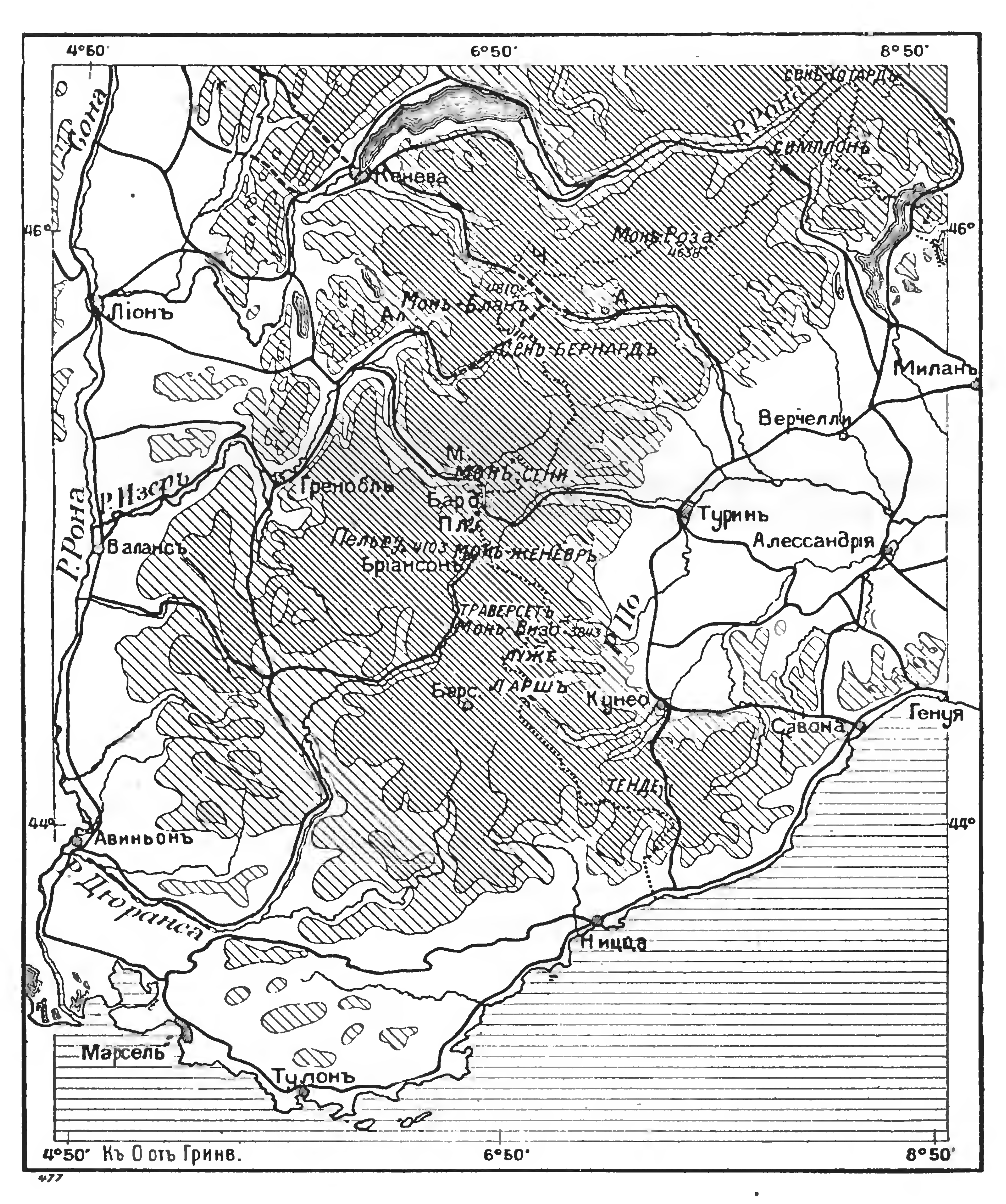
по обѣимъ сторонамъ ея; на горахъ эта послѣдняя тенденція усугубляется еще естественнымъ уменьшеніемъ численности населенія съ высотою мѣстности. Вслѣдствіе этого, не должно удивляться тому, что на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ километровъ границъ европейскихъ государствъ эти границы не болѣе какъ на разстояніи какой-нибудь тысячи километровъ проходятъ вдоль водныхъ путей, и самый длинный участокъ представленъ рѣками Дриной, Савой и Дунаемъ отъ Бажина-Бахта въ Сербіи до Силистріи въ Добруджѣ.

Нѣкоторыя государства, проводившія между собою границы въ древности и въ средніе вѣка, вполнѣ логично заботились о томъ, чтобы пограничная черта, намѣченная стѣнами, палиссадами или рвомъ, вырытымъ трудами человѣка, проходила по мѣстности, обращенной въ дикое, некультурное состояніе,—мѣстности, жизнь въ которой была бы запретной для людей. Это было, дѣйствительно, самымъ вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы воспрепятствовать несчастнымъ побѣжденнымъ народностямъ возвращаться къ своимъ разоренньмъ очагамъ. Такъ поступали, напримѣръ, китайскій императоръ и корейскій король при разграниченіи своихъ владѣній, и совершенно то же дѣлали феодальные бароны при установленіи границъ между своими владѣніями. Договоры, однако, забываются, и надзоръ за границей ослабѣваетъ, тогда какъ любовь къ землѣ у земледѣльца сохраняется безконечно долгое время, и по прошествіи многихъ лѣтъ, десятилѣтій или даже вѣковъ запретная полоса заселяется снова. Въ наше время государства поступаютъ иначе, и результаты этого получаются еще болѣе печальные, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ черта границы до нѣкоторой степени какъ бы гипнотизируетъ солдатъ, жандармовъ и таможенныхъ надсмотрщиковъ, которымъ поручено оберегать пограничные столбы и знаки. Всюду, гдѣ только допущено существованіе тропинки, гдѣ построена шоссейная дорога или, еще того болѣе, гдѣ проведенъ каналъ или желѣзнодорожный путь, каждый путешественникъ провожается испытующими взглядами; если онъ кажется подозрительнымъ, его допрашиваютъ, обыскиваютъ, заключаютъ въ темницу, онъ становится какъ бы вещью въ рукахъ жандармовъ. По обѣ стороны дорогъ воздвигаются казармы, и сильнѣйшія укрѣпленія преграждаютъ всѣ проходы, которые, какъ полагаютъ, имѣютъ нѣкоторое стратегическое значеніе.

Если взять въ качествѣ примѣра политическаго раздѣленія такую естественную границу, какъ проходящая по Альпамъ граница между Франціей и Италіей, то легко можно замѣтить, что крутизна склоновъ, высота переваловъ, изобиліе снѣговъ и утомительность подъема ничто въ смыслѣ разграниченія, по сравненію съ таможенными постами и военными укрѣпленными пунктами. Въ прежнія времена горные жители свободно сообщались и переходили съ одного склона на другой въ те-

ченіе болѣе чѣмъ половины года; не имѣя никакихъ основаній ко взаимной ненависти, они помогали другъ другу и сообразно съ временами

№ 477. Желѣзнодорожные пути между Марселемъ и Миланомъ.



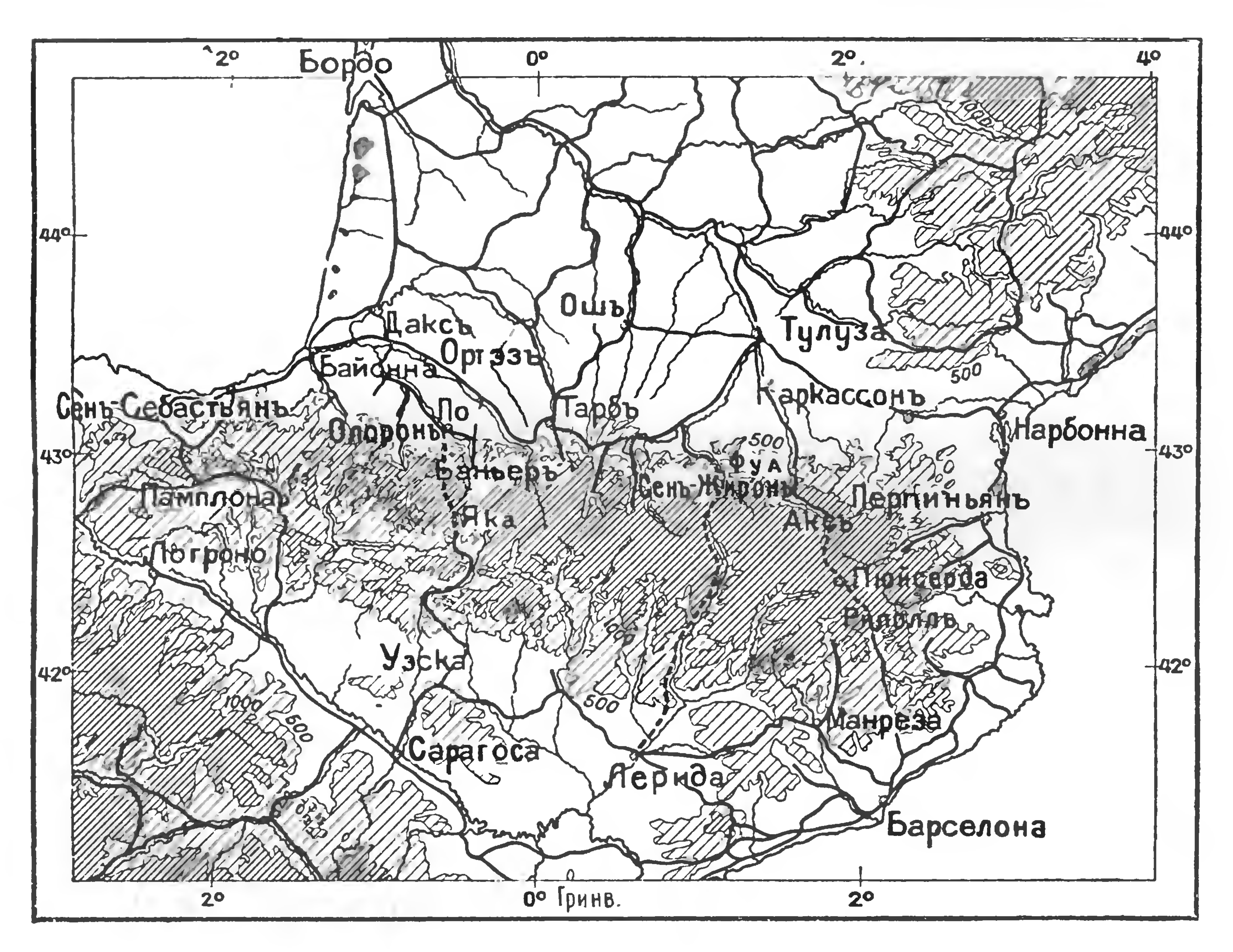
года перегоняли свои стада на тѣ альпійскіе горные луга, которые казались имъ болѣе удобными. Нѣкоторыя общины, границы коихъ не

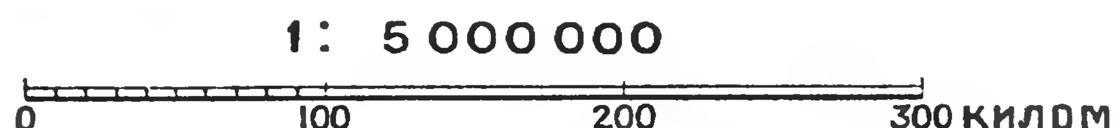
были въ точности обозначены столбами, устраивались наверху гребня съ тѣмъ, чтобы располагать лугами и лѣсами какъ того, такъ и другого склона; одна изъ республикъ простиралась даже отъ низинныхъ французскихъ долинъ до такихъ же долинъ Италіи, и среди дорогъ ея имѣлся даже туннель «Траверсетъ» Визо, который за нѣсколько сотъ лѣтъ до вѣка инженеровъ освобождалъ горныхъ жителей отъ необходимости затруднительнаго подъема на хребетъ. Въ настоящее время «порядокъ царитъ» на этихъ высотахъ, и ревниво относящіяся одна къ другой власти блюдутъ за тѣмъ, чтобы сосѣди не могли другъ дружку посѣщать безъ паспортовъ и не подвергаясь допросамъ. Въ настоящее время даже и тропинки не прокладывается черезъ Альпы безъ того, чтобы объ этомъ не доносилось въ Римъ и въ Парижъ. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ устроено пять колесныхъ дорогъ черезъ горные перевалы на франко-итальянской границѣ, именно—пути чрезъ Малый Сенъ-Бернаръ, Монъ-Сенисъ, Монъ-Женевръ, перевалъ Ларжъ и перевалъ Тенде; но, кромѣ этихъ дорогъ, въ нашъ вѣкъ чрезвычайнаго прогресса мы поостереглись провести хотя бы еще одну новую дорогу! Точно также до сихъ поръ довольствуются желѣзной дорогой, которая проходитъ черезъ горы Морьенъ между Моданой и Бардоннешемъ, дорогой, которая, быть-можетъ, и вовсе не была бы построена, если бы въ ту эпоху, когда она была начата, оба склона не принадлежали одному и тому же повелителю, управлявшему одновременно Пьемонтомъ и Савойей. А сколько затрудненій причиняетъ французскимъ властямъ открытіе Симплонскаго туннеля! Точно также допускаемъ, что «вопросы патріотизма» не играютъ роли въ выборѣ новаго пути между Парижемъ и Миланомъ и между Англіей и Италіей; но можно ли сказать то же самое о желѣзной дорогѣ между Марселемъ и Миланомъ? Казалось бы, совершенно необходимо соединить эти два крупные европейскіе города короткимъ желѣзнодорожнымъ путемъ, и соединеніе это состояло бы всего лишь въ постройкѣ желѣзной дороги длиною въ 20 километровъ по воздушной линіи между Бріансономъ и Бардоннешемъ, которая прошла бы подъ переваломъ Планпине туннелемъ длиною нѣсколько болѣе трехъ километровъ. До тѣхъ поръ, пока эта магистральная линія сообщенія не будетъ доведена до конца, торговля Марселя будетъ терпѣть сильнѣйшія потери отъ того самаго правительства, которое должно ей покровительствовать,—военный духъ, однако, не допускаетъ того, чтобы былъ прорытъ туннель, который пронизалъ бы границу. Въ теченіе приблизительно уже полувѣка происходитъ споръ по поводу другого желѣзнодорожнаго пути, считающагося совершенно необходимымъ, именно пути, который соединилъ бы Ниццу съ переваломъ Тенде. Постройка его рѣшена, вотирована, утверждена, но, очевидно, недостаточно составить планъ дороги и провѣрить его очертанія,—необходимо еще настроить

фортовъ, которые могли бы ее бомбардировать, и устроить склады пороха, которымъ можно было бы ее взорвать. Въ концѣ концовъ, итальянцы прокладываютъ теперь дорогу, огибая французскую границу.

Укрѣпленія—вотъ въ чемъ главнѣйшій вопросъ при разсмотрѣніи границъ. Объ этомъ можно судить по Бріансону, старинному торговому

№ 478. Желѣзнодорожные пути между долинами Жиронды и Эбро.





Пути, постройка которыхъ, казалось бы, рѣшила эти желѣзныя дороги: между Олорономъ и Яка чрезъ Сомпоръ (высота 1632 м.), между Сенъ-Жирономъ и Леридой, чрезъ туннель въ 1300м. высоты надъ переваломъ Сало; между Аксомъ и Пюйсерда чрезъ перевалъ Пюйморенъ (1931 м.) и между Пюйсерда и Риполь чрезъ перевалъ Тоза (1800 м.). Пурталэ находится въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Сомпоръ къ востоку.

пункту, гдѣ встрѣчались мирные горные жители обоихъ склоновъ и бесѣдовали о своихъ дѣлахъ, подновляя свои дружественныя отношенія. Въ настоящее время это огромный комплексъ стѣнъ, бастіоновъ, казармъ, укрѣпленныхъ мостовъ, врытыхъ въ скалы батарей, и каждая изъ окрестныхъ горъ, охраняемая цѣлымъ рядомъ фортовъ, несетъ на своей вершинѣ сильную крѣпость. Редуты возвышаются вплоть до полосы снѣговъ, и альпійскіе стрѣлки, составляющіе гарнизонъ въ этихъ вѣчно занесенныхъ снѣгами укрѣпленіяхъ, принуждены бываютъ часто

добираться до нихъ, прорывая траншеи въ снѣгу. Самая высокая вершина всего массива, гора Шабертонъ, высотою въ 3138 метровъ надъ уровнемъ моря, или 1800 метровъ надъ Бріансономъ, также увѣнчана фортомъ, построеннымъ итальянцами и господствующимъ надъ всѣми защитными сооруженіями французовъ. Обѣ народности борются между собою на поприщѣ милліонныхъ затратъ, обмѣниваясь въ то же время дипломатическими любезностями. Точно также дорога черезъ Монъ-Женевръ пересѣчена въ нѣсколькихъ мѣстахъ и располагается надъ страшнѣйшими пропастями, чрезъ которыя ведутъ подъемные мосты. Затраты, производимыя съ той съ другой стороны на постройки, маневры, продовольствіе войскъ требуютъ годового бюджета, который, если подсчитать, во что онъ обойдется въ теченіе столѣтія, представилъ бы, вѣроятно, собою сумму, за которую можно купить любое королевство! Вполнѣ понятно, такимъ образомъ, почему сосѣднія государства не желаютъ часто создавать новыхъ путей сообщенія. Каждый такой путь, безъ сомнѣнія, стоитъ денегъ, но преграждающіе его форты стоятъ еще дороже!

Можно понять также, почему при подобныхъ условіяхъ пограничная зона лишается своего населенія. Обитатели высокихъ горъ вообще имѣютъ тенденцію переселяться въ области менѣе холодныя, болѣе богатыя въ промышленномъ отношеніи и обладающія большими рессурсами; это стремленіе ихъ еще болѣе усиливается, благодаря господству военной власти. Начальники военныхъ силъ, командующіе своими гарнизонами и имѣющіе передъ собой лишь весьма слабо представленное гражданское населеніе, тѣмъ въ меньшей степени считаются съ нимъ, что различные чиновники, обыкновенно въ большомъ изобиліи имѣющіеся на границѣ, находятся по обязанности вполнѣ къ ихъ услугамъ. Подъ предлогомъ національной защиты и высшихъ интересовъ страны, всякая индивидуальная воля подавляется. Принужденные исключительно лишь повиноваться, граждане предпочитаютъ удалиться изъ этой области вовсе, и вокругъ казармъ и портовъ остаются лишь поставщики и всевозможные свойственные этимъ мѣстамъ паразиты. Можно сказать, что уже самый фактъ проведенія политической границы вдоль хребта Альповъ былъ достаточенъ для того, чтобы фактически сдѣлать эти горы выше и прекратить къ нимъ доступъ прежнихъ обитателей!

Пиренеи обнаруживаютъ то же самое экономическое явленіе еще болѣе нагляднымъ образомъ. Нѣтъ ни одного значительнаго пути, который пересѣкалъ бы эту цѣпь на вышинѣ болѣе чѣмъ 2000 метровъ: между перевaломъ Пюиморaномъ (1931 метръ) на востокѣ и перевaломъ Пуртале (1795 метровъ) на западѣ, на протяженіи по прямой линіи 190 километровъ между долиною Гаронны и долиной Эбро нѣтъ ни одной колесной дороги. Ни одинъ желѣзнодорожный путь не пересѣ-

кастъ Пиренеевъ, такъ какъ линія отъ Перпиньяна на Барселону идетъ по самой окраинѣ хребта у морского побережья, тогда какъ желѣзная дорога изъ Байонны въ Мадридъ огибаетъ горы совершенно съ западной стороны, описывая большую дугу чрезъ страну басковъ. Желѣзнодорожная сѣть образуетъ, слѣдовательно, пробѣлъ въ 430 километровъ

Скала Шекспира въ двухъ километрахъ къ западу отъ Дувра.

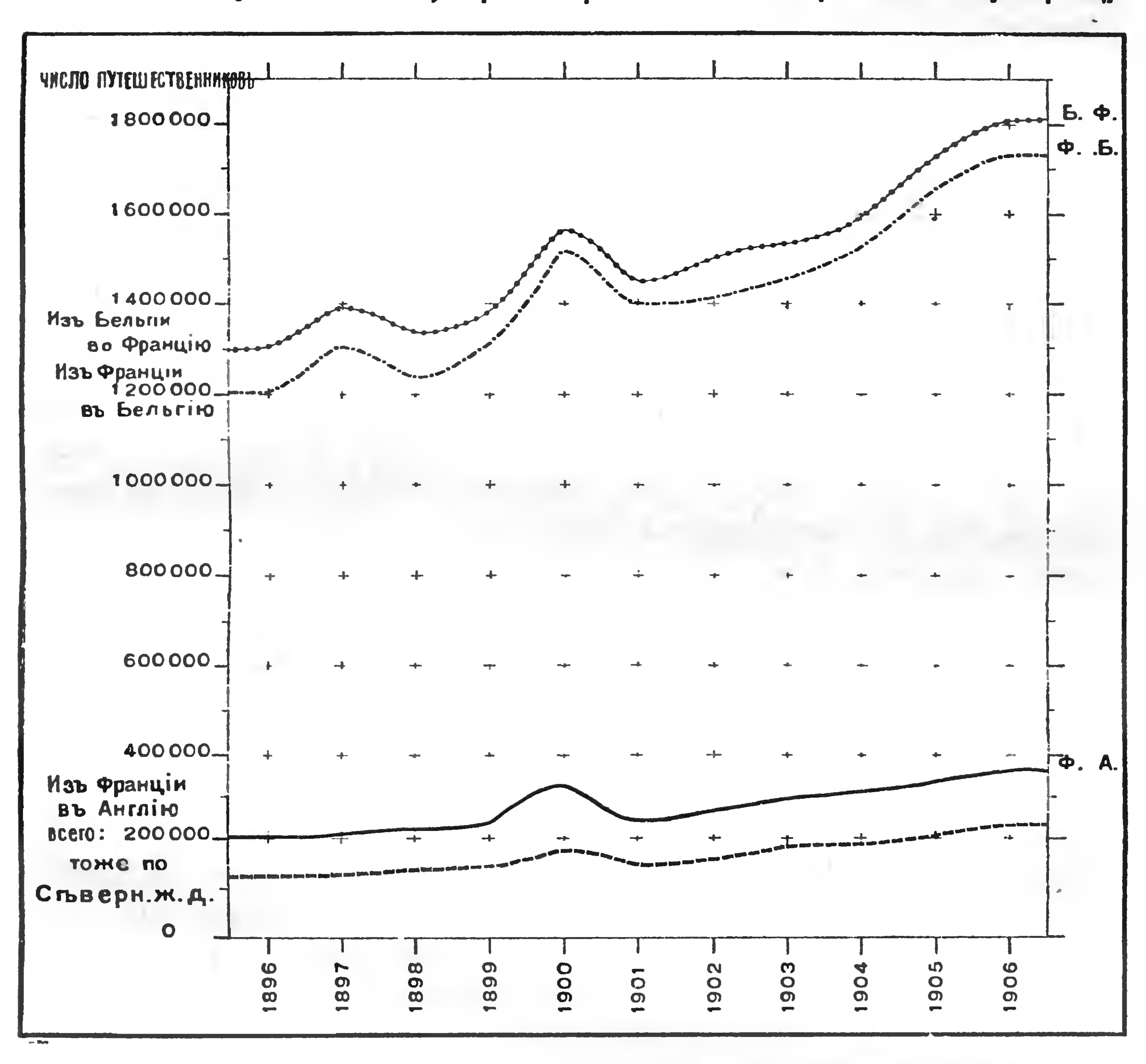
между обоими этими параллельными путями, несмотря на то, что на этомъ обширномъ промежуточномъ пространствѣ направленіе желѣзной дороги, которая должна была бы соединить два большихъ и важныхъ торговыхъ пункта, Тулузу и Сарагоссу, намѣчено самою природою. Разумѣется, представлялись десятки проектовъ и плановъ проведенія такого пути, и они обсуждались неоднократно въ собраніяхъ представителей Испаніи и Франціи; не мало было начерчено картъ, на которыхъ была уже нанесена эта проектируемая линія, но безумное увлеченіе выборной политикой препятствуетъ какъ тулузцамъ, такъ и арагонцамъ думать о своихъ собственныхъ интересахъ: для кандидатовъ въ депутаты достаточно просто отъ времени до времени ставить вехи на проектируемомъ пути и заставлять прогуливаться вдоль него инженеровъ. и—всѣ оказываются удовлетворенными! Затѣмъ въ застольныхъ рѣчахъ

удается, конечно, втиснуть старинныя словечки—«нѣтъ болѣе Пиренеевъ», тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, Пиренеи подымаются все выше и выше, будучи заключены между двумя непрерывными цѣпями солдатъ, жандармовъ, таможенниковъ и карабинеровъ. Совершенно подобно тому, какъ въ Альпахъ, населеніе здѣсь уменьшается вслѣдствіе эмиграціи, несмотря на притягательное вліяніе, оказываемое лѣчебными курортами и дачными мѣстностями. Граница въ представленіи каждаго изъ правительствъ вызываетъ къ себѣ лишь недовѣріе, подозрительность, и обитатели ея разсматриваются какъ непріятный элементъ, мѣшающій таможеннымъ и стратегическимъ операціямъ. Самое лучшее, что могутъ сдѣлать первобытные обитатели, это—уйти изъ тѣхъ мѣстъ. Подозрительное и ревнивое, недружелюбное отношеніе является единственною причиною, изъ-за которой въ теченіе полувѣка былъ построенъ чрезъ Пиренеи лишь одинъ единственный колесный путь, и не было проведено ни одного желѣзнодорожнаго. До двѣнадцати подъѣздныхъ путей было проведено по долинамъ въ ожиданіи того времени, когда болѣе тѣсное объединеніе народовъ позволитъ прорыть эти горы, не заботясь о снабженіи туннелей укрѣпленіями.

Очевидно, истинные мѣстные интересы не могутъ быть даже поняты далекими отъ данныхъ областей правительствами, живущими въ большихъ городахъ, гдѣ ничто не напоминаетъ о горныхъ пастбищахъ, лѣсахъ и убѣжищахъ. Въ прежнія времена всѣ общины обоихъ склоновъ вдоль Пиренеевъ, равно какъ и на плоскогоріяхъ Испанскаго полуострова, были объединены въ «facieres»—слово, которое писалось также pasеries и производилось отъ слова pax, paix—миръ, и такіе договоры гарантировали на нѣкоторый періодъ—на 10, 9, 7 или 5 лѣтъ—дружественное соглашеніе, имѣвшее значеніе даже въ военное время: «Обитатели французскихъ и испанскихъ горъ и долинъ могутъ вести торговлю, сообщаться со своими сосѣдями и производить всякаго рода обмѣнъ товарами, какъ и въ мирныя времена. И рогатый скотъ указанныхъ странъ можетъ пастись во всѣхъ частяхъ горъ, какъ во время мира». Таковы были ясно выраженныя условія facieres, подписывавшіяся делегатами общинъ во имя ихъ «законныхъ полномочій», что производилось всегда на открытомъ воздухѣ, подъ открытымъ небеснымъ сводомъ, вблизи пограничнаго столба. При заключеніи международныхъ трактатовъ въ Западной Европѣ вплоть даже до Утрехтскаго договора 1713 г. эти контракты пограничныхъ жителей считались дѣйствительными, и ихъ продолжали заключать вплоть до французской революціи; въ концѣ XIX вѣка (1887 г.) одно изъ заключеній такихъ трактатовъ справлялось еще вблизи Сенъ-Жанъ-де-Люца, но смыслъ событія уже утратился, и жандармы, таможенники и правительственные чиновники

совершенно игнорировали такіе договоры [1]). Ардуэнъ Дюмазе [2]) цитируетъ подобные же пережитки старины подъ наименованіемъ права «совмѣстной пастьбы»; 21 община области Сизъ пасетъ вмѣстѣ свой

№ 479. Число путешественниковъ, пересѣкающихъ Ла-Маншъ и франко-бельгійскую границу.



На самомъ дѣлѣ контрастъ менѣе того, который вытекаетъ изъ приведенныхъ цифръ, сообщенныхъ Западною и Сѣверною желѣзнодорожными компаніями; нѣкоторое движеніе пассажировъ происходитъ чрезъ бретонскіе порты Сенъ-Мало и Гранъ-Вилль съ заходомъ на норманскіе острова и чрезъ Дюнкирхенъ въ англійскіе и шотландскіе портовые города Нѣмецкаго моря; оно присоединяется къ указанному діаграммой.

Съ другой стороны, прямой желѣзнодорожный путь Парижъ-Кельнъ-Берлинъ-С.-Петербургъ пересѣкаетъ Бельгію, и его пассажирское движеніе совершенно напрасно повышаетъ данныя верхнихъ кривыхъ.

Замѣчательно, что ежегодно число путешественниковъ, въѣзжающихъ во Францію чрезъ сѣверную границу, оказывается болѣе высокимъ, чѣмъ число выѣзжающихъ. По отношенію къ англо-французскому передвиженію пассажировъ имѣющіяся данныя не позволяютъ заключить, наблюдается ли и здѣсь то же самое.

скотъ въ испанской долинѣ Аэцкоа; точно также французская область Барету имѣетъ право пасти свой скотъ въ долинѣ Ронкаль за ежегод-

1) Wentworth Webster. Société Ramond, 1892.—2) «Voyage en France», 41-e série, pp. 88, 131, 157.

ное поднесеніе трехъ двухлѣтнихъ и безупречныхъ во всѣхъ отношеніяхъ телокъ.

Стараніе, которое патріоты прилагаютъ къ охраненію границъ государства на сушѣ, простирается даже и на границы морскія, проходящія среди водныхъ пространствъ. Такъ, Па-де-Кале является, казалось бы, достаточной преградой для того, чтобы не было надобности охранять его берега; это крѣпостной ровъ, достаточно широкій для такой крѣпости, какъ Дувръ! Когда сильное развитіе промышленности въ серединѣ XIX вѣка заставило инженеровъ озаботиться сильнѣйшимъ развитіемъ путей сообщенія, то казалось совершенно неизбѣжнымъ установить непрерывный путь между обѣими главнѣйшими столицами міра—Лондономъ и Парижемъ. Проливъ шириною не болѣе 31 километра, и глубина его въ томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчаются два главнѣйшихъ приливныхъ теченія, идущихъ другъ другу навстрѣчу изъ Нѣмецкаго моря и изъ Ламанша, не болѣе 54 метровъ,—онъ представляетъ собою лишь простую царапинку, происшедшую вслѣдствіе поверхностнаго размыванія породъ. Не удивительно, что явилось безконечное множество составителей самыхъ разнообразныхъ проектовъ соединенія береговъ при помощи мостовъ, віадуковъ или туннелей; однако, до тѣхъ поръ, пока такое предпріятіе казалось совершенной химерой, правительства мало имъ интересовались. Когда же, наконецъ, въ 1868 г. одинъ изъ изобрѣтателей, Томе-де-Гамонъ, принудилъ общественное мнѣніе послѣ 30-тилѣтнихъ изслѣдованій и промѣровъ отнестись серьезно къ своимъ планамъ, и когда предварительныя работы, произведенныя на берегахъ Франціи, показали, что предпріятіе это, дѣйствительно, осуществимо, тогда британскія военныя власти были охвачены внезапно страхомъ и запретили совершенно продолженіе работы; мысль о томъ, что полки вторгающихся враговъ могутъ въ одинъ прекрасный день вынырнуть со дна моря, преслѣдовала ихъ какъ страшное видѣніе! Безъ сомнѣнія, подобное опасеніе—совершенное ребячество, но оно основывается на тѣхъ неисчислимыхъ преимуществахъ, которыя даетъ Великобританіи ея островное положеніе. Правда, совершенно справедливо, что благодаря подобному новому пути, который связалъ бы матеріально англійскіе острова съ континентомъ, Лондонъ получалъ бы ежегодно значительно большее число посѣтителей изъ Европы и Великобританіи, сдѣлавшись начальнымъ пунктомъ того моста, который переброшенъ отъ Стараго Свѣта въ Америку,—онъ сталъ бы, въ силу этого самаго, почти единственнымъ складочнымъ мѣстомъ континентальной торговли въ ущербъ Гавру, Дюнкирхену, Антверпену, Роттердаму, Бремену и Гамбургу. Можно судить о тѣхъ потеряхъ, которыя несетъ въ этомъ отношеніи Англія, если сравнить число путешественниковъ, которые ежегодно пересѣкаютъ франко-бельгійскую границу, съ числомъ тѣхъ, кото-

рые пересѣкаютъ проливъ,—оно въ пять разъ значительнѣе послѣдняго, несмотря на то, что Амстердамъ и Брюссель оказываютъ несравненно меньшее притягательное вліяніе, чѣмъ Лондонъ.

Не довольствуясь тѣми препятствіями, которыя обусловливаются самою природою Великобританскихъ острововъ, Соединенное королев-

№ 480. Невыкупленная Италія.

Заштрихованныя части населены итальянцами, не привязанными къ своему отечеству, или же населеніемъ, говорящимъ на романскомъ языкѣ (въ окрестностяхъ Клеса, Кавалезе и Кортины). Вблизи Тріента имѣется островокъ германскаго населенія, равно какъ и два другихъ въ Италіи къ востоку отъ озера Гарда. Славянскія народности проникаютъ вдоль долины Савы до окрестностей Удины.

ство, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ и подъ вліяніемъ того же регрессивнаго движенія, которое вызвало войну съ Трансваалемъ, приняло рѣшеніе уже совершенно безполезное и въ то же время крайне непріятное для путешественниковъ,—именно, санитарный досмотръ пассажировъ третьяго класса, которые, кромѣ того, принуждены еще доказать, что обладаютъ 125 франками. Фактически, доступъ въ Англію воспрещается въ силу этого всего лишь нѣсколькимъ десяткамъ лицъ въ теченіе года, но притомъ тысячи пассажировъ подвергаются непріятностямъ и униженіямъ.

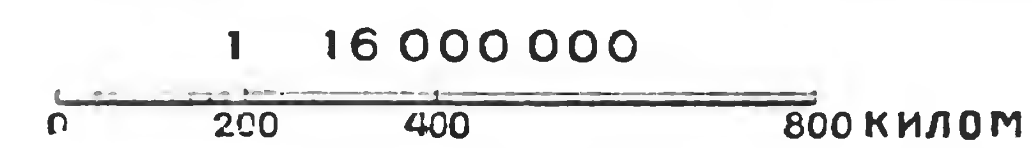
Чтобы оправдать существованіе границъ, абсурдность которыхъ бросается въ глаза, приводятъ въ качествѣ аргумента національное единство населенія, какъ-будто бы политическія группировки обладали, дѣйствительно, нормальнымъ составомъ, и какъ-будто бы было настоящее совпаденіе между очерченной границами областью и всѣмъ населеніемъ, относящимся сознательно къ общей жизни. Конечно, каждый человѣкъ имѣетъ право вступать въ составъ той или другой группы и соединяться сообразно со своими склонностями съ другими людьми; общность нравовъ, языка, исторіи является въ данномъ случаѣ первѣйшимъ элементомъ по своему значенію. Уже свобода группированія единичныхъ личностей обусловливаетъ подвижность границъ, и какъ мало, на самомъ дѣлѣ, согласуется свободное желаніе обитателей съ оффиціальными договорами!

Греческое возстаніе въ первую половину XIX столѣтія явилось событіемъ, воплотившимъ наиболѣе полно этотъ совершенно призрачный принципъ національнаго объединенія; ему старались придать спеціальное значеніе, какъ-будто бы существуетъ какое-либо другое, болѣе важное основаніе, помимо воли отдѣльныхъ людей, соединяющейся съ другими волями. Замѣчательныя перипетіи этого возстанія, напоминавшія представителямъ образованной буржуазіи событія классическихъ и романтическихъ временъ, самыя имена Аѳинъ, Мараѳона, Платеи, Саламина дѣйствовали на души людей какъ своего рода заклинанія: тогда какъ возставшее населеніе Мореи и сосѣднихъ острововъ стремилось, просто-на-просто, освободиться отъ своихъ турецкихъ притѣснителей, его друзья, западно-европейскіе «филэллинисты», воображали, что присутствуютъ при возрожденіи временъ Мильтіада и Перикла; древняя Грецiя возставала изъ своей гробницы въ ихъ представленіи благодаря Боцарису и Капо-д'Истріи. Полная противоположность въ смыслѣ расы и языка между европейскими греками и азіатами-турками, равно какъ и противоположность религіозная между христіанами и мусульманами, между крестомъ и полумѣсяцемъ, способствовала еще болѣе укрѣпленію въ умахъ людей химерическаго представленія о существованіи въ дѣйствительности національныхъ единицъ какъ особыхъ коллективныхъ существъ; вопросъ объ истинномъ происхожденіи современныхъ грековъ возникалъ лишь предъ немногими единичными учеными.

Послѣ опыта, произведеннаго Греціей, и однобокаго рѣшенія греческаго вопроса великими европейскими державами, настала очередь формированія единой Италіи, которое явилось, съ точки зрѣнія единенія національностей, еще болѣе характернымъ, чѣмъ неудачная попытка эмансипаціи Греціи,—въ то время какъ греческій народъ, разсѣянный по всему побережью Востока, не обладаетъ точными границами ни въ одной части своихъ владѣній, населеніе, говорящее на итальянскомъ

языкѣ, достаточно точно соотвѣтствуетъ по своему распредѣленію гео-

№ 481. Районъ пангерманизма.



За предѣлами Германіи страны, населенныя народностями, говорящими на нѣмецкомъ языкѣ, покрыты густою штриховкою; говорящія же на германскихъ нарѣчіяхъ (фламандско-голландское, датско-норвежское, шведское) покрыты рѣдкой штриховкой.

Народности чуждыя по происхожденію, живущія въ Германской имперіи—лотарингцы, датчане, славяне,—отмѣчены точками.

Нѣкоторые пангерманисты заявляютъ, что Германія должна занимать всю центральную Европу, отъ Антверпена до Трансильваніи и отъ Тріеста до Дерпта (Юрьева).

графическимъ контурамъ Апеннинскаго полуострова: «le Alpi che cingono

l'Italia» (Альпы, опоясывающіе Италію) ограничиваютъ, за немногими исключеніями, область «dove suona il si» (гдѣ раздается «si»). Впрочемъ, это итальянское единство, которое, повидимому, такъ хорошо намѣчается стѣною амфитеатра, представляемаго Альпами, было прославлено еще ранѣе весьма многими писателями: со времени французской революціи оно стало главнѣйшимъ требованіемъ всѣхъ патріотовъ итальянскаго полуострова, и сколько разъ эти послѣдніе, переходя отъ желаній къ дѣйствіямъ, пытались осуществить освобожденіе и объединеніе Италіи! Всѣ эти попытки являются одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпопей, какія рисуетъ намъ исторія народовъ. «Единая» Италія теперь сложилась, но остается все же еще «не выкупленная» Италія, въ составъ которой входятъ Истрія, Трентская область и Мальта; съ другой стороны, освободившаяся народность, сдѣлавшись великою и могущественною, поторопилась послѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ и стала притѣснять другія народности на африканскомъ континентѣ, съ цѣлью пріобрѣтенія ряда колоній. Она заняла Эритрею и восточную Сомали въ ожиданіи, что гибель «больного человѣка» сдѣлаетъ ее наслѣдницей Триполи и позволитъ ей осуществить свои права на владѣніе Албаніей.

Третій обширный опытъ былъ произведенъ Германіей, является гораздо болѣе сложнымъ и совершался въ теченіе многихъ поколѣній, но можно ли видѣть серьезно въ этой сбивчивой эволюціи развитіе принципа національности? Когда германскій народъ началъ свое движеніе въ сторону объединенія, онъ не былъ вовсе, подобно Италіи, поддержанъ въ этомъ своемъ начинаніи тѣми ясно видимыми доводами, которые даются рѣзкою ограниченностью географической области, отмѣченной вполнѣ точными предѣлами. Германія не имѣетъ вовсе естественныхъ границъ: Галлія, Славянскія земли, Скандинавія и Германія взаимно проникаютъ одна въ другую и глубоко между собою сцѣпляются для того, чтобы общественное сознаніе національнаго единства могло зародиться и развиться, достигнуть зрѣлаго осуществленія, связи должны были быть не территоріальныя, а даваемыя языкомъ или, по меньшей мѣрѣ, родственностью нарѣчій. Сливаясь постепенно въ одинъ общій болѣе совершенный языкъ, служащій для выраженія мыслей высшаго порядка, народныя нарѣчія подготовляли образованіе германскаго отечества. Германія сложилась, такимъ образомъ, въ умахъ людей задолго до того, какъ ее попробовали практически осуществить. Еще когда германскій народъ былъ раздѣленъ на множество плохо ограниченныхъ крупныхъ и мелкихъ государствъ и провинцій, имѣвшихъ каждая свои собственные идеалы единства и цѣлостности, національное чувство работало уже надъ созданіемъ объединенія той части Центральной Европы, «wo die deutsche Zunge klingt». Можно сказать, что Германія является

гораздо болѣе созданіемъ Лессинга, чѣмъ Бисмарка, и первая часть дѣла объединенія значительно превосходитъ вторую по логичности и дѣйствительности выполненія. Она завершилась во всемъ своемъ цѣломъ и не усложнилась никакими вторженіями въ чужія права; она охватила вскорѣ всю Германію и отнюдь не стремилась увеличиваться за счетъ своихъ сосѣдей подъ предлогомъ политическихъ и стратегическихъ интересовъ и предшествовавшихъ историческихъ событій.

Однако, по сравненію съ этой Германіей, созданной мыслителями, фактическое осуществленіе Германской имперіи имѣло совершенно иной характеръ. Неоднократно дѣятели данной исторической трагедіи пытались утвердить принципъ національности нарушеніемъ его самого, пытались укрѣпить и усилить свое германское отечество, опираясь на полосу земель, лежащихъ за его предѣлами,—земель, не принадлежащихъ ему какъ по языку, по происхожденію, такъ и по вполнѣ ясно выраженнымъ стремленіямъ жителей, составляющихъ плоть отъ плоти другой націи. Вопреки всякимъ комментаріямъ, объясненіямъ и историческимъ раскопкамъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ дѣйствительности того, что эльзасцы, говорящіе на нѣмецкомъ языкѣ, и лотарингцы, говорящіе по-французски, принадлежатъ къ тому политическому цѣлому, центромъ котораго является Парижъ. Не подлежитъ сомнѣнію также, что датчане, обитающіе къ сѣверу отъ Эйдера вплоть до современной границы Іилланда, дѣйствительно, истинные датчане по своимъ симпатіямъ, по языку и по традиціямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ. Наконецъ, около полутора вѣка прошло уже съ того времени, какъ въ равнинахъ восточной Германіи поляки Познани были насильственно присоединены къ Пруссіи, и потомки ихъ, оторванные совершенно отъ своего историческаго прошлаго, тѣмъ не менѣе, остались поляками, выражающими постоянно протестъ въ глубинѣ своего сердца противъ всѣхъ несправедливостей, совершаемыхъ по отношенію къ ихъ народности.

Такимъ образомъ, подобно Италіи и подобно Греціи, которая въ своемъ національномъ самолюбіи не стѣсняется требовать отъ румынъ, албанцевъ, славянъ и даже турокъ возвращенія Македоніи, Ѳракіи и острововъ,—подобно этимъ государствамъ, Германія не имѣетъ права упрекать другія страны, Францію, Великобританію или Россію, что онѣ въ своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, совершаемыхъ мирнымъ или завоевательнымъ путемъ, недостаточно оказываютъ уваженія «принципу національности». Какъ тѣ, такъ и другія государства руководствуются въ равной степени коллективнымъ духомъ хищенія и грабительства, и этотъ духъ особенно ярко проявляется, когда дѣло касается дальнихъ областей, которыя лицемѣрно квалифицируются обыкновенно какъ «колоніи», хотя въ большинствѣ случаевъ отнюдь не становятся мѣстомъ пребыванія эмигрантовъ страны и остаются исклю-

чительно лишь областями чрезмѣрной «эксплуатаціи», гдѣ представители военнаго сословія находятъ поприще для «принесенія себя въ жертву во славу отечества», тогда какъ различные спекуляторы стремятся обогатиться безплатнымъ трудомъ рабовъ или крѣпостныхъ изъ туземцевъ. Вполнѣ естественно, что всѣ эти покушенія на чужую собственность уснащаются объясненіями въ родѣ необходимости «борьбы за существованіе»; имена ученыхъ, затверженныя формулы, полныя педантства опредѣленія, придаютъ философскій характеръ стариннымъ предразсудкамъ, наслѣдственной суетности, сквернымъ страстишкамъ. Греческія слова, нѣмецкіе обороты рѣчи оправдываютъ кровопролитіе и захваты въ глазахъ виновниковъ; имъ достаточно убѣдить себя въ томъ, что они представители высшей расы, и это кажется для нихъ полнымъ оправданіемъ всякаго насилія, всякой жестокости. «Это же самое дѣлали, не будучи даже знакомы съ антропологіей, древніе евреи, когда они безо всякихъ угрызеній совѣсти душили и истребляли филистимлянъ и амалекитянъ» [1]).

Однако, агрессивный патріотизмъ пріобрѣлъ даже нѣкоторую научность въ теченіе XIX вѣка, чтобы придать большую тѣлесность иллюзорному принципу національности. Въ прежнія времена завоеватели той или другой страны не старались вовсе привить свой языкъ побѣжденнымъ,—напротивъ, имъ нравилось видѣть въ этихъ послѣднихъ низшія существа, неспособныя подняться до высокаго достоинства повелителей страны, до употребленія того же нарѣчія, примѣненія тѣхъ же выраженій, акцента и оттѣнка голоса; побѣдитель любилъ насмѣхаться надъ непонятной болтовней своихъ плѣнниковъ, и всевозможныя жестокости казались ему дозволенными уже въ силу этого различія языка, которое, по его мнѣнію, представляло достаточно ясное доказательство неравенства,—конечно, неравенства не въ пользу тѣхъ, кого онъ могъ оскорблять безнаказанно на своемъ языкѣ побѣдителей. Сколько разъ, начиная съ войнъ, веденныхъ Галаадомъ и Ефраимомъ, о которыхъ разсказываетъ Книга Судей [2]), враги истреблялись до-чиста изъ-за того, что не могли произнести слова «shibboleth» или какого-нибудь другого пароля съ достаточно правильнымъ акцентомъ страны. Правда, въ тѣ времена еще не было открыто то, что называется «принципомъ національности». Теперь же стремятся превратить побѣжденныхъ въ соотечественниковъ. Ихъ пичкаютъ уроками и упражненіями, чтобы научить ихъ языку повелителей, и чтобы можно было со второго поколѣнія разсматривать ихъ какъ людей, принадлежащихъ къ своей народности. Такимъ образомъ, напримѣръ, по повелѣнію свыше, вывѣски на домахъ

1) Paul Mantoux, «Pages Libres», 22 mars 1902.—2) Гл. XII, ст. 5, 6.

Русскій Итальянецъ Венгерецъ Датчанинъ Французъ Шведъ Норвежецъ Нѣмецъ Англичанинъ Бельгіецъ

Международный конгрессъ студентовъ въ Лиллѣ.

и надписи на вагонахъ, равно какъ и оффиціальныя объявленія, пишутся на нарѣчіи господствующей народности: словаки, сербы, румыны должны стараться говорить по-венгерски, поляки и датчане объясняться по-нѣмецки, бретонцы—молиться на французскомъ языкѣ.

Все же, однако, національная ненависть уменьшается, несмотря на всѣ старанія націоналистовъ и правительствъ! Правда, и до сихъ поръ не исчезла еще вполнѣ ненависть между населеніемъ по сю и по ту сторону границъ, но что значитъ это недружелюбное отношеніе по сравненію съ тѣмъ, которое наблюдалось въ прежнія времена противъ людей другихъ государствъ исключительно лишь изъ-за того, что они чужеземцы! Всѣ, кому пришлось бывать въ Англіи нѣсколько разъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, не могли не замѣтить, какой удивительный прогрессъ совершился въ смыслѣ благорасположенія и сердечнаго отношенія англичанъ къ чужестранцамъ со времени середины прошлаго столѣтія. Въ прежнее время чужеземецъ долженъ былъ опасаться грубостей и даже оскорбленій со стороны мѣстныхъ жителей. Житель континента, котораго выдавала въ толпѣ его внѣшность, костюмъ, языкъ или акцентъ, служилъ предметомъ насмѣшекъ и оскорбленій; «damned frenchmen»—было однимъ изъ обычнѣйшихъ выраженій, которыми преслѣдовали чужестранца во время его прогулокъ по Англіи, хотя бы даже онъ и не принадлежалъ къ народности, являющейся «наслѣдственнымъ врагомъ». Даже англичанинъ, если онъ былъ незнакомъ населенію, и, конечно, въ еще бо́льшей степени чужестранецъ, попадая впервые въ какую-нибудь англійскую деревню, могли быть вполнѣ увѣренными во враждебномъ пріемѣ, который встрѣтятъ со стороны мѣстныхъ жителей въ особенности со стороны дѣтей. Какъ только такой чужестранецъ появлялся, такъ бѣда была ему, особенно если онъ имѣлъ несчастье обладать какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ или быть слишкомъ богато или слишкомъ бѣдно одѣтымъ,— «Bill, there is a stranger, heave a stone at him!» [1])—такими словами встрѣчали его. И нерѣдко дѣло не ограничивалось угрозами бросанья камней, но ихъ бросали и на самомъ дѣлѣ, и ему приходилось искать спасенія въ какой-нибудь гостиницѣ, гдѣ его все еще провожали насмѣшки и шутки жителей, а затѣмъ нерѣдко злоключенія его усугублялись еще тѣмъ, что его принимали, въ концѣ концовъ, за шпіона и подвергали настоящему допросу. Нерѣдко отрѣзали ему всякое отступленіе, прежде чѣмъ удавалось найти убѣжище, и преслѣдователи окружали его и танцовали вокругъ него какъ дикари вокругъ своей жертвы,— это было то, что называлось «to dance the hog», т.-е. «танецъ дикобраза». Одинъ изъ небезызвѣстныхъ писателей, Ричардъ Хисъ, подверг-

1) «Билль, смотри, чужестранецъ; брось въ него камень»!

шій всестороннему изученію сельскую жизнь Англіи, разсказываетъ, что его мать, голландка по происхожденію, не могла выйти изъ дому безъ того, чтобы ея не преслѣдовали какъ дичь надоѣдливые мучители, устраивавшіе вокругъ нея такіе дикіе хороводы. Между тѣмъ, какая огромная перемѣна теперь черезъ 50 лѣтъ! Конечно, Англія не совсѣмъ еще переродилась и мѣстами въ отдаленныхъ деревняхъ чужеземецъ, быть-можетъ, и теперь еще не гарантированъ отъ всякихъ оскорбленій, но обыкновенно вѣжливость къ нему и даже благорасположеніе и сердечность проявляются все же со стороны окружающихъ въ самыхъ различныхъ формахъ.

Консервативные умы упорно стремятся удержать границы государства, хотя бы ихъ пришлось при этомъ обагрять кровью, — границы, которыя къ тому же отнюдь не долговѣчны, такъ какъ часто мѣняются,—однако, тѣмъ не менѣе, цѣпи, которыя привязываютъ людей къ ихъ родной землѣ, стали все же, такъ сказать, болѣе хрупкими, и отдѣльныя спеціальныя притягательныя стороны, свойственныя той или другой странѣ, стали обнаруживать меньшее вліяніе на людей, такъ что послѣдніе не удерживаются уже ими наперекоръ своимъ естественнымъ склонностямъ. Населеніе земного шара стремится все болѣе и болѣе распредѣлиться по его поверхности, сообразно съ тѣми преимуществами, которыя представляютъ различныя страны съ точки зрѣнія климата, условій труда, легкости существованія и даже красоты мѣстности. При такомъ все болѣе и болѣе легкомъ согласованіи Человѣка съ Землею каждый обитатель земного шара можетъ въ настоящее время намѣтить и ускорить наступленіе того дня, когда устроится на избранной имъ почвѣ, на землѣ, которая рисуется ему самому «землею обѣтованной»; такимъ образомъ, нормальное распредѣленіе людей совершается въ различныхъ частяхъ земного шара пропорціонально ихъ элементамъ приспособляемости. Эмиграція примѣрно 20 милліоновъ европейцевъ явилась однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ такой большой подвижности въ настоящее время человѣка, и параллельно съ этимъ и другія умѣренныя и даже тропическія области Новаго Свѣта заселились и, несомнѣнно, не перестанутъ заселяться и въ будущемъ. Значительная часть пространствъ Сибири и сѣвернаго Китая, Австралія, множество африканскихъ областей пріобрѣтаютъ и будутъ пріобрѣтать и въ будущемъ такимъ же точно способомъ новое населеніе: родъ человѣческій подобно водѣ морской стремится подойти подъ одинъ уровень, и въ настоящее время онъ можетъ это сдѣлать безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, отчасти исчезли тѣ препятствія, которыя были на пути его движенія.

Какъ это и подобаетъ въ организмѣ столь грандіозномъ и сложномъ, какъ міровой организмъ, человѣчество избрало себѣ цѣлый рядъ

центровъ, гдѣ специально преслѣдуются тѣ или иные вопросы, или болѣе глубоко разсматриваются извѣстныя задачи. Не признавая какой-либо единой мiровой столицы, оно, сообразно съ тѣми или другими преимуществами, намѣчаетъ различные большiе города цивилизованнаго мiра въ Европѣ или въ Новомъ Свѣтѣ въ качествѣ центральныхъ мѣстъ постояннаго управленiя или пунктовъ временнаго объединенiя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительства, выступая въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, избираютъ тотъ или другой городъ главнымъ завѣдующимъ центромъ; еще чаще инициатива въ этомъ направленiи принадлежитъ ученымъ или другимъ обществамъ, которыя избираютъ городъ, соображаясь съ важностью трудовъ, произведенныхъ въ той или другой области, или иногда даже въ зависимости отъ красоты мѣстности. Такимъ образомъ, сложились цѣлые десятки подобныхъ естественныхъ центровъ, признаваемыхъ всѣми совершенно единодушно. Такъ, Парижъ былъ избранъ всѣми государствами въ качествѣ резиденцiи «метрической комиссiи».

Эскимосъ.

Лондонъ или, точнѣе, его предмѣстье Гринвичъ признанъ за мѣсто прохожденiя общаго международнаго меридiана, и тамъ же, въ силу этого, централизуются всѣ свѣдѣнiя, касающiяся долготъ земного шара; «гринвичскiй часъ» регулируетъ хронометры всего мiра, и лишь Францiя отказывается пока отъ его признанiя. Бернъ, столица очень скромная по сравненiю съ великими столицами мiра, былъ избранъ центральнымъ мѣстомъ организацiи почтъ и телеграфовъ, мѣстомъ нахожденiя международнаго органа желѣзныхъ дорогъ, центральной лиги мира, бюро художественной и литературной собственности и т. д. Вокругъ Рима группируются ученыя общества, вѣдающiя статистикой, тогда какъ геологи привязаны къ Берлину въ смыслѣ созданiя общей геологической карты земного шара; Брюссель, въ которомъ давно уже находятся центральное бюро «международнаго колонiальнаго института» и «международное геологическое бюро», является также въ настоящее время мѣстомъ, гдѣ для библiографовъ составляется списокъ всѣхъ книгъ, статей и другихъ печатныхъ документовъ, появляющихся ежегодно [1]). Женева является мѣстомъ установленiя международнаго соглашенiя объ оказанiи помощи раненнымъ на полѣ битвы; въ Страсбургѣ централизуются свѣдѣнiя по сейсмологiи; въ Гаагѣ долженъ

1) Международное библiотечное бюро въ Брюсселѣ приняло классификацiю книгъ по децимальной системѣ (принципъ Мельвиль-Девен).

быть построенъ дворецъ для того, чтобы дать пріютъ делегатамъ «конференціи мира», и т. д.

За исключеніемъ такихъ центровъ, которыхъ не слѣдуетъ перемѣщать, чтобы поддерживалась правильность работы, имѣются и другія мѣста встрѣчъ, мѣняющіяся съ года на годъ, куда въ различные періоды времени привлекаются разныя, тѣмъ или другимъ интересующіяся лица: ученые, художники, промышленники и т. п.; такія мѣста находятся въ странахъ, которыя по данному времени и по данной задачѣ обладаютъ наибольшею притягательною силою. Они становятся фактически на нѣсколько дней естественными центрами, въ которые внезапно переносится жизнь всего человѣчества. Перемѣщающіеся изъ города въ городъ конгрессы совершаютъ свободно на поверхности нашей планеты дѣло объединенія человѣчества.

Эскимосскій ребенокъ.

Съ увеличеніемъ пространства, занимаемаго людьми, все болѣе и болѣе цѣлесообразная организація пользованія естественными рессурсами позволяетъ населенію безконечно увеличиваться съ года на годъ, съ десятилѣтія на десятилѣтіе, и каждый новый подсчетъ жителей земного шара, производимый этнографами съ начала XIX вѣка, доказываетъ, что въ населеніи земли наблюдается значительный приростъ, а, между тѣмъ, сколько безполезнаго человѣкоистребленія происходитъ постоянно, какъ-будто людямъ недостаетъ мѣста на землѣ! Правда, среди цѣлаго ряда истребленныхъ народностей имѣются многія не уничтоженныя произвольно, а вымершія естественною смертью, въ силу своей неспособности приноровиться къ новой средѣ. За европейцами всюду слѣдуетъ цѣлый кортежъ изъ болѣзней, этихъ страшныхъ ихъ спутниковъ, коими они нерѣдко безсознательно пользуются для того, чтобы расчистить вокругъ себя мѣсто. Европейцы вполнѣ заслужили наименованіе, которое дало имъ племя тинехъ Сѣверной Америки—«Ewic Dactlini»—«влекущіе смерть за собою» [1]). Такъ, напр., населеніе многихъ острововъ Океаніи исчезло все до послѣдняго человѣка не потому, чтобы его истребилъ кто-нибудь нарочно, а въ силу чисто косвенныхъ причинъ, благодаря новой создавшейся вокругъ нихъ средѣ. Точно также и въ сѣверныхъ областяхъ появленіе бѣлаго человѣка вызвало исчезновеніе туземныхъ жителей. Такимъ образомъ, напримѣръ, лопари Кольскаго полуострова находятся въ состояніи полнаго исчезновенія. Большая часть ихъ страдаетъ различными болѣзнями, покрыта

---

[1]) Petitot; Elis Reclus, «Le Primitif d'Australie», p. 371 ss.

сыпями и язвами, грязна до противности, отличается полнымъ безразличіемъ къ собственной судьбѣ,—въ силу этого они постепенно уменьшаются въ численности, и въ началѣ XX вѣка ихъ оставалось уже не болѣе 16000 тысячъ человѣкъ, распредѣленныхъ всего лишь въ 25 деревняхъ на поверхности приблизительно 100000 кв. километровъ [1]). Эскимосовъ полярной Гренландіи было въ 1890 г. 300 душъ; черезъ 12 же лѣтъ это число сократилось еще на одну треть (Пири). По другую сторону Сѣверной Америки отъ мыса Барроу до Алеутскихъ острововъ осталось не болѣе 500 туземцевъ, хотя въ серединѣ XIX столѣтія тамъ жило въ пять разъ бо́льшее число. Истребивъ богатства сѣверныхъ морей, европейскіе китобои уничтожили рессурсы, позволявшіе прибрежнымъ жителямъ континента бороться за жизнь съ арктическою природою.

Гораздо чаще истребленіе туземцевъ было сознательнымъ: ружейныя пули, отрава, нарочно разсѣиваемыя зараза обусловливали ихъ быстрое вымираніе. Такъ, колонисты Тасманіи истребили все чернокожее населеніе острова; убійцамъ выдавались даже преміи, чтобы ускорить это дѣло, и существовали настоящіе охотники за человѣческою дичью; послѣдняя женщина тасманскаго племени, 75-тилѣтняя старуха по имени Лалла-Рукъ, была убита въ 1876 г., какъ птица, въ вѣтвяхъ дерева, на которое она спасалась. Другія австралійскія племена были «вычищены» такимъ же точно способомъ; въ Квинслэндѣ же явилась даже геніальная идея выдрессировать «чернокожую», т.-е. туземную полицію для истребленія бродячихъ инородцевъ того же туземнаго племени, встрѣчающихся въ окрестности колоній. Гуанхи Канарскихъ острововъ были уже истреблены или проданы въ рабство большею частью за предѣлы архипелага еще въ XVI вѣкѣ, и послѣдній чистокровный туземецъ скончался въ 1828 г. Сѣверная Америка, въ особенности Калифорнія, была грандіозною бойнею туземцевъ: цѣлыя народности исчезли уже около вѣка тому назадъ въ ту эпоху, когда была написана книга Купера, «Послѣдній изъ могикaнъ», справедливо изображающая судьбу не только индѣйцевъ этого племени, но и многихъ другихъ охотничьихъ племенъ Новаго Свѣта. Въ Южной Америкѣ испанцы и португальцы совершили такое же дѣло истребленія туземцевъ, какъ и англо-американцы Сѣверной Америки, и въ настоящее время на Антильскихъ островахъ не остается болѣе прямыхъ потомковъ того многомилліоннаго туземнаго населенія, которое нашли здѣсь завоеватели: всего лишь 120 душъ чистокровныхъ караибовъ, сохранившихся въ лѣсахъ Сенъ-Доминика, представляютъ собою все, что осталось отъ бренныхъ племенъ,—къ нимъ присоединяются лишь нѣсколько метисовъ Сенъ-

1) H. Goebel, Globus, № 16, 23 octobre 1902.

Винцента и другихъ островов, равно какъ и побережья Гондураса. На Огненной Землѣ охота за туземцами еще продолжается: около поло-

№ 482. Двѣ территоріи съ одинаковымъ числомъ жителей: Уругвай и островъ Цунъ-Минъ.

1 : 7 500 000

0 100 200 400 килом.

Республика Уругвай насчитывала въ декабрѣ 1904 г. 1036000 жителей; должно добавить къ этому числу еще часть обитателей бразильской провинціи Ріо-Гранде-до-Суль (1149070 жителей въ 1900 г.), чтобы достичь числа 1200000, составляющаго численность населенія острова Цунъ-Минъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что обѣ области находятся подъ одной широтой, но въ разныхъ полушаріяхъ.

вины ихъ уже погибло подъ пулями, тогда какъ другая половина погибаетъ отъ чахотки.

Массовыя изгнанія въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ повинны русскіе послѣ занятія высокихъ горныхъ долинъ Кавказа, являются также сплошнымъ истребленіемъ туземцевъ, такъ какъ подобныя переселенія могутъ совершаться, лишь сопровождаясь страшнѣйшею гибелью людей

вслѣдствіе болѣзней, голодовокъ, тоски по родинѣ и столкновеній съ чуждыми племенами. Утрачивая свое отечество и свое имя, несчастные губятъ и свою душу. Что можно сказать теперь о черкесахъ, абхазахъ, чеченцахъ и лезгинахъ? Они исчезаютъ, растворяясь среди тюркскихъ племенъ, среди грековъ и другихъ народностей, между которыми находятся тѣ клочки земли, какіе были имъ предоставлены. Однако, представители народности продолжаютъ все же существовать, и если когда-нибудь будетъ заявлено о полномъ исчезновеніи этихъ племенъ, то это будетъ справедливо лишь на половину, ихъ смерть будетъ лишь кажущейся. И сколько народностей считается, такимъ образомъ, истребленными, тогда какъ онѣ попросту ассимилированы окружающими народами. По крайней мѣрѣ, потомство ихъ сохранилось, подобно тому, какъ потомство сабинянъ нѣкогда сохранилось въ Римѣ. Точно также вѣдь либерійцы и лигурійцы продолжаютъ жить въ галльскомъ населеніи Франціи, и въ Англіи сохраняется кровь бриттовъ. Точно также кровь алгонкиновъ и семиноловъ можетъ быть найдена въ современныхъ американцахъ Сѣверной Америки и кровь арауканов въ испанскомъ населеніи Чили.

Нѣкоторые статистики пробовали опредѣлить число людей, которое можетъ прокормить нашъ земной шаръ. Цифра эта зависитъ прежде всего отъ образа жизни, который должно предположить по отношенію къ каждому обитателю земного шара въ среднемъ, такъ какъ, напримѣръ, охотничьему населенію всего лишь изъ 500 милліоновъ душъ было бы совершенно тѣсно на поверхности земли, гдѣ въ настоящее время живетъ уже втрое болѣе людей. Съ другой стороны, если основываться на питаніи средняго европейца, то сколько возникаетъ при подобномъ предположеніи самыхъ разнообразныхъ противорѣчій. Продуктивность различныхъ почвъ зависитъ отъ факторовъ, столь мало еще извѣстныхъ; необходимое для пропитанія количество пищи столь сильно еще различествуетъ у разныхъ авторовъ-спеціалистовъ даннаго вопроса, что не слѣдуетъ удивляться крупному расхожденію результатовъ ихъ изслѣдованій. Воейковъ вычислилъ [1]), что населеніе въ 16 милліардовъ людей при нахожденіи своемъ лишь въ узкой экваторіальной полосѣ между 15° сѣв. и 15° южн. широты могло бы существовать вполнѣ нормально. Въ тропическихъ областяхъ, какъ говоритъ Гумбольдтъ, въ странахъ, гдѣ произрастаютъ бананы и другія растенія, дающія значительное количество пищевыхъ веществъ, поверхность въ 15 кв. метровъ достаточна для того, чтобы регулярно пропитывать одного человѣка. Иначе говоря, если воспользоваться въ бассейнахъ Ганга и другихъ рѣкъ Индіи, на восточномъ склонѣ Мексиканскаго плоскогорія, въ степяхъ

1) Guiseppe Ricchieri, Universita populare, № 24, 1903.

Боливіи и въ рѣчныхъ долинахъ Колумбіи и Бразиліи и береговъ Центральной Америки землями чрезвычайной плодородности, то можно было бы найти территоріи въ 10 и даже въ 20 разъ болѣе обширныя, чѣмъ тѣ 22500 кв. километровъ, которые необходимы для гарантированія жизни всего человѣчества,—послѣднее, сообразно съ этимъ, могло бы безъ какихъ-либо затрудненій достичь численности 15, 20, даже 30 милліардовъ душъ. Сколько чисто-земледѣльческихъ пространствъ имѣется уже и теперь, гдѣ населеніе, питающееся исключительно продуктами своей почвы, превосходитъ скученностью промышленные округа Западной Европы! Въ качествѣ примѣра можно привести островъ Цунъ-Минъ, гдѣ около 1200000 обитателей живутъ на 1475 кв. килом. и непрерывно взрываютъ землю, чтобы извлечь изъ нея свой хлѣбъ насущный.

Обращая вниманіе на то, что всѣ соображенія относительно численности населенія земли въ будущемъ отнюдь не должны стоять впереди таковыхъ о его качественномъ развитіи, мы все же можемъ присоединиться къ мнѣнію такого осторожнаго изслѣдователя, какъ Равенштейнъ, по которому емкость нашего земного шара опредѣляется въ 6 милліардовъ душъ населенія. Впрочемъ, всѣ подобныя вычисленія не могутъ имѣть серьезнаго значенія, такъ какъ точкой отправленія ихъ является гипотеза, что современныя условія труда не измѣняются, и что земля будетъ заселяться мало-по-малу, слѣдуя тому, какъ въ настоящее время заселяются различныя области Европы. Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе то основное соображеніе, что цивилизація отнюдь не имѣетъ еще той интенсивности, которая предписывается наукою, и что возрастаніе добычи продуктовъ земной коры облегчитъ размноженіе рода человѣческаго въ границахъ, которыя теперь совершенно нельзя предвидѣть. Кромѣ того, должно признать, что поверхность удобныхъ земель, въ настоящее время очень ограниченная, должна расшириться въ чрезвычайно сильной пропорціи, въ однѣхъ мѣстностяхъ путемъ орошенія почвы, въ другихъ — благодаря осушенію ея или искусственному смѣшенію почвъ. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, въ прежнія времена вовсе не существовало «удобныхъ земель»: всѣ онѣ были созданы человѣкомъ, творческія способности котораго не только не уменьшились, но, напротивъ, увеличились въ чрезвычайной пропорціи. Области, сдѣлавшіяся въ наши дни самыми плодородными, были нѣкогда покрыты лѣсами и болотами; постепенно, отъ вѣка до вѣка, человѣкъ завоевывалъ заступомъ и плугомъ обширнѣйшія пространства и тѣ самыя части земной поверхности, которыя не могли прокормить и одного единственнаго обитателя, жившаго охотою и рыбною ловлею, даютъ въ настоящее время пропитаніе тысячамъ жителей, даже каменистыя поля или голыя скалы, какъ, напр., на островѣ Мальтѣ, становятся плодороднѣйшими садами, въ которыхъ трудъ человѣческій скрываетъ въ формѣ растительныхъ веществъ огромный запасъ солнечной

теплоты. Каждый прогрессъ земледѣльческой науки, получающій примѣненіе на тѣхъ десяти милліонахъ гектаровъ, которыми человѣчество располагаетъ въ качествѣ воздѣланной почвы, даетъ чрезвычайное увеличеніе количества пищевыхъ веществъ, добываемыхъ человѣкомъ, и соотвѣтственно увеличиваетъ и число потребителей. Именно та часть свѣта, которая по всему своему существу лучше всего приспособлена къ произведенію растеній и, слѣдовательно, къ пропитанію людей, едва затронута еще трудомъ на всемъ безграничномъ своемъ протяженіи, и этотъ трудъ примѣняется здѣсь въ значительной степени къ произведенію продуктовъ промышленности второстепеннаго значенія для человѣка. Такъ, обширнѣйшія лѣсныя пространства въ тысячи квадратныхъ километровъ протяженіемъ обладаютъ нерѣдко лишь немногими прогалинами, на которыхъ человѣкъ занимается обработкою почвы и бросаетъ въ нее сѣмена, дающія во сто разъ бо́льшую жатву, если только дикія травы не погубятъ ихъ немедленно. Въ Колумбіи нерѣдко группы хижинъ, въ которыхъ обитаютъ туземцы-рыболовы, имѣютъ единственными своими садами корзины съ землей, подвѣшенныя къ вѣтвямъ высокихъ деревьевъ.

Распредѣленіе человѣчества

Географія—отнюдь не нѣчто неподвижное, она творится и перестраивается ежедневно, она измѣняется ежеминутно въ силу дѣятельности человѣка.

Глава вторая.

РОСКОШЬ И УЖАСЪ ГОРОДОВЪ.—ПЕРЕСЕЛЕНІЕ СЕЛЬСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ ВЪ ГОРОДА.—РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ГОРОДОВЪ.—СѢТЬ ПРОМЕЖУТОЧНЫХЪ ЭТАПОВЪ.—НОРМАЛЬНЫЙ И НЕНОРМАЛЬНЫЙ РОСТЪ.—ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ГОРОДОВЪ.—ГОРОДА ПОЛИТИЧЕСКІЕ, ВОЕННЫЕ, ПРОМЫШЛЕННЫЕ.—ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.—ГИГІЕНА И ИСКУССТВО.—ГОРОДА-САДЫ.

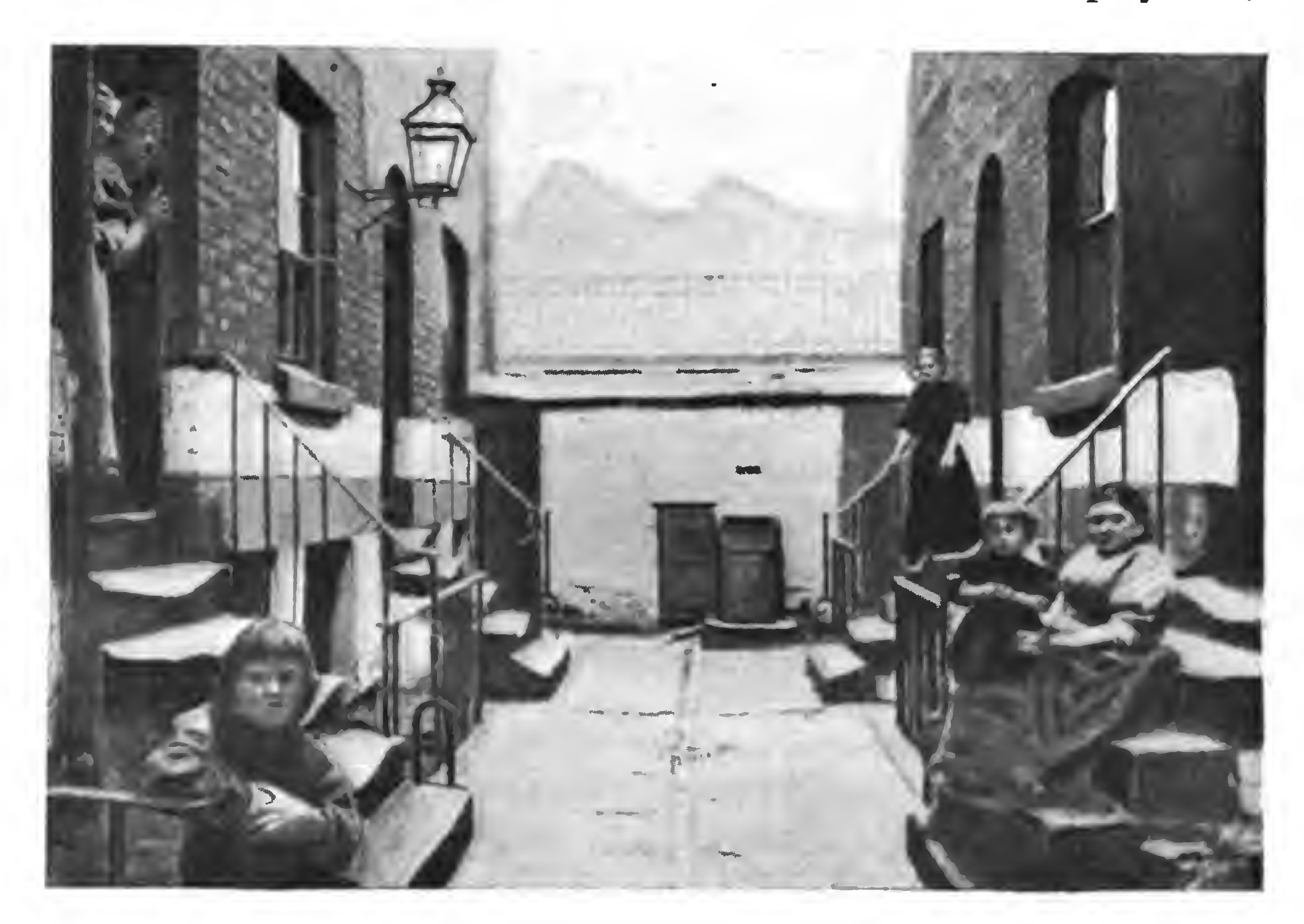
Кромѣ силы естественнаго притяженія, оказываемаго землею, стремящеюся распредѣлить людей равномѣрно по всей своей поверхности, существуетъ въ современномъ мірѣ совершенно ей, повидимому, противоположная сила, которая соединяетъ сотни тысячъ и даже милліоны людей въ нѣкоторыхъ узко-ограниченныхъ пунктахъ, вокругъ какого-нибудь рынка, дворца, народной площади или парламента. Города, быв-

щіе уже значительными въ самомъ началѣ эры желѣзныхъ дорогъ, сдѣлались теперь городами колоссальными, невѣроятными скопленіями вытянутыхъ въ линіи домовъ съ безконечною сѣтью улицъ и переулковъ, бульваровъ и площадей, надъ которыми днемъ стоитъ сѣроватое облако дыма, тогда какъ ночью яркимъ свѣтовымъ столбомъ освѣщается небо. Вавилонъ и Ниневія древности вызывали изумленіе всѣхъ народовъ, но еще несравненно обширнѣе, сложнѣе и кипучѣе являются современные Вавилоны, изобилующіе и людскимъ населеніемъ и чудовищными машинами. Подобно городамъ древности, одни проклинаютъ ихъ, другіе превозносятъ до небесъ. Руссо, оплакивая порчу сельскихъ жителей, гибнущихъ въ большихъ городахъ, называетъ послѣдніе «ямами для ловли рода человѣческаго», тогда какъ Гердеръ видѣлъ въ нихъ «укрѣпленные лагери цивилизаціи», Рёскинъ же [1]) судитъ о нихъ слѣдующимъ образомъ, нападая въ особенности на тотъ городъ, который въ наши дни является самымъ большимъ и отнюдь не самымъ сквернымъ изо всѣхъ, именно на столицу великой британской имперіи: «Дѣлать деньги—вотъ въ чемъ великая задача англичанъ. Взгляните на ихъ колоссальный грязный Лондонъ, шумный, грохочущій, дымный, вонючій,—это отвратительное скопленіе раскаленныхъ кирпичей, извергающихъ ядъ изъ каждой своей поры. Вы думаете, что это городъ труда? Отнюдь нѣтъ, таковою не является ни одна его улица. Это величайшій городъ игры, игры очень скверной, игры очень трудной, но все же не болѣе какъ игры... Это колоссальный бильярдъ безъ зеленой покрышки, но съ такими глубокими лузами, какъ бездонныя пропасти,—онъ не болѣе какъ бильярдъ»! Правда, всѣ эти причитанія людей, проклинающихъ города, справедливы, но также справедливы и прославленія ихъ другими людьми. Сколько живыхъ силъ угашается въ этихъ городахъ съ нездоровымъ воздухомъ, со смертоносными міазмами, съ непрерывною борьбою, угашается либо изъ-за отсутствія примѣненія силъ, либо изъ-за взаимнаго уничтоженія ненавистью. Но въ то же время не эти ли объединяющіе людей города порождаютъ новыя великія идеи и являются источниками новыхъ начинаній, изъ коихъ выросли перевороты, освободившіе человѣчество отъ его старческихъ язвъ? «Еще имѣется на свѣтѣ гигантскій бродильный чанъ,—это Парижъ», заявляетъ Барбье, а Гюго, съ своей стороны, возвеличиваетъ тотъ же Парижъ въ стихахъ, полныхъ энтузіазма: «Парижъ—мать-кормилица, къ которой стекаются, чтобы питаться отъ нея идеями, цѣлыя поколѣнія».

Многоразличная дѣятельность городовъ, направленная и ко злу и къ добру, находитъ свое отраженіе въ страстяхъ и въ непреклонной волѣ людей, бѣгущихъ изъ селъ и небольшихъ деревень въ чаяніи

1) Ruskin, «The Crown of the wild Olive», pp. 31, 32. Edit. de 1897.

найти жизнь болѣе широкую, но нерѣдко чахнущихъ и гибнущихъ въ большомъ городѣ. Не говоря уже о людяхъ, упорно ищущихъ новаго и въ силу этого направляющихся по доброй волѣ въ тотъ или другой изъ современныхъ Вавилоновъ, сюда причисляются тѣ—и имя имъ легіонъ,— кто привлекается къ крупнымъ населеннымъ центрамъ подобно песчинкамъ, несомымъ морскими волнами и отлагаемымъ на берегу. Сюда



Уголокъ Ливерпуля.
Одно отхожее мѣсто, одинъ водопроводный кранъ и одинъ бакъ для помоевъ на дюжину домовъ.

стекаются крестьяне, лишенные своего клочка земли изъ-за покупки его какимъ-нибудь крупнымъ собственникомъ или изъ-за мимолетнаго каприза помѣщика, который вздумалъ превратить свои поля въ пастбища или въ мѣсто для охоты; сюда идутъ деревенскіе жители, поступающіе въ услуженіе къ горожанамъ, которые ихъ къ тому приглашаютъ, кормилицы, кормящія дѣтей вмѣсто ихъ матерей, рабочіе, солдаты, чиновники и служащіе, получающіе квартиру въ городѣ, и, вообще говоря, всѣ, кто принужденъ подчиняться господамъ или скорѣе всего господину наиболѣе властному — экономической необходимости. Волей-неволей они увеличиваютъ своею персоною городское населеніе.

Весьма любезно землевладѣльцы-моралисты совѣтуютъ деревенскимъ жителямъ оставаться прикрѣпленными къ землѣ; но въ то же время они же сами своими дѣйствіями отрываютъ крестьянина отъ почвы и создаютъ

для него столь невозможныя условія существованія, что онъ принужденъ бѣжать въ городъ. Кто, спрашивается, уничтожилъ общинныя владѣнія, кто уменьшилъ, а затѣмъ и совершенно прекратилъ ихъ права пользованія естественными угодьями, кто вырубилъ лѣса и заросли, лишивъ крестьянъ, такимъ образомъ, необходимаго топлива? Кто обнесъ стѣнами свои владѣнія, чтобы отмѣтить образованіе земельной аристократіи? Затѣмъ, когда создались крупныя промышленныя предпріятія, то не землевладѣльцы ли собственники прекратили обращаться къ мелкимъ кустарнымъ производителямъ деревни, жившимъ тамъ своимъ ремесломъ? Когда у крестьянина не стало болѣе общинныхъ земель, когда прекратился сбытъ его мелкихъ промышленныхъ издѣлій, и доходы его сократились, одновременно съ возрастаніемъ потребностей, удивительно ли, что бѣгство въ городъ стало для него неизбѣжной необходимостью? Такъ какъ крупные землевладѣльцы перестали пользоваться постоянно большимъ количествомъ рабочихъ рукъ при работахъ на своихъ поляхъ, то живущіе земледѣльческимъ трудомъ принуждены были бѣжать изъ деревни, осужденные иначе на безработицу. Когда теперь земледѣльцу надо много рабочихъ рукъ для жатвы или для сбора винограда, онъ не обращается болѣе къ своимъ прежнимъ кліентамъ, а обращается къ той «бродячей арміи» ирландцевъ, фламандцевъ, «гавашей», къ этимъ безвѣстнымъ рабочимъ, которые появляются невѣдомо откуда, самое мѣсто рожденія которыхъ, языкъ и нравы никому не извѣстны,—они исчезаютъ такъ же, какъ и появляются, не оставляя никакихъ слѣдовъ.

Такимъ образомъ, огромное число людей привлекается въ водоворотъ большихъ городовъ, повинуясь при этомъ закону болѣе могущественному, чѣмъ ихъ собственная воля: личный капризъ каждаго играетъ лишь чрезвычайно второстепенную роль въ той силѣ, которая его притягиваетъ. Что касается той относительно небольшой части людей, бѣгущихъ изъ деревни, которые направляются по своей волѣ въ города, то они разлагаются на элементы очень неодинаковаго значенія, такъ какъ каждый изъ такихъ бѣглецовъ ищетъ въ городѣ того, что доставляетъ ему удовольствіе, выгоду или болѣе глубокое удовлетвореніе его личной жизни; эти же идеалы оказываются чрезвычайно различными у разныхъ лицъ. Немало есть такихъ людей, выселеніе которыхъ съ ихъ родины положительно необъяснимо. Такъ, невольно поражаешься изумленіемъ, встрѣчая, напримѣръ, гдѣ-нибудь въ горахъ Юры, въ Пиренеяхъ или въ Севеннахъ живописно расположенный домикъ, который брошенъ его владѣльцемъ и превращается въ развалины. Его окружаетъ, казалось бы, все, что должно бы заставлять любить это жилище. Рядомъ съ нимъ развѣсистое дерево, помнящее отдаленныхъ предковъ, привѣтливо манитъ подъ свою сѣнь; ручеекъ хрустальной чистой воды бѣжитъ по зеленому лугу; все, что обнимаетъ взоръ съ порога жилища—тѣнистый

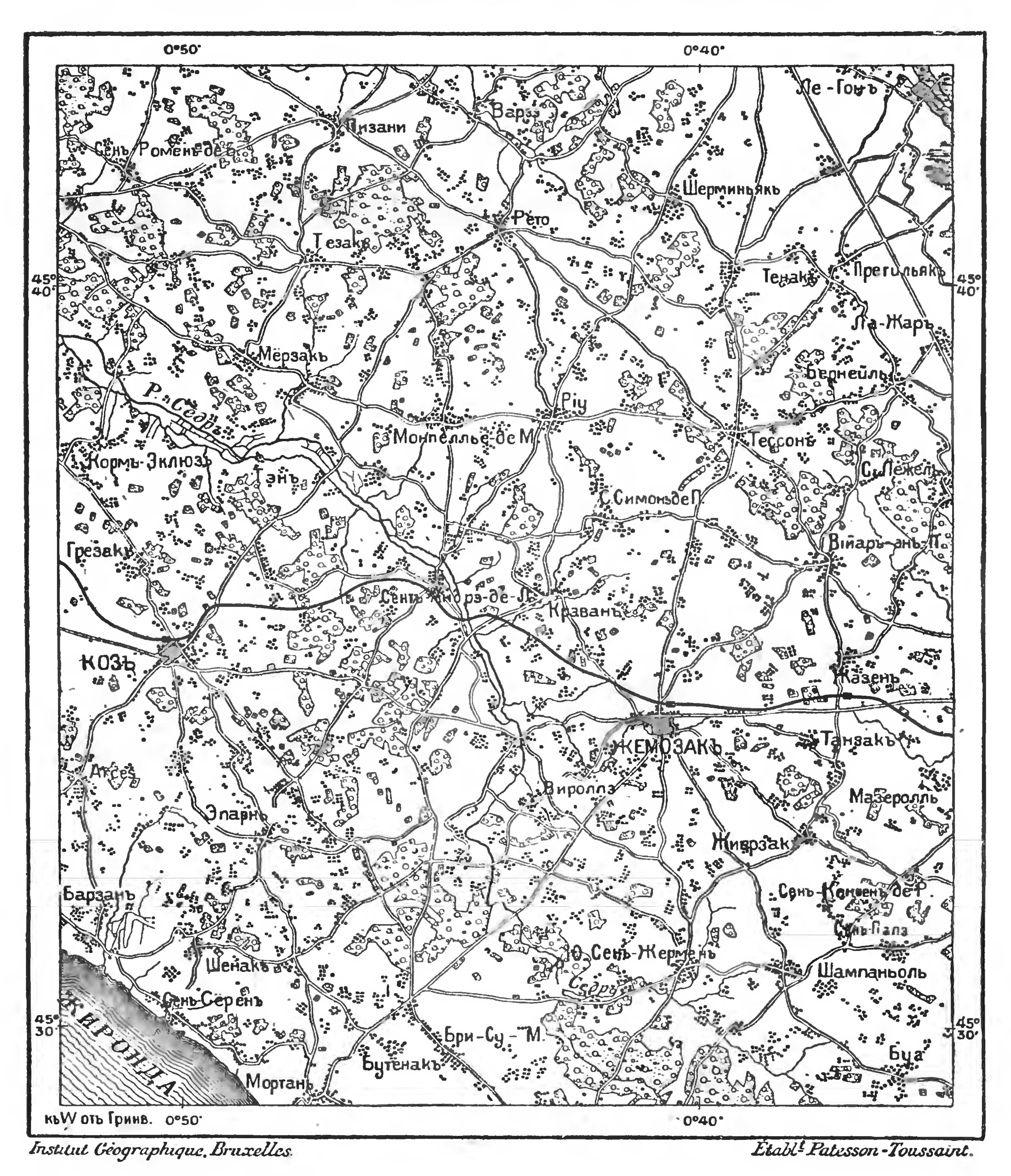
садъ, луга, поля и рощи, принадлежало или и теперь еще принадлежитъ семьѣ владѣльца; но она состоитъ всего лишь изъ двухъ стариковъ, напрягающихъ всѣ свои слабыя силы, чтобы поддержать хозяйство. Все, однако, гибнетъ, болота постепенно покрываютъ лугъ, сорныя травы разрастаются по аллеямъ сада, жатвы уменьшаются съ года на годъ, и на хозяйственныхъ пристройкахъ проваливаются крыши. Когда умрутъ старики, развалится и домъ! Спрашивается, развѣ нѣтъ у нихъ семьи, дѣтей, внуковъ или хотя бы племянниковъ, которые могли бы продолжать дѣло своихъ предковъ, вести его такъ, какъ они его вели? Оказывается, у нихъ есть сынъ, но онъ относится съ презрѣніемъ къ землѣ: онъ служитъ жандармомъ въ какомъ-нибудь изъ дальнихъ городовъ и находитъ гораздо большее удовольствіе въ томъ, чтобы подбирать на улицѣ пьяныхъ и составлять протоколы. Когда умрутъ его родители, онъ не будетъ знать, что дѣлать съ родными полями: они зарастутъ травою, и какой-нибудь крупный помѣщикъ купитъ ихъ впослѣдствіи или скорѣе получитъ почти даромъ, чтобы закруглить свои владѣнія, предназначенныя для охоты.

Если бы въ этомъ одномъ заключались единственныя причины сильнаго роста большихъ городовъ, то послѣдніе явились бы настоящими язвами общественной жизни, и мы имѣли бы полное право предавать ихъ проклятію, какъ то дѣлали пророки Израиля, проклинавшіе древній Вавилонъ. Въ такомъ случаѣ должно бы признать за настоящія чудовища эти города, возрастающіе со дня на день и съ часу на часъ и запускающіе свои длинныя щупальца въ самыя отдаленныя деревни, ихъ можно было бы назвать гигантскими вампирами, высасывающими человѣческую жизнь. Каждое такое явленіе, однако, весьма сложно. Если худшіе элементы, испорченные и павшіе люди, сгораютъ или сгниваютъ быстрѣе въ городской атмосферѣ наслажденій и пороковъ, то, съ другой стороны, тѣ, кто жаждетъ науки и ищетъ научиться мыслить, желаетъ сдѣлаться лучше, превратиться въ писателя, въ художника или даже въ провозвѣстника какой-нибудь истины,—всѣ эти люди устремляются въ музеи, школы, въ библіотеки городовъ и почерпаютъ новые идеалы въ соприкосновеніи съ другими людьми, также охваченными высокими стремленіями,—всѣ такіе пришельцы заселяютъ также города и не ихъ ли трудами, главнымъ образомъ, продолжаетъ двигаться колесница человѣческой цивилизаціи? Когда города увеличиваются, человѣчество прогрессируетъ, когда они уменьшаются, соціальному организму угрожаютъ регрессъ и впаденіе въ варварство.

Если не давать себѣ труда вдумываться, то можно, пожалуй, вообразить, что города распредѣлены совершенно случайнымъ образомъ,

и на самомъ дѣлѣ цѣлый рядъ разсказовъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что основатели городовъ предоставляли случаю выборъ мѣстности, гдѣ будутъ возведены ихъ домашніе очаги, и будутъ возвышаться защи-

№ 483. Нормально отстоящіе одинъ отъ другого осѣдлые пункты.



Institut Géographique, Bruxelles. *Établ.t Patesson-Toussaint.*

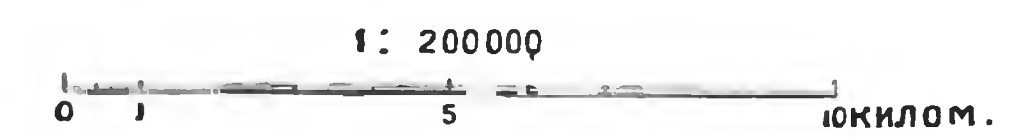
1: 200000

0 1 5 10 килом.

щающія городъ стѣны; полетъ какой-нибудь птицы, остановка въ бѣгѣ оленя, кораблекрушеніе, претерпѣнное мореходами, обусловливаютъ по разсказамъ нерѣдко постройку города. Столица Исландіи Рейкьявикъ

возникла, такимъ образомъ, волею боговъ. Въ 874 г. бѣжавшій изъ своего отечества Ингольфъ въ виду Исландіи бросилъ въ море деревянное изображеніе божества домашняго очага и тщетно пытался слѣ-

№ 484. Ненормально отстоящіе одинъ отъ другого осѣдлые пункты.



довать за нимъ,—оно исчезло изъ вида, и ему пришлось основать на берегу временный лагерь, и лишь позднѣе, три года спустя, онъ нашелъ въ другомъ мѣстѣ выброшеннаго на берегъ деревяннаго идола и перенесъ туда городъ, который оказался расположеннымъ столь выгодно,

насколько вообще могъ быть удобно расположенъ городъ въ этой ужасной «странѣ льда».

Если бы земля была совершенно однородна по своему рельефу, по качеству почвы и по условіямъ климата, то города распредѣлялись бы на ней, такъ сказать, геометрически правильно: взаимное притяженіе, инстинктъ общественности, легкость взаимнаго обмѣна вызвали бы ихъ возникновеніе на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Въ томъ случаѣ, когда область была бы совершенно плоска, и не имѣлось бы естественныхъ препятствій, когда не существовало бы рѣкъ, особенно благопріятно расположенныхъ гаваней, и не было бы раздѣленія на отдѣльныя политическія единицы,—при такихъ условіяхъ главный городъ возникъ бы непосредственно въ центрѣ страны; города второстепеннаго значенія распредѣлились бы вокругъ него на равныхъ между собою разстояніяхъ, и каждый изъ нихъ являлся бы центромъ своей собственной планетной системы изъ болѣе мелкихъ населенныхъ пунктовъ, сопровождаемыхъ роемъ деревень. Нормальное разстояніе въ одинъ день пути должно было бы установиться на такой плоской равнинѣ между отдѣльными городами: число «льё» проходимыхъ обыкновеннымъ пѣшеходомъ съ разсвѣта до сумерекъ—12—15, соотвѣтственно числу часовъ въ теченіе дня, составляетъ естественное разстояніе отъ одного города къ другому. Однако, прирученіе домашнихъ животныхъ, затѣмъ изобрѣтеніе экипажей и, наконецъ, примѣненіе къ передвиженію машинъ, постепенно или даже внезапно, видоизмѣнило эти первоначальныя разстоянія: сперва время хода вьючной лошади, затѣмъ время пробѣга экипажа стало опредѣлять нормальное разстояніе между крупными скопленіями осѣдлаго населенія. Что касается деревень, то среднее между ними разстояніе имѣетъ въ основѣ длину пути, которую можетъ сдѣлать земледѣлецъ съ телѣгой, нагруженной сѣномъ или снопами. Присутствіе воды для скота, удобства перевозки плодовъ земныхъ, вотъ что регулируетъ расположеніе хижинъ съ ихъ скотными дворами и амбарами.

Во многихъ странахъ, населенныхъ съ давняго времени и сохранившихъ еще въ распредѣленіи населенныхъ пунктовъ первобытныя разстоянія, можно подмѣтить въ кажущемся хаосѣ расположенія городовъ все же извѣстный порядокъ, который очевиднымъ образомъ регулировался нѣкогда шагами пѣшеходовъ. Въ Китаѣ, въ Россіи, гдѣ желѣзныя дороги созданы лишь недавно, даже во Франціи, можно констатировать поразительную правильность, съ которою располагались городскія населенія до того времени, какъ развитіе горной и другой промышленности нарушило естественное равновѣсіе [1]). Такимъ образомъ, напр., главный городъ Франціи, Парижъ, оказывается окруженнымъ по окраинамъ и

---

1) Gobert, «Le Gerotype».

вдоль побережій страны рядомъ крупныхъ городовъ, которые по своему значенію занимаютъ второе послѣ него мѣсто,—таковы Бордо, Нантъ,

№ 485. Города Европы съ населеніемъ не менѣе 100000 жителей.

Поверхности круговъ пропорціональны населенію городовъ, причемъ приблизительно 150 тысячъ жителей приходится на одинъ квадратный миллиметръ поверхности круга. На эту карту нанесены лишь пункты, имѣющіе населеніе не менѣе какъ въ сто тысячъ жителей, причемъ по возможности нанесены и ихъ предмѣстья. Впрочемъ, нѣкоторые города пришлось слить по нѣскольку въ одинъ общій кругъ. Вотъ эти группы: Саутъ-Шильдсъ, Гэтсгедъ, Сендерлэндъ и Ньюкэстль.—Престонъ, Блэкбернъ и Бернли.—Галифаксъ, Брэдфордъ и Лидсъ.—Биркенгедъ, Ольдгэмъ, Манчестеръ и Ливерпуль.—Дерби, Ноттингэмъ и Шеффильдъ.—Вульвергэмптонъ, Сальфордъ и Бирмингамъ.—Саутгэмптонъ, Брайтонъ и Портсмутъ вмѣстѣ съ Лондономъ.—Гаага и Роттердамъ.—Гентъ, Антверпенъ и Брюссель.—Рубэ и Лилль.—Альтона и Гамбургъ.—Шенебергъ, Риксдорфъ, Шарлоттенбургъ и Берлинъ. —Бохумъ, Гельзенкирхенъ, Барменъ, Эльберфельдъ, Дортмундъ, Дуйсбургъ, Эссенъ и Дюссельдорфъ.

Руанъ, Лилль, Нанси, Ліонъ. Старинный финикійскій, затѣмъ греческій городъ Марсель принадлежитъ по своему происхожденію другой фазѣ

исторіи, чѣмъ города, бывшіе галльскими и потомъ сдѣлавшіеся французскими; однако, и его положеніе стоитъ въ полной гармоніи съ расположеніемъ ихъ, такъ какъ Марсель находится на концѣ того идущаго къ Средиземному морю луча, который по длинѣ своей равняется двойному разстоянію между Парижемъ и крупнѣйшими городами-планетами его планетной системы. Между столицею и городами второго порядка возникли также въ равныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ города меньшаго значенія, но все же довольно большіе—они раздѣлены двумя днями пути, т.-е. 25—30 «лье»: таковы Орлеанъ, Туръ, Пуатье, Ангулемъ. Наконецъ, на половинѣ пути между каждымъ изъ этихъ двухъ центровъ третьяго порядка сформировались города еще болѣе скромные, отмѣчающіе середину дневного пути—Этампъ, Амбуазъ, Шательро, Рюффекъ, Либурнъ. Такимъ образомъ, путешественникъ, пересѣкающій Францію, находилъ поочередно сперва городъ, въ которомъ можно было немного отдохнуть, и затѣмъ городъ, въ которомъ можно было уже вполнѣ подкрѣпиться: первый удовлетворялъ потребности пѣшехода, второй всадника. Почти на всѣхъ дорогахъ это правильное чередованіе городовъ повторялось одинаковымъ образомъ, являясь вполнѣ естественнымъ, такъ какъ оно регулировалось шагами людей и ходомъ лошадей и экипажей.

Неправильности въ распредѣленіи этихъ этаповъ объясняются всѣ различными чертами рельефа, направленіемъ рѣкъ, тысячами контрастовъ географическаго характера. Природа земли прежде всего является началомъ, опредѣляющимъ выборъ людьми мѣста для возведенія жилищъ. Населенный пунктъ можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ родится хлѣбъ; основывающіе его избѣгаютъ безплодныхъ песчаныхъ пространствъ, каменистыхъ мѣстностей, твердой глинистой почвы, трудной для вспахиванія, и онъ выростаетъ какъ бы самъ собою, по сосѣдству съ землями рыхлыми, легкими для обработки, причемъ опять-таки удаляется отъ областей низменныхъ и сырыхъ, хотя бы они были чрезвычайно плодородными: исторія земледѣлія показываетъ не мало примѣровъ тому, что такія рыхлыя наносныя почвы все же заставляли человѣка избѣгать ихъ вслѣдствіе крайней своей вредоносности для здоровья; онѣ были обработаны лишь общими трудами всѣхъ въ очень поздніе періоды жизни человѣчества.

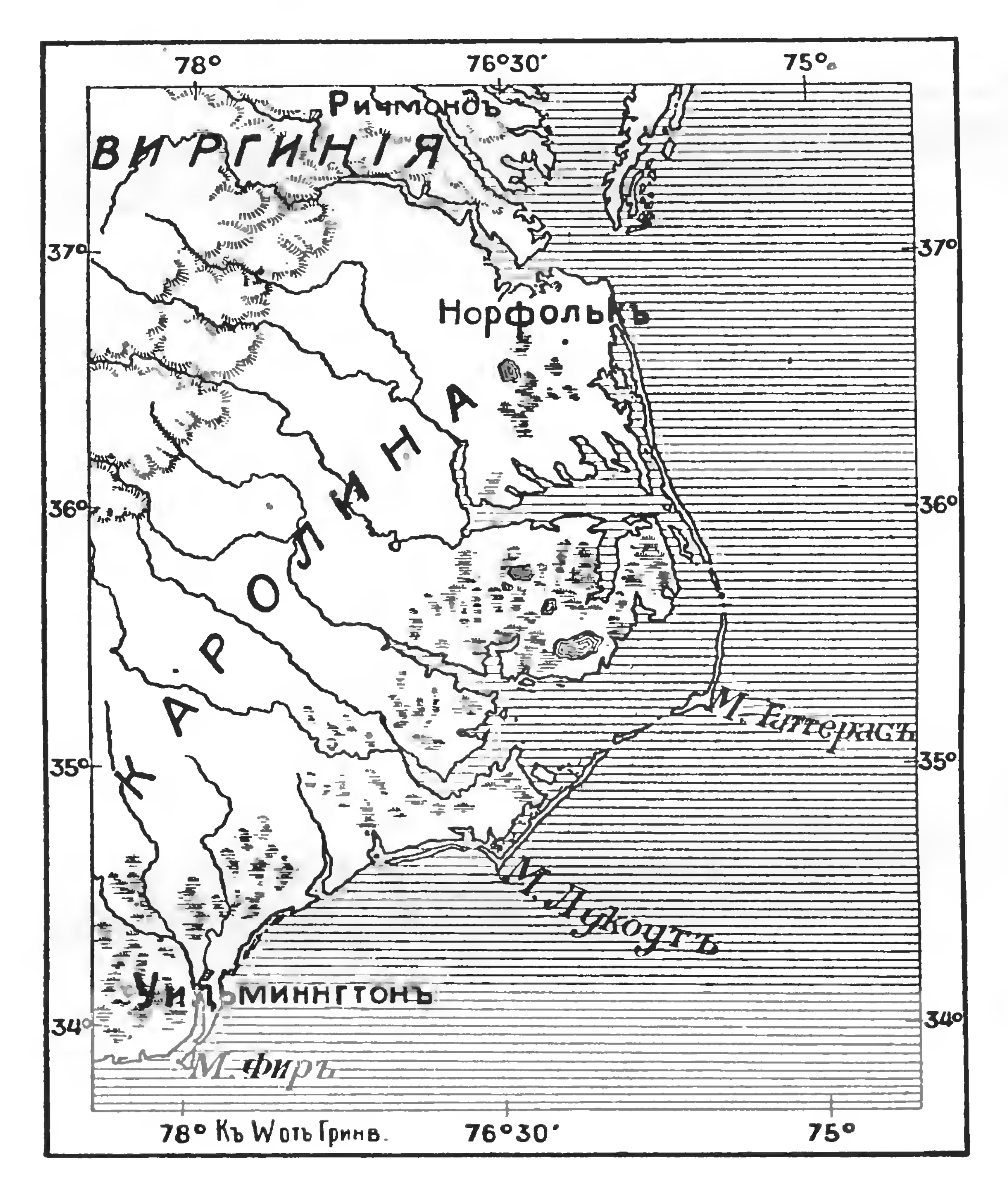
Земли, слишкомъ неодинаковыя по своей природѣ, равно какъ и земли, слишкомъ безплодныя, не привлекаютъ къ себѣ населенія и препятствуютъ или задерживаютъ даже основаніе городовъ. Ледники, снѣга, холодные вѣтры, такъ сказать, изгоняютъ населеніе изъ суровыхъ горныхъ долинъ: естественнымъ стремленіемъ городовъ является основаніе ихъ непосредственно за границами областей, неблагопріятныхъ по своей природѣ, на первомъ же пунктѣ, который только ока-

жется удобнымъ у самаго выхода изъ долины. Каждый потокъ, каждая рѣка, въ свою очередь, обладаетъ прибрежнымъ городомъ въ болѣе низкой части своего теченiя, гдѣ ея русло внезапно расширяется, развѣтвляется на множество рукавовъ, бѣгущихъ среди каменистаго ложа. Слiянiе двухъ, трехъ или четырехъ рѣчныхъ долинъ даетъ начало уже болѣе крупному осѣдлому пункту, который тѣмъ болѣе значителенъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ обильнѣе воды, сливающiяся между собою. Можетъ ли быть, напримѣръ, положенiе города болѣе естественнымъ образомъ намѣченное, чѣмъ, напримѣръ, положенiе Сарагоссы на серединѣ теченiя Эбро, [при слiянiи двухъ долинъ, въ которыхъ текутъ Галайо и Хуэрва. Точно также Тулуза, столица юга Францiи, занимаетъ мѣсто, которое уже ребенокъ могъ бы указать на картѣ, какъ мѣсто встрѣчи народовъ,—тамъ начинается рѣчное судоходство выше слiянiя верховьевъ Гаронны съ рѣками Арьежъ и Лэръ. Базель и Женева также расположились на обоихъ западныхъ углахъ Швейцарiи, на тѣхъ великихъ миграцiонныхъ путяхъ, которыми слѣдовали различные переселяющiеся народы, а на южномъ склонѣ Альповъ всѣ долины безъ исключенiя у своего выхода снабжены городомъ, сторожащимъ этотъ выходъ; такiе огромные города, какъ Миланъ, отмѣчаютъ собою эти точки схожденiя долинъ, а верхняя часть долины рѣки По, образующая три четверти огромнаго круга, имѣетъ своимъ естественнымъ центромъ городъ Туринъ.

Въ нижнемъ теченiи рѣки возникновенiе городовъ обусловливается аналогичными условiями внѣшней среды: при слiянiи двухъ рѣкъ или въ мѣстѣ расхожденiя трехъ-четырехъ судоходныхъ путей или сухопутныхъ естественныхъ путей сообщенiя возникаетъ городъ. Въ другихъ мѣстахъ образуются осѣдлые пункты тамъ, гдѣ неизбѣжно является остановка путешественниковъ: у быстринъ, водопадовъ, скалистыхъ ущелiй, гдѣ приходится останавливаться баржамъ или даже перегружать товары; узкiя мѣста рѣкъ, гдѣ совершается переходъ съ берега на берегъ, являются также мѣстностями, предназначенными самою природою для возникновенiя деревни или даже города, въ особенности если и другiя преимущества добавляются къ тѣмъ, которыя обусловлены суженiемъ рѣки. Иногда сильно выраженный загибъ рѣки, приближающiй ея долину къ другому центру дѣятельности населенiя, расположенному въ бассейнѣ другой рѣки, можетъ также привлекать къ себѣ большое число жителей, такъ, напримѣръ, Орлеанъ долженъ былъ возникнуть на берегу Луары, которая течетъ здѣсь къ сѣверу по направленiю къ Парижу, точно также Царицынъ возникъ въ той части Волги, которая приближается къ Дону. Наконецъ, на каждой рѣкѣ особо важнымъ жизненнымъ пунктомъ является мѣстность, сосѣдняя съ ея устьемъ, гдѣ приливъ останавливаетъ и задерживаетъ поверхностное

теченіе, и гдѣ суда, спустившіяся по рѣкѣ, встрѣчаются естественнымъ образомъ съ морскими судами, пересѣкшими обширныя морскія пространства. По составу гидрографическихъ условій это мѣсто встрѣчи рѣки съ моремъ можетъ быть сравнено съ основаніемъ дерева, гдѣ стволъ его отходитъ отъ глубоко вдающихся корней,—таково нормальное положеніе многихъ крупныхъ портовъ Западной Европы, находящихся у береговъ открытаго моря—таково положеніе Гамбурга и Лондона, Антверпена и Бордо.

№ 486. Пустынное побережье Каролины.



Вырѣзы побережья оказываютъ также вліяніе на распредѣленіе городовъ. Нѣкоторые песчаные берега, лишь слабо выгнутые, совершенно недоступны для кораблей за исключеніемъ развѣ рѣдкихъ дней полнаго штиля,—ихъ по возможности избѣгаютъ обитатели внутренней части континента, равно какъ избѣгаетъ и морякъ, пускающійся по океану. Такимъ образомъ, напримѣръ, берегъ въ 220 километровъ длины, простирающійся по прямой линіи отъ устья Жиронды до устья Адура, имѣетъ всего лишь одинъ единственный городъ—маленькій Аркашонъ, являющійся купальнымъ и дачнымъ мѣстомъ, расположеннымъ вдали отъ берега, за стѣною, образованною дюнами мыса Ферре. Точно также цѣпи песчаныхъ отмелей и косъ, которыя окружаютъ Каролину на атлантическомъ побережьѣ, позволяютъ между Норфолькомъ и Уильмингтономъ развиться лишь ряду мелкихъ бѣдныхъ деревушекъ, которыя поддерживаютъ съ большими затрудненіями полную опасности торговлю

между этими пунктами. Въ другихъ прибрежныхъ странахъ острова и островки, подводныя скалы и мысы, равно какъ полуострова, образо-

№ 487. Побережье съ многочисленными гаванями.

ванные тысячами врѣзанныхъ въ берегъ заливовъ, препятствуютъ точно также появленію городовъ, несмотря на всѣ преимущества, какими

обладаютъ глубокія и хорошо защищенныя воды. Чрезмѣрная суровость природныхъ условій не позволяетъ большому числу людей располагаться здѣсь съ удобствами. Наиболѣе благопріятныя мѣста на берегу это тѣ, гдѣ берегъ при умѣренномъ климатѣ хорошо доступенъ, какъ извнѣ, такъ и изнутри, для всевозможныхъ способовъ передвиженія— доступенъ и для судовъ и для повозокъ.

Въ качествѣ полнаго контраста прямолинейному берегу Ландовъ, почти лишенному городовъ и деревень, можно привести побережье Средиземнаго моря въ области Лангедока между дельтою Роны и устьемъ Оды. Въ э̆той области сильно населенные центры столь сильно приближаются одинъ къ другому, какъ этого нигдѣ не наблюдается въ остальной части Франціи, несмотря на то, что густота населенія на квадратный километръ не превосходитъ нормальнаго распредѣленія на территоріи. Причины появленія такого ожерелья изъ городовъ должно искать въ географическомъ строеніи данной области. Путь, которымъ слѣдовали жители Италіи, когда они направлялись въ Испанію или въ Аквитанію, стремился избѣжать равнымъ образомъ какъ крутыхъ горъ внутренней части страны, такъ и болотъ, соленыхъ озеръ, рѣчныхъ устьевъ побережья. Высокая, крутая, очень слабо населенная и чрезвычайно негостепріимная часть страны, которая ограничиваетъ съ юга цѣпь Севеннскихъ горъ, начинается по сосѣдству съ самимъ моремъ, и вслѣдствіе того все движеніе исторіи оказывалось отброшеннымъ на этотъ путь средиземноморского побережья. Съ другой стороны, торговля должна была искать мѣстностей легко доступныхъ, либо у устьевъ рѣкъ, напримѣръ, Оды или Эро, либо въ бухтахъ, защищенныхъ искусственнымъ образомъ выстроенными молами. Именно въ силу такихъ требованій основалась Нарбонна, которая въ извѣстный періодъ, когда она была самымъ населеннымъ городомъ Галліи, пользовалась міровымъ могуществомъ; также основался городъ Безье, процвѣтавшій во время финикіянъ и являющійся еще и теперь однимъ изъ крупныхъ земледѣльческихъ рынковъ Франціи; сюда же должно отнести Агдъ, греческій городъ, значеніе котораго перешло къ Сетту, другому городу греческаго происхожденія; Монпелье, интеллектуальная столица южной Франціи, въ которой сарацины и евреи явились первовѣстниками эпохи Возрожденія. Далѣе лежитъ еще рядъ городовъ, и черезъ старинный Нимъ, расположенный у древняго акведука, мы переходимъ въ долину Роны, гдѣ лежатъ города Авиньонъ, Бокэръ и Арль.

Всѣ природныя условія,—почвенныя, географическія, климатическія,—оказываютъ хорошее или дурное вліяніе на развитіе городовъ. Каждое преимущество увеличиваетъ ихъ притягательную силу, всякій недостатокъ ее уменьшаетъ. Величина городскихъ поселеній точно измѣряется суммой ихъ естественныхъ преимуществъ, принимая, конечно,

что историческія условія, среди коихъ шло ихъ развитіе, совершенно одинаковы. Такъ, два города, находящіеся одинъ въ Африкѣ, другой въ Европѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будутъ, однако, отличаться другъ отъ друга, такъ какъ ходъ исторіи въ мѣстностяхъ, ихъ окружающихъ, былъ различный; но, тѣмъ не менѣе, будетъ наблюдаться и нѣкоторый параллелизмъ въ судьбахъ этихъ двухъ городовъ. Аналогично

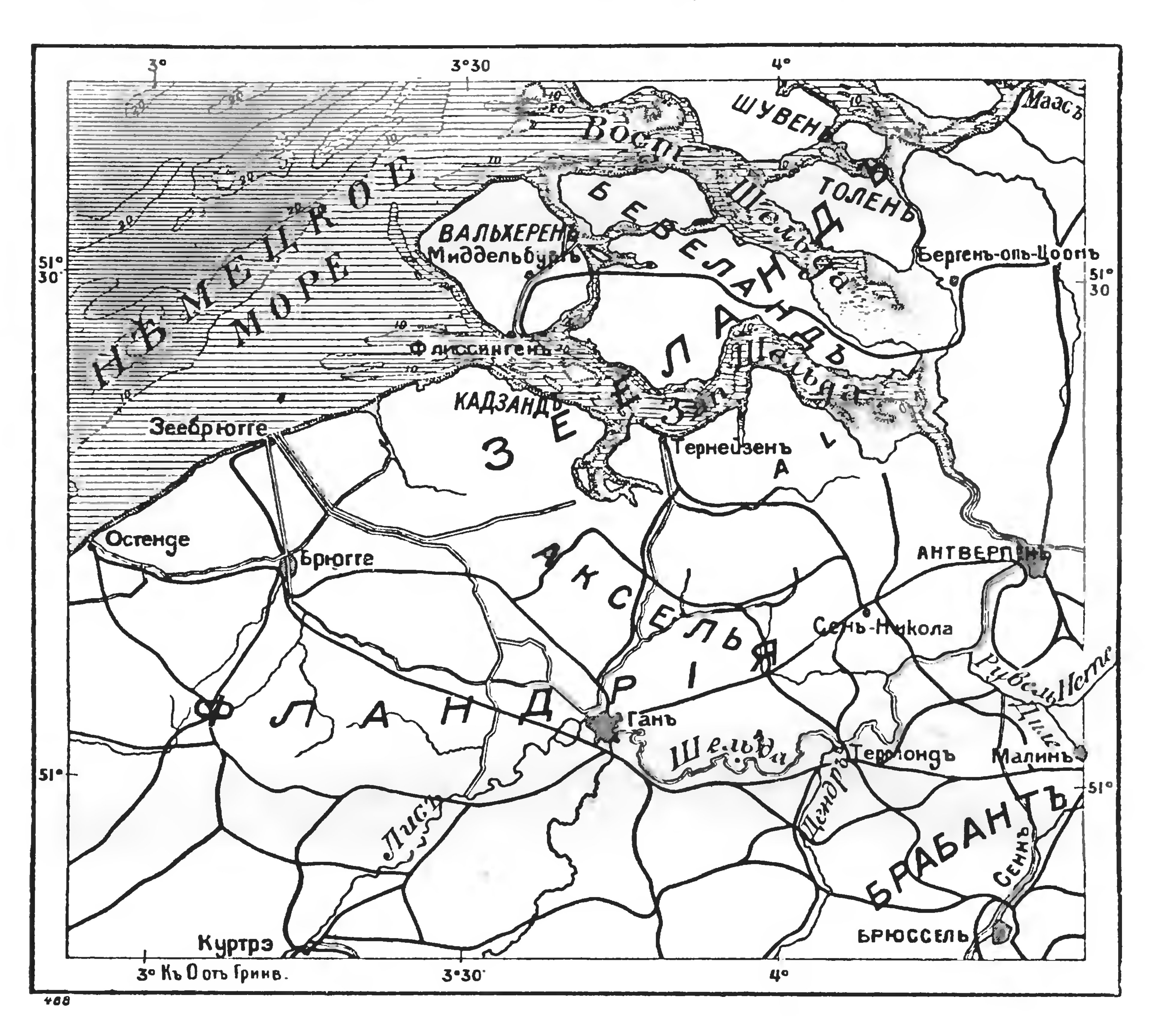
Марсель и его портъ; видъ съ Notre-Dame de la Garde.

явленіямъ, наблюдаемымъ въ небесномъ пространствѣ, два городскихъ центра, находящихся на близкомъ разстояніи, неминуемо будутъ взаимно вліять другъ на друга; при этомъ либо оба они будутъ процвѣтать, если ихъ интересы и преимущества взаимно дополняютъ другъ друга, какъ, напримѣръ, торговый центръ Ливерпуль и мануфактурный—Манчестеръ, либо оба будутъ взаимно подрывать значеніе сосѣда, если ихъ интересы одного порядка: такимъ-то образомъ, расположенный близъ Бордо на Гароннѣ городъ Либурнъ, лежащій по другую сторону «Entre-deux-Mers» на рѣкѣ Дордони, могъ бы имѣть почти такое же значеніе для торговли, какъ и Бордо; однако, сосѣдство послѣдняго повредило первому; Либурнъ совершенно забитъ своимъ соперникомъ и въ настоящее время утратилъ почти всякое значеніе для морской торговли, играя лишь роль сухопутнаго этапнаго пункта.

Слѣдуетъ отмѣтить тотъ замѣчательный фактъ, что вліяніе геогра-

фическихъ условій можетъ, подобно тепловой и электрической энергіи, сказываться на разстояніи, можетъ оказать воздѣйствіе вдали отъ своего очага и вызвать къ жизни городъ въ мѣстности, которая по раз-

№ 488. Портъ въ устьѣ рѣки: Антверпенъ и Шельда.



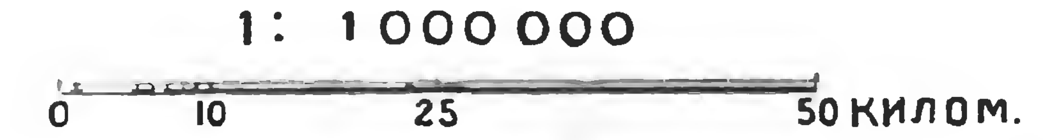
Навигація на Шельдѣ чрезвычайно затруднительна вслѣдствіе песчаныхъ банокъ, крутыхъ поворотовъ фарватера, прибрежныхъ теченій и частыхъ тумановъ. Несмотря на это, портъ Антверпена чрезвычайно удобенъ. Портъ Зеебрюгге недавно открытый для торговли и соединенный морскимъ каналомъ съ Брюгге, долженъ оказать большія услуги бельгійской торговлѣ, не нанося вреда Остенде и Антверпену.

нымъ причинамъ заслуживаетъ предпочтенія. Въ качествѣ примѣра можно привести три порта Средиземнаго моря, гдѣ дельты рѣкъ создаютъ совершенно особыя условія для торговыхъ городовъ: это—Александрія, которая, несмотря на свою отдаленность отъ водъ Нила, является, тѣмъ не менѣе, торговымъ центромъ всего его бассейна, затѣмъ—Венеція, портъ низменности По, и, наконецъ, Марсель, портъ

Ронской долины. Одесса, удаленная на двадцать километровъ отъ устья Днѣпра, является первымъ торговымъ портомъ юга Россiи.

Послѣ качествъ климата, почвы, свойства подпочвы играютъ также очень важную роль. Такъ, иной городъ въ мѣстности, съ виду небла-

№ 489. Портъ открытаго моря: Санъ-Франциско.



гопрiятной для этого, быстро разрастается благодаря подземнымъ богатствамъ, какъ-то: изобилiю строительнаго камня, гончарной или скульптурной глины, химическихъ веществъ, всевозможныхъ металловъ, минеральнаго топлива. Такъ, напримѣръ, Потози, Черро де Паско, Виргинiя-Сити возникли въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ никогда не былъ бы заложенъ городъ, если бы не мѣстонахожденiе серебряныхъ жилъ; Миртиръ-Тидфиль, Крезо, Эссенъ, Льежъ, Скрантонъ обязаны своимъ существованiемъ каменному углю. Всѣ естественныя силы, ранѣе не использованныя, вызываютъ къ жизни новыя города какъ-разъ въ такихъ мѣстахъ, которыя съ давнихъ поръ избѣгались: либо вблизи водопадовъ, какъ, напримѣръ, Оттава, либо въ горахъ, въ благопрiятныхъ условiяхъ для

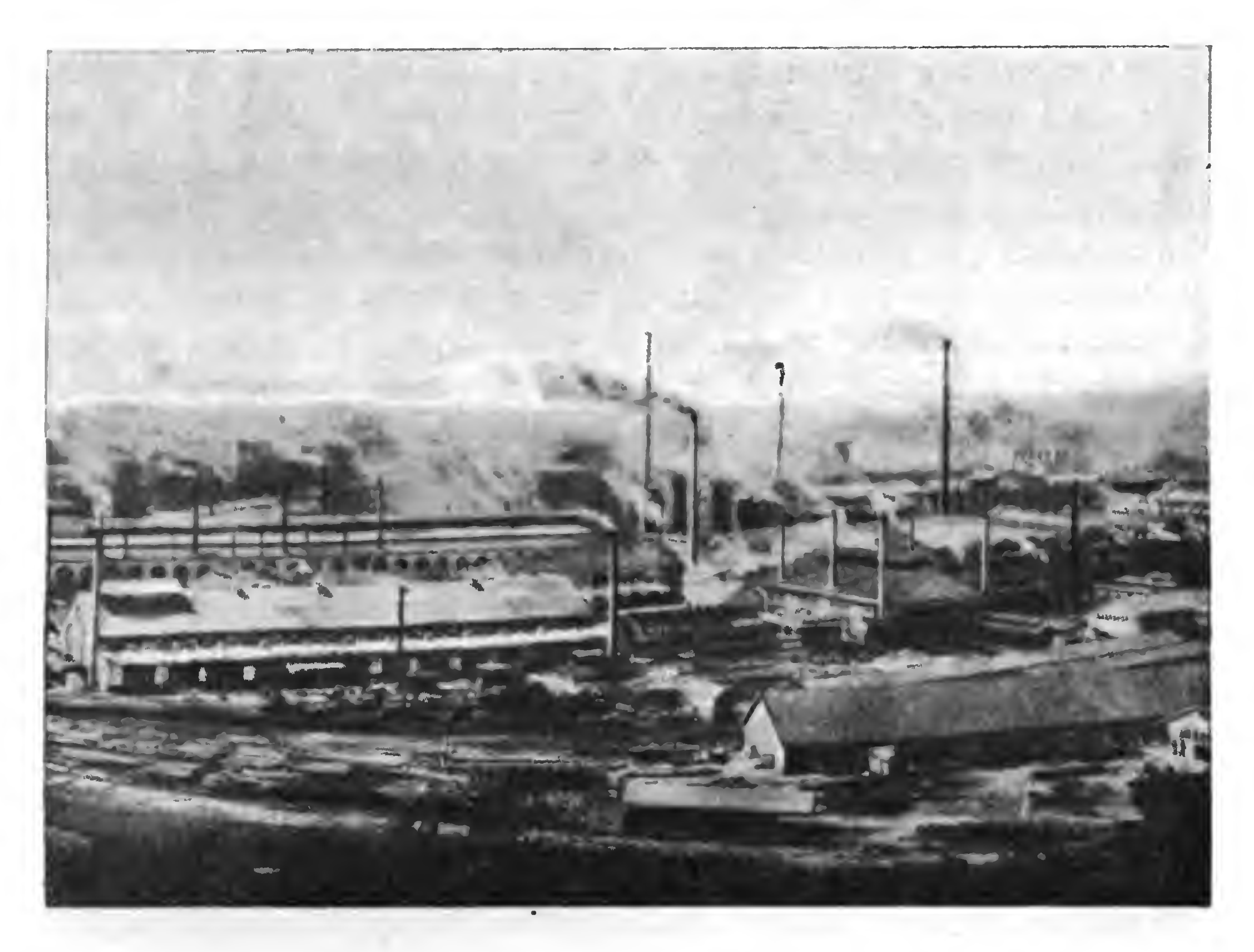
полученія электрической энергіи, какъ, напримѣръ, въ долинахъ Швейцаріи. Каждое завоеваніе человѣка создаетъ новые центры въ такихъ мѣстахъ, гдѣ этого нельзя было предполагать, подобно тому, какъ каждый новый органъ требуетъ отвѣчающихъ ему нервныхъ центровъ. Какъ быстро измѣнится современная картина распредѣленія городовъ, когда человѣкъ овладѣетъ искусствомъ воздухоплаванія! Теперь онъ отыскиваетъ на берегу моря удобныя мѣста для пріема и стоянки судовъ; тогда онъ почувствуетъ себя поднятымъ, какъ орелъ, въ небесную высь, откуда взоръ его будетъ обозрѣвать безконечное пространство.

По мѣрѣ того, какъ увеличиваются владѣнія культурнаго человѣчества, и его вліяніе оказывается на болѣе значительныхъ пространствахъ, города, принадлежащіе болѣе обширному организму, могутъ пріобрѣтать на придачу къ своимъ природнымъ преимуществамъ, обусловившимъ ихъ возникновеніе, еще новыя качества болѣе общаго значенія, которыя обезпечиваютъ имъ болѣе важную роль въ исторіи. Такимъ-то образомъ Римъ, Парижъ, Берлинъ, какъ мы это видѣли, продолжаютъ пріобрѣтать самимъ фактомъ своего разрастанія новыя причины для своего роста [1]); и развѣ не то же можно сказать про Лондонъ, который въ настоящее время является самымъ большимъ городомъ въ мірѣ? Главная причина процвѣтанія Лондона, господствующее положеніе его порта при устьѣ Темзы, открыла городу, который сталъ столицей соединеннаго королевства, возможность пріобрѣсть другія преимущества, которыя иначе такъ и остались бы въ потенціальномъ состояніи и никогда не были бы реализованы. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ расширяя свое міровое значеніе, Лондонъ сталъ, въ концѣ концовъ, центральнымъ пунктомъ, къ которому сходятся живыя нити со всѣхъ концовъ земного шара.

При развитіи городовъ часто бываетъ, что расцвѣтъ или упадокъ этихъ сложныхъ организмовъ идетъ весьма неравномѣрнымъ темпомъ, какъ бы толчками, которые вызваны быстро протекающими историческими событіями. Такъ,—возьмемъ снова для примѣра Лондонъ,—мы видимъ, что при возникновеніи этого города мѣстныя преимущества его хоть и имѣли довольно важное значеніе, однако, не были бы въ состояніи сами по себѣ доставить Лондону столь важное мѣсто, которое онъ занялъ среди другихъ городовъ. Правда, его положеніе въ равнинѣ, хорошо защищенной съ сѣвера холмами, на берегу большой рѣки, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ приливъ и отливъ облегчаютъ періодичность навигаціи, нагрузку и разгруженіе товаровъ,—всѣ эти условія оказывались для Лондона чрезвычайно благопріятны, чтобы дать ему перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе съ другими городами Англіи; но эти мѣстныя

1) J. G. Kohl, «Die geographische Lage der Hauptstädte Europas».

преимущества получили свою настоящую цѣнность только тогда, когда римляне избрали этотъ пунктъ какъ мѣсто, въ которомъ сходились всѣ дороги, проведенныя ими въ разныхъ направленіяхъ по южной части острова. Британскій Римъ возвышался какъ центръ этой сѣти дорогъ. Но когда римскіе легіоны должны были покинуть Альбіонъ, и когда всѣ ихъ «возвышенныя дороги», high streets, построенныя между воен-



Крезо и его заводы.

ными постами и портомъ, были заброшены, Лондиніумъ тѣмъ самымъ утратилъ все свое значеніе и сталъ самымъ обыкновеннымъ городомъ Англіи, всѣ преимущества котораго сводились, какъ и у многихъ другихъ городовъ, къ выгоднымъ мѣстнымъ условіямъ; въ теченіе двухъ столѣтій жизнь Лондона прошла совершенно незамѣченной въ исторіи [1]). Нужно было, чтобы возобновились сношенія съ континентомъ, и только тогда Лондонъ вернулъ себѣ свое доминирующее значеніе.

Являясь административнымъ центромъ, средоточіемъ придворной челяди, чиновниковъ, полицейскихъ, солдатъ и массы заинтересованныхъ лицъ, которыя тѣснятся около сильныхъ міра сего,—столицы пріобрѣ-

1) Gomme, «Village Communities», pp. 48, 51; Green, «The Making of England», p. 118.

таютъ совершенно особую физіономію, такъ что ихъ нельзя изучать какъ типъ городскихъ поселеній: ихъ развитіе въ значительной мѣрѣ искусственное и не укладывается въ нормальныя рамки. Болѣе правильные выводы можно сдѣлать, наблюдая жизнь городовъ, которые обязаны своей исторической ролью почти исключительно географическимъ условіямъ. Нѣтъ болѣе благодарной работы для любознательнаго человѣка, какъ изученіе біографіи такого города, видъ котораго еще лучше, чѣмъ лѣтописи, позволяетъ воочію констатировать послѣдовательныя измѣненія, которыя протекали въ немъ изъ столѣтія въ столѣтіе, слѣдуя извѣстному ритму. Передъ нашимъ умственнымъ взоромъ встаютъ хижины рыбака и его сосѣда, садовника; двѣ-три фермы были въ то время разбросаны въ полѣ, колесо мельницы вертѣлось подъ тяжестью падающей на него воды. Позже сторожевая башня стала возвышаться на сосѣднемъ холмѣ. По другую сторону рѣки, на отлогомъ берегу, гдѣ причаливалъ паромъ, была построена еще новая хижина; постоялый дворъ, лавченка расположились около домика паромщика и манили подъ свой кровъ прохожихъ и путниковъ; впослѣдствіи на лежащей по сосѣдству ровной площадкѣ расположился рынокъ. Тропинка, все шире и шире протаптываемая ногами людей и животныхъ, спускалась отъ равнины къ рѣкѣ; другая тропинка, извиваясь, тянулась вверхъ по склону холма; на примятой травѣ полей стали обозначаться будущія дороги, и дома стали появляться на четырехъ углахъ перекрестковъ. Часовенька превратилась въ церковь, сторожевая башня—въ укрѣпленный замокъ, казарму или дворецъ; деревня разрослась въ городокъ, затѣмъ въ большой городъ.

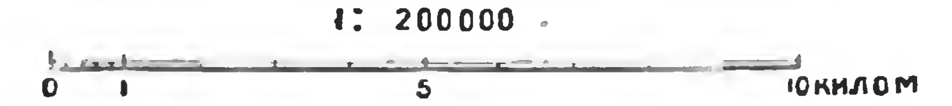
Лучшій способъ изучить городское поселеніе, имѣющее за собою долгую историческую жизнь, это—подробно осмотрѣть его въ послѣдовательности, отвѣчающей ходу его развитія. Надо начать съ мѣста, гдѣ была его колыбель, освященнаго почти всегда преданіемъ, и кончить осмотромъ его заводовъ.

Каждый городъ имѣетъ свою особую индивидуальность, свою собственную жизнь, свою физіономію, трагическую или скорбную у однихъ, веселую, жизнерадостную—у другихъ. Поколѣнія, которыя смѣняли въ немъ другъ друга, оставили городу специфическія особенности своего характера; городъ является коллективной единицей, и впечатлѣніе, которое она производитъ на отдѣльнаго человѣка, можетъ быть дурнымъ или хорошимъ, враждебнымъ или доброжелательнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, городъ очень сложная единица, и каждый изъ его различныхъ кварталовъ отличается отъ другихъ своимъ особымъ характеромъ. Разумное изученіе городовъ съ точки зрѣнія ихъ историческаго развитія и моральнаго характера ихъ учрежденій, общественныхъ и частныхъ, позволяетъ судить о нихъ, какъ мы судимъ объ отдѣльномъ человѣкѣ:

можно установить, что составляетъ ихъ главную характерную особенность, и въ какой мѣрѣ они оказали всей совокупностью своихъ особенностей вліяніе, полезное или пагубное, на прогрессъ населенія, которое находилось въ сферѣ ихъ вліянія. Есть города, въ которыхъ

№ 490. Села земледѣльческія и промышленныя.

1: 200000



процвѣтаетъ, повидимому, прежде всего трудъ; но они могутъ своеобразно отличаться другъ отъ друга, въ зависимости отъ того, нормальное ли, или патологическое направленіе получило развитіе мѣстной промышленности,—отъ того, развиваются ли данные города при условіяхъ довольно мирныхъ, условіяхъ относительнаго равенства и взаимной терпимости, или же они вовлечены во всѣ перипетіи обостренной конкуренціи, без-

порядочныхъ спекуляцій и жестокой эксплуатаціи класса пролетаріевъ. Иные города на первый взглядъ производятъ впечатлѣніе банальности, буржуазности, рутины, безъ малѣйшей оригинальности, безъ жизни; другіе были построены для того, чтобы доминировать, чтобы задавить окрестную страну: это—орудія завоеваній и гнета; при видѣ ихъ испытываешь чувство непроизвольнаго страха или отвращенія. Третій родъ городовъ, имѣющихъ всегда старинный видъ, въ томъ числѣ ихъ современные кварталы, производятъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго; въ нихъ чувствуешь себя нѣсколько жутко, перенесеннымъ въ атмосферу другого столѣтія; на ряду съ этимъ существуютъ города, вѣчно юные, располагающіе къ радостному чувству, гдѣ самое ничтожное сооруженіе получаетъ оригинальныя очертанія, гдѣ дома имѣютъ веселый видъ, носятъ отпечатокъ поэзіи, живутъ своей собственной жизнью на ряду съ жизнью людей. Наконецъ, какъ много знаемъ мы городовъ, имѣющихъ сложный обликъ, гдѣ каждый классъ общества имѣетъ похожіе на себя кварталы, и которые въ теченіе вѣковъ лишь весьма медленно измѣняютъ свой характеръ и языкъ! Сколько извѣстно намъ унылыхъ, жалкихъ городовъ, при видѣ которыхъ невольно навертываются на глаза слезы!

Различіе между городами ясно обнаруживается въ характерныхъ для нихъ способахъ роста. Сообразно наиболѣе важнымъ направленіямъ своихъ сухопутныхъ путей сообщенія, одни города раскидываютъ свои предмѣстья, подобно щупальцамъ, вдоль дорогъ; другіе, расположенные на берегу рѣки, растутъ вдоль берега, въ мѣстахъ, гдѣ причаливаютъ и стоятъ суда. Нерѣдко поражаетъ своеобразное неравенство, наблюдаемое между двумя прибрежными кварталами, которые по своему положенію представляютъ, повидимому, одинаковыя удобства для резиденціи человѣка: причина отмѣченнаго различія заключается въ направленіи теченія рѣки. Такъ, напримѣръ, судя по мѣстоположенію Бордо, тотчасъ же напрашивается мысль, что истинный центръ жизни города долженъ находиться на правомъ берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ возвышаются дома маленькаго бастидскаго предмѣстья, но Гаронна, описывая большую дугу, омываетъ своимъ теченіемъ набережную лѣваго берега; вѣдь въ ту сторону, куда направляется главная масса воды рѣки, туда долженъ перенестись также центръ коммерческой и политической жизни. Населеніе слѣдуетъ за теченіемъ водъ и удаляется отъ илистыхъ мелей праваго берега. Желѣзная дорога довершила дѣло; овладѣвъ предмѣстьемъ, она покрыла его по пересѣкающимся кругамъ рельсами и заставами и обезобразила множествомъ сараевъ и складовъ.

Нерѣдко утверждали, что города имѣютъ тенденцію непрерывно разрастаться по направленію къ западу. Этотъ фактъ, который наблюдается во многихъ случаяхъ, легко объясняется въ мѣстностяхъ, распо-

ложенныхъ въ Западной Европѣ, а также въ тѣхъ, климатъ которыхъ ей аналогиченъ; дѣло въ томъ, что въ такихъ мѣстностяхъ вѣтеръ чаще всего дуетъ съ западной стороны. Жители, которые селятся въ кварталахъ, обращенныхъ въ сторону, гдѣ воздухъ чище, могутъ меньше бояться разныхъ болѣзней, нежели люди, живущіе на противоположномъ концѣ города, гдѣ воздухъ, прошедшій уже надъ трубами, надъ устьями сточныхъ водъ, надъ тысячами или милліонами жителей, зна-

Уголокъ возвышенной части города Каркассона.

чительно менѣе чистъ и болѣе вреденъ. Кромѣ того, не надо упускать изъ виду, что людямъ богатымъ, празднымъ, художникамъ, которые имѣютъ полную возможность безпрепятственно наслаждаться красотами природы, чаще представляется случай созерцать красоту солнечнаго заката, нежели утренней зари: они безсознательно слѣдуютъ за движеніемъ солнца съ востока на западъ и по вечерамъ любуются его закатомъ въ сіяніи роскошно окрашенныхъ облаковъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ много мы знаемъ исключеній изъ только-что указаннаго нормальнаго характера роста городовъ, соотвѣтствующаго движенію солнца по небесному своду! Форма поверхности и рельефъ почвы, притягательная сила красивыхъ мѣстоположеній, направленіе текучихъ водъ, расположеніе нѣкоторыхъ кварталовъ, обусловленное нуждами промышленности и торговли,—всѣ эти обстоятельства нерѣдко заставляютъ людей, купающихся въ богатствѣ и роскоши, отворачиваться отъ западной сто-

роны города и селиться въ другихъ его концахъ. Примѣрами такого уклоненія отъ нормальнаго типа могутъ служить Брюссель и Марсель.

Въ силу самаго факта развитія городскихъ поселеній, жизнь послѣднихъ, какъ и любого организма, склоняется въ извѣстный моментъ къ смерти. Повинуясь условіямъ времени, они неминуемо старѣютъ, и на ихъ мѣсто возникаютъ новые города, охваченные нетерпѣніемъ жить въ свою очередь. Несомнѣнно, старѣющій городъ сохраняетъ, несмотря на это, нѣкоторую живучесть, благодаря силѣ инерціи, присущей тѣмъ, кто его населяетъ, благодаря рутинѣ и притягательному дѣйствію, которое всякій центръ оказываетъ на свои окрестности; но, оставляя въ сторонѣ несчастные случаи, которые могутъ вызвать смерть города, такъ же точно, какъ и отдѣльнаго человѣка, все же каждый городской индивидуумъ не молодѣетъ, не возстановляется безпрестанно; это возможно лишь при условіи затраты все болѣе и болѣе громадныхъ усилій, но часто городъ оказывается не въ силахъ удовлетворить этой настоятельной необходимости. Городъ долженъ расширять свои улицы и площади, перестраивать, перемѣстить или срыть свои стѣны, замѣнить старыя строенія, не имѣющія отнынѣ смысла, новыми сооруженіями, отвѣчающими новымъ требованіямъ.

Какой-нибудь городъ въ Америкѣ съ самаго своего возникновенія приспособленъ къ своей средѣ, тогда какъ состарившійся, загроможденный, загрязненный Парижъ долженъ обновляться чуть ли не ежедневно, и, при сложности условій существованія, этотъ постоянный трудъ создаетъ для него значительно болѣе тягостное положеніе, сравнительно съ новыми городами, какъ, напримѣръ, Нью-Іоркъ и Чикаго. Вотъ причина того, что въ бассейнахъ Евфрата и Нила такіе громадные города, какъ Вавилонъ, Нипевія, Каиръ, послѣдовательно измѣняли свое положеніе. Сохраняя, по крайней мѣрѣ отчасти, свое историческое значеніе, благодаря выгоднымъ условіямъ мѣстоположенія, каждый изъ этихъ городовъ долженъ былъ оставлять свои устарѣлые кварталы и передвигаться дальше, чтобы уйти отъ своихъ развалинъ, и нерѣдко также, чтобы избѣжать повальныхъ болѣзней, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ скопленіямъ нечистотъ: оставленныя мѣста перемѣщающагося города обыкновенно бываютъ заняты могилами.

Извѣстны и другія причины смерти городовъ, имѣющія болѣе рѣшающее значеніе оттого, что онѣ вызваны самимъ ходомъ историческихъ событій; такая судьба постигла немало городовъ, нѣкогда знаменитыхъ: обстоятельства, аналогичныя тѣмъ, которыя вызвали городъ къ жизни, подготовили ему неизбѣжный конецъ. Такъ, напримѣръ, замѣна одной дороги или перекрестка другими, болѣе удобными, можетъ повлечь за собою упадокъ города, который обязанъ былъ своимъ ростомъ путямъ сообщенія. Александрія разорила Пелузу, Картагена-де-лас-Ин-

діасъ подорвала существованіе Пуерто-Белле. Интересы торговли и опасность, угрожавшая со стороны пиратовъ, заставили перемѣ-

Парижъ. Часъ обѣда, кварталъ Тампля.
Съ картины В. Жильбера.

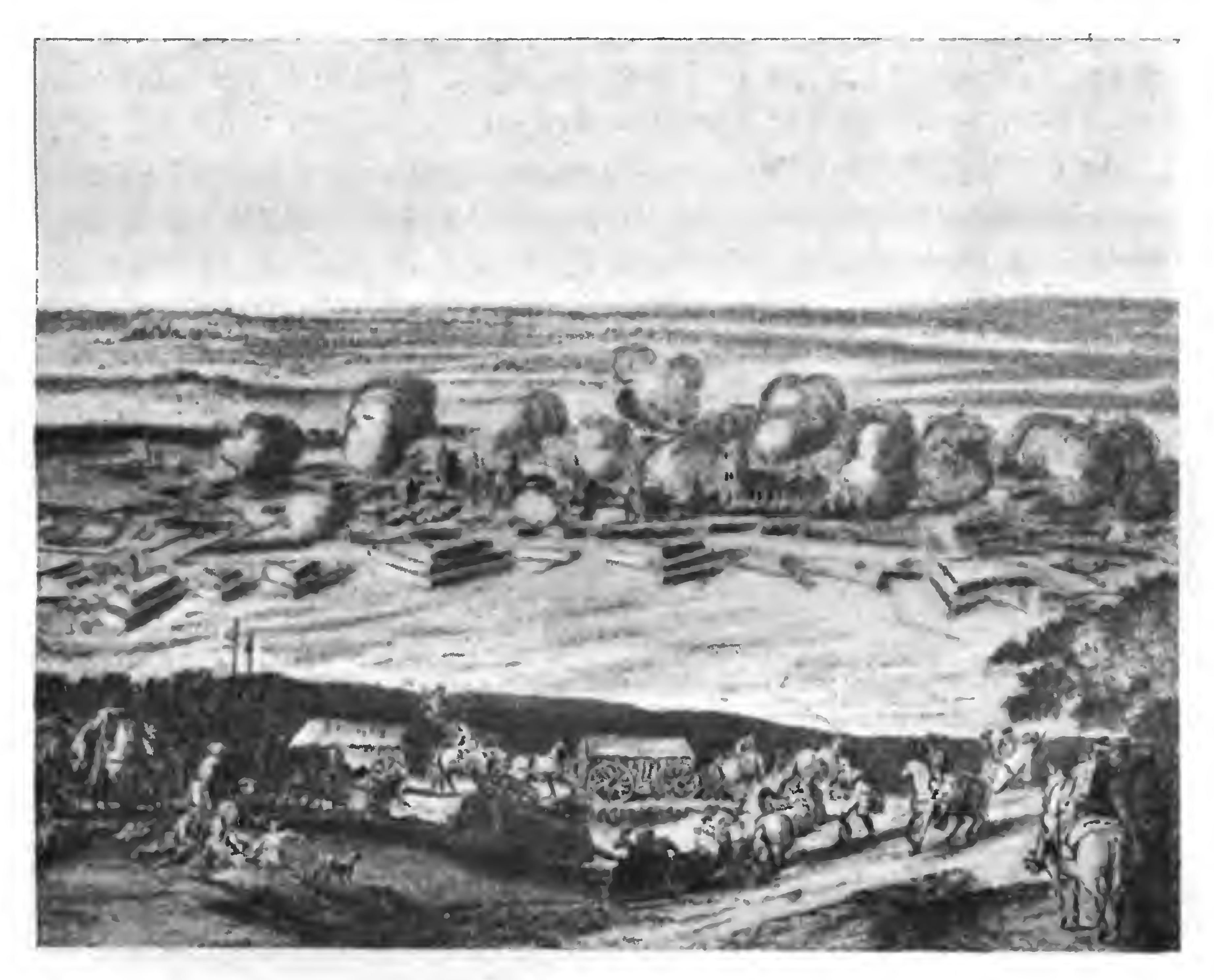
ститься много городовъ, построенныхъ на скалистомъ побережьи Средиземнаго моря. Нѣкогда они были расположены на крутыхъ утесахъ и

окружены толстыми стѣнами для защиты отъ феодаловъ и корсаровъ; теперь же они спустились со своихъ скалъ и широко разстилаются на берегу моря: всюду «borgo» стала «marina»; Акрополь уступилъ мѣсто Пирею.

Въ нашихъ обществахъ, покоящихся на власти, политическія учрежденія нерѣдко давали волѣ одной личности возможность оказывать преобладающее вліяніе на ходъ дѣлъ; поэтому не удивительно, что по капризу власть имущаго, городъ появлялся иногда въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ иногда самъ по себѣ не возникъ. Будучи искусственно заложенъ на неподходящемъ мѣстѣ, такой городъ могъ развиваться только при условіи громадной затраты силъ и средствъ. Такъ обстроились съ большими усиліями Мадридъ, Петербургъ, первоначальные избушки и поселки которыхъ, предоставленные самимъ себѣ, безъ помощи Карла Пятаго и Петра Перваго никогда бы не сдѣлались большими многолюдными городами, какими они являются въ наши дни. Тѣмъ не менѣе, хотя эти города и были созданы деспотическою волею, они, благодаря совмѣстнымъ усиліямъ людей, живутъ такой же жизнью, какъ если бы они возникли нормальнымъ путемъ: не приспособленные по естественному рельефу занимаемой ими мѣстности къ тому, чтобъ сдѣлаться важными центрами, указанные города все-таки стали таковыми благодаря тому, что къ нимъ сходятся съ разныхъ концовъ дороги, каналы, рельсовые пути, корреспонденція, что въ нихъ гнѣздится центръ интеллектуальной жизни. Вѣдь географическія условія не являются чѣмъ-то непреложнымъ, непремѣннымъ: они постоянно поддаются передѣлкѣ, въ любой моментъ они видоизмѣняются подъ вліяніемъ дѣятельности человѣка.

Теперь уже не приходится болѣе говорить о Цезаряхъ, строителяхъ столицъ: крупные капиталисты и спекуляторы, президенты финансовыхъ синдикатовъ,—вотъ кто является теперь въ роли основателей городовъ. Можно видѣть, какъ въ теченіе какого-нибудь мѣсяца воздвигаются на большой площади постройки, прекрасно оборудованныя, превосходно распланированныя: даже въ школахъ, библіотекахъ и музеяхъ нѣтъ недостатка. Если выборъ мѣста былъ удаченъ, то вновь созданные города вступаютъ въ общій потокъ жизни и занимаютъ, какъ, напримѣръ, Крезо, Барроу-онъ-Фернисъ, Денверъ, Ла Плата, видное мѣсто среди населенныхъ центровъ; но если мѣсто для закладки было избрано неудачное, то городъ умираетъ вмѣстѣ со смертью тѣхъ интересовъ, во имя которыхъ онъ былъ созданъ: какъ только Чейенъ-Сити пересталъ быть конечной станціей желѣзной дороги, домики его стали располагаться дальше впередъ, вдоль по линіи послѣдней, а Корсонъ-Сити исчезаетъ, какъ только исчерпаны его серебряные рудники, которые привлекли жителей въ

эту ужасную пустыню. Кромѣ того, если по капризу капитала дѣлается иногда попытка основать городъ, который, подъ давленіемъ болѣе общихъ интересовъ, обреченъ на гибель, то тѣмъ самымъ гибнутъ многочисленныя группы населенія, полныя силъ и желанія жить. Вѣдь нерѣдко можно наблюдать, какъ въ пригородахъ многихъ большихъ городовъ какой-нибудь крупный банкиръ и землевладѣлецъ ежегодно



Городъ Эръ на Лисѣ.

Эръ выдержалъ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ нѣсколько осадъ; его укрѣпленія уже давно утратили свое значеніе.

увеличиваетъ свои владѣнія на сотни гектаровъ, какъ онъ постепенно превращаетъ пахотную землю въ плантаціи или паркъ съ фазанами или крупной дичью, какъ онъ стираетъ съ лица земли всѣ деревушки и поселки, оставляя вмѣсто нихъ то здѣсь, то тамъ нѣсколько сторожевыхъ будокъ!

Къ числу городовъ, которые созданы наполовину или даже вполнѣ искусственно, и которые сами по себѣ не отвѣчаютъ реальнымъ потребностямъ трудящагося общества, слѣдуетъ отнести также крѣпости, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя строятся въ наши дни въ большихъ централизованныхъ государствахъ. Иначе обстояло дѣло въ тѣ времена, когда городъ заключалъ въ себѣ все племя или предста-

влялъ естественное ядро націи: тогда онъ необходимо долженъ былъ защитить себя, сооружая окопы и стѣны, которыя точно слѣдовали очертаніямъ кварталовъ, и строя по угламъ сторожевыя башни. Въ ту эпоху цитадель, гдѣ всѣ граждане искали спасенія въ минуты грозной опасности, была не что иное, какъ храмъ, построенный на вершинѣ господствующаго холма, какъ памятникъ, освященный статуями боговъ. Города, которые представляли двойной организмъ, какъ, напр., Аѳины, Мегара, Коринѳъ, должны были защищать при помощи длинныхъ параллельныхъ стѣнъ даже промежуточную между обѣими частями дорогу.

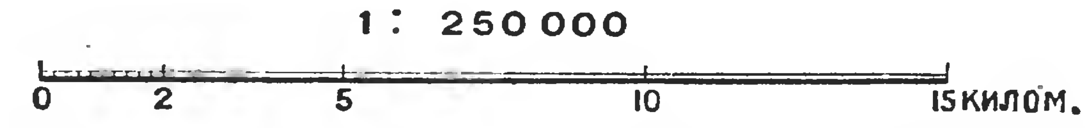
Вся совокупность укрѣпленій, находясь въ соотвѣтствіи съ характеромъ земной поверхности, гармонировала съ пейзажемъ и принимала живописный видъ. Но въ наши дни крайняго раздѣленія труда, когда военныя силы стали на практикѣ чѣмъ-то совершенно независимымъ отъ націи, и когда ни одинъ штатскій не смѣетъ считать себя въ правѣ высказывать свое мнѣніе по вопросамъ стратегическимъ, большинство укрѣпленныхъ городовъ имѣетъ вполнѣ некрасивыя очертанія, безъ всякой гармоніи съ неровностями земной поверхности, прорѣзывая мѣстность по направленіямъ, оскорбляющимъ взоръ. Итальянскіе инженеры эпохи Возрожденія, затѣмъ Вобанъ и его соперники, создавая свои укрѣпленія, старались, по крайней мѣрѣ, слѣдовать правиламъ симметріи: нѣкоторыя изъ ихъ сооруженій имѣютъ видъ креста или звѣзды съ боковыми лучами и почками и красиво выдѣляются бѣлыми стѣнами своихъ бастіоновъ и уступовъ, на мирномъ покойномъ фонѣ зеленаго пейзажа. Но наши современныя крѣпости не имѣютъ уже претензій на изящество; эта забота не тревожитъ ума строителей. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, брошеннаго на планъ укрѣпленнаго города, видно, что онъ некрасивъ, даже отвратителенъ, совершенно не гармонируетъ съ окружающей средою. Безъ малѣйшаго согласованія съ контурами мѣстности, не простирая своихъ отвѣтвленій въ окружающія поля, крѣпость выглядитъ какъ тѣло съ ампутированными членами, причемъ эта участь постигла важные органы. Посмотримъ, какъ безотрадна внѣшняя форма такихъ городовъ, какъ Страсбургъ, Метцъ, Лилль! Послѣдній изъ упомянутыхъ городовъ былъ такъ стѣсненъ своими укрѣпленіями, что онъ долженъ былъ, такъ сказать, вновь возникнуть внѣ зоны, охваченной военными сооруженіями. Рубэ и Туркоэнъ дополняютъ группу укрѣпленныхъ пунктовъ Лилля; въ настоящее время стараются соединить эти три элемента въ одно гармоническое цѣлое при помощи широкихъ бульваровъ.

Несмотря на красоту нѣкоторыхъ зданій, привлекательность его бульваровъ, оживленное населеніе, Парижъ также принадлежитъ къ числу городовъ, которые болѣе или менѣе обезображены грубыми крѣпостными стѣнами. Освобожденный отъ трехъ поясовъ своихъ укрѣпленій, обра-

зующихъ ломано-овальную линію, городъ развивался бы согласно требованіямъ эстетики и цѣлесообразности, онъ принялъ бы болѣе элегантный видъ, соотвѣтствующій характеру его жизни.

Другая причина, обезображивающая въ значительной мѣрѣ наши современные города, это — развитіе большихъ промышленныхъ предпріятій.

№ 491. Лилль, Рубэ, Туркоэнъ.



Всѣ обозначенные города имѣютъ не менѣе 5000 жителей. Густота населенія на данной территоріи, по обѣ стороны границы, равняется приблизительно 1000 человѣкъ на квадратный километръ.

Видъ почти каждаго города омрачается однимъ или нѣсколькими предмѣстьями, которыя усажены дымящимися трубами, прорѣзаны закоптѣлыми улицами; въ нихъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ громадныя зданія, слѣпыя или пронизанныя безчисленными окнами, расположенными по безобразной симметріи. Почва дрожитъ подъ усиліями рабо-

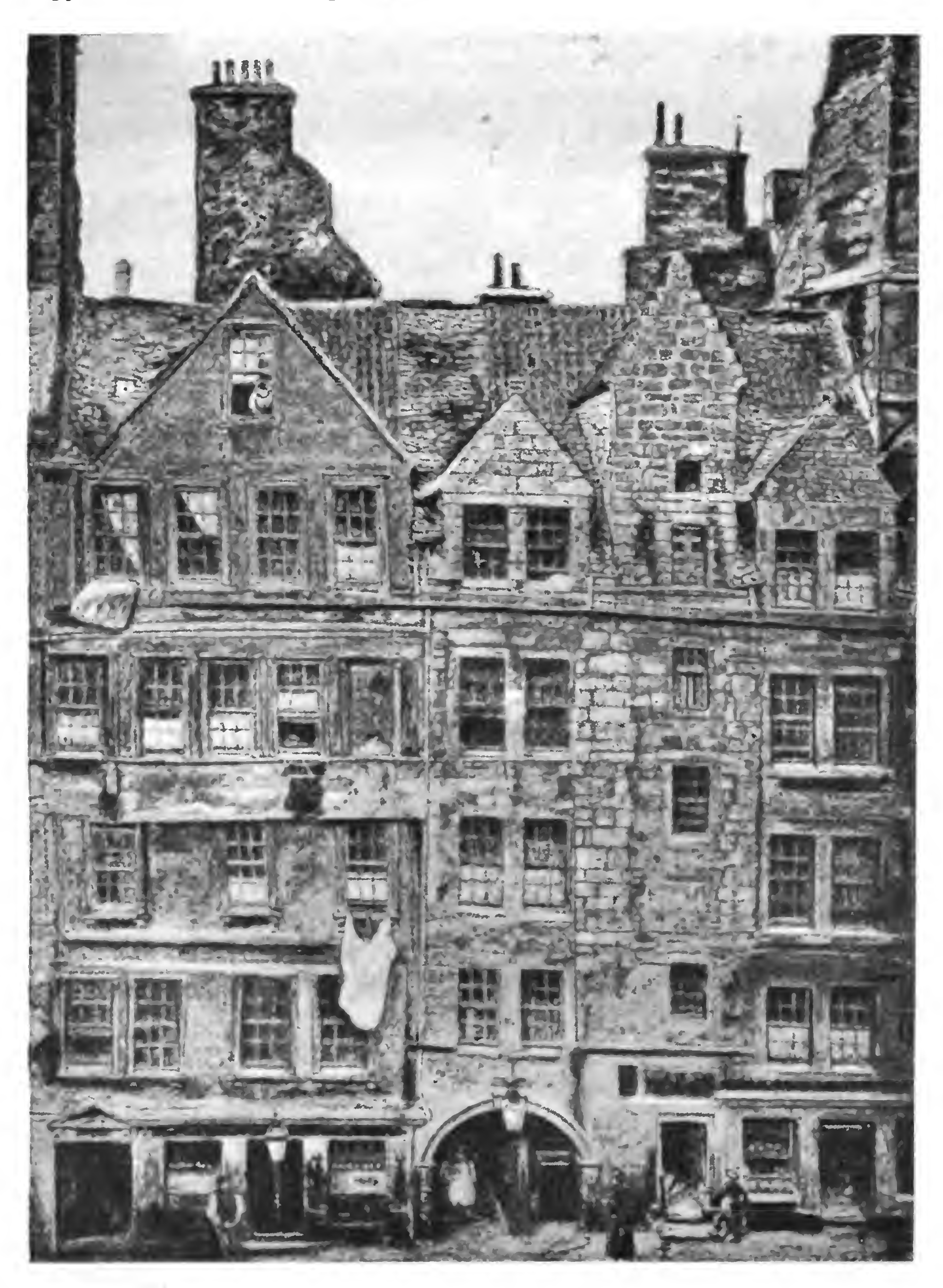
тающихъ полнымъ ходомъ машинъ, подъ тяжестью ломовыхъ телѣгъ и товарныхъ поѣздовъ. Сколько городовъ встрѣчаемъ мы, въ особенности въ молодой Америкѣ, воздухомъ которыхъ почти невозможно дышать, гдѣ все, что попадается на глаза, почва, дороги, стѣны, небо, пропитано грязью и угольной пылью! Нельзя вѣдь подумать безъ отвращенія и ужаса о такой скученности шахтъ и заводовъ, какую мы встрѣчаемъ въ безконечномъ и разбросанномъ Скрантонѣ, семьдесятъ тысячъ жителей котораго не имѣютъ даже гектара земли, покрытаго хотя бы грязной травой и закоптѣлой листвой, чтобы дать отдохнуть глазу отъ безотраднаго зрѣлища заводовъ. А громадный Питсбургъ, полукругомъ опоясанный высокими предмѣстьями, которыя безпрерывно пылаютъ и дымятъ: развѣ можно себѣ представить болѣе загрязненную атмосферу, чѣмъ та, которая его окружаетъ! Хотя, по словамъ мѣстныхъ жителей, городъ значительно выигралъ въ смыслѣ чистоты, а улицы въ смыслѣ ясности воздуха, съ тѣхъ поръ какъ на заводахъ былъ введенъ въ употребленіе газъ.

Другіе города, хоть и менѣе черные, но едва ли менѣе противны, благодаря желѣзнодорожнымъ компаніямъ, которыя завладѣли улицами, площадями, бульварами, и локомотивы которыхъ оглашаютъ воздухъ своимъ пыхтѣніемъ, свистомъ и давятъ на своемъ пути народъ. Нѣкоторыя красивѣйшія мѣста земного шара совершенно испорчены; такъ, напрасно туристъ пытался бы прогуляться въ Буфалло вдоль берега великолѣпной рѣки Ніагары: ему пришлось бы пробираться между рытвинами, перекрещивающимися рельсовыми путями, илистыми канавами, кучами щебня, мусора и всевозможными городскими нечистотами.

Также точно варварская спекуляція обезображиваетъ улицы, благодаря несуразной распланировкѣ почвы; предприниматели создаютъ обширные кварталы, намѣченные заранѣе архитекторами, которые даже не потрудились посѣтить мѣсто предполагаемыхъ построекъ и, ужъ конечно, не дали себѣ труда справиться у будущихъ обитателей объ ихъ желаніяхъ; здѣсь они воздвигаютъ готическій храмъ для приверженцевъ епископальной церкви, тамъ они закладываютъ зданіе въ романскомъ стилѣ для пресвитеріанъ, нѣсколько дальше—нѣчто въ родѣ пантеона для баптистовъ; они распланировываютъ улицы по квадратамъ и ромбамъ, разнообразятъ на всѣ лады вычурныя очертанія площадей и стили зданій, оставляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя выгодныя мѣстечки для торговли вредными напитками. Вотъ поистинѣ искусственно созданные города, построенные по банальному типу, которые на каждомъ шагу то тѣмъ, то другимъ свидѣтельствуютъ о бездарности и самомнѣніи своихъ строителей!

Какъ бы то ни было, но каждый новый городъ тотчасъ становится, хотя бы по тому, что жилища густо наставлены другъ подлѣ

друга, коллективнымъ организмомъ, каждая отдѣльная клѣточка кото-



Нѣсколько старыхъ домовъ на «High-Street» въ Эдинбургѣ.

раго стремится развиваться въ полномъ здравіи,—первое условіе здоровья цѣлаго. Изъ исторіи извѣстно не мало фактовъ, которые учатъ,

что болѣзнь однихъ влечетъ за собою болѣзнь остальныхъ, и что серьезная опасность грозитъ также дворцамъ, когда чума свирѣпствуетъ въ лачугахъ. Каждое городское управленіе знаетъ, какое важное значеніе имѣло бы полное оздоровленіе города путемъ очистки улицъ, устройства покрытыхъ травой и цвѣтами площадокъ, усаженныхъ большими тѣнистыми деревьями, путемъ быстраго стока всѣхъ нечистотъ и проведеніемъ чистой воды во всѣ кварталы и всѣ дома. Въ данномъ отношеніи города передовыхъ странъ соперничаютъ другъ передъ другомъ въ благоустройствѣ и проведеніи на практикѣ или въ испытаніи спеціальныхъ способовъ очистки городовъ. Правда, города, какъ и государства, имѣютъ правителей, которыхъ сама среда ихъ располагаетъ заботиться преимущественно о своихъ личныхъ интересахъ; но важно уже то, что мы знаемъ, что̀ нужно дѣлать, чтобы городскіе организмы функціонировали въ одинъ прекрасный день съ механической правильностью, въ смыслѣ заготовки съѣстныхъ продуктовъ, снабженія чистой водою, теплотою, освѣщеніемъ, разнаго рода энергіей, распространенія знаній, равномѣрнаго распредѣленія разныхъ орудій производства и удаленія веществъ, ставшихъ ненужными и вредными. Это идеалъ, до котораго еще далеко; но, по крайней мѣрѣ, существуетъ уже не мало городовъ, достаточно благоустроенныхъ, въ которыхъ гигіеническія условія жизни стоятъ въ среднемъ на болѣе высокой ступени, чѣмъ въ любой деревнѣ, жители которой постоянно вдыхаютъ запахъ гнили и навоза и не имѣютъ ни малѣйшаго представленія объ элементарныхъ правилахъ гигіены.

Культурность жизни въ городахъ выражается также въ заботахъ объ искусствѣ. Подобно тому, какъ нѣкогда Аѳины, какъ Флоренція, Нюрнбергъ и другіе свободные средневѣковые города, такъ и каждый изъ современныхъ городовъ заботится о своемъ украшеніи: даже самыя скромныя деревушки имѣютъ свою колокольню, какую-нибудь колонну или скульптурной работы фонтанъ. Какъ грустны и скучны обыкновенно эти произведенія искусства, скомпанованныя дипломированными профессорами, подъ надзоромъ некомпетентной комиссіи, чѣмъ болѣе невѣжественной, тѣмъ болѣе претенціозной. Истинное искусство всегда самостоятельно и не приспособляется къ рамкамъ, положеннымъ полицейскимъ надзоромъ. Въ муниципальныхъ совѣтахъ нерѣдко имѣется достаточно узкихъ умовъ, которые часто поступаютъ по методѣ какого-нибудь Муммія, который, не задумываясь, приказалъ бы реставрировать испорченныя картины своимъ солдатамъ; они воображаютъ, что соблюденіемъ симметріи они достигнутъ красоты, и что точное подражаніе дастъ ихъ городамъ Пантеонъ или храмъ Св. Марка. Вѣдь мы знаемъ въ Европѣ городъ, строенія котораго дѣлаютъ его особенно банальнымъ: это—Мюнхенъ; здѣсь на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ старательныя

копіи съ греческихъ и византійскихъ памятниковъ, этихъ шедевровъ, которымъ, однако, на Мюнхенской почвѣ недостаетъ соотвѣтствующей обстановки, духа, людей.

Если бы подражателямъ и удалось съ буквальной точностью воспроизвести тѣ памятники, которые имъ послужили моделями, то и тогда ихъ трудъ былъ бы противенъ природѣ, такъ какъ нельзя понять зданія безъ условій времени и мѣста, которыя его создали. Каждый городъ имѣетъ свою особую жизнь, свои характерныя черты, свою характерную физіономію: какъ тѣсна должна быть связь между этими свойствами и характеромъ его зданій! Отнимая у города его оригинальность и водружая на его улицахъ банальныя сооруженія или памятники, противорѣчащіе его современной роли и его прошлому, мы совершаемъ покушеніе на представляемую городомъ коллективную индивидуальность! Великое искусство состоитъ въ томъ, чтобы, измѣняя городъ примѣнительно къ новымъ потребностямъ времени, оставить ему все, что въ немъ сохранилось живописнаго, достопримѣчательнаго, красиваго отъ прошлыхъ столѣтій; надо умѣть удержать связь съ жизнью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать городу полное оздоровленіе и полезныя сооруженія, подобно тому какъ умѣлыя, осторожныя руки возстановляютъ здоровье больного. Такимъ-то образомъ, въ городѣ Эдинбургѣ люди разума, художники и въ то же время ученые, предприняли реставрацію замѣчательной улицы, называемой «High-Street» («Высокая улица»), которая спускается отъ укрѣпленнаго замка къ дворцу Голирудъ, соединяя оба господствующихъ пункта стариннаго города. Внезапно оставленная, во время переѣзда короля Іакова въ Англію, придворными паразитами, камергерами, военными, людьми, живущими удовольствіями, поставщиками, блюстителями закона, эта улица, уставленная богатыми домами, получила другихъ обитателей: бѣдняки устроили себѣ здѣсь свои жилища, использовавъ по возможности экономно обширныя залы дворцовъ и разгородивъ ихъ грубыми перегородками. Черезъ два столѣтія послѣ оставленія этой улицы, она превратилась въ груду полуразваленныхъ зданій, съ зловонными дворами, убѣжищъ, охваченныхъ лихорадками: населеніе, одѣтое въ пропитанныя міазмами лохмотья, всегда въ грязи, состояло большей частью изъ увѣчныхъ, золотушныхъ, малокровныхъ людей. Утонченные пороки двора уступили мѣсто грубымъ порокамъ, во всей ихъ отвратительной наготѣ. На эти-то вертепы направилась дѣятельность реставраторовъ; они послѣдовательно передѣлывали каждый домъ, возстановляли лѣстницы съ хорошими перилами, комнаты и капитальные дымовые ходы, устраивали всюду обильный притокъ чистаго воздуха и свѣта, провели въ достаточномъ количествѣ воду вплоть до чердаковъ, украсили голыя стѣнки зданій барельефами и орнаментами. Живописность зданій была сохранена полностью, даже увеличилась, благодаря баш-

нямъ, колоколенкамъ, бельведерамъ; но на придачу къ этой живописности уже не было отвратительной вони и нечистоты; улицы, усѣянныя нѣкогда всевозможными отрепьями, имѣютъ теперь балконы, украшенные цвѣтами и зеленью. Городъ снова расцвѣлъ, подобно тому, какъ цвѣтокъ въ саду вновь расцвѣтаетъ на ножкѣ, безъ основательной перекопки почвы вокругъ его стебля.

Но въ обществѣ, гдѣ люди не увѣрены въ хлѣбѣ насущномъ, гдѣ значительный процентъ жителей каждаго большого города составляютъ бѣдняки и даже голодающіе, передѣлка нездоровыхъ кварталовъ является только полумѣрой, если тѣ несчастные, которые ихъ недавно населяли, оказываются выселенными изъ своихъ прежнихъ убѣжищъ и должны искать себѣ новаго пристанища въ пригородахъ; при этомъ они болѣе или менѣе далеко разносятъ съ собою зловредныя испаренія. Если бы эдилы города, всѣ безъ исключенія, были людьми съ хорошимъ вкусомъ, если бы каждая реставрація и ремонтъ зданій производился безупречно, даже тогда во всѣхъ нашихъ городахъ все-таки наблюдался бы тотъ же грустный и неизбѣжный контрастъ между роскошью и нищетой, который является необходимымъ слѣдствіемъ того неравенства, той вражды, которая раздѣляетъ на-двое соціальный организмъ. Въ противовѣсъ пышнымъ роскошнымъ кварталамъ встрѣчаются въ изобиліи убогіе дома, которые скрываютъ за своими наружными низкими и покосившимися стѣнами грязные дворы, отвратительныя кучи мусора, жалкую облупившуюся рѣшетинку. Даже въ тѣхъ городахъ, въ коихъ администраторы лицемѣрно стараются затушевать всѣ эти ужасы, маскируя ихъ приличными побѣленными заборами, даже тамъ нищета проглядываетъ повсюду: чувствуется, что тамъ, за этими оградами, смерть совершаетъ свое дѣло болѣе жестоко, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Есть ли среди нашихъ современныхъ городовъ такой, который не имѣлъ бы своего Witt-Chapel и своего Mile-End-road? Какъ бы красиво, грандіозно ни было городское поселеніе въ цѣломъ, оно всегда имѣетъ свои недостатки, явные или скрытые, свой изъянъ, свою хроническую болѣзнь, которая неминуемо влечетъ за собою смерть, если не удастся возстановить свободное обращеніе крови во всемъ организмѣ.

Какъ много городовъ, которымъ еще очень далеко до будущаго идеала чистоты и эстетичности! Діаграмма, опубликованная въ петербургскомъ ежегодникѣ за 1892 годъ, даетъ разительный примѣръ размѣровъ гибели человѣческихъ жизней въ этой столицѣ: начиная съ 1754 года, когда число жителей Петербурга равнялось 150000, кривая увеличенія населенія въ теченіе 126 лѣтъ поднимается до 950000 человѣкъ; между тѣмъ гипотетическая кривая населенія, вычисленная на основаніи смертности и за вычетомъ лицъ иммигрировавшихъ, спускается до 50000 ниже нуля. Число рожденій начинаетъ превышать

число смертей только съ 1885 года, т.-е. съ года капитальной очистки города. А сколько въ мірѣ городовъ, какъ, напримѣръ, Будапештъ, Лима, Ріо-де-Жанейро, стояло бы уже на пути къ быстрому вымиранію, если бы притокъ людей деревни не заполнялъ пустыхъ пространствъ, оставшихся послѣ умершихъ! Если у парижанъ родъ угасаетъ черезъ два или три поколѣнія, то неужели въ этомъ нельзя винить гибельную атмосферу города? Если среди польскихъ евреевъ признается негоднымъ

Домъ въ Бурневиллѣ,

промышленномъ городѣ въ окрестностяхъ Манчестера

для военной службы значительно большій процентъ молодыхъ людей, чѣмъ среди другихъ національностей, развѣ не виноваты въ этомъ города, въ которыхъ юноши вырастаютъ въ бѣдности гетто?

А сколько мы знаемъ людскихъ поселеній, надъ которыми небо кажется подернутымъ траурнымъ флеромъ! Кому случалось попасть въ окутанный дымомъ городъ въ родѣ Манчестера, Эссена, Крезо или Питтсбурга, тотъ вполнѣ можетъ судить о томъ, что работа человѣческихъ лиллипутовъ въ состояніи затмить дневной свѣтъ, въ состояніи осквернить красоту природы. Достаточно вѣдь сравнительно очень ничтожнаго количества не сгорѣвшаго угля, достаточно непрерывнаго слоя сажи

толщиною въ миллиметръ [1]), въ особенности если она примѣшивается къ туманамъ, чтобы затемнить свѣтъ солнца. Темная атмосфера, которая иногда окутываетъ Лондонъ, пользуется вполнѣ справедливой извѣстностью.

Впрочемъ, оздоровленіе городскихъ центровъ выдвигаетъ много другихъ вопросовъ, кромѣ вопроса о дымѣ, съ которымъ въ сущности нетрудно справиться. Система удаленія мусора и хозяйственныхъ отбросовъ, очищеніе сточныхъ водъ либо химическимъ путемъ, либо раціональнымъ пользованіемъ ими для удобренія полей,—всѣ эти вопросы далеки еще отъ удачнаго разрѣшенія, и далеко не всегда на нихъ обращается достодолжное вниманіе; слишкомъ много муниципалитетовъ, повидимому, вовсе не интересуется этими вопросами. Выборъ подходящаго грунта для проѣзжихъ дорогъ, не дающаго ни пыли, ни грязи, раціональная организація перевозки грузовъ, также имѣютъ вліяніе на общее состояніе здоровья.

Рабочій кварталъ въ Манчестерѣ.
Типъ англійскихъ slums (глухихъ грязныхъ улицъ).

Многочисленныя данныя указываютъ на то, что приливъ, который приноситъ къ городамъ сельское населеніе, можетъ пріостановиться и даже обратиться въ отливъ. Прежде всего, дороговизна квартирной платы въ городѣ естественно принудила рабочихъ переселяться въ пригороды; а владѣльцы предпріятій могли только привѣтствовать такое выселеніе, такъ какъ оно должно было повести за собою пониженіе цѣнъ на рабочія руки. Велосипеды, раннее движеніе трамваевъ, рабочіе поѣзда, позволили тысячамъ рабочихъ и мелкихъ чиновниковъ жить, съ нѣкоторой матеріальной выгодой, на воздухѣ, менѣе насыщенномъ углекислотой. Такъ, въ Бельгіи сельскія общины большого числа округовъ

1) Ch. Dufour, Bulletin de la Soc. Vaudoise des Sciences Naturelles, juin-sept. 1895, p. 145.

сохранили у себя свое населеніе благодаря распространенности «недѣльныхъ купоновъ». Въ 1900 году насчитывалось не менѣе 150000 рабочихъ, которые ночь и воскресенія проводили въ своихъ деревняхъ, а каждый будній день отправлялись работать, подчасъ на разстояніе въ 50 километровъ—недѣльный абонементъ стоимостью въ 2 фр. 25 сант.,—на заводъ или фабрику какого-нибудь отдаленнаго города. Но этимъ вопросъ не разрѣшается успѣшно, такъ какъ глава семьи изнуряетъ свои силы вслѣдствіе длинныхъ переѣздовъ, плохого питанія, сокращеннаго ночного отдыха, и къ тому же санитарное состояніе деревни представляетъ такую же задачу, какъ и оздоровленіе городовъ[1]).

Домъ для рабочихъ въ Личвортѣ.
Новый городъ-садъ въ 50 километрахъ отъ Лондона.

Но это не все: электричество, получаемое при помощи проточной воды, обѣщаетъ замѣнить собою уголь и повести къ тому, что заводы будутъ разсѣяны вдоль по теченію воды. Такимъ-то образомъ, мы видимъ, что городъ Ліонъ, представляющій столь сильный притягательный центръ съ точки зрѣнія труда и промышленности, ежегодно теряетъ нѣсколько тысячъ своихъ жителей, но совсѣмъ не потому, чтобы его благосостояніе падало, а оттого, что богатые владѣльцы текстильныхъ и другихъ предпріятій распространили область своей дѣятельности во всѣ сосѣдніе департаменты и даже въ Альпы,—всюду, гдѣ водопады и пороги даютъ имъ необходимую движущую энергію.

Въ сущности говоря, весь вопросъ объ улучшеніи гигіеническихъ условій въ городахъ поглощается вопросомъ соціальнымъ. Настанетъ ли время, когда всѣ люди безъ исключенія получатъ возможность дышать чистымъ воздухомъ въ достаточномъ количествѣ, пользоваться полностью солнечнымъ свѣтомъ, наслаждаться прелестью тѣнистыхъ деревьевъ и благоуханіемъ розъ, свободно прокармливать свою семью,

---

1) Emil Vandervelde, L'exode rural.

безъ боязни остаться въ одинъ прекрасный день безъ хлѣба насущнаго? Если этому дѣйствительно суждено сбыться, то только тогда города получатъ возможность подняться до своего идеала, претерпѣть измѣненія, вполнѣ отвѣчающія потребностямъ и желаніямъ всѣхъ, стать вполнѣ здоровымъ и прекраснымъ организмомъ.

Вотъ тѣ требованія, которымъ стремится отвѣтить городъ-садъ. И, дѣйствительно, интеллигентнымъ предпринимателямъ, архитекторамъ-новаторамъ удалось создать въ Англіи, гдѣ жилища городской бѣдноты отличались особой отвратительностью, извѣстное число городовъ, въ которыхъ условія жизни для бѣдняковъ столь же здоровы, какъ и для богатыхъ. Портъ-Сенлайтъ, Бурневилль, Личвортъ, конечно, рѣзко отличаются къ лучшему отъ slums (глухихъ, грязныхъ улицъ) Ливерпуля, Манчестера и тому подобныхъ городовъ; незначительный процентъ смертности въ этихъ поселеніяхъ позволяетъ имъ соперничать въ данномъ отношеніи съ самыми роскошными кварталами нашихъ столицъ: 10—12 смертей ежегодно на 1000 жителей; однако, всегда бываетъ такъ, что только привилегированные живутъ въ городахъ-садахъ, и добрая воля филантроповъ не въ силахъ побѣдить послѣдствій, вытекающихъ изъ антагонизма, существующаго между Капиталомъ и Трудомъ.

Нѣтъ необходимости обращаться къ созданіямъ нашей эпохи, чтобы найти трогательныя доказательства тому стремленію къ красивому, которое испытывали многія села нашихъ предковъ и которое удовлетворяется только достиженіемъ гармоническаго единства. Можно привести, какъ примѣръ, общины полабовъ, племени славянскаго происхожденія, которое жило въ бассейнѣ рѣки Іетцы, ганноверскаго притока Эльбы. Здѣсь всѣ дома были расположены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, на большой овальной площади, посреди которой находился небольшой прудъ, дубовая или липовая роща, нѣсколько столовъ и скамеекъ изъ камня; каждый домикъ, увѣнчанный высокимъ шпилемъ, поддерживаемымъ выдающимися балками, былъ обращенъ своимъ фасадомъ къ площади, надъ дверьми находилась надпись біографическаго или нравоучительнаго содержанія. Зелень окружающихъ жилища садиковъ сливалась въ прекрасный поясъ тѣнистыхъ деревьевъ, который прерывался только въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежала дорога, связывавшая площадь съ большой дорогой; вдоль этого-то пути сообщенія съ другими поселками строились церковь, школа и гостиница [1]).

Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ населеніе настолько скучено, что на одинъ гектаръ приходится болѣе чѣмъ тысяча человѣкъ, какъ

---

1) D-r Tetzner, Globus, 7 avril 1900.

это наблюдается въ нѣкоторыхъ парижскихъ кварталахъ; въ Прагѣ

№ 492. «Slums» Манчестера и Сальфорда.

Согласно работѣ Т. Р. Марра („Housing conditions in Manchester and Salford“), дома, обозначенные черной краской и штриховкой 1 и 2, должны исчезнуть вслѣдствіе своего сквернаго санитарнаго состоянія. Остальныя жилища сравнительно здоровы.

скученность массъ еще болѣе значительна: въ Нью-Iоркѣ, въ 1896 году, быстрое размноженіе людей могло привести къ чрезвычайной густотѣ

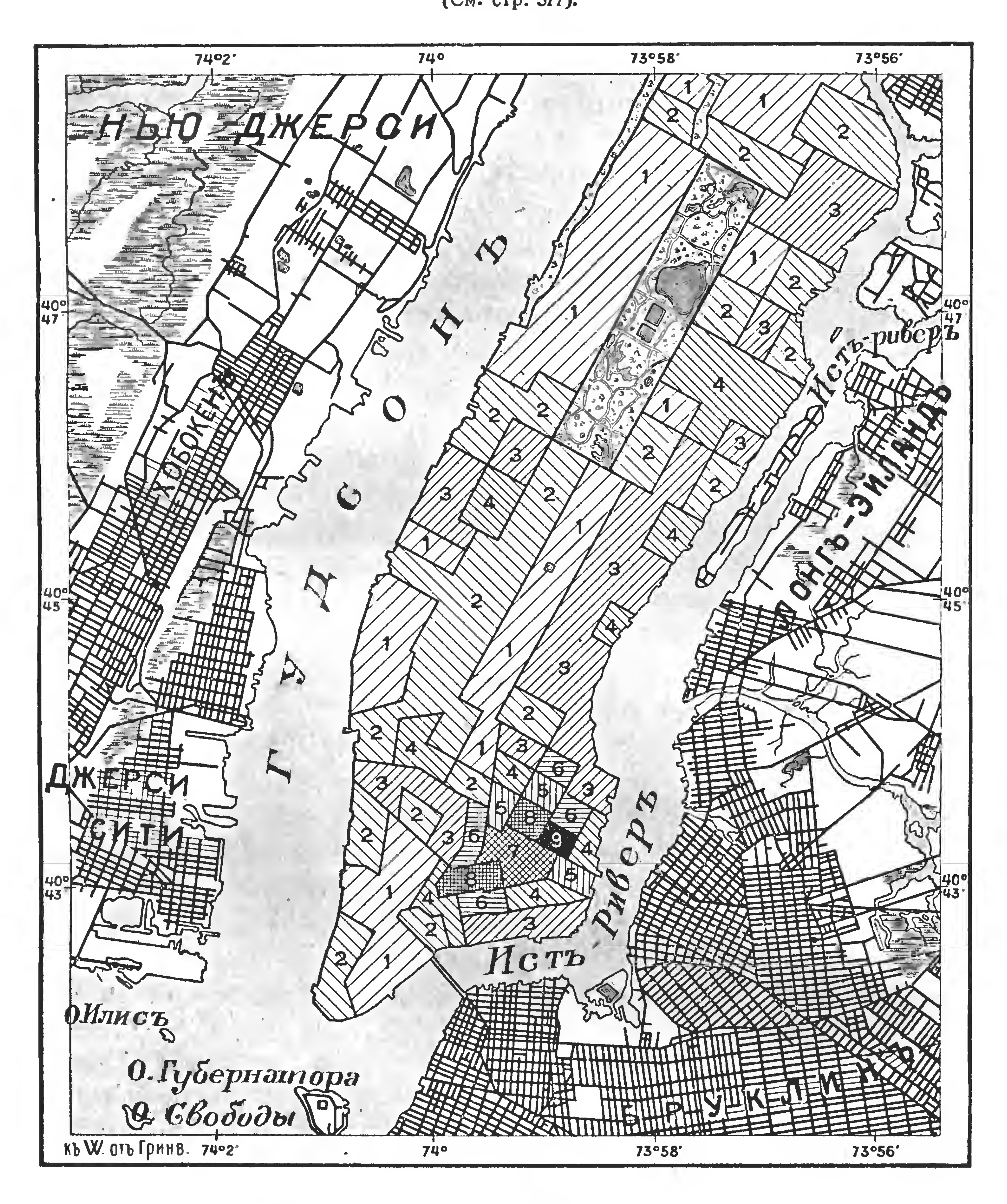
населенія, а именно 1860 человѣкъ на одинъ гектаръ, на площади въ 130 гектаровъ [1]). Деревни, расположенныя вокругъ городовъ, которыхъ военный геній не окружилъ недоступной для населенія границей, покрываются виллами и домами. Привлекаемые къ своему естественному центру, земледѣльцы все болѣе и болѣе приближаются къ сплошному скопленію зданій, какимъ является городъ, образуя вокругъ него густо населенный поясъ: вынужденные, вслѣдствіе этого, довольствоваться меньшимъ пространствомъ для своихъ жилищъ и культуръ, они начинаютъ вести болѣе интенсивное хозяйство; изъ пастуховъ они становятся земледѣльцами, изъ земледѣльцевъ огородниками и садоводами. Демографическія таблицы наглядно показываютъ это явленіе: разселеніе сельскихъ жителей кольцомъ вокругъ городовъ и переходъ ихъ къ садоводству и огородничеству. Такимъ-то образомъ, городъ Байрейтъ опоясанъ зоной, въ которой густота населенія доходитъ до 109 жителей на квадратный километръ; вокругъ Бамберга густота населенія достигаетъ 180 человѣкъ на километръ, а между тѣмъ почва, на которой собралось это количество жителей, не представляла первоначально по своимъ качествамъ большой цѣны: представляя смѣсь песка и торфа, она нѣкогда была годна только для произрастанія хвойныхъ растеній; въ настоящее время эту землю превратили въ образцовую садовую почву [2]). Въ средиземноморской области случается, что тяготѣніе къ городу, вмѣсто чтобы увеличить густоту населенія пригородовъ, напротивъ того, уменьшаетъ ее. Громадное преимущество имѣть возможность обсуждать общественные интересы превратило всѣхъ въ городскихъ жителей. Стремленіе къ agorá, какъ въ Греціи, или къ участью въ жизни муниципіевъ, какъ въ Италіи, привлекаетъ жителей къ центральной части города, гдѣ обсуждаются общественные вопросы, и притомъ значительно болѣе горячо на мѣстахъ прогулки публики, чѣмъ въ домѣ городского управленія. Такимъ-то образомъ, въ Провансѣ мелкій собственникъ, вмѣсто того, чтобы жить въ деревнѣ, остается, несмотря на все, закоренѣлымъ «горожаниномъ». Хотя у него есть свой загородный домъ, онъ не живетъ въ своемъ сельскомъ уголкѣ, но перебирается въ городъ, откуда онъ можетъ отправляться въ видѣ прогулки къ своимъ деревнямъ и попутно собрать съ нихъ плоды. Сельскія работы для него вещь второстепенная [3]).

Какъ вполнѣ естественная реакція противъ ужасающихъ размѣровъ гибели человѣческихъ жизней, противъ униженія столькихъ лич-

1) Lawrence Corthell, Revue scientifique, 27 juin 1896, p. 815.—2) Chr. Sandler, «Volks-Karten», p. 1.—3) Edmont Demolins, «Les Français d'aujourd'hui», p.p. 106, 107.

ностей, противъ порчи столькихъ наивныхъ душъ, вывариваюющихся въ

№ 493. Кварталы Нью-Іорка.
(См. стр. 377).



Штриховка 1—9 показываетъ густоту населенія въ городѣ Нью-Іоркѣ по кварталамъ; 1 отвѣчаетъ 250—500 жителямъ на 1 гектаръ; каждая дальнѣйшая ступень—на 250 человѣкъ больше; цифра 9 отвѣчаетъ 2250—2500 человѣкъ на 1 гектаръ.

«адскомъ котлѣ», реформаторы требуютъ уничтоженія городовъ и добро-

вольнаго перехода всего населенія въ деревню. Нѣтъ сомнѣнія, что въ культурномъ обществѣ, рѣшительно желающемъ возрожденія человѣчества при помощи переноса жизни въ деревню, такой поворотъ самъ по себѣ былъ бы возможенъ, такъ какъ, принявъ въ разсчетъ только сто милліоновъ квадратныхъ километровъ земной поверхности, вполнѣ годной для пріятнаго и здороваго мѣстопребыванія, исчисляя по два дома на квадратный километръ съ семью-восемью обитателями въ каждомъ, мы увидимъ, что этой площади уже хватаетъ для помѣщенія всего человѣчества; но человѣческая природа, первый законъ которой— стремленіе къ общественности, не могла бы приспособиться къ такой разрозненности. Конечно, людямъ нуженъ шелестъ деревьевъ и журчаніе ручейковъ, но имъ нужно также общеніе со многими изъ себѣ подобныхъ, со всѣми: весь земной шаръ становится для человѣчества громаднымъ городомъ, который одинъ только можетъ его удовлетворить.

Въ настоящее время ничто не указываетъ на то, что существующія громадныя скопленія зданій достигли своихъ предѣльныхъ размѣровъ: совсѣмъ напротивъ. Въ странахъ, недавно заселенныхъ, гдѣ группировка людей совершилась самостоятельно и примѣнительно къ современнымъ интересамъ и вкусамъ, города имѣютъ сравнительно гораздо болѣе значительное населеніе, чѣмъ города старой Европы; нѣкоторые большіе центры заключаютъ болѣе четверти или трети населенія всей страны. По сравненію со своимъ поясомъ притяженія, Мельбурнъ оказывается болѣе крупнымъ городомъ, чѣмъ Лондонъ, такъ какъ окрестные жители его болѣе подвижны, и ихъ ненужно, какъ въ Англіи, отрывать отъ деревни, гдѣ они пустили прочные корни въ теченіе вѣковъ. Однако, это исключительное явленіе избытка населенія въ австралійскихъ городахъ зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ раздѣленія сельской почвы на обширныя помѣстья, въ коихъ иммигранты не нашли себѣ мѣста: они были оттѣснены отъ латифундій къ капиталамъ [1]). Какъ бы то ни было, но дѣло переселенія становится все болѣе и болѣе легкимъ, и разрастаніе, напримѣръ, Лондона въ состояніи будетъ протекать непрерывно съ незначительной затратой силъ. Въ началѣ двадцатаго столѣтія этотъ городъ заключаетъ не болѣе одной седьмой части населенія Британскихъ острововъ; нѣтъ ничего невозможнаго, что Лондонъ также пріобрѣтетъ со временемъ треть или даже четверть населенія всей страны; тѣмъ болѣе, что Лондонъ является притягательнымъ центромъ не только для всей Великобританіи и Ирландіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ главный рынокъ Европы и значительной части колоніальнаго міра. Если въ будущемъ по нижнему теченію Темзы, либо при

1) J. Donain-Darrays, «Questions diplomatiques et coloniales», 1-er févr. 1903.

устьѣ Гудзона или въ какомъ-нибудь другомъ соотвѣтствующемъ мѣстѣ скопится до десяти-двадцати милліоновъ жителей, то въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго; надо даже подготовлять къ этому свой умъ, какъ къ явленію, вполнѣ нормальному въ жизни общественныхъ соединеній. Разрастаніе крупныхъ притягательныхъ очаговъ населенія можетъ осуществиться только въ ту эпоху, когда сила притяженія каждаго центра на жителей промежуточныхъ пространствъ придетъ въ равновѣсіе. Но тогда движеніе не остановится: оно превратится, мало-по-малу, въ тотъ непрерывный обмѣнъ населенія между городами, который наблюдается уже теперь, и который можно сравнить съ движеніемъ крови въ человѣческомъ организмѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новыя функціи дадутъ начало новымъ организмамъ, и города, уже столько разъ подвергавшіеся реформированію, должны будутъ появиться еще разъ въ новомъ видѣ, соотвѣтствующемъ всей экономической и соціальной эволюціи.

Ходъ исторіи не прекращался на берегахъ Средиземнаго моря.

Глава третья.

НАЦІОНАЛЬНОЕ ТЩЕСЛАВІЕ.—ЛАТИНСКІЕ НАРОДЫ.—СРЕДИЗЕМНОМОРСКІЙ ВОСТОКЪ.—БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. — ГРЕЦІЯ.—ИТАЛІЯ.—ПИРЕНЕЙСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.—ФРАНЦІЯ: ЕЯ КОЛОНІИ, ДѢЛО ДРЕЙФУСА. ПАРИЖЪ И ПРОВИНЦІЯ.—ОЛИГАНТРОПІЯ.—СѢВЕРНАЯ АФРИКА.—МАРОККО И САХАРА.—ГЕРМАНІЯ: МОРСКІЯ ВООРУЖЕНІЯ, ВНУТРЕННІЕ ВОДНЫЕ ПУТИ.—АВСТРО-ВЕНГРІЯ.—БЕЛЬГІЯ.—ГОЛЛАНДІЯ.—СКАНДИНАВІЯ.

Подобно тому, какъ индивидуумъ, въ своемъ инстинктивномъ стремленіи къ самосохраненію, отвергаетъ идею о смерти и создаетъ въ своемъ воображеніи мечту о личномъ безсмертіи, такъ же точно и націи не хотятъ допустить мысли, что онѣ могутъ исчезнуть: неизбѣжные перевороты, революціи и катастрофы, обязаны такъ сказать, уважать ихъ существованіе. Онѣ не только желали бы продолжать жить, но каждой изъ нихъ хотѣлось бы играть первенствующую роль, если не во всѣхъ,

то, по меньшей мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоять на первомъ мѣстѣ. Охотно подшучиваютъ надъ Франціей за то, что она называетъ себя «Великой Націей», но кто же изъ ея сосѣдей или отдаленныхъ соперниковъ не мнитъ себя достойнымъ этого титула? Развѣ Англія не является господствующей націей на морѣ, не опоясываетъ весь міръ кольцомъ своихъ колоній, изъ коихъ одна или многія въ любое время освѣщаются солнцемъ, находящимся въ зенитѣ? Развѣ заатлантическая «Англо-Саксонія» не хвалится тѣмъ, что она среди всѣхъ націй самая смѣлая и самая изобрѣтательная, самая пригодная для открытій и прогресса? Развѣ Германія не считаетъ себя первою націей по мощи своего генія и широтѣ своей мысли? «Святая Русь» именуетъ себя великой поглотительницей царствъ и имперій, всемірной наслѣдницей всѣхъ государствъ Стараго Свѣта. Китай—это великій прародитель, безсмертная нація, а Японія, имперія «Восходящаго Солнца», обольщается мыслью, что ей дана въ удѣлъ необъятность временъ. Имѣются также націи, которыя съ особеннымъ удовольствіемъ восхваляютъ свое прошедшее, потому что онѣ должны признать, что въ настоящемъ онѣ занимаютъ далеко не первое мѣсто. Греція гордится тѣмъ, что она является страною Платона и Аристотеля, Геродота и Ѳукидида, Эсхила и Софокла, Апеллеса и Фидія, а Римъ говоритъ о своемъ быломъ могуществѣ надъ всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ и властвуетъ даже нынѣ во многихъ странахъ вліяніемъ своего языка, своего духа, своей религіи, своей морали и права. Наконецъ, даже маленькія государства предполагаютъ за собою, по крайней мѣрѣ, одно превосходство: съ полной наивной искренностью швейцарцы поздравляютъ другъ друга во время національныхъ праздниковъ со своими добродѣтелями, и даже вѣчно блуждающій еврейскій народъ, носящій свое отечество на подошвѣ сапогъ, провозглашаетъ себя «Избранникомъ Божіимъ».

Чтобы придать больше вѣса своимъ претензіямъ на превосходство, патріоты каждой націи любятъ ссылаться на болѣе обширную группу человѣческаго рода, давая ей, конечно, неправильно, названіе «расы», имѣющее очень растяжимое значеніе. Народы побережья Средиземнаго моря, которые участвовали въ древней римской цивилизаціи, называютъ себя обыкновенно «латинскими», какъ-будто языки, на которыхъ они говорятъ, итальянскій, испанскій, португальскій, французскій, румынскій, устанавливаютъ нѣкоторую духовную преемственную связь между ними и древними обитателями Лаціума; обыкновенно къ этой пресловутой латинской расѣ пріобщаютъ даже грековъ Европы, острововъ Архипелага и Малой Азіи, причемъ за ней признаютъ естественное первенство въ земляхъ сѣверной Африки и Мавританіи, такъ какъ живущіе въ послѣднихъ берберы слишкомъ малочисленны, чтобы за ними признали право представлять собою особую расу.

Мало того, къ латинцамъ причисляютъ добрую половину народовъ Новаго Свѣта, т.-е. всѣ народы, имѣющіе очень смѣшанное происхожденіе: бѣлые, краснокожіе, чернокожіе, которые говорятъ по-французски, испански или португальски, живущіе на Антильскихъ островахъ, въ Мексикѣ, Центральной Америкѣ и на всемъ американскомъ материкѣ къ югу отъ Панамскаго перешейка.

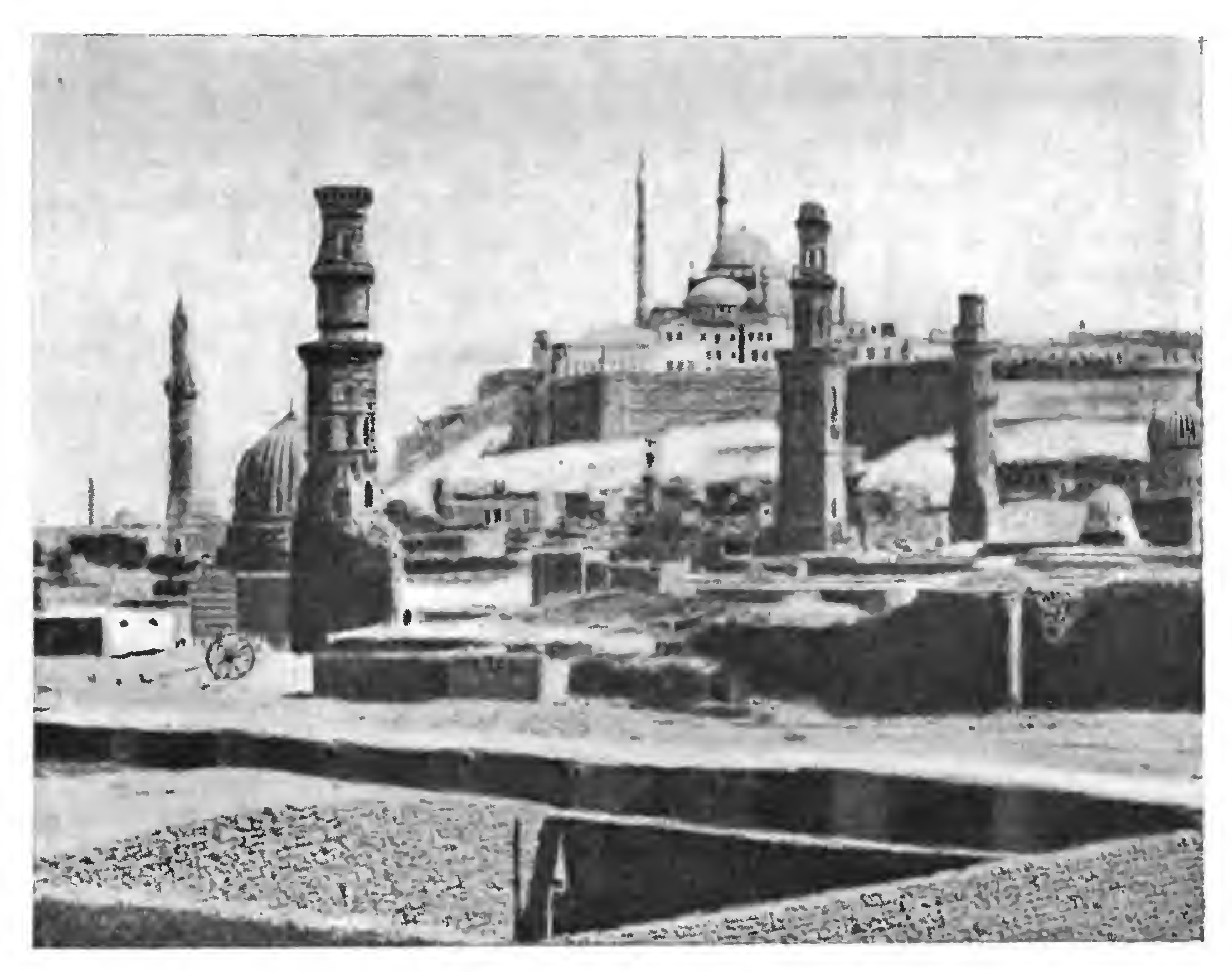
Внѣ латинскаго міра, тѣ народы, которые боролись наиболѣе энергично съ могуществомъ Рима и, въ концѣ концовъ, сломили его, а именно германцы, занимающіе большую часть средней Европы, образуютъ, по ихъ мнѣнію, другую расу, къ которой на сѣверѣ примыкаютъ, въ качествѣ подрасы, скандинавцы и датчане, жители Швеціи, Норвегіи и Исландіи. Кромѣ того, германцы причисляютъ къ своей расѣ всѣ тѣ племена, которыя населяютъ Британскіе острова, Соединенные Штаты и Канаду и получили названіе «англо-саксонцевъ»; послѣдніе, въ свою очередь, полагаютъ, что представляютъ самостоятельную расу, которой принадлежитъ первенствующая роль въ мірѣ.

Славяне восточной Европы, захватывая на западѣ Германію, на юго-западѣ Австро-Венгрію и Балканскій полуостровъ, на юго-востокѣ кавказскія области, а на востокѣ обширныя пространства Азіи, включаютъ подъ общимъ именемъ славянской расы также немало покоренныхъ народовъ. Наконецъ, господствующія въ мірѣ съ европейской культурой націи соглашаются удѣлить около себя мѣсто пятистамъ милліонамъ китайцевъ, индо-китайцевъ, монголовъ, подъ названіемъ «желтой» расы.

Что касается японцевъ, то классификаторы находятся въ затрудненіи: слѣдуетъ ли ихъ помѣстить среди «желтыхъ», къ которымъ они принадлежатъ по своему происхожденію, цвѣту, языку, традиціямъ, или же, быть-можетъ, ихъ слѣдуетъ отнести къ «англо-саксонцамъ», съ которыми они тѣсно связаны въ политическомъ отношеніи, и нравы которыхъ они стараются перенять? Также точно, подъ какой рубрикой надо помѣстить триста милліоновъ индусовъ и дравидійцевъ? Обыкновенно склонны видѣть въ нихъ просто-на-просто вѣтвь англо-саксонской «расы», которая ими управляетъ.

Со второй половины девятнадцатаго столѣтія многіе представители такъ называемой «латинской» расы охвачены до извѣстной степени пессимистическимъ настроеніемъ и принимаютъ, повидимому, за аксіому мысль, что «латинскій духъ изсякъ», что геній расы окончательно исчерпанъ. Такія вздорныя предположенія могутъ быть объяснены не иначе, какъ чувствомъ оскорбленнаго тщеславія. Быстрые и рѣшительные успѣхи германской арміи во время войны 1870 года, безспорное превосходство той или иной націи, германской, англійской, американской или русской, въ различныхъ отрасляхъ науки и искусства, колос-

сальные успѣхи въ области промышленности, по которымъ Соединенные Штаты занимаютъ первенствующее положеніе среди другихъ народовъ,— все это даетъ столько разительныхъ доказательствъ чрезвычайнаго распространенія матеріальнаго и интеллектуальнаго прогресса въ мірѣ, что, очевидно, латинцы не могутъ уже претендовать на гегемонію: они чувствуютъ себя оттѣсненными отъ перваго мѣста и съ досады считаютъ себя уже мертвыми. Комичное впечатлѣніе производятъ всѣ эти причитанія и надгробныя рѣчи, произносимыя самими латинцами надъ

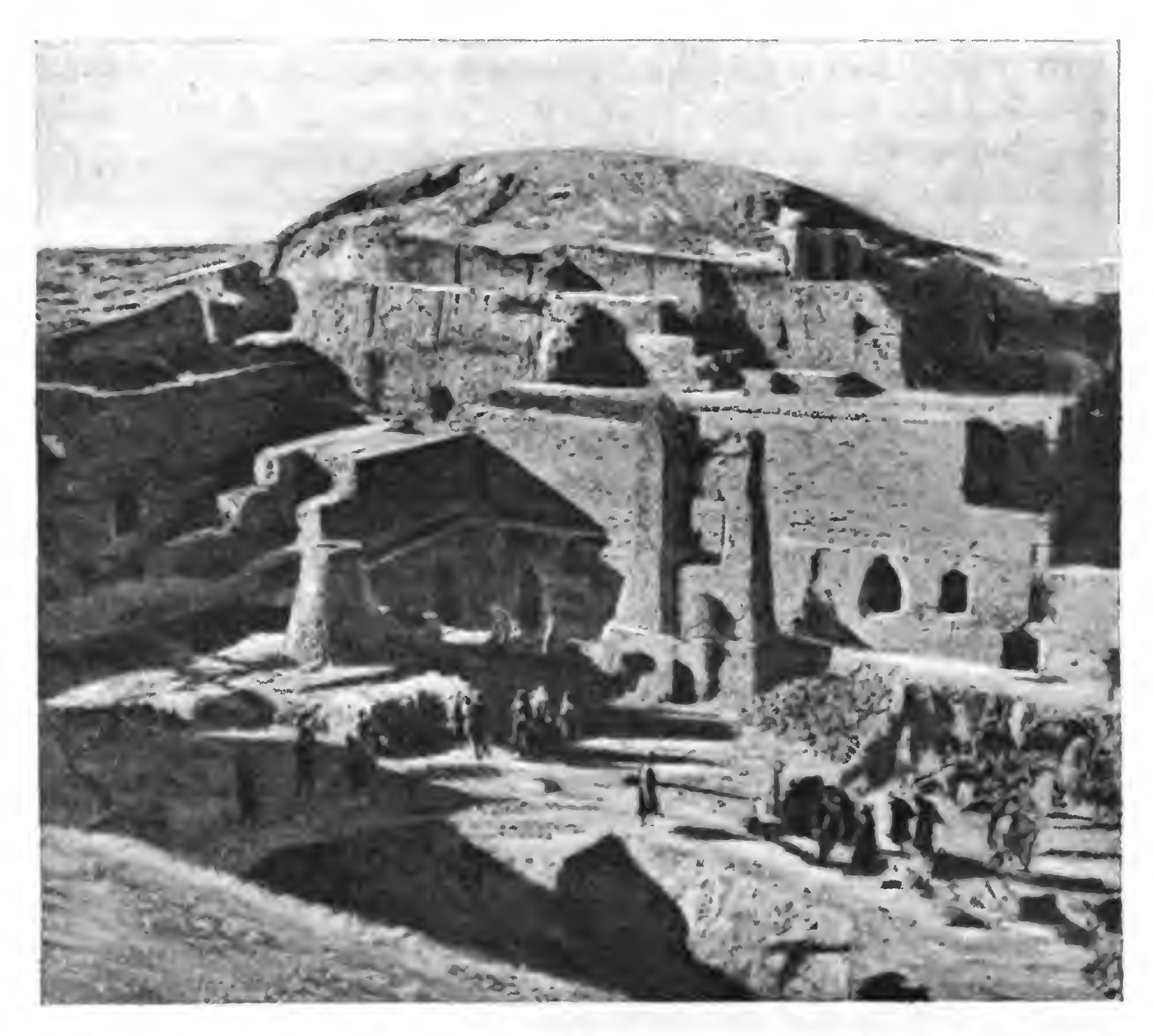


Цитадель Каира.

своей умершей расой и подхваченныя хоромъ англо-саксонцами и германцами. По счастью, этотъ трауръ носится по народамъ живымъ и даже очень живымъ: ходъ исторіи не прекращался на берегахъ Средиземнаго моря!

За исключеніемъ двухъ стратегическихъ пунктовъ, Гибралтара и Мальты, западная часть этого внутренняго моря вполнѣ латинская; но что касается восточныхъ береговъ его, то вопросъ еще очень спорный; къ тому же большинство племенъ, которыя живутъ по склонамъ береговъ этой части Средиземнаго моря, пока еще не примкнули къ европейцамъ: если не въ политическомъ отношеніи,—такъ какъ Египетъ въ

настоящее время находится въ прямой зависимости отъ Великобританіи,—то, по крайней мѣрѣ, по своимъ нравамъ, языку, народному духу. Эти восхитительныя мѣстности, которыя явились ареной расцвѣта нашей первой исторической цивилизаціи, такъ много подвергались угнетенію, разоренію и всевозможнымъ передрягамъ со стороны слѣдовавшихъ одинъ за другимъ завоевателей, что имъ трудно снова расцвѣсть.



Раскопки одного храма въ Ниппурѣ.

Остатки великихъ націй, которыя смѣняли здѣсь другъ друга,—армяне и хетты, эламиты и халдеи, потомки народовъ, населявшихъ Малую Азію, фригійцы, лидійцы и ликійцы, сирійскіе финикіяне, египтяне съ береговъ Нила и жители древней Киренаики, вынуждены были въ цѣломъ рядѣ поколѣній такъ много склоняться передъ разными властелинами, что они утратили всякую силу сопротивленія, всякую, такъ сказать, упругость; имъ уже не понятно, какъ бы они могли жить, подобно ихъ предкамъ, въ полной политической независимости; получить другого господина, пріобрѣсть нѣкоторыя льготы, добиться тер-

пимости по отношенію къ своему культу,—вотъ чѣмъ ограничиваются ихъ стремленія и требованія. Всякая иниціатива исчезла; у туземцевъ упомянутыхъ побережій осталась только извѣстная доля пронырства, гибкости, хитрости, которая позволяетъ имъ приспосабливаться къ условіямъ своей рабской жизни и даже извлекать изъ нея нѣкоторыя матеріальныя выгоды. Со времени начала исторіи въ средиземноморскихъ странахъ Востока замѣчается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильный регрессъ: населеніе, несомнѣнно, уменьшилось, и площадь совершенно пустынныхъ земель увеличилась. Пески доходятъ теперь во многихъ мѣстахъ вплоть до береговъ Евфрата, и кочующіе бедуины бродятъ теперь тамъ, гдѣ нѣкогда лежали плодородныя поля халдеевъ.

На значительной части территоріи древней Сиріи населеніе сконцентрировалось на двухъ склонахъ прибрежныхъ горъ, въ особенности, направленныхъ къ двумъ современнымъ метрополіямъ: съ одной стороны, къ Бейруту, съ другой,—къ Дамаску. Являясь подданными Великаго Султана, жители данныхъ мѣстностей сохранили, тѣмъ не менѣе, въ значительной мѣрѣ, религіозные обряды временъ византійскаго владычества. Вѣрованія и секты съ ихъ обрядами и наслѣдственными традиціями являются тѣми опредѣляющими моментами, которые раздѣляютъ людей на различныя общественныя соединенія и націи; это такъ не только потому, что религіи даютъ специфическое направленіе жизни, но также и оттого, что онѣ отвѣчаютъ извѣстному складу мысли, извѣстному развитію и воспитанію: религіи видоизмѣняютъ волю, нравы и даже типъ лица и тѣла.

Между мусульманами, друзами, маронитами, греками-уніатами, православными греками, сирійцами и армянами, которые происходятъ большей частью изъ одного этническаго корня и изъ тѣхъ же смѣшеній расъ,—различія сдѣлались глубже и проявляются въ жестахъ, физіономіяхъ, позахъ, во всемъ «видимомъ ритмѣ жизни», такъ какъ «крупныя характерныя черты индивидуума зависятъ отъ руководящихъ имъ идей» [1]). Общества—это «организмы, которыхъ господствующія идеи измѣняютъ сообразно извѣстному типу». Общій видъ ихъ мѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ идей; на общемъ національномъ фонѣ появляется новый признакъ,—отпечатокъ профессіональнаго характера, къ которому присоединяется черта моральная—отпечатокъ идеи.

Среди различныхъ сирійцевъ христіанство не имѣетъ моральнаго перевѣса надъ другими религіями. Христіанинъ на Востокѣ отстраненъ отъ благородныхъ и почетныхъ занятій, его презираютъ, оскорбляютъ,

---

1) André Chevrillon, «En Syrie», Société normande de Géographie, janvier-février 1898, p. 33.

считаютъ по самой природѣ его существомъ низшаго порядка; онъ долженъ изощрять свой умъ, чтобы защищаться, вынужденъ жить при помощи изворотливости и хитрости, онъ безропотно и терпѣливо предаетъ себя на волю Провидѣнія, покоряется необходимости добиваться желаемаго долгими просьбами; христіанинъ Востока сталъ смиреннымъ, рабски-почтительнымъ и въ то же время умнымъ, но это не тотъ умъ, который творитъ, создаетъ: ему не хватаетъ широты обобщающей мысли.

Воля, инициатива, оригинальная и самостоятельная мысль—ему также чужды [1]).

Маленькая Палестина съ узкимъ рѣчнымъ бассейномъ, образованнымъ Іорданомъ, даетъ пріютъ различнымъ религіямъ и представляетъ столько же различныхъ частей. Мусульмане, или тѣ, которые исповѣдуютъ культъ султана, многочисленнѣе всѣхъ, но они относятся терпимо къ христіанамъ и евреямъ. Первые раздѣляются на столько же враждебныхъ армій, сколько насчитывается различныхъ исповѣданій: католики, православные, протестанты различныхъ толковъ имѣютъ каждые свои церкви, часовни, монастыри, больницы, интересы которыхъ защищаются очень энергично; нерѣдко возникаютъ раздоры, которые угрожали бы перейти въ серьезныя побоища, если бы мусульманскіе солдаты не оказывали своевременно благотворнаго вмѣшательства. Каждому изъ этихъ христіанъ кажется, что онъ имѣетъ особыя права на обладаніе Святыми Мѣстами, гдѣ его собственные грѣхи были искуплены смертію Бога; онъ считаетъ за личное оскорбленіе, если другіе позволяютъ себѣ заявлять совершенно такія же претензіи, какъ и онъ самъ.

Еврейская нищенка въ Іерусалимѣ.

Что касается евреевъ, то неужели они не находятся въ Палестинѣ у себя дома, на землѣ, которую самъ Іегова далъ ихъ предкамъ? Въ ихъ глазахъ мусульмане и христіане представляются не кѣмъ инымъ, какъ непрошенными пришельцами на землѣ обѣтованной; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ потомкамъ самыхъ древнихъ обитателей этой земли приходится униженно добиваться доступа въ страну ихъ предковъ; и этотъ доступъ имъ не всегда открывается. Въ настоящее время

1) André Chevrillon, тамъ же, p. 35.

евреевъ въ предѣлахъ Палестины не болѣе шестидесяти тысячъ—въ среднемъ приходится одинъ еврей на десять жителей;—а изъ этихъ шестидесяти тысячъ приблизительно половина состоитъ изъ нищихъ и паразитовъ, поддерживаемыхъ милостями богатыхъ банкировъ Запада. Слава Израиля не сіяетъ уже въ современномъ Іерусалимѣ, однако, «избранный народъ» все еще разсчитываетъ возстановить свои храмы на вершинѣ Сіона. Изъ десяти милліоновъ евреевъ, разсѣянныхъ въ мірѣ, около двухсотъ тысячъ объединены въ общество «сіонистовъ», которые лелѣютъ мечту, что, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ, земля ихъ предковъ будетъ имъ возвращена, наперекоръ султану, магометанамъ и христіанамъ, наперекоръ даже громадному большинству ихъ единовѣрцевъ, равнодушныхъ къ этому вопросу. Но какъ маленькая Палестина, почва которой едва прокармливаетъ нынѣ 340000 ея жителей, въ состояніи будетъ принять всю массу евреевъ, возвращающихся изъ своего третьяго, и столь продолжительнаго, плѣна? Тогда-то должно будетъ свершиться чудо, которое направитъ къ Іерусалиму, новому Лондону, всѣ богатства всего міра!

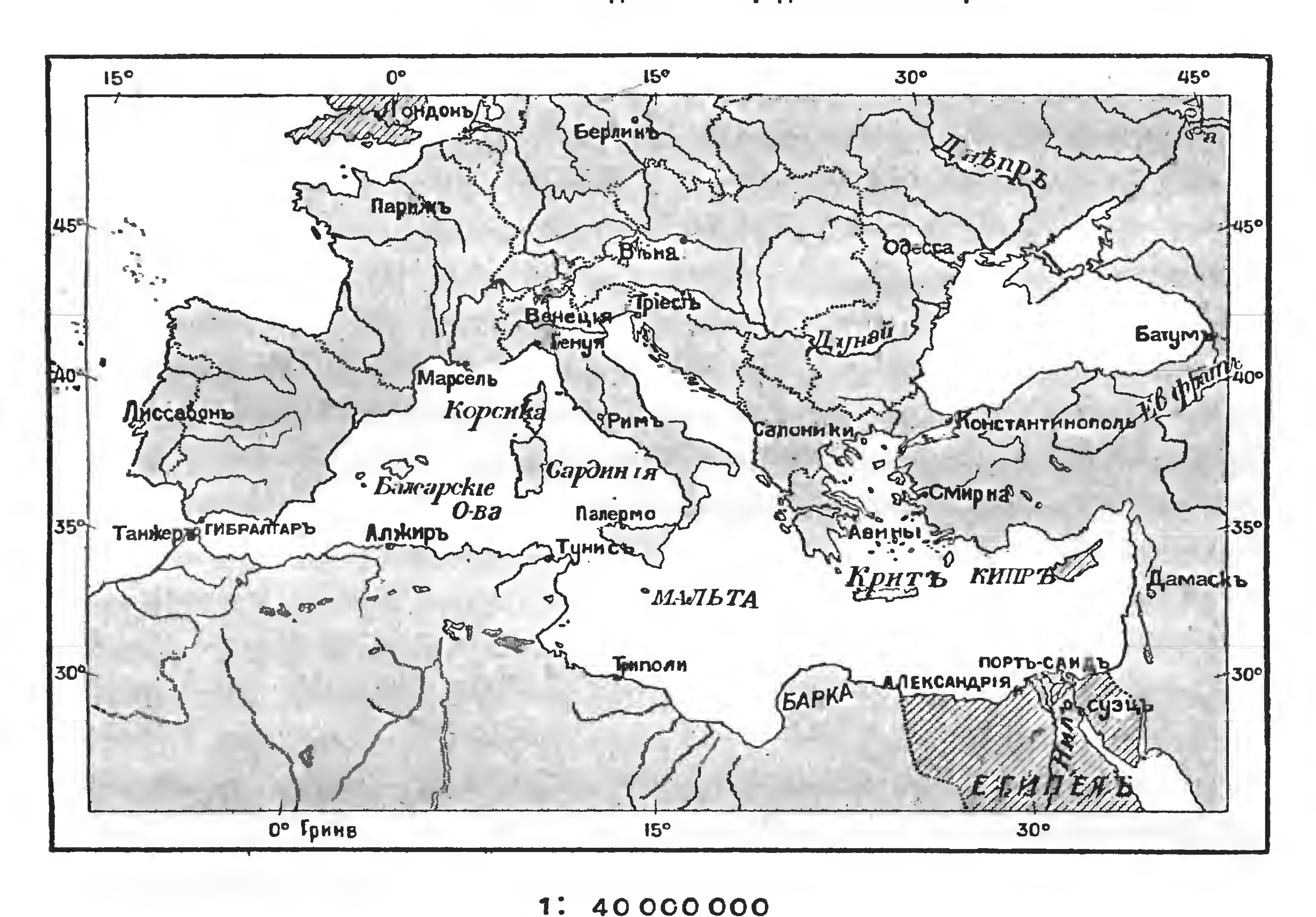
Смежная съ Іудеей страна, Египетъ, уже не принадлежитъ болѣе—развѣ только номинально—мусульманскому властителю. Извѣстно, что при раздѣлѣ Африки—который въ наши дни почти совершенно законченъ, такъ какъ Абиссинія и Марокко являются единственными еще не разобранными кусками—Великобританія весьма искусно завладѣла землями по теченію Нила, которыя являются самыми заманчивыми въ мірѣ, вслѣдствіе своего изумительнаго плодородія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своему положенію въ центрѣ группы материковъ Стараго Свѣта, на пути изъ Европы въ Индію.

Говорятъ далѣе, что Англія смотритъ какъ на свою собственность на бухту Бомба, лежащую прямо къ югу отъ Крита и, такимъ образомъ, обезпечила себѣ заранѣе власть надъ всѣмъ побережьемъ, которое тянется на 1000 километровъ на западъ отъ Александріи; точно такъ же, какъ и древніе Птолемеи и другіе властители Египта, Англія, не задумываясь, разсматриваетъ Киренаику какъ естественную часть земель бассейна Нила; и если бы Италіи дѣйствительно удалось, какъ она того желаетъ, основать свои колоніи въ странѣ Барка, Англія все-таки отыгралась бы на томъ, что въ ея рукахъ былъ бы контроль и надзоръ на морѣ. Ясно, что интересно этому государству: проведеніе желѣзной дороги между однимъ изъ портовъ Киренаики и Суэцомъ повело бы къ сокращенію переѣзда отъ Лондона до Бомбея, по крайней мѣрѣ, на двадцать-четыре часа, черезъ Марсель, Александрію и Портъ-Саидъ; быстроходному пакетботу на переѣздъ по Средиземному морю, отъ Бриндизи до Бомбея, потребовалось бы какихъ-нибудь тридцать часовъ. Обладаніе Кипромъ, лежащимъ въ заливѣ, который омываетъ бе-

рега какъ Киликіи, такъ и Сиріи, въ виду Тавра и Ливана, значительно содѣйствуетъ пріобрѣтенію англичанами преобладающаго положенія въ восточной части Средиземнаго моря.

Но, несмотря на то, что Кипръ и Египетъ оторваны отъ имперіи Повелителя Правовѣрныхъ, эта имперія все же еще существуетъ, и соперничество державъ обѣщаетъ ей даже долгіе дни. Въ дѣйстви-

№ 494. Англійскія владѣнія на Средиземномъ морѣ.



Бухта Бомба лежитъ въ восточной части страны Барка.

тельности Турція, со своими европейскими, азіатскими и африканскими владѣніями, не принадлежитъ самой себѣ; она является объектомъ попеченій такъ называемаго «европейскаго концерта», въ которомъ участвуютъ Англія въ своемъ «блестящемъ одиночествѣ» и двѣ группы государствъ: тройственный и двойственный союзы. Если султанъ является грознымъ владыкой, то только потому, что таковымъ ему позволяютъ быть, и надо отдать справедливость, европейскія державы весьма щедры въ предоставленіи ему полномочій. Они даютъ ему волю угнетать своихъ подданныхъ всѣхъ національностей, всѣхъ языковъ и вѣроисповѣданій; по своему усмотрѣнію султанъ можетъ накладывать подати и удерживать себѣ доходы, онъ можетъ даже широко пользо-

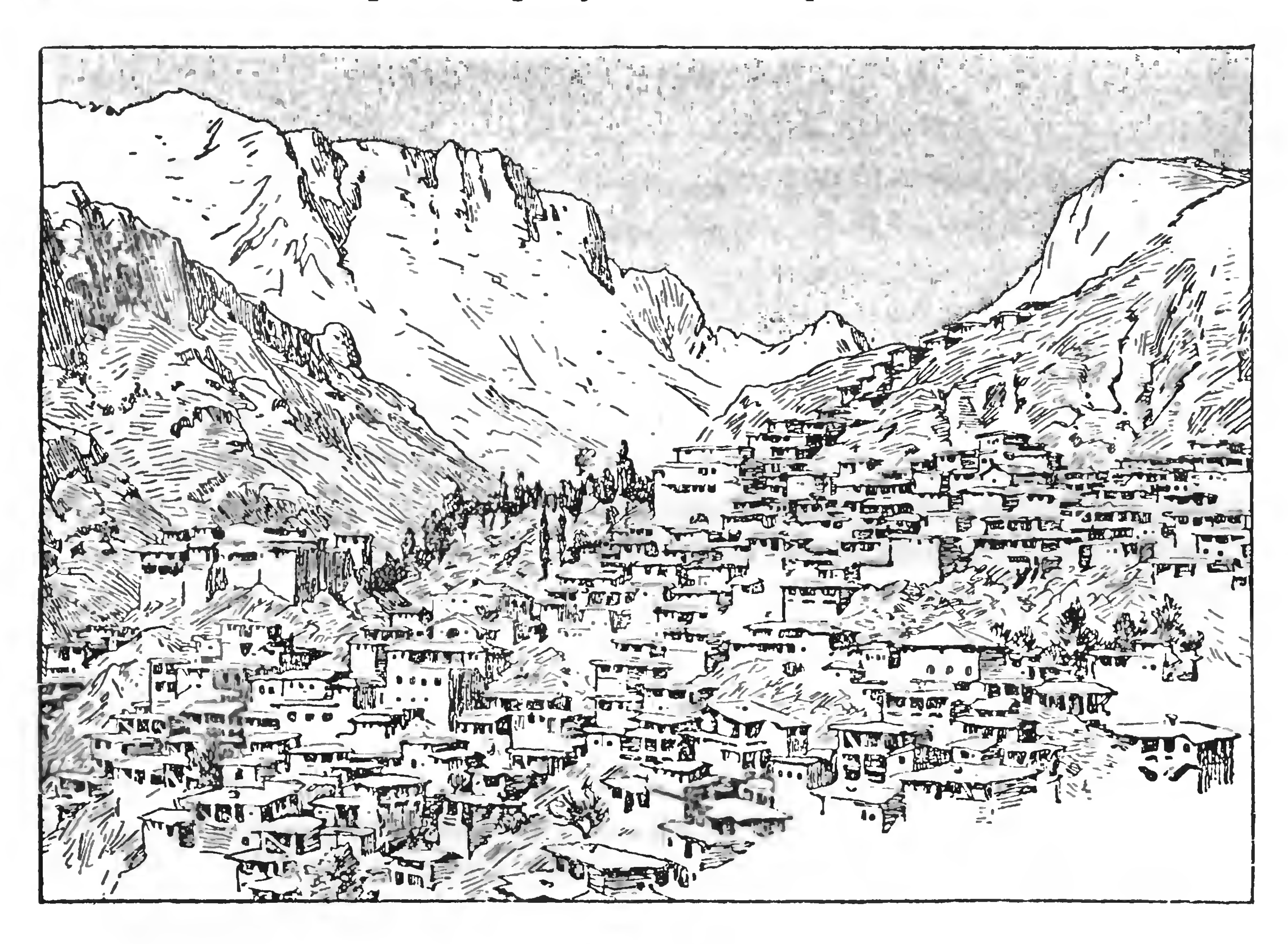
ваться правомъ жизни и смерти надъ подданными, которое принадлежитъ абсолютнымъ монархамъ.

Избіенія армянъ, организованныя съ такимъ знаніемъ дѣла, что невозможно въ нихъ видѣть послѣдствія народнаго возстанія или войны между расами, явились самыми ужасными изъ всѣхъ современныхъ звѣрствъ, представляющихъ наибольшую сумму преступленій. Въ самомъ Константинополѣ избіенія 26-го по 29-го августа 1896 года производились съ такой планомѣрностью, которая свидѣтельствуетъ о сознательной волѣ и хладнокровной разсчетливости организаторовъ убійствъ. Дома обреченныхъ на смерть армянъ были наканунѣ помѣчены мѣломъ; несчастные, подстерегаемые со всѣхъ сторонъ, не могли и думать о бѣгствѣ; имъ оставалось только терпѣливо покориться неизбѣжному. Затѣмъ, на зарѣ, мясники и люди кроваваго ремесла, спеціалисты по рѣзанію животныхъ, начали свой походъ и безъ суеты, безъ криковъ быстро принялись за работу—прикалываніе своихъ жертвъ: почти вездѣ рѣзня происходила среди бѣла дня, на порогѣ самихъ домовъ, которые должны были сохранить на себѣ кровавое пятно въ знакъ монаршаго гнѣва. Такимъ образомъ, погибли во цвѣтѣ лѣтъ тысячи людей. Сколько именно? Оффиціальныя донесенія, безъ сомнѣнія, останутся надолго неизвѣстными; приблизительные подсчеты гласятъ о семи тысячахъ труповъ. Что же касается тѣхъ армянъ, которые погибли въ 1894 по 1896 и затѣмъ въ 1900 годахъ отъ руки курдовъ въ провинціяхъ Ванъ, Эрзерумъ, Мамуретъ-эль-Азисъ, Битлисъ, Сивасъ, Діарбекиръ, Алеппо, то приблизительныя цифры колеблются между 3 и 500 тысячами; къ тому же безпрерывное выселеніе, въ особенности въ Закавказье, уменьшило, по всей вѣроятности, на нѣсколько сотъ тысячъ армянское населеніе упомянутыхъ провинцій, численность котораго до начала избіеній достигала одного милліона, по однимъ даннымъ, и двухъ—по другимъ [1]); въ общемъ сходятся на томъ допущеніи, что армяне составляли большинство населенія только въ нѣкоторыхъ округахъ, такъ, напримѣръ, около Цейтуна, Муха, Ванъ и т. д. Изъ разсказовъ объ ужасахъ того времени слѣдуетъ выдѣлить поведеніе жителей Цейтуна, которые, видя оборотъ, принимаемый дѣломъ, организовали защиту своихъ горъ, взяли гарнизонъ въ плѣнъ (28 октября 1895 года) и оказывали турецкой арміи сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока европейскіе консулы не уладили условій сдачи (30 января 1896 г.). Этотъ исходъ «спасалъ престижъ» султана и предохранялъ армянъ отъ угрожавшихъ имъ истязаній. Жители Цейтуна завербовали себѣ право на жизнь.

На первый взглядъ ничѣмъ, повидимому, нельзя объяснить, что европейскія державы могли относиться къ подобнымъ дѣяніямъ тер-

1) См. Pierre Quillard, «Pour l'Arménie, Cahiers de Quinzaine», juin, 1902.

нимо, такъ какъ отъ поведенія властителей можно требовать, по меньшей мѣрѣ, соблюденія извѣстнаго внѣшняго декорума; но такъ ужъ вошло въ традицію, что въ подобныхъ дѣлахъ руки монарховъ совершенно развязаны; къ тому же правительства, на совѣсти которыхъ также лежатъ аналогичныя дѣянія, чувствуютъ себя болѣе или менѣе солидарными даже въ преступленіи и единодушно стараются водворить молчаніе и замаскировать преступленіе, которое они должны были бы



Цейтунъ въ Таврѣ.

предупредить. Возможно даже, что въ этихъ армянскихъ дѣлахъ имѣло мѣсто своего рода молчаливое соучастье. Не говоря уже объ этихъ, съ позволенія сказать, государственныхъ мужахъ, объ этихъ ничтожныхъ дипломатахъ, которые считаютъ за величайшую честь полученіе знаковъ отличія и титуловъ изъ окровавленныхъ рукъ, развѣ не было для Россіи извѣстной выгоды въ томъ, чтобы ея закавказская граница была избавлена отъ народа, имѣющаго свободолюбивыя, чуть ли не республиканскія тенденціи, и большая часть молодежи котораго примыкаетъ къ неспокойнымъ и опаснымъ группамъ русскихъ студентовъ? Соучастье русскаго правительства тѣмъ болѣе достойно вниманія, что вплоть до 1882 г. постоянная политика царскаго правительства заключалась въ томъ, чтобы, подъ предлогомъ общности религіи, опираться на армянъ при завязываніи нужныхъ ему связей въ Турецкой имперіи. Наконецъ,

одинъ изъ монарховъ Европы, германскій императоръ, никогда и нигдѣ не упускалъ случая демонстративно назвать себя «большимъ другомъ» султана и предоставить ему для организаціи и обученія его войскъ офицеровъ своей арміи. Каковы бы ни были мотивы покровительственнаго отношенія Германіи къ турецкому правительству, несомнѣнно, что матеріальныя выгоды отъ этого благоволенія были значительны: концессія будущей желѣзной дороги отъ Босфора къ Персидскому заливу сдана нѣмцамъ, и послѣдніе имѣютъ полное основаніе разсчитывать на поддержку султана въ дѣлѣ быстраго захвата въ свои руки торговыхъ средствъ государства, въ Европѣ и Азіи.

Какъ бы то ни было, будь то добровольно или подъ давленіемъ угрозъ, но Турція, какъ европейская держава, находится вполнѣ въ рукахъ капиталистовъ, которые управляютъ ея финансами и косвенно располагаютъ арміями и флотами Европы. Когда иностранные посланники предъявляютъ свои требованія, «Красному Султану» остается только склониться передъ ними. Англія по своему усмотрѣнію размежевываетъ земли, лежащія позади Адена, и турецкое правительство этому не прекословитъ; Россія свободно проводитъ черезъ Дарданеллы свои военные корабли подъ болѣе или менѣе удачной маской торговыхъ судовъ; Франція, озабоченная интересами корыстныхъ финансистовъ, завладѣваетъ въ видѣ залога островомъ, и никто не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки оспаривать у нея это право. Наконецъ, Австрія конфискуетъ въ свою пользу двѣ провинціи въ магометанской части имперіи, между тѣмъ какъ другія провинціи добиваются независимости. Въ теченіе послѣдняго столѣтія территорія и населеніе европейской Турціи уменьшились приблизительно на три четверти [1]).

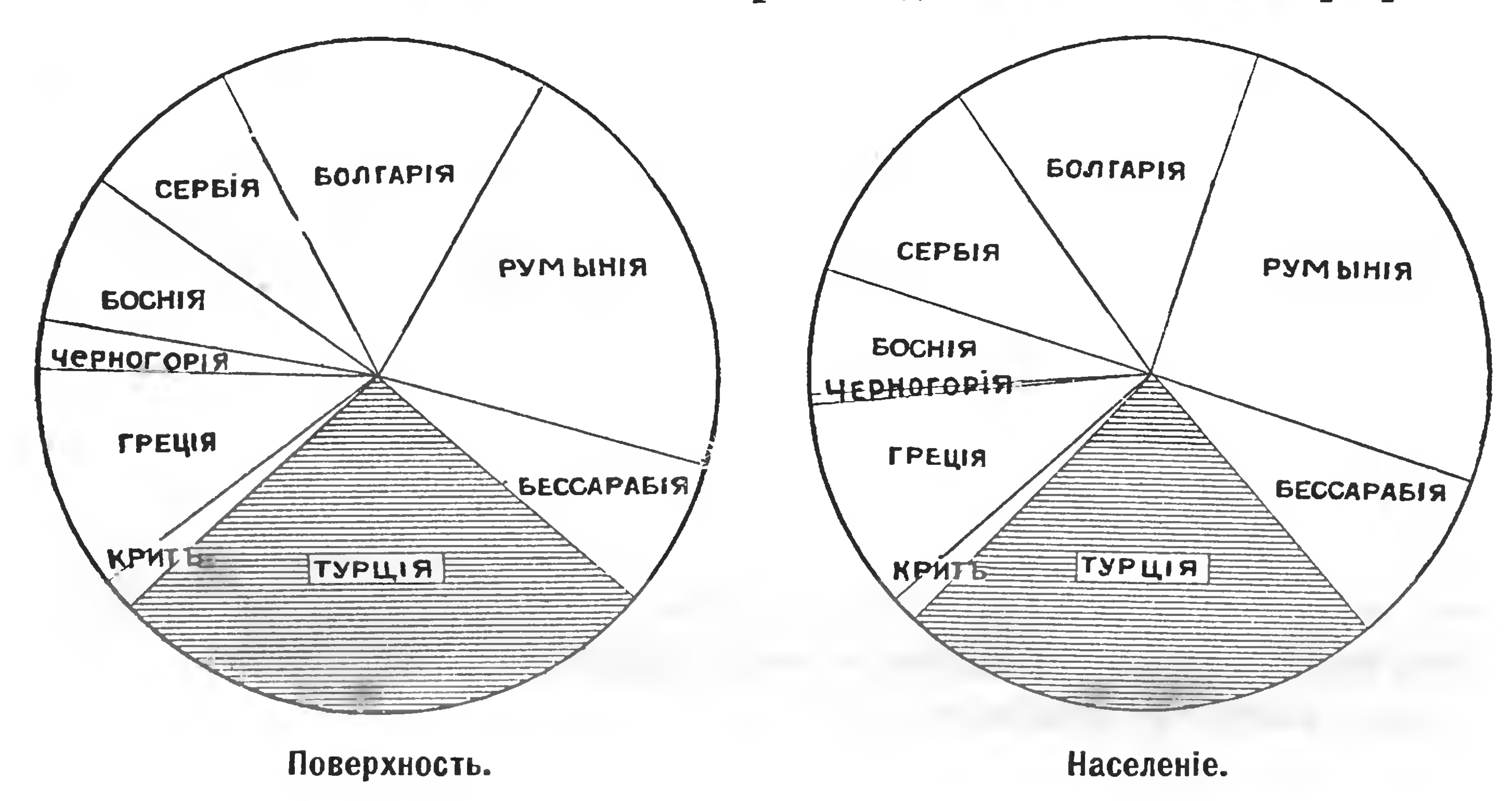
То, что осталось отъ имперіи Сулеймана Великолѣпнаго, слѣдовало бы сравнить уже не съ «больнымъ человѣкомъ», а съ инвалидомъ, которому ампутировали руки и ноги. Итакъ, Турція подпадаетъ съ каждымъ днемъ подъ все болѣе и болѣе тѣсную зависимость отъ европейскихъ финансистовъ, такъ что можно предположить, что эти послѣдніе будутъ продолжать раздавать страну своимъ вѣнценоснымъ протеже, какъ они это уже сдѣлали съ Румыніей, Сербіей, Болгаріей, Босніей-Герцеговиной, съ островами Самосомъ и Критомъ.

Однако, всевозможные рессурсы въ смыслѣ людей, земель, различныхъ продуктовъ, которыми располагаетъ еще Турція, въ Европѣ и въ Азіи, въ предѣлахъ, которые соблаговолили ей на нѣкоторое время оставить,—все еще весьма значительны. Во-первыхъ, турецкій народъ самый сильный и здоровый; если онъ не является въ то же время наиболѣе развитымъ умственно, если онъ даже менѣе другихъ умѣетъ

---

1) См. карту № 464, стр. 263.

приспособляться къ новымъ условіямъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ наиболѣе честный и искренній, и притомъ наиболѣе воздержанный и менѣе другихъ злоупотребляетъ возбуждающими напитками. Правда, албанцы, лазы, курды, арабы и многія другія народности, живущія въ предѣлахъ того, что называютъ Турціей, также отличаются большой національной жизнеспособностью и явились бы превосходными носителями прогресса



Діаграмма уменьшенія Турціи съ 1812 по 1905 г.

Уменьшеніе Турціи съ 1812 года: Бессарабія—44572 квадратныхъ километра; Греція—65036; Румынія—131020; Сербія—48303; Черногорія—9438; Болгарія-Румелія—96660; Боснія-Герцеговина—51018; Критъ—8660; итого 454707 квадр. километровъ; остается 169910; уменьшеніе территоріи въ процентахъ 72,8 %

Округа, подчиненные султану въ 1812 году, заняты теперь болѣе чѣмъ 25 милліонами жителей, изъ коихъ лишь 6130200 остаются теперь подъ властью Порты: относительное уменьшеніе 75,8 %.

въ свободной странѣ; но ихъ силы уходятъ на причиненіе вреда другъ другу; подобно тому какъ въ Азіи страсти курдовъ были возбуждены противъ ихъ сосѣдей армянъ, такъ же точно, въ Европѣ, албанцы, черкесы, вытѣсненные изъ высокихъ горныхъ долинъ Кавказа, греки были брошены на болгаръ и сербовъ; политическое равновѣсіе поддерживается при помощи взаимной ненависти покоренныхъ народовъ. Ненависть изъ-за расовыхъ отличій, различій въ языкѣ, традиціяхъ существуетъ не только между разными народностями: даже въ предѣлахъ каждой народности поддерживается вражда между различными слоями населенія, такъ какъ турецкое правительство поручило исполненіе всѣхъ низменныхъ обязанностей, связанныхъ съ угнетеніемъ и вымогательствомъ, лицамъ, избраннымъ изъ среды самихъ же побѣжденныхъ. Несчастные каждой національности или каждаго вѣроисповѣданія терпятъ, стало-быть, невзгоды отъ своихъ же собственныхъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что на турецкомъ Востокѣ администрація очень мало считается съ территоріальными подраздѣленіями: туземцы находятся въ зависимости отъ той или иной власти не потому, въ какомъ мѣстѣ они живутъ, но въ силу религіи, которую они исповѣдуютъ; оказывается, что жители, дома которыхъ смежны, платятъ различныя подати и управляются по разнымъ законамъ потому, что они исповѣдуютъ не одного и того же бога, или же обряды поклоненія тому же богу у нихъ различны. Эти принципы управленія, которые могли бы сдѣлать честь терпимости турокъ, если бы не сопровождались другими пріемами, менѣе похвальными, объясняютъ, почему у жителей имперіи никогда не было общаго самосознанія; они всегда чувствовали себя разрозненными, всегда ихъ раздѣляли враждебные интересы, всегда ихъ воодушевляли разныя стремленія. Искусственное единство, которое давалось имъ въ періоды покоренія и завоеваній, обязано было исключительно стойкости арміи, т.-е. режиму террора. Но какъ только эта насильственная связка нѣсколько ослабѣвала или даже совсѣмъ распускалась, народы, враждебные другъ другу, главнымъ образомъ, по волѣ правительства, оказывались другъ подлѣ друга какъ дикіе звѣри, запертые въ общей клѣткѣ. Мало-по-малу, вмѣсто возстанія, направленнаго противъ общихъ притѣснителей-османовъ, поднялась борьба, которая оставляетъ турокъ совершенно въ сторонѣ, и въ которой непосвященный зритель ничего не можетъ понять: греки, болгары, валахи, сербы, черногорцы, даже соперничающія группы въ предѣлахъ одной національности избиваютъ другъ друга на глазахъ спокойно смотрящаго на все это Стамбульскаго правительства и пяти державъ. Итакъ, въ настоящее время взаимная вражда, противоположныя стремленія, монархическіе пережитки и предразсудки настолько прочны, что нельзя надѣяться на единственно нормальное разрѣшеніе невыносимаго положенія, которое заключается въ свободной федераціи всѣхъ народностей юго-восточной Европы въ одно цѣлое, состоящее изъ равноправныхъ группъ, автономныхъ общинъ; эти группы объединяются въ одно цѣлое только для разрѣшенія общихъ интересовъ и для отпора агрессивнымъ дѣйствіямъ извнѣ. Указанное устройство явилось бы единственнымъ средствомъ предотвратить преступленіе, готовящееся послѣ стольких, уже совершенныхъ, а именно: изгнаніе турокъ изъ мѣстъ, нѣкогда завоеванныхъ ими въ Европѣ. Въ наши дни всякое образованіе христіанскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ имѣло бы практическимъ послѣдствіемъ изгнаніе мусульманъ. Но, перебирая въ памяти исторію народовъ, найдемъ ли мы какую-нибудь націю, которая всегда проявляла бы достаточное уваженіе къ неприкосновенности территоріи и свободѣ другой, чтобы имѣть теперь право бросить камень въ потомковъ древнихъ завоевателей? Не настало ли время жить въ мирѣ другъ подлѣ друга на нашей гостепріим-

ной матери-землѣ, настолько обширной, что она могла бы дать пріютъ вдесятеро большему населенію и дать ему въ изобиліи хлѣбъ насущный и хорошее существованіе? Замѣтимъ, впрочемъ, что существуютъ уже намеки на соглашеніе, назрѣвающее въ особенности среди турецкихъ, болгарскихъ, македонскихъ и армянскихъ революціонеровъ, которые встрѣтились въ Женевѣ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ.

Изъ всѣхъ народовъ Востока греки, у себя дома, ближе всего приближаются къ указанному идеалу будущей федераціи; это потому,

Рильскій монастырь въ Македоніи.

что ихъ существованіе, какъ націи, не связано матеріально съ существованіемъ маленькаго греческаго королевства, занимающаго оффиціально, согласно договорамъ, часть полуострова по Пинду, Морею и острова Іоническаго и Эгейскаго архипелаговъ Европы. На самомъ дѣлѣ Греція—нѣчто значительно бóльшее; такъ, внѣ предѣловъ королевства имѣются греческія области, жители которыхъ, пламенные патріоты своей расы и языка, не согласились бы промѣнять своего жребія на положеніе аѳинскихъ или патрасскихъ избирателей; конечно, считается, что они входятъ въ составъ подданныхъ султана; имъ приходится даже подчасъ терпѣть обиды отъ придирчивыхъ чиновниковъ и суровыхъ дипломатовъ, но эти непріятности—только плата, которую они вносятъ за свою дѣйствительную автономію, выражающуюся въ свободномъ управленіи своими

школами и другими учрежденіями, а также въ возможности управлять своими общественными дѣлами; въ совокупности эти люди составляютъ уже зародышевую клѣтку политическаго и соціальнаго организма, значительно болѣе обширнаго и имѣющаго болѣе важное значеніе, чѣмъ маленькое государство, заключенное между границами Эпира и Ѳессаліи.

Возможно даже, что жители упомянутыхъ греческихъ областей имѣютъ преувеличенное представленіе о своихъ коллективныхъ силахъ, и, какъ всѣ патріоты, они склонны приписывать себѣ болѣе важную роль въ будущемъ, чѣмъ та, которая дѣйствительно выпадаетъ на ихъ долю. Дѣло въ томъ, что они были непріятно поражены, когда имъ пришлось увидѣть, что во время процесса распада, который постигъ современную Турцію, на ряду съ ними подняли голову и потребовали равныхъ правъ въ дѣлежѣ или въ федераціи народы, къ которымъ они питали весьма мало симпатіи и которыхъ считали безправными варварами. Грекамъ понадобится еще немало времени, чтобы пріучить себя къ мысли, что турки и болгары не подчинятся ихъ гегемоніи.

Періодъ распространенія вширь, повидимому, конченъ для греческаго міра. Въ настоящее время великая задача состоитъ во внутренней культурной работѣ, которая воспитываетъ и обновляетъ всю массу націи и позволитъ ей, если не сравняться со своими прадѣдами,—такъ какъ древняя Греція сіяла одинокимъ пламенемъ среди окружающей тьмы,—то, по крайней мѣрѣ, оказаться не ниже любой просвѣщенной націи въ различныхъ проявленіяхъ культурной жизни, не только въ области торговли и промышленности, но также и на поприщѣ искусства и мысли! Есть еще въ Греціи нѣкоторыя области, населеніе которыхъ, повидимому, только наполовину избавилось отъ средневѣковаго варварства, турецкаго или византійскаго наслѣдія. Суровая Этолія, дикія горы Тайгета до сихъ поръ еще являются очагами нищеты и невѣжества; многіе острова, которые нѣкогда обрабатывались процвѣтающимъ населеніемъ, представляютъ теперь только голыя скалы, истощенные обитатели которыхъ переселились въ болѣе счастливыя мѣста. Даже спустя цѣлыя столѣтія монополія оказываетъ гибельное вліяніе; такъ, большинство греческаго населенія Эгейскихъ острововъ не занимается ни рыболовствомъ, ни мореплаваніемъ, несмотря на превосходныя качества ихъ рейдовъ и небольшихъ, хорошо защищенныхъ бухточекъ, несмотря на благопріятное чередованіе бризовъ; смутное воспоминаніе о былой славѣ не въ силахъ пробудить въ нихъ иниціативы. Причину этого явленія, по словамъ Филиппсона [1]), слѣдуетъ приписать старинному владычеству Венеціи, которая запретила всякую торговлю внѣ правилъ, установленныхъ ею и направленныхъ исключительно къ ея собственной выгодѣ.

1) Petermann's Mitteilungen, Ergänzungsheft.

Подобно Греціи, Италія представляетъ большія различія въ смыслѣ развитія отдѣльныхъ частей ея. Контрастъ между сѣверной и южной частью полуострова настолько великъ, что послѣдній можно было бы разсматривать, по численности итальянскаго населенія, какъ арену взаимной оппозиціи двухъ національностей, заключенныхъ въ однѣ и тѣ же географическія рамки, но морально остающіяся совершенно чуждыми другъ другу. Дѣло въ томъ, что неаполитанцы и сициліанцы

Портъ Генуи.

склонны воображать себя побѣжденными народами и присоединенными силою къ «пьемонтцамъ» или «континентальнымъ». Во всѣхъ отношеніяхъ развитіе обѣихъ группъ расходится. На сѣверѣ Миланъ, Туринъ, Генуя принимаютъ интенсивное участіе въ движеніи европейской жизни, во Флоренціи снова замѣчается тотъ же расцвѣтъ искусства и красоты, которымъ она отличалась въ эпоху Возрожденія, тогда какъ Неаполь остается, мало-по-малу, позади и утрачиваетъ даже въ чисто-матеріальномъ отношеніи первенство, которое давала ему численность его населенія; что же касается горныхъ провинцій, то онѣ лишь, прихрамывая, едва поспѣваютъ за жизнью сѣверной Италіи. Южная Италія стоитъ ниже во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ развѣ прирожденныхъ качествъ жителей: доброты, прямоты и наивнаго добродушія. Промышленность проникаетъ въ страну безъ старанія со стороны ея обитателей и помимо нихъ; руководители, которыхъ правительство даетъ югу, чтобы управлять имъ, расшевелить, вышколить его—все это люди, взятые

съ сѣвера; южане склонны смотрѣть на этихъ чиновниковъ какъ на непрошенныхъ гостей и паразитовъ. Даже Гарибальди не сумѣлъ произнести рѣшительнаго слова, которое въ силахъ было бы пробудить Великую Грецію отъ ея долгаго сна!

Несмотря на цѣлый рядъ пріобрѣтеній «цивилизаціи», сициліанцы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоятъ на значительно болѣе низкой ступени общественности, чѣмъ ихъ предки сикулы, судя по виду ихъ деревень. Въ настоящее время крестьяне и прочіе люди земли, работая на крупныхъ помѣстьяхъ всегда отсутствующихъ богатыхъ собственниковъ, живутъ въ городахъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится дѣлать ежедневно двѣ-три мили до обрабатываемыхъ ими полей: въ Сициліи имѣются только большія городскія поселенія, такъ что деревни ночью пустынны. Въ чемъ же причина этого чрезвычайнаго упадка силъ и даже небезопасности страны, который не прекращался со времени карѳагенскихъ войнъ? Во всѣ позднѣйшія времена было не безопасно жить въ деревняхъ: подъ римскимъ владычествомъ, во время возстанія рабовъ, впослѣдствіи во время набѣговъ сарацинъ, и еще теперь, вслѣдствіе разбойничества; тогда какъ во времена сикуловъ, среди полей весело были разбросаны села, и у жителей не было заботы строить себѣ для защиты стѣны. За семьдесятъ поколѣній до насъ населеніе Сициліи было распредѣлено болѣе нормально, чѣмъ въ наши дни, потому что оно было болѣе счастливо [1]).

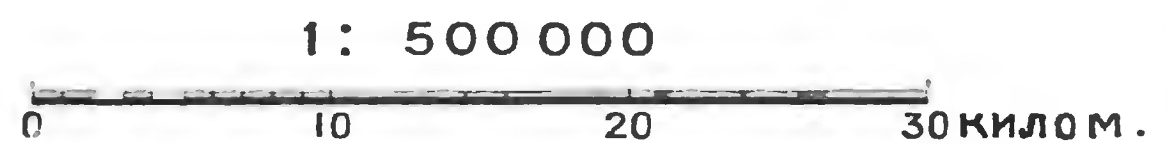
Деревня приняла веселый, разнообразный видъ и характеръ воздѣланныхъ съ любовью полей только на восточныхъ склонахъ Этны и въ нѣкоторыхъ округахъ сѣверной части острова, гдѣ земля очень раздроблена и распредѣлена между мелкими земледѣльцами, которые сами являются собственниками участковъ и живутъ на своихъ небольшихъ парцеллахъ.

На большомъ островѣ Сардиніи, значительно менѣе густо населенномъ, чѣмъ Сицилія, положеніе еще хуже. Раздѣленная уже давно на обширныя помѣстья, розданныя испанскимъ дворянамъ, современная Сардинія получила въ наслѣдство такія земельныя отношенія, которыя, пожалуй, еще тягостнѣе для населенія, чѣмъ прежнія: хотя прежняя «десятина» и исчезла вмѣстѣ съ феодализмомъ, но ея замѣнили непосильные налоги; экономическое безсиліе земледѣльцевъ настолько велико, что значительная часть крестьянъ-пролетаріевъ вынуждена уступить свою землю государству: казна становится собственницей все болѣе и болѣе обширной площади земли, съ которой она не знаетъ, что дѣлать, и которая лежитъ подъ паромъ. Въ 1900 году

1) Georges Perrot, «Revue des deux Mondés», 1-er juin, 1897, p. 627.—2) Paul Ghio, «Notes sur l'Italie contemporaine», p. 86.

сборщики податей произвели въ Сардиніи до 3887 продажъ съ публичнаго торга, изъ коихъ около четверти, 856,—за недоимки въ суммѣ, меньшей 5 франковъ [1]).

№ 495. Общины Сициліи.



На данной картѣ приведены буквально всѣ скопленія домовъ, которыя можно найти на картѣ итальянскаго Главнаго Штаба, масштабъ которой 1 : 100000. А, между тѣмъ, въ данной части Сициліи густота населенія очень значительна, приблизительно 130 человѣкъ на квадратный километръ, т.-е. вдвое большая, чѣмъ во Франціи.

Что же удивительнаго въ томъ, что разбойничество или насильственное отобраніе крестьянами земли у помѣщиковъ и государства свирѣпствовало въ теченіе вѣковъ, при молчаливомъ попустительствѣ

1) Paul Ghio, цитированное сочиненіе, р. 95.

всего деревенскаго населенія? Разбойничества никогда не было въ Тосканѣ, такъ какъ земледѣльцы имѣли возможность ѣсть хлѣбъ со своихъ полей и плоды со своихъ огородовъ; разбойничества не было также въ громадной ломбардско-венеціанской низменности, такъ какъ, вслѣдствіе характера мѣстности, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ дорогами, подавлять безпорядки было легко; но повсюду въ другихъ мѣстахъ, во всей южной Италіи и на обоихъ большихъ островахъ, Сициліи и Сардиніи, гдѣ горы всегда давали надежное убѣжище отъ преслѣдованій, разбойники нерѣдко образовывали цѣлыя государства съ передвижными границами. Поль Гіо разсказываетъ намъ про главарей разбойничьихъ шаекъ, которые держали въ своихъ рукахъ горы Марки и титуловали себя «великимъ господиномъ и могущественнымъ княземъ»; нѣкоторые изъ нихъ чеканили даже монеты со своимъ собственнымъ изображеніемъ, и, если бы они получили папскую инвеституру, ничто имъ не помѣшало бы войти въ среду оффиціально признанныхъ высочайшихъ особъ. Нѣкто Петръ Калабрійскій, внѣ всякаго закона, провозгласилъ себя въ прошломъ столѣтіи «императоромъ горъ, королемъ лѣсовъ и владѣтелемъ дорогъ между Неаполемъ и Флоренціей».

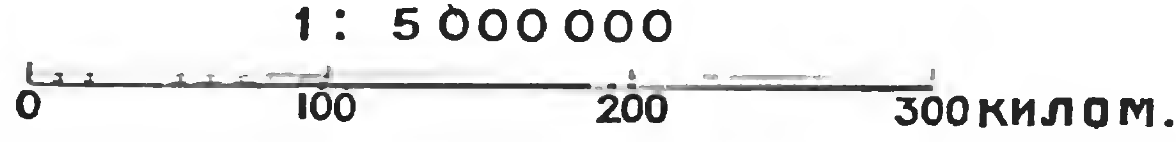
Такъ какъ экономическія условія въ обѣихъ половинахъ полуострова весьма различны, то эмиграціонное движеніе, которое пріобрѣло въ жизни Италіи капитальное значеніе, представляетъ характерныя и рѣзкія особенности, смотря по мѣсту происхожденія данныхъ эмигрантовъ. Жители сѣвера, рабочіе, обладающіе не только парою рукъ, но и нѣкоторымъ образованіемъ, эмигрируютъ преимущественно на время: въ качествѣ каменщиковъ, строителей дорогъ, механиковъ и т. п., «пьемонтцы» всегда сумѣютъ обезпечить себѣ недурной заработокъ; они переселяются на время, отправляются во Францію, Швейцарію, Германію, въ различныя части Европы, и даже попадаютъ на работы въ Азію, гдѣ они прорыли, собственно за счетъ Россіи, большой Хинганскій туннель на Сибирской желѣзной дорогѣ; благодаря своей спеціальной подготовкѣ къ работѣ, своему искусству, своей расторопности, своей воздержанной жизни, они накапливаютъ нѣкоторую сумму и затѣмъ возвращаются на родину. Что же касается эмигрантовъ изъ безплодной Лигуріи, Марки, съ Абруццскихъ горъ, изъ Апуліи, изъ гористой Калабріи, изъ бѣдной Базиликаты, изъ голодной Сициліи, то они переселяются навсегда, безъ надежды на возвращеніе. Они-то составляютъ главный контингентъ тѣхъ 200000 итальянцевъ, которые, начиная съ 1903 года, ежегодно переправляются черезъ Атлантическій океанъ [1]); они-то сдѣлали Марсель, по приросту населенія, вторымъ

1) См. діаграммы №№ 456 и 457, стр. 199 и 201.

городомъ Франціи, они монополизировали навигацію по рѣкѣ Парана и въ устьѣ Ла-Платы; они-то обѣщаютъ объитальянить Тунисъ.

Италіи, столь еще бѣдной у себя дома, въ нѣкоторыхъ своихъ провинціяхъ, пришлось немало претерпѣть, какъ и Франціи, отъ своего

№ 496. Италія, Мальта, Тунисъ.



Мальта, со стороны Англіи, Бизерта, со стороны Франціи, охраняютъ проходъ Средиземнаго моря. Италія имѣетъ и миноносную станцію въ Мессинѣ.

увлеченія колоніями и перемѣщенія силъ, которое явилось его слѣдствіемъ. Честолюбивые замыслы, которые повели въ результатѣ къ разгрому на эѳіопскомъ плоскогоріи въ 1895 году, были первоначально направлены на другой предметъ. Мысль о завоеваніи Туниса казалась итальянскимъ политиканамъ весьма заманчивой: мелочное народное тще-

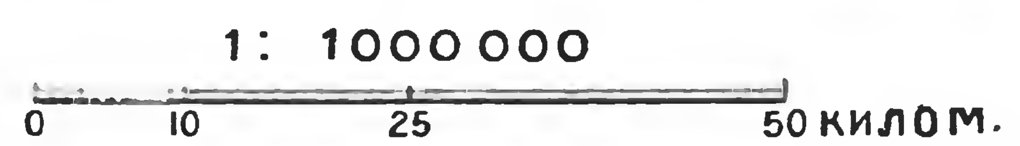
славіе искало удовлетворенія въ подражаніи политикѣ великаго Рима противъ Кареагена; предпріятіе какъ-будто не представляло опасности. Но европейскія державы не дали, повидимому, на него своей санкціи; въ особенности Великобританія, которая обладаетъ арсеналомъ на Мальтѣ, въ центрѣ Средиземнаго моря, косо смотрѣла на попытки Италіи «одной» расположиться на обоихъ берегахъ этого внутренняго моря. По наущенію Бисмарка, который, такимъ образомъ, на долгіе годы поссорилъ Францію съ Италіей, случаемъ воспользовался другой хищникъ, и теперь Италія почти открыто дѣлаетъ приготовленія къ присоединенію Триполи и Киренаики. Дѣло только за удобнымъ случаемъ, такъ какъ европейскій синдикатъ финансистовъ и королей далъ на это предпріятіе свою дипломатическую санкцію. Поговариваютъ также о проектѣ, согласно которому, при раздѣлѣ Турецкой имперіи, Албанія отойдетъ къ той державѣ, которая владѣетъ землями противъ нея, по ту сторону Адріатическаго моря.

Каковы бы ни были будущія территоріальныя пріобрѣтенія, самыя главныя задачи, лежащія передъ Италіей, касаются положенія вещей внутри страны. Италія повинуется двумъ господамъ и потому какъ бы распадается на двѣ взаимно враждебныя части. Въ ея собственной столицѣ живутъ два государя, враждебные другъ другу, потому что являются представителями двухъ противоположныхъ принциповъ: одинъ—получившій власть отъ небесъ, другой—получившій полномочія отъ націи. Папа является если не Богомъ, то его намѣстникомъ, его непосредственнымъ посланникомъ, призваннымъ открывать всему міру, вѣрующихъ и невѣрующихъ, непогрѣшимую волю, свыше исходящую. Тѣмъ не менѣе, онъ теперь довольно скромный маленькій государь, владѣнія котораго настолько урѣзаны со всѣхъ сторонъ, что пушечный зарядъ свободно пролетѣлъ бы надъ ними; между тѣмъ король Италіи, просто человѣкъ, надъ которымъ даже тяготѣетъ проклятіе Ватикана, является крупной величиною, «дорогимъ братомъ» самыхъ могущественныхъ монарховъ. Какъ же примирить эти непримиримые элементы, какъ не при помощи всевозможныхъ увертокъ и уловокъ, какъ не при помощи сложныхъ хитросплетеній лжи, которыя, впрочемъ, никого не могутъ обмануть? Итальянскіе патріоты, которые заперли папу въ тѣсный кварталъ Рима, преисполнены, тѣмъ не менѣе, гордостью при мысли, что къ Престолу «Намѣстника Божьяго» восходятъ колоссальнымъ хоромъ молитвы со всѣхъ концовъ католическаго міра! Какъ бы то ни было, самъ папа тоже итальянецъ, и тѣ, кто съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о былыхъ временахъ римскаго могущества, рады видѣть въ указанномъ обстоятельствѣ какъ бы отблескъ этого могущества на обширномъ лонѣ Церкви. Конфликтъ становится неизбѣжнымъ, такъ какъ тяготѣніе умовъ направлено въ двѣ противоположныя стороны, порождая вражду и нена-

вистъ. Борьба между Гвельфами и Гибелинами продолжается въ разныхъ другихъ формахъ; до тѣхъ поръ, пока націи будутъ заключены въ свои границы и въ броню старинныхъ политическихъ традицій, Италія

№ 497. Лиссабонъ и Тахо.

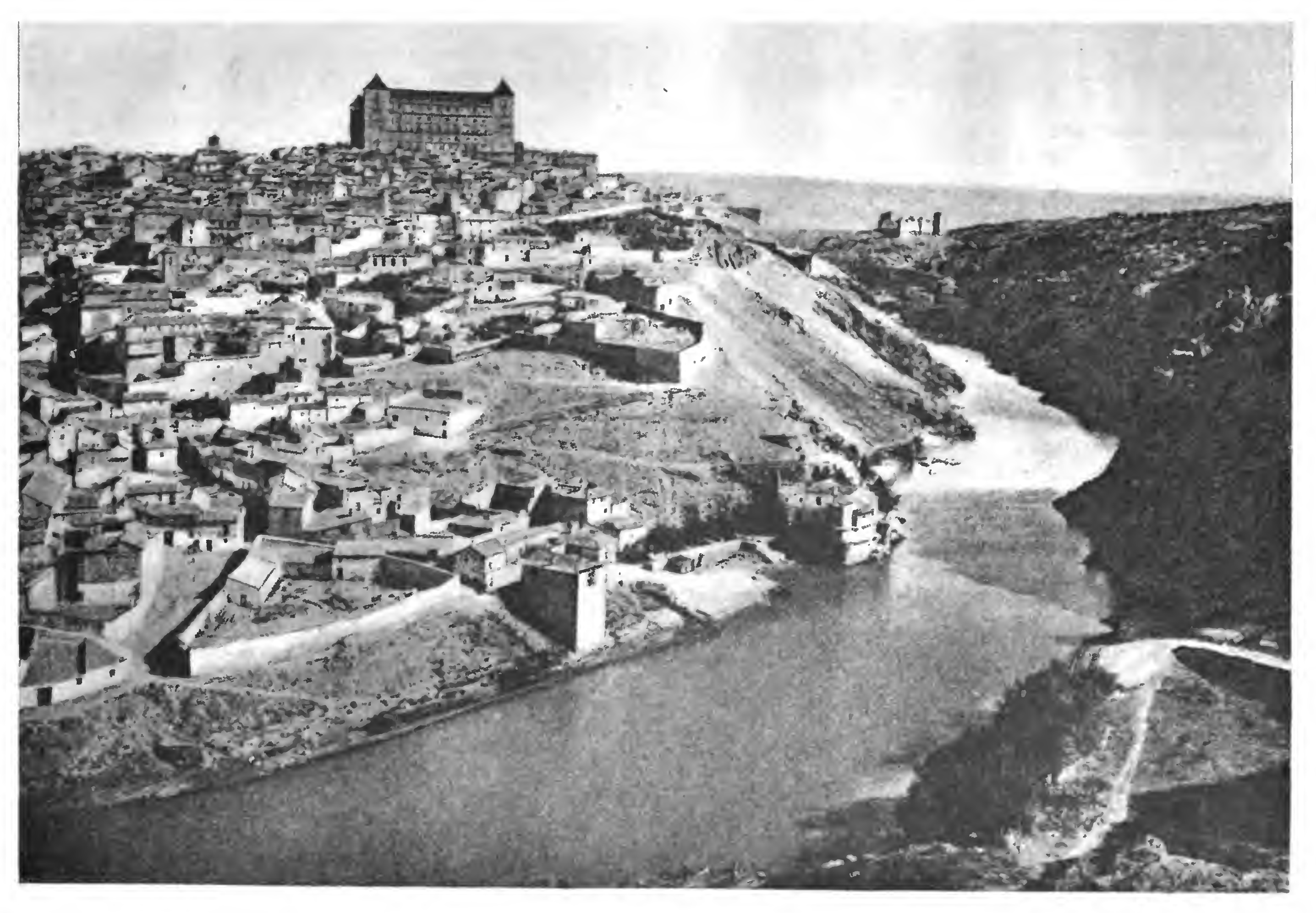
(См. стр. 406).



будетъ испытывать то же колебаніе, что и во времена среднихъ вѣковъ и въ эпоху Возрожденія, то въ сторону сосѣдки съ сѣвера, Германіи, то въ сторону какой-либо другой державы.

Два королевства, между которыми распредѣлены неравныя части Пиренейскаго полуострова, Испанія и Португалія, въ настоящее время отдѣлены другъ отъ друга и находятся во враждебныхъ отношеніяхъ, замкнувшись каждая въ свой узкій патріотизмъ и рутинные методы управленія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось почти полное ничтожество Португаліи, которая обладаетъ теперь только кажущейся политической независимостью. Она слишкомъ слаба, чтобы не нуждаться въ иностранной поддержкѣ въ вопросахъ международнаго характера. слишкомъ раздроблена, даже съ точки зрѣнія географической, въ виду контраста, который наблюдается между двумя половинами страны, раздѣленными устьемъ Тахо; масса ея населенія слишкомъ невѣжественна и лишена собственнаго достоинства; наконецъ, она постоянно теряетъ свои наиболѣе энергичные элементы, вслѣдствіе эмиграціи, которая уноситъ лучшихъ сыновъ страны къ берегамъ Бразиліи; поэтому Португалія не имѣетъ силъ противодѣйствовать господству интересовъ личныхъ интересовъ власти и денегъ, которые увлекаютъ ея правителей на орбиту иностранныхъ державъ, вѣрнѣе сказать,—Великобританіи, являющейся царицей на португальскихъ рынкахъ, что символизируется ея монетой, такъ мѣтко называемой «совереномъ». Несмотря на униженіе, которому англичане подвергли Португалію въ 1885 году, когда они, проходя изъ долины Лимпопо къ берегамъ озера Ньясса, завладѣли среднимъ теченіемъ Замбези, которое до того времени по традиціи считалось португальскимъ владѣніемъ, покорность маленькаго королевства англійской политикѣ стала настолько явной, что даже африканскія колоніи Португаліи, Лоанда и Мозамбикъ, не говоря ужъ о Лоренцо, Маркезъ, вполнѣ подчинены въ административномъ и фискальномъ отношеніяхъ Англіи.

Возможно, что Испаніи также грозитъ перспектива подвергнуться такому же униженію. Имѣя съ британскими портами такія же сообщенія при помощи океанскихъ пароходныхъ линій, какъ и съ Франціей, и обладая для сообщенія съ послѣдней всего лишь двумя прямыми желѣзнодорожными линіями, Пиренейскій полуостровъ является въ значительной степени вассаломъ англійскихъ капиталовъ, на которые создано столько рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ, мануфактуръ и другихъ предпріятій полуострова. Даже несмываемое оскорбленіе, нанесенное Испаніи, какъ націи, военной оккупаціей Гибралтара, благодаря слабости людей, только способствовало усиленію престижа Англіи. Это копье, вонзенное въ живое тѣло, служитъ причиной хилости всего организма. Едва замѣтная на картѣ точка, она опредѣляетъ всю политику государства. Испанія не осмѣливается даже защищаться: въ виду господствующаго надъ англійскою крѣпостью положенія Алжезираса, Великобританія дала понять испанцамъ, что она считаетъ «мало-дружественнымъ» актомъ сооруже-



Толедо на Тахо.

ніе какихъ бы то ни было укрѣпленій на высотахъ, расположенныхъ противъ ея собственныхъ фортовъ, и Испанія была принуждена прекратить постройку своихъ оборонительныхъ сооруженій, въ то время какъ англійскіе инженеры могутъ свободно увеличивать средства нападенія.

Тяжелыя событія, лишившія Испанію всего ея колоніальнаго владычества, — за исключеніемъ нѣсколькихъ африканскихъ «presidios», не имѣющихъ большого значенія, Канарскихъ островов, Фернандо-По и Аннобома,—должны были дать понять правителямъ народа, что настало время идти другими путями. Но, какъ всякое правительство, застывшее въ рутинныхъ пріемахъ политики, оно было недоступно инымъ предостереженіямъ исторіи, кромѣ непосредственныхъ революціонныхъ вспышекъ. Ни одно изъ злоупотребленій не было устранено, ихъ число было скорѣе увеличено. Церковь потребовала новыхъ привилегій, ея примѣру слѣдовала армія, морское министерство настаивало на дальнѣйшемъ увеличеніи бюджета. И вотъ, въ такой серьезный для государства моментъ, когда судьбы Испаніи стояли на картѣ, «государственные дѣятели», въ большинствѣ случаевъ, продолжали попрежнему преслѣдовать лишь свои узко-классовые интересы. Всѣ эти честолюбцы, оказавшіеся у власти, должны были бы, по крайней мѣрѣ, проявить твердость воли, наличность опредѣленной программы, искреннее желаніе провести ее въ жизнь. Не то на дѣлѣ; это были все люди, достигшіе большей частью власти лишь благодаря дару слова. Никогда раньше культъ напыщеннаго краснорѣчія не достигалъ такихъ размѣровъ среди оффиціальной Испаніи, какъ въ данную эпоху. Достаточно было обладать звонкой и плавной рѣчью, быть находчивымъ и изворотливымъ въ словесныхъ турнирахъ, чтобы быть выбраннымъ. То же въ парламентѣ: отъ оратора не требовалось имѣть на своей сторонѣ правду, важно было имѣть послѣднее слово въ дебатахъ, что же касается политической мудрости, характера и поведенія депутатовъ,—всѣ эти качества, какъ стоящія выше пониманія толпы, считались ею несущественными, и она ловилась на удочку блестящихъ словъ. Палата кортесовъ отличалась отъ всѣхъ парламентовъ Европы не только исключительно-беззастѣнчивымъ вмѣшательствомъ администраціи во время выборовъ, но и необычайной красотой раздававшихся здѣсь рѣчей. Бѣдствія слѣдовали за бѣдствіями... И сколько красивыхъ словъ было произнесено, чтобы драматизировать эти несчастья или сдѣлать ихъ средствомъ чисто-личныхъ тріумфовъ. Эти рѣчи дали бы достаточно матеріала для цѣлой хрестоматіи, которая съ честью выдержала бы сравненіе съ лучшими образцами классическаго краснорѣчія.

Но, какъ ни расплачивалась Испанія звонкими рѣчами за свое пораженіе, ей, какъ и другимъ народамъ, пришлось приспособиться къ современнымъ формамъ жизни. По мѣрѣ того, какъ вопросы національ-

ной политики перестаютъ касаться далекихъ чужеземныхъ странъ, и на ихъ мѣсто встаютъ интересы классовъ или провинцій,—произнесеніе громкихъ рѣчей теряетъ свой смыслъ: нужны факты, цифры, точныя обоснованія. Это та же неизбѣжная эволюція, которую прошли и другіе народы. Хотя соціализмъ еще не уничтожилъ витіеватости рѣчи — до этого еще далеко,—тѣмъ не менѣе, онъ способствовалъ упрощенію ораторскихъ пріемовъ съ трибуны, и современные «риторы» принуждены говорить проще и скромнѣе, рискуя иначе навлечь на себя неудовольствіе своихъ слушателей-рабочихъ. Жизнь народа становится сложнѣе, вмѣстѣ съ этимъ мѣняется его языкъ; онъ пріобрѣтаетъ все большую простоту, параллельно со все растущимъ участіемъ самого народа въ разрѣшеніи сложныхъ современныхъ вопросовъ. Вполнѣ справедливо замѣтилъ одинъ изъ современныхъ писателей: «Распространенное мнѣніе о вырожденіи испанскаго народа совершенно ошибочно. Это народъ, еще даже не сложившійся, можно прямо сказать, что онъ еще не существуетъ» [1]). Его естественное развитіе было въ зародышѣ задушено всѣми этими Фердинандами Арагонскими, Карлами Великими, Филиппами II... Но Испанія и Португалія возрождаются къ жизни: властители вынуждены, противъ воли, считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны.

Франція, подобно Испаніи, была также очень ослаблена политически; отнынѣ ей, конечно, никогда не занять и не укрѣпить за собой преобладающаго мѣста среди другихъ народовъ, какъ это неоднократно повторялось въ ея исторіи. Она принуждена ограничиться своимъ положеніемъ простой единицы въ «концертѣ» восьми «великихъ державъ», примириться съ тѣмъ, что ея армія занимаетъ третье мѣсто, ея военный флотъ третье или четвертое, а по народонаселенію, торговлѣ и промышленности она стоитъ еще ниже въ ряду другихъ державъ. Теряя вліяніе въ Европѣ, она старалась вознаградить себя присоединеніемъ колоніальныхъ территорій. Послѣ Англіи, Франція наиболѣе подвержена этой заразительной болѣзни, такъ мѣтко названной Новиковымъ «килoметроманіей» [2]). Площадь колоніальныхъ владѣній, относимыхъ на географическихъ картахъ къ Франціи, во много разъ превосходитъ площадь, занимаемую метрополіей въ Европѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой политики явилось ослабленіе страны. Такъ, обиліе побочныхъ побѣговъ на деревѣ не можетъ не истощать главнаго ствола. Достаточно возникнуть какимъ-нибудь осложненіямъ между Франціей и одной изъ европейскихъ державъ, чтобы проведеніе ея колоніальной политики въ странахъ, лежащихъ внѣ сферы ея непосредственнаго вліянія, стало бы для

1) P. Mell, «Crise d'une nationalité». Humanité nouvelle, juillet 1900, p. 97.—
2) «Conscience et volonté sociales», pp. 277 и слѣд.

нея невозможнымъ. Такъ и было въ продолженіе войнъ временъ Революціи и Имперіи. Большинство французскихъ «за-океанскихъ» владѣній перестало ей принадлежать, потому что связь съ метрополіей оказалась слишкомъ слабой, чтобы побудить туземцевъ цѣною крови защищать свою принадлежность къ Франціи. Достаточно было появиться англійской эскадрѣ, чтобы мѣстное населеніе безпрекословно сдавалось «повелительницѣ морей». Больше того, во время войны 1870 года, терри-

Общій видъ Барселоны.

торіи, извѣстныя подъ оффиціальнымъ именемъ французскихъ колоній, были оставлены войсками, хотя никакихъ посягательствъ на эти колоніи со стороны другихъ державъ на этотъ разъ не было. Всѣ эти земли, отдаленныя отъ метрополіи, остаются естественно ненадежнымъ пріобрѣтеніемъ, пока завоеватели не сливаются съ жизнью мѣстнаго населенія, а являются для нихъ лишь ненавистными эксплуататорами, нежеланными пришельцами. Число французовъ, живущихъ въ такъ называемыхъ колоніальныхъ территоріяхъ, кромѣ Мавританіи, ничтожно мало по отношенію ко всей массѣ туземцевъ, отчасти имѣющихъ, отчасти лишенныхъ гражданскихъ правъ. Во всѣхъ колоніяхъ въ Азіи, Африкѣ и Океаніи, кромѣ острововъ Товарищества и Новой Каледоніи, за исключеніемъ 36000 войскъ, присланныхъ изъ метрополіи, едва насчитывается 25000 европейцевъ, изъ которыхъ до 20000 французовъ. Индо-китайскія владѣнія, имѣющія несомнѣнно огромное экономическое значеніе, растущее изъ года въ годъ, обязаны своимъ развитіемъ въ большей мѣрѣ европейскимъ купцамъ другихъ націй, китайскимъ эмигран-

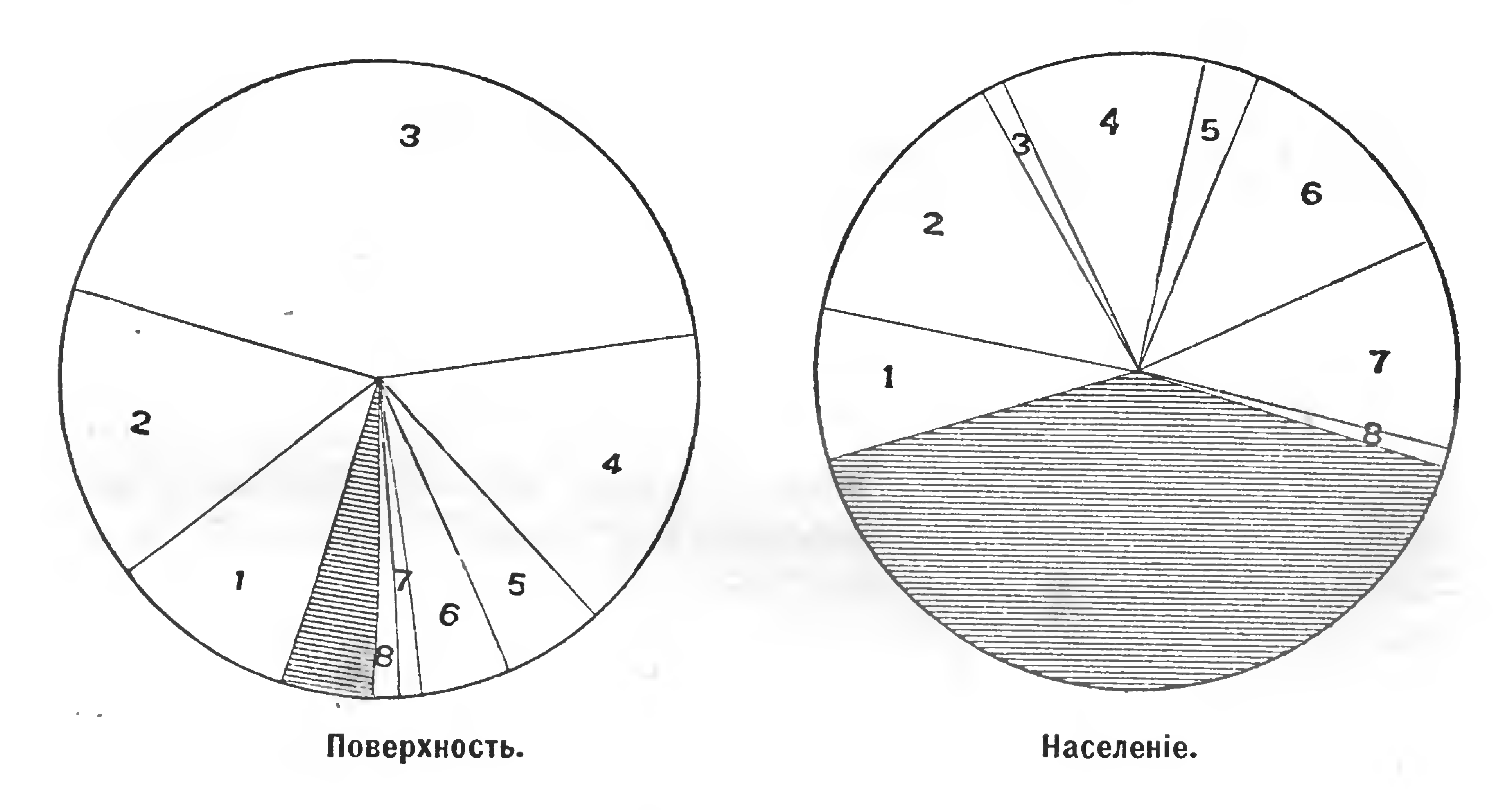
тамъ и прежде всего трудолюбію и способности къ воспріятію культуры коренного населенія, чѣмъ заботливости администраціи. Что же касается острова Мартиники, французской части Антильскихъ острововъ и Гваделупы, то тутъ сыновья прежнихъ рабовъ, принадлежащіе къ африканской расѣ, сдѣлались французами по языку, воспитанію, національному самосознанію; въ торговомъ же отношеніи они всецѣло подъ вліяніемъ Соединенныхъ Штатовъ, вопреки дифференціальнымъ тарифамъ.

Несмотря на многочисленность и обширность своихъ колоніальныхъ владѣній, что, по мнѣнію французскихъ патріотовъ, составляетъ ея силу,—а въ дѣйствительности служитъ причиной ея слабости,—Франція понимаетъ опасность своего положенія среди двухъ болѣе сильныхъ державъ: съ одной стороны, Англія съ ея флотомъ и богатствомъ, съ другой—Германія, превосходящая ее многочисленностью арміи и народонаселенія; Франція вынуждена была искать союзниковъ, рискуя чистотой принциповъ, которые назывались когда-то республиканскими. Дипломаты старались изо всѣхъ силъ согласовать звуки «Марсельезы» съ русскимъ гимномъ. Гордые идеалы, вдохновлявшіе людей конвента, забыты ихъ правнуками. Впрочемъ, оффиціальныя празднества, устроенныя по поводу заключенія союза, дали возможность проявиться самымъ разнообразнымъ чувствамъ. На ряду съ льстецами, готовыми гордиться своимъ лакейскимъ положеніемъ при Высочайшей Особѣ, нашлось не мало людей, искренно радовавшихся возможности выказать свою симпатію чужому народу. Независимо отъ «дипломатическихъ присѣданій» образовался союзъ людей, дружественно расположенныхъ къ Россіи,—ячейка будущаго братства народовъ. Пораженіе Россіи на Востокѣ и послѣдовавшіе затѣмъ грозные раскаты революціи, пронесшіеся отъ Чернаго до Балтійскаго моря, только укрѣпили этотъ неоффиціальный союзъ, на ряду съ несомнѣннымъ охлажденіемъ правительственныхъ сферъ.

«Узко-буржуазная» политика, которой придерживались правительства Франціи и Европы въ теченіе послѣдняго столѣтія, нашла свое чрезвычайно характерное выраженіе въ грозномъ оффиціальномъ представленіи, сдѣланномъ съ береговъ Сены Портѣ въ 1898 г. Это было вскорѣ послѣ нечеловѣческихъ звѣрствъ въ Арменіи. Султанъ, опьяненный своей властью, пытался воспрепятствовать нѣкоторымъ не вполнѣ благовиднымъ комбинаціямъ европейскихъ финансистовъ. «Берегитесь,—раздался тотчасъ окрикъ:—Константинополь не долженъ переоцѣнивать своей силы! Боязнь отвѣтственности, парализовавшая вмѣшательство державъ въ дѣла Арменіи, совершенно не гарантируетъ Портѣ безнаказанности въ вопросѣ о возмѣщеніи убытковъ... Пока дѣло шло о гуманности, правахъ и покровительствѣ надъ обездоленнымъ народомъ, которому грозило чуть ли не поголовное истребленіе, Европа могла молчать... Но лишь только вопросъ коснулся матеріальныхъ интересовъ ихъ

выходцевъ, эта парализованность державъ смѣнилась живѣйшей энергіей» 1). Убивать армянъ—вы можете, но денегъ нашихъ тратить не смѣйте.

При видѣ подобной безучастности къ вопіющимъ преступленіямъ, къ ужасающимъ массовымъ звѣрствамъ, пессимисты могли бы съ полнымъ правомъ предаться мрачнымъ размышленіямъ объ одичаніи человѣческой натуры, грусти о томъ, что навсегда изсякъ источникъ благо-



Франція и ея колоніи.

1. Тунисъ и Алжирія.—2. Суданъ и Западная Африка, отъ Сенегала до Дагомеи.—3. Сахара.—4. Конго.—5. Мадагаскаръ.—6. Кохинхина, Камбоджа, Аннамъ.—7. Тонкинъ.—8. Прочія колоніи въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Океаніи.

роднаго идеализма. А, между тѣмъ, въ то же время произошелъ фактъ, довольно обыденный самъ по себѣ: умышленный отказъ въ правосудіи офицеру, который имѣлъ несчастье не понравиться своимъ товарищамъ. Подобные случаи бываютъ ежедневно, но, чтобы общество заинтересовалось ими, необходимы извѣстное стеченіе обстоятельствъ, достаточно времени, наконецъ, талантъ и покоряющая воля отдѣльныхъ выдающихся личностей, способныхъ поднять общественное движеніе.

Всѣ эти элементы были налицо въ дѣлѣ Дрейфуса, и они способствовали созданію изъ этого дѣла процесса арміи по преимуществу, и не только французской, но арміи вообще, какой она является у всѣхъ народовъ, во всѣ времена. Этотъ процессъ съ очевидной наглядностью обнаружилъ роковыя слѣдствія безпрекословной дисциплины, жестокость, глупость, лживость и произволъ, введенныя въ систему, и, наконецъ,

1) Статья «Temps», воспроизведенная «Mechveret» 1 августа 1898.

подчиненіе всякаго чувства чести и справедливости сословнымъ предразсудкамъ. Столько моленій и желаній о торжествѣ правосудія неслось со всѣхъ концовъ міра во время этого процесса, одного изъ милліона другихъ забытыхъ и не дошедшихъ до общественнаго суда, что это дѣло пріобрѣло міровое значеніе, сыгравъ большую роль «въ дѣлѣ будущаго объединенія человѣчества». Кромѣ того, въ его длительности, рѣзкихъ перемѣнахъ судьбы дѣйствующихъ лицъ было такъ много трагической красоты! «Дикіе, нечестные нападки одной стороны придали ему своеобразный интересъ варварскихъ драмъ, а мужественная защита дѣла правды лучшею частью гражданъ сообщила ему величаво гармоничную красоту античной трагедіи» [1]).

Это раздѣленіе Франціи на два враждебныхъ лагеря изъ-за человѣка, ни своими умственными, ни нравственными качествами не поднимавшагося надъ уровнемъ посредственности, есть одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ въ постоянной борьбѣ, происходящей во всѣхъ слояхъ общества между консерваторами и новаторами,—борьбѣ, получившей во Франціи особенную силу, вслѣдствіе почти равнаго распредѣленія борющихся силъ, и отражающей въ себѣ географическій контрастъ между густо-населенной центральной возвышенностью и сравнительно рѣдко-заселенными равнинами. Но если гористый центръ Франціи составляетъ особый міръ, совершенно отличный отъ бассейновъ Сены, Соны и Гаронны, контрастъ между сѣверомъ и югомъ не менѣе разителенъ, хотя антагонизмъ, вытекающій изъ этого контраста, проявляется въ иныхъ формахъ. Провинціалы, переселяющіеся въ Парижъ, очень долго сохраняютъ свои мѣстныя отличія, особенно выходцы изъ Оверни, Марша и Савойи, они не сливаются съ парижской толпой и продолжаютъ жить своей обособленной жизнью, полные, главнымъ образомъ, жаждой наживы. Нужно вообще сказать, что эти пришельцы, переселяясь въ Великій Городъ, преисполнены къ нему—и вполнѣ справедливо—глубокимъ, почти религіознымъ уваженіемъ, какъ къ умственному центру, далеко ушедшему отъ ихъ примитивной среды, и какъ къ мѣсту средоточія огромныхъ богатствъ, собранныхъ со всего міра,—мѣсту, гдѣ протекала Великая Исторія. Только южанинъ въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. житель Тулузы, Марселя, Гаскони, приноситъ съ собой иныя чувства: ни въ одномъ отношеніи онъ не хочетъ считать парижанина стоящимъ выше себя. Въ немъ какъ бы говоритъ еще гордость потомка римлянина или горожанина П р о в и н ц і и, совершившихъ нѣкогда отважные походы въ лѣсистыя и болотистыя страны холоднаго сѣвера Галліи. Или, быть-можетъ, въ нихъ живетъ еще воспоминаніе объ эпохѣ

---

1) Ch. Péguy, «Revue Blanche», 15, VIII, 1899, pp. 631, 632.

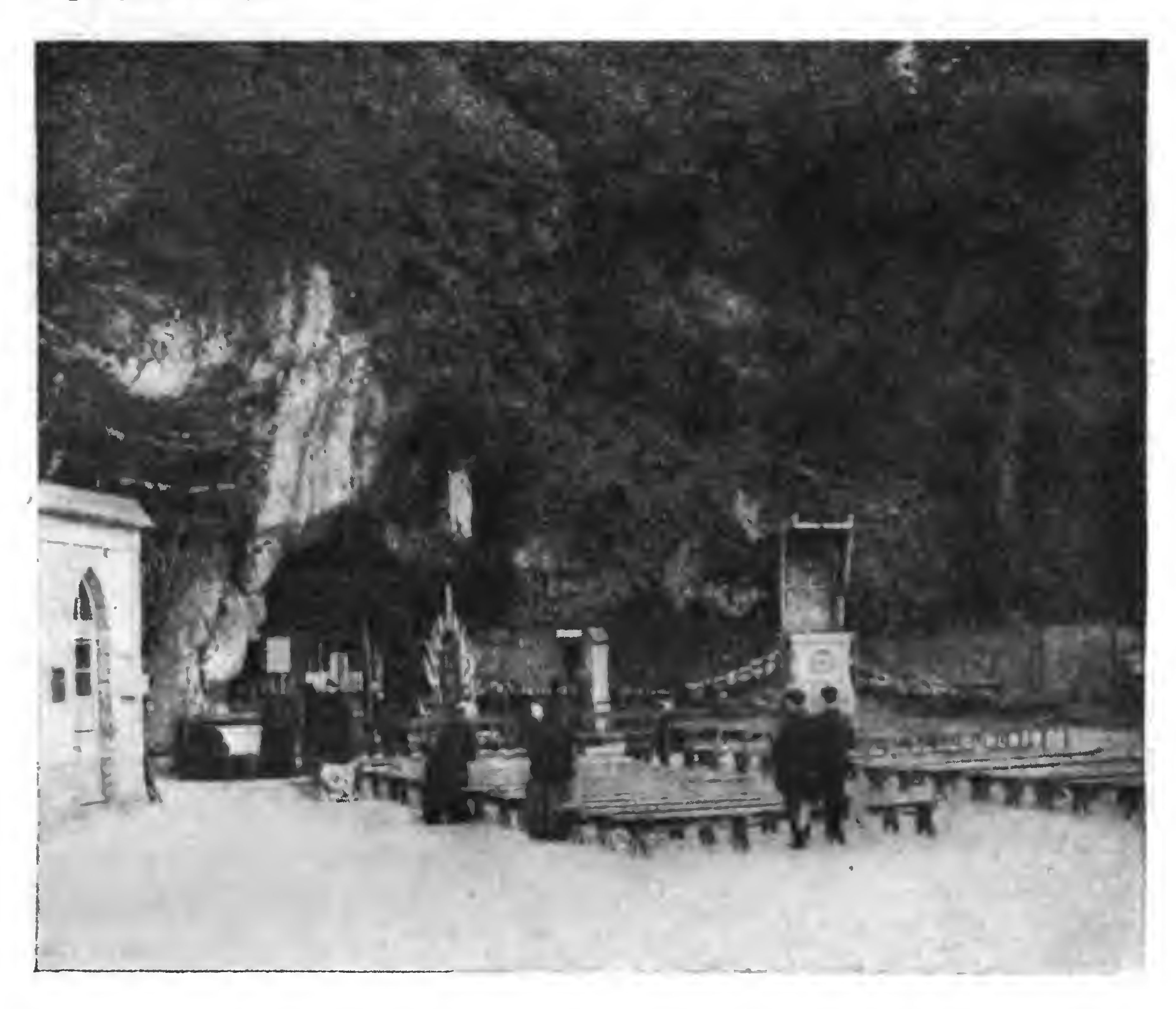
среднихъ вѣковъ, предшествовавшей звѣрствамъ Симона Монфорскаго, когда они, говорившіе на лангедокскомъ языкѣ, справедливо могли гордиться превосходствомъ своей цивилизаціи надъ варварами сѣвера. Не являются ли даже нѣкоторые изъ нихъ съ неясно сознаннымъ чувствомъ мести? Вѣдь ихъ говоруны развертываютъ свое гремящее краснорѣчіе какъ въ побѣжденной странѣ.

Эмиль Зола (1840—1902).

Но если шестьсотъ лѣтъ тому назадъ югъ представлялъ несомнѣнно наиболѣе культурную часть націи, въ настоящее время ихъ вліяніе сильно ослабляется многочисленными регрессивными элементами. Явленіе на первый взглядъ непонятное, а, между тѣмъ, оно естественное слѣдствіе того гнета, который пришлось терпѣть югу отъ побѣдоноснаго сѣвера. И вотъ, теперь, на ряду съ большинствомъ избирателей, состоящихъ изъ радикаловъ, или даже радикаловъ-соціалистовъ, представители которыхъ работаютъ въ парламентѣ надъ отдѣленіемъ церкви отъ государства, на ряду съ крестьянами, смѣло вступающими на путь коопераціи и даже коммунизма,—мы видимъ цѣлыя группы въ высшей степени реакціонно и фанатично настроенныхъ избирателей. Если стремленіе провансальскаго языка къ возрожденію заслуживаетъ полнаго сочувствія хотя бы въ виду его литературныхъ богатствъ, то все же общее направленіе движенія идетъ въ сторону католической реакціи. И не позоритъ ли весь югъ кровавая страсть къ бою быковъ, охватившая въ послѣднее время столько южныхъ городовъ,—страсть, зашедшая такъ далеко, что въ нихъ проснулся даже духъ прежней муниципальной независимости отъ центральной власти, какъ только правительство заговорило о за-

конахъ, къ тому же весьма снисходительныхъ, ограждающихъ животныхъ отъ звѣрствъ жадной до зрѣлищъ толпы.

Естественно, что въ этомъ столкновеніи двухъ Францій, консервативные элементы постарались освободиться отъ всего, что усложняетъ борьбу. Монархія ихъ стѣсняетъ, тѣмъ болѣе, что, вовсе не являясь



Лурдская пещера.

принципомъ, независимымъ отъ внѣшнихъ условій, она связана съ существованіемъ королевской или императорской династіи; въ настоящее время положеніе усложняется еще тѣмъ, что претендентами на престолъ является нѣсколько династій, къ тому же враждующихъ между собой. Когда попытки реставраціи потерпѣли пораженіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе соперничества между претендентами на престолъ, партія стараго порядка нашла болѣе выгоднымъ для себя примириться, по совѣту папы, съ республикой; это вѣдь ее ни къ чему не обязывало, и, подъ флагомъ «общаго дѣла», можно было совмѣстить пережитки прошлаго, наиболѣе противорѣчащіе новому порядку вещей. Объединеніе праваго и лѣваго фланга консервативной арміи должно было естественно произойти вокругъ древней католической церкви, очень ловко при-

способившейся ко всѣмъ формамъ современнаго движенія, но не способной покончить съ принципомъ, на которомъ всегда покоилось ея господство: подчиненія ума и воли религіознымъ традиціямъ. Уваженіе къ разъ пріобрѣтеннымъ преимуществамъ такъ сильно въ этой средѣ, что составъ реакціоннаго элемента, повидимому, едва измѣнился на протяженіи столѣтія. Исторія показываетъ намъ подчасъ очень любопыт-

Пюи-анъ-Вёлэ.
Слѣва церковь Сенъ-Мишель въ Эгилѣ, въ центрѣ Нотръ Дамъ-де-Франсъ, справа соборъ.

ныя, хотя строго логичныя въ этомъ отношеніи явленія. При оффиціальной республикѣ управленіе французской арміей находится почти всецѣло въ рукахъ правнуковъ бѣжавшихъ роялистовъ, нападавшихъ затѣмъ на Францію въ качествѣ наемниковъ Священнаго Союза. Имена, перечисляемыя ежегодно въ справочныхъ книгахъ, поразительнымъ образомъ совпадаютъ съ тѣми, которыя фигурировали 100 лѣтъ тому назадъ при Кобленцѣ и Киберонѣ въ перечнѣ иностранныхъ наемниковъ [1]). Роялисты, нападавшіе на Францію, превратились въ «непримири-

1) Urbain Gohier, «L'Armée de Condé», «Revue Blanche» 1 juillet 1898.

мыхъ патріотовъ». Эволюція совершилась естественно, и было бы несправедливо упрекать въ ней кого бы то ни было.

Францію часто приводятъ какъ примѣръ страны, населеніе которой отличается наименьшей дѣторождаемостью, хотя въ этомъ отношеніи она является не единственной среди другихъ народовъ. Въ то время, какъ въ большей части Европы и другихъ странахъ, стоящихъ на той же ступени цивилизаціи, народонаселеніе увеличивается въ никогда не достигавшейся раньше прогрессіи, благодаря удивительному прогрессу въ гигіенѣ и все новымъ завоеваніямъ природныхъ богатствъ,—во Франціи приростъ населенія увеличивается едва замѣтно, и бывали годы, когда число смертей превышало число рожденій, и только благодаря иммиграціи иностранцевъ народонаселеніе Франціи не уменьшалось. За исключеніемъ Бретани, т.-е. той французской провинціи, которая принимаетъ наименьшее участіе въ общей жизни націи, вся страна цѣликомъ, въ особенности классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, исповѣдуетъ принципъ «нравственнаго воздержанія», такъ горячо рекомендованный Мальтусомъ и Стюартомъ Миллемъ. Послѣдствія этого таковы, что генералиссимусъ германскихъ военныхъ силъ, ставящій при оцѣнкѣ народныхъ силъ на первый планъ наличность людей, годныхъ для боя, провозглашаетъ побѣду, которую германская армія одерживаетъ ежегодно надъ французской: ежегодный минусъ въ сотню тысячъ рожденій, дѣйствительно, равняется, въ равновѣсіи военныхъ силъ, громадной бойнѣ на полѣ сраженія.

Дѣйствительно, эти глубокія внутреннія причины упадка или прогресса населенія имѣютъ больше значенія, если не для полнаго процвѣтанія, то, по крайней мѣрѣ, для относительнаго преобладанія націи, чѣмъ рѣзкія политическія событія, притокъ чужеземнаго населенія или эмиграція. Населеніе обыкновеннаго кантона, насчитывающаго до двадцати тысячъ жителей, среди котораго процентъ рожденій въ теченіе четырехъ вѣковъ превышалъ бы процентъ смертей на $2^0/_0$,—такое отношеніе наблюдается между рождаемостью въ Австро-Венгріи, тридцать-восемь на тысячу жителей, и смертностью въ Англіи, восемнадцать на тысячу,—могло бы, теоретически говоря, достигнуть пятидесяти милліоновъ человѣкъ, т.-е. достаточное число, чтобы заселить всю территорію Германіи; если бы затѣмъ, вслѣдствіе какой-нибудь рѣзкой перемѣны, отношеніе сдѣлалось какъ-разъ обратнымъ приведенному, то въ теченіе такого же срока, четырехъ столѣтій, численность населенія съ пятидесяти милліоновъ упала бы до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Такимъ-то образомъ шло замѣчательно быстрое увеличеніе франко-канадскаго населенія; тамъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ было не больше тысячи человѣкъ, теперь насчитывается двадцать-пять тысячъ; съ другой стороны, намъ извѣстно немало націй, которыя утратили свои земельныя и водныя

владѣнія, свои торговыя сношенія и, наконецъ, совсѣмъ исчезли, какъ, напримѣръ, гимъяриты и вавилоняне, оставивъ только свое имя и слѣды своего существованія тамъ, гдѣ прежде лежали ихъ обширныя воздѣлан-

№ 498. Приростъ народонаселенія Франціи въ теченіе XIX столѣтія.

498

D'après V. Turquan

1 : 10 000 000

0 100 250 500 килом.

Цифры обозначаютъ численность населенія 1900 года, отнесенную къ каждой 1000 жителей въ 1800 году; видно, что въ полутора десяткахъ департаментовъ населеніе замѣтно уменьшилось. Каждой тысячѣ жителей въ 1800 году соотвѣтствуетъ въ 1900 году приблизительно: во Франціи—1450, въ Испаніи—1800, въ Италіи—2400, въ Германіи, Бельгіи, Голландіи—3800 (?), въ Англіи 3500 (?).

ныя поля, и возвышались ихъ густо населенные города. Но эти превращенія, имѣющія такой глубокій историческій смыслъ, поражаютъ умы значительно меньше, чѣмъ рѣзкія потрясенія, представляющія въ историческомъ отношеніи второстепенный интересъ. «Уменьшеніе населенія

27*

убиваетъ націю, не причиняя страданій отдѣльнымъ индивидуумамъ, изъ коихъ она состоитъ; никто не ощущаетъ боли, ни отъ кого не слышно жалобъ» [1]). Спрашивается, угрожаетъ ли существованію французской націи эта соціальная болѣзнь, которую Аристотель назвалъ олигантропіей? Насталъ ли для нея моментъ приготовиться къ смерти?

Какія причины обусловливаютъ задержку въ возрастаніи густоты населенія? Очевидно, такихъ причинъ много, но очень трудно сказать, которая изъ нихъ имѣетъ болѣе важное значеніе; къ тому же, это значеніе можетъ быть различно, смотря по той или иной провинціи. Характерной чертой частичнаго уменьшенія народонаселенія Франціи является то, что «бѣднота поддерживаетъ жизненность расы, тогда какъ богатство и довольство запродали себя смерти» [2]). Четыре группы департаментовъ, въ которыхъ происходитъ обезлюденіе, это — очень богатыя мѣстности нижней Нормандіи, восточная Гасконь съ Керси, часть Лангедока, Провансъ, области Бургундіи и Шампани. Наиболѣе остро зло ощущается въ департаментахъ Эра и Ло-и-Гаронны, т.-е. какъ-разъ въ тѣхъ, земли которыхъ относятся къ наиболѣе плодороднымъ во Франціи; въ указанныхъ департаментахъ число смертей ежегодно въ теченіе двухъ третей столѣтія превышаетъ число рожденій. Дѣло обстоитъ такъ не потому, чтобы природныя условія жизни были здѣсь неблагопріятны, такъ что жители должны были бы переселяться или же не могли рождать дѣтей: природныя богатства очень велики; они имѣются даже въ избыткѣ. Особый взглядъ на жизнь, ставшій идеаломъ въ глазахъ богатыхъ собственниковъ, объясняетъ, почему здѣсь не наблюдается возрастанія рождаемости. Въ указанныхъ округахъ не только замѣчается правильное уменьшеніе числа оффиціальныхъ браковъ, но даже типъ супружества все болѣе и болѣе приближается къ безбрачію [3]).

Въ чемъ же состоитъ этотъ идеалъ? Въ томъ, чтобы удержать за собою навсегда свое богатство или, по крайней мѣрѣ, обезпечить благосостояніе своей семьѣ. Не имѣя возможности унести съ собою въ могилу свои богатства, эгоистическій собственникъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы его владѣнія не дробились; онъ предпочитаетъ подвергнуться риску быть вынужденнымъ передать свое имущество какому-нибудь двоюродному брату, чѣмъ раздѣлить его между нѣсколькими дѣтьми. Странное и противоестественное явленіе: рожденіе дѣтей, иными словами, созданіе новыхъ поколѣній, которыя должны были бы наилучшимъ образомъ продолжать работу человѣчества, предоставлено неимущимъ, которымъ не-

1) Arsène Dumont, «Revue Scientifique», 20 juillet 1895, p. 92.—2) Arsène Dumont, «Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie de Paris», 15 janvier 1897.— 3) Edmond Demolins, «A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons», p. 130.

чего заботиться о будущемъ. И это отсутствіе заботы у производителей имѣетъ, пожалуй, такое же значеніе, какъ и заботы тѣхъ, которые видятъ въ своихъ дѣтяхъ просто носителей своего имени, наслѣдства, аристократическаго или буржуазнаго духа.

Если собственникъ, дорожа личной сохранностью своего имущества, можетъ, по крайней мѣрѣ, передать его своимъ близкимъ, то другая категорія людей, о которой мы сейчасъ скажемъ, не имѣетъ даже этого идеала. Легко себѣ представить, что у чиновника, т.-е. человѣка, поста-

Южная толпа (Нарбонна, 5 мая 1907 года).

вленнаго для надзора надъ своими согражданами, всѣ желанія сосредоточиваются вокругъ его собственной особы. Существованіе офицера, государственнаго чиновника, служащихъ въ различныхъ компаніяхъ зависитъ не только отъ ихъ работоспособности, какъ бы, казалось, слѣдовало, но, главнымъ образомъ, отъ доброй воли начальника, который можетъ отказать служащему, разорить его, если это ему заблагоразсудится. Затѣмъ, всѣ эти служащіе могутъ разсчитывать на повышеніе оклада жалованья, па улучшеніе своего положенія только при томъ условіи, если они нравятся начальству: только этой цѣною покупается повышеніе. Въ ихъ интересахъ, стало-быть, дѣлать визиты, оказывать услуги, одолженія, имъ необходимъ нѣкоторый внѣшній декорумъ, чтобы увеличить свои шансы на повышеніе: расходы почти всегда соразмѣрены съ положеніемъ, которое составляетъ предметъ желаній даннаго лица. Имѣть при такихъ условіяхъ многочисленную семью невозможно; она яви-

лась бы даже чѣмъ-то предосудительнымъ въ глазахъ тѣхъ, которые, по своему положенію, имѣютъ возможность обезпечить деньгами и тепленькимъ мѣстомъ нѣсколько человѣкъ своихъ дѣтей. Аналогичные мотивы приводятъ къ тѣмъ же практическимъ выводамъ людей свободныхъ профессій, какъ, напримѣръ, врачей и адвокатовъ; наконецъ, люди, положеніе которыхъ требуетъ отъ нихъ сравнительно болѣе высокаго развитія и даетъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленный заработокъ, т.-е. ректора и профессора университетовъ, учителя среднихъ учебныхъ заведеній, — эти люди имѣютъ обыкновенно мало дѣтей. По замѣчательной ироніи вещей, какъ-разъ эти жрецы общественной морали, на ряду съ другими жрецами, безбрачнымъ духовенствомъ, особенно усердно проводятъ въ жизнь принципъ «добровольнаго воздержанія» [1]). На ряду съ сознательнымъ ограниченіемъ семьи, которое практикуется въ столь обширныхъ размѣрахъ въ средѣ собственниковъ и интеллигенціи, надо также указать на отмѣченные многими врачами случаи бездѣтныхъ браковъ, встрѣчающіеся въ зажиточныхъ семьяхъ отъ чрезмѣрнаго употребленія въ пищу азотистыхъ веществъ. Нерѣдко воображаютъ, что, увеличивая количество пищи и напрягая этимъ до крайности дѣятельность пищеварительнаго аппарата, мы выигрываемъ въ смыслѣ здоровья и пріобрѣтенія силъ. На самомъ дѣлѣ,—какъ-разъ наоборотъ. Безплодіе въ супружествѣ нерѣдко является слѣдствіемъ такого постояннаго злоупотребленія возбуждающей пищею, къ которой присоединяются еще вино, крѣпкій кофе и крѣпкіе спиртные напитки. Вѣдь и растеніе, которое получаетъ слишкомъ обильную пищу, всѣ силы свои тратитъ на листья и не приноситъ плодовъ [2]).

Населеніе цѣлаго ряда промышленныхъ центровъ, которые оффиціально занимаютъ второстепенное мѣсто въ данномъ административномъ округѣ, содержитъ въ своемъ составѣ могущественное ядро очень богатыхъ семействъ, которыя весьма гордятся своимъ положеніемъ и относятся довольно пренебрежительно къ міру чиновниковъ. Этой промышленной аристократіи соотвѣтствуетъ многочисленный пролетаріатъ, составляющій главную массу населенія; наконецъ, имѣется еще промежуточный классъ мелкихъ торговцевъ, который живетъ сбытомъ своихъ продуктовъ рабочимъ и подчасъ вполнѣ подчиненъ дискреціонной власти хозяевъ. Во всѣхъ указанныхъ классахъ рождаемость весьма велика: она значительно больше, чѣмъ въ буржуазномъ обществѣ, состоящемъ изъ рантье и чиновниковъ. Существованіе какъ рабочаго, такъ и владѣльца предпріятія ненадежно: какъ тотъ, такъ и другой ищетъ своей судьбы и зависитъ отъ ея превратностей; рискуя ежедневно понести по-

1) Arsène Dumont, «Profession et Natalité», Séance de la Société d'Antropologie de Paris, 4 février 1897.—2) Maurele, «De la dépopulation de la France». Même Société, 18 décembre 1896.

тери или получить барышъ, эти люди не боятся подвергнуть себя и дѣтей своихъ превратностямъ жизненной борьбы. Было также установлено, что и сельское населеніе, окружающее промышленные центры, заражаясь примѣромъ и духомъ подражанія, также даетъ многочисленныя семьи. Дюмонъ констатировалъ замѣчательные примѣры этого явленія въ окрестностяхъ Дюнкирхена, Лилльбонны и другихъ промышленныхъ городовъ.

Древній Тенесъ, старинное гнѣздо пиратовъ.

Экономическія и соціальныя условія оказываютъ различное вліяніе на соотношеніе между рождаемостью и смертностью, заставляя это отношеніе постоянно колебаться. Однако, каковы бы ни были эти колебанія, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что прогрессъ населенія измѣряется не одною только численностью его, не только точнымъ подсчетомъ числа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Несомнѣнно, численность является существеннымъ элементомъ цивилизаціи но отнюдь не главнымъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ даже явиться препятствіемъ для поступательнаго развитія личнаго и коллективнаго благополучія, а также для развитія добрыхъ отношеній.

Переселеніе на территорію Франціи представителей сосѣднихъ съ нею народовъ замѣняетъ ей сыновъ, которые на ней не рождаются; нельзя отрицать того, что эти дѣти чужихъ странъ становятся «добрыми французами», превосходными патріотами, такъ же точно, какъ стали пре-

данными пруссаками Дюбуа-Реймоны, Верди-дю-Вернуа и другіе потомки кальвинистовъ. Нерѣдко случается замѣтить, что среди людей, которые особенно пламенно разглагольствуютъ о «славѣ Франціи», находится немало такихъ, у которыхъ одинъ, два или нѣсколько предковъ родились за предѣлами Франціи: почва, среда, языкъ такъ вліяютъ на личность, что она ассимилируется съ націей. Если все принять въ соображеніе, то врядъ ли можно сказать, будто Франція уступаетъ своимъ сосѣдямъ въ смыслѣ участія въ культурной работѣ человѣчества.

Говоря о латинскихъ народахъ, и въ особенности о Франціи, необходимо сказать нѣсколько словъ о сѣверо-западной Африкѣ, т.-е. о той части африканскаго материка, которую съ юга, начиная отъ залива Габеса и до Атлантическаго океана, противъ Канарскихъ острововъ, ограничиваютъ песчаныя и каменистыя пространства Сахары, нѣкогда залитыя, по меньшей мѣрѣ часть ихъ, моремъ (де Лаппаранъ). Въ виду непосредственной связи съ поднявшимися изъ-подъ воды пространствами суши, такъ называемая «Малая Африка», Мавританія, принадлежитъ, конечно, африканскому материку; но по своему геологическому строенію, по направленію, геологической природѣ, тектоникѣ своихъ горныхъ цѣпей (Э. Зюссъ), по характеру флоры и фауны, а также по населяющимъ ее первобытнымъ людскимъ расамъ, эта мѣстность обнаруживаетъ гораздо большую связь съ Европой, чѣмъ съ Африкой: она образуетъ одно цѣлое съ областью Средиземнаго моря, въ составъ которой входятъ Италія и ея острова, Провансъ, Лангедокъ, Балеарскіе острова и Пиренейскій полуостровъ.

Однако, политическія событія часто разъединяли во время хода исторіи оба противоположныхъ берега этого внутренняго моря: въ эпохи, предшествовавшія современной, плаваніе по морю было сопряжено съ такими опасностями, что колонизаторскія попытки почти всегда наталкивались на препятствія или задерживались надолго, и что военныя экспедиціи оканчивались нерѣдко неудачей. Вѣдь, въ прежнія времена на совершеніе переѣзда съ одного берега на другой требовалось столько дней, сколько теперь, въ настоящемъ столѣтіи, необходимо на это часовъ быстроходному судну. Послѣ паденія Римской Имперіи произошло полное разобщеніе между народами, населявшими оба берега, и даже побѣдоносное шествіе арабовъ должно было совершиться вдоль одного сѣвернаго берега материка, на огромномъ протяженіи, которое отдѣляетъ Красное море отъ Атлантическаго океана, Синай отъ Пиренеевъ. Разъ естественное движеніе съ сѣвера на югъ, сообщеніе между обѣими половинами средиземноморскаго міра, было прервано, то могло появиться передвиженіе людей въ иномъ направленіи, а именно съ востока на западъ.

Въ настоящее время естественная связь установилась, хотя и

насильственнымъ образомъ, путемъ военныхъ завоеваній. Алжирія, Тунисъ являются французскими колоніями или, вѣрнѣе, колоніями южно-европейскими, такъ какъ бо̀льшая часть поселенцевъ состоитъ изъ французовъ-южанъ, испанцевъ, мальтійцевъ, магонцевъ и итальянцевъ; послѣдніе преобладаютъ въ Тунисѣ, тогда какъ испанцы превышаютъ численностью французовъ въ Оранѣ. Тѣмъ не менѣе, мавританскія земли только въ незначительной своей части примыкаютъ въ этнографическомъ отношеніи къ современной Европѣ: онѣ прежде всего—земли берберійцевъ и, кромѣ того, въ извѣстной мѣрѣ,—область завоеваній арабовъ. Итакъ, здѣсь имѣется смѣшеніе Азіи съ Европой и съ античной Окцитаніей. Когда Наполеонъ III, къ великому стыду французскихъ колонистовъ, назвалъ Алжирію «арабскимъ королевствомъ», въ его словахъ было, слѣдовательно, много правды. Впрочемъ, французскіе военные, которые пріобщили Алжирію къ Европѣ, всегда высказывали такое же мнѣніе объ этой странѣ, какъ и императоръ. Такой взглядъ былъ имъ продиктованъ прежде всего сословнымъ духомъ: желаніе повелѣвать, столь естественное у солдата, заставляло ихъ предпочитать подданныхъ арабовъ, надъ которыми они имѣютъ полную власть, французскимъ согражданамъ, которыхъ они могутъ, конечно, не ставить ни во что и презирать,—правда, только на словахъ, такъ какъ эти презираемые «штатскіе» остаются подъ охраной общихъ законовъ.

Затѣмъ наступила эра оффиціальной колонизаціи; было запрещено переселенцамъ селиться по ихъ желанію на земляхъ, купленныхъ частнымъ образомъ у арабовъ. Теперь стали заранѣе намѣчать мѣсто, гдѣ должно быть построено селеніе съ такимъ-то количествомъ домовъ, съ садами, по стольку-то саженей, и полями, по стольку-то гектаровъ; сюда должно быть послано такое-то число колонистовъ, опредѣленное въ парижскихъ канцеляріяхъ; каждый изъ нихъ снабженъ подряднымъ условіемъ, надлежащимъ образомъ подписаннымъ и скрѣпленнымъ цѣлой серіей военныхъ и гражданскихъ властей. Открытіе Аинъ-Фука,—перваго селенія, основаннаго генераломъ Бюго, который получилъ въ исторіи репутацію великаго колонизатора,—сопровождалось оригинальной церемоніей: отрядъ изъ 147 колонистовъ прошелся военнымъ маршемъ, имѣя во главѣ офицеровъ и солдатъ, а впереди барабаны. Каждый поселенецъ получилъ вмѣстѣ съ жилищемъ и участкомъ земли семьсотъ франковъ деньгами и жену, присланную генераломъ изъ Тулона. Легко себѣ представить, что̀ сталось съ населеніемъ этого оффиціальнаго поселка; по счастью, оно было нѣкоторое время спустя замѣнено семьями серьезныхъ колонистовъ. Фука превратилась въ прибрежную деревню Кастильону, дома которой теперь красиво раскинуты на берегу среди виноградниковъ.

Комедія оффиціальной колонизаціи превратилась впослѣдствіи въ

трагедію, когда въ 1848 году Національное Собраніе, желая избавиться отъ парижскихъ революціонеровъ, вздумало поселить сразу пятнадцать тысячъ колонистовъ въ четырехъ десяткахъ деревень, насаженныхъ, какъ попало, въ разныхъ мѣстахъ. Послѣдствія этого получились очень плачевныя. Большинство импровизированныхъ колонистовъ погибло или разбѣжалось: въ подобномъ селеніи остался одинъ единственный человѣкъ, названный въ насмѣшку «хранителемъ развалинъ». Лишній разъ было доказано, что оффиціальная колонизація приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, въ виду тѣхъ тратъ, которыя она за собою влечетъ, дурныхъ элементовъ, которыхъ она насаждаетъ и разочарованія, которое она вноситъ въ среду свободныхъ колонистовъ.

Задержанное неудачнымъ вмѣшательствомъ правительства въ дѣло колонизаціи заселеніе земель, несмотря на это, совершалось непрерывно, благодаря частной иниціативѣ. Съ первыхъ же дней началось завладѣваніе землями, лежащими за чертой крѣпостей и площади, занятой солдатами и всевозможными состоящими при арміи паразитами. Несмотря на политическую ненадежность будущаго, нѣсколько предпріимчивыхъ садоводовъ и земледѣльцевъ отважились занять мѣста внѣ зоны, огражденной пушками, и начали заступомъ совершать дѣло истиннаго завоеванія. Несмотря на преслѣдующія ихъ лихорадки и пули, настойчивые землепашцы не падали духомъ; за первыми піонерами потянулись другіе, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Деревни, истребленныя смертью, получаютъ снова населеніе, затѣмъ—во второй и третій разъ. Даже оффиціальные поселки, въ концѣ концовъ, начали процвѣтать послѣ того, какъ въ нихъ, мало-по-малу, исчезли первые поселенцы, и мѣсто ихъ заняли свободные колонисты. На холмахъ среди пиній и банановъ издали виднѣются, оживляя мѣстность, бѣлые дома, покрытые красной черепицей, тогда какъ черныя палатки арабовъ, придавленныя къ землѣ, теряются среди неровностей почвы. Европейскія постройки группируются, выравниваются по линіи и образуютъ улицы; изъ поселковъ выростаютъ города, соединенные между собою дорогами, а впослѣдствіи рельсовыми путями; вся совокупность занятыхъ пунктовъ связывается сѣтью путей сообщенія въ одно географическое цѣлое, и, мало-по-малу, европейское гражданское общество, люди труда и промышленности, замѣняетъ, оттѣсняетъ въ казармы и лагери войска всѣхъ родовъ оружія и всякихъ мундировъ, которыя въ первыя десятилѣтія являлись въ глазахъ арабовъ единственными представителями «великой палатки» Франціи. Первоначально мусульманское населеніе Африки вообразило себѣ, что Франція—это страна, состоящая изъ четырехъ большихъ сословій: «зуавовъ», «африканскихъ стрѣлковъ», «большихъ капюшоновъ» и «весельчаковъ», или отбывающихъ дисциплинарное наказаніе, названныхъ такъ не безъ ироніи, по контрасту съ ихъ дѣйствительнымъ настроеніемъ. Въ штат-

скихъ арабы видѣли только низшую касту, которую въ ихъ глазахъ можно было бы приравнять къ ихъ собственнымъ пастухамъ [1]).

Нашлись пророки, горячіе сторонники силы, которые утверждали, что, при неизбѣжномъ столкновеніи расъ, европейскіе переселенцы, непрерывно увеличиваясь въ числѣ, въ концѣ концовъ, вытѣснятъ туземные народы, займутъ ихъ мѣсто, подобно тому, какъ англичане вытѣснили краснокожихъ и жителей острова Тасманіи. Ужасный голодъ,

Бона; видъ, снятый съ высоты Гиппона.

отъ котораго погибло въ 1857 году около полумилліона алжирскихъ туземцевъ, давалъ, повидимому, вѣскій доводъ въ руки теоретикамъ, утверждавшимъ, что такое вытѣсненіе неизбѣжно; однако, по минованіи этого тяжелаго народнаго бѣдствія, рождаемость у арабовъ и кабиловъ значительно повысилась, на мѣсто погибшихъ явилось новое поколѣніе, и численность населенія снова увеличилась. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій приростъ тѣхъ элементовъ населенія, которыхъ можно назвать, въ отличіе отъ выходцевъ изъ Европы, «туземными», шелъ такимъ же темпомъ, какъ и увеличеніе численности иностранныхъ иммигрантовъ. Эти послѣдніе составляютъ всего лишь одну шестую или одну седьмую часть

1) Emile Masqueray, «Souvenirs et Visions d'Afrique», p. 36.

всей массы населенія: такимъ образомъ, съ точки зрѣнія численности на сторонѣ африканскихъ и азіатскихъ элементовъ весьма значительный перевѣсъ, который до извѣстной степени компенсируетъ тѣ преимущества, которыя даютъ французскому элементу его престижъ завоевателя, обладаніе крупными военными силами, а также превосходная организація политическихъ, административныхъ, промышленныхъ силъ и торговыхъ связей.

Самый важный источникъ слабости туземцевъ, по сравненію съ франко-европейцами, это отсутствіе у нихъ единенія. Прежде всего, каждый городъ нарушаетъ связность арабскаго міра: громадное большинство населенія городовъ, чуть ли не всѣхъ безъ исключенія, состоитъ изъ европейцевъ, и даже въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ арабскій элементъ весьма значителенъ, управленіе вполнѣ сосредоточено въ рукахъ французовъ, благодаря превосходству ихъ политическихъ учрежденій, ихъ духовной культуры, ихъ матеріальныхъ средствъ, что даетъ имъ громадныя преимущества. Невозможно даже сравнивать туземца съ жителемъ европейскаго происхожденія! Но это не все: города связаны между собою если не желѣзнодорожными путями, то, по крайней мѣрѣ, хорошими грунтовыми дорогами, которыя облегчають культурное общеніе при посредствѣ обмѣна извѣстіями, писемъ, газетъ, всевозможныхъ посылокъ и т. д.; по существу своему всѣ эти сношенія въ рукахъ у французовъ. Эта сѣть путей сообщенія, являясь какъ бы нервными стволами, соединяющими всѣ отдѣльныя гангліи—города, обезпечиваетъ иммигрантамъ превосходство въ смыслѣ сплоченности и вліятельности.

Но этого мало: существуетъ цѣлый рядъ сельскихъ округовъ, гдѣ арабы находятся въ меньшинствѣ, и гдѣ занимаемыя ими мѣстности разобщены другъ отъ друга. Такъ, алжирскій Сахель и большая равнина Митиджа являются землями, населенными, главнымъ образомъ, французами, гдѣ арабы не больше, не меньше какъ гости, которыхъ лишь терпятъ; по большей части, они фигурируютъ здѣсь въ видѣ простыхъ наемниковъ. Есть еще одно обстоятельство, которое подчеркиваетъ бѣдность арабскаго населенія въ указанной мѣстности: къ востоку отъ Митиджи, почти непосредственно за площадью, занятою французскими деревнями, поднимаются высокія горы Джурджура, населеніе которыхъ состоитъ приблизительно изъ одного милліона кабиловъ; этотъ народъ отлично сознаетъ, что по происхожденію онъ отличается отъ арабовъ. Такимъ образомъ, вся масса арабовъ французской Алжиріи раздѣлена на двѣ почти равныя и отличныя другъ отъ друга части. Въ южной части Орана заселеніе земель испанскими и французскими колонистами привело къ аналогичному явленію: несмотря на присутствіе марокканцевъ, численность которыхъ доходитъ до 7000 (согласно переписи

1900 года), мусульмане составляютъ въ Оранскомъ округѣ очевидное меньшинство; западные арабы, живущіе близъ границы на плоскогоріяхъ и высотахъ, которыя господствуютъ надъ долиной Шелифа, отрѣзаны отъ восточныхъ арабовъ, не имѣя возможности свободно съ ними сообщаться. Въ самомъ дѣлѣ, безъ всякой натяжки можно сказать, что національное самосознаніе арабовъ обязано своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, присутствію французовъ въ Алжиріи. До середины истекшаго столѣтія существеннымъ и единственнымъ національнымъ различіемъ являлось въ глазахъ туземцевъ различіе вѣроисповѣданія; но съ теченіемъ времени все больше и яснѣе въ сознаніи туземцевъ выступаютъ на первый планъ различія по происхожденію и заслоняютъ собою до извѣстной степени религіозныя отличія по мѣрѣ того, какъ ослабляется вліяніе религіи на умы, и появляется болѣе высокое умственное развитіе.

Однако, если вникнуть хорошенько въ примѣры національныхъ контрастовъ, представляемые исторіей, то нельзя не согласиться, что съ теченіемъ времени наступаетъ нѣкоторое духовное сближеніе между отдѣльными группами населенія, вопреки волѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ этимъ группамъ, вопреки ихъ же собственнымъ, постояннымъ утвержденіямъ. Они считаютъ себя навѣки непримиримыми, подобно огню и водѣ; но это только слова, фигуральныя выраженія, не имѣющія подъ собою реальной почвы. Прежде всего, европейскіе колонисты, заброшенные судьбой въ далекую страну, среди кабиловъ и арабовъ, должны, повинуясь инстинкту самосохраненія, морально приладиться, акклиматизироваться на новомъ мѣстѣ, припоровиться къ новымъ условіямъ жизни: иногда языкъ, образъ мысли, нравы испытываютъ полное измѣненіе. Аналогичное явленіе происходитъ съ туземцами, оставшимися въ городахъ: большинство изъ нихъ становится пролетаріями, такими же, какъ и европейскіе рабочіе, и собираются въ Алжирѣ, а также другихъ второстепенныхъ портахъ побережья. Между разнородными группами населенія начинается такъ или иначе сближеніе, несмотря на обоюдныя оскорбленія и ненависть, несмотря на несправедливости, виновницей которыхъ является несомнѣнно раса-побѣдительница.

Сходство начинаетъ проявляться также и въ одеждѣ. Большинство алжирскихъ колонистовъ не одѣвается уже больше какъ французскіе крестьяне; глядя на ихъ короткую куртку, широкій шерстяной поясъ чернаго, краснаго или фіолетоваго цвѣта, на обувь, ихъ скорѣе можно было бы принять за испанцевъ. Что же касается арабовъ и людей всѣхъ другихъ племенъ, которые населяютъ предмѣстья и бѣдные кварталы города, и которые съ большимъ или меньшимъ основаніемъ могутъ быть названы «мусульманами», то многіе изъ нихъ носятъ всякое

старье, которому трудно подыскать подходящее названіе; эти одежды, къ сожалѣнію, изрядно-таки грязны, зато живописны: панталоны, тюрбанъ, «шешія», напоминаютъ старинный костюмъ населенія южнаго

№ 499. Распредѣленіе населенія въ сѣверной Африкѣ.

Процент. колич. французовъ
Пропорц. колич. туземцевъ
АРАБЫ и БЕРБЕРІЙЦЫ
ФРАНЦУЗЫ
ЕВРЕИ
ИТАЛЬЯНЦЫ
Тлемсенъ, Сиди-бель-Абъ, Оранъ, Маскара, Мостаганъ, Орлеансв., Миліана, Медеа, АЛЖИРЪ, Тици-Узо, Бужи, Сетифъ, Батна, Константина, Филиппв., Гуельма, Бонъ, ТУНИСЪ, Террит. Комманд., САХАРА

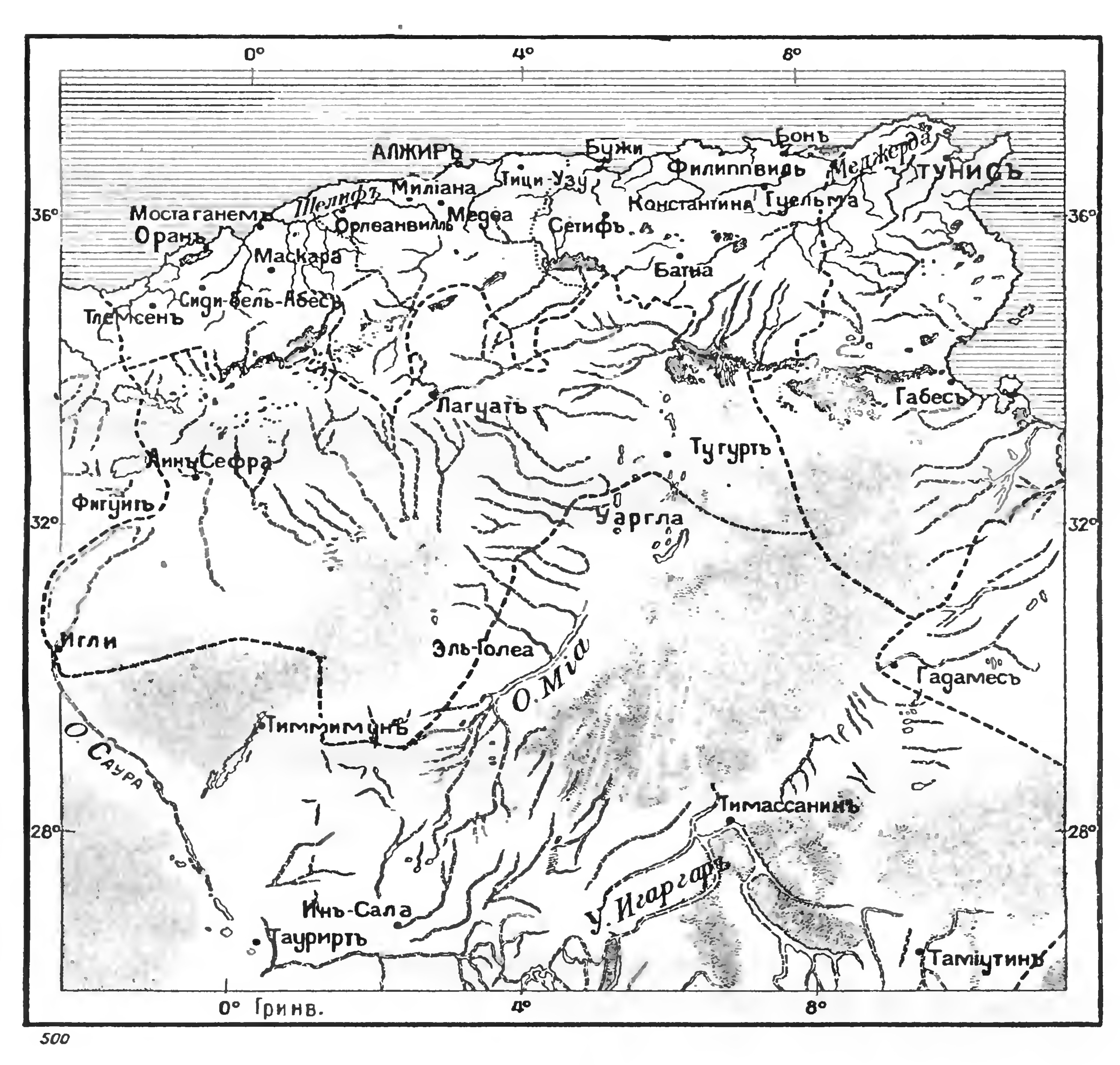
499

Алжирскіе округа расположены слѣва направо, въ порядкѣ географическихъ долготъ ихъ главныхъ городовъ (указано на картѣ № 500.) Ширина столбцовъ пропорціональна численности всего населенія даннаго округа. Въ каждомъ столбцѣ національности изображены въ одномъ и томъ же порядкѣ, а именно по направленію снизу вверхъ: французы (бѣлой краской), евреи (черной), испанцы, итальянцы (косою штриховкой въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ), прочіе иностранцы (бѣлой краской), арабы и берберійцы (включая марокканцевъ).

побережья Средиземнаго моря, тогда какъ все остальное походитъ на костюмъ неаполитанцевъ. Затѣмъ, несомнѣнно, существуетъ смѣшеніе расъ, которое, правда, отрицается статистикой браковъ; но вѣдь такое

смѣшеніе постоянно происходитъ внѣ оффиціальныхъ брачныхъ узъ! Какъ часто слѣды европейской крови бросаются въ глаза у жителей большинства городовъ и даже деревень! Наконецъ, въ сферѣ интересовъ повседневной жизни также замѣчается сближеніе, нѣкоторая

№ 500. Алжирія, Тунисъ, Сахара.



общность; достаточно посмотрѣть, какъ арабы и французскіе колонисты тѣснятся въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ рынка, громко предлагая свой товаръ, торгуясь и оживленно обсуждая вопросы купли-продажи! Становится тогда яснымъ, что всѣ эти люди составляютъ одно органическое цѣлое, всѣ они однимъ мvромъ мазаны, всѣмъ имъ присущи тѣ же уловки, тѣ же хитрости и, въ сущности, тотъ же запасъ добродушія.

Наилучшимъ связующимъ цементомъ между двумя группами населенія, столь различными въ этнографическомъ отношеніи, между фран-

цузами сѣвера и полукочевыми арабами, является тотъ элементъ, который поставляютъ южные европейцы и, въ особенности, испанцы, со своими многочисленными семьями. Они вѣдь являются благодаря своимъ предкамъ уже наполовину маврами, и теперь они возвращаютъ арабамъ то, что отъ послѣднихъ нѣкогда получили ихъ предки! Что же касается французскихъ колонистовъ, то они страдаютъ отъ своей національной болѣзни, т.-е. отъ страха передъ бракомъ и передъ заботами о дѣтяхъ. Молодымъ дѣвушкамъ изъ буржуазныхъ семей съ трудомъ удается выйти замужъ; и вопросы о приданомъ, о выгодахъ той или иной «партіи» начинаютъ обсуждаться за много лѣтъ до вступленія въ бракъ. Язвы «палеопартеніи» и «олигантропіи» даютъ себя знать и на алжирской почвѣ, которую надлежало бы, однако, прежде всего заселить.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время нечего опасаться, что можетъ произойти отдѣленіе Мавританіи отъ Европы Мусульмане различныхъ народностей, которые составляютъ главную массу населенія Алжиріи, слишкомъ разрознены, слишкомъ раздроблены вклинивающимися въ ихъ территоріи городами и участками, занятыми европейскими колонистами, а также сѣтью желѣзныхъ дорогъ, такъ что нельзя ожидать народнаго возстанія или, вѣрнѣе, цѣлаго ряда мѣстныхъ бунтовъ, которые были бы когда-нибудь въ силахъ отбросить за море французскихъ пришельцевъ! Самое большее, на что способны были бы арабы и кабилы, это—явиться союзникомъ той или иной изъ борющихся сторонъ въ случаѣ междоусобицы внутри страны, или же оказать содѣйствіе, въ случаѣ большой войны, вторгшимся иностраннымъ войскамъ. Отнынѣ опасность, которая могла бы угрожать французскому владычеству въ Алжиріи, едва ли явится со стороны африканскихъ мусульманъ, хотя такая перспектива тревожитъ иногда умы нѣкоторыхъ писателей, склонныхъ къ подозрительности. Религіозный или національный фанатизмъ—въ этомъ нетрудно убѣдиться—имѣетъ лишь поверхностный характеръ: то, что обыкновенно принимаютъ за такой фанатизмъ, въ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ проявленіе самолюбія, усиленнаго старинными предразсудками. Время священныхъ войнъ проходитъ и для арабовъ, какъ оно прошло уже для христіанъ; и если бы панисламизмъ, охватывая область отъ Инда до Адріатики и отъ Нила до Атлантическаго океана, когда-либо поднялъ голову передъ европейцемъ, то это явилось бы только эпизодомъ вѣчной войны между эксплуатируемымъ и эксплуататоромъ, а вовсе не борьбой магометанина противъ христіанина.

Напротивъ, надо полагать, что обходительность европейцевъ, мало-по-малу, осилитъ предубѣжденіе туземцевъ. Но встаетъ другой вопросъ: колонія неминуемо должна когда-нибудь достигнуть политической зрѣлости; и если она будетъ тогда находиться въ условіяхъ, отличающихъ

ее въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ отъ метрополіи, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, то несомнѣнно она потребуетъ автономіи. Жители Алжиріи, происшедшіе отъ цѣлаго ряда народностей побережья Средиземнаго моря, иберійцевъ и лигуровъ, почувствуютъ себя тогда «алжирцами», а не французами; несомнѣнно, они будутъ стремиться къ эмансипаціи отъ метрополіи или же къ свободной политической федераціи съ нею. Придется тогда съ чрезвычайной осмотрительностью, съ большимъ тактомъ и полнымъ уваженіемъ обходиться съ этими коло-

Сцена на рынкѣ въ Алжиріи.

нистами, населяющими противоположный берегъ моря, чтобы сохранить ихъ приверженность и симпатію. Единство колоніи съ метрополіей оказалось въ большой опасности, если бы французскій флотъ лишился полной свободы передвиженія, если бы сообщеніе Марселя и Тулона съ Алжиромъ и Бизертой было прервано. Въ частности Тунисъ, въ которомъ среди европейцевъ французскіе колонисты находятся въ меньшинствѣ, подвергся бы тогда риску попасть, какъ зрѣлый плодъ, въ руки той европейской націи, которая находится къ нему ближе всѣхъ, на которую географія смотритъ какъ на наслѣдницу древняго Рима.

Но каковы бы ни были эти предположенія о политическомъ будущемъ Мавританіи, она представляетъ собою отнынѣ новую провинцію «великой Европы»; сюда позволительно включить также Марокко, хотя

принято считать, что эта страна пользуется еще своею самостоятельностью. Этотъ «Магребъ-эль-Акса», этотъ «крайній Западъ» арабскаго міра опутанъ со всѣхъ сторонъ европейскими державами, представители которыхъ, съ весьма многочисленной свитой дипломатическихъ агентовъ, расположились въ Танжерѣ, чтобы сдѣлать изъ него вполнѣ европейскій городъ: признакъ того, что въ недалекомъ будущемъ имъ удастся завладѣть страною. Обрабатываемое изнутри при помощи всевозможныхъ интригъ, центральное правительство не можетъ дѣйствовать, не спрашивая совѣта и не получая субсидій отъ европейскихъ соперниковъ, которые оспариваютъ другъ у друга этотъ лакомый кусокъ; что же касается независимыхъ племенъ, которыя составляютъ такъ называемый «блэдъ-есъ-сиба»,—«страну непокорныхъ», то они равнымъ образомъ зависятъ отъ Европы, хотя бы косвенно, такъ какъ всѣ произведенія промышленности имѣютъ европейское происхожденіе, и съ каждымъ годомъ зависимость туземцевъ отъ Европы въ торговомъ отношеніи силою вещей становится все больше и тѣснѣе. Мало того, марокканскіе рабочіе усвоили себѣ обыкновеніе цѣлыми десятками тысячъ отправляться на работы, въ качествѣ дровосѣковъ, землепашцевъ, пастуховъ и ремесленниковъ, въ сосѣднюю Алжирію и такимъ путемъ пріобщаются въ экономическомъ отношеніи къ европейской цивилизаціи; достаточно было бы просто предоставить естественному общенію оказывать свое вліяніе, безъ всякаго давленія извнѣ, и съ каждымъ годомъ европеизація Марокко будетъ быстрыми шагами подвигаться впередъ. Всякое насильственное покореніе военной силой могло бы только задержать это движеніе, сѣя въ средѣ туземцевъ ненависть къ покорителямъ и жажду мщенія, усугубляя этимъ и безъ того враждебное отношеніе къ европейцамъ, проистекающее изъ сознанія превосходства своей религіи; такъ какъ мусульманинъ, поклоняясь единому богу, относится съ презрѣніемъ къ «христіанской собакѣ», къ тому, кто признаетъ, по меньшей мѣрѣ, трехъ боговъ въ одномъ естествѣ, а также Божью матерь, и, кромѣ того, что самое главное, относится равнодушно къ религіознымъ идеямъ и обрядамъ.

Европеизація Марокко и, въ частности, офранцуженіе его должно пойти скорѣе вмѣстѣ съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ отношеніи рельсовый путь, доведенный до самой пустыни, до Фигуига и дальше, уже сдѣлалъ чудеса. Жители оазисовъ, которыхъ грубость войскъ наталкивала сначала на вооруженную борьбу, охотно соблазняются заманчивыми перспективами выгодной торговли, и въ настоящее время коммерческія сношенія Марокко ведутся черезъ перевалы Большого Атласа. Но главныя двери, открывающія доступъ въ страну Запада со стороны алжирской границы, это—широкій проходъ, который открывается по направленію къ Фецу черезъ страну Удида, между

прибрежными горами Атласа въ собственномъ смыслѣ слова. Переселенческое движеніе и торговыя сношенія всегда шли черезъ эту срединную долину, и нѣтъ сомнѣнія, что именно здѣсь должно будетъ пройти продолженіе желѣзнодорожной линіи, пересѣкающей Мавританію по длинѣ между заливами Большимъ и Малымъ Сиртомъ и Атлантическимъ океаномъ. Итакъ, ось, вдоль которой шло движеніе народовъ, историческій путь, по которому шли берберійцы и римляне, вандалы и

Улица въ Лагуатѣ.

византійцы, арабы и французы, лежитъ на сушѣ, параллельно берегу. Въ Марокко берега Средиземнаго моря такъ же мало доступны, какъ и въ Тунисѣ: прибрежныя горныя цѣпи, спускаясь къ морю крутыми скалами, образуютъ почти сплошную преграду, препятствующую торговлѣ: на большомъ протяженіи побережья эти недоступные берега не позволяютъ приставать иностраннымъ судамъ. Принадлежащіе испанцамъ островки и полуострова, лежащіе между Мелиллой и Сеутой, представляютъ собою голыя скалы; нѣтъ на нихъ ни одной тропинки, которая вела бы отъ берега вглубь, и подчасъ на нихъ приходится выставлять сигналъ бѣдствія, чтобы выпросить у проходящихъ мимо судовъ нѣсколько боченковъ чистой воды.

При помощи той же выдержанной и доброжелательной политики, о которой было сказано выше, Франція могла бы постепенно присоеди-

нить къ себѣ различные оазисы, разсѣянные въ пустынѣ между Тунисомъ и Алжиромъ: одни только экономическіе интересы могли бы соединить мавританскія колоніи съ французскими владѣніями по Сенегалу и Нигеру; но такая политика безусловно исключала бы вмѣшательство военной силы и бравурные подвиги арміи, а какъ слѣдствіе этого,— быстрыя повышенія блестящихъ офицеровъ. Поэтому предпочтеніе было отдано дорого стоющимъ военнымъ экспедиціямъ, дѣятельность которыхъ приближалась скорѣе къ частичному истребленію туземцевъ. Еще до этихъ подвиговъ умудрились уничтожить всякія торговыя сношенія, осуществлявшіяся при помощи каравановъ: вся торговля съ Суданомъ, стѣсненная таможнями и несправедливыми поборами, направилась цѣликомъ къ Марокко и Триполи, и туареги сдѣлались непримиримыми врагами французовъ. Лишь въ 1897 году, т.-е. шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ оккупаціи Алжиріи, почтовые чиновники въ Аинъ-Сефрѣ, лежащей на самомъ югѣ Орана, впервые получили почту изъ Тимбукту, состоящую изъ какихъ-нибудь четырехъ десятковъ писемъ: туземцамъ, которые доставили эту корреспонденцію, понадобилось болѣе трехъ мѣсяцевъ на совершеніе перехода черезъ пустыню. Что же касается французовъ, то они медлили до 1900 года, когда была, наконецъ, снаряжена экспедиція, подъ предводительствомъ Фуро, которая выступила изъ крайнихъ пунктовъ Алжиріи и совершила полный переходъ черезъ пустыню, стоившій большого труда, лишеній и представлявшій немало опасностей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякій разъ, какъ купцы туати и другихъ народностей, а въ особенности туарегскіе воины, вопреки французскому правительству, свободно переходили отъ границъ Алжиріи къ берегамъ Нигера, всѣ важныя европейскія новости, и притомъ въ болѣе или менѣе разукрашенномъ видѣ, сообразно стремленіямъ и надеждамъ туземцевъ, распространялись по пустынѣ, вдоль по путямъ каравановъ. Придетъ когда-нибудь и такой день, когда главные пути изъ Европы въ Южную Америку будутъ лежать, согласно указаніямъ географіи, черезъ Сахару, примыкающую къ Мавританіи.

Въ Европѣ преобладающая роль въ матеріальномъ отношеніи безспорно принадлежитъ исконной соперницѣ Франціи—Германіи. Успѣхи, которыхъ она достигла въ послѣднюю треть столѣтія въ области промышленности и торговли, прямо-таки поразительны и превосходятъ даже изумительный приростъ населенія, замѣчающійся въ ней за это время, численность котораго достигаетъ отъ сорока до шестидесяти милліоновъ человѣкъ. Серія осмотровъ, предпринятыхъ черезъ опредѣленные промежутки, въ нѣсколько лѣтъ каждый, въ столицахъ Германіи и въ мѣстностяхъ наиболѣе интенсивнаго труда, какъ-то: въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Саксоніи, Вестфаліи, Рейнской долинѣ, позволяетъ су-

дить о томъ, насколько велики происшедшія здѣсь перемѣны, и насколько относительная бѣдность Германіи, по сравненію съ другими народами, превратилась въ богатство. Чрезвычайно поучительныя въ данномъ отношеніи наблюденія можно сдѣлать въ новыхъ странахъ, гдѣ, напримѣръ, внезапно возникаетъ данный родъ промышленности, съ примѣненіемъ всей совокупности добытыхъ наукой усовершенствованій, которыми болѣе старыя предпріятія не могли воспользоваться въ полной мѣрѣ. Не менѣе поучительно также наблюдать, какъ какой-нибудь песчаный пустырь, на которомъ прежде кое-гдѣ были разбросаны лужи гніющей, черноватой воды, гдѣ не росло ничего, кромѣ нѣсколькихъ пучковъ вереска,—какъ такая мѣстность превратилась въ роскошныя поля, почва которыхъ, обработанная по всѣмъ правиламъ науки, даетъ великолѣпные урожаи, приводящіе въ изумленіе и восхищеніе агрономовъ.

Если бы матеріальные успѣхи, впрочемъ, колеблющіеся, во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго труда, давали намъ точное мѣрило для оцѣнки прогресса интеллектуальнаго и моральнаго, то можно было бы сдѣлать попытку измѣрить путь, пройденный германской націей въ направленіи будущаго царства равенства и справедливости. Но такого рода исчисленій невозможно произвести; быть-можетъ, существуютъ даже препятствія, безусловно не допускающія параллельнаго и равномѣрнаго развитія матеріальной и интеллектуальной культуры: какъ-будто энергія націи можетъ одновременно сосредоточиться на прогрессѣ только въ одной какой-нибудь области! Мы можемъ высказывать по данному поводу только частичныя сужденія, только элементы той окончательной оцѣнки, которую произнесетъ судъ исторіи. Сосредоточивъ свое вниманіе лишь на нѣкоторыхъ произвольно избранныхъ признакахъ, не обращая вниманія на чрезвычайно запутанную связь ихъ съ цѣлымъ рядомъ явленій живой дѣйствительности, охваченные духомъ народной гордости патріоты могутъ легко дойти въ своихъ умозаключеніяхъ до геркулесовыхъ столбовъ самообольщенія. Вѣдь иначе, какъ нелѣпою, нельзя назвать идею, которая привела Гегеля къ признанію, будто государственное устройство Пруссіи достигло идеала, къ которому должны стремиться другіе народы! Названный философъ признавалъ, по крайней мѣрѣ, что расы не-германскаго происхожденія также принадлежатъ къ роду человѣческому; но нѣкоторые послѣдователи его идутъ дальше и видятъ въ германцахъ совершенно особую часть человѣчества: такъ, въ книгѣ братьевъ Линденшмитовъ [1]) самымъ откровеннымъ образомъ развивается мысль, что одни только германцы имѣютъ право на титулъ «человѣкъ»; такъ же точно генералъ Кретчманнъ [2]), говоря о французахъ, за-

1) «Die Rätzel der Vorwelt, oder sind die Deutschen eingewandert?», Mainz, 1846 г.—2) «Военные разсказы», изданные Lily Braun.

являетъ: «...Эта гнилая нація никогда не въ состояніи будетъ подняться до того интеллектуальнаго уровня, котораго достигли мы благодаря Богу и нашимъ государямъ».

Какъ бы то ни было, но нѣкоторыя качества, необходимыя для всякаго, кто хочетъ заслуженно носить имя «человѣкъ», не стали еще общераспространеннымъ достояніемъ всей массы подданныхъ германскаго императора. Развѣ это большинство говоритъ и дѣйствуетъ съ мужествомъ, которое достойно «человѣка»? Развѣ поднялось благородство ихъ рѣчи и маперъ держать себя съ тѣхъ поръ, какъ повысились заработки, и хлѣбъ насущный сталъ обильнѣе? Общераспространенное мнѣніе, выражаемое печатью, тонъ рѣчей въ собраніяхъ, содержаніе разговоровъ, которые ведутся въ общественныхъ мѣстахъ, отнюдь не позволяютъ поддерживать мнѣнія, будто средній нѣмецъ, взятый какъ типичный представитель націи, дѣйствительно стоитъ, какъ личность, выше съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ праздновать Седанскую побѣду.

Музыканты во время параднаго марша.

Конечно, общественное мнѣніе, слагающееся изъ сплетенія интересовъ милліоновъ частныхъ лицъ, въ концѣ концовъ, одерживаетъ верхъ надъ волею монарха, какъ бы шумно она ни заявлялась; конечно, нѣтъ недостатка и въ прогрессивныхъ элементахъ, но ихъ дѣятельность проявляется только въ извѣстной ограниченной области, какъ, напримѣръ, въ искусствѣ; но въ дѣйствительности борьба не завязывается около самыхъ существенныхъ вопросовъ: самый принципъ покорности божеской, императорской и королевской волѣ не оспаривается вовсе, и народъ всецѣло подчиненъ «милостью Божіею» верховной власти. Нѣчто похожее на «восемьдесятъ-девятый годъ» не заглядываетъ въ эту страну, и германскіе подданные не испытываютъ, повидимому, ни малѣйшаго желанія,

чтобы буря революціи очистила тяжелый воздухъ. Самое слово «революція» часто употребляется лишь какъ старинная фразеологія и, повидимому, не имѣетъ реальнаго смысла. Дисциплина, черезъ горнило которой проходятъ дѣти, школьники, студенты, солдаты, служащіе, чиновники, сдѣлалась душою націи, и жизнь этой души получила какой-то механическій характеръ: она функціонируетъ при посредствѣ рычаговъ, которые приводятся въ движеніе въ Потсдамѣ или Берлинѣ. Та же самая дисциплина царитъ также въ рядахъ соціалистовъ, т.-е. въ той средѣ, изъ которой должны сложиться кадры будущей общественной организаціи: борьба между различными партіями, которая представляется грандіозной въ дни предвыборной кампаніи, оказывается въ сущности далеко не столь обостренной, каковою она кажется при поверхностномъ взглядѣ, и свободно допускаетъ въ будущемъ различныя соглашенія. Что же касается средняго нѣмца, то онъ предпочитаетъ принимать вещи, какъ онѣ есть, относиться къ явленіямъ дѣйствительности, какъ ему самому «удобнѣе»—«bequem»,—не задумываясь надъ тѣмъ, что, приспособляясь, елико возможно, къ несправедливости, онъ облегчаетъ дѣло своимъ правителямъ и даетъ имъ возможность дѣйствовать по своему усмотрѣнію, методически расширять сферу своего воздѣйствія. Несомнѣнно, что теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ революціи 1848 г., германскій народъ, сильно разбогатѣвъ матеріально, получилъ хорошее образованіе и снабженъ большимъ багажомъ спеціальныхъ свѣдѣній, но при всемъ томъ его не трудно обойти и прибрать къ рукамъ: онъ болѣе способенъ къ маршировкѣ по командѣ! Среди знаменій времени, однимъ изъ самыхъ характерныхъ является то, что вся армія нѣмецкаго студенчества, достигающая тридцати тысячъ человѣкъ, такъ

Нѣмецкіе студенты.
Послѣ дуэли рана тщательно промывается и перевязывается.

полно проникнута классовыми интересами, аристократическими и буржуазными, что въ массѣ она энергично открещивается отъ соціализма! Повидимому, студенчество должно было бы явиться передовымъ элементомъ націи, хотя бы подъ вліяніемъ смѣлости и пылкости духа, свойственной молодежи; но нѣмецкое студенчество теперь уже не то, что въ славныя времена «Tugendbund'а»: былой героизмъ выродился въ дуэли и проявляется только въ рядѣ пивныхъ кружекъ и ударахъ рапиръ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ современной Германіи еще живутъ средніе вѣка; революція 1848 года, весьма частичная и наткнувшаяся на энергичное противодѣйствіе всѣхъ реакціонныхъ элементовъ, не имѣла ни времени, ни упорной рѣшимости смести всѣ пережитки феодальной системы. Лишь въ 1857 году рабство было окончательно уничтожено въ Пруссіи: до этого года государство считало своимъ долгомъ уважать «право собственности американца, который вздумалъ бы привезти съ собою рабовъ на свои плантаціи» [1]). Такое уваженіе къ праву собственности иностранцевъ шло рука-объ-руку съ строгимъ охраненіемъ собственническихъ привилегій нѣмецкихъ бароновъ; эти привилегіи, изъ коихъ многія были прямо перенесены на чиновную іерархію, обусловливаютъ изрядную долю соціальнаго неравенства, несмотря на всеобщее избирательное право, которое, къ слову сказать, было получено народомъ какъ подарокъ, а не завоевано имъ въ упорной борьбѣ. Ландтаги различныхъ германскихъ государствъ вполнѣ сохранили старинный духъ феодальныхъ пережитковъ, и среда высшаго офицерства, по своимъ традиціямъ и способамъ раздачи повышеній, является чисто-дворянской. Наконецъ, законъ объ оскорбленіи величества, единственный, за нарушеніе котораго не бываетъ помилованія, примѣняется въ Германіи съ страшной строгостью: не допускается, чтобы по этому важному вопросу могли возникнуть сомнѣнія въ умахъ подданныхъ. Въ центрѣ всего государственнаго механизма стоитъ живая личность, дѣйствующая, пишущая и говорящая, и не допускаетъ мысли, чтобы ея не признавали или смотрѣли иначе на ея роль

.. Что бы ни говорили и сколько бы ни повторяли доводовъ противъ республики, какъ это вошло въ привычку, въ особенности во Франціи, какъ реакція противъ иллюзій прежнихъ временъ, все же разница между республикой и монархіей—не только словесная, не только символическая. Въ монархіи какъ логика вещей, такъ и законъ, заставляетъ гражданъ сосредоточить свое вниманіе на особѣ, стоящей во главѣ государства, независимо отъ того, каковы ея достоинства, тогда какъ въ республикѣ можно и пренебречь этимъ человѣкомъ, если онъ дѣйствительно того заслуживаетъ, несмотря на традиціи и централизацію власти

1) Eduard Meyer, «Die Sklaverei im Altertum», p. 12.

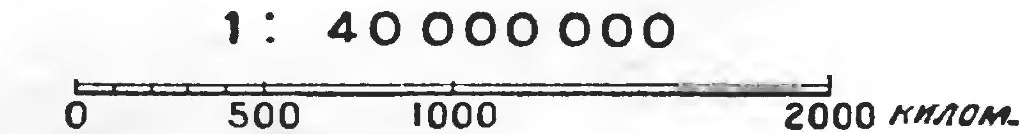
въ рукахъ чиновной іерархіи. Такое положеніе дѣла представляетъ уже

Сцена на улицѣ маленькаго города въ Германіи.
Гравюра, взятая изъ „Германъ и Доротея".

значительный плюсъ, такъ какъ исчезаетъ со сцены традиціонный аб-

сурдъ, состоящій въ томъ, что правитъ одинъ человѣкъ, окруженный божескимъ величіемъ, и толпа дѣйствительно смотритъ на него какъ

№ 501—502. Сѣверная часть Атлантическаго океана.

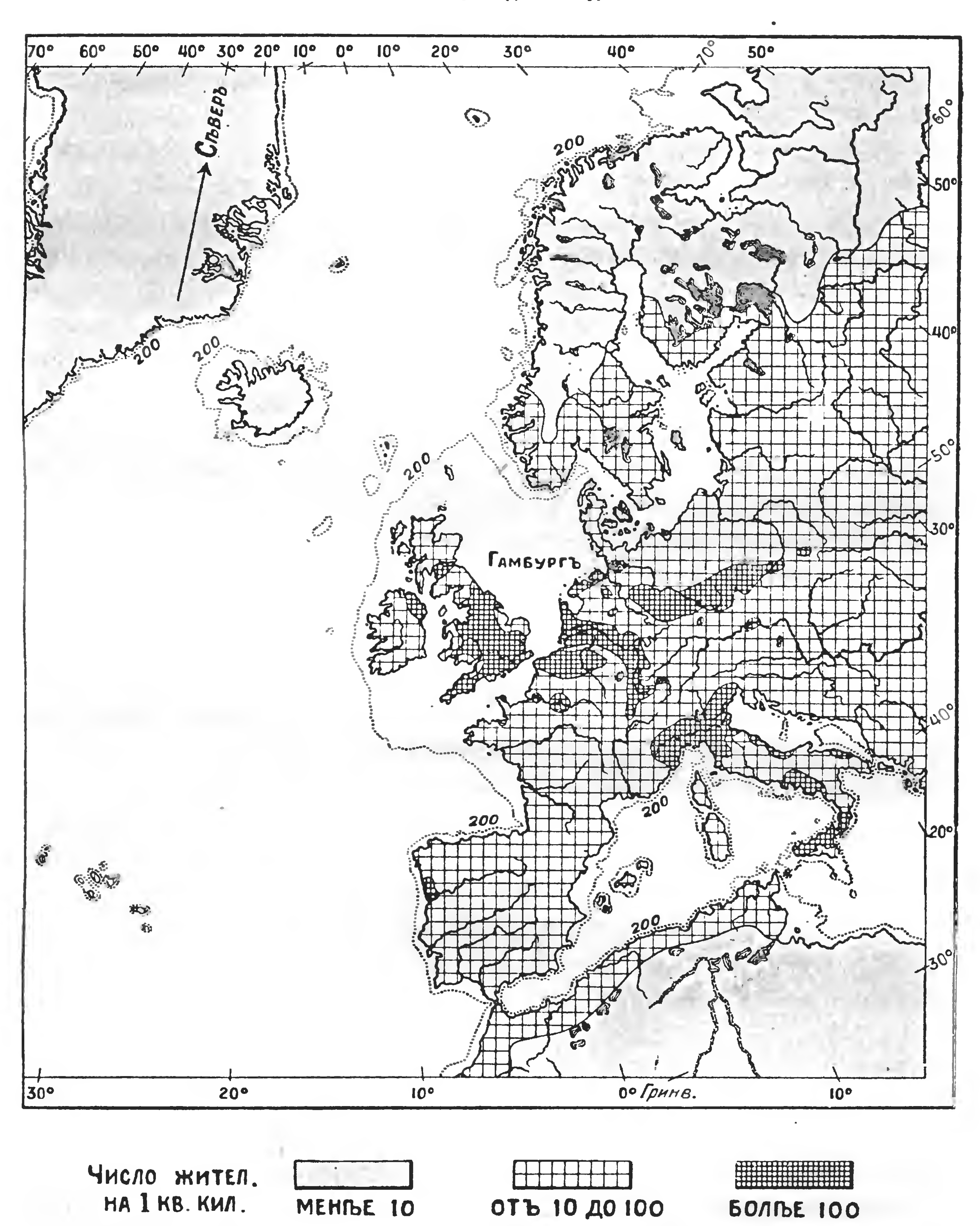


Дуга параллельнаго круга, соединяющаго Гамбургъ съ Нью-Іоркомъ, принята за прямолинейную базу обѣихъ половинъ настоящей карты. Звѣздочка къ югу отъ озера Мичиганъ означаетъ мѣсто, гдѣ въ 1905 году находился центръ тяжести населенія Соединенныхъ Штатовъ.

на божество. Освобожденный отъ такого стѣснительнаго нароста, соціальный организмъ пріобрѣтаетъ больше шансовъ на то, чтобы правильно

функціонировать, и умъ, избавившись отъ этого кошмара, переходитъ къ разрѣшенію другихъ проблемъ.

отъ Нью-Іорка до Гамбурга.



Въ предѣлахъ прилагаемой карты прямыя линіи представляютъ самыя прямыя сообщенія; видно важное значеніе шотландскаго перешейка и Сѣвернаго канала для быстраго переѣзда черезъ Атлантическій океанъ лѣтомъ.

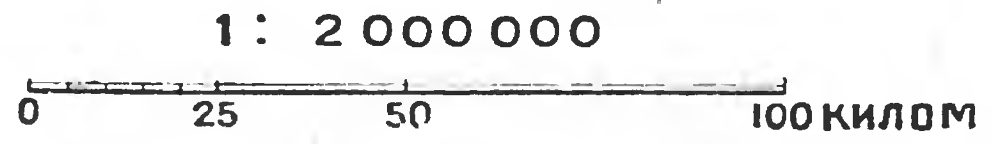
Когда монархъ раздѣляетъ стремленія своего народа, то его охотно принимаютъ за вдохновителя этихъ стремленій: ему приписываются всѣ

достигнутые результаты. Располагая грозными матеріальными силами, онъ совѣстится пользоваться ими для войнъ въ Европѣ и съ этой стороны ожидаетъ неожиданныхъ стеченій обстоятельствъ, которыя слагаются, обыкновенно, въ пользу болѣе сильнаго; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣятельно работаетъ надъ увеличеніемъ своихъ внѣшнихъ владѣній и старается привести отдаленныя маленькія государства въ страхъ и трепетъ передъ его могуществомъ. Чтобы имѣть возможность провести свою угрожающую политику, такой государь долженъ обладать сильнымъ военнымъ флотомъ, достаточно многочисленнымъ, чтобы его императорскій штандартъ могъ развѣваться во всѣхъ портахъ міра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сохранить въ ближайшихъ къ своему государству моряхъ достаточное число военныхъ судовъ, которое отвѣчало бы относительному могуществу коммерческаго флота, а въ особенности внушало бы къ монарху почтеніе. Не мало милліоновъ тратится въ Германіи ежегодно на увеличеніе военноморскихъ силъ, такъ что обаяніе ихъ непреодолимой мощи уже даетъ себя знать, и Великобританія, защищенная уже съ юга отъ возможныхъ нападеній Франціи, должна была озаботиться защитой также своихъ восточныхъ береговъ, или, говоря военнымъ языкомъ, должна была создать новую «линію базъ». Устье, гдѣ виднѣется уже изумительное сооруженіе человѣческихъ рукъ, знаменитый Форсскій мостъ, будетъ въ скоромъ времени усажено укрѣпленіями, предназначенными для защиты богатствъ Эдинбурга и Глазго и южной Шотландіи, этой замѣчательной области расцвѣта человѣческаго труда, въ случаѣ возможнаго нападенія германскаго флота: мощная линія укрѣпленій преградитъ доступъ къ перешейку; а, между тѣмъ, въ интересахъ международной торговли здѣсь слѣдовало бы прорыть каналъ, годный для прохода большихъ судовъ, при помощи котораго установилось бы прямое сообщеніе по Атлантическому океану между Нью-Іоркомъ и Гамбургомъ. Если бы Великобританія не дорожила такъ сильно изолированнымъ положеніемъ своихъ острововъ, что выразилось, между прочимъ, въ ея отказѣ на проведеніе желѣзной дороги подъ Па-де-Калэ, она совершила бы сравнительно нетрудное дѣло, а именно: прорытіе шотландскаго перешейка, подобно тому, какъ былъ прорытъ въ другомъ мѣстѣ Суэцкій каналъ, и какъ въ Германіи каналъ Императора Вильгельма открылъ къ порту Киль доступъ изъ двухъ морей, Нѣмецкаго и Балтійскаго.

Во всякомъ случаѣ, необходимо замѣтить, что если бы когда-нибудь возникъ конфликтъ на морѣ между двумя державами, той, которая отказалась отъ острова Гельголанда взамѣнъ обладанія Занзибаромъ, и той, которая овладѣла этимъ островомъ, то географическія условія, несомнѣнно, дали бы большія преимущества Германіи. Выдаваясь очень далеко на сѣверъ, островъ Великобританія можетъ подвергнуться нападенію во множествѣ пунктовъ; поэтому Англіи пришлось бы раздробить свои

силы даже въ западныхъ водахъ; Германія же, напротивъ, неуязвима съ моря: отлогое побережье Сѣвернаго моря всюду защищено песчаными банками или же броней укрѣпленій. Вслѣдствіе большого водоизмѣщенія современныхъ военныхъ судовъ, германское побережье Балтій-

№ 503. Германское побережье Сѣвернаго моря.



скаго моря также мало доступно для непріятельскаго флота; кромѣ того, защита его облегчается тѣмъ, что операціонныя базы англичанъ и французовъ лежатъ далеко отъ него, и что непріятельскій флотъ долженъ былъ бы пройти въ виду Копенгагена. Такимъ образомъ, вся совокупность военныхъ силъ, собранныхъ передъ Эльбой и Везеромъ, т.-е. тамъ, куда стекаются всѣ рессурсы Германіи, оставались бы для защиты ука-

занныхъ мѣстностей. Портъ Эмденъ, на который не обращалось вниманія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, углубляетъ теперь свои фарватеры и возстановляетъ свои доки, чтобы завершить фронтъ укрѣпленій, которыя тянутся отъ границы Голландіи до границы Даніи; эта линія укрѣпленій превосходно обслуживается внутренними путями сообщенія, спускающимися къ морю по ровной покатости, которую образуетъ вся сѣверная часть территоріи Германіи. Устройство системы каналовъ, пока еще не законченной, подготовлено самой природой: древнія русла рѣкъ намѣчаютъ направленія будущихъ искусственныхъ водныхъ путей. Съ 1669 г. бассейнъ Одера приведенъ въ сообщеніе съ бассейномъ Эльбы при помощи канала Одеръ-Шпрее, который представляетъ собою просто-напросто углубленное старинное русло, и товары, отправляемые изъ Бреславля, стали достигать гамбургской пристани менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ. Благодаря этому водному пути сообщенія, пересѣкающему Германію по діагонали, объединеніе страны въ торговомъ отношеніи наступило значительно раньше объединенія политическаго [1]).

Отличаясь устойчивостью и компактностью, Германія естественно должна явиться, даже независимо отъ патріотическихъ увлеченій, центромъ чрезвычайно активной дѣятельности. Существуютъ мѣстности, которыя, хотя и не принадлежатъ къ германской имперіи, примыкаютъ, однако, къ ней, какъ участники въ германской литературной, научной, философской и соціальной жизни. Таковыми являются придунайскія провинціи Австріи, сѣверная часть Швейцаріи, и даже, до нѣкоторой степени, область венгерскихъ Карпатовъ; кромѣ того, въ Россію вдаются клиномъ нѣмецкія области: въ Курляндіи, Ливоніи, Эстоніи; какой-нибудь Швейнфуртъ, фонъ-Беръ, Юнкеръ, хоть и родились въ Россійской Имперіи, но являются, тѣмъ не менѣе, чистокровными нѣмцами. Ежегодная книгоиздательская статистика въ Лейпцигѣ опубликовываетъ списокъ произведеній нѣмецкой литературы, принадлежащей всей этой массѣ 75 милліоновъ нѣмцевъ; такой списокъ даетъ представленіе о великомъ участіи Германіи въ интеллектуальной работѣ человѣчества. Очевидно, эти элементы духовнаго единенія значительно выше и гораздо тѣснѣе спаиваютъ германскую націю, чѣмъ скрѣпы, провозглашенныя политическими трактатами и охраняемыя солдатами и жандармами. Истинная работа сердца и мысли совершается сообща, невзирая на политическія границы, и естественная группировка въ организмѣ человѣчества совершается свободно.

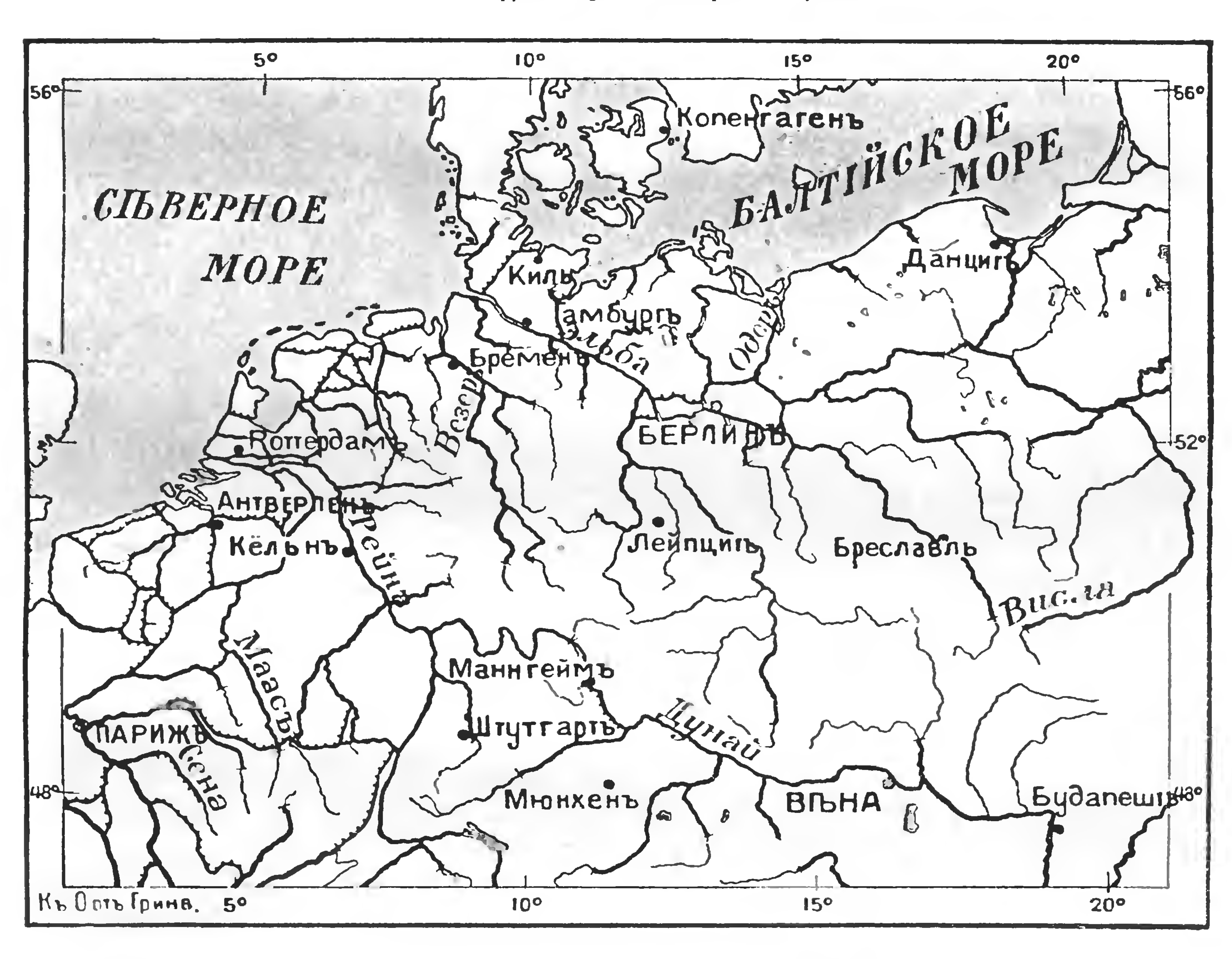
Указанное только-что естественное и свободное единеніе не удовлетворяетъ нетерпѣливыхъ патріотовъ, которые желали бы провести его искусственнымъ и насильственнымъ путемъ. Эта жажда величія не-

---

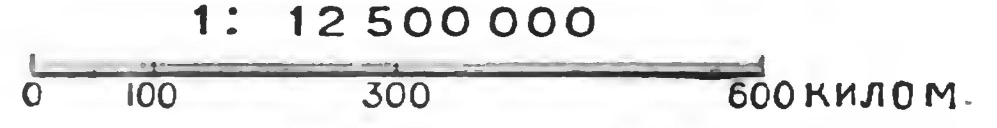
1) J. Partsch, «Lage und Bedeutung Breslaus», p. 11.

рѣдко провозглашаемая съ большимъ трескомъ, вызываетъ очевидное чувство страха по ту сторону Боденскаго озера: необходимо замѣтить, что граница Швейцаріи, вдоль по теченію Рейна, въ стратегическомъ отношеніи совершенно открыта. Несмотря на горячее чувство національной солидарности, одушевляющее швейцарцевъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ

№ 504. Водные пути сообщенія Германіи.



1: 12 500 000



Сооруженіе канала отъ Эльбы къ Везеру было отклонено рейхстагомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Слѣдовало бы еще соединить Эльбу съ Дунаемъ, потомъ Одеръ съ Вислой и Дунаемъ и, наконецъ, улучшить или удвоить каналъ, соединяющій Рейнъ съ Дунаемъ.

меньше территорія ихъ отечества, инстинктъ подсказываетъ имъ, что стратегическая защита границы, весьма возможная въ теоріи, окажется невозможною въ дѣйствительности, такъ какъ страстная воля единицъ не можетъ вылиться въ коллективную рѣшимость цѣлой арміи; и заранѣе извѣстно, что громкія слова, произносимыя на патріотическихъ банкетахъ, не имѣютъ значенія пророчества.

Что касается Австріи, то въ ея чувствахъ совсѣмъ не замѣчается такого единодушія: такъ, съ одной стороны, чешскій клубъ, на ряду съ многочисленными приверженцами Габсбургской династіи, является по-

стояннымъ препятствіемъ къ сближенію между Берлиномъ и Вѣной; съ другой стороны, нѣмецкое вліяніе пользуется сильной поддержкой какъ со стороны вліятельныхъ оффиціальныхъ лицъ, такъ и со стороны многочисленныхъ парламентскихъ дѣятелей. Для всѣхъ очевидно, что древняя монархія Габсбурговъ не отвѣчаетъ современнымъ потребностямъ и является пережиткомъ, непонятнымъ даже тѣмъ, кто призванъ исполнять роль жрецовъ въ ея святилищахъ. Конечно, по свѣту разбросано не мало и другихъ памятниковъ, заслужившихъ извѣстность исключи-

Видъ полабскаго селенія.

тельно своею древностью и сохранившихся до нашихъ дней лишь благодаря ореолу традиціоннаго уваженія; но стоитъ только критически отнестись къ этимъ высохшимъ скелетамъ, стоитъ только зародиться молодой жизни на этихъ грудахъ изглоданныхъ костей, какъ они разсыпаются въ прахъ, и остается лишь смести съ земли этотъ хламъ средневѣковья. Въ Австріи скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, главнымъ орудіемъ государственной власти должна была бы быть метла.

Народы просыпаются, готовятся къ борьбѣ и не желаютъ больше жить лишь для того, чтобы поставлять солдатъ и батраковъ. Устанавливается новое положеніе равновѣсія, и всѣ заинтересованные въ происходящей борьбѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за ея перипетіями, надѣясь каждый направить ея исходъ къ своей выгодѣ. Такъ, Германія не довольствуется естественнымъ стремленіемъ къ расширенію своей территоріи на счетъ земель, населенныхъ народами, родственными ей по языку: она распространяетъ свои посягательства даже за Альпы до береговъ Адріатическаго моря и предъявляетъ требованія на

городъ Тріестъ, о возвратѣ котораго мечтаетъ Италія, тогда какъ славяне Истріи считаютъ этотъ городъ принадлежащимъ имъ по праву.

Какъ примирить всѣ эти противорѣчія, подавить несправедливыя посягательства, не прибѣгая къ ужасному способу разрѣшенія этихъ вопросовъ силой оружія? Тотъ же вопросъ о равноправіи національностей, который заставляетъ такъ мрачно смотрѣть на будущее Балканскаго полуострова, грозитъ серьезными осложненіями и Австро-Венгріи; ула-

Домъ въ окрестностяхъ Гамбурга.

дить національныя распри могло бы только свободное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ представителями отдѣльныхъ народовъ, хотя бы и весьма различныхъ по языку, обычаямъ, нравамъ, привычкамъ. Конфедерація этихъ различныхъ народовъ, теперь такъ часто враждующихъ между собой, но связанныхъ общностью интересовъ, внесла бы порядокъ въ царящій нынѣ хаосъ и служила бы хорошимъ примѣромъ большимъ централизованнымъ государствамъ Европы; однако, «благія пожеланія» не имѣютъ смысла въ политикѣ; приходится ограничиться указаніемъ на существованіе отдѣльныхъ движеній и опредѣлить ихъ равнодѣйствующую. И, конечно, при современномъ состояніи цивилизаціи, когда не уважаются ни права отдѣльной личности, ни

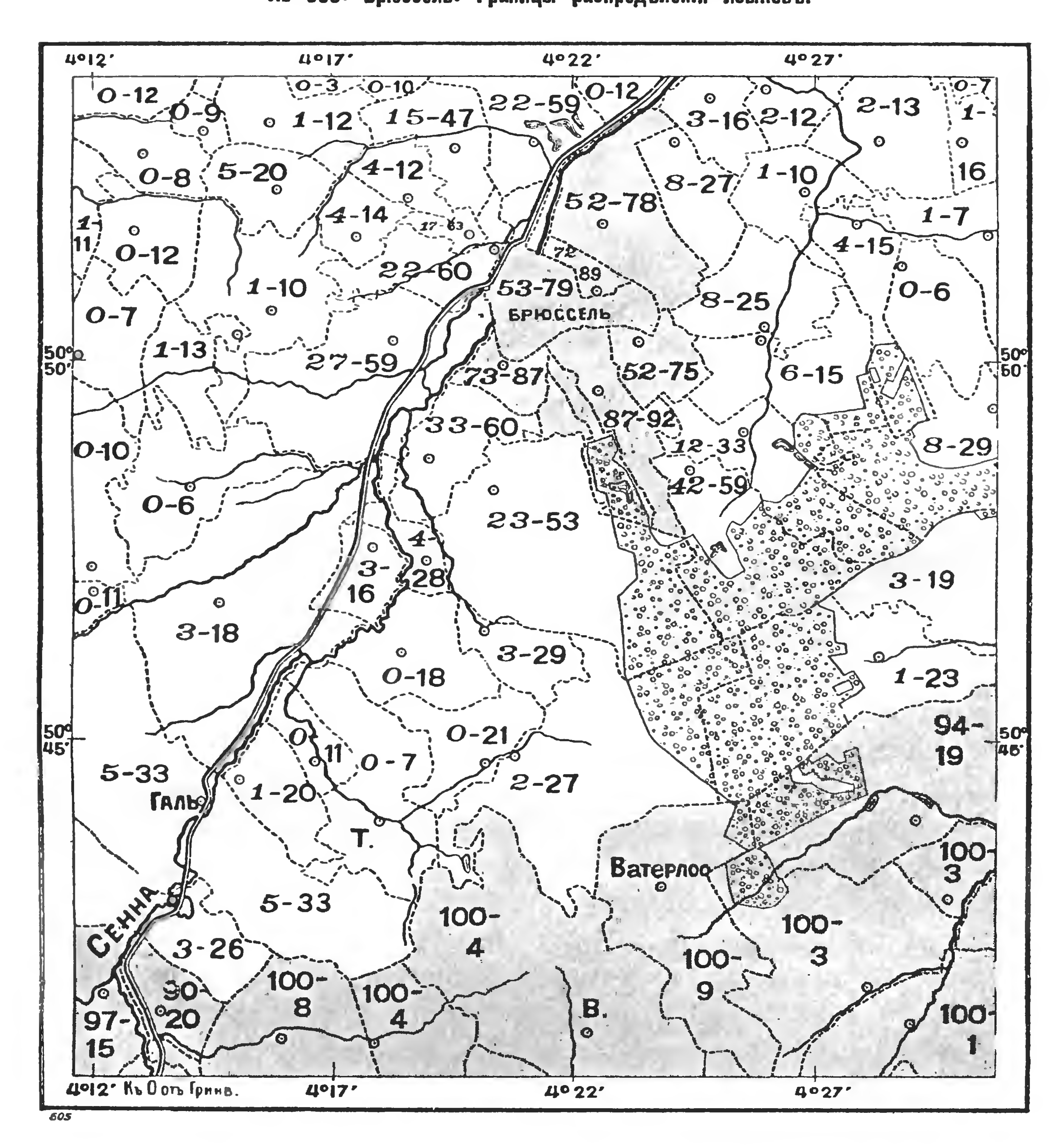
права меньшинства,—въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ дипломатическимъ путемъ будутъ имѣть право голоса только великія державы,—Россія, Германія, Италія и Венгрія: право вмѣшательства мелкихъ народностей въ разрѣшеніе своей судьбы будетъ признано за всѣми этими сербами, хорватами, албанцами, словенами и словаками лишь постольку, поскольку они смогутъ поддержать свои требованія открытымъ возстаніемъ. Имъ нужно требовать и брать: имъ дадутъ только то, что они сами завоюютъ.

И они, несомнѣнно, на пути къ завоеванію своей свободы. Стоитъ только прослѣдить исторію этихъ народовъ на протяженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, чтобы убѣдиться въ справедливости высказаннаго положенія. Несмотря на многочисленныя препятствія, съ которыми приходится бороться во всѣхъ государствахъ школѣ, коль скоро ея исключительной задачей не является фабрикація «благонамѣренныхъ обывателей», отзвуки міровой жизни распространяются все дальше и дальше и проникаютъ въ отдаленнѣйшіе уголки. Угнетаемые народы начинаютъ, мало-по-малу, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что ихъ участь не является исключительной. Желаніе бороться за улучшеніе своего положенія крѣпнетъ съ каждымъ днемъ: уроки сосѣдей не пропадаютъ даромъ. Правда, въ борьбѣ вопросы смѣшиваются, и при современныхъ искусственныхъ политическихъ границахъ, связывающихъ Фіуме съ Будапештомъ и Львовъ съ Вѣной, движеніе не всегда бываетъ направлено противъ притѣснителя, который подчасъ находится на разстояніи въ нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста борьбы. Глухая злоба русиновъ противъ австрійскихъ поляковъ, румынъ и хорватовъ противъ мадьяръ, итальянцевъ, словеновъ и чеховъ противъ нѣмцевъ находитъ откликъ въ борьбѣ познанскихъ поляковъ противъ циркуляровъ изъ Берлина, сопротивленіи Финляндіи Петербургу, возстаніи армянъ противъ Стамбула. Положеніе египтянина, индуса, возстающаго на англичанина, жителя Конго, Мадагаскара возможно и для славянина, и для грузина.

На другихъ границахъ Германіи можно наблюдать аналогичныя явленія, доказывающія неустойчивость современнаго политическаго равновѣсія и неизбѣжность грядущихъ большихъ революцій. Такъ, Бельгія, бывшая нѣкогда ареной борьбы въ Западной Европѣ, все продолжаетъ служить яблокомъ раздора между двумя народностями, ее населяющими: это фламандцы и валлоны, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга по языку и отчасти по происхожденію. Первые говорятъ на языкѣ, близкомъ къ нѣмецкому, и, подъ вліяніемъ мѣстнаго патріотизма, различные діалекты его все болѣе приближаются къ голландскому; вторые говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ, напоминающихъ французскій языкъ, и тяготѣютъ къ нему вслѣдствіе связывающихъ ихъ съ Франціей торговыхъ и литературныхъ интересовъ. Различіе нарѣчій является въ гла-

захъ поверхностныхъ наблюдателей достаточно вѣской причиной для

№ 505. Брюссель. Границы распредѣленія языковъ.



На картѣ указаны границы общинъ Брабанта. Косыя цифры даютъ процентъ жителей, говорящихъ только на французскомъ языкѣ, изъ общаго числа говорящихъ лишь на одномъ языкѣ. Если это отношеніе превышаетъ половину, то общины окрашены сѣрымъ цвѣтомъ. Вторая цифра даетъ отношеніе лицъ, старше трехлѣтняго возраста, говорящихъ только по-французски. Въ южной части эти двѣ цифры тождественны. Вторая строка указываетъ отношеніе лицъ, говорящихъ только по-фламандски. Границу языковъ легко прослѣдить по линіи отъ Турнепа (Т) до Брэнъ-л'Аллё (В).

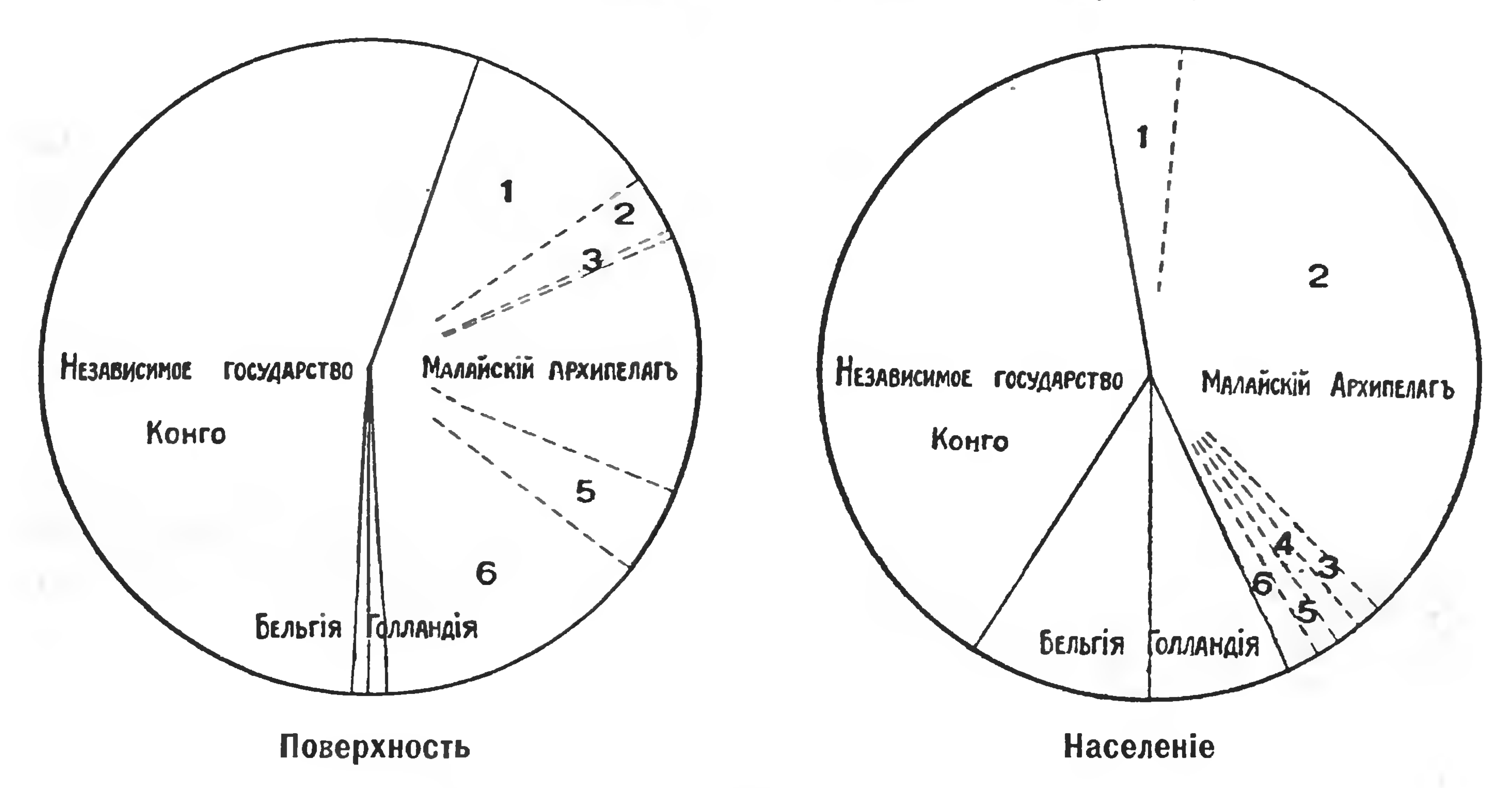
признанія родства между валлонами и французами, между жителями Фландріи, извѣстными нѣкогда подъ именемъ «tiois», и германцами.

Правда, справедливость требуетъ сказать, что съ теченіемъ времени эти народы очень сблизились другъ съ другомъ, связанные общей умственной жизнью, хотя по происхожденію изъ двухъ народовъ, населяющихъ Бельгію, валлоны стоятъ вѣроятно ближе къ германцамъ, чѣмъ фламандцы.

Исторія обѣихъ этническихъ группъ имѣетъ много красивыхъ страницъ, пережитыхъ, главнымъ образомъ, въ періодъ общинной независимости, но ихъ соперничество дало возможность правителямъ и привилегированнымъ сословіямъ воспользоваться этими раздорами для угнетенія обѣихъ націй. Жестокія притѣсненія со стороны испанцевъ при Филиппѣ II, а впослѣдствіи систематическій гнетъ всевозможныхъ монаховъ, священниковъ и крупныхъ помѣщиковъ принесли свои плоды въ бельгійскихъ провинціяхъ и, главнымъ образомъ, во Фландріи, гдѣ народъ возставалъ противъ реформъ, боролся съ распространеніемъ идеи свободы и добровольно оставался рабомъ. Бельгійскія революціи очень рѣзко отличались отъ прогрессивнаго движенія, охватившаго Европу въ прошломъ вѣкѣ. И даже въ движеніи 1830 года все было такъ перепутано, требованія свободы и независимости такъ сплетались съ реакціонными вожделѣніями, что трудно рѣшить, была ли эта революція во вредъ или на пользу народу. Еще и теперь жители Тіельта съ гордостью показываютъ барельефъ, на которомъ изображены ихъ дѣды, тѣснымъ кольцомъ окружившіе священника и потрясающіе косами противъ «безбожныхъ революціонеровъ».

Вообще говоря, Валлонія, какъ страна болѣе просвѣщенная, съ болѣе образованнымъ населеніемъ, болѣе доступная вліянію новыхъ идей, съ болѣе развитой промышленностью,—скорѣе присоединилась къ освободительному движенію, шедшему, главнымъ образомъ, изъ Франціи, въ то время, какъ фламандскія провинціи, вѣрныя духу католицизма, значительно энергичнѣе противились распространенію французскаго вліянія, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи, такъ какъ торговые интересы заставляютъ ихъ все-таки изучать французскій языкъ, на которомъ говоритъ наиболѣе активная часть страны; кромѣ того, по условіямъ труда сотни тысячъ западныхъ бельгійцевъ, говорящихъ на древнегерманскомъ нарѣчіи, проводятъ ежегодно недѣли и мѣсяцы во Франціи на сельско-хозяйственныхъ и лѣсопромышленныхъ работахъ, не говоря уже о тѣхъ, которые окончательно селятся по ту сторону границы. Развращенные клерикализмомъ, фламандцы сдѣлались надежнымъ оплотомъ власти; щедро награждаемые ею всякаго рода привилегіями, синекурами и титулами, они охотно говорятъ объ исключительно бельгійскомъ патріотизмѣ, хотя раздается не мало фламандскихъ голосовъ, искренно высказывающихся за тѣсное сближеніе съ Нидерландами. Германская имперія грозитъ съ Востока, и главной приманкой является для нея городъ Ан-

твернень, расположенный на кратчайшемъ пути изъ Германіи къ Ламаншу и прогрессирующій вмѣстѣ съ развитіемъ страны, росту торговли которой онъ, въ значительной мѣрѣ, обязанъ своимъ процвѣтаніемъ. Антверпенъ служитъ для Германіи большимъ портомъ въ ея торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей и заатлантическими странами, а бельгійскія желѣзныя дороги являются естественными путями распространенія нѣмецкаго вліянія. Одной изъ причинъ, почему европейскія дер-



Бельгія, Конго, Голландія и ея колоніи.

1. Суматра.—2. Ява и Мадура.—3. Бали и Ломбокъ.—4. Борнео (голландская часть). — 5. Целебесъ.—6. Другіе острова и части острововъ, а именно западная часть Папуы.
Густота населенія на Явѣ равна приблизительно 230 чел. на квадратный километръ, т.-е. втрое больше густоты населенія во Франціи и въ 500 разъ—въ Папуа и Новой Гвинеѣ.

жавы такъ стремятся къ присоединенію Бельгіи, является то обстоятельство, что, кромѣ своихъ громадныхъ промышленныхъ богатствъ и густого народонаселенія, она принесла бы съ собой завидное приданое въ видѣ огромнаго государства Конго, занимающаго весь центръ африканскаго материка. Изъ всѣхъ преступленій, совершенныхъ бѣлыми въ Африкѣ, тѣ, которыя творились въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ въ «Независимомъ Государствѣ Конго», должны быть признаны наиболѣе ужасными: въ нихъ было столько коварства, вызываемаго торговыми или правительственными соображеніями, они совершались такъ обдуманно, они еще такъ свѣжи у всѣхъ въ памяти... Впрочемъ, гдѣ въ Европѣ найти такую державу, которая могла бы во имя человѣчности протестовать противъ этихъ звѣрствъ, не навлекая на себя подобныхъ же упрековъ?

Голландія является для пангерманскихъ патріотовъ еще болѣе лакомымъ кускомъ, чѣмъ Бельгія, представляя для Германіи аналогичныя выгоды; и дѣйствительно, нѣмецкое вліяніе пустило въ этой странѣ еще болѣе глубокіе корни. Этому благопріятствуетъ какъ родство язы-

ковъ, объединяющихъ обѣ націи, такъ и само географическое положеніе, дѣлающее дельту Рейна естественнымъ продолженіемъ долины великой рѣки. Вся торговля Голландіи, по сравненію съ числомъ жителей, самая большая въ мірѣ; она въ значительной мѣрѣ поддерживается нѣмецкимъ ввозомъ. Роттердамъ и Амстердамъ такъ же, какъ и Антверпенъ, являются большими германскими портами. Если вѣрить общественному мнѣнію, часто болѣе освѣдомленному, чѣмъ наиболѣе проницательные дипломаты, со стороны Берлина не разъ раздавались угрозы, и нѣмецкій главнокомандующій далъ будто бы понять королевѣ Нидерландовъ, что онъ готовъ двинуть свои войска въ случаѣ безпорядковъ или продолжительныхъ забастовокъ. Позволилъ ли себѣ дѣйствительно императоръ говорить такимъ тономъ? Въ сущности не это важно: характерной является самая возможность подобной оцѣнки существующихъ политическихъ отношеній общественнымъ мнѣніемъ страны. Голландія сознаетъ опасность своего положенія, только усиливающагося оттого, что она не въ силахъ защищаться: какъ корабль, отягченный парусами, она рискуетъ потерпѣть крушеніе при малѣйшей бурѣ. Но участь Голландіи тѣсно связана съ судьбою огромной колоніальной имперіи, занимающей юго-восточную часть Азіи, между Индо-Китаемъ и Австраліей. Потеря или только уменьшеніе независимости Нидерландовъ нарушило бы политическое равновѣсіе не только въ Европѣ, но и на ея антиподѣ. Если голландцы потеряютъ указанную колонію, то кто же послѣ нихъ явится наслѣдникомъ этой жемчужины земного шара, владѣтелемъ этихъ волшебныхъ острововъ, населеніе которыхъ, къ несчастью, не пользуется самоуправленіемъ? Конечно, Великобританія наиболѣе заинтересована въ томъ, чтобы не дать увеличиться морскому побережью Германіи присоединеніемъ Голландіи и не позволить образованію новой Индіи подъ эгидой своей соперницы: но, чтобы настаивать на своемъ желаніи, нужно быть въ состояніи подкрѣпить его достаточной силой.

Всѣ три королевства, занимающія Скандинавію, представляютъ, несмотря на значительное протяженіе ихъ общихъ владѣній, лишь третьеразрядную политическую силу въ европейскомъ мірѣ. Правда, ихъ земли очень обширны, но сравнительно съ пространствомъ народонаселеніе очень рѣдкое. Что значитъ какой-нибудь десятокъ милліоновъ жителей, если ближайшими сосѣдями являются могущественная Германія, обширная Россія и Британскіе острова съ безконечнымъ числомъ колоній?

Два недавнихъ событія большой важности опредѣляютъ политику скандинавскихъ странъ, освобожденныхъ, наконецъ, отъ вѣчнаго страха передъ «Сѣвернымъ Колоссомъ»: униженіе Россіи на Дальнемъ Востокѣ и разрывъ между Швеціей и Норвегіей. Въ послѣднемъ событіи, став-

шемъ мыслимымъ только послѣ пораженій Россіи подъ Ляояномъ и Мукденомъ, нужно видѣть побѣду идеи самоопредѣленія національности, отличающейся отъ другой и по языку, и по географическимъ условіямъ въ той мѣрѣ, въ какой контрастъ между горами и равниной, всегда открытымъ океаномъ на западѣ и періодически замерзающимъ моремъ на востокѣ, способствуетъ формированію національныхъ различій. Побѣда была мирная, въ чемъ нужно видѣть несомнѣнный прогрессъ человѣчества, но она была неполная, такъ какъ независимая страна принуждена была искать короля (1905) и не осмѣлилась выполнить свой завѣтный замыселъ до конца: не опасаясь больше Россіи, Скандинавія, тѣмъ не менѣе, должна считаться съ остальными сосѣдями.

Соединенное издавна подъ властью одного конституціоннаго правителя, королевство Швеція и Норвегія, являясь существенной преградой на западной границѣ Россіи, должно было долгое время опасаться нападенія этого государства. Стоитъ только представить себѣ русское побережье продолжающимся на западъ отъ Колы до Нордкапа, затѣмъ на юго-западъ и югъ вдоль норвежскихъ фіордовъ, чтобы понять, насколько выиграла бы Россія сравнительно со своимъ теперешнимъ положеніемъ, когда она располагаетъ только «прорубленнымъ въ Европу окномъ», какимъ явилось для нея основаніе Петербурга! Эта огромная береговая линія, омываемая Сѣвернымъ Ледовитымъ и Атлантическимъ океанами, богатая превосходными портами и флотомъ, команды котораго вербуются изъ среды народа, гдѣ каждый въ отдѣльности—отважный мореплаватель, оказывала такое притягательное значеніе на русское правительство, что населеніе полуострова должно было искать поддержки у Германіи. Присоединеніе скандинавской территоріи или только части ея къ русскому государству,—такъ какъ русскія владѣнія отстоятъ отъ открытаго моря на 30 килом. [1]),—неизбѣжно придали бы давнему соперничеству между Англіей и Россіей трагическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія попытку руссификаціи Финляндіи въ 1899 году можно разсматривать какъ начало движенія Великой Имперіи по направленію къ сѣверной Норвегіи. Русско японская война помѣшала продолженію этой политики, и надо надѣяться, что въ настоящее время финляндцы окажутся достаточно сильными, чтобы помѣшать осуществленію плановъ русскаго правительства.

Такимъ образомъ, самый ходъ вещей обусловливалъ тяготѣніе скандинавскихъ государствъ къ Германіи или Англіи, событія же, могущія измѣнить эту группировку, произошли такъ недавно, что они не могли произвести еще существенной перемѣны. Даже Данія, правящая династія которой связана родственными узами съ Русскимъ и Англійскимъ Дворомъ, попадаетъ въ какую-то ленную зависимость отъ Германіи и

---

[1]) См. карту № 508.

вынуждена не замѣчать оскорбленій, наносимыхъ націи германскимъ правительствомъ, которое отняло у насильно присоединенныхъ датчанъ право выражать свои желанія, вопреки договору 1864 года.

Пріобщившись къ европейской цивилизаціи, жители Скандинавскаго полуострова сохранили много своеобразныхъ чертъ, ярко отражаю-

Долина въ Норвегіи.

щихъ особенности ихъ природы: они вполнѣ самобытны, и ихъ характеръ сложился подъ сильнымъ вліяніемъ странной сѣверной природы, гдѣ лѣто такъ коротко, гдѣ зимы безконечны, гдѣ день тянется безпрерывно, отдѣленный отъ предыдущаго лишь короткими, таинственными сумерками, гдѣ быстро-исчезающая заря лишь ненадолго отдѣляетъ ночь отъ ночи. Они всецѣло во власти этой могучей природы, покоряющей ихъ умъ и сердце, и не въ силахъ освободиться отъ ея вліянія, какъ это удалось человѣку, живущему среди менѣе ярко выраженныхъ явленій природы; стоитъ только представить себѣ эти огромныя озерныя пространства, дѣвственные лѣса, снѣга, окутывающіе землю много мѣсяцевъ въ году, морозы, сковывающіе воду озеръ, и, наконецъ, само море, чтобы понять, какія неизгладимыя впечатлѣнія дѣйствуютъ

на душу сѣверянина [1]). Его и днемъ преслѣдуютъ сновидѣнія долгихъ ночей, а постоянное общеніе съ природой воспитываетъ въ немъ чувство благоговѣнія передъ ея красотами: въ этомъ отношеніи онъ остался язычникомъ.

Рѣдкость населенія, разбросаннаго на обширныхъ пространствахъ, сыграла также большую роль въ образованіи характера жителей Скандинавіи. Запертые въ годныхъ для обработки лѣсныхъ прогалинахъ или

Долина въ Швеціи.

въ узкихъ изгибахъ извилистыхъ фіордовъ, они должны были разсчитывать лишь на свою энергію въ борьбѣ за существованіе; лишнимъ являлось для нихъ покровительство далекаго сеньора, ненужными—законы, выработанные гдѣ-то въ высокомъ собраніи народныхъ представителей: имъ приходилось жить небольшими общинами, гдѣ каждый широко пользовался свободой личной предпріимчивости и могъ оставаться хозяиномъ своей жизни; вотъ что способствовало выработкѣ у этихъ людей желѣзной воли, которая проявила себя въ отважныхъ полярныхъ экспедиціяхъ, въ переходѣ черезъ Гренландію, въ завоеваніи сѣверныхъ льдовъ, такъ же, какъ и въ страстномъ исканіи идеала, которое характеризуетъ ихъ художественныя произведенія.

Эти народы говорятъ на языкѣ, очень близкомъ къ нѣмецкому, и ихъ литература всегда находилась подъ сильнымъ вліяніемъ европей-

1) Maurice Gandolphe, «Société normande de Géographie», juillet-août. 1898, p. 220.

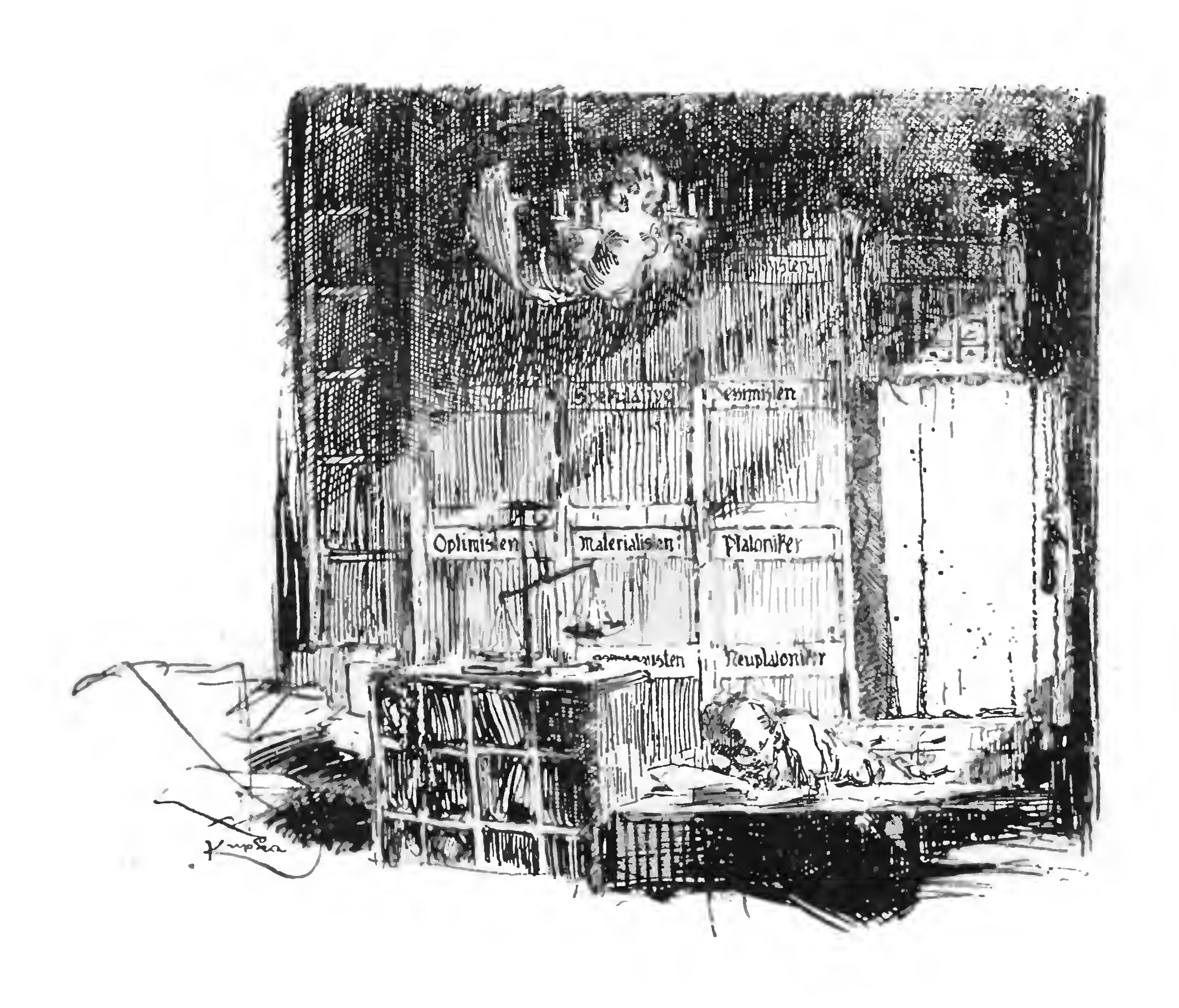
скихъ мыслителей, сохраняя въ то же время рѣдкую самобытность. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ періодъ расцвѣта ихъ литературы, въ Даніи и Норвегіи господствовали различныя теченія. Датскіе писатели были по преимуществу пессимистами, въ то время какъ норвежскіе отличались чисто юношескимъ оптимизмомъ, полнымъ воодушевленія и энтузіазма. Не лежитъ ли причина этого поразительнаго контраста въ различіи политическихъ условій обѣихъ странъ, изъ которыхъ одна сознаетъ все свое безсиліе передъ завоевательными стремленіями Германіи, въ то время какъ другой, расположенной возлѣ Швеціи, не угрожаетъ непосредственная опасность, и она можетъ свободно развивать свои міровыя сношенія. Особенности природы отражаются и на соціальной жизни народа, и на міровоззрѣніи его писателей; этимъ-то условіямъ обязаны скандинавцы своею рѣдкой оригинальностью, а то, что они выражаютъ ее такъ независимо, возможно лишь благодаря ихъ политической свободѣ, болѣе полной, чѣмъ у другихъ народовъ.

Генрикъ Ибсенъ (1828—1906).

Еще недавно норвежцы дали новое доказательство своей предпріимчивости [1]), предложивъ образованіе пангерманскаго союза, въ который вошли бы не только европейскіе народы тевтонскаго происхожденія, какъ нѣмцы, скандинавы, голландцы, фламандцы, жители сѣверной Швейцаріи, но и англичане, онѣмеченные «бретонцы», жители Канады и американцы, говорящіе по-англійски, хотя трудно предположить, чтобы сами авторы этого призыва считали послѣднихъ принадлежащими къ германской расѣ. Эта лига должна была служить цѣлямъ

1) Bjoennstjerne Bjoernson, «Berliner Tageblatt», апрѣль 1903.

мира; но не утопично ли думать, что подобный союзъ можетъ быть свободнымъ отъ всякой тенденціи къ господству и преобладанію, если три изъ наиболѣе могущественныхъ державъ, вокругъ которыхъ естественно объединились бы эти полъ-милліарда людей, сильны своей военной организаціей, порабощеніемъ колоній и расовой ненавистью? Этотъ союзъ немыслимъ, пока не произойдутъ внутреннія революціи въ каждой изъ составляющихъ его націй. И не короче ли иной путь, ведущій къ той же цѣли,—братству народовъ,—добровольное единеніе между отдѣльными личностями, независимо отъ ихъ расы и языка?



Обладаніе Константинополемъ не стоитъ владѣнія дорогами, теперь еще пустынными, которыя пересѣкаются въ болотахъ Сеистана.

Глава четвертая.

ПАНСЛАВИЗМЪ. — РАБОТА НАДЪ ОБЪЕДИНЕНІЕМЪ. — КОЛА. — ИНОРОДЦЫ.—ЕВРЕИ.—ПОЛЯКИ И НѢМЦЫ БАЛТІЙСКИХЪ ПРОВИНЦІЙ.—ФИНЛЯНДЦЫ.—ЧЕРКЕСЫ, ГРУЗИНЫ И АРМЯНЕ. — ДУХОБОРЫ.—ВЫТѢСНЕНІЕ АЗІАТСКИХЪ НАРОДОВЪ.—ЗАКАСПІЙСКІЯ СТРАНЫ, ТУРКЕСТАНЪ И СТЕПИ.—ИРАНЪ И ИРАНЦЫ.—ПАМИРЪ, ТИБЕТЪ, МОНГОЛІЯ, СИБИРЬ, МАНЬЧЖУРІЯ.—КИТАЙ И КИТАЙЦЫ.—ЯПОНІЯ И ЯПОНЦЫ.—КОРЕЯ.

Пангерманизмъ, которому предшествовалъ панэллинизмъ, долженъ былъ дать толчокъ къ образованію и другихъ расовыхъ группировокъ: панславизмъ также нашелъ своихъ фанатиковъ. Русскій филологъ Григоровичъ, путешествуя въ 1825 году по Балканамъ, открылъ, такъ сказать, новую славянскую національность—болгаръ, которые сами считали себя тогда греками [1]).

1) Novicov, «Conscience et volonté sociales», p. 185.

Это положило начало новой религіи славянскаго патріотизма. Впослѣдствіи другіе ученые открыли «братьевъ» въ Австро-Венгріи, начали изучать ихъ нравы, обычаи, сказанія и повѣрья; въ Россіи образовались общества съ цѣлью помочь далекимъ соотечественникамъ и пробудить въ нихъ сознаніе единства великой славянской національности. Сербовъ прославляли, черногорцами гордились, но поляковъ молчаливо исключили изъ великаго братства, хотя ихъ принадлежность къ славянской націи должна бы, казалось, быть внѣ сомнѣній; психологически это явленіе вполнѣ понятно: ихъ національный патріотизмъ, за который они пролили столько крови, дѣлалъ ихъ мало достойными быть принятыми въ великую семью; имъ вмѣняется также въ вину исповѣдываніе не православной религіи, хотя этимъ же грѣшатъ болѣе отдаленные отъ Россіи славяне—чехи и хорваты. Казалось бы, простой разсчетъ долженъ былъ подсказать русскимъ панславистамъ, что въ ихъ же интересахъ заботиться о томъ, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи западныхъ славянъ и внушить имъ столько любви и довѣрія къ себѣ, чтобы, въ случаѣ притѣсненія со стороны нѣмцевъ или мадьяръ, они смотрѣли на Россію какъ на желанную защитницу. Но русская имперія остается всегда вѣрной себѣ, и по отношенію къ Западу она всегда проявляла особенную враждебность.

Молодые болгары.

Главнымъ препятствіемъ къ распространенію идеи панславизма является то же самое, что мѣшаетъ побѣдоносному движенію пангерманизма, но въ Россіи это препятствіе еще труднѣе устранимо. Деспотизмъ, царящій въ имперіи и накладывающій свою руку на всѣ сто-

роны жизни страны, проявляющійся не только въ военномъ и въ адми-

№ 506. Западные славяне.

Мѣста, покрытыя болѣе густыми сѣрыми полосами, обозначаютъ земли славянъ, не находящихся подъ русскимъ игомъ; покрытыя менѣе густыми обозначаютъ пространства, занятыя русскими славянами.

нистративномъ дѣлѣ, даже въ религіозныхъ вопросахъ, не можетъ не отталкивать естественно тяготѣющихъ къ Россіи западныхъ славянъ.

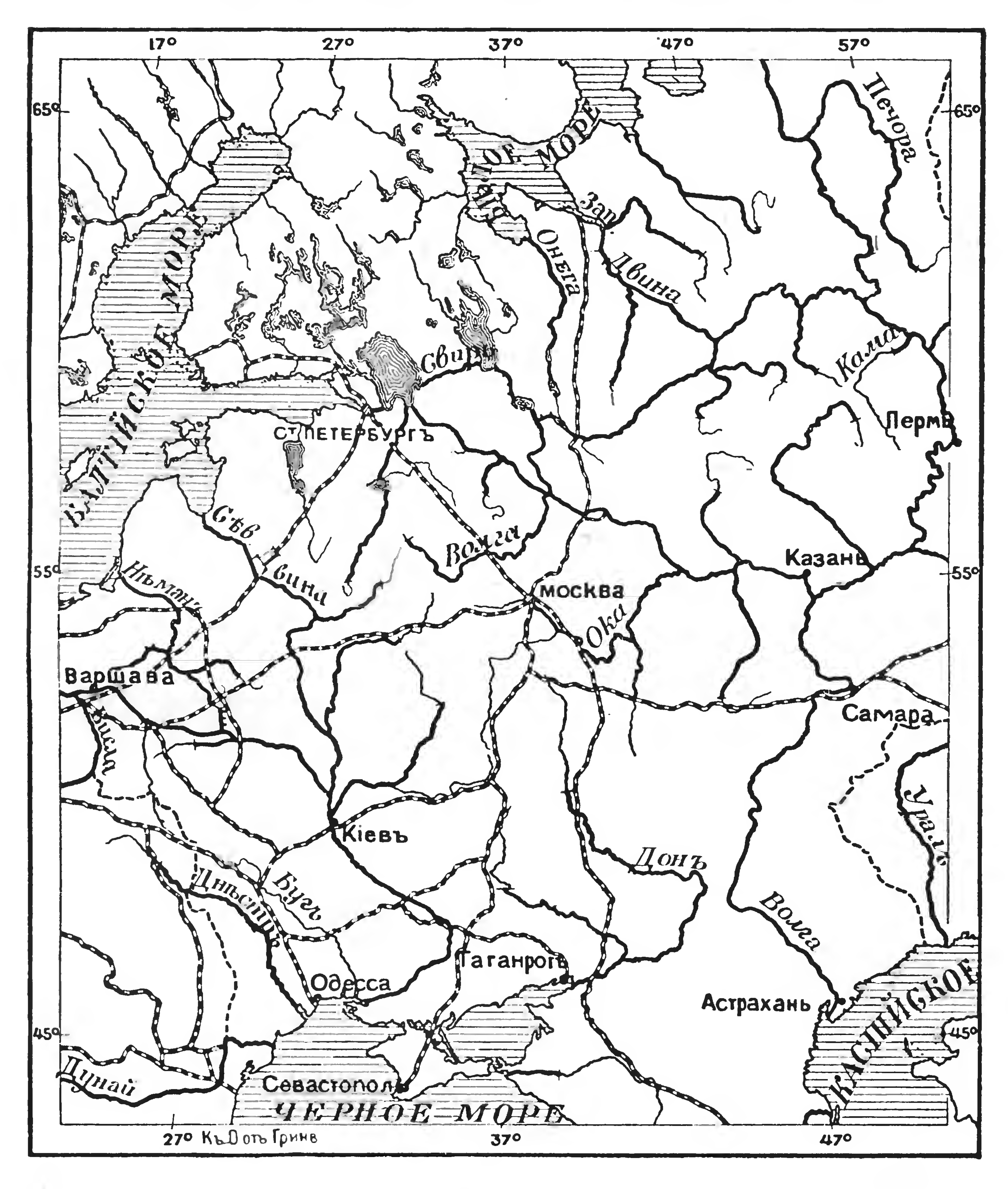
Сравнительно болѣе цивилизованные народы Запада врядъ ли могутъ стремиться къ единенію съ Самодержавной Восточной Европой. Конечно, чехи и моравы гордятся національнымъ единствомъ со славянами Великой Россіи, но въ то же время они сознаютъ превосходство своей культуры надъ русской и, конечно, не помѣнялись бы судьбой съ своими сосѣдями-поляками. То же нужно сказать относительно хорватовъ, сербовъ и словеновъ; они имѣютъ достаточно поводовъ быть недовольными своимъ настоящимъ положеніемъ подъ игомъ венгровъ и австрійцевъ, но они не могутъ не сознавать, что имъ врядъ ли жилось бы лучше подъ московскимъ владычествомъ.

Вліяніе панславизма сужено, такимъ образомъ, въ своемъ полѣ дѣйствія. Въ сферѣ его вліянія оставалось еще русинское населеніе Галиціи, которое русскіе агенты всячески настраивали противъ ихъ помѣщиковъ поляковъ; это имъ тѣмъ болѣе удавалось, что по уровню своей культуры русины немногимъ отличаются отъ русскихъ мужиковъ. Но даже здѣсь русское правительство умудрилось возбудить неріязнь къ себѣ и показать русинамъ, что изъ двухъ золъ владычество Австріи является меньшимъ. По религіи—русины преимущественно уніаты,—т.-е., будучи православными, они, тѣмъ не менѣе, признаютъ главенство Рима: послѣ жестокихъ религіозныхъ преслѣдованій, которымъ подверглись уніаты въ самой Россіи, галицiйскіе русины естественно потеряли всякое довѣріе къ добрымъ намѣреніямъ по отношенію къ нимъ Святѣйшаго Синода. Ихъ симпатіи направлены не столько къ русскимъ вообще, сколько къ малороссамъ, тѣсно связаннымъ съ ними общностью языка и обычаевъ: и всякій разъ, когда эти симпатіи выражались въ какихъ-нибудь внѣшнихъ проявленіяхъ, онѣ были подавляемы какъ революціонные поступки: даже выраженія братскихъ чувствъ между учеными, археологами или филологами строго воспрещалось. Не удивительно поэтому, что идея панславизма очень непопулярна среди западныхъ славянъ. Имѣя за собой въ Европѣ только наемныхъ журналистовъ, русскій имперіализмъ долженъ былъ естественно стремиться къ расширенію своего вліянія на Востокѣ, продолжая завоеваніе различныхъ тюркскихъ, монгольскихъ и китайскихъ племенъ. И дѣйствительно, русское государство увеличивалось на Востокѣ изъ года въ годъ.

Въ то время, какъ Московское Самодержавіе наводило понятный страхъ на славянъ Турціи и центральной Европы, французская республика всячески льстила ей и добилась-таки союза съ Россіей, правда, цѣною большихъ финансовыхъ жертвъ. Этотъ «двойственный союзъ» Франціи съ Россіей явился противовѣсомъ «тройственному союзу» Германіи, Австріи и Италіи и обязанъ отчасти своимъ происхожденіемъ реакціоннымъ инстинктамъ приверженцевъ монархическихъ партій, довольныхъ представившейся возможностью играть въ придворныхъ, хотя-

бы чужого императора, покупать лестью титулы и ордена; но, главнымъ образомъ, договоръ этотъ явился слѣдствіемъ франко-прусской войны:

№ 507. Водные пути сообщенія и главнѣйшія желѣзнодорожныя линіи Россіи.



самопроизвольное сближеніе между двумя народами совершается очень часто на почвѣ общей имъ обоимъ ненависти или боязни. Несомнѣнно, что

русскихъ и французовъ связываетъ глубокое чувство симпатіи, независимо отъ дипломатическихъ разсчетовъ, но оно основано, главнымъ образомъ, на общей тѣмъ и другимъ непріязни къ нѣмцамъ. То же явленіе можно было наблюдать въ средніе вѣка, когда во время долгихъ распрей между Англіей и Франціей послѣдняя имѣла вѣрную союзницу въ лицѣ Шотландіи: несмотря на разницу въ условіяхъ жизни и обычаевъ, дружба родилась изъ чувства вражды къ общему непріятелю: семью народовъ можно, въ извѣстномъ отношеніи, сравнить съ электрической батареей, гдѣ металлы-электролиты, расположенные послѣдовательно, развиваютъ токъ, вслѣдствіе различія электрическаго состоянія на концахъ цѣпи. Какъ бы то ни было, союзъ государствъ, расположенныхъ въ двухъ фокусахъ большого эллипса, представляемаго Европой, не могъ не оказать большого вліянія на оба народа: оно выразилось въ моральномъ обрусѣніи правящей Франціи и сильномъ французскомъ вліяніи на Россію, такъ рѣзко отличавшейся отъ своей союзницы, какъ пріемами веденія иностранной политики, такъ и исконнымъ самодержавнымъ образомъ правленія. Двойственный союзъ невольно содѣйствовалъ сближенію обоихъ народовъ, что ведетъ, съ одной стороны, къ установленію взаимнаго пониманія народовъ, съ другой—связываетъ правительства въ одинъ союзъ. Однимъ изъ результатовъ франко-русскаго сближенія явится ускореніе неминуемой революціи въ великой славянской имперіи. Эволюція международныхъ отношеній способствуетъ эволюціи внутренней жизни народа.

Въ Россіи такъ же, какъ и другихъ странахъ, происходитъ работа внутренняго объединенія подъ давленіемъ двухъ совершенно различныхъ силъ: одна изъ нихъ—самодовлѣющая, вызванная естественнымъ теченіемъ жизни, другая носитъ въ себѣ элементы насилія и разрушенія; она инспирирована чиновной бюрократіей. Прежде всего, насущной необходимостью является матеріальное единство страны, достигающееся прорытіемъ каналовъ, развитіемъ навигаціи по рѣкамъ, постройкой желѣзныхъ дорогъ; такое единство является одновременно причиной и слѣдствіемъ сближенія людей и солидарности ихъ экономическихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи Россія должна поработать, чтобы достигнуть объединенія, должна все болѣе и болѣе сосредоточивать внутреннюю жизнь страны въ очагахъ болѣе активной культурной дѣятельности, связать тѣсно окраины съ центромъ, тѣмъ самымъ значительно увеличивая силы цѣлаго. Власти остается лишь уступить, стараясь по возможности использовать плоды современной промышленности, свободное развитіе которой она, впрочемъ, всячески тормазитъ концессіями, раздачей мѣстъ своимъ ставленникамъ и бюрократическимъ режимомъ. Мало того, она стремилась отклонить развитіе сѣти желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ отъ ихъ естественнаго назначенія, удовлетворять потребно-

Полуночное солнце на Шпицбергенѣ.

стямъ сообщенія, желая пользоваться ими лишь для стратегическихъ цѣлей, соединяя для этого отдѣльныя крѣпости между собой; правительство видитъ въ проводимыхъ линіяхъ только средство защиты или нападенія на сосѣдей; съ самаго начала правительствомъ была опредѣлена бо̀льшая ширина рельсоваго пути, чѣмъ обще-европейская, что создаетъ необходимость перегрузки товаровъ и пересадки пассажировъ на границѣ. Но, несмотря на всѣ неудобства, создаваемыя такимъ положеніемъ вещей, желѣзныя дороги функціонируютъ правильно и исполняютъ свое естественное назначеніе, способствуя обмѣну товаровъ и идей, служа этимъ, въ конечномъ счетѣ, дѣлу революціи.

Работа внутренняго объединенія страны дополняется все измѣняющимся характеромъ внѣшней политики. Какъ извѣстно, Россія, несмотря на свою величину, на безконечную длину береговой линіи, не имѣетъ вполнѣ свободнаго выхода къ морю: выходъ изъ Финляндскаго залива и Балтійскаго моря если не вполнѣ закрытъ, то все же стѣсненъ датскими островами; Черное море закрыто Босфоромъ и Дарданелльскимъ проливами; Бѣлое море сковано полгода льдомъ; Николаевскъ и Владивостокъ, расположенные на берегахъ далекой Маньчжуріи, такъ же замерзаютъ ежегодно и страдаютъ отъ сильныхъ тумановъ. А, между тѣмъ, уже Новгородская Вольница имѣла свободный выходъ къ морю на Мурманѣ, еще до Ивана Грознаго, который наводилъ страхъ на своихъ холоповъ, еще до Петра Великаго, заложившаго первый русскій портъ въ устьѣ Невы, до Николая I, давшаго свое имя городу, господствующему на Амурскомъ побережьѣ, и до того времени, какъ андреевскій флагъ началъ развѣваться надъ волнами Тихаго океана. Жестокій гнетъ царей повелъ къ потерѣ выхода къ Сѣверному морю даже послѣ того, какъ страна эта снова подпала подъ ихъ власть: уже съ середины пятнадцатаго вѣка, Кола сдѣлалась мѣстомъ ссылки; цари и ихъ придворные присвоили себѣ исключительное право на рыбную ловлю; лежащіе на Бѣломъ морѣ монастыри владѣли огромными земельными богатствами и не давали промышленности развиваться. Только въ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ царствованіе императрицы Екатерины, было рѣшено построить портъ въ Кольскомъ заливѣ, но изданные объ этомъ указы остались мертвой буквой. Нужны были знанія иностранныхъ моряковъ, главнымъ образомъ, норвежцевъ, чтобы выяснить огромное значеніе этихъ никогда не замерзающихъ мурманскихъ портовъ. Среди нихъ наибольшія удобства какъ для стоянки судовъ, такъ и для постройки города представляетъ Екатерининская гавань, названная впослѣдствіи Александровскомъ; хотя она, какъ и сосѣдняя норвежская гавань Вардö, находится почти на 300 километровъ къ сѣверу отъ полярнаго круга (69°12′) и, слѣдовательно, два мѣсяца въ году—отъ 24 ноября до 17 января погружена во тьму арктической ночи. Новый портъ пріобрѣлъ

бы громадное значеніе для торговли Москвы, Петербурга и остальной Россіи, если бы былъ соединенъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ имперіи, отъ которой онъ отстоитъ на 1275 километровъ; направленіе такого пути намѣчено самой природой въ видѣ глубокой долины, тянущейся вдоль озеръ и рѣкъ, отъ Бѣлаго моря до Колы. Въ интересахъ русской торговли необходимо воспользоваться этимъ портомъ какъ давно желаннымъ свободнымъ выходомъ къ морю.

Въ международномъ отношеніи еще большее значеніе имѣлъ бы открытый выходъ Россіи къ водамъ Великаго океана. Стѣсненная на западѣ въ своемъ стремленіи къ расширенію, она могла безпрепят-

Юрта лапландцевъ.

ственно расти лишь на Востокъ. Она вся устремилась въ Азію, гдѣ, казалось, не было силы, могущей остановить ея растущее могущество. Но Россія зашла слишкомъ далеко: не довольствуясь оккупаціей важныхъ въ стратегическомъ отношеніи дорогъ Маньчжуріи и занятіемъ Портъ-Артура, она стремилась утвердить свое вліяніе въ Кореѣ, хотѣла вести и съ Японіей ту же политику, что съ Китаемъ. Въ разыгравшемся поединкѣ желтая раса одержала побѣду надъ бѣлой. Маньчжурская авантюра окончилась пораженіемъ Русской имперіи, потерявшей всякое вліяніе какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Но ходъ событій на этомъ не остановился, такъ какъ пораженія на далекой окраинѣ дали возможность «униженнымъ и оскорбленнымъ» внутри государства поднять голову, а угнетеннымъ народамъ надѣяться на лучшее будущее.

Какое разнообразіе этническихъ группъ соединено па огромной территоріи, находящейся «Божьей милостью», т.-е. благодаря наслѣдству и

№ 508. Сѣверная Норвегія, Кольскій полуостровъ, Финляндія.

Масштабъ этой карты 1 : 1.000 000.

Финляндская территорія узкой полосой тянется вдоль рѣкъ Торнео и Кангамы по направленію къ городу Тромзö, не доходя километровъ на 30 до побережья фіордовъ.

завоеваніямъ, подъ властью царя! 147 милліоновъ людей, населяющихъ ее, по статистическимъ свѣдѣніямъ [1]), далеко не составляютъ одно-

1) См. діаграммы стр. 490 и 491.

родной націи, объединенной общимъ чувствомъ патріотизма. Достаточно было власти ослабѣть, чтобы тотчасъ же обнаружилась полная разноплеменность. Только народы, наиболѣе отличающіеся отъ славянской расы по происхожденію, разсѣянные по всей странѣ и извѣстные подъ общимъ именемъ «инородцевъ», не могутъ думать объ отпаденіи отъ Россіи; долгій гнетъ, передающееся изъ рода въ родъ сознаніе своего политическаго безправія, лишили ихъ всякихъ оригинальныхъ чертъ, подавили въ нихъ индивидуальность. Нѣкогда независимыя, эти группы съ теченіемъ времени все потеряли: они сливаются съ массой русскаго населенія, не внося ни одной новой черты въ народный типъ. Таковы камскіе и двинскіе зыряне, утратившіе уже всякую самобытность; они живутъ какъ угнетенные и пресмыкающіеся рабы, нисколько не стремясь къ политической независимости; больше того, они относятся съ презрѣніемъ къ собственному языку, не знаютъ большей чести, какъ быть допущенными къ столу господъ, хотя бы въ качествѣ слугъ [1]). Въ сущности, они мало отличаются отъ русскихъ мужиковъ: по образу мыслей и предразсудкамъ они очень близки другъ другу. Съ того времени, какъ общій языкъ объединилъ всѣхъ этихъ татаръ, калмыковъ, остяковъ и вогуловъ, черемисовъ и мордву, они превратились въ «русскихъ», сохранивъ лишь монгольскій типъ, что особенно замѣтно на женщинахъ восточной Россіи. Явленіе это, впрочемъ, не единичное, и его можно прослѣдить какъ у финляндцевъ, такъ и у нѣмецкаго населенія семи альпійскихъ общинъ Ломбардіи и у жителей Капри. Вездѣ женщина является хранительницей расы, сохраняя первоначальный типъ въ его чистотѣ.

Такимъ образомъ, силою вещей, самимъ ходомъ исторіи, инородческіе элементы какъ тюркскаго, такъ и монгольскаго племени обречены на полное обрусѣніе. Даже религіозныя отличія не составляютъ препятствія дѣлу національной ассимиляціи: оставаясь правовѣрными послѣдователями пророка, казанскіе, крымскіе или кавказскіе татары становятся подчасъ русскими патріотами или участвуютъ даже въ тѣхъ же общественныхъ движеніяхъ, которыя охватываютъ остальные элементы населенія. Даже евреи, угнетеніе которыхъ отличается особенной жестокостью и полной откровенностью, также руссифицируются, и тѣ бѣглецы этой расы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Западной Европѣ, называютъ себя русскими; дѣйствительно, они являются почти таковыми по языку, идеямъ и завѣтнымъ желаніямъ. Они ясно проявляютъ стремленіе раствориться въ общей массѣ русскаго населенія, освободиться отъ вѣковой обособленности, явившейся слѣдствіемъ ихъ угнетеннаго положенія, и даже явиться въ

---

1) Chakov, Division éthnographique de la Russie», С.-Петербургское Географическое Общество, 11—24 октября 1900.

Европѣ представителями русскаго генія благодаря своей научной дѣятельности. Власть, вѣрная хранительница пережитковъ прошлаго, поддерживаетъ ненависть къ людямъ иной вѣры или расы. По отношенію къ евреямъ она придерживается принципа принудительнаго заключенія или домашняго ареста, чѣмъ въ сущности является предписаніе, что евреямъ разрѣшено жить только въ опредѣленныхъ областяхъ, они, дѣйствительно, заключены въ обширное средневѣковое гетто; для нихъ граница является двойной, и переходъ черезъ нее сопряженъ съ большими издержками и затрудненіями всякаго рода. Къ сожалѣнію, гнетъ, тяготѣющій надъ евреями, выражается не только въ матеріальныхъ преслѣдованіяхъ и лишеніяхъ: онъ еще больше даетъ себя чувствовать въ области духовныхъ интересовъ, такъ какъ распространеніе даже элементарнаго образованія наталкивается на суровыя запрещенія со стороны русскаго правительства. «Препятствовать просвѣщенію» — вотъ тотъ принципъ, на которомъ покоится всякая самодержавная власть; и хотя она вынуждена условіями времени открыть предохранительный клапанъ въ видѣ нѣкоторыхъ льготъ и послабленій, она все же по возможности его суживаетъ. А между тѣмъ жажда знанія такъ сильна у евреевъ, что они пробиваютъ себѣ дорогу, несмотря на строгія запретительныя правила, и не стоятъ въ умственномъ отношеніи ниже славянской части населенія. Быть-можетъ, они даже культурнѣе ея. Несмотря на гнетъ сверху, на предразсудки снизу, русскіе евреи вносятъ свою дань въ общенародное движеніе: они вошли въ обще-русскую семью: переходная ступень къ болѣе далекому идеалу объединенія народовъ.

Домъ въ Кишиневѣ послѣ погрома.

Даже въ центрѣ Россіи царитъ неприкрытая вражда національностей, раскрывающая міру смыслъ оффиціальныхъ заявленій о единой, недѣлимой Россіи. Присоединеніе Польши, совершенное болѣе ста лѣтъ тому назадъ, все еще остается грубымъ актомъ насилія; покоренное населеніе не слилось съ побѣдителями, различіе языка постоянно напоминаетъ о національной розни, а религіозные обряды и молитвы только

рѣзче подчеркиваютъ ее; преданія, воспоминанія говорятъ о пролитой крови, названія битвъ будятъ воспоминанія о свѣжихъ могилахъ. Важное значеніе Польши для Россіи заключается не въ томъ лишь, что по занимаемому пространству она является обширной частью имперіи, съ

№ 509. Области еврейской осѣдлости.

До послѣднихъ событій евреи составляли большинство населенія въ Бердичевѣ, Бѣлостокѣ и Каменецъ-Подольскѣ.

Въ 1905 году произошли погромы въ большинствѣ городовъ и селеній, обозначенныхъ на картѣ № 510.

населеніемъ въ двѣнадцать милліоновъ жителей, но преимущественно въ ея географическомъ положеніи: она всего ближе расположена къ Западной Европѣ, и по духу она также близка къ Западу; несмотря на политическій гнетъ, она наиболѣе культурная часть имперіи, съ наиболѣе развитыми духовными силами. Поляки ясно сознаютъ свою за-

слугу какъ носителей цивилизаціи, свѣточей знанія въ восточную Европу, и это обстоятельство лишь усиливаетъ ихъ вражду къ непокорнымъ ученикамъ, обратившимъ своихъ учителей въ рабство. Это не все: по своему географическому положенію Польша является военнымъ лагеремъ,

№ 510. Нѣкоторыя мѣстности, особенно потерпѣвшія отъ погромовъ.

1 : 16 000 000

0 250 500 1000 килом.

оборонительной крѣпостью по преимуществу, и, въ случаѣ столкновенія съ Германіей, ей выпала бы на долю вся тяжесть войны за имперію, пасынкомъ которой является она теперь, равно какъ и ея наиболѣе дѣятельнымъ работникомъ въ лицѣ своей развитой промышленности. Эти экономическія и историческія условія создаютъ Польшѣ своеобразное положеніе въ Европѣ, геометрическій центръ которой она занимаетъ. Она борется за свою независимость и съ Россіей, и, пожалуй, еще больше съ Германіей, которая притѣсняетъ, преслѣдуетъ, всячески

оскорбляетъ поляковъ, находящихся подъ ея властью послѣ послѣдняго раздѣла.

Только въ Австріи поляки не терпятъ притѣсненій, такъ какъ здѣсь правительство, страдающее отъ раздоровъ входящихъ въ составъ этой державы національностей, заинтересовано въ томъ, чтобы привлечь поляковъ на свою сторону, пользуясь польской аристократіей какъ орудіемъ борьбы въ этихъ распряхъ; но здѣсь поляки, въ свою очередь, виновны въ притѣсненіяхъ, въ которыхъ они обвиняютъ русскихъ и нѣмцевъ: эксплуатація руссинскихъ крестьянъ польской шляхтой является тяжелымъ обвиненіемъ противъ нихъ. Такимъ образомъ, нарушеніе національныхъ правъ создало въ этой части Европы положеніе, безвыходное при современномъ политическомъ режимѣ, гдѣ царятъ произволъ и безправіе.

На берегахъ Балтійскаго моря мы встрѣчаемъ ту же борьбу національностей, но болѣе сложную и менѣе явную въ своихъ проявленіяхъ. Эта часть побережья заселена нѣмцами въ числѣ ста двадцати тысячъ, естественныя права которыхъ были поруганы руссификаціей университета въ Дерптѣ, переименованнаго нынѣ въ Юрьевъ, гдѣ юношество училось на родномъ языкѣ подъ руководствомъ профессоровъ-нѣмцевъ. Но это нѣмецкое населеніе, столицей котораго является Рига, состоитъ изъ двухъ классовъ, съ противорѣчащими другъ другу интересами; богатая, правящая буржуазія и пролетаріатъ, «Kleindeutschen», презираемый своими же соотечественниками. Нѣмцы, бывшіе до 1819 года полными хозяевами земли, а благодаря этому господами надъ крестьянами, эстами, латышами и литовцами, и теперь еще пользуются привилегированнымъ положеніемъ, богатствомъ, титулами, политической властью. Нѣмецкая аристократія балтійскихъ провинцій явилась болѣе надежнымъ оплотомъ власти, чѣмъ сами русскіе, и значительное число ихъ представителей, занимая высшія должности въ государствѣ, оказались дѣятельными обрусителями. Измѣненіе политическихъ условій въ Европѣ развязало бы имъ руки, и они, вѣроятно, были бы столь же жестокими «германизаторами» по отношенію къ литовцамъ, какъ нѣмцы по отношенію къ полякамъ въ Познани.

Въ Финляндіи вопросъ стоитъ значительно проще: весь народъ страдаетъ безъ всякой вины со своей стороны по отношенію къ кому бы то ни было другому. Поселившись въ странѣ съ незапамятныхъ временъ, суоми или финны достигли той же степени культуры, что и ихъ сосѣди, славяне или скандинавцы, и теперь вполнѣ равны имъ, если не превосходятъ ихъ своими нравственными качествами, энергіей, честностью и прямотой. Психика финляндцевъ отличалась всегда мирнымъ характеромъ. При чтеніи ихъ народной эпопеи «Kalevala», собранной Эліасомъ Лённ-

ротомъ, нельзя не поражаться величавому спокойствію его героевъ. Въ то время какъ Гомеръ съ любовью повѣствуетъ о безконечныхъ войнахъ, а пѣсня о Роландѣ представляетъ собою лишь длинное описаніе сраженій, «Калевала» тщательно избѣгаетъ кровавыхъ сценъ: финляндскіе герои чаще совершаютъ свои подвиги силой слова и пѣсни, чѣмъ мечомъ; побѣдитель не тотъ, чья рука сильнѣе, но тотъ, чья мысль оригинальнѣе, острѣе [1]). Когда въ 1809 году, послѣ пораженія шведовъ, финляндцы перешли въ подданство русскаго царя, ихъ не смѣшали съ

Портъ Александровскъ на Кольскомъ полуостровѣ.

остальной массой покоренныхъ народовъ, но императоръ самъ присягнулъ какъ «Великій Князь Финляндскій» ихъ конституціи, даровалъ имъ сеймъ и независимость. Однако, финляндскій народъ не могъ благословить своей судьбы: принадлежащія ему льготы постепенно урѣзывались, повинности и налоги увеличивались, и, вслѣдствіе новыхъ узаконеній 1899 г., значительное число финляндцевъ покинуло родину.

Но если по отношенію къ финляндскому народу, столь замѣчательному своимъ образомъ жизни, знаніями, трудолюбіемъ, правительство, въ своемъ руссификаторскомъ рвеніи, должно было считаться съ обще-

---

1) René Puaux, предисловіе къ „Pour ma Finlande», Juhani Aho.

ственнымъ мнѣніемъ Европы, то на азіатской границѣ оно было свободно отъ соблюденія какихъ бы то ни было формъ, и въ своей политикѣ оно тотчасъ же переходило къ репрессивнымъ мѣрамъ. Достаточно вспомнить покореніе Кавказа, длившееся почти столѣтіе. Несомнѣнно, что и безъ бойни Кавказъ принадлежалъ бы Россіи; вѣдь съ конца восемнадцатаго вѣка она окружила его кольцомъ своихъ владѣній; сѣверныя равнины Кавказа были заселены казаками, а по ту сторону горъ Грузія добровольно присоединилась къ имперіи; на обоихъ моряхъ, Каспійскомъ на востокѣ и Черномъ на западѣ, господствовалъ русскій флотъ; съ этого времени кавказскія племена, запертыя въ горныхъ долинахъ, могли сноситься съ остальнымъ міромъ только черезъ русскія владѣнія и, естественно, должны были подчиниться русскому правительству, чтобы обезпечить себѣ свободу передвиженія и торговли, правда, небольшой.

Неизбѣжность паденія Кавказа стала еще очевиднѣе послѣ проведенія военно-грузинской дороги, идущей отъ Тифлиса до Владикавказа черезъ Дарьяльскій перевалъ, вдоль Терека и Арагвы, и раздѣлившей Кавказскій хребетъ на двѣ части. Вторая дорога черезъ Мамиссоновскій перевалъ соединила долину Терека съ долиной Ріона, раздѣляя вторично западный Кавказъ; впослѣдствіи были проложены въ различныхъ направленіяхъ еще дороги, подымавшіяся въ горы, черезъ лѣса и ущелья. Недаромъ, какъ пѣлъ Лермонтовъ, задрожалъ великанъ-Казбекъ, видя карликовъ долины, двигающихся къ нему съ заступами и молотами, оказавшимися страшнѣе пушекъ.

Но русскіе хотѣли всячески ускорить это покореніе, шедшее благодаря неизбѣжной силѣ вещей; они уничтожали виноградники, сжигали села, избивали жителей. Долина за долиной была завоевана и очищена отъ непріятеля. Къ серединѣ девятнадцатаго вѣка, въ началѣ войны, на западномъ Кавказѣ насчитывалось до полумилліона черкесовъ; когда же они были заперты въ горныхъ долинахъ, число ихъ упало до 300000: погибло около половины горцевъ. Но ненависть побѣдителей не знала границъ. Приказомъ намѣстника, Великаго Князя Михаила, имъ было предписано очистить край въ теченіе мѣсяца подъ страхомъ лишенія свободы. Край дѣйствительно опустѣлъ, и въ первые шесть мѣсяцевъ 1864 года черезъ Черное море переправилось до 260000 бѣглецовъ; съ 1858 по 1864 годъ, по оффиціальному подсчету, бѣжало всего до четырехсотъ тысячъ. Порта дала имъ пріютъ въ различныхъ частяхъ Европейской Турціи и Анатоліи, но одичавшіе за время войны, озлобленные на судьбу, они видѣли лишь враговъ въ своихъ новыхъ сосѣдяхъ, которые ихъ дѣйствительно вскорѣ возненавидѣли; начались междоусобія, и новые поселенцы не могли утвердиться въ странѣ; сто-пятьдесятъ тысячъ черкесовъ, по-

селенныхъ въ Болгаріи, около сербской границы, почти совершенно вымерли или разсѣялись среди прочаго населенія. Раса перестала существовать [1]).

Опустошивъ такъ ужасно Кавказъ, очистивъ его отъ черкесовъ, абхазцевъ и адыге, Россія должна была бы, казалось, замести поскорѣе слѣды своей расправы, вернувъ жизнь въ опустѣлыя жилища, передавъ въ другія руки плугъ. Но русское правительство не призвало жителей сосѣднихъ странъ, армянъ, грузинъ или лазовъ, привыкшихъ къ этому климату и природѣ; желая, во что бы то ни стало, руссифицировать край, оно раздало земли переселенцамъ изъ Малороссіи, но не обставило ихъ въ матеріальномъ отношеніи настолько хорошо, чтобы облегчить имъ перемѣну условій жизни: дѣти степей не могли свыкнуться съ обрывистыми скалами, съ глубокими горными ущельями. Да и вообще, чтобы привлечь ихъ и удержать на новыхъ мѣстахъ, нужно было бы проводить дороги, устраивать торговые склады, ярмарки и, главнымъ образомъ, предоставить имъ свободно селиться и выбирать участки земли по собственному желанію: однимъ словомъ, администрація должна была бы переродиться. Не было, конечно, недостатка въ грандіозныхъ проектахъ заселенія прежней Абхазіи и территоріи адыге; но они были вскорѣ забыты, оставшись неисполненными; а тѣ изъ этихъ проектовъ, которые проводились въ жизнь, были лишены всякой системы и порядка. Въ началѣ двадцатаго вѣка на всемъ огромномъ, нынѣ пустомъ, пространствѣ, занимающемъ 10000 кв. километровъ, насчитывалось всего лишь 15000 жителей. Изъ ихъ числа 4/5 составляютъ абхазцы, сдавшіеся на милость побѣдителей, 600 черкесовъ, остальные—переселенцы различнаго происхожденія, разселенные преимущественно по побережью: глубь страны почти совершенно пустынна [2]). Чтобы усилить притокъ переселенія, достаточно было бы построить дорогу вдоль побережья отъ устья Ріона до Керченскаго пролива и предоставить переселенцамъ болѣе свободы. Прежняя дорога, построенная еще Митридатомъ, вся размыта и засыпана обвалами. Казалось бы, первой заботой русскихъ должна была бы быть постройка этой важной въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи дороги. Ее дважды начинали строить; въ первый разъ постройка ея была даже начата одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но ни въ одномъ изъ нихъ дѣло не было доведено до конца; впослѣдствіи постройка дороги была поручена генералу Анненкову, руководившему проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги, построенной съ необычайной быстротой; онъ переправилъ на Кавказъ 25000 землекоповъ

1) Eugène Pittard, «Dans la Dobrodja», p. 103.—2) Jean Carol, «Les deux routes du Caucase».

изъ голодныхъ губерній Центральной Россіи и обѣщалъ въ два года закончить всѣ работы; это ему не удалось, и казна прекратила выдачу ему дальнѣйшихъ ассигновокъ на работы; тѣмъ не менѣе, занятіе страны переселенцами, земледѣльцами и промышленниками,—вопросъ лишь времени: народонаселеніе увеличивается, и потокъ народныхъ волнъ стремится къ занятію новыхъ земель на западѣ и на востокѣ, по направленію къ Новороссійску и Батуму.

Объясненіе карты № 511.

Славяне: 1) великороссы; 2) малороссы; 3) разбросанныя селенія болгаръ.

Кавказцы: 4) грузины и лазы; 5) адыге; 6) кабардинцы; 7) абхазцы; 9) чеченцы; 10) авары; 11) другіе лезгины; 12) кубачи.

Турки и татары: 13) татары; 14) ногайцы; 15) киргизы; 16) кумыки; 17) собственно турки.

Арійцы: 8) осетины; 18) армяне; 19) таты и талышинцы; 20) курды; 21) греки; 22) нѣмцы.

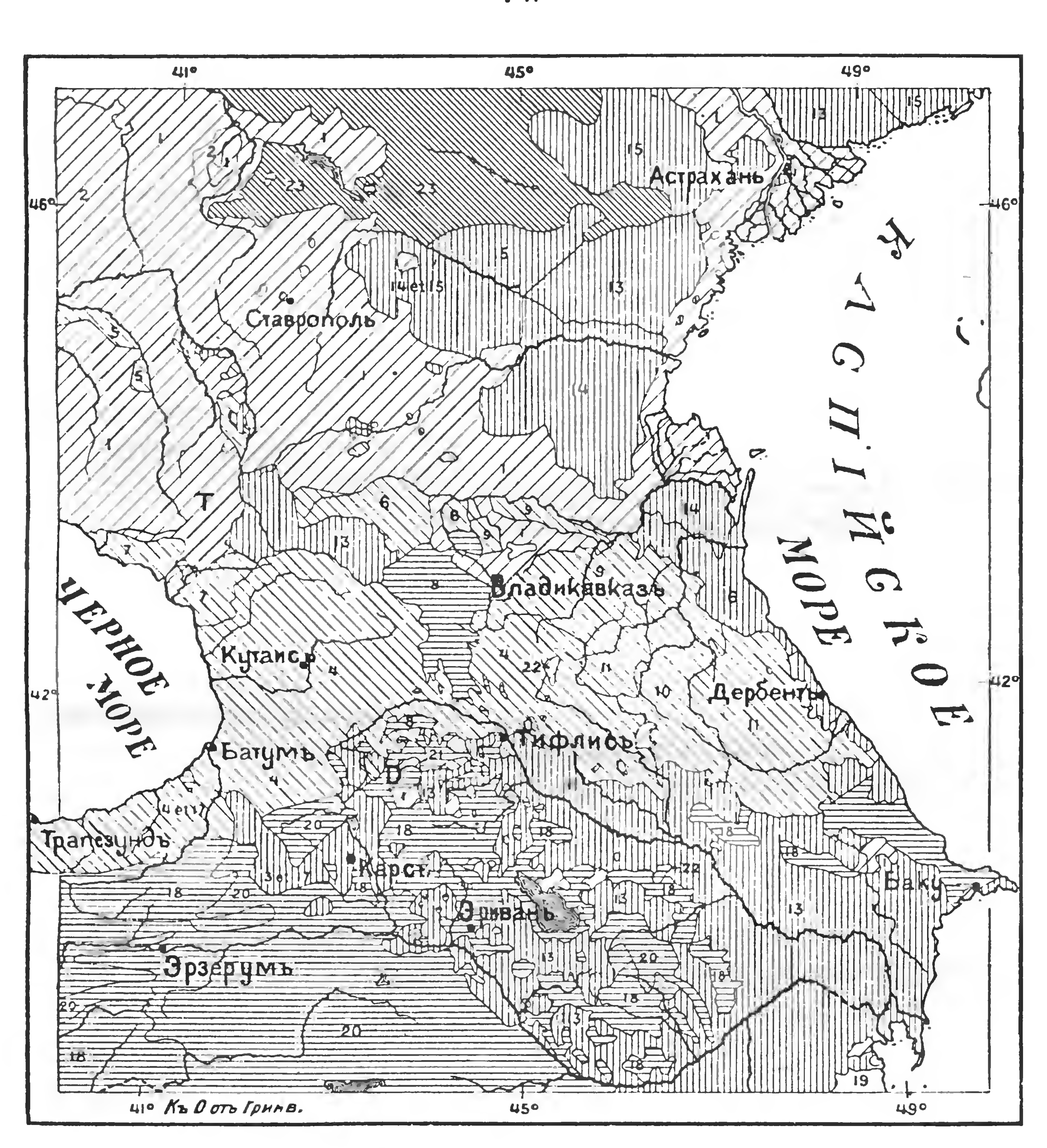
Монголы: 23) калмыки.

Буквой T—область черкесовъ. D—селенія духоборовъ до ихъ переселенія.

На югѣ Кавказа, въ широкихъ и доступныхъ долинахъ Ріона и Куры, обрусѣніе туземцевъ происходитъ само собой, естественнымъ ходомъ вещей, такъ какъ переселеніе постоянно увеличиваетъ число русскихъ; въ то же время власть, административное управленіе страной, командованіе войсками, находятся всецѣло въ рукахъ правительства; но этого мало властителямъ страны: къ естественному вымиранію мѣстнаго населенія, вызванному экономическими и политическими условіями края, они прибавляютъ жестокіе пріемы централизаторовъ, для которыхъ всякое отличіе въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ отъ русскаго населенія является почти преступленіемъ. Они забыли, что картвелы или грузины являются лишь союзниками Русской имперіи, отдавшимися подъ ея покровительство на условіяхъ, установленныхъ первоначально договоромъ въ 1799 году, когда, по наущенію русскаго посланника, царь Георгъ III, жалкій, ничтожный и развратный правитель, отдалъ свое государство подъ охрану Высокой Руки Царя всея Руси, давшаго свое «Царское Слово» всегда уважать законы и привилегіи своихъ вѣрныхъ грузинъ; они забыли, что странѣ было

обѣщано сохраненіе ея языка, ея обычаевъ, религіи, милиціи, даже даровано было право чеканки собственной монеты. А между тѣмъ, въ про-

№ 511. Народы Кавказа.



долженіе девятнадцатаго вѣка, вся политика правительства выражалась лишь въ томъ, что оно уничтожало слѣды древней грузинской культуры, ставило препятствія къ распространенію западнаго вліянія, могучимъ про-

водникомъ котораго явилась европейская литература. И вотъ въ настоящее время грузинскіе рекруты посылаются на сѣверъ Россіи, вплоть до Сибири; картвельскій языкъ запрещенъ въ судахъ, школахъ, семинаріяхъ, даже въ нѣкоторыхъ церквахъ. Чтобы уничтожить грузинскую національность, правительство выкупаетъ или экспропрінруетъ обширные участки земли, которые раздаетъ затѣмъ казакамъ или русскимъ переселенцамъ. Во время крымской войны грузины пользовались относительной свободой, ихъ какъ-то молчаливо терпѣли; но послѣ того гнетъ все усиливался, и теперь Грузія страдаетъ, главнымъ образомъ, отъ племенной розни. Грузинскіе поэты, скорбя о родинѣ, сравниваютъ ее съ древнимъ Прометеемъ, прикованнымъ къ скаламъ Кавказа; но у нихъ нѣтъ, какъ у Прометея, несокрушимой вѣры въ будущее: если положеніе вещей не измѣнится въ теченіе одного—двухъ поколѣній, ихъ сыновья или внуки обратятся въ русскихъ.

Армяне, потерявшіе свою независимость еще до того времени, какъ они перешли подъ власть Россіи, вслѣдствіе присоединенія Грузіи и побѣдъ Россіи надъ Турціей и Персіей, не получили прямыхъ гарантій независимости отъ своихъ теперешнихъ владѣтелей. Сдѣлавшись полными хозяевами армянской столицы, Эчміадзина, русскіе превратили его въ административный центръ; свѣтская власть сама распредѣляла приходы, назначала священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ. При этомъ правительство старалось превратить ихъ въ простыхъ прислужниковъ церкви. Употребленіе родного языка запрещено въ школахъ; армяне не смѣютъ изучать своей исторіи, географіи своей страны, употреблять въ оффиціальныхъ сношеніяхъ или въ бесѣдѣ съ чиновниками языка предковъ. Администраторы знаютъ, что языкъ выражаетъ мысль, и заставить народъ измѣнить свою рѣчь—это значитъ передѣлать его душу. Но армяне, стремящіеся, вопреки всѣмъ препятствіямъ, къ образованію, всячески помогаютъ жителямъ города Тифлиса добиться учрежденія у себя университета, само положеніе котораго дѣлало бы его очагомъ знанія для всего края; до сихъ поръ не удовлетворено ходатайство города Тифлиса, вслѣдствіе чего молодые люди попрежнему должны для полученія образованія ѣхать либо въ центральную Россію, либо за границу. Во всѣхъ случаяхъ жизни армяне наталкиваются на сознательное недоброжелательство власти по отношенію къ нимъ. Благоденствіе можетъ быть только при истинномъ объединеніи народовъ, подвластныхъ царю.

Насколько доброжелательна политика русскаго правительства по отношенію къ своимъ вѣрноподданнымъ армянамъ, можно ясно видѣть изъ поведенія турецкаго правительства, тогда, во время послѣднихъ армянскихъ избіеній, находившагося еще въ почти вассальной зависи-

мости отъ славянской Имперіи. Несомнѣнно, что вліяніе Россіи въ Константинополѣ огромно, что ея воля была бы для Турціи закономъ, и что не захоти она этихъ кровавыхъ бойнь, — ихъ бы не было. Правильно выразился одинъ «государственный дѣятель»: «турецкое правительство пожелало покончить съ армянскимъ вопросомъ, покончивъ съ самими армянами». Долгое время армяне находились въ

Церковь и замокъ Шильда-Инисели.

Долина Алазана, въ Грузіи.

тѣхъ же условіяхъ, какъ и другіе народы, стонущіе подъ властью Турціи,—этой страны произвола и варварскаго гнета. Какъ и греки и другіе подвластные народы, они страдали отъ вымогательства администраціи, отъ всякаго рода взяточничества, тяжелыхъ налоговъ, узаконенныхъ и даже незаконныхъ поборовъ; они отбывали барщину, платили разнообразнѣйшіе сборы. Но всѣ эти притѣсненія не носили систематическаго характера, и тяжесть ихъ могла измѣняться по личному усмотрѣнію администраторовъ. Къ тому же армянамъ была предоставлена нѣкоторая свобода въ управленіи своими мелкими общинными дѣлами; имъ было разрѣшено въ вопросахъ религіозныхъ дѣйствовать

самостоятельно, говорить на родномъ языкѣ, открывать школы при наличности достаточныхъ для этого средствъ. Такъ какъ въ средѣ администраціи было много чиновниковъ-армянъ, то они естественно старались предохранить своихъ соотечественниковъ отъ грабежей и разбоевъ; иногда они даже направляли разбойниковъ на другія народности: на грековъ, курдовъ, подчасъ даже на самихъ турокъ. Благодаря большей культурности и природной изворотливости, образованные армяне пріобрѣли во всей Имперіи, а особенно въ самомъ Константинополѣ почти привилегированное положеніе, что, естественно, принесло извѣстныя выгоды и населенію несчастнаго Гайасдана. Не менѣе счастливымъ для армянскаго народа оказалось то вліяніе, какимъ пользовалось при дворѣ султана англійское правительство, очень покровительствовавшее протестантскимъ школамъ, англійскимъ и американскимъ, распространеннымъ въ большомъ количествѣ въ Арменіи.

Гурійскіе гончары изъ окрестностей Батума.

Но по самому существу политика всякаго деспотическаго правительства отличается неустойчивостью; сегодня она направлена больше вправо, завтра—влѣво; и любое изъ этихъ колебаній является иногда вопросомъ жизни для того или иного народа. Нѣчто подобное случилось и съ армянами. Благосклонность султана къ Великобританіи смѣнилась дружбой съ Россіей; а это дало иное направленіе политикѣ турецкаго правительства. Ему твердили о томъ, что армяне носятся съ мыслью о политической самостоятельности; ему говорили, что они основываютъ типографіи, издаютъ книги и журналы, что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности; доносили, что армяне обучаютъ своихъ дѣтей исторіи

тѣхъ временъ, когда армянскій народъ былъ свободенъ и могущественъ; не забывали, конечно, донести, что среди молодыхъ армянъ, оканчивающихъ заграничные университеты въ Женевѣ, Цюрихѣ, Парижѣ, много соціалистовъ и даже анархистовъ, что они ведутъ пропаганду противъ власти самого Султана. Россіи, относившейся уже съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ къ армянской интеллигенціи, къ ея свободолюбивымъ стремленіямъ, которыя рождаются у притѣсняемыхъ народовъ, не трудно было найти въ лицѣ турецкаго правительства исполнителя въ дѣлѣ гоненія и преслѣдованія; къ тому же носитель абсолютной власти въ Турціи инстинктомъ понялъ, что ему слѣдуетъ опасаться націи, которая начинаетъ сознавать свои силы и подумываетъ о независимости. Ни одинъ армянинъ не находилъ отнынѣ пощады у султана, и придворные отлично поняли, что ихъ повелитель одобритъ всякія крутыя и преступныя мѣры противъ армянъ, даже массовыя убійства ихъ: начались погромы, а затѣмъ они вошли въ обыкновеніе, и рѣзня стала производиться методически.

Грузинскій типъ.

Какъ велико число убитыхъ? Этимъ вопросомъ мы уже задавались. Согласно показаніямъ миссіонеровъ, консуловъ и европейскихъ негоціантовъ, число жертвъ доходитъ минимумъ до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ; извѣстны общины, которыя систематически подвергались нашествіямъ палачей, т.-е. солдатъ привилегированнаго корпуса, такъ называемыхъ «гамидіе», получившихъ свое названіе по имени самого султана Абдулъ-Гамида; на основаніи всѣхъ этихъ подробно описанныхъ

данныхъ можно приблизительно исчислить среднюю величину числа жертвъ погромовъ [1]).

Но размѣры самого избіенія далеко еще не даютъ точнаго представленія о всѣхъ потеряхъ, которыя понесла Малая Азія въ смыслѣ численности населенія, цивилизаціи и всевозможныхъ культурныхъ благъ. Прежде всего число всѣхъ армянъ, которымъ удалось бѣжать, либо въ обществѣ себѣ подобныхъ несчастныхъ, либо въ одиночку, черезъ персидскую или русскую границу, а также въ Болгарію, на острова Архипелага, на Кипръ, которымъ удалось скрыться въ посольствахъ и въ церквахъ иностранныхъ миссій, достигаетъ, вѣроятно, такой же цифры, какъ и число убитыхъ. Какъ роковое слѣдствіе этихъ массовыхъ смертей и выселеній является то, что постигнутыя бѣдствіемъ мѣстности возвращаются къ временамъ варварства. Во многихъ округахъ, напримѣръ, въ округѣ Ванѣ, одни только армяне строили дома, культивировали сады, выдѣлывали ткани и фабриковали мебель. Правда, что въ селеніяхъ Сассуна убійцы, по просьбѣ курдскихъ горцевъ, оставили въ живыхъ по одному мастеру каждаго рода ремесла, по одному садовнику, каменщику, плотнику и т. д.; но эти люди, не находя уже никакого удовлетворенія въ работѣ, скоро забросили свое ремесло. Если, какъ мы видимъ, матеріальная культура испытала страшный толчекъ назадъ, то что же сказать о нравственномъ упадкѣ народностей, которыя пріучились къ виду человѣческой крови, которыя свыклись съ грабежами и убійствами, среди которыхъ остаются преимущественно трусливыя низкія натуры, готовыя пойти на всякое самоуничиженіе, чтобы купить и сохранить свою жизнь дорогою цѣною всевозможныхъ униженій.

Русскій патріотизмъ, какъ его понимало правительство въ концѣ XIX столѣтія, побудило его принимать крутыя мѣры не только противъ инородцевъ, какъ, напримѣръ, грузинъ и армянъ, но также и противъ людей чисто-русскихъ по происхожденію, но религіозные обряды которыхъ не согласовались съ обрядами православной церкви. Даже въ самой Россіи цѣлый рядъ религіозныхъ сектъ подвергался открытому преслѣдованію, какъ, напримѣръ, раскольники, штундисты. Но тамъ, по ту сторону Кавказа, въ пространствахъ Азіи, духоборы, люди, силою «духа» отстаивающіе свои идеи, преслѣдовались прямо-таки какъ какая-нибудь дичь. Поселенные болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ въ низкихъ долинахъ Закавказья, между Карсомъ и Тифлисомъ, духоборы мирно воздѣлывали свою землю, помышляя только о спасеніи своей души, и отказывались отъ несенія военной службы, повинуясь бо-

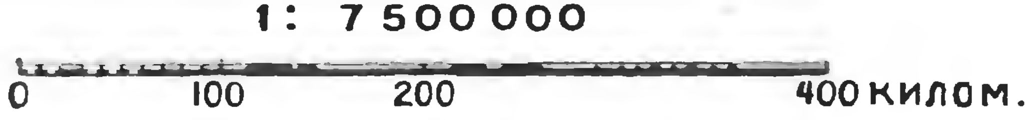
---

1) Victor Bérard, «La politique du Sultan»; Lepsius, «L'Armenie et l'Europe».

жеской заповѣди: «не убій». Массовыя наказанія, тюремное заключеніе и преслѣдованія пе въ силахъ было сломить стойкости духоборовъ;

№ 512. Мѣста армянскихъ избіеній.

1: 7 500 000



Черными точками обозначены мѣста, гдѣ происходили убійства и борьба.

Главнѣйшія хронологическія данныя о погромахъ: 1894 годъ, августъ-сентябрь, Мушъ, Сассунъ; 1895 г., 30 сентября, Константинополь; 3 октября, Акъ-гиссаръ, въ 130 километрахъ отъ Константинополя; 8 окт., Трапезундъ; 15, Гаджинъ; 21, Эрзингянъ; 23, Марашъ; 25, Гюмишъ-хана, Битлисъ; 27, Биреджикъ, Орфа, Байбуртъ; 28, Кара-гиссаръ; 30, Эрзерумъ; 1 ноября, Діарбекиръ; 1—5, Арабкиръ; 7, Мардинъ; 4—9, Малатія; 8, Эгинъ; 10—11, Харпутъ; 12, Сивасъ, Гюрюнъ; 15. Аинтабъ, Мерсиванъ, Амазія, Токатъ; 18, Марашъ, Вениджe; 20, Ванъ; 28, Зиллехъ; 30, Кайсаріе; 28 декабря, Биреджикъ; 1896 г., 1 января, Орфа; іюнь, Ванъ; августъ, Константинополь; сентябрь, Эгинъ; 6 октября, Эрзерумъ; 5 ноября, Эверекъ.

Съ 1896 до 1904 года погромы не прекращались, но они производились менѣе систематично.

и, въ концѣ концовъ, секта, по всей вѣроятности, исчезла бы цѣликомъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, если бы общественное мнѣніе

цивилизованнаго міра и, главнымъ образомъ, англійскихъ квакеровъ, не пришло имъ на помощь. Имъ предоставлена была свобода изгнанія, и большинство духоборовъ живетъ теперь общинами въ холодной странѣ Альберта, орошаемой Саскачеваномъ; съ тѣхъ поръ жажда мученичества, которая находитъ себѣ объясненіе въ ихъ предшествующей жизни, охватывала подчасъ нѣкоторыхъ «борцовъ» и омрачала мирное теченіе жизни духоборовъ на новомъ мѣстѣ.

Закавказскія границы Россіи со стороны Турціи и Персіи въ настоящее время фиксированы европейской дипломатіей, но съ восточной стороны, со стороны азіатскаго материка, увеличеніе русской территоріи продолжалось почти непрерывно: казалось, ничто не должно было пріостановить это движеніе, непреодолимое, какъ приливная волна, хлынувшая съ Запада на Востокъ, т.-е. въ направленіи, противоположномъ тому, въ которомъ шло историческое движеніе народовъ средиземноморскаго побережья, и которое пытались возвести въ законъ [1]).

Обширные захваты территоріи, произведенные Россіей въ центральной Азіи, имѣютъ двоякаго рода значеніе, въ высшей степени важное для моральнаго и политическаго равновѣсія въ мірѣ: Азія европеизируется, а Европа, при посредствѣ Россіи, имѣетъ тенденцію регрессировать по направленію къ азіатскому типу. Каждое статистическое данное, получаемое нами изъ далекой Азіи и окутанное, изъ политическихъ соображеній, густымъ туманомъ, доказываетъ намъ, что эволюція въ обоихъ указанныхъ только-что направленіяхъ происходитъ безостановочно. Область европейской цивилизаціи непрерывно разрастается на Кавказѣ, въ Туркменіи, Джунгаріи, Монголіи, въ Китаѣ; но ничто не дается даромъ въ этомъ мірѣ: параллельно съ европеизаціей одной части земли, въ другую все болѣе и болѣе проникаетъ элементъ азіатчины.

Уроки исторіи говорятъ намъ объ опасностяхъ, грозящихъ съ Востока: онъ побѣдилъ македонянъ и грековъ Александра, впослѣдствіи—римлянъ Элагабала и христіанъ, участниковъ крестовыхъ походовъ. Ядъ, давность котораго исчисляется столѣтіями, атавистическій ядъ традиціонной рабской покорности, легко проникаетъ въ кровь европейцевъ: восточное представленіе о необходимости сильнаго правительства встрѣчается сочувственно многими на Западѣ; всякій знаетъ, что немало найдется на Западѣ низменныхъ душъ, которыя рады чувствовать надъ собою власть и повиноваться. Быть-можетъ, много лѣтъ пройдетъ прежде, чѣмъ нашъ организмъ, путемъ долгаго про-

---

1) W. M. Ramsay, «Geographical Journal». Sept. 1902, p. 258.

цесса переработки, выдѣлитъ вонъ отравляющій душу ядъ,—наслѣдіе древняго азіатскаго деспотизма.

Закаспійскія государствава, во времена завоеванія ихъ русскими, находились въ плачевномъ положеніи: изнуренный войною, порабощенный народъ прозябалъ въ бѣдности; но появленіе русскихъ войскъ въ первое время только увеличило пищету, способствовало обезлюденію страны. Соленыя воды болотъ, пески пустыни появились на мѣстахъ, прежде воздѣ-

Пейзажъ изъ южнаго Закавказья.

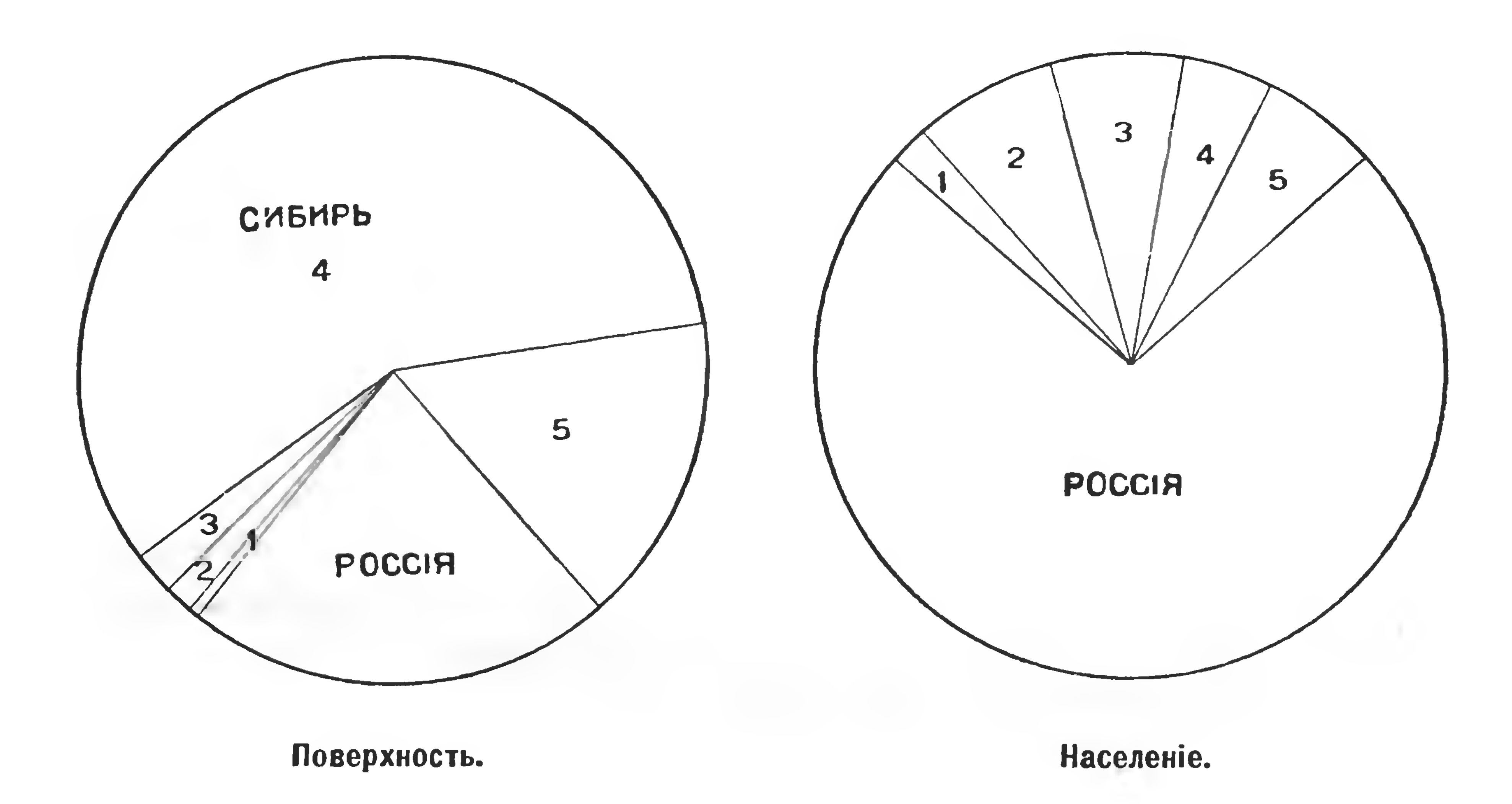
ланныхъ, дикая природа завладѣла плодами человѣческаго труда. Цѣлый рядъ искусственныхъ каналовъ былъ испорченъ, и воды ихъ слились въ грязныя болота и образовали гнѣзда лихорадокъ, которыя упорно стали свирѣпствовать въ мѣстностяхъ, нѣкогда весьма густо населенныхъ. «Если хочешь умереть, отправляйся въ Кундузъ»,—гласитъ поговорка. «Не успѣли оглянуться, какъ воды Маручака убили человѣка»,—говоритъ другая, относящаяся къ окрестностямъ Мерва. Быть-можетъ, въ уменьшеніи площади обитаемыхъ земель сыграло нѣкоторую роль осушеніе климата, но значительно болѣе важной причиной упадка страны явилось, надо полагать, нерадѣніе человѣка, какъ слѣдствіе войны и

тѣхъ бѣдствій, которыя она влечетъ за собою. Два города, Самаркандъ и Бухара, представляютъ собою теперь лишь пару оазисовъ, окруженныхъ дюнами или барханами. Подъ наступающими сыпучими песками погибло уже нѣсколько городовъ, и бухарцы опасаются, что подобная участь постигнетъ ихъ осажденную песками столицу. Въ этой части края протекающія рѣки не въ силахъ оплодотворить рыхлую почву; осѣдлое населеніе должно было останавливаться тамъ, гдѣ останавливалась вода, а все остальное пространство, тянущееся, съ одной стороны, до Каспійскаго моря, а съ другой — вплоть до покрытыхъ травою степей Сибири, принадлежало кочевымъ грабителямъ; лишь въ двухъ мѣстахъ прерывается эта безотрадная равнина, а именно тамъ, гдѣ протекаютъ рѣки Аму-Дарья и Сыръ-Дарья. Вся эта мѣстность, лежащая къ сѣверу отъ Ирана, которая нѣкогда процвѣтала, представляетъ печальную картину разоренія и заброшенности. Археологи отыскиваютъ здѣсь остатки древнихъ городовъ и съ большими трудностями пробираются по обширнымъ пустынямъ, которыя нѣкогда кишѣли людьми, воздѣлывавшими свои поля. Монголы «прошли здѣсь», — это правда; но страна могла бы снова расцвѣсть, какъ поднялись снова многія области средней и Западной Европы, если бы мѣстности, лежащія по верхнему теченію Аму-и Сыръ-Дарьи не висѣли, такъ сказать, «на воздухѣ»; если бы имъ не угрожала постоянная опасность нападе-

Этнографическій составъ «всея Россіи».

Арійцы: 1, русскіе; 2, поляки; 3, литовцы; 4, румыны и латинцы; 5, германцы; 6, армяне; 7, прочіе арійцы.
Семиты: 8, евреи.
Кавказцы: 9, грузины; 10, другія кавказскія племена.
Урало-алтайцы: 11, финны; 12, турко-татары; 13, монголы и урало-алтайцы.
Другіе народы: 14, китайцы; японцы, корейцы и самоѣды.

нія со стороны кочующихъ ордъ, если бы онѣ не были стиснуты трудно проходимыми горами и плоскогоріями, а также безотрадными пустынями, тѣмъ болѣе опасными, что онѣ прерывали всякое сообщеніе съ цивилизованными странами. Гдѣ найти архитектора, который построилъ бы вновь, среди землянокъ туземцевъ и мрачныхъ казармъ русскихъ войскъ,



Поверхность. **Населеніе.**

Раздѣленіе Россійской имперіи.

Внѣ Европейской Россіи въ собственномъ смыслѣ слова статистика различаетъ: 1, Польшу; 2, Финляндію; 3, Кавказъ, включая Закавказье; 4, Сибирь; 5, Закаспійскій край, Туркестанъ и Степную область (отъ рѣки Урала на западѣ до озера Балкашъ на востокѣ и до Омска на сѣверѣ); сюда не входятъ Бухара и Хива.

великолѣпныя мечети, высившіяся нѣкогда въ мѣстностяхъ, лежащихъ за древнимъ Оксомъ?

Интеллектуальный и моральный упадокъ шелъ рука-объ-руку съ матеріальнымъ оскудѣніемъ. Подъ вліяніемъ режима Тамерлановъ, которые приводили въ трепетъ весь міръ, и передъ которыми міръ еще и теперь трепещетъ по атавизму,—Бухара сдѣлалась городомъ лицемѣрія и порока по преимуществу. Стоитъ прочесть по этому поводу ужасающія описанія, данныя Вамбери [1]) и относящіяся къ серединѣ девятнадцатаго столѣтія, т.-е. къ той эпохѣ, когда нѣкоторыя части Туркменіи, въ томъ числѣ Бухара, были еще болѣе недоступны, чѣмъ Китай, Японія или Тибетъ. Фанатическая каста муллов**ъ** осуществляла въ то время инквизиціонный режимъ съ неумолимой суровостью, и подъ

1) «Voyage d'un faux derviche».

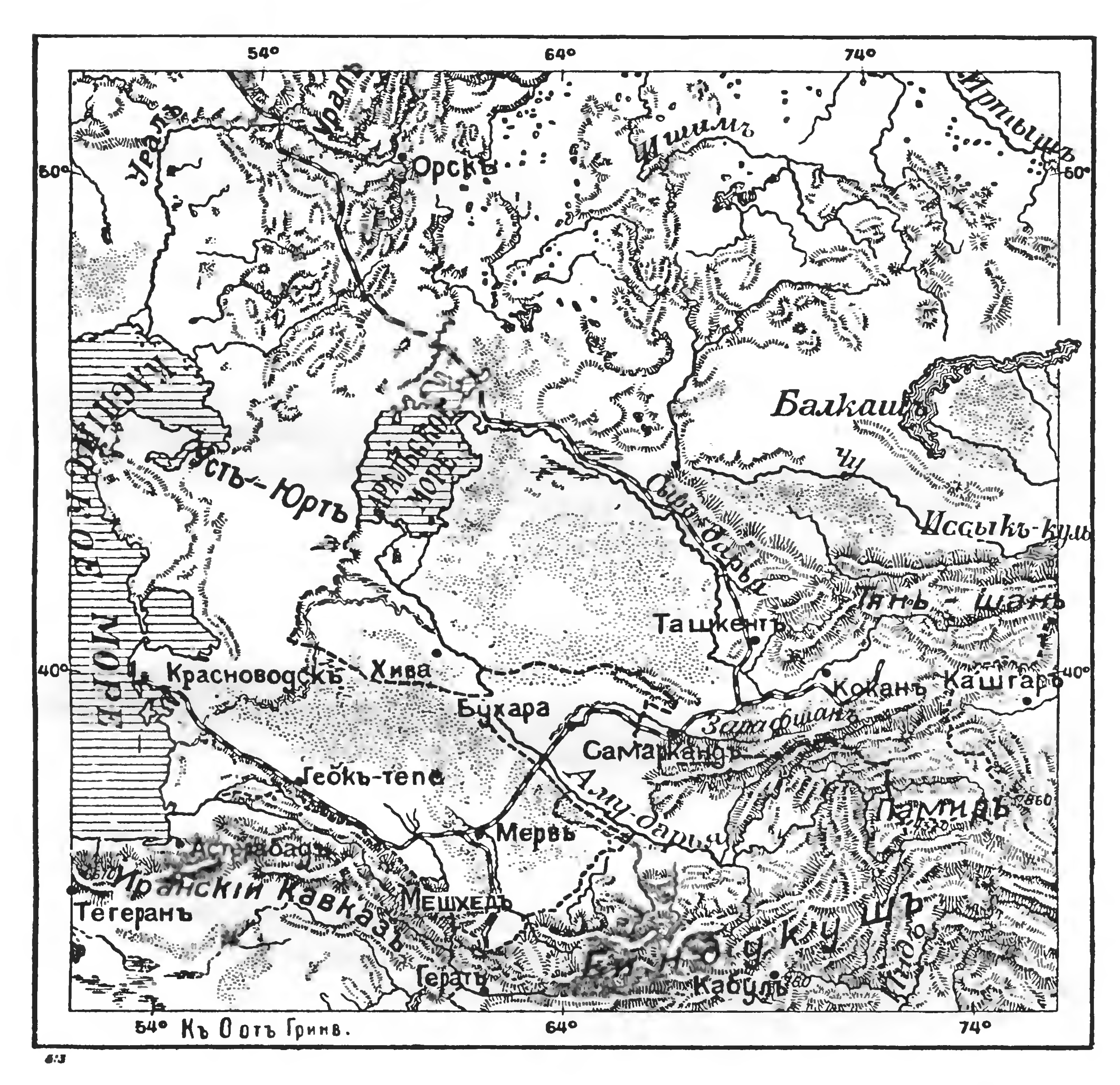
ихъ владычествомъ, естественно, совершился во всей странѣ весьма значительный регрессъ, по сравненію съ временами эллинскаго могущества и первыхъ вѣковъ мусульманской пропаганды. Эта страна принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя особенно ясно носятъ слѣды упадка, и въ этомъ отношеніи Бухару можно приводить какъ примѣръ, подобно древнему Вавилону, Пальмирѣ и малоазіатскимъ провинціямъ.

Нынѣ въ долинахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи установилось съ политической точки зрѣнія новое положеніе вещей, благодаря колонистамъ, прибывшимъ въ большомъ числѣ изъ Европы, благодаря внесенной въ страну промышленности, благодаря путямъ сообщенія, которые связываютъ города между собою и съ Россіей. Россійская имперія присоединила къ себѣ весь Туркестанъ, за исключеніемъ одной части Бактріи, лежащей къ югу отъ Аму-Дарьи и оставленной до поры до времени государству-буферу, неприкосновенность котораго обязанъ охранять кабульскій эмиръ отъ двухъ державъ, которыя подозрительно косятся другъ на друга.

Послѣ большого избіенія плѣнныхъ, какъ слѣдствіе измѣнившихся экономическихъ отношеній, было уничтожено рабство, и шайки пиратовъ перестали посѣщать плоскогорье Ирана, по ту сторону Мешеда, гдѣ они забирали въ плѣнъ мирныхъ земледѣльцевъ. Численность населенія снова увеличилась въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, какъ бы по всеобщему согласію,—правильно ли, или нѣтъ—это другой вопросъ,—принято считать колыбелью человѣчества, и которыя стараніями цѣлаго ряда смѣнявшихъ другъ друга властителей почти совершенно обезлюдѣли. Установившійся между племенами и расами миръ позволяетъ возстановить искусственную канализацію, снова развести вдоль по теченію рѣкъ заброшенныя культуры и реставрировать старинные города. Обширныя пустынныя пространства, которыя нѣкогда ограничивали указанныя долины съ внѣшней стороны, и которыя убивали всю ихъ торговлю, преграждали доступъ къ нимъ духовной пищи,—эти пустыни не представляютъ ужъ болѣе такихъ препятствій, такъ какъ существуютъ дороги, цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ и гостиницъ, которыя обезпечиваютъ непрерывность сообщенія во всѣ времена года. Рельсовый путь отходитъ отъ Красноводска, расположеннаго противъ Баку на противоположномъ берегу Каспійскаго моря, тянется вдоль сѣвернаго подножья иранскаго Кавказа, подходитъ къ Мерву, причемъ промежуточными станціями являются лагери туркменовъ, которыхъ прежде такъ страшились; за Мервомъ отъ магистрали отходитъ одна вѣтвь къ Герату, а другая, пересѣкая Аму-Дарью при помощи моста, который является чудомъ современной строительной техники, направляется къ городамъ Бухарѣ и Самарканду, окутаннымъ нѣкогда пеленою таинственности. Другія желѣзныя дороги, отходящія отъ

Великаго Сибирскаго рельсоваго пути, сдѣлали то, что Ташкентъ и города Ферганской области станутъ вполнѣ русскими колоніями; не подлежитъ сомнѣнію, что эти желѣзныя дороги въ ближайшемъ будущемъ

№ 513. Закаспійскій край и русскій Туркестанъ.



1 : 20000000

0 250 500 1000 килом.

Эмиры обоихъ государствъ, Бухары (20000 квадратныхъ километровъ, 250000 жителей) и Хивы (55000 квадратныхъ километровъ, 800000 жителей), пользуются автономіей, подобной автономіи тунисскаго бея.

проникнутъ въ сердце Китая самымъ прямымъ путемъ, т.-е. черезъ старинную дорогу, которая открывается долиной Кизиль-су, между Алайскимъ и Заалайскимъ хребтомъ.

Приходится, впрочемъ, признать, что, какъ бы ни былъ суровъ режимъ, введенный покорителями, онъ все же менѣе плохъ, чѣмъ то положеніе, которое создавалось непрерывными войнами, грабежами и пытками. Сажаніе на колъ, сдираніе кожи живьемъ, поджиганіе на медленномъ огнѣ,—всѣ эти истязанія постоянно практиковались во владѣніяхъ маленькихъ князьковъ. Профессія нѣкоторыхъ туркменскихъ племенъ сводилась къ насилію и убійствамъ. Каждый ребенокъ, съ того момента, какъ только научивался держаться на лошади, слѣдовалъ повсюду за своимъ отцомъ, уцѣпившись ручонками за гриву лошади, и принималъ участіе въ воинственной экспедиціи. Ему принадлежали отрѣзанные носы и уши побѣжденныхъ, его учили снимать съ труповъ убитыхъ драгоцѣнности и амулеты. Проколоть икры своего раба, продѣть въ рану веревку, которую туркменъ привязывалъ къ лукѣ сѣдла,—не было рѣдкостью. Несчастный бѣжалъ около всадника: если онъ падалъ въ изнеможеніи, несмотря на сыплющіеся на него удары кнута, которые придавали ему силу отчаянія, всадникъ перерѣзывалъ веревку, и рабъ оставался на землѣ, издавая хриплые стоны.

Въ прежнія времена географическія условія окраинной гряды, которую образуетъ иранскій Кавказъ, дѣлали безусловно неизбѣжными непрерывныя войны между сосѣдями, живущими наверху и внизу: и тѣмъ и другимъ была необходима вода. Дѣйствительно, жители Ирана стараются захватить въ свою пользу, на всемъ ихъ теченіи, воды ручьевъ, которые берутъ начало на высотахъ; вмѣсто того, чтобы дать имъ стечь внизъ и изсякнуть въ пустынѣ, иранцы стараются удержать эти воды цѣликомъ для своихъ насажденій, при помощи ирригаціонныхъ каналовъ. Съ другой стороны, кочевые разбойники песчаной равнины изо всѣхъ силъ старались отстоять свои естественные запасы прѣсной воды; каждая капля воды, которую имъ удавалось добыть, должна была быть куплена цѣною крови. Къ тому же эти кочевники были въ то же время и земледѣльцами и нуждались въ водѣ для своихъ полей; эти поля обрабатывались плѣнными невольниками, захваченными во время разныхъ набѣговъ, которыхъ хозяева принуждали работать подъ ударами длиннаго ремня. Жители равнины не могли, стало-быть, удовлетвориться обладаніемъ лужъ Даманъ-и Ко или «Подножья»; они пытались подняться также на высоты и во внутреннія долины, чтобы овладѣть областью источниковъ. Война продолжалась, стало-быть, непрерывно и свирѣпствовала на всѣхъ пунктахъ до тѣхъ поръ, пока русскія войска, наконецъ, не прикрѣпили населеніе къ опредѣленнымъ округамъ. Туранскіе кочевники медленно поднимались шагъ за шагомъ на Иранское плоскогорье, захватывая одинъ пунктъ за другимъ, и никто не имѣлъ смѣлости оказать имъ сопротивленіе. Около каждаго источника, протекающаго по нагорнымъ долинамъ, виднѣлась укрѣ-

пленная башня, куда спасались туземцы, когда сигнальный крикъ извѣщалъ ихъ о приближеніи орды туркменскихъ грабителей. Покореніе страны русскими положило конецъ безпрерывной войнѣ и обезлюденію; жители Хорассана и Сеистана преисполнились за это такою благодарностью къ русскимъ, принесшимъ имъ миръ, что многіе изъ туземцевъ выражаютъ свою признательность принятіемъ русскихъ нравовъ и обычаевъ: нѣкоторые доходятъ даже до того, что при поклонѣ обнажаютъ голову, что было бы ранѣе сочтено верхомъ неприличія 1).

Киргизская юрта и ея обитатели.

Иранъ принадлежитъ къ числу тѣхъ азіатскихъ странъ, географическія условія которыхъ испытали чрезвычайно глубокія измѣненія, вліяніе ихъ было какъ бы оттиснуто на задній планъ, вслѣдствіе разрастанія цивилизованнаго міра. Эламское плоскогорье, географическое положеніе котораго было нѣкогда такъ благопріятно для образованія характерной національной индивидуальности, а также для образованія непреодолимой, съ военной точки зрѣнія, державы;—эта естественная крѣпость, которая могучимъ мысомъ возвышалась надъ плодородными землями Месопотаміи, и, съ другой стороны, была хорошо защищена моремъ и пустыней;—эта чудная мѣстность, источникъ культурной жизни, откуда цивилизація разливалась на западъ въ Европу, на востокъ въ Индію,—судьба этой страны находится теперь въ рукахъ двухъ державъ-соперницъ, которыя вплотную примыкаютъ своими владѣніями къ плоскогорью и какъ-разъ съ тѣхъ сторонъ, откуда по-

1) A. Wambéry, «La Géographie», 15 mars 1901.

слѣднее было нѣкогда неприступнымъ. Персидскій заливъ является теперь громаднымъ рейдомъ для англійскихъ судовъ, которыя наперерывъ высаживаютъ своихъ моряковъ то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ суши; съ сѣверной стороны лежитъ Каспійское море, которое цѣликомъ принадлежитъ Россіи; казаки и туркмены, входящіе въ составъ русскихъ войскъ, ждутъ лишь сигнала, чтобы взобраться по внѣшнимъ склонамъ плоскогорья и спуститься затѣмъ къ Тегерану; ихъ дороги уже придвигаются ко всѣмъ значительнымъ стратегическимъ пунктамъ.

Послѣ опустошительнаго нашествія монголовъ на иранское плоскогорье военное могущество страны могло только пасть, вслѣдствіе значительнаго неравенства силъ, которое создалось, благодаря различіямъ въ вооруженіи, давшее не только западнымъ народамъ, но даже туркамъ значительныя преимущества по сравненію съ Персіей. Впрочемъ, иранцы еще два раза переходили въ наступленіе. Шахъ Аббасъ, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, а затѣмъ, полтораста лѣтъ спустя, авантюристъ Надиръ-шахъ сыграли весьма видную роль въ мусульманскомъ мірѣ, но ихъ силы были направлены не въ сторону запада. Надиръ, перенеся свою столицу въ Мешедъ, къ западу отъ иранскаго Кавказа, отбросилъ афганскія полчища и спустился до самой Индіи, гдѣ онъ свергъ съ престола Великаго Монгола; на сѣверо-западѣ ему удалось оттѣснить русскіе аванпосты вплоть до подножья Кавказа. Но это было послѣднимъ усиліемъ Персіи въ борьбѣ съ внѣшними врагами; затѣмъ, начиная съ этой эпохи, персидскому государству пришлось сосредоточить свое вниманіе и заботы исключительно на своихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлахъ.

Этотъ историческій поворотъ, явившійся слѣдствіемъ измѣненія цѣнности и значенія, которое испытали географическія условія среды въ теченіе послѣднихъ столѣтій, принялъ по отношенію къ Персіи весьма трагическій характеръ. Природная неприступность плоскогорья и непрерывный рядъ естественныхъ преградъ, защищающихъ Иранъ извнѣ, далѣе внутреннее топографическое единство страны сдѣлали изъ нея землю, благословенную Ормуздомъ, богомъ Добра; и вотъ теперь эта страна отдана во власть бога Зла! Дѣло въ томъ, что сама по себѣ среда, какъ и всякое другое явленіе, испытываетъ извѣстную эволюцію въ безконечности временъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Персія сохранила свои горы, свои пустыни, свой климатъ, но населяющіе ее народы, хотя бы только болѣе древніе, вслѣдствіе прогресса умственной жизни, претерпѣли измѣненія, которыя отразились на ихъ экономическихъ отношеніяхъ, на языкѣ, религіи, обычаяхъ; могущество страны обратилось въ слабость, по сравненію съ силами окружающихъ государствъ. Центры политической жизни перемѣстились на поверх-

ности земли; но самый важный фактъ, имѣющій первостепенное значеніе, состоитъ въ томъ, что міръ культурныхъ народовъ, сильныхъ своею общею цивилизацией, все шире разрастается вокругъ плоскогорья Ирана. Въ первые вѣка исторической эры жителямъ Персіи приходилось имѣть дѣло съ Вавилономъ, Ассиріей, Арменіей, Маргіаной, Бактріей; теперь же они стоятъ лицомъ къ лицу съ державами, которыя являются хозяевами положенія на окраинахъ Стараго Свѣта, и столицы которыхъ находятся въ мѣстностяхъ, совершенно неизвѣстныхъ Даріямъ и Хозроямъ. Россія и Англія—это для Персіи два сюзерена-соперника, волю и капризы которыхъ персидское правительство постоянно должно стараться изучать; оно вынуждено домогаться ихъ благосклонности, избѣгать ихъ гнѣва, предвосхищать ихъ желанія. Не много труда стоило бы упомянутымъ державамъ наложить свою руку на страну и овладѣть ею безъ сопротивленія; но дѣло въ томъ, что онѣ не могутъ придти къ соглашенію по вопросу о будущей пограничной линіи, да, кромѣ того, подразумѣвается, что въ дѣлѣ территоріальныхъ присоединеній дипломатическія приличія налагаютъ извѣстныя требованія: не торопиться. Съ 1430 года, намѣчаютъ въ Сеистанѣ, между Гиришкомъ, на Гельмендѣ, и Фарахомъ, мѣсто будущей битвы, которая рѣшитъ судьбы Азіи [1]). Въ тѣ времена, когда это пророчество распространилось среди населенія Ирана, не было извѣстно, какіе народы столкнутся въ этомъ великомъ конфликтѣ; теперь же извѣстно, что столкновеніе, если оно будетъ, произойдетъ между арміями русскихъ и англичанъ.

Въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія англійскій флотъ впервые обезпечилъ себѣ стоянку у береговъ Ирана, а именно въ Буширѣ (Абушерѣ), одномъ изъ портовъ Персидскаго залива. Для англичанъ этотъ актъ являлся необходимымъ слѣдствіемъ завоеванія страны индусовъ, которое они въ то время собирались совершить. Англичанамъ необходимо было обладать, будь то на положеніи хозяина или на положеніи концессіонера, продовольственными и этапными пунктами на военномъ пути въ Индію. Они обосновались въ Буширѣ по тѣмъ причинамъ, которыя побудили ихъ впослѣдствіи занять островъ Мальту, затѣмъ Аденъ и Перимъ, побудили ихъ пріобрѣсть акціи Суэцкаго канала, подвинули ихъ на битву при Телль-эль-Кебирѣ, заставили ихъ расположить свои индійскія войска въ Каирѣ, затѣмъ вдоль по теченію Нила, наконецъ, въ Берберѣ и на берегахъ Сомали. Послѣ занятія Бушира англичане заняли еще нѣсколько другихъ пунктовъ; такъ что можно сказать, что теперь Персидскій заливъ представляетъ собою вполнѣ англо-индійское море: тегеранское правительство и маленькіе

[1]) A. Wambéry, «La Géographie , 15 mars 1901.

султаны Аравійскаго побережья владѣютъ имъ только номинально. Кромѣ того, одной англійской компаніи принадлежитъ телеграфная линія, которая тянется вдоль берега вплоть до англійскихъ владѣній въ Мекранѣ и до индійскаго порта Курачи. Владѣя рынками въ Бассорахѣ и Могаммерахѣ, въ Ковейтѣ, а также навигаціей по рѣкѣ Каруну, вліяя на банковыя операціи своихъ протеже, парсовъ, Великобританія держитъ въ своихъ рукахъ всю торговлю Ирана съ югомъ. Для нея не могло бы быть болѣе сильнаго удара, какъ если бы другая держава составила конкуренцію ея коммерческой монополіи при устьѣ Евфрата; достаточно вспомнить, съ какимъ чуть ли не бѣшенствомъ встрѣтила Англія германскій проектъ постройки желѣзной дороги отъ Босфора къ Багдаду и Бассораху.

Съ другой стороны, русскіе являются хозяевами положенія въ другой части страны, примыкающей къ ихъ закавказскимъ и закаспійскимъ владѣніямъ. Давно уже они отомстили за свои неудачи первыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія. Тридцать лѣтъ спустя, послѣ того, какъ въ Тегеранѣ воцарилась новая, туркменская, династія, русскіе завладѣли всею персидской Арменіей, которая доходитъ до Арарата, и установили границу по своему усмотрѣнію; они запрещали даже всѣмъ персидскимъ военнымъ кораблямъ совершать плаваніе по Каспійскому морю; не имѣя на то права по договору, русскіе устроили свой арсеналъ на островкѣ Ашурада, вѣрнѣе, на песчаной косѣ, которая лежитъ въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря и безспорно принадлежитъ Персіи; давнымъ-давно они не утруждаютъ себя болѣе отвѣтами на рабски-почтительныя представленія тегеранскаго кабинета; русскимъ выгодно было имѣть войска и складъ оружія въ данномъ военномъ портѣ, и было бы большимъ великодушіемъ съ ихъ стороны, если бы они согласились не проникать дальше впередъ. На сѣверѣ русскіе занимаютъ въ торговомъ отношеніи положеніе, аналогичное тому, которое Англія занимаетъ на югѣ Персіи, и, господствуя надъ дорогами къ Энзели и Решту на западѣ и Мешеду на востокѣ, они держатъ въ своихъ рукахъ все движеніе товаровъ; такимъ же образомъ, они при случаѣ будутъ имѣть возможность направить по этимъ дорогамъ движеніе войскъ и перевозку артиллерійскихъ орудій.

Итакъ, Персія находится, такъ сказать, въ положеніи тѣла, которое вырываютъ другъ у друга два хищника: голова ея находится въ ненасытной пасти одного, ноги ея схватили челюсти другого хищника. Подобно Афганистану, Турціи и Марокко, этихъ «больныхъ людей», Персія обязана своею кажущейся независимостью, которая ей осталась, исключительно завистливости державъ, неспособныхъ придти къ соглашенію по вопросу, какъ ее раздѣлить. Нельзя найти другого примѣра изъ современной исторіи, который бы такъ краснорѣчиво показывалъ, насколько

шатко и ненадежно политическое равновѣсіе въ нашемъ мірѣ. Персія фактически перестала существовать, какъ автономное государство, и ея правительство представляетъ собою не что иное, какъ машину для извлеченія податей на покрытіе царскихъ расходовъ, на уплату гражданскихъ и военныхъ пенсій, на содержаніе пышныхъ посольствъ, на поддержку безполезныхъ отраслей управленія. Даже въ дѣлѣ проведенія пограничной линіи роль персидскихъ чиновниковъ довольно мизерна и

Далики на дорогѣ между Буширомъ и Ширасомъ.
Съ фотографіи П. Молесвортъ-Сикса.

ограничивается только несеніемъ землемѣрныхъ инструментовъ при русскихъ и британскихъ офицерахъ. Что же касается народа, то онъ еще не выразилъ громко своей воли.

Конфликтъ обѣихъ державъ, представляющій столкновеніе въ сердцѣ Азіи двухъ формъ цивилизаціи, является, пожалуй, самымъ значительнымъ историческимъ фактомъ въ началѣ двадцатаго столѣтія, такъ какъ Персія, вмѣстѣ со смежной Месопотаміей, представляетъ сухопутный центръ Стараго Свѣта, подобно тому какъ Суэцкій перешеекъ представляетъ его морской центръ. Здѣсь будетъ со временемъ находиться главный этапъ на пути изъ Европы въ Индію, что, впрочемъ, уже несомнѣнно имѣло мѣсто въ доисторическія времена, такъ какъ арійскій языкъ и отвѣчающая ему цивилизація распространились на Востокъ до Инда и на Западъ до Эгейскаго моря, спускаясь съ высотъ Иранскаго плоскогорья. Съ точки зрѣнія своей исторической роли, Персія заслуживаетъ, стало-быть, того, чтобы изученію ея удѣлено было

совершенно особое вниманіе, такъ какъ она является жизненнымъ центромъ по преимуществу въ организмѣ земли.

Самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, внѣшнимъ признакомъ упадка страны является состояніе зданій, которыя нѣкогда строились и украшались со всѣмъ великолѣпіемъ и искусствомъ, которыя предназначались для культурныхъ цѣлей; теперь же они служатъ, если только не разваливаются совсѣмъ, конюшнями или караванъ-сараями. Но и людей постигъ, повидимому, тоже упадокъ. Какой громадный шагъ по пути дегенераціи сдѣлали они, по крайней мѣрѣ, по внѣшности. Достаточно сравнить истинныхъ сыновъ «Ирана», «которые никогда не лгали» (Геродотъ), съ персами-скептиками нашихъ дней, которые малодушно сносятъ теперь самую унизительную тиранію и для оправданія этого призываютъ на помощь только презрѣніе къ самимъ себѣ и ко всему; долгій періодъ рабскаго угодничества сдѣлалъ изъ нихъ чуть ли не самыхъ геніальныхъ лгуновъ. Разъ формы вѣжливости требуютъ, чтобы человѣкъ, подходя къ начальнику, протягивалъ впередъ шею, какъ бы желая сказать: «возьми свою саблю и отруби мнѣ голову»,—то легко понять, что всякая возможность искренности изгнана изъ разговора. Каждому человѣку необходимо приспособиться къ своему собесѣднику, чтобы парировать его хитрости, чтобы ускользнуть отъ его подвоховъ: «голубь съ голубемъ, соколъ съ соколомъ», — вотъ поговорка, которую любятъ повторять персы, желая указать методъ дѣйствія въ дѣловыхъ сношеніяхъ; но истый иранецъ сейчасъ же видитъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, такъ какъ онъ тонкій наблюдатель. Онъ выработалъ себѣ, благодаря жизни въ благовоспитанномъ обществѣ, утонченную учтивость; онъ обязанъ также умѣть вести въ немъ изящный разговоръ, уснащенный тонкими намеками, звучными стихами, декламируемыми со вкусомъ и подъемомъ, возвышенными мыслями, высказанными красиво и въ подходящій моментъ. Впрочемъ, эти свѣтскія обязательства не мѣшаютъ тому, что въ самомъ утонченномъ разговорѣ между друзьями, между гостями и хозяевами, проскальзываетъ въ тонѣ нѣкоторая надменность, извѣстное презрѣніе къ людямъ и ко всему на свѣтѣ [1]).

У персовъ замѣчается наслѣдственная культурность, передававшаяся въ длинномъ рядѣ поколѣній; эта черта сказывается у нихъ, пожалуй, значительно рѣзче, чѣмъ у другихъ народовъ, выработавшихъ въ своемъ прошломъ цивилизацію, исчисляемую сотнями вѣковъ. Вотъ почему регрессъ, который испытала жизнь народа, шокируетъ насъ значительно сильнѣе, чѣмъ поразила бы насъ его смерть. Пусть пала вавилонская башня, пусть Ниневія занесена песками, — естественный

---

[1]) Hermann (Arminius) Wambéry, «Sittenbilder aus dem Morgenlande», p. 137 ss.

ходъ вещей ведетъ къ такому исходу: все что жило, обращается снова въ прахъ. Но Персія все еще живетъ, несмотря на свой глубокій упадокъ. Въ ней жили нѣкогда милліоны людей; они живутъ здѣсь и теперь,

№ 514. Раздѣленная Персія.

Обѣ штриховки означаютъ сферы вліянія Великобританіи и Россіи, какъ онѣ выяснились въ 1907 году.

Прямая сухопутная дорога изъ Европы въ Индію должна была бы прэйти черезъ Тифлисъ, Рештъ, Тегеранъ, затѣмъ по южному склону иранскаго Кавказа до Фараха и Кандагара, далѣе подойти къ Кветтѣ и спуститься въ долину Инда.

хотя число ихъ уменьшилось: густо населенные города возвышались среди розовыхъ садовъ; не всѣ они разрушены, и розы еще цвѣтутъ! Ихъ богатый, красивый языкъ остался однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ и влія-

тельныхъ въ Азіи; онъ распространяется непрерывно, вліяніе его сказывается на нарѣчіяхъ сосѣдей, на современной литературѣ; въ каждомъ столѣтіи поэты, начиная съ Фирдуси, воскрешали въ великолѣпныхъ стихахъ славное прошлое, и выдающіеся люди свидѣтельствовали своимъ появленіемъ о жизненности иранскаго генія; даже въ наши дни бабиды — эти герои, которые хотѣли открыть «двери» въ новое царство добра и справедливости—явили намъ примѣръ такого самоотверженія и величія души, что выше его мы ничего не знаемъ въ исторіи. Эти высокія проявленія духовной жизни указываютъ на то, что внутренній источникъ не изсякъ: онъ похожъ на тѣ «канаты» или ирригаціонные каналы, воды которыхъ не играютъ на солнцѣ, журчаніе которыхъ не доносится до нашего слуха, но которые, тѣмъ не менѣе, орошаютъ землю и даютъ растительной жизни силы расцвѣсть. Все говоритъ намъ о томъ, что если духовныя силы Ирана теперь и дремлютъ, то онѣ не уничтожены совершенно, и что чистый источникъ продолжаетъ таинственно струиться подъ обгорѣлымъ утесомъ.

Персіане въ собственномъ смыслѣ слова обладаютъ однимъ цѣннымъ качествомъ: они любятъ миръ, старательно избѣгаютъ всякаго повода къ ссорѣ. Войска шаха состоятъ почти исключительно изъ представителей тюркскаго племени, которые усугубляютъ и безъ того грубые нравы солдатчины своими жестокими атавистическими наклонностями, такъ какъ они происходятъ отъ наемныхъ грабителей, которые были призваны въ страну для усмиренія ея жителей: они—завоеватели по природѣ; во всѣ времена, даже тогда, когда они еще не находились въ рядахъ русскихъ полковъ и батальоновъ и не получали прямыхъ приказаній отъ начальниковъ, они считали себя въ полномъ правѣ проливать человѣческую кровь. Въ этомъ отношеніи ихъ психика кажется намъ болѣе чѣмъ странной: они беззастѣнчиво похваляются совершенными ими убійствами, такъ какъ такое дѣяніе представляется имъ доблестнымъ и достойнымъ подражанія. «Я даю тебѣ это тѣло, какъ если бы ты его убилъ самъ»; — и пріятель съ гордостью принимаетъ ужасный даръ, который даетъ ему право считать себя убійцей. Въ послѣднія столѣтія опять-таки турки давали изъ своей среды Персіи повелителей. Нынѣ правящая династія принадлежитъ къ каджарскому племени, которое живетъ въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, на важной въ стратегическомъ отношеніи территоріи вокругъ Астрабада. Передъ каджарами взяло, благодаря превосходству своей военной силы, верхъ другое племя тюркскаго происхожденія и властвовало въ лицѣ Надиръ-шаха, «Сына Шпаги», надъ всѣмъ иранскимъ міромъ. Это—племя афшаровъ, которое живетъ въ горныхъ долинахъ Атрека и Гюргена, оспаривая у курдовъ, переселенныхъ далеко отъ горъ Арменіи, обладаніе этими мѣстами.

Итакъ, притягательное влiянiе, которое оказываетъ иранская цивилизацiя даже на воинственныхъ кочевниковъ, такъ сильно, что всѣ населяющiе Иранъ народы принимаютъ безъ протеста эту цивилизацiю и похваляются ею. Немало племенъ, несомнѣнно тюркскаго или семитическаго происхожденiя, говорятъ по-персидски не хуже, чѣмъ фарсы изъ Шираса. Въ округахъ, почти исключительно населенныхъ турками, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя части Азербейджана, населенiе во многихъ

Колонна въ пустынѣ къ юго-западу отъ Кирмана.
Съ фотографiи П. Молесворта-Сикса.

Эта колонна, высотою въ 16 м., предназначалась для указанiя пути; она относится къ эпохѣ Сельджукидовъ.

мѣстахъ говоритъ на двухъ языкахъ: турецкiй языкъ, мало-по-малу, опускается до уровня простонароднаго языка, тогда какъ персидскiй становится языкомъ интеллигентныхъ слоевъ общества. Правящая династiя, семьи важнѣйшихъ сановниковъ, также изъ каджарскихъ и афшарскихъ выходцевъ, люди съ сомнительной репутацiей, стараются убѣдить себя и другихъ, что они несомнѣнно принадлежатъ къ великой иранской расѣ; въ стихахъ, которые они заучиваютъ, которые поются и декламируются на ихъ пышныхъ банкетахъ, прославляются замѣчательныя битвы Рустема и Феридуна со злыми духами тьмы, иначе говоря, съ самими предками тѣхъ, которые поютъ эти пѣсни. Аналогичное явленiе замѣчается, какъ извѣстно, во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ варвары - завоеватели приходятъ въ соприкосновенiе съ побѣжденными, которые стоятъ въ культурномъ отношенiи значительно выше побѣди-

телей; такъ, маньчжуры стараются сдѣлаться китайцами, и, дѣйствительно, это имъ удается. Неоспоримое превосходство иранской цивилизаціи оказало глубокое вліяніе на всѣ элементы населенія плоскогорья.

Мало того, на Востокѣ эта цивилизація прививается всѣмъ сосѣдямъ. Европейскіе турки говорятъ наполовину по-персидски; и то, что у нихъ имѣется изъ архитектурныхъ сооруженій,—все это заимствовано у персидскихъ памятниковъ. Съ сѣверной стороны, до появленія русскихъ, родина всего прогресса въ области науки, промышленности, а также искусства, гнѣздилась на плоскогоріяхъ, ограниченныхъ съ сѣвера закаспійскимъ Кавказомъ; съ восточной же стороны, та же цивилизація имѣла такое вліяніе на сосѣдей, что двѣсти милліоновъ людей говорятъ въ Индіи на языкахъ, генетически связанныхъ въ значительной мѣрѣ съ персидскимъ: англичане намѣревались даже сдѣлать оффиціальнымъ языкомъ на всемъ полуостровѣ «индостанскій» языкъ. Какая грандіозная картина получится, если принять во вниманіе не только вліяніе, оказываемое со времени Магомета персидскимъ народомъ, но включить также въ циклъ того, что далъ Иранъ, всѣ народы, которые гордятся тѣмъ, что ихъ рѣчь имѣетъ первоисточникомъ языкъ древнихъ арійцевъ! Въ такомъ случаѣ окажется, что не только Востокъ, но и весь міръ носитъ на себѣ слѣды культурнаго вліянія народовъ, которые жили на высокихъ плоскогоріяхъ Ирана. Численность нынѣ живущихъ персіанъ, включая сюда инородцевъ различныхъ расъ, едва ли превышаетъ семь милліоновъ, тогда какъ всѣ европейцы, американцы, австралійцы, индусы, которые полагаютъ,—болѣе или менѣе правильно,—что въ ихъ жилахъ течетъ арійская кровь,—всѣ тѣ, которые съ полнымъ правомъ могутъ утверждать, что они носятъ на себѣ отблескъ лучей, падавшихъ изъ одного и того же источника интеллектуальнаго свѣта,—всѣ эти народы численностью своею въ сто разъ превосходятъ иранцевъ, т.-е. насчитываютъ, по меньшей мѣрѣ, семьсотъ милліоновъ человѣкъ. Къ этой цифрѣ можно было бы прибавить пятьсотъ милліоновъ жителей восточной Азіи, такъ какъ они также при посредствѣ баковъ, или «ста семействъ», подверглись нѣкогда вліянію иммигрантовъ, пришедшихъ съ высотъ Ирана.

Наконецъ, стараясь представить себѣ ходъ исторіи, какъ онъ вырисовывается въ близкомъ будущемъ, мы придемъ къ выводу, что всѣ народы земли развиваются въ направленіи, предуказанномъ имъ движеніемъ арійскихъ идей. Современная намъ цивилизація въ ея цѣломъ, со всей свитой научныхъ и философскихъ пріобрѣтеній, не можетъ быть понята, если упустить изъ виду, что она тысячами нитей связана съ міромъ арійской культуры; слѣдовательно, мы должны смотрѣть на эту страну, возвышающуюся на азіатскомъ материкѣ, какъ на свою духовную родину.

Унизительное положеніе, которое Персія занимаетъ среди другихъ государствъ, отнюдь не умаляетъ крупной роли, которую можетъ играть

Дверь мечети въ Туркестанѣ.
Съ картины Верещагина

эта страна, среди другихъ странъ Стараго Свѣта; когда народы перестанутъ быть въ зависимости отъ капризовъ завоевателей и наслѣдственныхъ государей, когда человѣкъ, согласно древнему пророчеству,

доставитъ остротою ума и силою рукъ своихъ окончательную побѣду старику Ормузду, генію Добра,—тогда Персія снова вернетъ себѣ то положеніе, которое она нѣкогда занимала въ духовной и экономической жизни народовъ. Нѣкогда большія преимущества давало ей ея географическое положеніе: черезъ нее неминуемо должны были проходить продукты культуры, которыми обмѣнивались между собою народы Востока и Запада. Персія снова возьметъ на себя эту роль естественной посредницы между Индіей и Европой, такъ какъ этого требуютъ географическія условія. Подобно тому какъ окольный океаническій путь въ Индію, вокругъ африканскаго материка, мимо мыса Доброй Надежды, былъ замѣненъ сравнительно болѣе короткой дорогой, которая ведетъ черезъ Суэцкій каналъ,—подобно этому морская пароходная линія должна будетъ со временемъ уступить своихъ пассажировъ болѣе прямому сухопутному пути сообщенія, длиною въ 8000 километровъ, по которому жители Запада скорѣе чѣмъ въ одну недѣлю будутъ переноситься черезъ Вѣну, Константинополь, Багдадъ, Испагань и Кандагаръ, или черезъ Перекопъ, Керчь, Тифлисъ и Тегеранъ,—въ Курачи, Бомбей, Дели или любой городъ громадной территоріи Индіи. Иранъ, который путешественники нынѣ благоразумно избѣгаютъ, станетъ со временемъ притягательнымъ центромъ, въ которомъ будутъ сходится главнѣйшіе пути цивилизаціи. Тогда люди Запада лучше узнаютъ своихъ братьевъ по языку, по нравамъ и по духу, отъ которыхъ ихъ отдалилъ цѣлый рядъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ культурная жизнь собратьевъ шла разными дорогами; они возобновятъ съ ними свои древнія узы родства. Западные народы поймутъ тогда, почему борьба между Англіей и Россіей изъ-за вліянія на персидской территоріи тянулась между цѣлымъ рядомъ поколѣній и вызывала такъ много вражды. Обладаніе Константинополемъ, изъ-за котораго было пролито столько крови, не стоитъ владѣнія путями, теперь еще почти пустынными, которые сходятся въ болотахъ Сеистана!

На востокъ отъ Персіи и Афганистана борьба между соперничающими державами продолжается; но въ этой области завоеванія Россіи, въ отличіе отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній Англіи, имѣютъ то важное преимущество, что онѣ являются какъ бы естественнымъ ростомъ, слѣдуя законамъ географическаго сродства. Каждая пограничная страна легко присоединяется къ сосѣдней, уже завоеванной области. Подобно тому какъ южная Арменія является естественнымъ продолженіемъ горъ и долинъ Арменіи сѣверной, а южные берега Каспійскаго моря—гармоническимъ дополненіемъ русской береговой линіи, подобно этому и верхнее теченіе Аму-Дарьи доходитъ по высокому плоскогорью до снѣжныхъ террасъ, возвышающихся надъ Индіей; естественнымъ продолже-

Дервишъ-счетчикъ въ Самаркандѣ.

ніемъ равнинъ Сибири съ юга, по ту сторону Алтая и Саянскихъ горъ, является Монголія; даже въ Тихомъ океанѣ, къ югу отъ острова Сахалина, расположена земля Іесо, гдѣ этнографы находятъ по желанію бородатыхъ айновъ, родственныхъ коренному населенію Великороссіи. Каждый захватъ новой области имперіей могъ быть, такимъ образомъ, уже впередъ если не оправданъ, то, по крайней мѣрѣ, объясненъ и извиненъ этой географической связью. Для фаворитовъ судьбы это основаніе казалось достаточнымъ, и подкрѣпленные имъ русскіе завоеватели могли подвигаться, такимъ образомъ, постепенно вплоть до самаго сердца Китая, что они и сдѣлали бы, безъ сомнѣнія, если бы не встрѣтили на своемъ пути грозныхъ противниковъ.

Впрочемъ, не только географическая непрерывность территоріи облегчала дѣло завоеванія, этнографическія условія были также благопріятны для русскихъ. Противники, которыхъ они встрѣчали, были, по большей части, собратьями инородцевъ, населяющихъ имперію. Туркмены, которые съ такимъ необыкновеннымъ мужествомъ сопротивлялись русскимъ войскамъ Скобелева, были легко замирены, когда въ рядахъ русской арміи они увидѣли родственныя имъ по нравамъ, языку, образу мыслей племена. Кашгарскіе киргизы признаютъ своими соотечественниками киргизовъ западныхъ степей, а переходъ отъ бурятъ къ другимъ монголамъ почти нечувствителенъ. Самой силою вещей русскіе были принуждены слѣдовать методу охотниковъ на дикихъ слоновъ, которые впускаютъ ручныхъ животныхъ въ ограду, гдѣ бьется плѣнникъ, и этимъ успокаиваютъ его и пріучаютъ постепенно къ послушанію. Всѣ азіатскіе народы, даже калмыки, встрѣчаются въ европейской Россіи и могутъ въ Азіи фигурировать въ качествѣ настоящихъ русскихъ. Да они и дѣйствительно русскіе по общему признанію, какъ бы ни было различно ихъ происхожденіе. Развѣ извѣстный путешественникъ Потанинъ не является въ одно и то же время и русскимъ и самоѣдомъ? Никто не занимался вопросомъ, сколько славянской крови течетъ въ его жилахъ. Польскіе писатели, непримиримые враги Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячіе приверженцы теоріи умственнаго и нравственнаго превосходства пресловутой арійской «расы», любятъ исключать «московитовъ» изъ этого привилегированнаго міра и видѣть въ нихъ помѣсь монголовъ, азіатовъ, но не европейцевъ. Но это и дѣйствительно такъ; вѣдь, есть большая доля истины въ томъ положеніи, что русскіе въ силу духовнаго сродства легко сближаются со своими восточными сосѣдями и въ короткое время втягиваютъ ихъ въ сферу своего вліянія.

На сѣверо-западѣ Афганистана сама топографическая форма поверхности даетъ Россіи, по крайней мѣрѣ, росту ея военнаго престижа, большія преимущества. Дѣйствительно, военные посты занимаютъ до-

минирующіе пункты памирскихъ возвышенностей и могутъ быть перенесены къ южному склону Гиндукуша, въ Кашмиръ и Кафиристанъ, въ случаѣ,—весьма невѣроятномъ,—если бы оказалась возможной сколько-нибудь серьезная стратегическая экспедиція въ этой странѣ льда и смерти. Въ политическомъ отношеніи эти горные отряды имѣютъ значеніе лишь благодаря тому, что привлекаютъ вниманіе окружающихъ народовъ и являются для нихъ вооруженными представителями воинственной націи, призываемой одними, страшной для другихъ. Уже въ великой равнинѣ Кашгара, тянущейся на востокъ отъ Памира, могущество Россіи, въ дѣйствительности здѣсь лишь показное, принимается за несомнѣнный реальный фактъ: намъ сообщали, что въ 1897 году русскій генеральный консулъ въ Кашгарѣ, располагавшій небольшимъ отрядомъ въ 64 казака, пользовался дѣйствительной властью во всѣхъ областяхъ, орошаемыхъ Таримомъ[1]), китайское же вліяніе признавалось лишь номинально. Впрочемъ, этотъ фактъ оспаривался другими путешественниками возможно, что онъ имѣлъ мѣсто лишь временно.

Типъ киргиза.

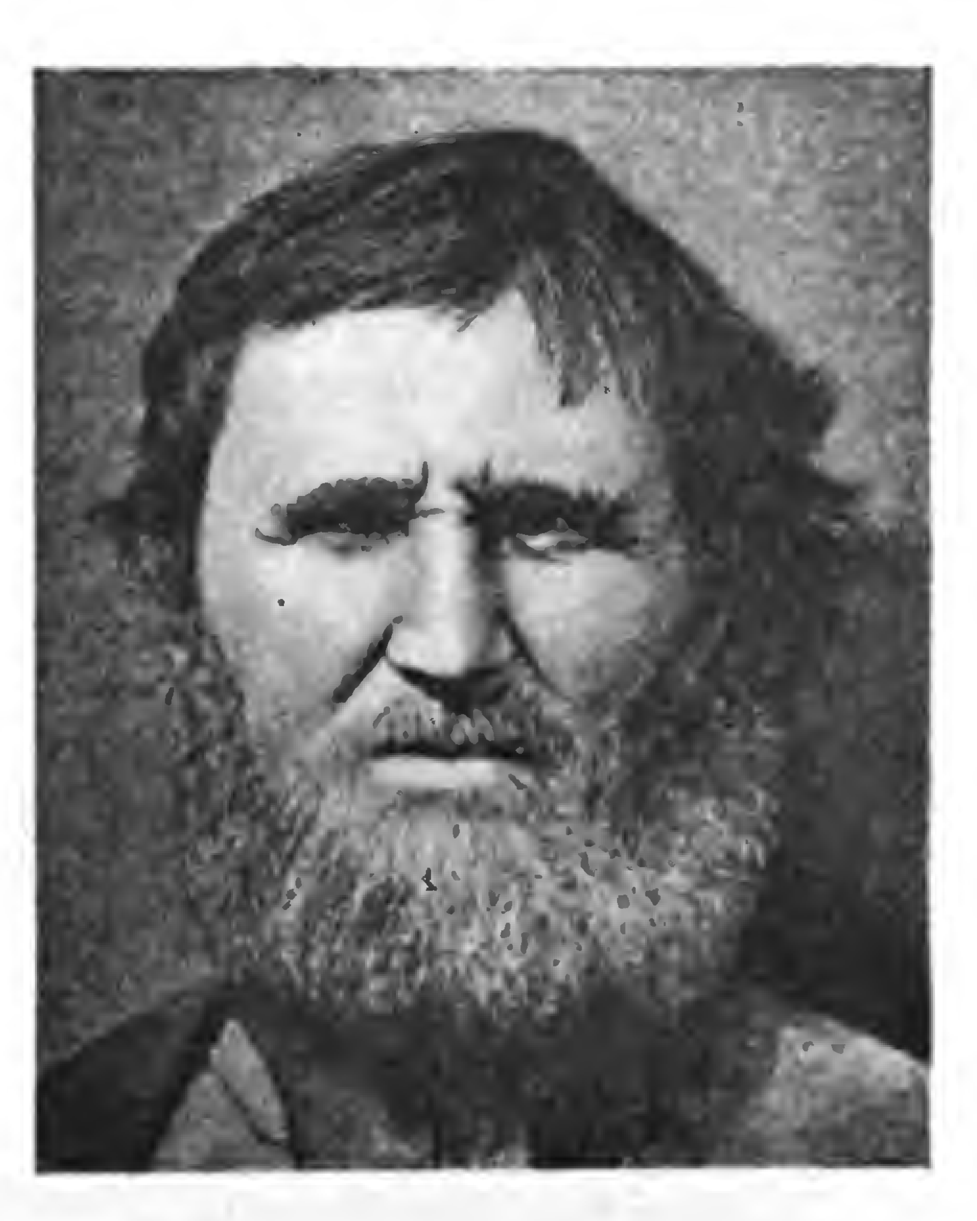
Что касается Тибета и Монголіи, то трудно сказать, до какихъ предѣловъ было доведено здѣсь дѣло присоединенія къ Россіи до войны 1904 года, такъ какъ тайна буддійскихъ монастырей позволяла дипломатамъ скрывать свои дѣйствія. Извѣстно лишь, что дворецъ Далай-Ламы, доступъ въ который такъ старательно охранялся не только отъ обыкновенныхъ путешественниковъ, но и отъ людей съ именемъ и авторитетомъ Свенъ Гедина, открытъ или, по крайней мѣрѣ, былъ открытъ для темнаго монаха, вѣрноподданнаго бѣлаго царя; извѣстно также, что государи обмѣнивались подарками, сопровождая ихъ важ-

---

1) Holderer, «Bulletin de la Société de Géographie», 2-e trimestre 1899, p. 203.

ными бумагами, въ которыхъ рѣшались, помимо ихъ воли, судьбы народовъ центральной Азіи.

Въ Монголіи—то же постоянное странствованіе благочестивыхъ ходоковъ къ великимъ кумирнямъ, которыя управляютъ кочевыми племенами, такъ какъ монголы уже не та страшная нація воинственныхъ людей, которые, охваченные страстью къ приключеніямъ, неудержимымъ потокомъ вливались въ Европу и Китай. По новѣйшимъ вычисленіямъ, подозрѣвать которыя въ преувеличеніи мы не имѣемъ никакихъ основаній, большая часть монгольскаго населенія состоитъ изъ ламъ: въ восточныхъ областяхъ родители изъ трехъ—пяти дѣтей двухъ посвящаютъ въ монахи [1]). Китайское правительство даже заинтересовано въ ежегодномъ паденіи процента рождаемости у этихъ страшныхъ монголовъ, такъ часто подвергавшихъ опасности имперію. И русскіе завоеватели, съ своей стороны, могутъ подвигаться впередъ безъ всякаго опасенія передъ этой толпой сытыхъ людей, занятыхъ исключительно духовнымъ совершенствомъ и средствами достигнуть его—молитвами, колѣнопреклоненіями, качаніемъ головы и благочестивыми жестами. Очевидно, западнымъ народамъ, представленнымъ здѣсь только русскими, нечего больше бояться, какъ ихъ предкамъ славянамъ и сарматамъ, нашествія гунновъ: это уже не тѣ монголы, которые вторгались въ Европу. Наоборотъ, это европейцы устремляются теперь на дальній Востокъ: англичане, нѣмцы, французы въ мѣста прибрежныя, русскіе въ области центральныя. Въ этомъ общемъ движеніи работа славянъ наиболѣе важна, такъ какъ европейцы, занимающіе побережныя области, не осѣдаютъ тамъ прочно: большая часть изъ нихъ живетъ въ качествѣ иностранцевъ и безъ семействъ,—въ то время какъ русскіе, идущіе изъ Сибири, обыкновенно прочно занимаютъ земли и смѣшиваются съ туземнымъ населеніемъ, постепенно его ассимилируя.



Черемисъ съ Уральскихъ горъ.

1) Marcel Monnier, «Le tour d'Asie, l'Empire de Millieu», p. 126.

Территорія желтыхъ захватывается, такимъ образомъ, окончательно и становится составной частью цивилизованнаго европейскаго міра. И, какъ бы ни были малокультурны въ своемъ большинствѣ славянскіе поселенцы въ Азіи, все же вѣрно, что въ общемъ они приносятъ съ собой европейскую мысль, т.-е. прогрессъ, стремленіе къ новымъ формамъ жизни, и стоятъ выше уровня китайской культуры, ненавидящей новизну и обращенной лицомъ къ прошлому. Двѣ послѣднія тысячи лѣтъ совершенно измѣнили взаимныя отношенія.

Вся сѣверная часть континента, Сибирь, уже стала «азіатской Россіей», и это—даже вопреки самому правительству, которое со времени Ивана Грознаго старалось создать изъ этой территоріи простой государственный доменъ, лишенный всякихъ свободныхъ сношеній съ европейскими губерніями. Вся торговля была строго монополизирована; переселеніе допускалось лишь на извѣстныхъ условіяхъ и лишь въ опредѣленныя области, да оно и велось, главнымъ образомъ, только шайками бѣглецовъ, ускользнувшихъ отъ рабства. Долины Алтая были всѣ безъ исключенія закрыты даже для свободныхъ крестьянъ. Вся область была государственнымъ доменомъ, населеннымъ рабами, которыхъ держали тамъ для непосредственной эксплуатаціи рудниковъ. Вся остальная часть страны вообще разсматривалась какъ большая тюрьма, гдѣ, смотря по важности преступленія и степени вины, правительство распредѣляло наказанія, однихъ отправляя въ постоянную ссылку, другихъ осуждая на временное пребываніе въ крѣпости, третьихъ на принудительныя работы въ рудникахъ или на каторгу. Десятки тысячъ несчастныхъ преступниковъ, бродягъ и осужденныхъ политическихъ, лучшихъ людей страны, изгнанныхъ изъ Россіи, вели съ этапа на этапъ черезъ Уральскій хребетъ и разселяли по безграничной сибирской равнинѣ вплоть до ледяныхъ тундръ сѣвернаго берега. Но, населяя Сибирь своими политическими врагами, правительство рисковало развить въ сибирякахъ сепаратистическія стремленія, и возможно, что послѣдніе и сдѣлали бы попытку добиться независимости, если бы туземное населеніе — монгольскаго, тюркскаго, маньчжурскаго происхожденія — не успѣло уже самымъ тѣснымъ образомъ слиться съ индифферентной частью русскаго населенія и образовать вмѣстѣ съ ней одну инертную массу, способную подчиниться всякому рабству.

Впрочемъ, Сибирь была связана съ Европейской Россіей также нѣкоторыми матеріальными узами, порвать которыя было весьма трудно, такъ какъ все населеніе было заинтересовано въ ихъ сохраненіи. Этой связью, которая поддерживала политическое единеніе европейской и азіатской странъ, являлась большая дорога, тр а к т ъ, который соединялъ Уралъ между Пермью и Екатеринбургомъ съ Байкальскимъ озеромъ и Амуромъ. Подъѣздные пути съ обширной т а й г и, просѣки въ «черномъ» лѣсу, мосты черезъ ручьи, паромы черезъ большія рѣки связывали одной

линіей, тянущейся на много тысячъ верстъ, отдѣльные слѣды человѣческаго жилья, раздѣленные песками, болотами и горами. Длинные ряды телѣгъ или саней, смотря по времени года, медленно тянулись по безконечной дорогѣ, и послѣ недѣль или мѣсяцевъ странствованій путешественники и купцы все-таки достигали, наконецъ, мѣста своего назначенія. На извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга были расположены мѣста остановокъ, которыя въ то же время служили и рынками, мѣстомъ встрѣчи для жителей, а въ наиболѣе благопріятно лежащихъ вдоль тракта мѣстностяхъ на продолженіи нѣсколькихъ верстъ тянулись ряды домовъ. Вдоль тракта же возникли всѣ города южной Сибири, кромѣ, впрочемъ, тѣхъ пунктовъ, гдѣ появились людскіе поселки до проведенія тракта. На картахъ, показывающихъ сравнительную густоту населенія на километръ, любопытно видѣть, какъ стянулось населеніе къ этой важной артеріи, которая является настоящимъ продолженіемъ Европы въ континентальныхъ странахъ Азіи.

Русскіе соціалисты, приговоренные къ каторжнымъ работамъ.

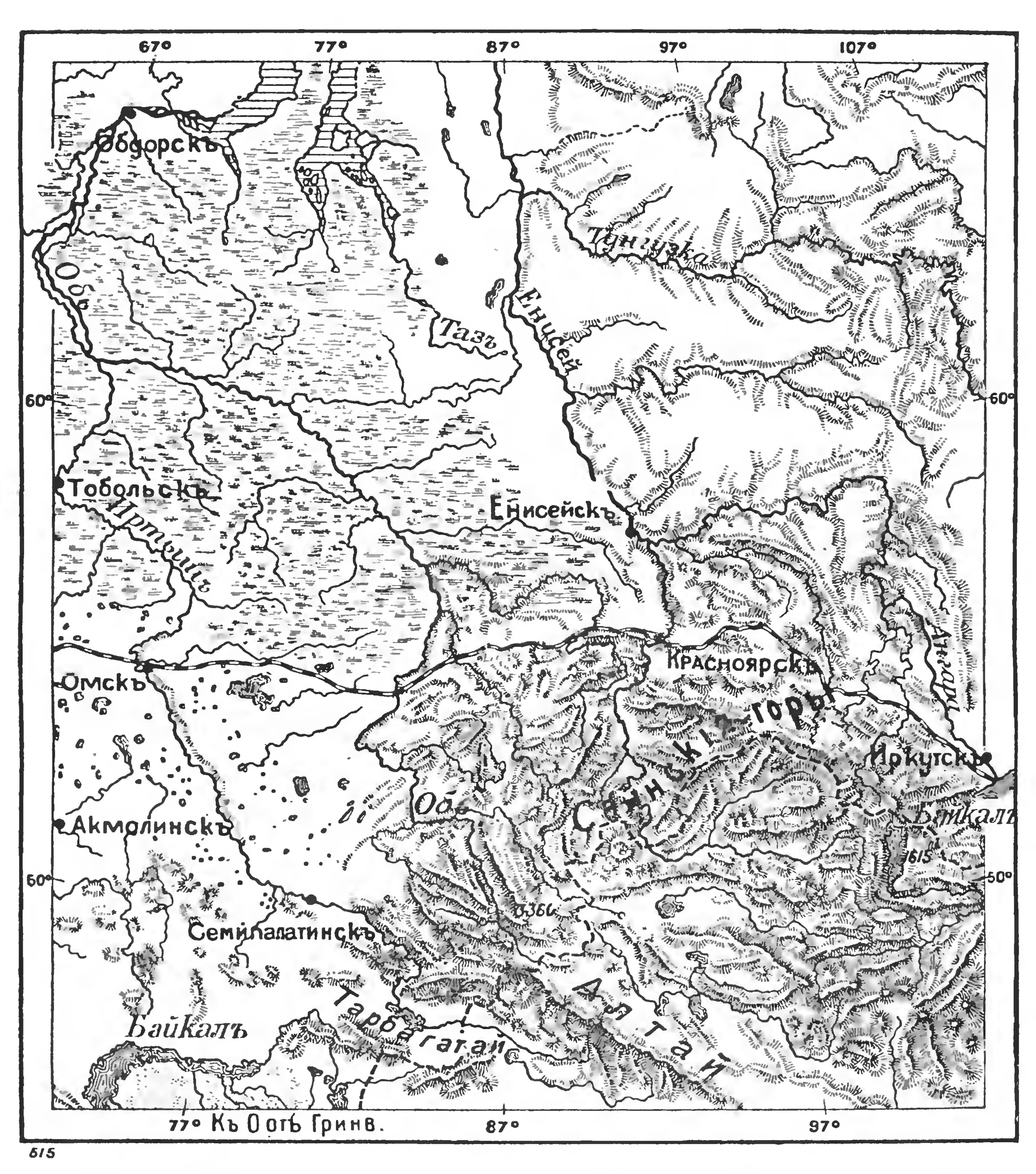
Для исторіи міровой цивилизаціи трактъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ даже рѣки, эти превосходныя средства сообщенія: Обь, Енисей, Лена и ихъ многочисленные притоки. Дѣйствительно, трактъ тянется съ запада на востокъ, составляетъ чуть ли не половину пути между Тихимъ и Атлантическимъ океанами, въ то время какъ рѣки всѣ текутъ въ одномъ направленіи на сѣверъ, въ области необитаемой тайги. Но и они, эти мощные потоки воды, во

всей южной части ихъ сѣти стали мѣстомъ оживленнаго движенія благодаря пароходному сообщенію, которымъ можно пользоваться въ ту часть года, когда рѣки свободны ото льда. Даже въ своей сѣверной части Обь и Енисей, мало-по-малу, открываются для торговли съ Европой. Этотъ «путь на востокъ» или на «сѣверо-востокъ», котораго такъ долго искали англійскіе и голландскіе моряки, и который передъ экспедиціей, на вѣки прославившей имя Норденшильда, сталъ считаться уже невозможнымъ, въ недалекомъ будущемъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается даже легкимъ и будетъ имѣть дѣйствительное экономическое значеніе для міровой торговли, такъ какъ препятствія, нѣкогда непреодолимыя, все же могутъ быть устранены. Прежде всего условія климата, положеніе льдовъ будутъ лучше изучены, и движеніе ихъ будетъ легче предвидѣть, а лучшее устройство кораблей, ихъ бо̀льшая приспособленность къ этому дадутъ возможность морякамъ пробиваться и переправляться черезъ сплошные льды. Когда развитіе торговли въ сибирскихъ рѣкахъ сдѣлаетъ необходимымъ сообщеніе по морю, то найдутся люди, которые проложатъ этотъ путь.

Свое относительное значеніе трактъ утратилъ со времени проведенія сибирской желѣзной дороги, по которой теперь въ нѣсколько часовъ вагоны пробѣгаютъ большее разстояніе, чѣмъ то, которое проходили прежде обозы, пожалуй, въ такое же число дней; но все же онъ не сталъ отъ того менѣе необходимъ для мѣстной торговли. Конечно, жизнь разовьется болѣе энергично въ городахъ, которые отстоятъ на небольшомъ разстояніи отъ новой дороги, и которые почти внезапнымъ переворотомъ очутились въ сферѣ притяженія великихъ европейскихъ государствъ. Портъ Сибири на Тихомъ океанѣ, Владивостокъ, оффиціально служитъ конечной станціей желѣзной дороги Евразіи, но уже боковая линія, отошедшая отъ главной, идетъ на югъ, чтобы достигнуть Печилійскаго залива и Корейскаго моря, гдѣ климатъ болѣе благопріятенъ, и гдѣ нѣтъ надобности бояться замерзанія портовъ зимой. Дальній, пріобрѣтенный Россіей во время кратковременнаго распространенія ея власти на Маньчжурію, и Портъ-Артуръ, на краю выдающагося въ море полуострова Ляо-Туна,—оба эти города образуютъ вмѣстѣ нѣчто цѣлое: одинъ приморскій городъ съ торговымъ и военнымъ портами, съ арсеналами и доками. Чтобы достигнуть этихъ новыхъ городовъ, расположенныхъ въ области, если не настоящей китайской, то, по крайней мѣрѣ, конфуціанской культуры, нужно было пересѣчь горы, долины и рѣки Маньчжуріи и построить тамъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга не только желѣзнодорожныя станціи, но также укрѣпленія и города, въ которыхъ моментально скопилось населеніе. Какъ могли притворяться дипломаты, будто они вѣрятъ въ будущую эвакуацію Маньчжуріи, отъ оккупирующихъ ее русскихъ войскъ, которыя должны были охранять тамъ цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ и расположенные на нихъ города.

Правда, русскіе обязались очистить маньчжурскія поля, лишенныя дорогъ, но это привело въ результатѣ лишь къ возможно большей

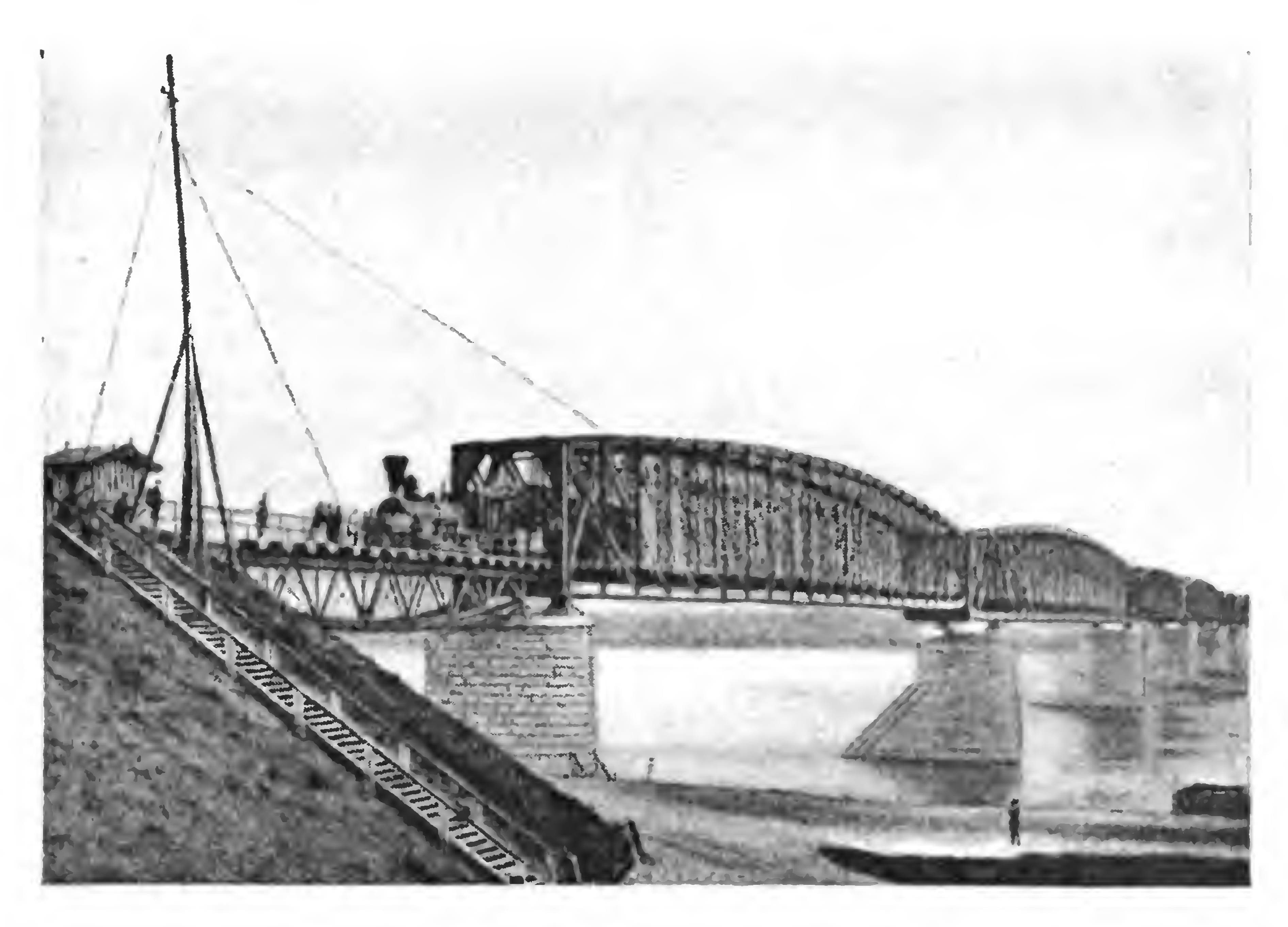
№ 515. Центральная Сибирь.



концентраціи войскъ на стратегическихъ пунктахъ. Вѣдь это все равно, что оставить себѣ въ рудникахъ однѣ лишь рудоносныя жилы.

Переворотъ, который совершила въ жизненномъ обращеніи на земномъ шарѣ эта новая дорога, скоро дастъ почувствовать свое зна-

ченіе. Сибирская дорога служила сначала только для перевозки войскъ: стратегическіе интересы стояли впереди всякихъ соображеній о національной или интернаціональной пользѣ, да, кромѣ того, и само первоначальное состояніе пути, шаткіе мосты, недостатокъ подвижного состава, не давало возможности организовать постоянное торговое сообщеніе и регулярную перевозку людей и товаровъ. Затѣмъ, для облегченія путешествій людей привилегированныхъ классовъ, сочли возможнымъ устроить



Желѣзнодорожный мостъ черезъ Обь.

роскошные поѣзда прямо изъ Калэ въ Пекинъ; перемѣна въ направленіи и для смѣшенія различныхъ этническихъ элементовъ будетъ весьма значительная, такъ какъ, конечно, экономія въ деньгахъ и времени заставитъ предпочитать прямую дорогу по одному пути длинному плаванію вокругъ Азіи. Но сила вещей создастъ скоро и демократическое пользованіе новой дорогой, а затѣмъ безъ труда начнется постоянное передвиженіе взадъ и впередъ эмигрирующихъ рабочихъ изъ Европы въ Азію и изъ Азіи въ Европу,—передвиженіе, не менѣе важное по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ прежніе набѣги гунновъ или монголовъ.

А, между тѣмъ, эти первые результаты, хотя и имѣютъ огромное историческое значеніе, все же представляютъ собою не болѣе какъ слабый зачатокъ; вѣдь сибирская желѣзная дорога не слѣдуетъ тому прямому напра-

вленію, по которому взаимное притяженіе націй создаетъ главныя линіи сообщенія между Европой и Азіей.

Прежде всего, самъ Китай продолжаетъ расширять свою желѣзнодорожную сѣть, что должно удвоить, удесятерить его способность противостоять Европѣ и, что, кромѣ того, должно измѣнить всю соціальную жизнь потомковъ хана: вѣдь въ этой обширной странѣ весь транспортъ совершался по превосходной рѣчной системѣ путей, путешественники же идутъ обыкновенно пѣшкомъ, такъ что большія проѣзжія дороги здѣсь гораздо

Деревня Юзола, на трактѣ, близъ Иркутска.

менѣе важны, чѣмъ тропинки, часто очень экономно проложенныя по верху рѣчныхъ запрудъ и плотинъ; даже въ гористыхъ мѣстностяхъ дорогами служатъ нерѣдко лѣстницы по откосамъ горъ: сотни, тысячи ступеней ведутъ съ нижнихъ равнинъ на верхнія пастбища, орошаемыя дождемъ или покрытыя снѣгомъ. На главной дорогѣ, соединяющей долину Уанъ, по Янгъ-тзе, съ Ченгъ-ту, столицей Сечуена, всѣ восхожденія на горы совершаются, такимъ образомъ, при помощи гранитныхъ ступеней, расположенныхъ одна надъ другой по бокамъ скалъ: холмъ Ченъ-кіа-чао, высотою въ 835 метровъ представляетъ собой роскошную лѣстницу въ пять тысячъ ступеней [1]).

Преобразованіе всѣхъ этихъ сооруженій,—преобразованіе, которое

[1]) Isabelle Bishop, «Journal of R. Geographical Society», July 1897, стр. 21.

въ Европѣ длилось столѣтія, а въ Китаѣ будетъ дѣломъ нѣсколькихъ десятилѣтій, сдѣлаетъ необходимой въ очень неотдаленномъ будущемъ прямую связь Европы и восточной Азіи посредствомъ дорогъ, проходящихъ съ сѣвера и съ юга Тянь-шаня. Древнія дороги, по которымъ двигались караваны, снова возобновятся въ современной формѣ, имѣя своей исходной точкой центральный Китай, жизненнымъ нервомъ котораго служитъ, главнымъ образомъ, верхній изгибъ Хуанъ-хэ около большого поворота Ланъ-чей. Несмотря на свою политику завистливаго одиночества, и противъ воли своихъ правителей, Россія неизбѣжнымъ образомъ станетъ мѣстомъ самаго оживленнаго сношенія между двумя частями Стараго Свѣта. Эта самая страна, которая до современной эпохи зрѣла, такъ сказать, безъ свободнаго сообщенія съ моремъ, будетъ теперь обладательницей главныхъ перекрестныхъ станцій великой интернаціональной дороги между Западомъ и Востокомъ: можно впередъ указать эти наиболѣе значительные пункты.

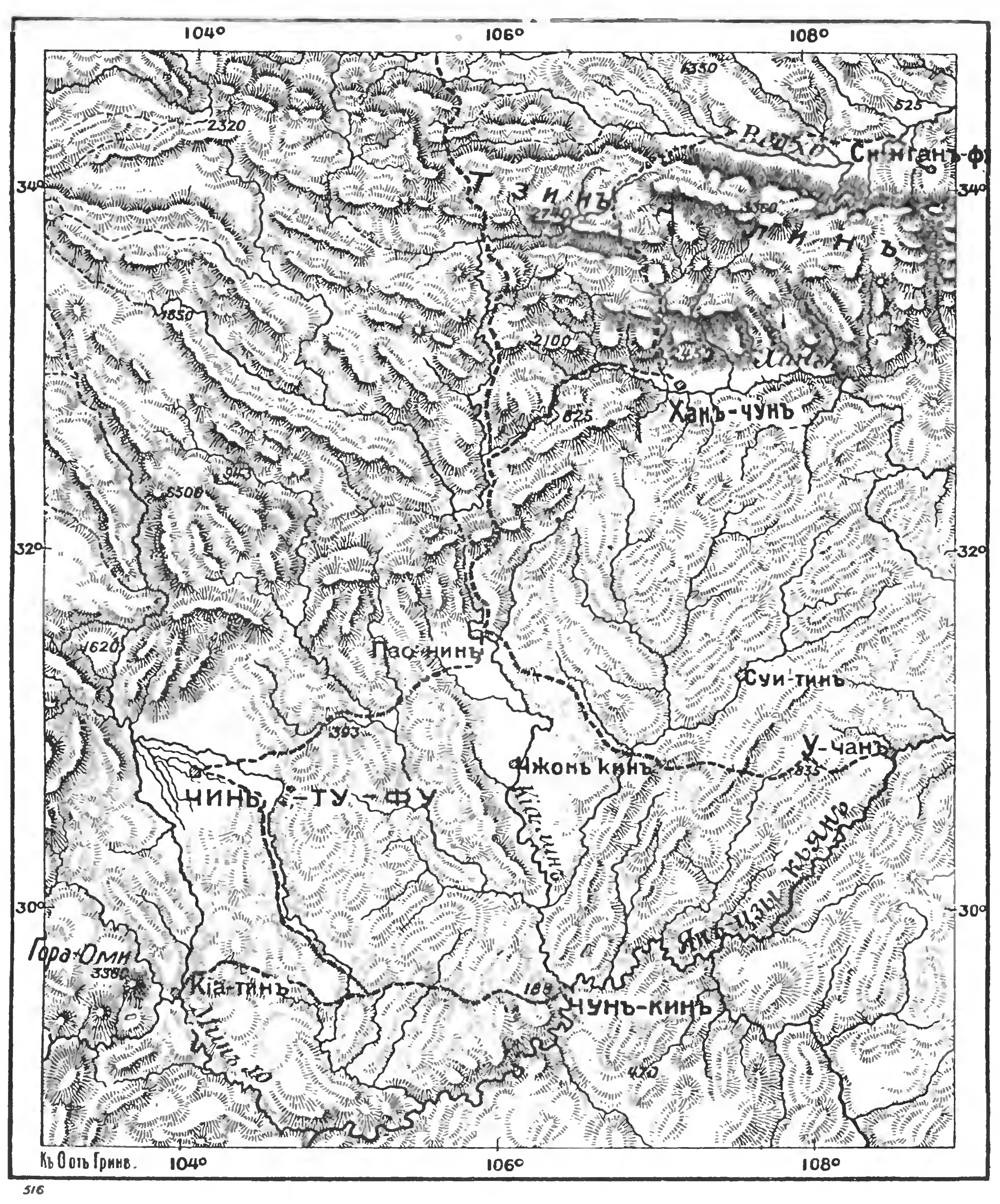
Но, съ политической точки зрѣнія, развѣ не бросается сразу въ глаза, что это экономическое преимущество Россіи въ области азіатскихъ путей сообщенія будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что вся часть Китая къ сѣверу отъ Желтой рѣки будетъ открыта для предпріимчивости западной имперіи? Дѣйствительно, настоящая столица Срединнаго Царства расположена въ сѣверной части Китая въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ точкѣ перекреста большихъ дорогъ, идущихъ изъ Монголіи и Маньчжуріи къ равнинамъ и Хуанъ-хэ. Этого и требовали условія защиты, но теперь китайцы имѣютъ врага, который можетъ ихъ атаковать не только съ фронта, со стороны Маньчжуріи и Монголіи, но также и сбоку, со стороны дорогъ, идущихъ изъ Тянь-шаня и Памира. Эти совершенно непредвидимыя обстоятельства въ корнѣ измѣнили значеніе географическихъ условій.

Однако, Китаю приходится уже не одному защищать угрожаемыя позиціи своей территоріи. Наступающая Россія встрѣчаетъ здѣсь тѣхъ же соперниковъ, что и въ Малой Азіи, въ Персіи, въ Афганистанѣ, на рубежѣ Тибета: на огромномъ протяженіи границъ имперіи вездѣ разыгрываются конфликты между Англіей и Россіей. Въ Китаѣ эта борьба, кромѣ того, особенно осложнилась благодаря вмѣшательству въ нее всѣхъ державъ міра, во главѣ съ Японіей, затѣмъ Франціей, Германіей вплоть до маленькой Бельгіи, такъ какъ здѣсь всѣ заинтересованы либо въ территоріи, либо въ торговлѣ или концессіяхъ.

Но если бы даже Китай былъ завоеванъ, занятъ иностранными солдатами и регулярно управлялся европейскими чиновниками, онъ не пересталъ бы отъ того быть Китаемъ по нравамъ и образу мыслей его жителей. Подобно тому, какъ Италія, подчиненная испанскимъ королямъ, германскимъ или австрійскимъ императорамъ, республиканскимъ и импе-

раторскимъ войскамъ Франціи, не перестала отъ этого быть по своей территоріи «географическимъ терминомъ», очень точно ограниченнымъ,

№ 516. Провинція Сечуенъ.



а по своему населенію «этнографической личностью», очень характерной, точно такъ же и Китай подвергался неоднократно вторженіямъ, и это, конечно, произвело въ немъ нѣкоторыя измѣненія, но все же эти

удары, во всякомъ случаѣ, не уничтожили его національнаго характера. Онъ обладаетъ той непобѣдимой силой, которую даетъ терпѣніе, а время всегда кончаетъ тѣмъ, что даруетъ побѣду послѣднему. Даже за предѣлами Китая, тамъ, гдѣ возникли китайскія колоніи, онѣ вездѣ не перестаютъ увеличиваться, не ассимилируются окружающими ихъ чужими народностями; онѣ всегда стремятся образовать отдѣльныя поселенія, въ опредѣленномъ кварталѣ и даже въ особомъ городѣ. Такъ, около Сайгона китайцы построили цѣлый городъ хижинъ и бараковъ, покрытый сѣтью естественныхъ каналовъ, по которымъ скользятъ джонки и паромы. Они вполнѣ у себя здѣсь дома и, во всякомъ случаѣ, болѣе прочно, чѣмъ ихъ сосѣди въ Сайгонѣ, французскіе солдаты и чиновники.

Впрочемъ, чрезвычайная сила сопротивленія, оказываемаго китайцами противъ всякихъ попытокъ ассимилировать ихъ чужими народностями, настолько извѣстна, что именно въ ней надо искать причины тѣхъ затрудненій, какія существуютъ для пребыванія китайцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи. Здѣсь боятся, что въ общей борьбѣ націй солидарность ихъ инстинктовъ и интересовъ дастъ китайцамъ слишкомъ крупное преимущество. Что дѣлаетъ Китай особенно сильнымъ, это именно его кажущаяся слабость. У него нѣтъ той политической связи, которая достигается единствомъ правительства и сильной централизаціей, но зато каждая отдѣльная ячейка великой китайской имперіи совершенно похожа на другую по своему моральному складу, тенденціямъ и образу жизни. У каждой группы семействъ тѣ же мысли, тѣ же идеалы, та же сила сопротивленія всякимъ новшествамъ. Когда всѣ части корабля отдѣлены другъ отъ друга водонепроницаемыми переборками, то что за бѣда, если одна изъ нихъ получитъ пробоину [1]?

Даже китайцы стараго корня сохранили по отношенію къ внѣшнему міру, въ томъ числѣ и къ Европѣ, ихъ силу нравственной иниціативы. Для этихъ философовъ-консерваторовъ иностранцы не являются непремѣнно «варварами», какими были для грековъ всѣ народности, живущія за предѣлами эллинскаго микрокосма: нѣтъ, они видятъ въ нихъ лишь людей, еще непонявшихъ главныхъ принциповъ, на которыхъ покоится «Небесное Царство». Слѣдовательно, обязанность китайцевъ состоитъ въ томъ, чтобы словомъ и примѣромъ преподать своимъ сосѣдямъ настоящее пониманіе вещей. Поэтому не удивительно, что китайцамъ, руководимымъ этой унитарной теоріей, не извѣстна европейская идея «отечества», и что въ ихъ языкѣ нѣтъ даже соотвѣтственнаго слова [2].

Дѣйствительнымъ отечествомъ для нихъ является весь міръ, кото-

---

1) Marcel Monnier, «Le tour d'Asie, l'Empire du Milieu». 2) «Léon de Rosny, Publ. de la Soc. d'Ethnographie».

рый понялъ, наконецъ, подобно самимъ китайцамъ, нормальное устройство семьи и общества.

Тѣмъ не менѣе, все возрастающая измѣнчивость личности и потрясеніе, даже разрушеніе семьи, какъ слѣдствіе этой измѣнчивости, готовятъ народамъ Крайняго Востока политическую и соціальную революцію, болѣе значительную, чѣмъ современные перевороты въ Западной

Одна изъ главныхъ улицъ Мукдена.

Европѣ, подготовляемые мелкими революціями въ продолженіе столѣтій. Цивилизація Китая и странъ, находящихся въ духовной зависимости отъ него, какъ, напримѣръ, Тонкинъ и Кохинхина, всецѣло покоится на единствѣ семьи, объектѣ настоящаго культа: китайская семья—это религія китайцевъ, въ этомъ и смыслъ ихъ политической жизни. Община здѣсь—попросту союзъ семействъ, какъ государство—союзъ общинъ. Отсюда эта страшная сила сопротивленія, которую оказываетъ восточная цивилизація всякимъ попыткамъ новаторовъ и давленію милліонеровъ, купцовъ и завоевателей западныхъ странъ. И все же она должна будетъ уступить, такъ какъ она противорѣчитъ новымъ условіямъ окружающей среды.

Не подлежитъ сомнѣнію, что китайская цивилизація отчасти уже

изжила себя, и что, слѣдовательно, народъ находится въ стадіи регресса, поддерживаемой цѣлой сѣтью суевѣрій, которыми «дѣти хана» позволили себя окружить, и которые съ теченіемъ лѣтъ не переставали возрастать. У китайца нѣтъ свободы ума, какъ у человѣка, увѣреннаго въ себѣ и познавшаго радость дѣятельности. Въ своей работѣ онъ ограниченъ,

№ 517. Пекинъ и Желтое море.

какъ «хризалида въ своемъ коконѣ». Онъ не смѣетъ дѣйствовать самъ: каждый его шагъ регулируется гадателями и предсказателями судьбы; имъ управляютъ гаданія по землѣ, некромантія, тысячи привидѣній въ воздухѣ и на водѣ. Даже свободные умы свободны лишь по видимости; хоть

и придавъ себѣ развязный видъ, они все же никогда не осмѣлятся на поступокъ, запрещенный въ данномъ мѣстѣ, времени и обществѣ предска-

№ 518. Полуостровъ Ляо-Тунъ.

заніями. Этимъ объясняется, почему китайцы такъ часто не являются на условленныя свиданія; они сами огорчены и первые извиняются, но сама судьба заставила ихъ не сдержать даннаго слова: они не могли идти навстрѣчу несчастью, имъ предсказанному [1]).

1) Marc Monnier, «Le Tour d'Asie, L'Empire du Milieu», pp. 360, 361.

Большая часть путешественниковъ, которые изучали китайскіе нравы, разсказываетъ съ удивленіемъ о суевѣріи туземцевъ, какъ-будто бы большинство среднихъ европейцевъ не предается въ той же степени тѣмъ же галлюцинаціямъ и обрядамъ. Главная разница между суевѣріемъ Востока и Запада лишь та, что первое, если можно такъ выразиться, болѣе откровенно. Китайцы не окружаютъ его массой религіозныхъ церемоній, признаваемыхъ оффиціальной церковью; но въ сущности дѣло не мѣняется отъ того, получаютъ ли амулеты изъ рукъ ставленнаго священника, или изъ рукъ некроманта, сидящаго въ центрѣ: какъ въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ этотъ амулетъ—либо обрывокъ матеріи, либо медаль, либо кусокъ нефрита, или осколокъ кости, отъ которыхъ ожидаютъ благополучія. Внѣшняя форма различна, но какъ европеецъ, такъ и китаецъ, легко поддаются чувству страха, и, переставая тогда здраво относиться къ дѣлу, онъ прибѣгаетъ къ помощи всевозможныхъ фетишей, которые защитили бы его отъ ударовъ судьбы.

Другое различіе въ частностяхъ между суевѣріями Востока и суевѣріями Запада заключается въ томъ, что китайскія вѣрованія ближе къ природѣ, чѣмъ европейскія. Различные нечистые духи, которые играли значительную роль въ миѳологіи христіанскихъ народовъ, какъ, напримѣръ, черти, привидѣнія, вампиры, оборотни, — всѣ они вызываютъ менѣе ужаса въ Китаѣ, вѣроятно, потому, что культъ предковъ, поддерживаемый въ странѣ съ большимъ рвеніемъ, далъ мысли болѣе мирное направленіе. Предкамъ не приходится жаловаться на своихъ потомковъ, которые воздвигаютъ имъ богатыя гробницы и приносятъ обильныя жертвы; но силы Земли, всегда таинственныя и внушающія благоговѣйный трепетъ, нерѣдко могутъ быть оскорблены человѣкомъ, причемъ онъ самъ, столь ничтожный въ сравненіи съ ихъ могуществомъ, можетъ и не знать, въ чемъ собственно его вина: отсюда—дорого стоющія церемоніи, частыя молитвы и различные обряды, во время которыхъ не приходится, правда, имѣть дѣло съ священниками въ собственномъ смыслѣ слова, но съ различными заклинателями земли, заклинателями воды, цѣлыми сотнями всевозможныхъ шарлатановъ, болѣе или менѣе искреннихъ, которые въ совокупности представляютъ полный эквивалентъ духовенства. Необходимо, во что бы то ни стало, умилостивить великихъ фетишей, которые олицетворяютъ силы feng-choui, «воздуха и земли»,—т.-е. совокупности всѣхъ условій среды, силы великаго дракона; иными словами—силы живой земли со всѣмъ, что движется на ея поверхности и въ ея глубинахъ [1]). Чтобы жить въ гармоніи съ этими силами, чтобы согласовать проявленія собственной жизни, каждое свое дѣйствіе съ явленіями природы, необходимо обладать всею полнотою знанія, всѣми

1) M. J. Matignon, «Supérstition, Crime et Misère en Chine», p. 6 ss.

наукамн; но у китайца такихъ знаній не больше, чѣмъ у другихъ лю-

Китайская гостиница.—Обѣдъ кули.
По рисунку М. Жервэ Куртеллемана.

дей: онъ обладаетъ только эмпиризмомъ, болѣе или менѣе основаннымъ на опытѣ и наблюденіи дѣйствительности.

Нѣкоторые писатели высказывали мысль, что китаецъ и европеецъ не могутъ достигнуть взаимнаго пониманія въ области мысли и чувства: всякое кажущееся согласіе неминуемо окажется недоразумѣніемъ, такъ какъ даже сами слова не поддаются переводу съ китайскаго на европейскій и обратно. Это отчасти вѣрно, но только для извѣстнаго времени, по отношенію ко всѣмъ народамъ, ко всѣмъ различнымъ общественнымъ соединеніямъ. Сначала взаимное пониманіе невозможно, затѣмъ оно становится труднымъ, неполнымъ, обманчивымъ, а, въ концѣ концовъ, оно дѣлается полнымъ сперва между единичными личностями, затѣмъ оно мало-по-малу охватываетъ болѣе обширный кругъ лицъ, наиболѣе передовыхъ представителей расы, націи или данной профессіи. По мѣрѣ того какъ умножаются пункты соприкосновенія, увеличивается взаимное пониманіе: въ концѣ концовъ, обѣ націи проникаются не только мыслью другъ друга, но и сближаются инстинктомъ. Однако, необходимо, чтобы между ними существовала симпатія, естественное влеченіе: купецъ, который видитъ въ своихъ сношеніяхъ только источникъ барышей; миссіонеръ, который ограничивается крещеніемъ умирающихъ съ тѣмъ, чтобы препроводить ихъ въ рай; военный, который заслуживаетъ знаки отличія, прокалывая животы китайцамъ—всѣ эти люди, конечно, не внесутъ ничего положительнаго, въ смыслѣ сближенія геніевъ Востока и Запада и сліянія ихъ въ болѣе высокую, истинно-человѣческую степень взаимнаго пониманія. Европейская промышленность, которая завладѣваетъ Китаемъ, несомнѣнно сдѣлаетъ много въ смыслѣ достиженія болѣе тѣснаго единенія, такъ какъ управленіе всѣми этими революціонизирующими орудіями, которыя мы называемъ пароходами, локомотивами, динамомашинами, и поддержаніе ихъ находится въ рукахъ китайскихъ рабочихъ. Мало того, наука, истинная наука, построенная на опытѣ, на наблюденіи, на сравненіи, проникаетъ уже въ китайскія школы. Географы Чжунъ-хуа-го—«Срединнаго цвѣтущаго государства»—рѣшаются уже перестать вѣрить тому, что Китай представляетъ собою чуть ли не единственную обитаемую страну въ мірѣ, и что «варвары» занимаютъ въ немъ только отдаленные «уголки». Всѣ тѣ, кто пріобрѣтаетъ знанія, измѣняютъ свои взгляды на вещи, расширяютъ свой умственный кругозоръ: къ твореніямъ Конфуція и другихъ мыслителей они присоединяютъ изученіе работъ экономистовъ и ученыхъ Запада; они доходятъ даже до реформы своихъ медицинскихъ пріемовъ, хотя европейскіе врачи и не могутъ еще дать имъ вѣрныхъ методовъ лѣченія для каждаго случая въ отдѣльности. Все измѣняется и перерождается: музыка нашихъ европейскихъ артистовъ, которая считалась совершенно недоступной для китайцевъ, въ концѣ концовъ, побѣдила ихъ косность, и въ настоящее время Кантонъ, Шанхай, Фу-чеу умѣютъ уже цѣнить по достоинству «музыку будущаго».

Изъ всѣхъ державъ, которыя въ настоящее время оспариваютъ другъ у друга клочки китайской земли, существуютъ въ дѣйствительности только двѣ, территоріальныя пріобрѣтенія которыхъ такого рода, что даютъ другой національности возможность оказать сильное воздѣйствіе на мѣстное населеніе и поглотить его. Указанныя державы—это Россія и Японія, владѣнія которыхъ смежны съ Поднебесной имперіей; благодаря постоянному проникацію въ Китай ихъ выходцевъ и нравовъ благодаря бракамъ, этимъ державамъ удается воздѣйствовать на психологію попавшихъ въ сферу ихъ вліянія китайцевъ и даже измѣнить ихъ политическое сознаніе. Аналогичныхъ результатовъ очевидно не удастся достигнуть Франціи, какого бы протяженія ни достигли со временемъ ея захваты въ южныхъ провинціяхъ: китайскіе подданные останутся китайцами. Великобританія, несмотря на все свое вліяніе на равновѣсіе торговаго рынка, отнюдь не задается мыслью англизировать китайцевъ, передъ которыми, впрочемъ, большинство великобританскихъ колоній закрываетъ свои двери. По той же причинѣ Соединенные Штаты едва ли могутъ имѣть успѣхъ въ Китаѣ и сблизиться съ тѣми самыми людьми, противъ которыхъ они ведутъ столь оскорбительную политику у себя дома, на территоріи американской федераціи. Наконецъ, Германія, несмотря на дисциплинированность своихъ солдатъ и чиновниковъ, не передѣлаетъ китайцевъ въ нѣмцевъ: она останется въ глазахъ китайцевъ державой завоевательницей и повелительницей, представленной группой господъ, которыхъ всегда будутъ считать иностранцами и которыхъ всегда будутъ ненавидѣть, если политика ихъ не приметъ иного направленія.

Что касается Россіи, то дѣло обстоитъ иначе. Владѣнія ея тянутся вдоль китайской границы; здѣсь наблюдаются такія характерныя черты, которыя дѣлаютъ ее похожею на Поднебесную имперію. Россія приближается къ границѣ со всей своей свитой азіатскихъ народовъ: бурятовъ и маньчжуровъ, киргизовъ и монголовъ; все это потомки тѣхъ ордъ, которыя признавали нѣкогда верховную власть желтолицаго императора и которыя нынѣ припадаютъ къ стопамъ «бѣлаго царя». Матеріальное тѣсное, народное сближеніе происходитъ безъ труда между всѣми этими этническими элементами; тогда какъ русское вліяніе, въ собственномъ смыслѣ слова, обусловливается земледѣльческой колонизаціей береговъ Амура и Уссури, проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, постройкой городовъ и открытіемъ школъ.

Съ той стороны, гдѣ вліяніе Россіи сказывалось наиболѣе сильно, характеръ постепеннаго проникновенія его, понятно, нѣсколько измѣнился за послѣдніе два года (1905). Воспоминаніе о нѣсколькихъ тысячахъ китайцевъ—говорятъ о пяти тысячахъ,—связанныхъ попарно и утопленныхъ въ 1904 году подъ Благовѣщенскомъ, не такъ-то скоро

изгладится изъ сознанія сыновъ Поднебесной имперіи. Но на всемъ протяженіи Монголіи и Туркестана,—на протяженіи 25000 километровъ, съ птичьяго полета, между Амуромъ и Аму-Дарьей,—взаимныя отношенія наличныхъ этническихъ элеметовъ едва ли претерпѣли существенныя измѣненія со времени пораженій русскихъ на Ляотунскомъ полуостровѣ и въ долинѣ Ляо-хе. По ту и другую сторону оффиціальной границы родственные элементы населенія сближаются и входятъ въ сферу русской цивилизаціи.

Аналогичными преимуществами въ своихъ отношеніяхъ съ Китаемъ обладаетъ Японія. Формоза, острова Кіу-Сіу, Пескадорскіе, крупныя завоеванія Японіи,—примыкаютъ къ имперіи Восходящаго Солнца такимъ же образомъ, какъ и большіе Японскіе острова, въ собственномъ смыслѣ, примыкаютъ одинъ къ другому; японцы, которые въ большомъ числѣ переселяются на эти захваченныя земли, оказываютъ, благодаря своей превосходной культурѣ, сильное ассимилирующее вліяніе на туземное населеніе. Въ настоящее время Японія стремится достигнуть такихъ же результатовъ въ Китаѣ; при этомъ она является инструкторомъ, побудителемъ; она становится необходимой въ качествѣ передатчика европейской цивилизаціи. Японія старается настолько приспособиться къ новому порядку вещей, чтобы при случаѣ имѣть возможность присоединить къ себѣ безъ труда добрую часть Китая, или же соединиться съ нимъ въ одну федерацію Востока, достаточно могущественную, чтобы имѣть перевѣсъ надъ государствами Запада. Среди иностранцевъ, которые устремляются въ настоящее время въ Китай, японцы занимаютъ по численности первое мѣсто; равнымъ образомъ, китайская молодежь отправляется преимущественно въ японскія школы, чтобы пріобщиться тамъ къ европейской наукѣ. Кто знаетъ, быть-можетъ, желтолицые изъ Китая научатся въ этихъ школахъ быть солдатами такъ же точно, какъ таковыми стали желтолицые Японіи? Къ сожалѣнію, не трудно, при помощи специфическаго воспитанія, вернуть мирнаго гражданина къ грубой жизни примитивнаго царства насилья, превратить земледѣльца въ вояку. «Сыны неба» говорятъ о своихъ солдатахъ, что они «бумажные тигры»; но хотя бы ихъ къ этому и мало понуждали, однако, изъ нихъ, въ концѣ концовъ, конечно, можно сдѣлать «настоящихъ тигровъ» [1]). Вотъ гдѣ заключается большая опасность въ случаѣ новыхъ международныхъ столкновеній.

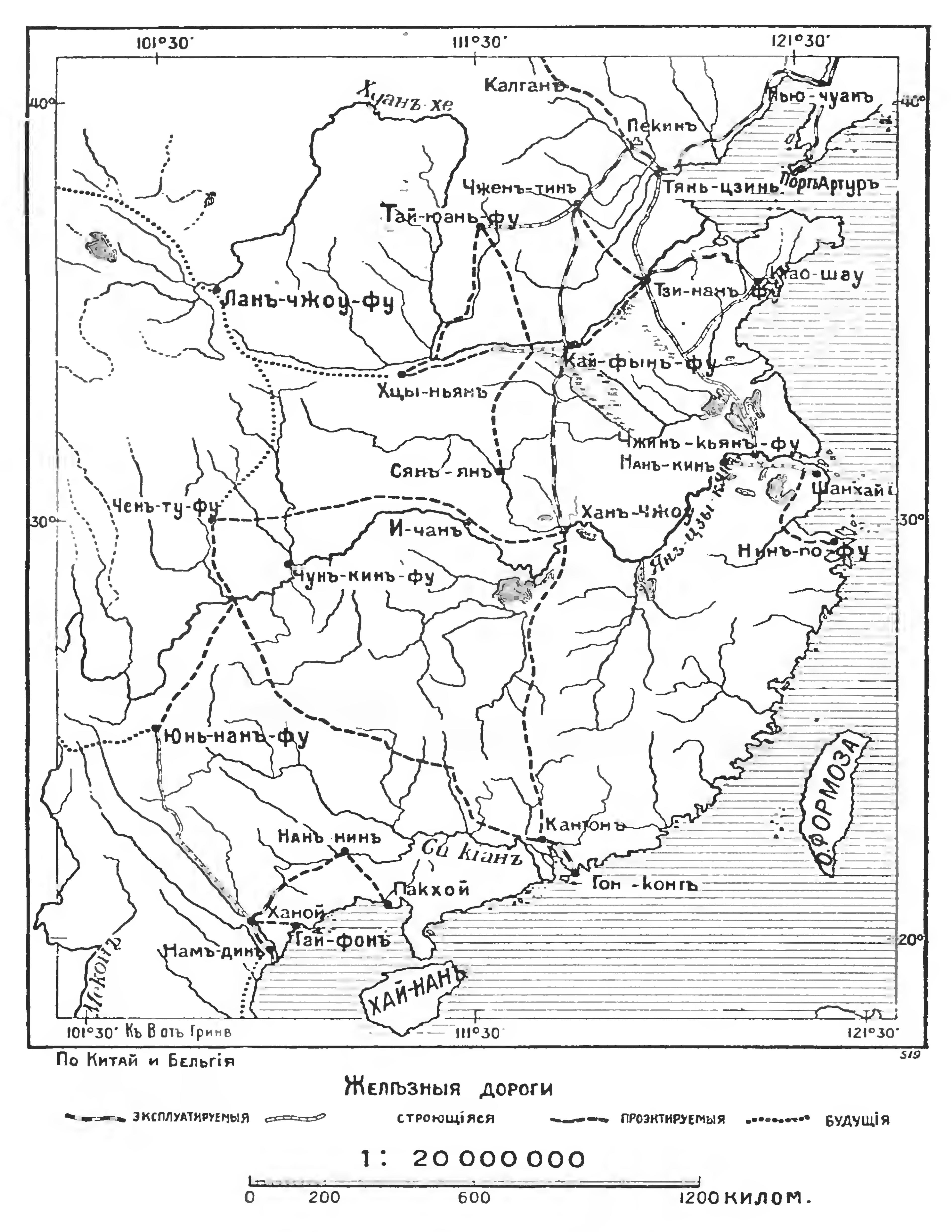
Обыкновенно повторяютъ, что японцы сумѣли замѣчательно удачно перенять у европейцевъ внѣшнія формы ихъ цивилизаціи, но что въ глубинѣ своей натуры японцы съ точки зрѣнія моральной ни въ чемъ не перемѣнились. Во всякомъ случаѣ, такія утвержденія не выдержи-

---

1) Félix Régamey. «Humanité Nouvelle», sept. 1900, p. 290.

ваютъ критики передъ лицомъ фактовъ, такъ какъ среди совершившихся

№ 519. Желѣзныя дороги Китая.



Навигація по Янъ-цзе-кіангу очень затруднительна между Ичаномъ и Чунъ-киномъ; этимъ объясняется необходимость желѣзнодорожной линіи, идущей параллельно теченію великой рѣки.

перемѣнъ въ духовномъ мірѣ японцевъ можно насчитать немало такихъ,

которыя доказываютъ существованіе воззрѣній, отличныхъ отъ старинныхъ идей, въ частности—иного общественнаго идеала. Нѣкоторые рѣзкіе перевороты, аналогичные по своимъ результатамъ, предполагаютъ предварительную эволюцію въ умахъ, которая совершалась какъ здѣсь, такъ и тамъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ имперіи «Восходящаго Солнца», тѣмъ же ходомъ. Такимъ образомъ, на уничтоженіе феодальнаго режима нельзя смотрѣть какъ на простое подражаніе. Столь важный политическій и соціальный переворотъ, мысль о которомъ зародилась, главнымъ образомъ, у тѣхъ, которые должны были лично наиболѣе сильно пострадать отъ него, не могъ бы совершиться, если бы онъ не отвѣчалъ движенію внутри націи. То же слѣдуетъ сказать объ уничтоженіи крѣпостного права, т.-е. о такомъ переворотѣ, результаты котораго почувствовали на себѣ непосредственно два милліона людей, и который кореннымъ образомъ измѣнилъ условія существованія всей массы пролетаріевъ.

Чрезвычайно замѣчательный историческій параллелизмъ сказывается въ томъ, что почти одновременно съ эмансипаціей рабовъ въ Японіи совершились аналогичные акты въ Россіи и сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, откуда въ 1853 году выступила экспедиція командира Перри съ цѣлью форсировать въ интересахъ всемірной торговли открытіе японскихъ портовъ. Почти полное совпаденіе во времени тождественныхъ соціальныхъ переворотовъ, освобожденія рабовъ въ Россіи, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Японіи, т.-е. въ странахъ, лежащихъ такъ далеко другъ отъ друга, столь различныхъ по своему прошлому и по складу ума своихъ жителей,—это явленіе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что одинъ и тотъ же импульсъ заставляетъ двигаться весь міръ въ одномъ и томъ же направленіи. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ сказать, что въ данномъ шагѣ соціальной эволюціи японцы прониклись духомъ справедливости, такъ какъ они дополнили освобожденіе крестьянъ надѣленіемъ ихъ землей и планомѣрной организаціей народнаго образованія, которое стало доступнымъ въ каждомъ селѣ, для каждой группы домовъ.

Конечно, значеніе такого рода соціальныхъ перемѣнъ нельзя умалять до того, чтобы ставить ихъ на одну доску съ заимствованіемъ новыхъ нравовъ или съ замѣной татуированія европейскимъ платьемъ. Если бы эволюція въ Японіи ограничилась только внѣшними формами, эти послѣднія, не имѣющія сами по себѣ большого значенія, можно было бы отнести на счетъ какого-нибудь коллективнаго припадка тщеславія, на счетъ эпидеміи моды, но притомъ модъ новыхъ, принятіе которыхъ не обходится, впрочемъ, безъ соотвѣтствующей работы мысли; къ нимъ присоединяется много новшествъ, которыя затрагиваютъ самыя интимныя стороны въ области чувства, мысли, даже

страсти. Чрезвычайно яркимъ примѣромъ, характеризующимъ обновленіе Японіи, является оставленіе обычая харакири или самоубійства въ вопросахъ чести, который знатные японцы практиковали съ такой суровой гордостью; у японцевъ хватило къ тому же здраваго смысла не замѣнить харакири дуэлью по французскому обычаю.

Тѣмъ не менѣе, пессимистически настроенные наблюдатели, удивленные и какъ-будто оскорбленные этой горячкой подражанія, которая охватила

Японская школа при старомъ режимѣ.

часть японскаго народа послѣ открытія портовъ для иностранной торговли, предсказывали намъ, что это рвеніе продолжится недолго, что въ одинъ прекрасный день всѣ эти люди, принадлежащіе къ айносамъ, малайской и полинезійской расамъ, отбросятъ съ отвращеніемъ всѣ нововведенія, позаимствованныя у другихъ расъ. Но это пророчество не оправдалось въ дѣйствительности; хотя, впрочемъ, поднялась и реакція, которая выразилась въ томъ, что японцы, повинуясь старинной національной нетерпимости, считаютъ для себя вопросомъ чести удаленіе отъ власти всѣхъ своихъ прежнихъ руководителей и воспитателей: они предпочи-

таютъ порвать помочи, на которыхъ ихъ хотѣли бы вести, и идти самостоятельно. Неужели въ этомъ нельзя видѣть вѣскаго доказательства въ пользу того, что они хорошо выучили свою роль, и что усвоенныя ими идеи представляютъ для нихъ нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ общія мѣста, схваченныя поверхностно? Японцы знаютъ и не сомнѣваются, что наблюденія ихъ ученыхъ, открытія ихъ натуралистовъ, постройки ихъ инженеровъ,—творенія высокой пробы, достойныя занять почетное мѣсто среди аналогичныхъ трудовъ западныхъ соперниковъ. На ряду съ этимъ, японцы одержимы той же слабостью, отъ которой не избавлена ни одна группа человѣчества, а именно: видѣть въ своей «національной» славѣ нѣчто исключительное по ея цѣнности; какъ и у насъ, у нихъ есть свои заносчивые jin-go, забавное отродіе хвастуновъ, названіе которыхъ вполнѣ заслуженно было перенесено черезъ океанъ и привилось въ нашихъ краяхъ, такъ какъ повсюду можно встрѣтить эту несносную категорію людей.

Существуютъ солидныя указанія на то, что политическія и соціальныя реформы въ Японіи представляютъ собою, дѣйствительно, реформы окончательныя, послѣ которыхъ возвратъ назадъ невозможенъ, а именно: эти перемѣны выдержали, такъ сказать, испытаніе огнемъ. Новаторскія стремленія наткнулись на страшную реакцію, и могли восторжествовать только, пройдя черезъ перипетіи внутреннихъ войнъ, революцій и контръ-революцій. Сопротивленіе daimio, или феодальныхъ сеніоровъ, и дворянъ, или samuraï, продолжалось въ теченіе полутора десятковъ лѣтъ; борьба развернулась въ широкую, грандіозную эпопею, и въ результатѣ ея были разбиты въ конецъ традиціонные устои средневѣкового общественнаго уклада. Это факты, къ которымъ не придется уже возвращаться. Пришлось увидать небывалыя въ Японіи вещи: браки между представителями разныхъ классовъ общества, школы, въ которыхъ бокъ-о-бокъ воспитывались дѣти дворянъ и рабочихъ и получали тамъ подготовку для рѣшенія тѣхъ же соціальныхъ проблемъ. Чувство чести японца стараго закала, символизируемое этикетомъ, цѣлымъ рядомъ регламентированныхъ правилъ, было бы этимъ настолько сильно задѣто, что онъ не задумался бы вскрыть себѣ животъ, чтобы не санкціонировать своимъ присутствіемъ подобнаго безобразія.

Въ области одного искусства европейскаго происхожденія, ужаснаго военнаго искусства, японцы показали себя блестящими учениками. Быстро научившись владѣть ружьемъ и саблей, заряжать и стрѣлять изъ пушекъ, маневрировать на сушѣ, снаряжать и управлять военными судами, они уже вполнѣ овладѣли наукой истребленія людей тогда, когда ихъ еще считали въ періодѣ обученія. Этотъ народъ, въ душѣ котораго

еще до нѣкоторой степени живутъ старинные инстинкты малайскихъ пиратовъ, дѣлаетъ, конечно, большую честь офицерамъ прусской арміи и другихъ, которые завѣдывали его военнымъ образованіемъ. Мирные

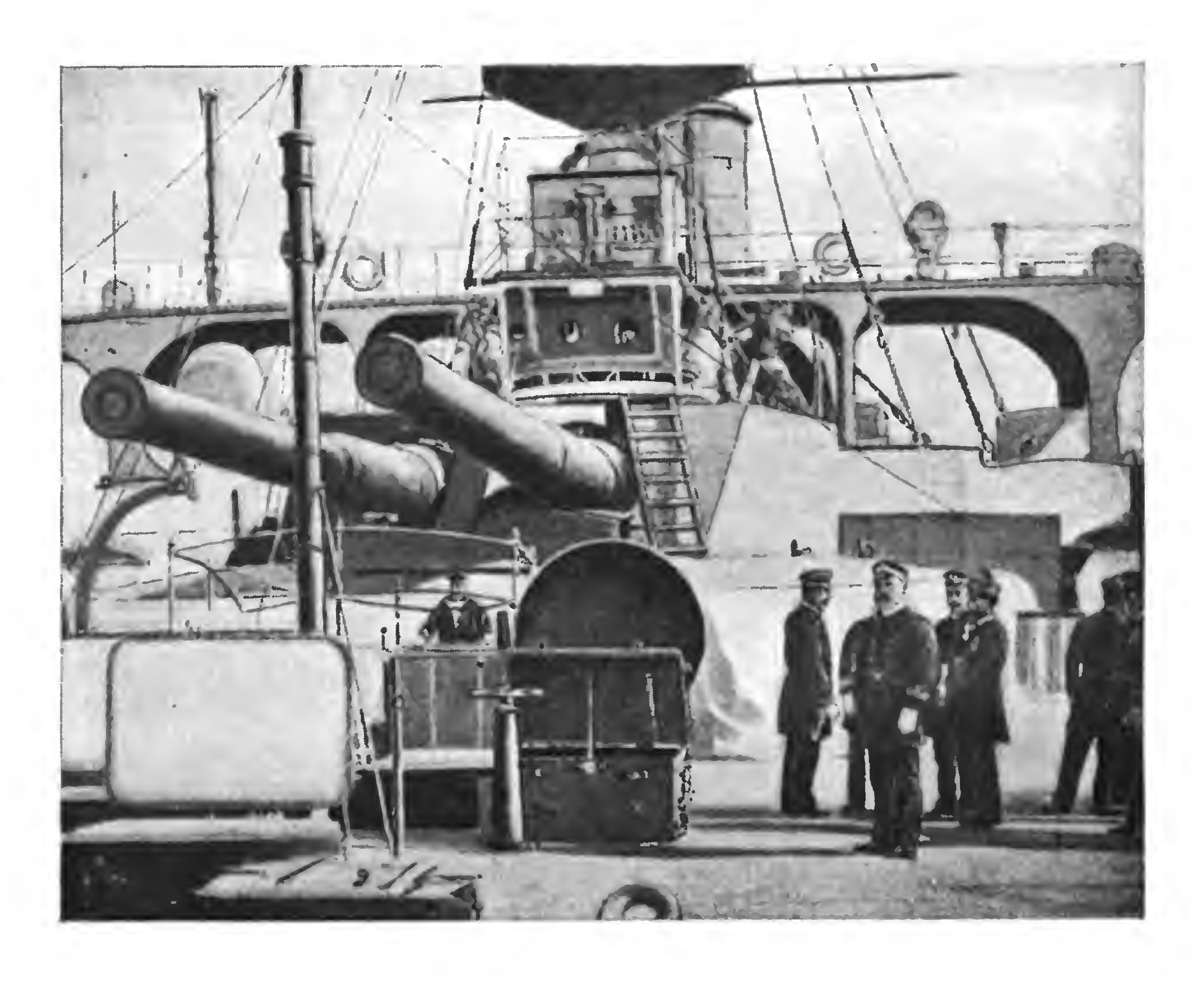
№ 520. Іокогама и ея окрестности

1: 2000000

0 10 50 100 килом

китайцы презираютъ островитянъ японцевъ какъ-разъ за ихъ военный духъ и называютъ ихъ «Ou-hang» или «скотами», обвиняя ихъ въ томъ, будто они хорошо знаютъ только двѣ вещи: рубить саблей и

«дѣлать бумъ», т.-е. стрѣлять изъ огнестрѣльнаго оружія [1]). Дѣйствительно, во время войны 1895 года они на собственной шкурѣ могли убѣдиться въ томъ, что не ошиблись въ оцѣнкѣ военныхъ талантовъ своихъ соперниковъ. По отзывамъ практиковъ военнаго дѣла и



Японскій военный корабль.

стратеговъ, японскіе офицеры оказались по точности и согласованности своихъ дѣйствій, по цѣлесообразно и остроумно задуманнымъ планамъ операцій, значительно выше тѣхъ, кому нѣкогда было поручено руководство великими арміями на Балканахъ и во Франціи.

Слѣдуетъ опасаться—вѣдь люди все еще подвержены безумію человѣконенавистничества, — что японскіе командиры частей и наводчики орудій еще будутъ имѣть случай показать на дѣлѣ

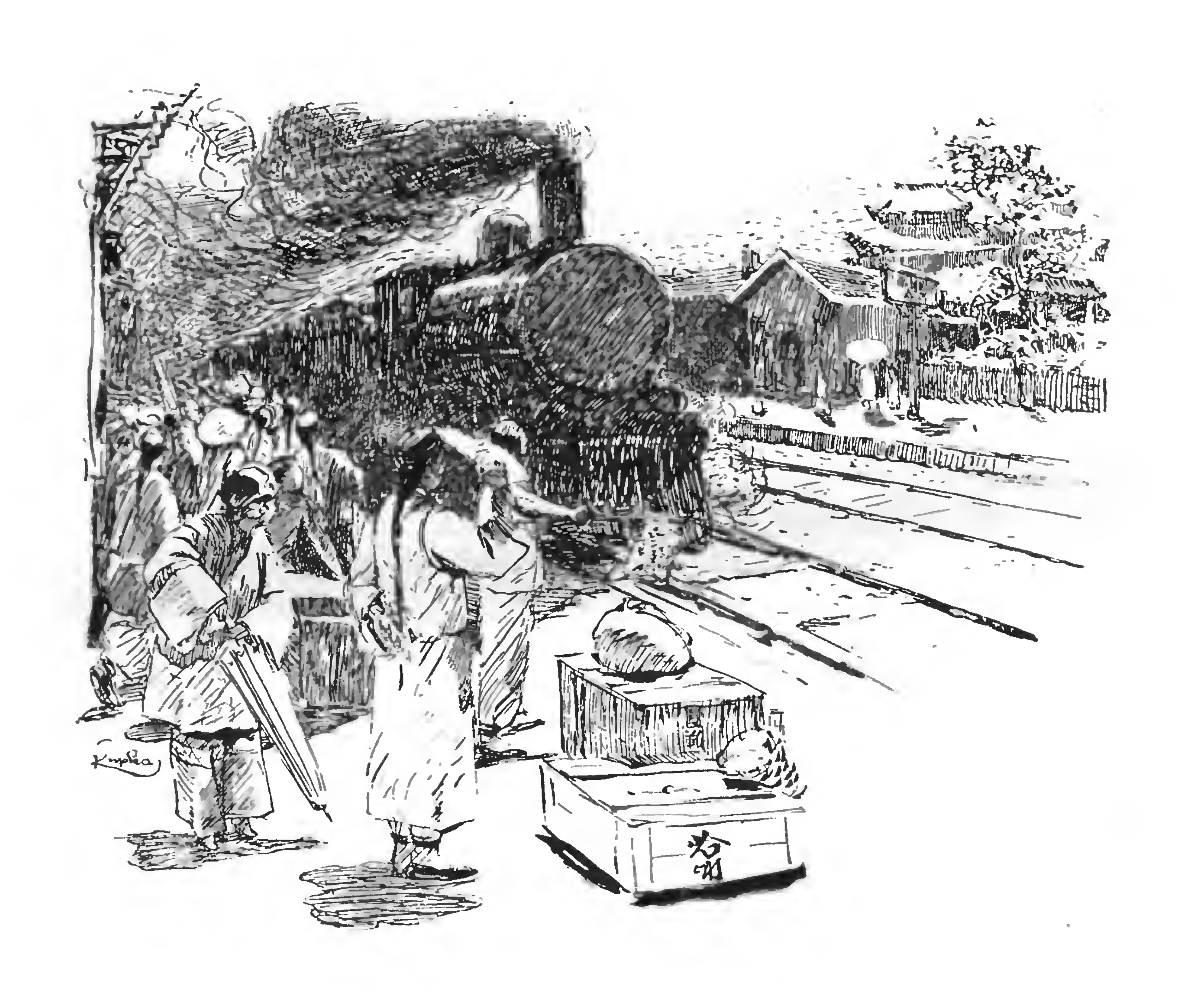
1) Villetard de Laguérie, «La Coreé», p. 16.

свое искусство; но надо полагать, что готовность Россіи принять бой на границѣ Дальняго Востока надолго отложена, вслѣдствіе обновленія, которое производится въ ея европейскихъ владѣніяхъ.

Въ Маньчжуріи лицомъ къ лицу остаются одни японцы и китайцы; что же касается Кореи, то едва ли ея жителей можно считать: не подлежитъ сомнѣнію, что они должны были бы принадлежать самимъ себѣ, что имъ не слѣдовало бы бояться угнетателей ни съ юга, ни съ сѣвера; но привыкшіе къ рабской покорности передъ чиновниками и правителями собственнаго государства, они не представляютъ уже собою «народа». Правда, Корея является въ географическомъ отношеніи единицей, ясно ограниченной, благодаря полуостровной формѣ ея территоріи, благодаря массивнымъ горнымъ цѣпямъ, отдѣляющимъ ее отъ Маньчжуріи. Было бы, слѣдовательно, вполнѣ естественно, чтобы Корея образовала самостоятельное государство, или чтобы она, по крайней мѣрѣ, вернула себѣ свое національное единство, которое она временно утратила, вслѣдствіе вторженія иностранныхъ войскъ. Съ другой стороны, Корея представляетъ такія специфическія особенности, которыя подвергали ее во всѣ времена большимъ политическимъ опасностямъ, а также способствовали паденію или ограниченію ея самостоятельности. Подобно Италіи, на которую походитъ по своей формѣ, размѣрамъ, климату, продуктамъ, по своимъ удобнымъ гаванямъ Тё-сёнь или «Страна утренняго мира», корейскій полуостровъ сильно вытянутъ въ длину сравнительно со своей шириною, горные кряжи этихъ восточныхъ «Апеннинковъ» раздѣляютъ его на обособленныя котловины, въ которыхъ нерѣдко окапывались враждующіе между собою князья; какъ и въ Италіи, богатыя долины центральной и южной Кореи привлекали пришельцевъ съ сѣвера,—кочевниковъ, которымъ ремесло воиновъ было болѣе привычно, нежели мирнымъ корейскимъ земледѣльцамъ. Наконецъ, Китай со своими необъятными владѣніями, своимъ избыткомъ населенія, своей древней цивилизаціей и превосходствомъ промышленности, долженъ былъ оказывать на Корею сильное вліяніе и могъ даже низвести ее до положенія вассальнаго государства. Во время тѣхъ историческихъ періодовъ, которые были благопріятны росту внѣшняго могущества Японіи, Корея очутилась подъ вліяніемъ двухъ силъ, дѣйствующихъ въ противоположныхъ направленіяхъ: обѣ большія державы, континентальная и островная, начали оспаривать другъ у друга право опеки надъ лежащей между ихъ владѣніями страною. Роль сюзерена болѣе часто выпадала на долю Китая.

Въ настоящее время, благодаря непрерывной иммиграціи въ Корею японцевъ, а также благодаря успѣхамъ ихъ оружія, Страна Восходящаго Солнца обезпечила за собою обладаніе Кореей; но въ погранич-

ныхъ областяхъ вопросъ осложняется, благодаря присутствію различныхъ этническихъ и соціальныхъ элементовъ, которые могутъ склонить успѣхи то въ пользу одного, то въ пользу другого изъ соперниковъ. Націи сознаютъ солидарность интересовъ Европы и Азіи, и малѣйшее событіе въ послѣдней вызываетъ откликъ во всемъ мірѣ.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ.

Названія племенъ и народностей отмѣчены **жирнымъ** шрифтомъ; цифры обозначаютъ страницы; *курсивомъ* набраны страницы, на которыхъ данное названіе находится на картѣ, помѣщенной въ текстѣ.

А

В

І

К

М

О

П

Т

Э

Ю

Я

Ѳ